

Fiatal Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája III.

3rd Conference for Young Slavists in Budapest



Eötvös Loránd Tudományegyetem
Bölcsészettudományi Kar
Szláv és Balti Filológiai Intézet

Eötvös Loránd University
Faculty of Humanities
Institute of Slavonic and Baltic Philology

Budapest, 2014

Fiatal Szlavisták Budapesti Nemzetközi Konferenciája III.

3rd Conference for Young Slavists in Budapest

Főszerkesztő/ Editor-in-chief:

Dr. Urkom Aleksander

A szerkesztő munkatársai/ Associate editors:

Kocsis Adrienn

Peťovská Flóra

Technikai szerkesztő/ Technical editor:

Kocsis Adrienn

Bírálok/ Reviewers:

Dr. Bajzek Mária

Dr. Kálec Simon Orsolya

Dr. Kiss Szemán Róbert

Dr. Kocsis Géza

Dr. Laczházi Aranka

Dr. Lebovics Viktória

Prof. Dr. Lukács István

Prof. Dr. Milosevits Péter

Dr. Niagolova Natalia

Dr. Fedoszov Oleg

Dr. Pátrovics Péter

Dr. Urkom Aleksander

Dr. Várnai Dorota

Prof. Dr. Vig István

Dr. Zsilák Mária

Felelős kiadó/ Publisher:

Prof. Dr. Lukács István

ISBN 978-963-284-499-2

TARTALOMJEGYZÉK/ CONTENTS

ГУЛЬМИРА БАЙЗАКОВА Духовное наследие тюркского мира в лингвокультурологическом преломлении	7
КАТАРИНА БЕГОВИЋ Етимолошки метод – значајан поступак у семантичким анализама	11
IRENA BRYCHNÁČOVÁ Výuka češtiny pro cizince doma i v zahraničí	15
HANNA KATARZYNA CHEDA Serbski konflikt z lat 90. XX wieku w komiksach <i>Pozdrowienia z Serbii Aleksandra Zografa i Knindže. Vitezovi Srpske Krajine</i> Milorada Daničića	17
JOVANA DAVIDOVIĆ Mit i tradicija u zbirci pripovedaka <i>Božji ljudi</i> Borisava Stankovića i pripovetkama <i>Napast i Smrt u Sinanovoj tekiji</i> Ive Andrića	20
ИВАНА ДАВИТКОВ Между индикатива и ренаратива в българския превод на сръбската художествена проза	25
ДЕСИСЛАВА ДИМИТРОВА НАБЛЮДЕНИЯ ВЪРХУ СПОМАГАТЕЛНИТЕ ФУНКЦИИ НА ГЛАГОЛА ИМА(М) В БЪЛГАРСКИЯ, ПОЛСКИЯ И РУСКИЯ ЕЗИК	30
NINA DITMAJER RAZVOJ SLOVENSKEGA BOTANIČNEGA IZRAZJA V 19. STOLETJU NA PRIMERU MURKOVEGA (1833) IN PLETERŠNIKOVEGA (1894/95) SLOVENSKO-NEMŠKEGA SLOVARJA	35
ELŐD DUDÁS Madžarski jezikovni vpliv na vojaško terminologijo prekmurskega knjižnega jezika	43
ANNA DUDEK Oznake dvojezičnosti kod pomurskih Hrvata na temelju morfološke analize mađarskih posuđenica u njihovom govoru	46
LIBUŠE DUFKOVÁ Способы выражения причинных отношений в русской газете «Metro Санкт-Петербург»	51
ALENA FARAGULOVÁ Stret kultúr v zahraničných korporáciách na Slovensku a ich percepcia z hľadiska cudzosti	57
NATALIJA FURMAN Просторско концептуализирање беседе веселје знотрај утелеšене изкушње кот неустрезне за реšевање дру̀бено-еколо̀ских впрашанј	61
MONIKA GAŁŁA Twórczość Ryszarda Bukowskiego w aspekcie historycznym	66
ВИОЛЕТА ГЕОРГИЕВА Въпросът за полипредложните конструкции в българските граматика	70

ЕВЕЛИНА ГРОЗДАНОВА ПРАВОПИСНАТА СИТУАЦИЯ В ХЪРВАТИЯ ПРЕЗ ПОСЛЕДНИТЕ ДЕСЕТ ГОДИНИ	74
ЛИЛИЯ ЕМИЛОВА ХАЗАН Откровеният гений на промяната. Авангардното (сюрреалистичното) в поетиката на Константин Павлов и връзка със словашките надреалисти	77
ANDREJ HENDELJA Naglasak u Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache Marijana Lanosovića	81
МОЈСА HORVAT Geolingvistična interpretacija slovenskih narečnih besedotvornih pojavov	84
MILOŠ IVANOVIĆ Slika srpske vlastele poznog srednjeg veka u narodnoj tradiciji	93
СИМОНА ЯНАКИЕВА Възможността „Човек“ в романа „Дилетант или градината с манекени“ на Чавдар Мутафов	97
MARTIN JANEČKA Proč (a kam) se ztrácejí reflexivní klitika <i>se/si</i> při procesu nominalizace?	101
VOJIN KALINIĆ Значај Народне читаонице у Задру за Србе и Хрвате у Далмацији од оснивања 1862. до 1880. године	105
МАР'ЯНА КЛИМЕЦЬ Особливості конструювання жіночих образів у фантастичних оповіданнях хорватських письменників-модерністів	109
ADRIENN KOCSIS Sposoby pojawiania się form władzy w utworze „Piaskowa Góra” Joanny Bator	113
АЛЕКСАНДРА КОЛАКОВИЋ Интересовање француских интелектуалаца за Јужне Словене у 19. веку	116
KATERYNA KONDRATENKO Концепт «ЕВРОПА» в балканской литературе путешествий (на материале хорватских путевых очерков конца XIX-сер. XX века)	121
DARIA KORZNIKOVA Ни о ком и ни о чём: отрицательные местоимения в Интернете	126
IVANA KOVAČEVIĆ PRIJATELJSTVO I VRLINA KAO ZAJEDNIČKE TEME SRPSKOG I EVROPSKOG PROSVJETITELJSTVA	130
ALEKSANDRA KOVÁCS Frazeološka sinonimija na primjeru hrvatskog jezika	133
ПЕТЪР КРИВЧЕВ Лексикално-семантични дублети в Стишния пролог от Търновската му редакция	138

КРИСТИНА КРЖИЖОВА К ВОПРОСУ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ	144
ЮЛИЯ КУВАНДЫКОВА Анализ лексемы церковнославянского языка «благоуспѣвати» в Книге Иова Елизаветинской редакции	147
МИЛОМИР МАКСИМОВИЋ Однос деспота Ђурђа Бранковића и Јаноша Хуњадија у српским епским песмама	150
СОНЯ МАНОЙЛОВИЧ ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЫХ НОСИТЕЛЕЙ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА ИЗ КОСОВО И МЕТОХИИ К ИЗУЧЕНИЮ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА	156
МАТЕЈА МАРИЋИЋ (PROTU) BIBLIJSKI INTERTEKST U KOZARČEVU ĐUKI BEGOVIĆU	161
Е. Р. МАСЛОВА Знаешь как это интересно! (О некоторых особенностях употребления формы знаешь в русской спонтанной речи)	166
MAREK MIKUŠIAK Jazyk, spisovná norma a kultivácia komunikácie na Slovensku	170
ZUZANA MIKUŠOVÁ Xenolingvistický obraz Slovenska	174
СВЕТЛАНА МИЛАНОВИЋ Разрада фразеолошких јединица с компонентом <i>око</i> у српском језику (из когнитивнолингвистичког угла)	180
РАДОСЛАВ СТЕФАНОВ МИНКОВ ГРАФИЧЕСКАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ	184
ДИМАНА МИТЕВА „Проституцията на книгата“ (Графични и визуални стратегии в хърватския роман на 80-те и 90-те години на ХХ в.)	188
АЛЕКСАНДАР МУДРИ Хунгаризми у ратарској и повртарској лексици код Русина у Војводини	191
НАТАЛИЯ ОВЧАРЕНКО Метафора в письмах Б. Пастернака к М. Цветаевой	195
DANA PALECSKOVÁ Teoretické a metodologické východiská sémantickej analýzy sloviess (Theoretical and methodological approach to the verb analysis)	198
MARKÉTA PAVLASOVÁ Родственные отношения в русских и в чешских фразеологизмах библейского происхождения с именами собственными	202

ГЕРГАНА АТАНАСОВА ПЕТКОВА ЗА ПОЛСКИТЕ МЪЖКИ ЛИЧНИ ИМЕНА С ЛАТИНСКИ КОРЕН В СЪСТАВА СИ, КАНОНИЗИРАНИ ОТ ПРАВОСЛАВНАТА ЦЪРКВА	207
FLÓRA PEŤOVSKÁ O cílech terminologických slovníků v druhé polovině 19. století	211
JURICA POLANČEC Dvije dvoprijelazne konstrukcije hrvatskih glagola <i>učiti</i> i <i>poučavati</i> (<i>podučavati</i>): sinkronija i dijakronija	214
KRZYSZTOF POPEK Początki kształtowania się pamięci historycznej o masakrze w Bataku wśród Bułgarów w drugiej połowie XIX wieku	218
ДАНИИЛ ПУЗАНОВ Особенности восприятия природных явлений древнерусскими книжниками XI – XIII вв.	222
КАРМЕЛА РАКИЋ О неким функцијама и значењима везника <i>па</i> на почетку реченице	226
GYÖRGY RÁGYANSZKI Erzsébet Báthory v literárnom a historickom kontexte	230
СВЕТЛА РУСКОВА-ДЖЕРМАНОВИЧ За отрицателните конотативни значения на някои устойчиви сравнения с компонент названия на домашни животни и птици в български, сръбски и хърватски език	233
АНА САМАРЦИЋ ЈЕЗИЧКЕ ОСОБИНЕ АДМИНИСТРАТИВНОГ СТИЛА – СУДСКОГ ПОДСТИЛА У ЖАНРУ СУДСКИХ ПРЕСУДА	238
ЈАКУБ СОКÓЉ Serbska prasa w lécie 1919 napřećo prócowanjam Serbow wo njewotwisnoć	243
AFRODITI SOLOMOU, AIKATERINI LYKOUDI, MARIA CHASAPAKI Folklore: Comparison of Greek and Russian folktales	247
ЖЕЉКО СТЕПАНОВИЋ Основе <i>*bьr-</i> , <i>*ber-</i> , <i>*bir-</i> и <i>*bor-</i> у стандардном српском и словеначком језику	253
МАРИЈА СТИЈЕПИЋ ПРОЗНО СТВАРЛАШТВО СЛОБОДАНА ТИШМЕ	257
БОРИС СТОЈКОВСКИ Срби и Мађари и Методијева Панонска архиепископија. Поводом 1150 годишњице мисије свете браће Ђирила и Методија	261
ANDRZEJ STRUŻYNA Degradacja tradycji. Wesele Smarzowskiego jako anty-wesele	265
TSVETELINA ŠUBOVA Conversation analysis and differences in men’s and women’s speech (on Czech and Bulgarian Language)	269

ПРЕДРАГ ТЕРЗИЋ

Романтичарско схватање словенске традиције у делима друге генерације српских деветнаестовековних либерала

274

АНА ТЕШИЋ

Називи романског порекла за атмосферске појаве у говорима Црне Горе – називи ветрова

278

ОХАНА УШАКОВА

Синтаксическаја карактеристика слов категорији состојанија в сопоставительном аспекте (на материале древнерусских летописей и старочешских хроник)

282

КЛЕДИ ВАСИЋ ТОВЕНА

Rasponi glotološkog udara na primerima prevoda tekstova Mire Gavrana

286

ЈЕЛИЦА ЖИВАНОВИЋ

АУТОПОЕТИЧКИ ИСКАЗИ У ПОЕЗИЈИ ЛУКИЈАНА МУШИЦКОГ

289

Гульмира Байзакова

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТЮРКСКОГО МИРА В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

The spiritual heritage of the Turkish world, its centuries-old and polyphonical subculture are a component of all world civilization. This cultural originality kept contrary to all historical peripetias and in the 21th century will define spiritual essence and a place of Turkish people in the integrated stream of world intellectual development. In the article the embodiment, reflection of this heritage, mentality of Turkish people in works of poet Olzhas Suleymenov are considered.

Key words: turkism, culture, mentality, lingvokulturology, language, history

Духовное наследие тюркского мира, его многовековая и полифоничная субкультура являются составной частью всей мировой цивилизации. И вполне очевидно, что эта культурная самобытность, сохраненная вопреки всем историческим перипетиям, и в XXI веке будет определять духовную сущность и место тюркоязычных народов в объединенном потоке мирового интеллектуального развития.

В работе исследуется языковая личность нашего современника Олжаса Сулейменова – поэта, общественного деятеля, публициста, ученого, постоянного представителя Казахстана в ЮНЕСКО, автора поэмы о первом полете человека в космос «Земля, поклонись человеку», книги «Азия». Он – представитель различных культур: русской и казахской. Обращение к творчеству казахстанского поэта О. Сулейменова обосновано тем, что он впитал в себя культуру и традиции русского и казахского народов; основная черта его поэзии – взгляд в прошлое, его осмысление и воссоздание; насыщенность творчества образами, характерными для мировоззрения кочевников.

Как известно, тюркизмы в русском языке – это слова, заимствованные из тюркских языков независимо от языка-посредника в русский, древнерусский и праславянский языки в разные исторические периоды. Через тюркские языки в русский язык (как и в западноевропейские языки) попали также и слова арабского и персидского происхождения, имеющие таким образом лингвистический статус тюркизмов (например, *хозяин* или заимствованные из западноевропейских языков *диван*, *киоск*, *халва*).

Основная масса заимствований приходится на период XVI—XVII веков. В восточнославянских языках тюркизмы восходят к контактам славян с тюркскими и другими племенами, а затем и к периоду монголо-татарского ига. Ряд восточнославянских тюркизмов носит древний характер и встречается в говорах русского, украинского и белорусского языков. Особенно многочисленны тюркизмы в южнорусском наречии (до 30% всего лексического фонда); в то же время тюркизмы практически не встречаются в севернорусском наречии. В языках народов Балкан тюркизмы явились следствием многовекового вхождения в состав Османской империи в рамках более широкой конвергенции (балканский языковой союз); в болгарском языке имеющиеся тюркизмы заимствованы из древнеболгарского языка.

В нахско-дагестанские языки тюркизмы привнесены в ходе многовековых языковых контактов (в последние века – ногайцами, кумыками, азербайджанцами). Тюркизм, как любое исконное или заимствованное слово, – понятие историческое, а потому все его лексико-семантические связи (в том числе и синонимические) определяются функционально-стилистическим статусом, характерным для хронологически определенного периода бытования в языке-рецепторе.

При заимствовании лексемы обычно имели одно значение, причем, как правило, связанное с основным значением этимона (*халат*, *итаны*, *шаровары* и т.д.). Оторванные от типологически привычной языковой среды, естественного окружения слов-сородичей, заимствования попадали в чуждое словесное окружение. По внутренним законам языка тюркизмы включаются на разных правах в синонимические ряды, которые по мере приближения к современности все более расширяются за счет заимствований из разных языков.

Проследживание судьбы тюркизмов в русском языке говорит о том, что они не просто влились как безучастные свидетели процесса заимствования, а вступили во взаимодействие с исконными словами, сами подвергаясь перестройке и вызывая обратную перестройку в семном соотношении лексем. Во взаимодействии тюркизмов с исконными словами отмечается два процесса:

- тюркизм представляет обозначение новой реалии, неизвестной русской действительности; в этом случае выделяются: а) наименование предмета воспринятого, которое пополнило фонд употребительной и потому необходимой лексики; б) наименование предмета, не нашедшего потребности, спроса со стороны русской действительности и потому не воспринятого и сохраняющего в обозначении налет иноязычного, экзотичного;
- тюркизм обозначает предмет, имеющий место в русской действительности, но различающийся какими-либо признаками по сравнению с исконной формой. Кроме этого, в русском языке

имеется большое количество *невидимых тюркизмов*, которые растворились и прочно вошли в основной словарный состав данного языка.

Таким образом, на фоне необратимых процессов глобализации и унификации культурных процессов, первозданная уникальность духовного облика тюркоязычного ареала естественным образом изменялась.

Культурологические исследования последних лет свидетельствуют о тенденции консолидации культур на их этносном уровне. Сходство или различие менталитета и культурного прошлого народов стали существенным аргументом в их отношениях. Это привело к провозглашению новых культурных лозунгов, ставящих во главу угла этническую, языковую и историческую близость народов.

Исследование лексики произведений писателей, поэтов в постсоветском пространстве представляет несомненный интерес для изучения влияний различных культур, языков на формирование языковой личности, находящейся на стыке двух миров. Использование в художественном творчестве тюркизмов обусловлено не только этнической принадлежностью языковой личности (названия-топонимы, например: *Мангышлак*, *Чингисские горы*, *Алатау*, названия обычаев – *Кыз куу*; ласковое обращение к близкому – *айналайын*); но и наличием в современном русском языке тюркизмов, заимствованных на протяжении многовековой истории народов, живущих по соседству.

В творчестве русскоязычного казахского поэта Олжаса Сулейменова это зависит не только от этнической принадлежности, но и тем, что он вобрал, впитал в себя русскую культуру. В его стихотворениях тюркизмами обозначаются реалии повседневной жизни казахского народа. Так, слово *аргамак* в разных источниках передается следующим образом: у В. Даля, м. рослая и дорогая азиатская лошадь (1, 21). Ср.-рус. *аргамакъ* дорогая азиатская лошадь (с 1483 г.) (Срезневский, 1, 27). См. Нордстет, 1780; Ушаков *аргамак* (тат.). См. Богородицкий, 1935 ; Булаховский, 1950; Дмитриев, 1958; Фасмер, 1.

Огиенко относит *аргамак* к татарско-монгольским заимствованиям. "Аргамак, — пишет Одинцов, — слово тюркское, заимствованное некогда от татар, у которых оно означает 'кровая лошадь'".

Первое употребление его в памятниках русской письменности относят к 1483 году... Тюркизм *аргамак* - бродячее слово и отмечено во многих языках: в тюркских, монгольских, некоторых угрофинских, индоевропейских... В 1883 году полковник В. А. Сухомлинов писал, что татарское *аргамак* образовалось из существительного *ёрга* 'иноходь' и глагольного окончания *-мак*, '*-ство, вать*', буквально *ёргамак* значит 'иноходствовать', то есть 'бежать иноходью'... Поскольку *аргамаки*, как правило, верховые лошади, обычно иноходцы, а татарское *юрга* действительно обозначает иноходь, то такое объяснение не лишено некоторого основания". Радлов *аргамак* (казан., чаг.) *аргамак*, кровная арабская лошадь туркменских заводов; *аргымак* (каз., кирг., тел") = *аргамак* среднеазиатская лошадь арабской крови ; *аргымак* ат (каз.); *аргума* (уйг., кит.) = *аргамак*; *аргімак* (тар., чаг.) = *аргымак*, *аргамак* II, м. "аргамаком и аргамачихой в шутку называют высокого и худощавого, неуклюжего человека". Ср. аргун.

Конь – единое целое с героем, друг, брат, помощник в мировоззрении казахов, без коня немислима сама жизнь степи. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки: «Конь узнается в скачках, человек — в делах», «Там, где находится лошадь, там не бывает нечистой силы», «Как жеребенок ни играет, от табуна далеко не убегает», «Жеребенок со временем будет лошадию», «Лошадь доброго человека не худеет, шуба его не изнашивается, достаток не уменьшается», «Цену хорошего человека узнают после его смерти; цену иноходца узнают, когда идут рысью», «Если лошадь по табуна скучает, задними копытами землю сбивает; если мужчина по обществу скучает, коня запрягает», «Сколько б конь ни скакал, в стойло свое приплетется; сколько б человек ни ездил на родину вернется». Горячее степное пламя в крови не только у *аргамака*, но и кочевника. Движение – естественное состояние казаха. Непрерывно мчаться по жизни, все схватывая налету – в этом кипящая натура джигита. За «коня вороного» он готов отдать все, поступиться нравственными и материальными ценностями.

*Эй, половецкий край,
Ты табунами славен,
Вот воронье бродят
В ливнях сухой травы.
Дай молодого коня,
Жилы во мне играют,
Я проскочу до края
Город и степь накрена.
Ветер раздует пламя в жаркой крови аргамака,
Травы
сгорят
под нами,
Пыль и копытный цок.*

*Твой аргамак узнает,
Что такое
атака,
Бросим робким тропам
Грохот копыт в лицо!..*

Айналайн – тюркизм, обращение к родному человеку, дословно «кружусь вокруг тебя». «Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы.

*Кочую по черно-белому свету.
Мне дом двухэтажный построить
советуют,
а я, как удастся какая оказия,
Мотаюсь по Африкам, Франциям, Азиям.
В Нью-Йорке с дастанами выступаю,
В Алеппе арабам глаза открываю,
Вернусь,
и в кармане опять -
ни копья;
Копье заведется –
опять на коня!
Последний ордынец –
к последнему морю!
На карту
проливы, саванны и горы!
а нас хоронили – ногами на запад
под желтым покровом монгольской степи
тумены ногаев, болгаров, казахов,
не зная, что
Азия
западней
Запада,
Запад – восточнее Китайского моря,
а нас хоронили – ногами на запад!..*

*Кружись, айналайн, Земля моя!
Как никто,
Я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю,
Я кочую, кружусь по дорогам твоим...*

У казахов шаманы при исцелении больного разводили костер и в пляске кружились вокруг, принимая все мучения на себя. Здесь лирический герой - кочевник, странствующий по свету, вокруг Земли, поэтому Земля – айналайн: и любовь, и боль, и планета. Он делает открытие: «Азия западней Запада». Мир – шар, все взаимосвязано и не может быть «последнего моря». Дороги нескончаемы, движение на Земле и Земли бесконечно.

Слово *арык* – тюркизм, который в разных источниках передается следующим образом - *арык*, м. оросительный канал, канава, арык. (Энци. сл. Березина, 1874); *арык* < тюрк., ср.узб. *ar'q* (Ушаков); у Фасмера, "Арык - позднее заимствование из языков Средней Азии" (Фасмер, 1, 99); Боровков, 1963, 58 арж река, канал. Радлов арык (каз., кирг.) арык, канал, вырытый для того, чтобы провести воду на пашни ; *airak* (тур.) маленькая канава для орошения полей; *арх* (аз.) арык ; арж (чаг.); ерж (тар.) арык ; арк (тур.) арык. (Сf. anc. Greek *Araxes* for M.Asian rivers) - *Берег с тропами и арыками, мирный мир после варварства ночи...*, Утро после шторма, 1963

Караван – тюркизм ; караван, м. группа вьючных животных, перевозящих грузы, людей (в пустыне, степи). Нордстет, 1780 караван, караванный. Перс. *kar(e)van* (Сл. Акад., 1956). См. также Даль; Ушаков. "В каз. яз. Керуен караван заимств. из перс. каруан (Перс-рус, сл.). " (Махмутов, 1963, 201). Огиенко считает, что в русский язык слово *караван* вошло из турецкого языка (1915, 35). Однако Фасмер предполагает, что *караван* заимствован в русский язык через франц. *caravane* из перс. *karvan* 'караван верблюдов', и вопреки Миклошичу заявляет: "Едва ли заимств. с Востока... в отличие от др.-рус. каровань". Ср. Радлов *караван* (тоб., перс.) 'караван'; *керьбан* (тзф.) = *карван* 'караван'; *карван* (тур., чаг.,

аз. из перс.) 'караван'; *кариоан* (крым.) = *карван* (там же). Ср. кирг. *кербеш*, узб. *карвон*. - *Караваны тянулись...*, Баллада, 1972

Аул – тюркизм, вид жилища в Средней Азии; аул, ж. 'деревня, селение, поселок; оседлое или кочевое сборище жилищ' (у татар, башкир, киргизов, многих кавказцев) (Даль). См. Энци. лекс, 1835; Ушаков *аул* (тюрк., ср. тат. агыл); Сл. Акад., 1950. См. также Дмитриев, 1958. Огиенко относит слово *аул* к тюркизмам 19 в. (Кавказ); Фасмер. Радлов *аул* (каз., казан., крым., ком., тоб., тара) = *агыл, аш, ал, авл* 1. (каз.) 'аул, юрты, находящиеся на одном месте'; 2. (казан., ком., крым.) 'деревня; агыл' (чул., аз.; тур.-вост. диал. *аш*, зап. диал. *аул*); ср. дальше *егш* (тар.), *аг* (*ко/ун агы*) (тур.); *агын* (крым.); *ыал* (як.) 'сосед', монг. *аш*. Это слово, несомненно, тюркского происхождения и корнем *аг* им подтверждается, что монг. *аш* является тюркским заимствованием: - *...развалины древнего аула...*, Баллада, 1972

Саманный – тюркизм; *саман*, м. 1. (кавк.) 'измельченная солома, сечка, резка взамен сена' (Даль); 2. 'кирпич-сырец, изготавливаемый из глины с примесью навоза и измельченной соломы'; *саманка*, ж., разг. 'изба, хата, построенная из самана'; *саманник*, м., обл. 'саманный кирпич, саман'; *саманный*, прилаг., саманный кирпич, сделанный из самана; *саманщик*, м. 'занимающийся изготовлением самана'. Опыт, 1852 *саман*; Ушаков, *саман, саманный*; от тюрк. *сатап* 'солома' (Сл. Акад., 1962). Дмитриев отмечает, что это слово "упоминается в словаре Махмуда Кашгарского.

Уйг., чаг., тур., тат., туркм., кирг. *саман* 'солома'. Русское население Поволжья и других районов считает это русским словом". См. также Фасмер. Радлов *саман* (уйг.; чаг., тар.; тур., крым.) 'солома'; *самал* (кирг.) = *саман* 'солома'; *саманлык* (крым.) 'куча соломы'. Аз. *саман* 'мякина, сечка (соломы)' (Аз.-рус сл., 1950). - *...саманные и кирпичные стены...*, Баллада, 1972

Акын – тюркизм, поэт.; *акын*, м. 'народный поэт-певец у казахов, киргизов и некоторых других народов (каз. из перс.)' (Ушаков). Радлов *акын* (каз. из перс. *ахун*) 'певец, победитель при состязании певцов'; то же у Фасмера. Ср. башк. *акын*, узб. *оюн*, кирг. *акын* из ир. (по диалектам встречается еще в форме *акун* и *ахун*) 'певец-импровизатор; поэт (общий термин)' (Юдахин). - *...акыны рубили по струнам...*, Баллада, 1972

Майдан – тюркизм; 'поле битвы'; *майдан*, ж., обл. 'базарная площадь, открытое место, где собирается народ'. устар. 'место, площадка для выгонки дегтя, производства поташа и др., лесная смолокурня' || (южн.) 'курган, древняя могила'; *майданный курган*; майданище род городища, особ. в лесу, и смолевой майдан *майданчик* (арго) 'содержатель тайного кабака или игорного дома'; *майданить*, гл. 'быть майданчиком, мошенничать, промышлять игрой' (Даль). Яновский, *майдан*; Сл. Акад., *майдан*; тюрк. *майдан* из ар. *maidan, mainan* от *mada* 'быть подвижимым' (Сл. Акад.). Заимств. из тюрк (Фасмер). "Перс. *майдан* 'площадь, арена', откуда тур., тат. и др. В Codex Sumanicus оно значит 'Ebene'. Локоч неправильно считает это слово арабским. Майдан 'нары', майданить широко распространены в тюркском арго, что отмечено еще Достоевским ("Записки из мертвого дома")" (Дмитриев). Радлов *магдан* (ком., каз., туркм., хив., узб.) = *мсида* 1. 'равнина, лужайка'; 2. 'площадь для борьбы'; *магдан* (тур., крым., туркм., хив.) = *магдан* 1. 'равнина, площадь'; 2. 'публичность'. Ср. аз. *мейдан* 'площадь, арена, поле сражения'. Таким образом, Дмитриев согласен с Радловым, считавшим *майдан* заимствованием из тюрк. языков, в которые оно вошло из перс. а не из ар. языка. - *Молчала толпа на майдане...*, Баллада, 1972

Таким образом, на примере только одного русскоязычного казахского поэта мы наблюдаем, что в русском языке большое количество тюркизмов, которые входили в него на протяжении многих веков. Кроме того, наши наблюдения над идиостилем Олжаса Сулейменова показывают, что тюркизмы им регулярно используются. В этом его индивидуальность, показ этнической принадлежности и исторического наследия двух народов.

Языковая личность О. Сулейменова вбирает в себя черты ментальности, характерные как для казахского, так и для русского народов, потому что его творчество, его ментальность основывались на традициях различных культур, вбирая в себя самое лучшее. Жизненным кредо поэта является фраза: «*Возвысить степь, не унижая горы!*».

Список использованной литературы

- Баскаков, Н. А. Тюркизмы в восточно-славянских языках. — М., 1974.
Из истории слова *личность* в русском языке до середины XIX в. „Доклады и сообщения филологического фак-та МГУ“, вып. 1, 1946, стр. 10—12.
Древнетюркский словарь / Авторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак, Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин, И.В. Кормушин, Н.И. Летягина, Л.Ю. Тугушева. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. — 686 с. (Словарь содержит около 20 000 древнетюркских слов и устойчивых выражений).
Лихачев Д.С. О национальном характере русских. // Вопросы философии. 1990. — № 4.
Сулейменов О.О. Аргамачи. Стихи. — Семей, 2001 — 176 с.
Сулейменов О.О. Трансформация огня. — Алматы, 1983. — 238 с.
Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. - Алма-Ата, "Наука" КазССР, 1976. — 350 с.

Катарина Беговић

Филолошки факултет Универзитета у Београду
Београд, Република Србија

ЕТИМОЛОШКИ МЕТОД – ЗНАЧАЈАН ПОСТУПАК У СЕМАНТИЧКИМ АНАЛИЗАМА

The work analyses the importance of etymological method in linguistics as well as some fields of social science in general. The paper emphasizes etymological method as the key method in semantic reconstructions, and further more, reconstruction of culture and organization of ancient Slavs and Indo-Europeans. Selected works in the field of etymology are presented. The main goal is to introduce young researchers to the method itself and point out its applicability.

Key words: etymology, linguistics, semantics, reconstruction, culture

0. Циљ рада је да укаже на значај етимолошког метода и на његову примену у очекиваним лингвистичким, али и савременим семантичким токовима. Излагање је дводелне концепције: први део подразумева мали теоријски осврт на историјат и значај етимологије као научне дисциплине, а у другом делу излажу се радови лингвиста који се служе етимолошким методолошким апаратом. Идеја је да се прегледом изабраних радова истакне применљивост овог метода. Осим тога, шири циљ је и да се укаже на свеобухватну анализу грађе коју би савремена семантичка истраживања добила коришћењем етимолошке методологије (тамо где је то упутно у зависности од врсте и природе грађе која се анализира).

1.1. Са развојем савремених лингвистичких праваца XX века, плодна филолошка школа XIX века, која је укључивала како индоевропске тако и компаративне студије појединих група језика, постаје део историјског лингвистичког наслеђа. На тај начин, упоредне студије сродних група језика свде се на етимолошку школу (која, условно речено, преузима наслеђе филологије XIX века). XX век обилује значајним именима светске етимологије попут Бенвениста, Малкила, Семерињија, Трубочева и других. Међутим, без обзира на плодност етимолошке школе претходног века, етимологија остаје у сенци лингвистичких испитивања. У време раста антропоцентричне парадигме у науци (о промени научне парадигме в. Зиновјева–Јурков 2006), окретања човеку и његовој природи у друштвеним наукама, у средиште интересовања долазе психологија, психоллингвистика, когнитивизам. Центар пажње постају психоллингвистика и неуро- лингвистика, истраживања менталног лексикона, когнитивни механизми чија се природа осликава у језику (исп. Озгуд–Снајдер 1969, Озгуд 1975, Лајонс 1977, Лејкоф–Џонсон 1980, Ејчисон 1987 и др). Ипак, антропоцентричка парадигма XX века није заобишла ни етимологију. Наиме, како је задатак етимологије реконструкција форме, али и значења речи (*Цель Э. в совр. науке понимается как определение того, в каком языке, на каком историческом этапе, на базе какой первичной мотивации и соответственно от какого слова, по какой словообразовательной модели и с каким первичным значением образовано слово, а также выяснение путей и причин преобразования его первичных форм и значения вплоть до последнего состояния* (Варбот 1997: 644), савремена етимолошка истраживања баве се реконструкцијом лексичког фонда одговарајућих древних народа. На тај начин, етимолошки метод користи се као један од значајних поступака у одговарајућим анализама транспозиције значења. Оваквим семантичким реконструкцијама долази се до претпостављеног лексичког фонда разних народа; за словенско говорно подручје ово подразумева нарочито важно питање прасловенског, али и даље, праиндоевропског лексичког фонда. Како се истим путем реконструише и наивна слика света (уп. Драгићевић 2010, Зиновјева–Јурков 2006, Беговић 2012) одговарајуће заједнице народа, етимолошки метод нашао је велику примену у етнолингвистици, али и у другим хуманистичким наукама које подразумевају интердисциплинарни приступ (фолклористика, културологија).

1.2. Треба истаћи и то да је етимолошка школа опскрбљена богатом методологијом (посебно се скреће пажња на руски годишњи зборник *Этимология* у чијим се радовима износе методолошки постулати ове дисциплине). Нас превасходно занима методологија реконструкције семантичког аспекта одговарајуће лексеме (како су методе формалне реконструкције примењивали још младограматичари): *Но и в анализе семантического аспекта слова Э. имеет нек-рый набор методов, исходящих из принципа аналогии: метод семантических параллелей, метод семантического поля (и производные от него принципы номинации), метод сопоставления с семантическим содержанием этимологического гнезда* (Варбот 1997: 645).

1.3. Овим радом представљена су само нека од кључних истраживања етимолога који успешно примењују метод у анализама семантичких, али и шире, културолошких, митолошких, друштвено-политичких и историјских реконструкција. Указује се и на рад из когнитивне лингвистике који користи етимолошки метод. Поред тога, представљен је и ауторски рад који укршта методологију етимолошке школе са савременим методама лексичке семантике.

1.4. Колико је етимологија у савременим лингвистичким токовима запостављена, излишно је говорити. А да постоји и други, не искључиво синхронијски приступ истраживању лексичке семантике, и то приступ етимолога и општег лингвисте, што представља својеврсни изузетак у науци о језику, међу првима показао је Емил Бенвенист. У својој књизи *Проблеми опште лингвистике* он се посебно осврће на семантичке проблеме реконструкције и управо такав наслов носи прво поглавље шестог дела његове књиге (Бенвенист 1975: 217–236). Посебну пажњу истраживача завређују сложени однос језика и културе и проблеми реконструкције лексичког значења, и одговор за то лежи управо у – етимологији. И овакав став није изузетак у науци. Припадници Прашког кружока имају одговор и на Де Сосирово посматрање дијахроније у односу на систем: према њима, дијахронијско истраживање *не само да не искључује појмове система и функције, већ напротив, није потпуно ако ове појмове не узима у обзир* (Мукаржовски 1986:156). Према томе, шири циљ рада јесте да укаже на неопходност дијахроне перспективе у лингвистици, јер се синхрони пресек једног језичког стања не може у потпуности разумети без првобитне мотивације и облика језичког знака у целини (*langue* и *parole*).

1.5. У наставку се даје преглед изабраних радова. Кључ је да се укаже на важност и применљивост етимолошког метода, али и на чињеницу да интегрални приступ истраживању може бити плодотворан. Овим радом желимо да укажемо и на свеобухватност евентуалног панхроничног приступа, који би језички материјал сагледавао са обеју равни – синхроне и дијахроне, у оним методолошким оквирима које поставља врста и природа језичке грађе.

Радови

2. Критеријум за одабир радова била је разноврсност примене етимолошког метода у лингвистичкој науци. Многи капитални радови из области етимологије нису навођени управо зато што рад није замишљен као библиографија етимолошких радова већ као показатељ различитих језичких контекста у којима се овај метод може применити. Приказују се укупно четири рада: први је у вези са применом етимолошког метода као начина реконструкције друштвеног уређења Праиндоевропљана у најширем смислу (исп. Бенвенист 2002); други рад је из области етимологије и указује на различите нивое лексичког материјала који се овим методом може анализирати; трећи је у вези са применом етимолошког метода у концептуализацији емоција у савременој семантици; четврти представља ауторско истраживање примарне семантичке мотивације прасловенског корена **jar-* у којем се етимолошки метод укршта са методима лексикологије и, шире узев, савремене семантике.

2.1. Емил Бенвенист, *Речник индоевропских установа*, Београд 2002.

Капитално дело француског етимолога и општег лингвисте настало је као покушај да се реконструишу индоевропске установе у појединим језицима након распада праиндоевропске језичке заједнице. *Термин „установа” овде треба разумети у ширем смислу: не само класичне правне, државне и верске установе, него и оне, мање очите, које се пројављују у разним струкама, начинима живота, друштвеним односима, језичкој пракси и процесима мишљења. То је заправо неограничена материја, јер је циљ нашег проучавања управо да се расветли постанак речника који се на те установе односи.* (Бенвенист 2002: 6). Циљ студије је да се покаже семантички развитак од слабо диференцираних и спецификованих значења до крајње специјализованих значења која се односе на установе у ширем смислу. Тиме се добија увид у јасан преображај не само установа него и концепције света одговарајућег народа. Бенвенист у предговору даје примере семантичких померања лексема које говоре о друштвеном уређењу у најширем смислу. Идеја је да се покаже како слабо диференцирани појмови с временом доживљавају коренит преображај и добијају специјализована значења кроз која се увиђају појаве *нових делатности и схватања* (Бенвенист 2002: 8). На пример, латински глагол *carpo* везује се за старовисоконемачку именицу *herbist* и коначно, именицу *Herbst* (јесен) у немачком језику. Облик *herbist* даље се своди на предгерманско *carpisto*, са паралелама и у старогрчком језику (именица *карпός* означава плод, летину, производ бербе или жетве), а означава време најпогодније за бербу (исто енгл. *harvest*). Аутор оваквим поступком реконструише језички знак кроз који се проказује начин уређења одговарајућег етноса (Грка, Римљана, Индо-Иранаца итд). Осим тога, реконструишу се и елементи уређења праиндоевропске језичке заједнице. Реконструисани су кључни елементи привреде, сродства, друштва у првом и власти, права и религије у другом делу књиге.

2.2. Александар Лома: „Даље од речи: реконструкција прајезичких лексемских спојева као перспектива словенске и индоевропске етимологије”, *Јужнословенски филолог*, LI, Београд 1995, 31–58.

Водећи представник српске етимолошке школе представља два огледа с циљем да се укаже на значај прајезичких лексемских спојева у етимологизирању сложеница. Осим тога, упућује се и на значај семантичких померања просте речи за прасловенску реконструкцију.

Први оглед представља анализу дачког и словенског дијалекта : *дивизна/дивизма* 'Verbascum'. Указује се на то како сложенице настају од некадашњих лексемских спојева односно сажимањем синтагматских веза. Поред тога, истиче се важност песничких формула за овакве анализе. Наиме, А. Лома упућује на индоевропски лексемски спој Неба и Земље посведочен у Ригведи у одговарајућем копулативном сложеничком облику. Етимолошким методом закључује се да копулативној сложеници у Ригведи

одговарају фитоними *диџеџа* и *дивизма*, и то дач. **die-zeta* и сл. **d̥vi-z̥ta* према лексемском споју *Небо и Земља*. Даље се појашњава семантички пренос од теонима према фитониму грађом из словенског фолклора. Ради се о томе да се сложеним теонимом означавала свадба Неба и Земље, а како је биљка цветала баш у доба године (циклуса) када се обред славио, метонимијским преносом теоним помера значење према одговарајућем фитониму.

Други део рада посвећен је семантичким померањима просте речи. Важност другог огледа лежи у анализи тешко објашњивог семантичког помака. Тако се лексеме *здрав*, *дрен*, *древан* и други словенски еквиваленти доводе у првобитну везу са ие. кореном **dereu-*, који се у прасловенском лексичком фонду налази посведочен у именици **dervo* (*дрво*).

2.3. Габор Ђери, *Cultural variations in the conceptualisation of emotions: A historical study*, in: Angeliki Athanasiadou and Elbieta Tabakowska, eds., *Speaking of emotions, Conceptualisation and Expression*, Berlin – New York, Mouton de Gruyter 1998, 99–125.

Мађарски лингвиста у свом раду анализира називе за *тугу* у различитим језицима етимолошким методом. Представља се концептуална анализа *туге* из дијахроне перспективе. Грађи се приступа на занимљив начин: наводе се етимолошки подаци за *тугу* у различитим језицима, а тврди се да се примарна семантичка мотивација за образовање лексеме чува у тзв. *замрзнутој концептуализацији*. На тај начин језички знак претпостављеног првобитног корена даје нам увид у семантичка померања одговарајуће лексеме. Циљ методолошког приступа је да се дијахроном анализом потврде подаци добијени уобичајеном концептуалном анализом из синхроничке перспективе.

Аутор анализира појединачне лексеме, а овде се наводи неколико примера за илустративне потребе чланка. Тако се енглеска именица *sorrow* изводи из праиндоевропског корена **svrgh-* са значењем *бринути се*; *бити болестан*. На тај начин се у етимологији лексеме препознаје метафора ТУГА ЈЕ БРИГА. Именица *grave*, *grief* у енглеском и именица *грусть* у руском језику означавају жалост, тугу. Везују се за праиндоевропски корен **g^here-*, чије је првобитно значење *тежак*. Тако се у пореклу ових лексема чува метафора ТУГА ЈЕ ТЕРЕТ. Немачки придев *traurig* (*тужан*) и именица *Traurigkeit* (*туга*) пореклом су од праиндоевропског корена **dhreu-* са значењем *пасту*. Ова етимолошка веза потврђује оријентациону метафору ТУГА ЈЕ ДОЛЕ.

(За више информација в. Ђери 1998, али и Драгићевић 2007 за општи поглед на Ђеријеву методологију (Драгићевић 2007: 99-100). Ваља нагласити да се овде не улази у интерпретацију појединачних семантичких померања, циљ је да се упуту на могуће приступе семантичкој анализи.

2.4. Катарина Беговић, „Мали увид у дијахрону семантику – корен **jarъ-* (*јар*, *јара*, *јарост*): значењске транспозиције кроз време”, рад излаган на научном скупу *Савремена проучавања језика и књижевности* (V научни скуп младих филолога Србије) у Крагујевцу, 30. марта 2013. године.

Истраживачки рад бави се проблемом прасловенског корена **jarъ-* у српском, али и другим словенским језицима. Разматра се порекло именице *јара* и етимолошким методом расветљава се првобитно значење лексеме и указује на опште коренско значење. Даље, савременим семантичким механизмима изводе се секундарна значења на временској равни, заједно са културолошким и митолошким потврдама.

Наводи се мотивација примарног коренског значења у вези са култом Сунца, почетком годишњег циклуса који се означава пролећем. Даје се метонимијски развој значења *почетак циклуса/циклус* → *годишње доба* → *временске одлике годишњег доба*. Износи се одговарајуће потврде у индоевропској језичкој заједници (грч. *ἄρα* - време, сат, *ἄρος* – година; гот. *jēr* – година; ствнем. *jar* – година; ав. *yār* – година; нем. *Jahr* – година). Крајње етимолошко разрешење у вези је са коренским вокалом. Испоставља се да је коренски вокал **i* у **iōro-* / **iēro-* заправо повезан са првом фонемом глагола *ићи* (*идти*): **i<ei*. На тај начин осветљава се примарна мотивација корена везана за Сунчев ход (којим се означавао почетак соларног циклуса, а са преласком на другачији начин рачунања времена и пролеће).

Шири циљ рада је да укаже не само на помирљивост већ и на неопходност удруживања метода савремене лексикологије и етимологије у дијахроној семантици.

3. Закључне напомене: Идеја је да се овим етимолошким прегледом укаже на неправедну запостављеност и 'непопуларност' научне дисциплине у лингвистици. Поред тога, приказују се одабрани радови који се служе методолошким апаратом савремене етимологије. Циљ рада је да упуту на важност метода у дијахроној семантици, али и на његову важност у савременим семантичким изучавањима.

Укрштање синхроних и дијахроних метода анализе није увек пожељно, али када је лексичка семантика у питању, те границе нису ни изблиза толико строге колико то можда изгледа. У синхроним дисциплинама које подразумевају лексиколошка истраживања у било ком облику, често савремени, махом когнитивистички методи, не дају свеобухватне и дубоке резултате. Толико се далеко отишло у савременим истраживањима, толико су се она разгранала да се заборавило на интегралност у семантичком приступу, која би савременој лексикологији и етимологији заједно омогућила да дођу до поузданих закључака. Шири циљ овог малог осврта на значај етимологије јесте да осветли перспективу која би ујединила приступе и донела плодноне резултате.

Литература

- Беговић Катарина (2012), „Значај метафоре за лингвокултуролошка истраживања”, *Свет речи*. 33/34, 43–54.
- Беговић Катарина (2013), „Мали увид у дијахрону семантику – корен **jarъ-* (*jar*, *јара*, *јарост*): значењске транспозиције кроз време”. Рад излаган на научном скупу *Савремена проучавања језика и књижевности* (V научни скуп младих филолога Србије) у Крагујевцу, 30. марта 2013. године.
- Бенвенист Емил (1975), *Проблеми опште лингвистике*. Београд, Нолит.
- Бенвенист Емил (2002), *Речник индоевропских установа*. Сремски Карловци/ Нови Сад, Издавачка књижарница Зорана Стојановића.
- Бугарски Ранко (2005), *Култура и језик*. Београд, Библиотека XX век.
- Варбот Жана Ж. (1997), „Этимологија // Русский язык”. *Энциклопедия*. – 2-е изд., перераб. и доп. — *Большая Российская энциклопедия*. 643–647.
- Влајић-Поповић Јасна (2002), *Историјска семантика глагола ударања у српском језику* (Преко етимологије до модела семасиолошког речника). Београд, Институт за српски језик САНУ.
- Гортан-Премк Даринка (2004), *Полисемија и организација лексичког система у српском језику*. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- Грковић-Мејдор Јасмина (2007), *Списи из историјске лингвистике*. Сремски Карловци/ Нови Сад, Издавачка књижарница Зорана Стојановића.
- Грковић-Мејдор Јасмина (2008), „О когнитивним основама семантичке промене”. У: *Семантичка проучавања српског језика*. Београд, Српска академија наука и уметности.
- Де Сосир Фердинанд (1996), *Курс опште лингвистике*. Сремски Карловци/ Нови Сад, Издавачка књижарница Зорана Стојановића.
- Драгићевић Рајна (2003), „Механизми настајања секундарних значења лексема”. *Српски језик*. VIII/1–2, 221–231.
- Драгићевић Рајна (2007), *Лексикологија српског језика*. Београд, Завод за уџбенике.
- Ежегодник *Этимологија* (1967, 1984). Москва, Российская академия наук.
- Зиновјева Елена И., Јурков Евгений Е. (2006), *Лингвокултурологија*. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет.
- Иванов Вячеслав В., Топоров Владимир Н. (1965), *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период)*. Москва, Наука.
- Калер Џонатан (1980), *Сосир: оснивач модерне лингвистике*. Београд, Библиотека XX век.
- Лома Александар (1995), „Даље од речи: реконструкција прајезичких лексемских спојева као перспектива словенске и индоевропске етимологије”. *Јужнословенски филолог*. LI, 31–58.
- Пипер Предраг (2000), *Методологија лингвистичких истраживања, Преглед и хрестоматија*. Београд, издавач није познат.
- Пипер Предраг, Раденковић Љубинко (2008), *Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика, у част академика Светлане Толстој, ур. Предраг Пипер и Љубинко Раденковић*. Београд, Српска академија наука и уметности.
- Станишић Вања (2006), *Увод у индоевропску филологију*. Београд, Чигоја штампа.
- Толстая Светлана Михайловна (2008), *Пространство слова (лексическая семантика в общеславянской перспективе)*. Москва, Индрик.
- Толстој Никита Ильич (1995), *Језик словенске културе*. Ниш, Просвета.

Литература (абecedни распоред)

- Györi Gabor (1998), Cultural variations in the conceptualisation of emotions: A historical study. In: Angeliki Athanasiadou and Elbieta Tabakowska, eds., *Speaking of emotions, Conceptualisation and Expression*. Berlin – New York, Mouton de Gruyter.
- Lakoff George, Johnson Mark (1980), *Metaphors we live by*. Chicago, The University of Chicago Press.
- Lyons John (1977), *Semantics*, 1–2. Cambridge, Cambridge University Press.
- Mukaržovski Jan, Jakobson Roman (1986), *Struktura pesničkog jezika. Teze praškog lingvističkog kružoka*. Београд, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva.

Irena Brychnáčová

Eötvös Loránd University
Budapest, Hungary

VÝUKA ČEŠTINY PRO CIZINCE DOMA I V ZAHRANIČÍ

The aim of my contribution to this conference is to provide information to students and guests about the current state of teaching Czech for foreigners/ Czech as a second language in the Czech Republic and abroad (according to Common European Framework of Reference). My piece is focused on academic workplaces of the biggest Czech and Moravian universities, such as Charles University in Prague, University of South Bohemia in České Budějovice, Technical University of Liberec, Masaryk University in Brno and Palacký University in Olomouc. Not only important Czech institutions for Czech as a second language are listed but also the departments of European and non-European universities. And, one of them, one with the long-term history, is Institute of Slavic and Baltic Studies at Eötvös Loránd University in Budapest, Hungary.

Key words: Czech language, Czech for foreigners, Czech as a second language, Czech universities, Czech studies, Czech text books, Common European Framework of Reference

Čeština pro cizince je obor, který za poslední léta prošel dynamickým vývojem. Na jedné straně stále zůstává předmětem lingvistiky a jejích studentů-slavistů, na druhé straně se stále výrazněji projevuje potřeba jeho využití v běžném životě – ve školách (od základních po ja-zykové a také na univerzitách), v uprchlických zařízeních (např. azylové domy Ministerstva vnitra ČR), na úřadech, ve firmách i rodinách, na zahraničních univerzitních lektorátech, v Českých centrech, v klíčovách institucích Evropské unie. Po vstupu České republiky do Evropské unie a do Schengenského prostoru došlo a stále dochází k nárůstu kontaktů se zahraničím a úměrně tomu vzrůstá i zájem o studium češtiny jako cizího jazyka – a to jak v tuzemsku, tak v zahraničí.

Výuka češtiny pro cizince má v České republice i v zahraničí dlouholetou tradici. Po roce 1989 ve světě prudce vzrostl zájem o český jazyk a od té doby se drží na poměrně vysoké úrovni. Pokud porovnáme zlomový rok 1989 se současným stavem, musíme konstatovat, že struktura i zájemci o studium, stejně jako důvody ke zvládnutí našeho národního jazyka, se značně liší. Těmto trendům se začala přizpůsobovat i nabídka studijních programů kurzů i učebních materiálů. Za poměrně krátkou dobu tak vzrostl jak počet učebnic tak počet krátkodobých i dlouhodobých kurzů češtiny jako cizího jazyka, které můžeme počítat na stovky. Čeština je ve světě vyučována na řadě míst – ve dvaceti zemích na asi čtyřiceti lektorátech (odkazují na Dům zahraniční spolupráce v České republice), které spravuje Ministerstvo školství, mládeže a tělovýchovy České republiky. Jenom v Praze existuje na 40 institucí, které výuku češtiny pro cizince nabízejí (výzkum provedl *The Prague Post*, in Hrdlička, 2002).

Počet zájemců o češtinu každým rokem stoupá a nejenak je tomu i přímo v České republice: kromě specializovaných univerzitních ústavů, jako jsou např. Ústav bohemistických studií FF UK nebo Ústav jazykové a odborné přípravy UK (ÚJOP), se český jazyk vyučuje i na dalších místech, v soukromém sektoru, tzn. v soukromých a jazykových školách, ve firemních kurzech, v neziskových organizacích atd.

Čeští krajané ve světě

Je známo, že k českému původu či k předkům z ryze českého nebo ze smíšeného manželství se ve světě hlásí zhruba půl milionu mluvčích (*MF Dnes* ze dne 22. února 2001, s. 12). Tento údaj však nemůžeme považovat za definitivní vzhledem k tomu, že množství občanů sice uvádí české předky, ale česky nehovoří (nebo naopak). Nejpočetnější zastoupení českých krajanů mají Spojené státy americké, kde jich žije kolem 1.3 milionu, na další příčce je to sousední Slovensko s 60.000, dále Německo ko s 50.000, Kanada se 46.000, Austrálie spolu s Rakouskem a Švýcarskem mají po 20.000 obyvatel českého původu a Chorvatsko s 15.000 českými příslušníky. Do těchto lokalit vysílá Ministerstvo školství, mládeže a tělovýchovy České republiky (dále jen MŠMT ČR) každoročně učitele českého jazyka s cílem podpořit, osvojit a uchovat znalosti o českém jazyce a povědomí o české kultuře. Nejčastěji působí učitelé v Chorvatsku, Německu, Srbsku, Rumunsku, Rusku, na Ukrajině, v Argentině, Paraguaji a v Brazílii.

Hlavní činností vyslaných učitelů je všestranně působit u krajanů, které mají zájem nadále si udržovat českou identitu, a především podporovat osvojování znalosti českého jazyka. Vedle výuky češtiny však učitelé vykonávají i další činnosti, např. pomáhají místním folklórním souborům, pomáhají udržovat kontakt krajanů se současným děním v ČR, metodicky spolupracují s místními učiteli atd. Učitelé často pracují v náročném sociálním prostředí, především na Ukrajině a v Rumunsku. Podmínky práce učitelů v zahraničních českých komunitách v jsou odlišné v závislosti na zemi, do které jsou vysláni, a na konkrétních požadavcích krajanů. Díky působení našich krajanů v zahraničí vstoupily do našeho povědomí varianty češtiny s přídomkem americká, vídeňská čeština nebo zubovštinská.

Historie a současnost výuky češtiny pro cizince v českém prostředí

Zastavme se na moment u počátků výuky češtiny jako cizího jazyka na Karlově univerzitě v Praze. Oproti situaci, ve které se čeština pro cizince nachází dnes, nemůžeme počátky soustavné univerzitní výuky češtiny jako

cizího jazyka považovat za samostatný obor. Prvním pracovištěm, kde se vyučovalo, byl lektorát katedry českého jazyka, obecného jazykozpytu a fonetiky při FF UK v Praze. V roce 1952 vznikl na Filozofické fakultě Karlovy univerzity Lektorát češtiny pro cizince. O dva roky později, v roce 1957, se z lektorátu stala samostatná katedra. Postupem času sílila potřeba ustavit metodologii češtiny pro cizince a vytvořit samostatný obor. Nově se formulovaly požadavky na kvalifikaci pedagogů, kterým dříve postačovala jen aprobace z českého jazyka. Přelomovým rokem byl však již rok 1947, kdy se V. Týml, specialista na výuku slovanských studentů, a M. Sova, který se do té doby věnoval výuce studentů ze západní Evropy, stali prvními učiteli češtiny pro cizince na FF UK.

Nyní se na okamžik vraťme k letním školám slovanských studií: v České republice existuje několik institucí, které se intenzivně zabývají přípravou a výukou češtiny pro cizince. Na přípravě se výrazně podílejí některé veřejné vysoké školy v České republice, které každoročně pořádají letní kurzy českého jazyka, tzv. *Letní školy slovanských studií*. Kurzy nabízejí ústavy na těchto univerzitách: Ústav bohemistických studií, Filozofická fakulta, Univerzita Karlova v Praze; Kabinet češtiny pro cizince, Filozofická fakulta Masarykova univerzita v Brně; Filozofická fakulta, Univerzita Palackého v Olomouci; Ústav jazykové a odborné přípravy, středisko v Poděbradech (součást Univerzity Karlovy v Praze), Západočeská univerzita v Plzni, útvar zahraničních vztahů, dále Filozofická fakulta Jihočeské univerzity v Českých Budějovicích. Mezi účastníky převažují studenti ze zahraničí a učitelé českého jazyka či jiných slovanských jazyků. V tomto roce projevilo o výukový program letních škol opakovaně zájem několik studentů bohemistiky z našeho budapeštského lektorátu.

Mezi nejvýznamnější a nejstarší patří přípravná střediska distančního vzdělávání pražského Ústavu jazykové a odborné přípravy UK53 v Poděbradech, Mariánských Lázních a Dobrušce. V Praze se vyučuje v Hloubětíně, na Vyšeradě a Albertově – ve všech případech jde rovněž o přípravné kurzy.

Závěrem bych chtěla zrekapitulovat nejvýznamější body tohoto příspěvku: jak bylo řečeno výše, čeština jako cizí jazyk má u nás dlouholetou tradici a velký potenciál, a to v domácím i v zahraničním prostředí, a zájem o její studium stále roste jak na domácích tak na zahraničních univerzitách. V České republice i v zahraničí existuje mnoho institucí, které poskytují výuku češtiny jako cizího jazyka na profesionální úrovni, a tím napomáhají k jejímu rozkvětu u nás i ve světě. Přejme si i jí, aby tento stav trval i nadále a její budoucnost doma i ve světě mířila jenom výš a výš.

Bibliografie

- Čadská, Milada (2006), K metodologickým východiskům a obsahovému zaměření popisu / Čeština jako cizí jazyk – Úroveň A2. In: *Sborník Asociace učitelů češtiny jako cizího jazyka (AUČCJ), 2005-2006*. Praha, Akropolis, s. 23-26.
- Čechová, Marie – Styblík, Vlastimil (1989), *Didaktika češtiny*. Praha, SPN.
- Čemusova, Jana (2007), Pilotní projekt výuky lektorů českého jazyka a kurzů češtiny pro cizince. In: *Sborník Asociace učitelů češtiny jako cizího jazyka (AUČCJ), 2006-2007*. Praha, Akropolis, s. 199-202.
- Čeština jako cizí jazyk III. Materiály z III. mezinárodního symposia Český jazyk a literatura v zahraničí* (1990), Praha, Karolinum.
- Hádková, Marie (2006), Popis referenční úrovně A1 pro češtinu – může sloužit učitel? In: *Sborník Asociace učitelů češtiny jako cizího jazyka (AUČCJ), 2005-2006*. Praha, Akropolis, s. 17-22.
- Hrdlička, Milan (2002), *Cizí jazyk čeština*. Praha, ISV nakladatelství.
- Choděra, Radomír (2006), *Didaktika cizích jazyků. Úvod do vědního oboru*. Praha, Academia.
- Choděra, Radomír – Reis, Lumír (1999), *Výuka cizích jazyků na prahu nového století (metadidaktika, humanizace)*. Ostrava, Ostravská univerzita.
- Šoltys, Otakar (1985), K některým otázkám češtiny jako cizího jazyka. In: *Čeština jako cizí jazyk I. Materiály z první metodologické konference Ústavu slovanských studií filozofické fakulty Karlovy Univerzity v Praze (ed. Jaroslav Tax)*. Praha, Karolinum.
- Poldauf, Ivan – Šprunk, Karel (1965), *Mluvnice současné češtiny jako cizího jazyka. Hláskosloví a tvarosloví základní češtiny*. Praha, SPN.
- Průcha, Jan (1998), *Vzdělávání a školství ve světě. Základy mezinárodní komparace vzdělávacích systémů*. Praha, Portál.

Hanna Katarzyna Cheda

Uniwersytet Opolski
Opole, Polska

SERBSKI KONFLIKT Z LAT 90. XX WIEKU W KOMIKSACH *POZDROWIENIA Z SERBII* ALEKSANDRA ZOGRAFA I *KNINDŽE. VITEZOVI SRPSKE KRAJINE* MILORADA DANIĆICIA

*Author of article analyse two perspective of conflict in the Balkan in 90s XX century, which are included in comics. Aleksandar Zograf is well-known person in the world. His most famous work is *Regards from Serbia*, which presents the situation of Serbs during the conflicts in the Balkan (1991-2001). Zograf focused on his own experiences, but still manages to retain the type of reportage. In turn Milorad Daničić's work, which was published in 1991, was an reaction on social needs to present the heroic deeds of Serbs on the war front. Both comics show last conflict in Europe in XX century from different perspective and serve other cultural functions.*

Key words: serbian comics, comics, Balkan conflict, Aleksandar Zograf, Milorad Daničić

Pierwsze komiksy w Serbii pojawiły się już pod koniec XIX wieku. Pozycja nowego medium znacznie umocniła się w 1935 roku, gdy zaczęli tworzyć tacy artyści, jak Djordje Lobačev, Konstantin Kuznecow czy Siergiej Sołojew. Wtedy też powstały czasopisma w całości poświęcone historyjkom obrazkowym, jak „Strip” czy „Mika Miš”, w których ukazywały się komiksy z postaciami Disneya. Szczyt popularności opowieści obrazkowe osiągnęły w latach 60. XX wieku, kiedy to nakład pism poświęconych komiksowi, wśród których najciekawsze były „Nikad Robom”, „Biblioteka Lale” czy „Crtani Romani”, sięgał 200.000 sztuk (Zupan 2007: 66). Komiks skierowany był głównie do dzieci i młodzieży, a historie przedstawiane w magazynach miały za zadanie bawić i uczyć młodych czytelników. Pod koniec lat 70. na scenę komiksową weszło kolejne pokolenie twórców – tzw. trzecia generacja – które zrewolucjonizowało podejście do komiksu (pojawił się wtedy wyraźny nurt alternatywny). Załamanie w przemyśle komiksowym nastąpiło na przełomie lat 80. i 90., wpływ na to miał przede wszystkim kryzys gospodarczy, a następnie wybuch wojny.

Na początku lat 90. ubiegłego stulecia, ze względu na konflikt i coraz gorszą sytuację wydawnictw komiksowych, z kiosków i księgarni zniknęły kolejne czasopisma poświęcone opowieściom obrazkowym. Narodziła się naturalna potrzeba wypełnienia powstałej pustki. Lekiem na zaistniałą sytuację miał być wydany przez pismo „Politika” komiks *Knindže. Vitezovi Srpske Krajine*. Dzieło Milorada Daničića miało za zadanie stworzyć nowych (super)bohaterów, którzy staliby się wzorem dla młodych ludzi. Takie działanie można uznać za typowe w trakcie trwania jakiegoś szczególnego kryzysu. Wystarczy spojrzeć na datę powstania serii o Supermanie (1938 rok). Do niej właśnie odnosił się Jerzy Szyłak pisząc: pojawił się nowy bohater nie mający odpowiednika poza komiksem – Superman – ubrany w obcisły trykot, obdarzony ponad naturalnymi zdolnościami herosa, wykorzystujący swoje moce w walce ze złoćmićami. Spłynęły się naśladownictwa, których powstawaniu sprzyjała... wojna. Komiksowe serie pokazywały herosów zaangażowanych w walkę z hitlerowcami i Japończykami. Głosiły treści jawnie propagandowe, przyjmowane jednak z entuzjazmem przez rzesze czytelników. Kiedy wojna się skończyła i opadł patriotyczny zapal narodu, drastycznie zmniejszyło się również zainteresowanie obrazkowymi opowieściami, zwłaszcza tymi o superbohaterach (Szyłak 1999: 21).

Ten sam mechanizm miał zadziałać na rynku serbskim. *Knindže* to historia małego oddziału jednostki specjalnej, który ma za zadanie zdobyć jeńców, by uzyskać od nich informacje o pozycjach i planowanych ruchach wroga. Głównym bohaterem jest Sava, młody i zdolny żołnierz, który był doświadczony przez los. Jego bliscy zostali zabici przez ustaszys, jako mały chłopiec trafił do domu dziecka, później miał problemy z prawem, lecz udało mu się wrócić na „dobrą drogę” i został żołnierzem. Kolejnymi postaciami są: seksowna i niebezpieczna Milica, której kobiecość jest przez rysownika hiperbolizowana (bohaterka ma na sobie obcisłe ubranie, które podkreśla jej długie nogi, wąską talię i duże piersi, prócz tego ma wydatne usta, duże oczy i rozpuszczone włosy), przyjaciel Savy, Radoje – również żołnierz jednostki specjalnej – oraz Grujica, kilkunastoletni chłopiec, który mieszka w bazie wojskowej. Razem idą na misję, rozprawiają się z Chorwatami i uwalniają sąsiada Grujicy oraz jego wnuczka. Wszyscy oni, przez swoje postępowanie, determinację i wybory, stają się symbolami w walce pomiędzy Serbami i Chorwatami, o czym pisze Maria Dąbrowska-Partyka: Wygląd i styl bycia tych nowych wzorców narodowego bohaterstwa, noszących - co charakterystyczne – imiona najbardziej znanych postaci z serbskiej (zmitologizowanej) narracji historycznej oraz z serbskiej pieśni ludowej – Sava, Radojica, Milica i Grujica, bez reszty odpowiada postaciom zaludniającym masową wyobraźnię młodocianych (i nie tylko) konsumentów współczesnej kultury obrazkowej. Walka o narodowe ideały staje się dzięki temu podniecającą wyprawą przeciwko tchórzliwym, lecz niebezpiecznym przeciwnikom, swoistym „sportem walki”, gęsto inkrustowanym „prawdziwie męską”, seksualną i wojenną przygodą (Dąbrowska-Partyka 1999: 205).

Jednak najciekawszą postacią, mimo że występuje w komiksie epizodycznie, jest Kapitan. Ten bohater wzorowany jest na postaci prawdziwej – Kapitanie Draganie Vasiljkoviću. Vasiljković był jednym z

„bohaterów” wojny na Bałkanach. Jak pisze Ivan Čolović (2007: 61) w książce *Bordrel ratnika. Folklor, politika i rat*, jako postać medialna pojawił się w lecie w 1991 roku. Od czerwca do sierpnia jego osoba była obecna w prasie, radiu i telewizji prawie codziennie. Dziennikarze opisywali jego działalność, a sam kapitan swoimi wypowiedziami wprowadzał aurę tajemnicy, ponieważ nie chciał mówić o swojej przeszłości i prywatności, a to spowodowało falę spekulacji na jego temat. Vasiljković dowodził jednostką specjalną, która stworzyła obóz koncentracyjny w miejscowości Knin w Chorwacji. Nazwa jednostki była połączeniem nazwy miejscowości – Knin – i słowa ninja, odnoszącego się do japońskich wojowników. W ten sposób powstała nazwa Knindže. Na fali popularności Vasiljkovicia postanowiono stworzyć komiks, który miał za zadanie podkreślać różnice występujące pomiędzy Serbami a Chorwatami. Jego jednoznaczna wymowa oraz fakt, że został stworzony w cyrylicy, miał wskazywać na wyższość serbskości. Przedstawione w nim zostały także wspomnienia z dzieciństwa głównego bohatera, które można potraktować jako odwoływanie się do niepodejmowanych w czasach Jugosławii tematów związanych z bratobójczą walką pomiędzy czetnikami, ustaszami i komunistami. Właśnie te kwestie miały zostać poruszone i wyeksponowane, to w ich imię (w ramach odwetu i zemsty za wyrządzone krzywdy) młodzi mężczyźni mieli iść na front i zabijać. Można więc stwierdzić, że komiks Daničića był narzędziem propagandy. O tego typu działaniach pisał Krzysztof Teodor Toeplitz: Istotą propagandy jest niejako skrócenie drogi od postrzeżenia realnego zjawiska do ideologicznego wniosku, a zatem i do praktycznego działania. Tam gdzie sztuka znajduje temat do refleksji, propaganda dąży do popartego niepodważalnymi i choćby uproszczonymi przesłankami wniosku (Toeplitz 1985: 140).

Taki właśnie uproszczony wniosek miał narodzić się w głowach młodych odbiorców. Jednak sam komiks został negatywnie oceniony przez serbską scenę komiksową. Krytykowano przede wszystkim rysunek i uproszczoną fabułę oraz jawny, propagandowy przekaz. Znaczące są już same tytuły artykułów, w których recenzowano komiks, np. *Knindže i Lindže* w „Borbie”, *Stripadžije i Stigle kninže čika Arkane* w czasopiśmie „Vreme”.

Komiks Daničića odnosi się przede wszystkim do zakorzenionego w folklorze wizerunku Serba – obrońcy wiary i wyzwoliciela słabych. Główny bohater dodatkowo pamięta o wyrządzonych krzywdach i stara się je pomścić, działa w służbie wyższej idei, posiada również szczególne zdolności – jest mistrzem wschodnich sztuk walki. Autor komiksu przedstawia żołnierzy jako wzór, nie mają oni żadnych wad. Kapitan jest sprawiedliwy i mądry, wie, co dla jego podwładnych jest najlepsze. Przez swoje postępowanie może przypominać dobrego nauczyciela i moralizatora, osobę, która udziela wsparcia i zawsze wspomaga dobrą radą. Wszystkie te cechy bohaterów oraz fabuła sprawiają, że komiks jest jednowymiarowy i przekazuje treści tylko propagandowe.

Zupełnie inny styl oraz tematykę podejmuje Saša Rakezić, znany jako Aleksandar Zograf. Rysowanie komiksów rozpoczął już w latach 80. ubiegłego wieku. Jego pierwsze opowieści obrazkowe były o tematyce humorystycznej i autobiograficznej. W 1991 roku wydał fanzin „Alas! Comics”, który następnie wysłał Jay'owi Linchowi. Amerykański twórca polecił prace młodego Serba wydawnictwu w Stanach Zjednoczonych. Tym sposobem komiks Zografa trafiły do czasopisma „Bonus”. Było to znaczące wydarzenie dla alternatywnej sceny komiksowej. Jego prace zaczęły się ukazywać w takich czasopismach, jak „The Comics Journal”, „Weidro” Roberta Crumba, „Zero «Zero»”, „Rare Bit Friends”. W 1994 roku pojawia się komiks *Life under sancions*, następnie *Psychonaut 1* oraz *Psychonaut 2*. W tym czasie Zograf tworzył także serbską alternatywną scenę oraz publikował teksty, w których przedstawiał różnych autorów, opisując ich dorobek i osiągnięcia (Zupan 2007: 116). *Pozdrowienia z Serbii* są przede wszystkim zbiorem publikowanych wcześniej (w gazetach i w internecie) komiksów. To również zapis wszystkich najważniejszych wydarzeń obejmujących okres od 1991 roku do 2001 roku. Dzieło Serba może z jednej strony przypominać pamiętnik, ponieważ znajduje się w nim wiele relacji z prywatnego życia autora. Jednak to przede wszystkim przekaz mający ukazać zagranicznemu odbiorcy prawdziwy obraz wojny na Bałkanach, wolny od medialnego wizerunku „złych Serbów”. Obecne są w nim także, charakterystyczne dla jego twórczości, marzenia senne, wizje i wyobrażenia.

Pierwsza część komiksu odnosi się przede wszystkim do początku konfliktu i obejmuje lata 1991-1995. Zograf portretuje w niej społeczeństwo i panujące w nim nastroje. Z pracy Serba wyłania się obraz coraz bardziej wyczerpanej złą sytuacją ludności, która za cel stawia sobie wyłącznie przetrwanie. Jednym z wątków poruszanych przez autora jest niechęć uczestniczenia przez młodych mężczyzn w konflikcie, którzy np. ukrywali się przed komisjami wojskowymi. Pokoleniu, które w latach 90. ubiegłego wieku wchodziło w dorosłość, trudno było odnaleźć się w nowej rzeczywistości. Znane dotąd slogany o „braterstwie i jedności” zostały zastąpione hasłami nawołującymi do nienawiści. Co ciekawe, Serbowie, Chorwaci i muzułmańscy Bośniacy są przedstawieni w komiksie jako postać o jednym ciele i trzech głowach. Zograf kładzie nacisk na fakt, że różnice między narodami prawie nie istniały, a konflikt został zainicjowany przez polityków.

Druga część to przede wszystkim jednostronicowe „pocztówki z Serbii”, na których autor ukazuje w kilku obrazach ówczesne problemy społeczne i ważne dla Serbów wydarzenia. To krótkie i szokujące przekazy przywołujące na myśl formę pierwszych komiksów, które często musiały być ograniczone do jednej planszy. Opowieści obrazkowe Zografa wyróżnia jednak to, że czasem to tekst odgrywa większą rolę, a obraz jest dopełnieniem (w sztuce komiksowej zwykle jest odwrotnie).

Młody autor opisuje w całym komiksie sytuację związaną z nałożeniem na Serbię i Czarnogórę sankcji. Wyraźnie wskazuje na to, że w tym wypadku najbardziej ucierpiała ludność cywilna. Ze względu na brak benzyny, transport został znacznie utrudniony. Ciężkie do zniesienia były, zwłaszcza w okresie zimowym, przerwy w dostawach prądu i ciepłej wody oraz brak ogrzewania. Ze względu na szybko zmieniającą się wartość dinara, ludzie zaczęli wymieniać się towarami i usługami, w niektórych przypadkach nawet płace nie były wydawane w pieniądzu (w części przedsiębiorstw płacono warzywami, drobiem czy zwierzętami). Sankcje miały wpływ także na najmłodszych, ponieważ ze względu na ich wprowadzenie wytwórnia Walta Disneya cofnęła licencję na swoje produkty i bohaterów. Ten fakt spowodował szczególną reakcję młodego twórcy komiksowego, dla którego Myszka Miki i Kaczor Donald byli częścią komiksowej kultury. Jednak były grupy, które w ogóle nie odczuły jakichkolwiek niedogodności związanych z wojną. To przede wszystkim politycy, wojskowi i mafia. Zograf opisuje zabawy młodzieży z „wyższych sfer”, wśród których popularna była tzw. serbska ruletka – młodzi kierowcy jeździli drogami autami z dużą prędkością nie zatrzymując się na czerwonym świetle i nie zwracając uwagi na znaki drogowe. W pracy Serba można znaleźć wiele dowodów na rozwarstwienie społeczne wśród Serbów.

Komiks Zografa portretuje społeczeństwo serbskie i ukazuje reakcje zwykłych ludzi na zaistniałą sytuację. Sam autor negatywnie odnosi się do władzy i rządów polityków. Jego dzieło ma charakter przede wszystkim antyrządowy i antywojenny. Za pomocą historii swoich przyjaciół pokazuje, jak negatywny wpływ miał stereotyp wykreowany przez media. Ukazuje to wyraźny kontrast pomiędzy komiksami Zografa i Daničića, który stanowi dowód różnorodności serbskiej sceny komiksowej lat 90. XX wieku, a także podkreśla fakt spełniania przez medium komiksowe różnych, nieraz całkowicie rozbieżnych funkcji w społeczeństwie.

References

- Čolović, Ivan (2007), *Bordel ratnika. Folklor, politika i rat*. Beograd, Čigoja Štampa.
- Daničić, Milorad (1991), *Knindže. Vitezovi Srpske Krajine*. Beograd, Politika.
- Dąbrowska-Partyka, Maria (1999), Gusle, knindže i civilno društvo. Retoryka serbskich tekstów o tematyce narodowej. In: *Przemiany w świadomości i kulturze duchowej narodów Jugosławii po 1991 roku*. Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Szyłak, Jerzy (1999), *Komiks w kulturze ikonicznej XX wieku. Wstęp do poetyki komiksu*. Gdańsk, Słowo/Obraz Terytoria.
- Toeplitz, Krzysztof Teodor (1985), *Sztuka komiksu. Próba definicji nowego gatunku artystycznego*. Warszawa, Czytelnik.
- Zograf, Aleksandar (2011), *Pozdrowienia z Serbii*. Poznań, Centrala Central Europe Comics Art.
- Zupan, Zdravko (2007), *Vek stripa u Srbiji*. Pančevo, Kulturni centar, Galerija savremene umetnosti.

Jovana Davidović

Filozofski fakultet
Novi Sad, Srbija

MIT I TRADICIJA U ZBIRCI PRIPOVEDAKA *BOŽJI LJUDI* BORISAVA STANKOVIĆA I PRIPOVETKAMA *NAPAST I SMRT U SINANOVOJ TEKJI* IVE ANDRIĆA

*The focus of the paper is a comparative study of *The godly people* Borislav Stankovic and *The Obsession and The Death in Sinan's tekkeh* Ivo Andric. Comparative analysis examines the impact of the mythic image of the world and traditional culture in these works. The work is primarily focused on the impact of mythic time and space, the basic categories of the mythic image of the world. Traces of traditional cultures found in the binary opposition of black and white, but also in the protective role of the stone and its ability to bind itself to the souls of the dead. The paper also compares Stankovic's and Andric's godly people. At the end "stand" women at the gate.*

Key words: mythic space, mythic time, white–black, stone, godly men, women at the gate

„Književno delo Borisava Stankovića [...] nesumnjivo je prevratničko [...] Nastalo na razmeđu između tradiconalizma i modernizma” (Pešikan 2005: 431). On je značajno inovirao srpsku realističku pripovetku. Otvorio je vrata moderne srpske pripovetke, kroz koja će, ne zadugo potom, proći Ivo Andrić, majstor priče i pripovedanja. Možda ih je upravo ljubav prema priči i pripovedanju i vera u njenu moć učinila prijateljima i pored znatne razlike u godinama. Pripovedački duh ih je spojio.

Siniša Paunović u svom dnevniku zabeležio je prijateljstvo Ive Andrića i Borisava Stankovića: „Jedini mlađi pisac koji ga je posećivao¹ i time se nekako ponosio bio je Ivo Andrić. U biblioteci je imao *Nemire* i *Ex Ponto* koje mu je Andrić poklonio, kao i čuvenu novelu *Put Alije Đerzeleza*.”² Pored toga Paunović je u svojim beleškama dodao i Andrićeve reči:

„Ne želim da upoređujem sebe s Borom[...] ali između nas ima puno sličnosti, i u životu i u literaturi. Dobro sam poznao Boru Stankovića i lično... Nas dvojica smo se viđali vrlo često od 1919. godine naovamo. Bio je siromašno dete. Sin malog zanatlje. I njegov otac je, izgleda, rano bankrotirao zbog promene vlasti — kod njega turske, kod mene austrougarske. I njemu je umro otac, verovatno od iste bolesti — sušice. I njega su rođaci gajili i školovali — njega baba po ocu, mene tetka po majci. I on je kadio oči po tuđim knjigama — on na knjigama svojih profesora Simipa i Prodanovića, ja na knjigama svojih suseda austrougarskih oficira u Višegradu i po izlozima knjižara u Sarajevu. I on iz nemaštine umalo da nije otišao na zanat i prekinuo školovanje. Mesta u kojima smo proveli svoja detinjstva i dobar deo mladosti bila su nekad na granici, jedno Turske, drugo Austro-Ugarske[...] I u pogledu studija mi smo imali sličnosti: želeo je da studira književnost, a svršio je prava; ja sam studirao književnost, a otišao u diplomate. Pa i u pogledu činovničke karijere imali smo izvesne sličnosti[...] I njega su vrlo rano prihvatili i publika i kritičari kao nešto novo, dotle neviđeno, neobično[...] I po svom liku imali smo neke sličnosti. Prvi mi je skrenuo pažnju na našu tamnu, "azijatsku" put, kako je govorio istočnjačku, koju sam vremenom i sam primetio. I kao pisci, u pogledu motiva i tipova i stila, imali smo dosta sličnosti; on to u celosti nije primetio, jer sam ja svoja najvažnija dela napisao posle njegove smrti; ali je često govorio o Višegradu kao da pominje svoje Vranje. Mi smo, po mome mišljenju, slični osobito i po tome, da parafraziram neke naše zajedničke tumače i kritičare, što smo obojica regionalnom motivu dali sveljudsku boju i psihologiju.”³

U naporu da se nadalje osvetli veza ova dva pisca, naročito kada je reč o položaju žene, kao predmet komparativne analize biće uzeti Stankovićeve zbirke pripovedaka *Božji ljudi* i Andrićeve pripovetke *Smrt u Sinanovoj tekiji* i *Napast*.

Stankovićeve junaci su božjaci, čija „socijalno-emocionalna marginalizovanost izvire iz religijske liminalnosti i utapa se u nju” (Pešikan: 433). Ubog ili božjak u prevodu prosjak, govori u prilog starom verovanju da su „prosjak može biti kakvo božanstvo” (Čajkanović 1973: 71). U mnogim slovenskim jezicima reč prosjak i predak vode poreklo od iste reči. Kult prosjaka stvara paralelu sa kultom predaka, koji predstavlja glavnu karakteristiku stare srpske religije. Prema Bojanu Čolaku, Stankovićeve muški junaci su „psihički dementni”, oni su takvi od rođenja ili ih do psihičkih poremeđaja dovode neke neobjašnjive okolnosti, međutim priče o njima imaju „otvoren završetak, oni nastavljaju da žive” (Čolak 2011: 305).

Božji ljudi koje srećemo kod Andrića su, nasuprot tome, sveštena lica, „muškarci koji su se odrekli svetovnog života” (Detelić 2000: 251), pa su time marginalizovani. Razlika među njima jeste u tome, što je u pripovesti *Smrt u Sinanovoj tekiji* Alidede oličenje svetosti, figura prema kojoj ostali osećaju poštovanje, neko ko se „pročuo nadaleko zbog svoje učenosti i svetosti” (Andrić 2008: 157), dok je u *Napasti* fra-Stjepan „bezazlen i

¹Misli se na Borisava Stankovića.

² <http://riznicasrpska.net/knjizevnost/index.php?topic=403.0>, Posećen: januar 3, 2013.

³ <http://riznicasrpska.net/knjizevnost/index.php?topic=403.0>, Posećen Januar 3, 2013.

neugledan fratar” (Andrić 2008: 161), predmet podsmeha. Obojici im je ipa zajednička strepnja i nesnađenost u susretu sa ženom oko koje se grade obe pripovetke. Po odnosu drugih prema fra Stjepanu, njegova figura unekoliko bliska je Stankovićevim božjacima.

Mitski prostor

Prostor je jedna od dve osnovne kategorije mitske slike sveta. Prema Mirjani Detelić, mitski prostor predstavlja „niz mesta nejednake označenosti i izuzetnog značaja” (Detelić 2000: 246), svaka tačka u tom nizu postaje *mesto-znak*, koji *dalje može služiti za označavanje drugih, neprostornih kategorija*. Osim toga, ova autorka izdvaja i *internost* i *temporalnost* kao važne odlike mitskog prostora. Sve one su umnogome uticale na formiranje slike sveta, određene binarnim opozicijama: otvoreno–zatvoreno, unutra–napolju, svoje–tuđe, dobro–zlo, život–smrt. U takvim razgraničenjima, jasno je, granice su igrale jako važnu ulogu.

Što se tiče prostora svakodnevice, ljudske kuće, on je bio usitnjen do najveće moguće mere, kako bi bio što efikasniji. Tako se prostor kuće, koja se smatra apsolutno svojim prostorom, deli i vertikalno (u odnosu na ognjište) i horizontalno (u odnosu na prag). Nasuprot kući koja je smatrana apsolutnom svojim prostorom, šuma je bila apsolutno tuđi prostor. Između njih nalazili su se: okućnica, bašta, dvorište, njiva, livada, voćnjak/vinograd. Svaka ta podela donosila je nove granice, koje su morale dodatno da se štite. Najveću zaštitu zahtevala su kućna vrata i kapija, jer su štitili apsolutno svoj prostor.

Naza se nalazi na početku niza božjaka, na samoj granici njihovog prostora „Iza groblja, do reke, živela je ona. Ispočetka u rupi, docnije načinivši kolebu. I svakim danom je sve više pokrivala” (Stanković 1991: 17). Svojom vrednoćom Naza je obezbedila sebi zaštićeni prostor.

Granica, tj liminalnost prostora upravo je ono što povezuje Stankovićevu zbirku i Andrićeve pripovetke. „Sveti i nečisti prostor granice [...] pridaje ljudima koji ga naseljavaju ulogu medijatora, posrednika između sveta živih i sveta mrtvih” (Pešikan 2005: 433). Iako navedeni citat govori o Stankovićevoj zbirci pripovedaka, sa lakoćom se može povezati i sa Andrićevim pripovetkama.

Pored toga što žive u svetom i nečistom prostoru granice, božjaci su smatran posrednicima između živih i mrtvih. „Oni preuzimaju ulogu mrtvih, goste se umesto njih” (Pešikan 2005: 433).

Stankovićevi ljudi žive u kriznom prostoru granice. Andrićev Alidede ne prelazi granicu, ostaje iza zatvorenih vrata, dok nedovoljno zaštićena fra-Stjeanova vrata prelazi nepoznata devojka: „Glava i ramena su joj prelazili prag. I da je hteo nije više mogao zatvoriti” (Andrić 2008: 162). Oba Andrićeva junaka kaju se zbog svojih postupaka. Po svemu ovome se Andrić uklapa u balkanski model sveta „kome kategorije direktan, jednoznačan i određen nikako ne odgovaraju” (Detelić 2000: 258). Sa druge strane, kao i Stankovićeva Naza u odnosu na božjački prostor, žena u obe pripovetke nalazi se izvan prostora junaka, na margini.

Mitsko vreme

Mitsko vreme je takođe „osnovna kategorija mitske slike sveta (Tolstoj^a 2001: 100)”. Delilo se na „prirodno i životno” (Tolstoj^a 2001: 100). Svako od njih delilo se i na ono sa „pozitivnim”, i ono sa „negativnim značenjem” (Tolstoj^a 2001: 100). Kao i kod prostora „granice su igrale važnu ulogu i zahtevale su posebnu zaštitu” (Tolstoj^a 2001: 100).

Žene su kod Andrića u dvostrukoj opasnosti. Nalaze se u gluvo doba noći, na otvorenom, na ulici, izvan apsolutno svog prostora, a pritom su polugole. Noć je „nepovoljno doba, vezano sa tamom, mrakom i smrću, sa bolešću i prisustvom demona” (Bajić 2008: 33). „Najveću opasnost po ljude nosi doba od ponoći do zore. To je vreme razuzdanosti nečistih sila” (Tolstoj¹ 2001: 101). Iz tog razloga: „za noćno doba je vezan veliki broj zabrana” (Plotnikova 2001: 390). Jedna od najvažnijih jeste da se noću ne napušta kuća kako ne bi došlo do kontakta sa nečistim silama. Ponašanje žena u obe Andrićeve pripovetke je u mitskom svetu sasvim neregularno.

U obe Andrićeve pripovetke pojava žena vezana je za noć, i to noć bez meseca. Kod slovenskih naroda „pomračina, tj vreme bez mesečine smatra se za krajnje nepovoljno i opasno doba” (Tolstoj^b 2001: 355). U to vreme rađaju se vampiri i veštice. Takva noć dovela je žene u obe Andrićeve pripovetke. Obe bi mogle biti nečiste sile. Sa druge strane, i one same su nezaštićene, izložene dejstvu nečistih sila i treba im pomoć koju traže.

Kod Stankovića je česta slika mesečina. Mesec i njegova svetlost vezuju se u mitskoj slici sveta „za zagrobni svet i smrt” (Tolstoj^b 2001: 354).

„Zloslutna snaga meseca u priči je izražena predstavom o Bekčetu kao mesečaru, kada se aludira na ljegovu opsednutost demonom. Povezivanje životnog udesa i nagoveštene smrti božjaka sa nebeskim svetlilom može da ima svoju paralelu u narodnim predstavama o mesecu koji, kako drže Srbi i Makedonci, „pije čovekov život” i o štetnosti mesečine. Rašireno je verovanje da mesec privlači duše pokojnika, odnosno da je mesec oblast smrti. Svi Sloveni su takođe smatrali da je mesečeva svetlost opasna, posebno za decu i trudnice. Mesec raste, smanjuje se, nestaje, u narodnoj mašti ga proždire čudovište, ili je sam čudovište koje velikim ždrelom isisava krv prolivenu na zemlju, pa mu se, zato, pridaje zlokobna moć. Pogubni uticaj meseca i lunarna katastrofa, koju proizvodi, predstavljeni su kao uzrok smrti Stankovićevog božjaka. Tako je u priči, kao i šire u književnosti i folkloru, mesec epifanija smrti” (Bajić 2008: 33).

Osim u noveli *Bekče* mesečinu srećemo i u noveli *Marko*: „A kad izvara sluge i iskrade se od njih onda pojuri kao sumanuti i beži, juri onako bleđ, u košulji po ulicama, čaršiji, te se od njega svet grozi i smeje. A to ga snađe u noćima sa jakom mesečinom” (Stanković 1991: 74).

Bela i crna boja

Boja je u narodnoj kulturi jedan od osnovnih elemenata, koji karakteriše „čitav niz obrednih simbola [...] Simbolika bele i crne boje, koje se nalaze na polarnim tačkama spektra boja, jeste antinomična” (Belova 2001: 43). Binarna opozicija belo–crno može se povezati sa nizom drugih opozicija: „dobar–zao, život–smrt, muški–ženski” (Belova 2001: 43). Često je „simbolika boja ambivalentna” (Belova 2001: 43). Bela boja može istovremeno da označava „i sakralnost, čistotu, plodnost, svetost, ali i da bude veza sa onostranim” (Belova 2001: 43). U verovanjima mnogih slovenskih naroda „smrt ima lik devojke u beloj odeći” (Belova 2001: 43). To se podudara sa slikom žene na kapiji u Andrićevoj pripovesti *Smrt u Sinanovoj tekiji*: „To je bila neka žena u beloj haljini ili samo u košulji” (Andrić 2008: 159). Mrtvac je kod Stankovića je umotan u „čisto belo platno” i položen „na belom čaršavu” (Stanković 1991: 86).

„Najkonkretniju i jednoznačnu simboliku ima crna boja, koja asocira na mrak, zemlju i smrt [...] Crne boje su obično demonski likovi” (Belova 2001: 44).

Opozicija crno-belo vidljiva je u Stankovićevom građenju likova Naze i Ljube. Bela boja u ovom paru je Naza, koja je „uvek bila oprana, iskrpljena kao i lepo povezana” (Stanković 1991: 18), a crno je Ljuba koji je „uvek išao u dugačkoj, prtenoj košulji, koju niti je prao, niti svlačio dok je ne pocepa” (Stanković 1991: 18). Iako je u tradicionalnoj kulturi bela boja vezana za muški princip, a crna za ženski, jasno je zašto je ovde Stanković napravio inverziju. Za božjake ona je biće sa granice: „Svi su se božjaci nje bojali” (Stanković 1991: 17).

Kamen

Kamen je „jedan od praelemenata sveta” (Levkievka 2001: 257) i „elemenat je mrtve prirode” (Levkievka 2001: 258). Postoji verovanje da je pre potopa „kamen imao osobina živih bića” (Levkievka 2001: 257), kao i da su u kamenu utisnuti tragovi božjih stopala i stopala svetaca. S obzirom na njegovu tvrdoću kamen se u tradicionalnom poimanju sveta vezuje za „muško načelo” (Levkievka 2001: 258). Njegova postojanost jeste jedan od osnovnih razloga zbog kojih se nadgrobni spomenici izrađuju od kamena. Naime, veruje se i da kamen za sebe vezuje duše pokojnika. Često se kamen, s obzirom na to da je simbol mrtve prirode, uzima kao „boravište demona” (Levkievka 2001: 258). U tradicionalnom svetu moralni prestupnici kažnjavani su kamenovanjem. Nošenje kamena uz sebe bila je kazna za preljubnika, kamen je bio simbol njegovog prokletstva.

Kamen pronalazimo i kod Stankovića i kod Andrića. U pripovesti *Ludi Stevan*, glavni lik Stevan: „Uvek, gde god je išao, po čaršiji, ulici, vukao je kamenje i trpao u njedra i pojaseve [...] Pa kad nakupi, onda sve odvuče i nanese gde je bila crkva” (Stanković 1991: 78). Nošenje kamena može biti ispaštanje krivice predaka zbog koje Stevanu u naslovu u imenu stoji epitet *ludi*. Kamenje je kao znak sramote sa sobom morao nositi preljubnik. Međutim, Stanković nas u ovoj epizodi ne upoznaje sa Stevanovim poreklom ili njegovom prošlošću. Epitet koji stoji uz njegovo ime u naslovu novele mogao bi biti način na koji su drugi doživljavali ovu Stevanovu neobičnu naviku. S druge strane, Stevan je to kamenje nosio na mesto gde je bila crkva, a kao što je već rečeno postoji verovanje da su u kamenju utisnuta božja stopala i stopala svetaca. To kamenje moglo bi da preuzme ulogu crkve dok se ne podigne nova, jer u tradicionalnoj kulturi javlja se i poštovanje kulturnog kamena. Crkvu su prvi put srušili Turci. Stevanovo kamenje štitilo je prostor na kome će biti sazidana crkva, jer kamen upravo ima veliko zaštitno dejstvo. Kamen bi svojom postojanošću, mogao biti i poruka da crkva i dalje postoji, iako nema svoju građevinu. Nakon što je podignuta crkva Stevanovo kamenje ostalo je kao putanja koja vodi od porte do crkve, štiteći i dalje ovaj sveti prostor.

Dvorište u Sinanovoj tekiji bilo je svo od kamena. Upravo na tom kamenu Ali-dedin odlazak je započeo. Taj kamen vezao je njegovu dušu. Osim toga žena iz carigradske noći ležala je „na velikoj kamenoj ploči” (Andrić 2008: 159). Kamen je u tradicionalnom poimanju sveta s obzirom na njegovu moć vezivanja duše mogao biti i stanište nečistih sila i predmet odbrane od njih (bacanjem). S druge strane, kamena ploča pojačava alegoriju smrti, koja započinje likom devojke u beloj košulji. Kamen na kome leži, vezao je njenu dušu za sebe, vezao je i osećanjem krivice i stida i Alidedinu dušu.

Žena na kapiji

Žene su kod Stankovića takođe božjaci, međutim njihova uloga pojačana je „arhajskom predstavom o ženi kao biću sa margine, mogućoj vidilici i posrednici između dva sveta” (Pešikan 2005: 433). Tako su na Zadušnice na groblje izlazile samo žene. „Na taj dan [...] muški ne idu na groblje [...] Od žena ne može da se prođe (Stanković 1991: 7-8).”

Andrićeva misao: „Žena stoji, kao kapija, na izlazu kao i na ulazu ovoga sveta” (Andrić 2008: 160), ne ostaje samo u okvirima pripovetke *Smrt u Sinanovoj tekiji*. Ona se gotovo prirodno nadovezuje na Stankovićeve božjakinje. Žene na kapiji našle su svoje mesto i na poslednjim stranicama Stankovićevo dela:

„Ubrzo zatim počеше da dolaze iz komšiluka ostale stare žene [...] Zatim kad se sve iskupiše, odoše u kujnu gde je mrtvac bio odnesen. I pošto ga tamo okupaše, urediše, kao svakog mrtvaca [...] same izneše gore i uneše u sobu. I pošto ga, ispod ikone, na belom čaršavu polako, nežno namestiše, onda ga svaka, prekrstivši se, celiva u čelo, zapali mu sveću više glave, i posle se poređaše oko njega da sede, čuvaju ga [...] I tako bi one cele noći presedele oko njega mrtvog, osvetljenog, pazeći, čuvajući ga i čekajući da dan svane⁴ [...]” (Stanković 1991: 85-86).

Psihički poremećaji „žena kod Stankovića [su] motivisani i blagi” (Čolak 2011: 305), one u svetu božjaka našle „utehu od surovosti sveta” (Isto: 306). Naza je pobegla od gazde koji je hteo da je siluje. Vejka je pobegla od turskog zuluma, a sve su joj poubijali. Na kraju Stankovićeve božjakinje završavaju tragično. Njihov tragičan završetak vezuje se za svet prirode, što se jasno je, može povezati sa podelama mitskog prostora, prema kome opasnost vreba u prostoru koji nije apsolutno svoj, pa su tako Nazu su rastrgli vukovi, Vejka umire u polju, a Biljarnica se raspada u šumi.

Što se tiče Andrićevih pripovedaka, žene u njima se takođe nalaze u opasnosti, izvan zaštićenog prostora. U *Smrti u Sinanovoj tekiji* Alidede pred smrt oživljava dva događaja, u kojima ga je zbnula pojava žene. Prvi put to je mrtvo žensko telo koje je kao dečak video kod plotu, u bašti. Trčao je prema kući, prema svom prostoru u mitskom kodeksu. Lutao je po avliji, koju čuvaju avlijska vrata. Jedva su ga naterali u kuću, ali događaj nije zaboravio. Ženu je donela reka, i ona ju je i odnela. „U narodnim verovanjima vodeni prostor je osmišljen i kao mesto na kome, dok prelaze na onaj 'svet', privremeno borave duše umrlih” (Bajić 2008: 32). Drugi put je u reč o ženi, koja „u belo haljini ili samo u košulji” (Andrić 2008: 159), beži od gonilaca.

U *Napasti* stradanje je na komičan način vezano za fra-Stjepana. Međutim, stradalnik je, ipak, žena. Mlada devojka koja se usprotivila patrijarhalnom zakonu, i oglušila o volju roditelja. Nisu joj dali da se viđa sa momkom koga je zavolela, a ona se tajno viđala sa njim. Sada se on ženi drugom, a njoj otac preti da će je zaklati ako nastavi da ga sramoti. Ona se nije samo oglušila o roditeljsku odluku, nego i o inicijacijski red, a to naprosto ne može proći bez posledica. Međutim, njen bunt tu ne prestaje, ona se odvažila da legne u fratarski dušek, kad već nije mogla leći sa voljenim mladićem. I pored svih prestupa koje je činila, Andrić sudbinu ovog lika ostavlja otvorenom.

Za razliku od nje stara hadžika Tašana u noveli *Paraputa* zbog svog prestupa ne ostaje nekažnjena. Ona se „prevarila i zagledala u nekog lepog, čuvenog sa svoje lepote t. z. Manu-Grka” (Stanković 1991: 53). Stanković govoreći o njenoj kazni najpre govori o različitim načinima za kažnjavanje žena udovica zbog takvih prestupa. Ukoliko nije imala decu davali bi joj „otrov da ga dobrovoljno popije” (Stanković 1991: 53). Onima koje imaju decu oduzimali bi ih, a njih bi ih udali za nekog slugu „blesastoga, poslednjeg u mahali” (Stanković 1991: 53). Hadžikina kazna bio je Paraputa: „doveli toga Paraputu i dali joj ga da celog veka gotovo zatvorena u kući, samo njega čuva i nadgleda [...] I to joj je bila kao kazna, ispaštanje” (Stanković 1991: 53).

Markova majka takođe je kažnjena za svoje neverstvo i „aškovanje u mladosti sa nekim agom” (Stanković 1991: 74), pa je „pre vremena, umrla zbog njega što ga je rodila takvog” (Stanković 1991: 73). Međutim, njen greh preneo se i na Marka, ali i svu njegovu braću, „jer bez greha roditelja porodica se lako ne kviri” (Stanković 1991: 75).

Svet božjaka „jasno je struktuiran” (Pešikan 2005: 434), sa jasnim pravilima i kodeksima. Govoreći o ženi u pripovednoj prozi Stare Srbije, Bojan Jović kaže da ona „nije drugorazredna i jednodimenzionalna”, nego da je žena u mnogim slučajevima „nadmoćnija i mudrija od muškaraca” (Jović 2011: 58). Stoga ne čudi, da je najbliža svetu grada među božjacima bila upravo Naza.

Prema patrijarhalnoj kulturi žena je ostvarena jedino u braku. Otuda i Nazina želja za brakom. Sa druge strane devojka u *Napasti* je tu mogućnost izgubila, te joj ništa drugo ne preostaje nego da nastavi borbu protiv patrijarhalnih stega.

Žena je u slovenskog kulturi čuvarica ognjišta, dok je patrijarhalnoj kulturi žensko načelo ritualno nečisto. U pripovesti *Napast* pronalazimo sledeće reči upućene ženi: „Odstupi, đavole, od krštene duše!...O, đavolje kćeri! O, napasti!” (Andrić 2008: 163). Žena „po shvatanju našeg naroda, i drugih nama srodnih naroda, npr. Germanaca, ima nečeg demonskog [...] Ženski princip implicira u sebi zlo znamenje.” (Čajkanović 1973: 37). Sa druge strane Markov brat sećajući se majčinih grehova, a duboko skrhan Markovim rečima: „Bato, srca nemam” (Stanković, 1991: 74), kaže: „Kurva majke, kurvo majke!” (Stanković 1991: 74).

Stanković i Andrić u novom nastavnom ruhu (Na mestu zaključka)

Komparativna analiza Stankovićeve zbirke pripovedaka *Božji ljudi* i Andrićevih pripovedaka *Smrt u Sinanovoj tekiji* i *Napast*, osim toga što otvara vezu ova dva pisca, omogućava i novu nastavnu obradu njihovog književnog

⁴ Noć ponekad zahteva budnost kako bi se zaštitio svoj prostor, jer budan čovek odbija od sebe zle sile. Posebno je značajno bdenje nad mrtvacem, kako se on ne bi pretvorio u vampira. Postoji i verovanje da će duša pokojnika povesti sa sobom dušu spavača.

stvaralaštva. Upoznavanje učenika sa komparativnom književnom analizom uvodi ih u moderne tokove nauke o književnosti. Sa druge strane, osvežava nastavno gradivo, delima koja su ostala izvan nastavnog programa. Jer rešenje za stišavanje odbojnosti učenika prema nastavi srpskog jezika i književnosti, leži upravo u „inoviranju programa ovog nastavnog predmeta” (Ilić 2006: 670).

Ovakva nastavna obrada predstavljala bi pravo književno istraživanje, u kome bi glavnu ulogu preuzeli učenici. Istraživačka nastavna metoda podstiče kreativnost i istraživački duh učenika. Oni postaju aktivni učesnici, a ne pasivni slušaoci. Razvija se njihovo samopouzdanje. Podstiču se da slobodno iznose svoje mišljenje. „Ne možemo ni slutiti koliko kreativnosti biva ugašeno po učionicama u kojima se samo insistira na učenju” (Nil 1990: 43).

Profesor bi imao ulogu organizatora, kao i uvek u istraživačkoj nastavnoj metodi. On bi glavnu ulogu imao samo na početku istraživanja, u toku faze: stvaranja problemske situacije i podele istraživačkih zadataka. Istraživački zadaci su ti koji upućuju na „traganje za nečim nepoznatim” (Marinković 2003: 32). Ova vrsta zadataka „ima visoku vaspitnu i obrazovnu vrednost, jer u velikoj meri angažuje misli i emocije učenika, pomaže njihovom razvoju i trajnom usvajanju znanja, inspiriše na veća zalaganja razvija radoznalost, interesovanja za stvaralaštvo, osposobljava za samoučenje, unosi sigurnost i samopouzdanje” (Marinković 2003: 32). Istraživačkim zadacima učenici se podstiču da „u primanju umetničkog teksta maksimalno iskoriste i razviju svoje sposobnosti. Pomoću njih se sistematično stimuliše i izostrava čitalačka pažnja i pobuđuje kritička istraživačka radoznalost. Oni stavljaju učenike u položaj samostalnih istraživača” (Nikolić 2009: 273). I ne samo to, „istraživački zadaci su za učenike dragocena stručna i metodička pomoć da se blagovremeno i valjano pripreme za tumačenje književnog dela” (Nikolić 2009: 230).

Učenici bi se, pored usvajanja znanja o književnosti, upoznali i sa osnovnim elementima mita i tradicionalne kulture. Na taj način se, osim ljubavi prema knjizi i razvijanja čitalačkih navika, postiže njihovo interesovanje za prošlost i stvara veza sa tradicijom, koja je u modernom vremenu zapostavljena.

Komparativna analiza i istraživačka nastavna metoda otvaraju mogućnosti novih nastavnih obrada. Donose inovativnost, koja ima za cilj da učenike zainteresuje za gradivo, ali i da ih okrene knjizi, kako bi došlo do prevazilaženja tzv. kriza čitanja. Učenici aktivnim čitanjem, pored znanja, stiču i umetnički ukus, koji je od posebne važnosti za njihov pravilan i zdrav razvoj.

S obzirom na to, da „životu i obrazovanju za život i rad izuzetan značaj ima ljubav prema knjizi i čitanju, jer dobra knjiga ima veliku moć-unosi lepotu i snagu u čovekov duh, budi radoznalost, uči da se voli svet” (Marinković 2003: 209), razvijanje ljubavi prema knjizi i čitanju jedan je od osnovnih zadataka moderne škole. Mlade ljude nismo pripremili za život ako u ovome ne uspemo. „Najčešće se dešava da učenici ne dožive lepotu i snagu teksta, da prođu uglavnom mimo njih” (Marinković 2003: 211).

Literatura

- Andrić, Ivo (2008), *Napast*. In: *Sabrane pripovetke*. Beograd, Zavod za izdavanje udžbenika, 161-164.
- Andrić, Ivo (2008), *Smrt u Sinanovoj tekiji*. In: *Sabrane pripovetke*. Beograd, Zavod za izdavanje udžbenika, 157-160.
- Bajić, Ljiljana (2008), Folklorni motivi u zbirci „Božji ljudi” Borisava Stankovića. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*. br. 73, 25-34.
- Belova, O. V. (2001), Boja. In: *Slovenska mitologija-enciklopedijski rečnik*. Zepter books, Beograd, 43-44.
- Detelić, Mirjana (2000), Žena na kapiji. *Sveske zadužbine Ive Andrića*. br. 17, 245-260.
- Ilić, Pavle (2006), *Srpski jezik i književnost u nastavnoj teoriji i praksi*. Novi Sad, ZMAJ.
- Jović, Bojan (2001), O liku žene i ženskim likovima u pripovesti stare Srbije. In: *Književnost stare i južne Srbije*. Beograd, Čigoja štampa, 57-63.
- Levkievska, I. I. (2001), Kamen. In: *Slovenska mitologija-enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter books, 257-259.
- Marinković, Simeon (2003), *Metodika kreativne nastave srpskog jezika i književnosti*. Beograd, Kreativni centar.
- Nikolić, Milija (2009), *Metodika nastave srpskog jezika i književnosti*. Beograd, Zavod za izdavanje udžbenika.
- Pešikan Ljuštanović, Ljiljana (2005), Borisav Stanković-između tradicije i modernosti. *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*. knj. 53, sv. 1-3, 431-464.
- Stanković, Borisav (1991), *Božji ljudi*. In: *Božji ljudi i druge priče*, IP „Beograd”, Beograd, 7-86.
- Tolstoj^a, S. M. (2001), Vreme. In: *Slovenska mitologija-enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter books, 100-102.
- Tolstoj^b, S. M. (2001), Mesec. In: *Slovenska mitologija-enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter books, 354-355.
- Plotnikova, A. A. (2001), Noć. In: *Slovenska mitologija-enciklopedijski rečnik*. Beograd, Zepter books, 389-390.
- Čajkanović, Veselin (1973), Gostoprinstvo i teofanija. In: *Mit i religija u Srba*. Beograd, Srpska književna zadruka, 64-94.
- Čolak, B. (2011). Tipiko u prikazu junakinja zbirke „Božji ljudi” Borisava Stankovića. In: *Zbornik Srpski jezik, književnost, umetnost. Žene: rod, identitet, književnost*. knj. 2, Kragujevac, Filološki fakultet, 301-311.

Ивана Давитков

Софийски университет „Св. Климент Охридски“
София, България

МЕЖДУ ИНДИКАТИВА И РЕНАРАТИВА В БЪЛГАРСКИЯ ПРЕВОД НА СРЪБСКАТА ХУДОЖЕСТВЕНА ПРОЗА

The present paper traces and analyzes the uses of the Serbian Past tense compared with their equivalents in indicative and renarrative mood in Bulgarian language. Despite the common origin of these languages, a striking asymmetry in their grammatical tense and mood systems is present. This paper analyzes different Bulgarian monolingual translations of a Serbian literary text from two different periods with a span of around 60 years between them. These observations allow for tracking the various translation solutions for the same problem and can also serve as an incentive for developing and complementing the existing methods in translation studies on this problematic.

Key words: Mood, Indicative, Renarrative, Past tense, Serbian, Bulgarian, monolingual translations.

В настоящата статия е направен опит да се посочат някои трудности при предаването на сръбския перфект при художествен превод на български език. Тя е част от по-широките ни занимания с граматичните трансформации. Обектът на изследването са преводните варианти на „Мостът на Дрина“ от Иво Андрич на български език – от 1948 г. и 1964 г. на Лилия Кацкова и от 2009 г. на Жела Георгиева. В досегашните ни изследвания на граматическите трансформации в преводи на съвременни художествени текстове, вниманието ни беше насочено към предаването на сръбския перфект на български език и обратно, на предаването българските минали времена на сръбски език.

В зависимост от употребата и значението на перфекта в съответния контекст той се предава с аорист и имперфект, с плусквамперфект и перфект. В разгледаните първи петдесет страници на всеки от посочените преводни варианти на оригинала вниманието ни беше насочено към предаването на перфекта с българските индикативни и ренаративни форми. Особено интересени са случаите на употреба на различни евиденциали в един и същ контекст. В статията се анализират някои от преводните еквиваленти, като си поставяме за цел в бъдеще да проследим и други в преводите на посочената художествена творба.

Обект на анализа са *многопреводни текстове (многократно превеждани, многопреведени)*, определени от И. Ликоманова (2006: 33, 34) като „нези оригинални текстове, които са били подложени на няколко превода, които са били „прочетени“ от няколко преводачи – на един език или на няколко езика едновременно.“ Тук се разглежда оригинална художествена творба, която неколкократно е преведена на един и същ език и е представена чрез многократни едноезични преводи, които попадат във втората група на разновременните преводи според подялбата на И. Ликоманова (2006: 34). Както отбелязва авторката, „Въпросът за новия, различния превод възниква обикновено с потребността от нова рецепция на превода, която е обусловена от възможността за нов прочит на текста в променена историческа епоха, с откриването от литературните анализи на нови смислови елементи, съдържащи се в оригинала и забелязани от потенциалния преводач, както и с вътрешната нагласа на даден преводач да предложи нов прочит на даден оригинал.“ (Ликоманова 2006: 38).

Перфектът, основното минало разказвателно време в сръбския език, в повечето случаи изпълнява функцията на останалите претерити. В българския език „Миналите времена на индикатива с интервал на референтност в плана на миналото (аорист, имперфект и плусквамперфект) отразяват личния опит на говорещия, основан на лично възприятие на действията или на техните резултати (сенсорна информираност).“ (Ницолова 2008: 351). Българският перфект, заедно със сегашното време, „в чийто интервал на референция се включва моментът на говорене, също така може да означава свидетелски и несвидетелски действия, осведомеността за които“, както отбелязва Р. Ницолова (2008: 352), „е въз основа на личния или общия опит“. Разнообразните модели на темпоралната система в българския език се основават на различни темпорални опозиции, а подробно описание на развоя на тази проблематика в българското езикознание намираме при Ив. Куцаров (Куцаров 2007). Първият, който ясно дефинира опозицията резултативност – нерезултативност, е Петър Пашов (Куцаров 1993: 50) и върху нея изгражда своя темпорален модел. Префектът в модела на Петър Пашов е основно резултативно време, с което се означава „резултат от предходно действие, наличен в сегашния момент“ (Пашов 2011: 153). В сръбския език, с индикативния перфект от свършени и несвършени глаголи, се изразява „действие, което се е вършило или извършило преди времевия период на говоренето, без значение дали самото време на извършване на действието е определено, или не е“ (Стеванович 1986: 613). Така изразеното глаголно действие се определя пряко спрямо времето на говоренето, за разлика от релативния перфект, при който действието е минало по отношение на някакъв друг момент, но не и спрямо времето на говоренето (Стеванович 1986: 615). Именно тази разлика намираме в подхода на Стеванович, който ще следваме тук при анализа на употребите и значенията на сръбските времена.

1.1. Перфектът в българския език като време на индикатива е послужило като основа за образуване на формите на трите евиденциала за опосредствана информация, т.е. конклузива, ренаратива и дубитатива, които не са характерни за останалите славянски езици (Ницолова 2008: 332, 333). *Хипернаклонението на актуалната реч реалис I*, според Р. Ницолова, се представя от два евиденциала: индикатив и конклузив (Ницолова 2008: 351), докато *хипернаклонението на възпроизведената реч реалис II* се представя от ренаратива и дубитатива (Ницолова 2008: 360). Тук няма да представяме подробно особеностите им, а ще посочим само основните разлики между тях, като няма да коментираме и различните мнения на учените по този изключително сложен въпрос на българската граматика. Според Р. Ницолова, „Информацията за източника на съобщаваната информация, предавана от конклузива, може да бъде двойка, тъй че можем да говорим за две негови значения: *умозаключително* и *неумозаключително*.” (Ницолова 2008: 354). И в двата случая, както отбелязва авторката, „говорещият предава на слушателя *собствена, опосредствана, несвидетелска информация*“, като в първия случай „говорещият сигнализира, че му съобщава своето мнение, а във втория своето *знание*, но т. нар. *слабо, несвидетелско знание*.“ (Ницолова 2008: 354). Според Р. Ницолова, с формите на ренаратива се означава, „че говорещият не предава собствена оценка за истинността на действието, но и не възразява срещу оценката на X, автора на субстратната реч, за истинността на пропозицията р.“ (Ницолова 2008: 365).

2. Преводните еквиваленти – свидетелственост/несвидетелственост

Когато трябва да предаде сръбския перфект на български език, преводачът може да избира не само измежду индикативните форми на миналите времена, а и от формите за възпроизведената реч. В такива случаи контекстът е решаващ за преводаческия избор, а различни функционални преводни еквиваленти могат да бъдат подсказани например чрез лексикални средства, които показват дали става дума за несвидетелственост. Различните преводачески решения в разглежданите преводи в по-голяма или по-малка степен зависят от интуитивния избор на съответния преводач, от индивидуалното му разбиране на конкретната ситуация, представена в оригинала.

2.1. Преводни еквиваленти индикатив и ренаратив. Най-ранният превод от анализирания корпус най-много се придържа към оригинала, и доказателство за това откриваме още в първото изречение, където е употребено сегашно време въпреки въвеждащия глагол *казват*, който обикновено означава, че информацията е получена от друго лице. Във втория и третия превод като преводни еквиваленти са употребени формите на ренаративния имперфект. Тъй като в първата глава на романа обаче, освен описанието на течението на река Дрина и на градчето, авторът дава и легендите и случките около самия мост, смятаме че тук ренаративните форми са по-подходящи. В посочения откъс от първия превод съответно са употребени индикативните форми на перфекта и аориста. Резултатът от перфектната форма *е видял* е последван от аориста *умря*. В другите два текста преводачът е предпочел формите на ренаративен аорист за изразяване на действията, които по-скоро биха могли да се тълкуват като нещо, което се разпространява между хората, отколкото като реално случили се действия. (напр. *видял/зърнал*).

У том стубу, каже се, има велика соба, мрачна дворана у којој живи црни Арапин. То знају сва деца. Он у њиховим сновима и надлагивањима игра велику улогу. Које се он јави тај мора да умре. Ниједно дете га још није видело, јер деца не умиру. Али га је угледао једне ноћи Хамид, онај сипљиви и вечито пијани или мамурни хамал крвавих очију, и умро је још те ноћи, ту поред зида. Додуше, био је пијан до несвести и занућио је ту на мосту, под ведрим небом, при температури од –15° Ц. (Андрић 1955: 10)

Казват, че в тоя стълб има голяма стая, в която живее един черен арапин. Всички деца знаят това. Той играе голяма роля в детските сънища и надлъгвания. Този, на когото се яви, трябва да умре. Нито едно дете още не го е видяло, защото децата не умират. Но една вечер Хамид, оня астматичен и вечно пиан или сърдит хамалин с кървави очи, го е видял и умря още същата нощ тук, до оградата. Наистина, той е бил мъртъв пиан и е замъркнал на моста под открито небе при температура – 15° С. (Андрич 1948: 7)

Казват, че в тоя стълб имало голяма стая, мрачна зала, в която живеел чер арапин. Това знаят всички деца. В техните сънища и надлъгвания той играе голяма роля. Този, комуто се яви, трябва да умре. Нито едно дете не го е виждало още, защото децата не умират. Но го видял една вечер Хамид, оня астматичен и вечно пиан или махмурлия хамалин с кръвясали очи, и умря още същата нощ там, при зида. Наистина той бил мъртво пиан и замъркнал на моста под открито небе при температура – 15° С. (Андрич 1964: 9)

В този стълб, казват, се намирала голяма стая, мрачна зала, в която живеел черният Арапин. Това го знаят всички деца. В техните сънища и надлъгвания той играе голяма роля. Онзи, на когото му се присъни, трябва да умре. Нито едно дете още не го е видяло, защото децата не умират. Ала една нощ го зърнал Хамид – астматичният и вечно пиан или махмурлия хамалин с кръвясали очи, и умря още същата нощ тук, край стената. Наистина бил къркютук пиан и легнал да спи направо на моста при температура минус петнайсет градуса. (Андрич 2009: 9, 10)

В превода на първото изречение от следващия пример, отново е употребен глаголът *казват* (срб. *причају*), който в третия превод е предаден с формата на имперфекта *разправяха*. Действията (напр. *е загинал, е бил*) са предадени с формите на конклузива в неумозаключителното му значение, докато в другите два превода, сръбският релативен перфект е предаден с ренаративен аорист (*загинал*) и ренаративен имперфект (*бранел*). Отново е налице ситуация на разминаване в употребата на индикативните и ренаративните форми в различните преводни варианти на оригинала.

А Турци у касаби, напротив, причају од старина да је на том месту погинуо као шехит неки дервиш, по имену шах-Турханицја, који је био велики јунак и од неке каурске војске бранио овде прелаз преко Дрине. А што на том месту нема ни нишана ни турбета, то је по жељи самог дервиша, јер је хтео да тако буде сахрањен без знака и биљега, како се не би знало да је ту. (Андрић 1955: 12)

Турците в градчето, напротив, от старо време казват, че на това място е загинал за вярата някакъв дервиш, наречен шах-Турхания, който е бил голям юнак и пазел някаква гяурска войска да не премине Дрина. А на това място няма знак, нито тюрбе, защото самият дервиш е искал да бъде погребан така, без знак и без паметник, за да не се знае, че е тук. (Андрич 1948: 9)

А турците в градчето, напротив, от старо време казват, че на това място загинал за вярата някакъв дервиш на име шах-Турхания, който бил голям юнак и бранел тук от някаква гяурска войска прелаза през Дрина. А че на това място няма нито знак, нито тюрбе, то е, защото самият дервиш искал да бъде погребан така, без знак и без белег, та да не се знае, че е тук. (Андрич 1964: 11)

Турците в касабата пък, напротив, разправяха открай време, че на това място загинал като шехит дервиш на име шейх Турхания, който бил голям юначага и бранел тук Дрина от някаква гяурска войска. Самият дервиш пожелал на мястото да няма нито нишан, нито тюрбе – тъй искал да бъде погребан, без знак и белег, за да не се знае, че е тук. (Андрич 2009: 12)

В следващия пример особено ярко проличава разликата в превода, която води и до създаване на съвсем различни представи у читатели за описваните минали действия. В оригинала е употребен релативен перфект, докато в първия превод той се предава с основното минало разказвателно време аорист, с имперфекта и една пасивна форма на аориста (*бяха построени*). Подобна ситуация наблюдаваме и в другия превод, с изключение на страдателния залог, вместо който е употребен имперфектът *имаше*, като по този начин не се заменя деятелният залог от оригинала. В третия превод от посочените примери изцяло се променя гледната точка, тъй като са употребени формите на ренаративния имперфект и ренаративния аорист.

Тада је ова иста Дрина, зелена и плаховита горска река „што се често мути“, дерала овуда између голих и пустих каменитих и пешчаних обала. Касаба је постојала и тада, али у другом облику и другим сразмерама. [...] Доле у равници, између Дрине и Рзава, где се доцније развила права касаба, биле су само варошке њиве, просечене друмом, поред кога је био дрвени старински хан и неколико воденица и колиба. (Андрић 1955: 17, 18)

Тогава сѝцата тая Дрина, зелена и буйна планинска река, „която често се мѝти“, шумеше между голите и пусти каменни и пясъчни брегове. Градчето и тогава сѝществуваше, но в друг вид и с други размери. [...] Долу в равнината между Дрина и Рзав, гдето по-късно се разви истинският град, имаше само ниви, пресечени от път, до който бяха построени един дървен старинен хан и няколко воденици и колиби. (Андрич 1948: 13)

Тогава сѝцата тая Дрина, зелена и буйна планинска река, „която често се мѝти“, бучеше тук между голите и пусти каменити и пясъчливи брегове. Градчето и тогава сѝществуваше, но с друг облик и други размери. [...] Долу, в равнината между Дрина и Рзав, гдето по-късно се разви истинският град, бяха само градските ниви, пресечени от път, край който имаше един дървен старовремски хан и няколко воденици и колиби. (Андрич 1964: 15,16)

Тогава сѝцата тази Дрина, зелена и буйна планинска река, „която често се мѝти“, беснеела тук между голите и пусти каменни и пясъчни брегове. Касабата сѝществувала и тогава, но в друг вид и в други размери. [...] Долу в равнината, между Дрина и Рзав, кдето по-късно се разви истинската касаба, били само градските ниви, пресечени от друма, покрай който имало дървен старовремски хан, няколко воденици и колиби. (Андрич 2009: 17).

2.2. Успоредната употреба на конклузив и ренаратив също се среща често в преводите на разглеждания роман. Глаголните форми в първия преводен вариант тук са конклузивни, напр. *са живеели, са имали*. В другите два превода тук срещаме ренаративни форми на имперфект *живеели, имали*. Наред с тях се употребяват и формите на ренаративния аорист, напр. *избягал, спуснал, прескочил*. Налице е смяна на гледната точка, но както отбелязва Р. Ницолова (2008: 356), има възможност „говорещият да прехвърли информацията, получена от чужда реч, в хранилището на собствените си знания, като маркира информацията само като опосредствана, несвидетелска.”

Тада су на земљи живели велики јунаци, камен је још био незрео и мек као земља, а коњи су били, као и јунаци, шиновског раста. Само, за српску децу то су трагови Шарчевих копита, остали још од онда кад је Краљевић Марко тамновао горе у Старом граду на побегоа из њега, спустио се низ брдо и

прескочио Дрину, на којој тада није било ћуприје. А турска деца знају да то није био Краљевић Марко нит је могао бити (јер откуд влаху и копилану таква сила и такав коњ!), него Ђерзелез Алија, на својој крилатој бедевији, који је као што је познато презирао скеле и скелеције и прескакао реке као поточиће. (Андрић 1955: 11)

Децата, които по цели дни през лятото ловят дребна риба около каменистите брегове, знаят, че това са следи от стари времена. Тогава на земята са живели големи юнаци, камъкът бил оице незрял и мек като земята, а конете, като юнаците, са имали великански рѣст. Само че, за сръбските деца това са следи от копитата на Шарколия, останали оице от времената, когато Крали Марко избягал от затвора в Стари град, спуснал се по хълма и прескочил Дрина, на която тогава не е имало мост. А турските деца знаят, че това не е бил Крали Марко, нито е могъл да бѣде (защото кѣде у христијанин такава сила и такѣв кон!), а Ђерзелез Али, којто презирал каиците и каикчите, и както е известно, на своята арабска крилата кобила прескачал реките като поточета. (Андрич 1947: 8)

...Тогава живеели по земята големи юнаци, камъкът бил мек и незрял като земята, а конете, като юнаците, имали великански рѣст. Само че за сръбските деца това са следи от копитата на Шарколията, останали оице от времето, когато Крали Марко бил затворен в тѣмницата на Стари град, но избягал оттам, спуснал се по хълма и прескочил Дрина, на която тогава нямало мост. А турските деца знаят, че това не е бил Крали Марко, нито е могъл да бѣде (защото кѣде у гяурин и копелаи такава сила и такѣв кон!), а Ђерзелез Али, којто, както се знае, презирал каиците и каикчиите и на своята крилата арабска кобила прескачал реките като поточета. (Андрич 1964: 10)

Децата, които лете по цял ден ловят рибки покрай каменистия бряг, знаят, че това са следи от отколушни времена и от стари войни. Тогава на земята живеели големи юнаци, камъкът бил оице незрял и мек като прѣст, а конете, сѣщо като юнаците, имали исполински рѣст. Само че за сръбските деца това са следи от копитата на коња Шарколия, останали от времето, когато Крали Марко бил затворен в тѣмница горе, в Стари град, и избягал оттам, спуснал се по баира и прескочил Дрина, на която тогава нямало мост. Турските деца пѣк знаят, че не е бил Крали Марко, нито пѣк е могъл да бѣде (защото откѣде у един гяур и копеле такава сила и такѣв кон!), а Алија Ђерзелез на своята крилата арабска кобила, којто, както се знае, презирал саловете и салѣджиите и прескачал реките, сѣкаш са ручейчета. (Андрич 2009: 11)

3. Заключение. От регистрираните форми в различните преводни варианти и направения анализ можем да направим извода, че в един и сѣщ контекст формите на сръбски перфект се превеждат на български език с формите на индикатива (аорист, имперфект), конклузива и ренаратива. Изборът между индикативните и ренаративните форми зависи от решението на съответния преводач, води до промяна в гледната точка и създава различни представи у читателя – за свидетелски и несвидетелски действия. В бѣдеще предстои да се направи по-детайлен анализ на примерите, ексцерпирани от разглеждания корпус, чрез което се надяваме да допълним и разширим представата за преводната еквивалентност в полето на употреба на миналите глаголни времена и за конкретните условия, които влияят върху избора на преводача.

Библиография

- Андрейчин, Любомир, Асенова, Петя, Георгиева, Елена и др. (1983), *Граматика на съвременния български книжовен език том II. Морфология*. София, Издателство на БАН.
- Давитков, Ивана (2013), Някои наблюдения върху превода на българските минали времена на сръбски език. *Словото (не)възможната мисия. Сборник с доклади от Четиринадесетата национална конференция за студенти и докторанти, Пловдив, 2012 г.* 122-128.
- Давитков, Ивана (2012), За някои проблеми на превода на сръбски перфект на български език. *Славистиката в глобалния свят – предизвикателства и перспективи (Сборник с доклади от конференцията, проведена на 05-06. 10. 2012 г.)*. 44-51.
- Ивић, Милка (1958), Систем личних глаголских облика за обележавање времена у српскохрватском језику. *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*, књ. III, 139-152.
- Куцаров, Иван (1993), *Проблеми на българската морфология (помагало за студенти)*. Пловдив, ПУИ „Паисий Хилендарски“.
- Куцаров, Иван (2007), *Теоретична граматика на българския език. Морфология*. Пловдив, УИ „Паисий Хилендарски“.
- Куцаров, Иван (2013), Преизказването. *Съпоставително езикознание*. XXXVIII, №2-3, 17-49.
- Ликоманова Искра (2006), *Славяно-славянският превод. Лингвистичен подход към художествения текст*. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.
- Ницолова, Руселина (2008), *Българска граматика. Морфология*. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“.
- Ницолова, Руселина (2013), Перфект и связанная с ним грамматическая категория эвиденциальности в болгарском языке. *Съпоставително езикознание*. XXXVIII, №2-3, 50-67.
- Пашов, Петър (2011), *Българска граматика*. София, Издателска къща „Хермес“.

Станојчић, Живојин, Поповић, Љубомир (2004), *Граматика српскога језика уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе*. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства.
Стевановић, Михаило (1986), *Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнojeзичка норма), Синтакса*, т. II, Београд, Научна књига.

Екцепирани източници

Андрич, Иво (1948), *Мостът на Дрина. Вишеградска хроника*. Софија, Фондација „Славјанска култура“, Славјански комитет – Читалище „Славјанска беседа“.
Андрић, Иво (1955), *На Дрини ћуприја*. Београд, Просвета Издавачко предузеће Србије.
Андрич, Иво (1964), *Мостът на Дрина*. Софија, Народна култура.
Андрич, Иво (2009), *Мостът на Дрина*. Софија, ИК „Унискорп“.

Десислава Димитрова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски”
Пловдив, България

НАБЛЮДЕНИЯ ВЪРХУ СПОМАГАТЕЛНИТЕ ФУНКЦИИ НА ГЛАГОЛА ИМА(М) В БЪЛГАРСКИЯ, ПОЛСКИЯ И РУСКИЯ ЕЗИК

The following paper is an attempt to describe the auxiliary functions of the verb има(м) (to have) in Bulgarian, Polish and Russian languages. We are going to analyse some constructions formed with this verb, in order to describe its specific auxiliary functions. The language material is taken not only from the literature, but also from the Internet, because we want to observe the contemporary situations in the mentioned languages.

Key words: auxiliary functions, auxiliary verbs, verbal constructions, the verb to have (имам, mieć, иметь), grammaticalization.

*Не съществуват изолирани системи и
всяка частица на Вселената се намира в
мигновена връзка с всички останали.
Из Теорема на Дж. Бел*

Както нищо в природата не съществува само за себе си, без връзка със заобикалящия го свят, така няма и изолирани полета в науките. Независими изследователски оптики често биват насочвани към един и същ проблем, който може да гравитира в различните сфери на познанието и едновременно с това постоянно да увлича, да поражда въпроси и да предлага евентуални отговори. Като пример можем да посочим глагола *има(м) (habere)*. Той заедно със *съм (esse)* оформя интригуващо цяло, което се коментира както във философията и логиката, така и в лингвистиката. Обяснение, от една страна, можем да потърсим в широкия спектър от семантични отношения, в които встъпват *има(м)* и *съм*. От друга страна, отчитаме факта, че те са интересни и като помощен елемент (с напълно или частично изгубена семантика) при образуването на конструкции с различна степен на граматикализация.

Като имаме предвид ограниченията в обема на изследването, се налага предварително да очертаем анализационната сфера. Във фокуса на настоящата статия поставяме глагола *има(м)* с неговите спомагателни функции в българския, полския и руския език (Изключваме въпросите, които се повдигат от първичните значения на глагола – притежание и екзистенция). Целта ни е преди всичко да съпоставим типовете глаголни конструкции, които се наблюдават в трите езика, да открием паралелите и да посочим несъответствията във функционирането на *има(м)* като спомагателен.

Необходимо е, преди да се концентрираме върху конкретния проблем, да разгледаме характеристиките, които традиционно се приписват на спомагателните глаголи. В „Словарь лингвистических терминов” на О. С. Ахманова се приема, че спомагателни са тези думи, които в съчетания с други думи образуват аналитични (сложни, описателни, перифрастични) форми. Те частично или напълно са изгубили своето лекискално значение (*буду в буду нисать, have в I have written*), а в състава на аналитичната форма носят някои (или всички) граматични значения (Ахманова 1969).

В своята монография „Глагол” И. И. Мещанинов квалифицира спомагателните глаголи по следния начин:

1) Семантиката им обслужва значението на основната дума. В словосъчетанието *я буду смотреть* глаголет *быть* изпълнява функция, която в други езици може да се поеме от частици (срв. ситуацията в българския език, където бъдещите времена се образуват с частицата *ще*). При изразяването на модалност също се използват глаголи, функцията на които в други езици се изпълнява от частици. Например във формата *я могу делать* участва модалният глагол *могу*, същото значение в алеутския език обаче се изразява с морфема, маркер на наклонението потенциалис.

2) Полисемантичността на спомагателния глагол се проявява в цялата сложна форма. По такъв начин с един глагол могат да се получат различни по форма и по значение конструкции – с причастия или с инфинитив.

3) Участващите в състава на сложната форма пълнозначни елементи (напр. причастия и инфинитив) може изобщо да не изразяват характерните за глагола категории – за това се разчита най-вече на спомагателния глагол (Мещанинов 1982).

Можем да обобщим, че спомагателните глаголи са тези, съчетани с лична или нелична форма на друг глагол, образуват семантична цялост. Те най-често са носителите и на граматичните значения на сложната форма – лице, число, време, наклонение и др. Както вече споменахме, интерес за нас представлява въпросът доколко глаголет *имам* (в българския, полския и руския език) може да се разглежда като спомагателен. Справка в „Slovník jazyka staroslověnského” (Речник 1966) ни показва три

групи значения (речникът предлага тълкувания на чешки, руски и немски, старогръцки и латински, а посочените примери са от класически за палеославистиката кирилски паметници):

1) притежателно – *miti, иметь (haben)*;

2) екзистенциално – *miti se, быть (sein)*;

3) модално и спомагателно (в съчетание с инфинитив) – тук са посочени тълкувания като *miti, быть должным (sollen), мочи, мочь (vermögen, können)*, обяснено е императивното значение на глагола, подробно разгледано и илюстрирано с примери е и сложното бъдеще време.

Виждаме, че още преди формирането на отделни славянски езикци глаголет *имам (имѣти)* е означавал не само притежание или екзистенция, а е изпълнявал и спомагателни роли. Подобна е ситуацията и в съвременните славянски езици, където глаголет участва в образуването на различни по форма и значение конструкции. Най-често в лингвистиката се разглеждат съчетанията с инфинитив (в българския език със заместващата инфинитива *да-конструкция*) и с минало страдателно причастие. Разногласията, които съществуват около втората група, ни карат да смятаме, че конструкциите от типа *имам поръчани дърва, там cztery strony tekstu zapisanego* заслужават самостоятелно изследване. Ето защо ще се концентрираме само върху съчетанията, съставени от *имам* и инфинитив (или българска *да-конструкция*).

Нека първо разгледаме случаите, в които *имѣти* се е използвал като спомагателен и е участвал в образуването на конструкции със следходно значение. В реконструирания общ славянски език не се забелязват специализирани форми за бъдеще време. За изразяване на предстоящи действия са се използвали презенските форми на глаголите от свършен вид, а описателните форми са се образували от съчетаването на инфинитива с няколко спомагателни глагола – *имѣти, хотѣти, быти*, а също и *начати* (Добровски 1883–1884: 444). В разволя на българския език са се наложили описателните форми с глагола *хотѣти*, с който генетично е свързано основното средство за изразяване на следходност в съвременния език – частицата *ще*. За изграждането на отрицателната парадигма обаче са се наложили съчетанията с глагола *имѣти*. От свързването на глагола с частицата *не* днес се е получила формата *няма* – напълно граматикализиран изразител на следходността (Куцаров 2007: 375).

В руския и полския ситуацията е по-различна. И в двата езика като спомагателен глагол за образуване на сложно бъдеще време се е наложил наследникът на *быти* (срв. рус. *буду носить*; пол. *będę czytać*) (за полския език вж. напр. Rospond 2009, а за руския – Букатевич, Савицкая, Усачева 1974). И докато в полския и в българския наличието на „архаичните“ конструкции с *имам/mieć* е неоспоримо, то в съвременния руски език старославянските *имѣти, хотѣти, начати* са загубили спомагателната си семантика и не се използват за изразяване на значението следходност. Важно е да отбележим, че руският глагол *иметь* се използва много рядко дори и в основното си посесивно значение. Известно е, че притежателност в руския език се изразява най-често с конструкцията *у меня есть* (срв. напр. *У вас есть машина?, У меня есть собака* и др.). Глаголет *иметь* се среща преди всичко в изрази с фразеологичен характер (напр. *иметь значение, иметь смысл, иметь в виду*) и само в някои народни говори се забелязва спорадично му съчетаване с друг глагол от несвършен вид, напр. *иму делать, имем есть* (Ломтев 1961: 307). Тук можем да цитираме и един от героите в „Одески разкази“ на Исак Бабел – *Я имею вам сказать пару слов* (ИБ). Примери се откриват и в преводи на Библията, срв. *Многое имею писать вам, но не хочу на бумаге чернилами, а надеюсь придти к вам и говорить устами к устам, чтобы радость ваша была полна*. (Второе соборное послание святого апостола Иоанна Богослова, цит. по <http://www.godrules.net>).

В съвременния български език са разпространени два вида конструкции – с безличен и личен глагол – напр.: *има да чакам, имам да вземам (три изпита)*. Важно е да отбележим, че наследник на старите описателни форми за бъдеще време са именно конструкциите с безличен глагол (Харалампиев 1981: 117). В българската лингвистика се приема становището, че с тях се означават действия, които предстои да се извършват, като освен следходност, те имат и надстроечното значение „продължителност“, което много често е изразено и допълнително – чрез интонация, с различни лексикални или синтактични средства (Ницолова 2008, Чакрова 2008). Смятаме за важно становището на Р. Ницолова, според която структури като *има да чакам* и *имаше да чакам* трябва да се наричат съответно *бъдеще продължително време* и *бъдеще продължително време в миналото*. С твърдението, че „тези времена нямат отрицателни форми и се образуват от малко глаголи само от *несвършен вид* и с определен начин на действие“ авторката подчертава парадигматичната дефективност на конструкциите и ги нарича граматични фразеологизми (Ницолова 2008: 270). Срв.: *А ние има да работим и да работим, да управляваме цялата тази колосална машина, защото всичко, което досега сме постигнали, е само началото [...]* (<http://search.dcl.bas.bg>), *Дълго има да ги търсиш – каза мъжът* (<http://chitanka.info/text/23876/4>); *[...] и ако не бях погледнал случайно, имаше да чакам още 5-6 дни, когато получих мейла, че съм бил поканен* (правописът и пунктуацията са нормализирани (б.м. – Д. Д.) <http://hardwarebg.com/forum>).

Конструкциите, в които участва личният глагол *имам*, не бива да се смятат за идентични с разгледаните по-горе. Според Ив. Харалампиев *има да решавам задачи по математика* означава, че *ще*

решавам задачи (дълго време), докато имам да решавам задачи по математика, защото ме скъсаха на изпита означава, че съм длъжен да решавам задачите (Харалампиев 1981: 118). Тази особеност се дължи на факта, че глаголт *имам* пази част от модалната си семантика „имам намерение, предстои ми, трябва да; мога, в състояние съм” (разр. моя, Д.Д.) (Речник 1999: 635). Така например в изречението *Имам да питам нещо цар Борис I, остави ме [...] (СЦ)* се експлицира значението „трябва да питам, налага се да питам”. Аналогични са и следващите примери: *Момчета, тука едни пари да имате да ни давате?* (<http://www.flickr.com>), *Имаме да изпълним и други големи цели* (<http://www.blitz.bg/sport/article/155156>).

Нека видим каква е ситуацията и в полския език. На първо място можем да изтъкнем факта, че конструкции се образуват само от спрегнатите форми на глагола *mieć*, значенията на описателното съчетание в никакъв случай обаче не са по-малко от тези в българския език. Едно от първите изследвания, посветени на проблема, принадлежи на Х. Швидерска-Конечна (Świdowska-Konieczna 1930). В статията със заглавие „Użycie czasownika *mieć* jako słowa posiłkowego w języku polskim” авторката систематизира значенията, които се изразяват чрез конструкциите с *mieć*. На първо място тя посочва реализуеми бъдещи действия – планирани, предвидени, очаквани или пък такива, в чието осъществяване не сме убедени. Става ясно, че тези конструкции са много близки по значение с аналитичните форми, образувани с *być*. Неслучайно в полската лингвистика се говори за още един сложен футурум – с *mieć* (вж. напр. Koseska-Toszeza 1983: 137). Срв. *Patrz! – zawołał do Tutmozisa – tam ma być moja ziemia, a tu moje wojsko ... (BP)*, *Po południu Solyk zaproponował mi, żebym przejrzał i skontrolował skafandry tlenowe, w których mam się poruszać po powierzchni Wenusy (SL)*.

Второто значение, което може да изразява съчетанието с *mieć*, е „планирано действие, което не се е осъществило”, по-специфичното тук е, че *mieć* се появява във форма за минало време, напр. *Za radą astorlogów główna kwatery miała wyruszyć z Pi-Bast w dniu siódmym Hator (BP)*. Контекстът и интонацията в този случай ни показват, че става дума за действие, което е трябвало да се случи, но нещо е попречило. Извън контекст тази структура би могла да има още едно значение, точна дефиниция на което откриваме в „Universalny Słownik Języka Polskiego”: „използва се за изразяване на следходност (бъдещност) в минало време” (Речник 2006). Много лесно откриваме този семантичен вариант при превод, тъй като в българския език за следходност по отношение на минал момент има граматикализирана форма (футурум претерити). Срв.: *A co ważniejsze, przychylni faraonowi kapłani mieli dać pomoc wojsku dopiero dwudziestego trzeciego Paofii (BP) – И най-важното, благосклонните към фараона жреци щяха да подпомогнат войската едва на двадесет и трети паофи.; Ów promień był niby gościńcem, po którym miała duszyczka chłopczyka miała odejść. (HS) – Този лъч беше като път, по който щеше да отmine душата на момчето.*

Конструкциите се доближават семантично и до императива. В определени случаи с тях могат да се изразяват препоръчителни действия или заповеди, напр.: *Z woli zatem jego świątobliwości – ciągał Mentezufis – i najwyższej rady, masz, wasza dostojność, zebrać wojska z Dolnego Egiptu i zniszczyć buntowników. (BP)*. В примери като този съвсем логична би изглеждала замяна с изразите *należy* и *powinno*. Отново обаче ни е необходим по-широк контекст, за да установим с точност семантичното съдържание.

Последното значение, което според Швидерска-Конечна може да се изрази чрез конструкцията *mieć* + инфинитив, е резервираност към настоящи или минали събития. Според З. Тополинска става дума за предадена информация (*przekazana informacja*), която не е проверена от говорещото лице. З. Щибер окончателно приравнява този семантичен вариант с преизказването в българския език, като пише, че полските изречения от типа *To ma być dobra kobieta* и *To miała być dobra kobieta* са идентични с българското *Тя била добра жена* (експлицирана преизказност) (Stieber 1973, цит. по Koseska-Toszeza 1983: 140). Не можем да се съгласим с категоричното становище на З. Щибер, тъй като в българския език преизказването се граматикализира в рамките на морфологичната категория вид на изказването (Кущаров 2007). В полския език липсва конкретен формален показател. Резервираността към изказването (в полската лингвистична традиция обикновено *имперцептивност*) може да се изрази по лексикален начин чрез наречията *podobno*, *jakoby*, *rzekomo*, и чрез *bodaj (że)*, *niby (to)*, *chyba*, *prawdopodobnie*, които имат по-слабо значение. Конструкцията с *mieć* в случая представлява *параморфологичен показател*. Както видяхме по-горе, тя е многозначна, имперцептивното ѝ значение е по-слабо и поради това не бива да се приема за основен аналог на българските преизказни форми. Нека все пак приведем няколко примера, които на български език са преведени с преизказни форми.

- *Lykon ma być nadzwyczajnie podobny – rzekł Tutmozis. (BP) – Казват, че Ликон приличал поразително на Рамзес.*
- *Fenicję mają podobno zabrać Asyryjczycy, a Sargon ma zostać jej satrapą... (BP) – Говори се, че асирийците цели да завладеят Финикия. Саргон щял да стане сатрап...*

От направения преглед виждаме, че срещу четирите групи значения, които могат да изразяват съчетания на *mieć* с инфинитив в полския език, стоят само две български семантични разновидности – конструкции с безличния глагол *има*, които изразяват следходност и надстроечна продължителност, и

конструкцията с личен глагол *имам*, при които се експлицира значението „необходимост, задължителност“. Между българските и полските конструкции могат да се открият някои важни различия.

На първо място следва да отбележим, че старите славянски описателни форми за изразяване на бъдещи действия (с **имѣти**) се наследяват по различни начини. В българския език за техен продължител се смятат съчетанията на безличен глагол *има* и *да-конструкция*, а в полския – с личен глагол *mieć* и инфинитив.

Внимание заслужава и фактът, че в полския език липсва надстроечното значение „продължителност“ (интерес би представлявало да се проследи как това значение се предава при превод на полски език, за превода на руски вж. Чакърва 2008).

Полисемантичността на конструкциите, функционалните ограничения при образуването им, както и изключителната зависимост от контекста ни навеждат към мисълта, че глаголите, наследници на **имѣти**, не са в състояние да образуват аналитични форми нито в българския, нито в полския (още по-малко в руския).

Полският език, като представител на западнославянската група, се характеризира с висока честотност на съчетанията с *mieć* – с тях се изразява широк спектър от значения, като за диференциация служи преди всичко контекстът.

На другия полюс можем да поставим руския език. Неслучайно в хода на анализа почти не споменавахме този източнославянски език. Причина за това е изключително рядката употреба на глагола *иметь* дори и в основното му посесивно значение. Както видяхме, спомагателната роля на руския глагол не е запазена – образуваните с него описателни форми твърде рано изчезват, а като причината може да се посочи фактът, че **имѣти** и **хотѣти** са се свързвали само с одушевен деятел (вж. Чакърва 2008: 523). Частично изключение правят само гореспомнатите примери от диалектите, както и някои архаизиращи средства.

По средата се позиционира българският език – колкото южнославянски, толкова и балкански. Със своята уникална морфологична система той по-скоро е запазил конструкциите с *има(м)* като екзотични и силно емоционални изразни средства.

В заключение се потвърждава фактът, че макар и близкородствени, българският, руският и полският проявяват строго специфични особености при употребата на глагола *има(м)*. Въпреки че в отделните славянски езици е добре проучен, функционирането му поставя нови перспективи пред занимаващите се със компаративистика и лингвотипология. Необходимо е да се опишат формалните ограничения и семантичните нюанси, които се забелязват при употребата на конструкциите с *има(м)* не само в славянското езиково семейство, но и в по-широк план – тема, която и занапред ще бъде обект на наши изследвания.

Библиография

- Андрейчин, Любомир (1944), *Основна българска граматика*. София, Хемус.
- Ахманова, Ольга С. (1969), *Словарь лингвистических терминов*. Москва, Советская энциклопедия.
- Бояджиев, Тодор (1968): Аналитични форми с глагола *имам* в тракийските говори. *Известия на института за български език*, 16, 459-465.
- Букатевич Н. И., С. А. Савицкая, Л. Я. Усачева (1974) Историческая граматика русского языка. Киев, Вища школа.
- Георгиев, Владимир (1976), Възникване на нови сложни глаголни форми със спомагателния глагол „имам“. *Помагало по българска морфология. Глагол*. София: Наука и изкуство, 294-311.
- Добровски, Йосиф (1883–1884), *Грамматика языка славянского*. Санкт Петербург.
- Костов, Никола (1939), *Българска граматика*. София, Държавна печатница.
- Куцаров, Иван (2007), *Теоретична граматика на българския език. Морфология*. Пловдив, УИ „Паисий Хилендарски“.
- Ломтев, Тимофей (1961), Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология), Москва, Высшая школа
- Мещанинов, Иван Ив. (1982), *Глагол*. Ленинград, Наука.
- Ницолова, Руселина (2008), *Българска граматика. Морфология*. София, УИ „Св. Климент Охридски“.
- Харалампиев, Иван (1981), Старобългарските средства за изразяване на бъдещи действия и съвременните форми за бъдеще време. *Български език*, 2, 116-122.
- Чакърва, Красимира (2010), *Императивът в съвременния български език*. Пловдив, Пигмалион.
- Чакърва, Красимира (2008), Българските конструкции с глагола *има* и техните аналози в руския език. *Научни трудове на Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“*, том 46 – Филология. Пловдив, УИ „Паисий Хилендарски“.
- Koseska-Toszewa, Violetta (1983), Konstrukcje z polskim *mieć* i bułgarskim *imam*. *Studia Linguistica Memoriae Zdislaw Stieber Dedicata: Materiały Z Sesji Naukowej, Warszawa 20-21 X 1981 R.*, 137-143.
- Rospond, Stanisław (2009), *Gramatyka historyczna języka polskiego*. Warszawa, PAN.
- Stieber, Zdzisław (1973), *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fleksja werbalna*. Warszawa, PWN.

- Świdarska-Konieczna, Halina (1930), Użycie czasownika mieć jako słowa posiłkowego w języku polskim. *Prace Filologiczne*, 15/1, 263-272.
- Topolińska, Zuzanna (1968), Miejsce konstrukcji z czasownikiem *mieć* w polskim systemie werbalnym. *Slavia Orientalis*, 3, 427-431.

Речници

- Речник 1966: *Słownik jazyka staroslověnského*, 1966. Praha, Academia.
- Речник 1999: *Старобългарски речник*. Том I, А-І. София.
- Речник 2006: *Uniwersalny słownik języka polskiego*. Warszawa, PWN.

Ексерпирани източници

- Интернет (страниците са посочени след всеки пример)
- Българския национален корпус (<http://search.dcl.bas.bg>)
- ИБ – Исак Бабель „Одесские рассказы”, Москва, 1990.
- СЦ – Стефан Цанев „Мравки и богове”, Пловдив, „Жанет-45”, 2008.
- ВР – Bolesław Prus „Faraon”, Warszawa: „I. Szeremet” (*Болеслав Прус „Фараон”, София: „Народна култура”, 1967, превод от полски – Димитър Икономов*).
- SL – Stanisław Lem „Astronauci”, Kraków: „Wydawnictwo Literackie”, 2004 (*Станислав Лем „Астронавти”, София: „Народна младеж”, 1958, превод от полски – Ванда Смоховска-Петрова*).
- HS – Henryk Sienkiewicz „Janko muzykant” // „Nowele wybrane”, Warszawa: PIW, 1965 (*Хенрик Сенкевич „Янко музикантът”, София: „Народна младеж”, 1961, превод от полски – Стефан Илчев*).

Nina Ditmajer

Filozofska fakulteta, Univerza v Mariboru
Maribor, Slovenija

RAZVOJ SLOVENSKEGA BOTANIČNEGA IZRAZJA V 19. STOLETJU NA PRIMERU MURKOVEGA (1833) IN PLETERŠNIKOVEGA (1894/95) SLOVENSKO-NEMŠKEGA SLOVARJA

In this paper we showed the development of the Slovenian botanical terminology in the 19th century. We used the two most significant dictionaries of that century: the dictionary of Anton Murko (1833) and Pleteršnik's Slovenian-German dictionary (1894/95). Murko's dictionary includes only plant names, but no other botanical names. There is a total of 220 Slovenian terms in the dictionary with a Latin equivalent. Murko used dictionaries of his ancestors as well as the newest literature about botany for writing out the plant names. Pleteršnik's dictionary contains a large number of plant names, other botanical descriptions and also the qualifier bot. (= botany). He obtained most of the plant names from lexicographers (Caf, Murko, Zalokar) and collectors of these names (Medved, Tušek, Josch, Erjavec).

Key words: terminology, botanical terms, Anton Murko, Maks Pleteršnik, dictionary.

1. UVOD

V prispevku bo prvič prikazan razvoj slovenske botanične terminologije v 19. stoletju. Uporabili smo dva najpomembnejša slovarja v tem stoletju, in sicer Murkov slovensko-nemški slovar iz prve polovice 19. stoletja (1833) ter Pleteršnikov slovensko-nemški slovar iz druge polovice 19. stoletja (1894/95). Ker nas zanima razvoj slovenskega botaničnega izrazja, bomo primerjali vso izrazje v obeh slovarjih ter ocenili številčnost le-tega. Še posebej nas bo zanimalo, katere vire sta oba slovaropisca uporabila za izpis botaničnih imen. Murko namreč virov ni zapisoval, Pleteršnik pa je bil pri tem dokaj dosleden.

2. RAZVOJ SLOVENSKE BOTANIKE V 19. STOLETJU

Razvoj slovenskega strokovnega izrazja v 19. stoletju lahko razdelimo na dve obdobji (po Legan Ravnikar 2009: 49), prav tako tudi razvoj slovenskega botaničnega izrazja: I. Razvojno dinamično obdobje nadaljnega razvoja slovenskega strokovnega izrazja v 1. polovici 19. stoletja in pripravljalna doba za oblikovanje slovenske znanstvene terminologije: V prvi polovici 19. stoletja so se močno pomnožile izdaje poljudnostrokovnih knjig iz kmetijskih strok: Franc Pirc, *Krajnski vertnar ali Podučenje v kratkim veliko sadnih dreves zarediti* (1835, 1845); Matija Vertovec, *Vinoreja za Slovence* (1845) (prav tam). V času Ilirskih provinc je Franc Hladnik (1773–1844), znameniti slovenski botanik, leta 1810 ustanovil Botanični vrt v Ljubljani. Do leta 1834 je imel odmevna predavanja iz botanike in vanjo uvedel številne nove učence: Henrika Freyerja, Žiga Grafa in Muzia Tommasinija. Po Hladnikovi smrti je Botanični vrt prevzel njegov vajenec Andrej Fleischmann (1804–1867). Fleischmann je prvi, ki je pisal o slovenski flori, vendar v nemškem jeziku: *Übersicht der Flora Krains – Pregled kranjske flore*, 1844. Posvetil se je tudi praktični botaniki, tj. sadjarstvu in vrtnarstvu. Njegova predavanja so poslušali med drugim tudi: F. Erjavec, I. Tušek, J. Šafer (Bavcon 2010: 11–142). Takrat je bila med slovenskimi intelektualci botanika zelo priljubljena, posebej botanično imenoslovje, zbiranje takega gradiva pa je že od bratov Zois veljalo za narodno zaslužno delo. Posebno vneti zbiralci so tedaj bili H. Freyer, J. Medved, J. Zalokar, A. Žvegel in J. Stefan. II. Pospešen razvoj slovenskega strokovnega jezika in znanstvene terminologije v 2. polovici 19. stoletja (od 1848) in v začetku 20. stoletja (do 1919): Ko se je slovenski jezik uveljavil kot učni predmet in kot delno učni jezik v višjih gimnazijah, je bilo nujno ustvariti slovenski strokovni učni jezik in slovenski znanstveni jezik. Prvi šolski učbeniki iz »prirodnoznanstve« stroke so zaželi izhajati pri Slovenski Matici in Mohorjevi družbi v Celovcu v šestdesetih letih (Orožen 1979: 121–149). Po Fleischmannu je drugi pisal o slovenski flori Valentin Plemel (1820–1875), ki je del svojih herbarijskih pol opremil tudi s slovensko napisanimi etiketami. Paulin je leta 1898 napisal prvi izvorni učbenik za botaniko ter v obdobju 1887–93 sodeloval pri Pleteršnikovem *Slovensko-nemškem slovarju*, kjer je uredil vso gradivo, ki se nanaša na naravoslovje (Gspan idr.: 267). Slovenski naravoslovec Ivan Tušek je objavil knjigo *Najbolj potrebne stvari iz botanične terminologije* (1862), ki obsega organografsko terminologijo cvetnic, imena rastlinskih vrst ter imena za botanične sistematske skupine in taksonomne kategorije. Čeprav tu niso zajeti izrazi za vse botanične discipline, je to gradivo temelj naše botanične terminologije in nomenklature. A. Janežič je sprejel v program zbirke *Cvetje iz domačih in tujih logov* po prednaročniški poti oba prevoda, namreč Tuškovega: Alois Pokorny, *Prirodopis rastlinstva s podobami* in Erjavčevo *Živalstvo* istega avtorja. To sta bila prva slovenska srednješolska učbenika (razen veroučnih knjig).

3. BOTANIČNO IZRAZJE V MURKOVEM SLOVENSKO-NEMŠKEM SLOVARJU

Leta 1832 je v Gradcu izšel slovensko-nemški, naslednje leto pa nemško-slovenski slovar (v izvorniku (Slovensko-nemški in Nemško-slovenski ročni besednik, zraven kratke slovenske gramatike za Nemce). Greiner je namreč leta 1829 razpisal natečaj za slovensko-nemški in nemško-slovenski slovar s kratko slovensko oz. nemško slovnico. Zato slovar vsebuje besedje celotnega slovenskega ozemlja. Murko se je kot prvi med slovenskimi slovaropisci zavedal posebnosti strokovnega izrazja. Besedje je navajano v besednih družinah

(Humar 1999: 277–281). Pri navajanju botaničnih imen je Murko sledil najnovejšim dognanjem na tem področju. Tako je upošteval binarno nomenklaturo po Linneju. Imena so prikazana na različne načine: (1) del izrazja ima ob nemški ustreznici samo slovensko ime, nemško ustreznico ali nemški opis; (2) del izrazja ima slovensko poimenovanje, zelo splošen nemški opis in latinski ustreznik po Linneju; (3) večina pa ima slovensko poimenovanje, nemško ustreznico, lahko tudi več, in latinsko ime po Linneju; (4) pogosto so navedena variantna poimenovanja; (5) ljudska ali narečna poimenovanja nimajo latinskih imen (prav tam: 286).

3.1 Slovarski viri

Zelo pomembno vprašanje je, od kod je Murko črpal vso to izrazje. Breznik (1938: 18) ocenjuje, da je Gutsman »ustvaril lepo število novih izrazov« in da jih je vključil v svoj slovar tudi Murko. Gutsman naj bi po Brezniku vzel veliko besed iz Jambrešiča. Ti hrvatizmi naj bi po Murku in strokovnih piscih prešli v splošno rabo (npr. gorušica = gorčica). Breznik omenja še Ivana Belostenca in Vuka (1818), od koder bi naj prevzel npr. izraza *bedrika*, *biljka*. Iz Dobrovskega (1821) bi naj zajemal cerkvenoslovenske in češke besede, za ruščino je rabil Heymov (1795) slovar. Murko je tako imel na voljo že kar nekaj slovaropisnih del, s katerimi si je lahko pomagal pri sestavi slovarja in zbiranju iztočnic. Uporabljal je predvsem slovarje osrednjeslovenskih slovaropiscev: Pohlin (1781), Gutsman (1798) in Jarnik (1832). Pohlinov slovar vsebuje ok. 430 botaničnih imen, ki jih je večinoma izpisoval iz Popoviča (Kidrič 1929: 238). Pri tem ni upošteval štajerskih slovarjev, saj njegov slovar ne vsebuje večine slovenskih rastlinskih imen, ki jih je uporabil slovaropisec Čebul (Stabej 1954: 309). Ko smo primerjali Pohlinovo botanično izrazje z Murkovim, smo ugotovili, da je Murko upošteval le nekaj več kot 100 Pohlinovih izrazov. Pohlin pri latinskih imenih navaja le rodovna imena rastlin, ne pa tudi vrstnih, ki jih Murko večinoma zapisuje (pri 188 izrazih). Ostali Murkovi izrazi, ki jim pripiše samo latinsko rodovno ime rastline, se večinoma ujemajo s Pohlinovimi (24 izrazov). Torej si je Murko pri latinskih poimenovanjih lahko pomagal le z najnovejšimi botaničnimi deli, ki so bila takrat na voljo. Vendar je nekaj slovarjev do takrat izšlo tudi na slovenskem Štajerskem: Apostel (1780 – rokopisni slovar), Popovič (ok. 1760 – rokopisni slovar), Čebul (1789 – tiskan slovar), Zagajšek (1773–1790/91 – rokopisni slovar), Harmann (ok. 1803 – rokopisni slovar). Besedišče Petra Dajnka je žal izgubljen. Je pa Murko izpisoval njegovo besedje, upošteval pa je tudi prekmurski knjižni jezik. Fran Cvetko in Mihael Jaklin sta ok. 1811 prav tako zbrala nekaj nemško-slovenskega gradiva (Jesenšek 2004: 72–80). Čebul je avtor knjige *Ein kleines Wörterbüchlein nämlich windisch und deutscher Sprache*. Enu mala Besedishe Nemrizh Slovinskiga inu Nemshkiga Jesika (Maribor 1789). Njegov slovar obsega 2 dela: slovarski (3–38) in poučni (39–112) del. Na straneh 36–39 je zbral kar 70 rastlinskih imen. Njegova zbirka besed kaže močno odvisnost od Pohlinovega slovarčka, vendar prinaša izvorno štajersko besedje, zlasti pri rastlinskih imenih. Murko je žal izpustil nekaj izvirmih Čebulovih besed (Stabej 1954: 308–309). Sicer navaja botanična imena že v poglavju Poljski pridelki (36: ajda, bob, detela, ersh, grah ...), v poglavju Rastline (31: brajda, brefa, bor, hojka, javer, smreka ...), največ rastlinskih imen pa je zbral v poglavju Zdravilne rastline (70: rina, pelin, kamilza, metlika, meta, lilia, janish ...). (Jesenšek 2007b: 211, 212). Tako da je botaničnih imen v slovarju več, kot ocenjuje to Stabej (1954). Popovič je poznal narečne slovenske besede iz bližnje in daljne celjske okolice. Tako je že v *Untersuchungen vom Meere* zapisal marsikatero slovensko rastlinsko ali živalsko ime: mokowna, srowenka, storoxke, schipek, kreifsnza, poftowka, mokošfewka (Stabej 1954: 309). Popovič (2007: 32–64) je navajal k rastlinskim imenom tudi latinske in nemške ustreznice – danes rokopis ni več v celoti ohranjen. Naša primerjava z Murkovim izrazjem je zato okrnjena. (1) Besede in latinske ustreznice, ki jih prinašata oba slovarja: *bor* (*pinus*; Murko: *Pinus silvestris*); *dinja*, *tikva* (*Cucurbita vulgaris*; Murko: *C. pepo*, *tikva Cucurbita melo*); *dob* (*quercus*); *jagned* (*populus nigra*); *javor* (*acer montanum*; Murko: *Acer platanoides*); *jesen* (*fraxinus*); *jeuša* (*alnus*); *oves* (*avena*); *sliva* (*prunum praecox*, *prunum Damascena*, Murko: *p. domesticum*); *topolka* (*populus tremula*; Murko: *topol*, *trepetlika*). (2) Murkov slovar ne vsebuje naslednjih Popovičevih botaničnih imen: *nagnoj*, *negnoj*, *šir*. (3) Latinske ustreznice se popolnoma razlikujejo v geslih: *praprot*, *luk*. (4) Popovič nima latinskih ustreznic, jih ima pa Murko: *hrast*, *višnja*. (5) Popovič ima latinsko ustreznico, Murko pa je nima: *meklen*, *oreh*, *češminje*.

3.2 Tuja in domača znanstvena ter strokovna dela

Kot prvi možni vir Humarjeva omenja Scopolijevo *Flora carniolico* (1760, 1772), ki vsebuje 127 slovenskih rastlinskih imen: Abratezza, Agrimonia, Ajdousku sele, Arman, Artezha Crasciza, Baršlan ..., ki jih Murko ne navaja ali pa jih drugače poimenuje. Kot drugi možni vir omenja Pohlina in njegovo delo *Kmetam za potrebo inu pomoč* (1789), kjer je avtor opisal 9 strupenih rastlin in navedel tudi različice imen zanje: zherni sobnik, sobnijak ali sobnik; resbuka, lenesh ali smerdlivz. To knjigo bi naj Murko poznal, vendar je bila preskromna, da bi si z njo lahko pomagal pri botaničnih poimenovanjih (Humar 1999). Dodajamo še možni vir iz 18. stoletja: rudniški zdravnik Francoz B. Hacquet je v razpravi o boleznih živine navedel za opisane rastline slovenska imena. Svoj herbarij s slovenskimi rastlinskimi imeni pa bi naj zapustil Karlu Zoisu (Jezernik 2009: 28).

3.3 Zbiralci in sezname slovenskih rastlinskih imen

V Arhivu republike Slovenije (AS 863, Freyer, Henrik, fasc. 14) se je ohranilo precej rokopisov s slovenskimi imeni rastlin. V herbarijih so se prve slovenske etikete pojavile šele po letu 1840 in običajno na njih ni slovenskih imen rastlin (Valentin Plemel prvi objavi tudi slovenska imena, 1862). Sezname rastlin so nastajali veliko prej, kot so bili objavljeni. Franc Hladnik je zbral obširen herbarij kranjske flore, ki ga je leta 1836

daroval Kranjskemu deželnemu muzeju. Ohranil se je njegov latinsko pisani učbenik Botanike; pri zdravilnih rastlinah dodaja slovenska imena. V Bohinjski flori tudi navaja ponekod slovenska imena. Iz leta 1821 pa je ohranjen zvezek *Nomina Plantarum latina, carniolica et germanica* (Latinska, kranjska in nemška rastlinska imena), obstaja pa še slovensko-latinsko-nemški imenik in latinsko-slovenski seznam (Praprotnik 2012: 147). V letih od 1781 do 1785 je Karel Zois pisal tako imenovane Vrtné protokole. V seznamu je na prvem mestu napisal slovensko (kranjsko) ime, nato latinsko ter nemško: drejn (*Cornus mascula*), zherni tern (*Prunus spinosa*); zhefmine (*Berberis vulgaris*), nagnoj (*Cytisus Laburnum*); maklen (*Acer Campestris*); jaged (*Populus alba, nigra*); bresa (*Betula alba*); zhespla *Prunus domestica* itd. (Praprotnik 2004: 169). Freyerjev seznam slovenskih rastlinskih imen, ki ga hrani Narodni muzej Slovenije, je izšel leta 1836 v prilogi časopisa *Laibacher Zeitung*. Seznam vsebuje 2094 rastlinskih imen, od tega 2012 slovenskih, 73 pa hrvaških (Praprotnik 2007: 1). Vsa ta imena vsebuje tudi Murkov slovar. Vendar Freyer v tem seznamu ni objavil znanstvenih imen, tj. latinskih, so pa le-ta razvidna iz njegovih ostalih rokopisnih virov: Henrik Freyer: *Nomina Plantarum latino – carniolica* – *latina*, 1822. 26 listov. J. A. Breckerfeld 1784 zu Altenburg, L.B. de Zois, Matheus Rauniker et reliq. mihi. Največ imen je po podatkih preprostega ljudstva zbral Franc Anton Breckerfeld (1740–1806). V seznamu so še imena, ki jih je nabral Karel Zois (1756–1799), Matevž Ravnikar (1776–1845) in tudi Freyer. Ta spisek je bil tudi podlaga za tiskani seznam leta 1836 (Praprotnik 2007: 4, 5). Ta latinska imena ter tudi slovenska rastlinska imena se ujemajo z večino Murkovih botaničnih imen.

3.4 Izpis slovenskih botaničnih imen

V nadaljevanju bomo izpisali rastlinska imena, ki jih vsebuje slovar in jih razvrstili v več skupin glede na navajanje v slovarju. Pri tem je potrebno opozoriti, da slovar vsebuje veliko rastlinskih imen (= fitonimi), skoraj nič pa ostalih botaničnih izrazov, npr. poimenovanja za dele rastline, družinska rastlinska imena itn. Murko tudi ne navaja samo Linnejevih latinskih poimenovanj (*Linn.*), temveč najdemo tudi tri druge oznake, predvsem pri živalskih imenih: *Klein.*, *Blumenb.*, *L.* Upoštevali smo tudi imena gob (glive). Slovar je napisan v bohoričici, zato smo izraze zaradi lažjega branja prečrkovali v slovenico in jih zapisali v oglatem oklepaju, ki sledi iztočnici. Pri iztočnici *mak* lahko vidimo, kako Murko zapisuje botanična imena in njihove latinske ustreznice: *Mak* (*papaver*); *divji mak* (*Papaverrhoeas. Linn.*). Nekoliko drugače pri iztočnici *pelin*: *Pelin* (*Artemisia absinthium. Linn.*); *divji pelin* (*Artemisia vulgaris. Linn.*).

3.4.1 Slovenska rastlinska imena, ki imajo latinski ustreznik po Linneju (*Linn.*): 188 imen

Abarat (*Artemisia abrotonum. Linn.*); *ajdina* (*Polygonum fagopyrum. Linn.*); *ber* (*Panicum italicum. Linn.*); *beršhlen* [beršlen] (*Hedera helix. Linn.*); *beseg* [bezeg] (*Sambucus nigra. Linn.*); *blagva* (*Agaricus piperatus. Linn.*); *bob* (*Vicia faba minor. Linn.*); *bor* (*Pinus silvestris. Linn.*); *boroviza* [borovica] (*Juniperus communis. Linn.*); *bosiljak* [bosiljak] (*Ocimum basilicum. Linn.*); *boshur* [božur] (*Paeonia officinalis. Linn.*); *breskev* [breskev] (*Amygdalus perska. Linn.*); *brest* [brest] (*Ulmus campestris. Linn.*); *bresa* [bresa] (*Betula alba. Linn.*); *brin* (*Juniperus communis. Linn.*); *brošhzh* [brošč] (*Rubia tinctorum. Linn.*); *bukev* (*Fagus filvatica. Linn.*); *buzha* [buča] (*Cucurbita melo. Linn.*); *detela* (*Trifolium pratense. Linn.*); *dina auch dinja* (*Cucurbita pepo. Linn.*); *dob* (*Quercus. Linn.*); *dren* (*Cornus mascula. Linn.*); *dremota* (*Lychnis viscaria. Linn.*); *babja oder babina dušhiza* [dušica] (*Mentha pulegion. Linn.*); *epih* (*Apium graveolens. Linn.*); *faniniza* [faninica] (*Myosotis palustris. Linn.*); *gabes* [gabez] (*Symphytum officinale. Linn.*); *gamiliza* [gamilica] (*Anthemis nobilis. Linn.*); *gaber* (*Carpinus betulus. Linn.*); *glibanja* (*Pharus esculentus. Linn.*); *glodash* [glodaž] (*Ononis antiquomm. Linn.*); *glog* (*Crataegus oxyacantha. Linn.*); *grah* (*Fascolus vulgaris. Linn.*); *kresno, laško ali rudeče grozdijče* (*Ribes rubrum. Linn.*); *habat* (*Sambucus ebulus. Linn.*); *hmelj* (*Humulus lupulus. Linn.*); *hoja, hojka v. smereka* (*Pinus silvestris. Linn.*); *homuleze* [homulece] (*Sedum acre. Linn.*); *hrabrika* (*Carpinus betulus. Linn.*); *hraft* [hrast] (*Quercus austriaca. Linn.*); *hren auch hrin* (*Cochlearia armoracia. Linn.*); *hruftez* [hrustec] (*Medicago sativa. Linn.*); *hudoletniza* [hudoletnica] (*Erigeron canadense. Linn.*); *imberil* (*Amomum zingiber. Linn.*); *jaged* (*Populus nigra. Linn.*); *jagoda* (*Fragaria vesca. Linn.*); *janesh* [janež] (*Pimpinella anisum. Linn.*); *javor* (*Acer platanoides. Linn.*); *jerebika* (*Sorbus aucuparia. Linn.*); *jesen* [jesen] (*Fraxinus. Linn.*); *jezhmen* [ječmen] (*Hordeum. Linn.*); *kadulja* (*Salvia horminum. Linn.*); *kaneza* [kaneca] (*Laurus cinnamomum. Linn.*); *kazhez oder kazhniza* [kačec ali kačnica] (*Euphorbia. Linn.*); *kerhlika* (*Rhamnus frangula. Linn.*); *kerv jvana* (*Hypericum perforatum. Linn.*); *kervniza* [kervnica] (*Lycoperdon bovista. Linn.*); *kihavka* (*Veratrum album. Linn.*); *kiseliza* [kizelica] (*Rumex acetosa. Linn.*); *klinzi* [klinci] (*Caryophyllum aromaticum. Linn.*); *kobuliza* [kobulica] (*Thlaspi Bursa pastoris. Linn.*); *kokol in kokal* (*Agrostemma githago. Linn.*); *kokorik oder kokoriza* [kokorica] (*Cuscuta/Antirrhinum linaria. Linn.*); *kolmush* [kolmuž] (*Acorus calamus. Linn.*); *komonika* (*Artemisia. Linn.*); *konopla* (*Cannabis sativa. Linn.*); *koper* (*Panicum. Linn.*; *Chamaemelum vulgare/Matricaria chamomilla. Klein.*); *kopina* (*Lonicera xylosteum. Linn.*); *kopitnik* (*Bromus. Linn.*); *kopriva* (*Urtica urens. Linn.*); *mertva kopriva* (*Lamium album. Linn.*); *koren* (*Daucus sativus. Linn.*); *korusa* [koruza] (*Zea mays. Linn.*); *kosmazha* [kosmača] (*Ribes grossularia. Linn.*); *koštanj* [koštanj] (*Fagus castanea. linn.*); *kosja brada* [kozja] (*Tragopogon. Linn.*); *kozlizh* [kozlič] (*Veleriana. Linn.*); *krebuliza* [krebulica] (*cerefolium. Linn.*); *kresha* [kreša] (*Lepidium. Linn.*); *krompir* (*Solanum tuberosum. Linn.*); *kutina* (*Cydonia vulgaris. Linn.*); *lapuh* (*Arctium lappe. Linn.*); *len* (*Linaria vulgaris. Linn.*); *leška*

[leska] (*Corylus avellana*. Linn.); lešha, lešzhina [leša, leščina] (*Corylus avellana*); ljulika (*Lolium temulentum*. Linn.); loboda (*Artiplex*. Linn.); lozh oder lozhevyje, lozhje [loč ali ločevje, ločje] (*Juncus articulatus*. Linn.); luk (*Allium caepa*. Linn.); luzhnek [lučnek] (*Verbascum thapsus*. Linn.); divji mak (*Papaver*. Linn.); malina (*Rubus adaeum*. Linn.); margarana (*Punica granatum*. linn.); margeta (*Primula veris*. linn.); materna dušhiza [dušica] (*Thymus serpyllum*. Linn.); medvedova hrušhiza auch medvednik [hrušica] (*Crataegus oxyacantha*. Linn.); merkevza, merkoviza, merkva [merkevca, merkovica] (*Daucus sativus*. Linn.; *Daucus carota*. Linn.); mesiniz [mezinic] (*Achillea millefolium*. Linn.); konjška meta [konjska] (*Mentha silvestris*. Linn.); ogradna oder vertna meta (*Mentha crispa*. Linn.); metlinjak (*Charopodium stoparie*. Linn.); modrišh [modriš] (*Centaurea cyanus*. linn.); muhja goba (*Agaricus muscarius*. Linn.); mušhiza [mušnica] (*Agaricus muscarius*. Linn.); oblajft [oblajst] (*Isatis*. linn.); oman (*Inula Helenium*. Linn.); patonika (*Paeonia officinalis*); pelin (*Artemisia absinthium*. Linn.); divji pelin (*Artemisia vulgaris*. Linn.); perunika (*Iris germanica*. Linn.); pešika, pešikoviz [pesika, pesikovic] (*Rhamnus catharticus*. Linn.); petliŕna trava [petlistna] (*Potentilla reptans*. Linn.); petersh [peterž] (*Apium petroselinum*. Linn.); pišdogriš [piždogriž] (*Ranunculus*. Linn.); poŕolnzhniza [poŕolnčnica] (*Helianthus annuus*. Linn.); poŕhilka [požilka] (*Ocimum basilicum*. Linn.); potozhniza [potočnica] (*Myosotis palustris*. Linn.); povijŕniza [povistnica] (*Lycoperdon bovista*. Linn.); povratizh [povratič] (*Tanacetum crispum*. Linn.); praprat (*Pteris aquilina*. L.); profo [proso] (*Panicum miliaceum*. L.); pšheniza [pšenica] (*triticum vulgare*. Linn.); purpeliza [purpelica] (*Papaver rhoeas*. Linn.); regrad (*Leontodon taraxacum*. Linn.); relih (*Pirus larix*. Linn.); reŕ, reŕje [res, resje] (*Erica vulgaris*. Linn.); resh [rež] (*Secale cereale*. Linn.); ribes [ribez] (*Ribes rubrum*. Linn.); ribika (*Sorbus aucuparia*. Linn.); roshmarija [rožmarija] (*Rosmarinus officinalis*. Linn.); rukaz [rukac] (*Primula veris*. Linn.; *Verbascum Thapsus*. L.); samojed, samojeja (*Ranunculus*. L.); serka, sirka (*Sorghum vulgare*. Linn.); sivka (*Lavandula*. Linn.); sklef [sklez] (*Althaea officinalis*. Linn.); sladizh, slazhiza [sladič, slačica] (*Glycyrrhiza glabra*. L.); sladkoŕkorja [sladkoskorja] (*Laurus cinnamomum*. Linn.); sliva (*Prunus domesticum*.Linn.); sles [slez] (*Althaea officinalis*. L.); smereka, smreka (*Pinus abies*. Linn.); smokva (*Fragaria vesca*. L.); spurišh [spuriš] (*Verbena officinalis*. Linn.); srakona (*Digitaria sanguinalis*. Linn.); sramsja [sramsja] (*Crataegus torminalis*. Linn.); srebot, srobot (*Clematis vitalba*. Linn.); srovka (*Agaricus deliciosus*. Linn.); steklaŕ, stoklaŕ [steklas, stoklas] (*Avena fatua*. Linn.); stiper (*Tusilago farfara*. Linn.); sviben (*Cornus sanguinea*. L.); shipek [šipek] (*Rosa canina*. Linn.); shzherenka [ščerenka] (*Chenopodium ambrosioides*. Linn.); slatiza [zlatica] (*Chrysanthemum*. Linn.); shafran, shefran [žafran, žefran] (*Crocus sativus*. Linn.); shavŕje [šavsje] (*Salvia officinalis*. Linn.); shelvina trava [želvina trava] (*Alisma plantago*. Linn.); shito [žito] (*Secale cereale*. Linn.); tabak (*Herba nicotiana*. Linn.); talovje (*Veratrum album*. Linn.); terputiz [trputic] (*Centaurea amara*. Linn.); terŕ, terta [trs, trta] (*Vitis vinifera*. Linn.); tikev oder tikva (*Cucurbita melo*. Linn.); tizhiza [tičica] (*Bellis perennis*. Linn.); topol *Ulmus alba*. Linn.); trabelika, trubelika (*Conium*. Linn.); turŕhiza [turšica] (*Zea mays*. Linn.); verba, verbazha [vrba, vrbača] (*Salix alba*. Linn.); verbiza [vrbica] (*Artemisia vritmifolia*. L.); vijola, viola, violiza, vijoliza [vijolica] (*Viola odorata*. Linn.); viŕhna [višna] (*Cerasum Apronianum*. Linn.); voman (*Inula Helenium*. Linn.); vratizh [vratič] (*Tanacetum vulgare*. Linn.); vrednik (*Graphalium*. Linn.); vuhelnik (*Sempervivum majus*. Linn.); zhrenŕa [črensja] (*Prunus padus*. Linn.); zheŕen, zheŕnik [česen, česnik] (*Allium sativum*. Linn.); zheŕmiga [česmigja] (*Berberis vulgaris*. Linn.); zhmerika [čmerika] (*Veratrum album*. Linn.); zhrevenka [črevenka] (*Chenopodium ambrosioides*. Linn.); zhrenŕa, zhrimza [črensja, črimca] (*Prunus padus*. Linn.).

3.4.2 Slovenska rastlinska imena, ki imajo latinski ustreznik brez oznake za latinski vir (32)

Biluŕh [biluš] (*Asparagus*); *drazh* oder *drazhje* [drač, dračje] (*saliunca*); *duhan* (*herba nicotiana*); *fidulka* (*Esula*); *gorzhiza* [gorčica] (*sinapis*); *grahor* (*Vicia*); *hivojka* (*Esula*); *jeder* (*Amygdalus*); *jel* (*Abies*); *jelŕha* [jelša] (*Alnus*); *kapuŕ* (*Brassica*); *kljunjzhek* [kljunjček] (*Tulipa*); *kumara* (*Cucumis*); *lelija* (*Lilium*); *leŕizhek* [lesiček] (*Lycopodium*); *limbar* (*Lilium*); *lipa* (*Tilia*); *marela*, *mareliza* (*prunus armanaica*); *meta* (*Mentha*); *muŕhkat* [muškat] (*vitis muscata*); *metlikovina* (*Artemisia*); *morva* (*Morus*); *murka* (*Cucumis*); *oveŕ* (*Avena*); *orlovi nohti* (*Caprifolium*); *palma* (*Palma*); *pesa* (*Beta*); *robida* (*rubus*); *smetlika* (*Euphrasia*); *vohrov* (*Brassica*); *svederz* [svedrc] (*Centaureum*); *trepeljlika* (*Populus tremula*).

3.4.3 Slovenska rastlinska imena, ki nimajo latinskega ustreznika

Ti izrazi nas tokrat niso posebej zanimali, zato navajamo le nekaj primerov: *bedrika*; *muŕhkateliza*[muškatelica]; *meklen*; *shilnjak*[žilnjak]; *zheŕhulja*[češulja]; *zheŕhpla*[češpla]; *zhreŕhna*[češna]; *jurŕhiza* auch *jurjoŕhza* [juršica tudi jurjošca]; *okrijek*; *ognez* [ogmec]; *ohmetje*; *oŕkoruŕha* [oskoruša]; *shmarŕniza* [šmarŕnica]; *shitnika* [žitnika]; *zheŕhminje* [češminje], *modrina*, *vivolze*.

4. BOTANIČNO IZRAZJE V PLETERŠNIKOVEM SLOVENSKO-NEMŠKEM SLOVARJU

Pleteršnik je imel na voljo veliko več gradiva, sploh pa več slovarjev, kot jih je imel Murko. Pred slovarskim delom slovarja je navedel vse vire, iz katerih je črpal: 159 pisnih in ustnih virov, ki so v slovarju še nadalje členjeni (po konkretnih delih, sekundarnih virih). Vso botanično gradivo v slovarju je uredil Alfonz Paulin, takratni vodja Botaničnega vrta v Ljubljani. Posebej smo obravnavali slovenska rastlinska imena in ostala botanična poimenovanja. Gradivo smo razvrstili na slovarski, časopisni, strokovni vir ter na sezname rastlin.

4.1 Gradivo za rastlinska imena

Pleteršnikov slovar vsebuje ogromno rastlinskih imen. Tovrstno gradivo je dobil od kar 16 avtorjev, zato ne preseneča, da imajo nekatera rastlinska imena v slovarju tudi po tri ali več slovenskih sopomenk, npr. *Aristolochia clematitis*: jabolček, jabolčnik, kočka, volčnica, volkovka. Izpisali smo tudi nekaj primerov k vsakemu avtorju ter ocenili številčni prispevek izrazov nekaterih avtorjev.

4.1.1 Sezname rastlin

4.1.1.1 Jernej Medved

Oznaka: Medv. (Rok.): 455 rastlinskih imen.

Medved je zbiral je slovenska imena rastlin za Cafov slovar; njegovo rokopisno gradivo sta uporabila v svojih slovarjih Pleteršnik in Cigale, v svojih delih pa tudi Ivan Tušek. Pleteršnik je uporabil Medvedov rokopis (1875), ki obsega rastlinska imena v latinskem, nemškem in slovenskem jeziku. Nekaj primerov: *aborat* die Stabwurz (artemisia abrotanum), Medv. (Rok.); *dragoncelj* der Dragunbeifuß (artemisia dracunculus), Cig., Valj. (Rad), Medv. (Rok.); *jesika* die Zitterpappel, die kleine Pappel (populus tremula), Cig., C., Mik., Medv. (Rok.); *kačunka* das Schlangenkraut (calla), Tuš. (B.), Medv. (Rok.); *lepnica* das Leimkraut (silene nutans), Cig., Medv. (Rok.); *mečiče* je Rohrkolben (typha latifolia), Medv. (Rok.), Dol., Gor.

4.1.1.2 Franc Hladnik

Oznaka: Hlad.: 6 izrazov

Hladnik je ustanovitelj Botaničnega vrta v Ljubljani 1810. Zapustil je obsežno zbirko rastlin, ki jo hrani Narodni muzej Slovenije. Iz tega rokopisa je črpal tudi Pleteršnik. Ni pa poznal njegovega latinsko pisanega učbenika Botanike, kjer pri zdravilnih rastlinah dodaja slovenska imena. V Bohinjski flori tudi navaja ponekod slovenska imena. Iz leta 1821 pa je ohranjen zvezek Nomina Plantarum latina, carniolica et germanica (Latinska, kranjska in nemška rastlinska imena), obstaja pa še slovensko-latinsko-nemški imenik in latinsko-slovenski seznam (Praprotnik 2012: 147). Izpis vseh primerov: *anglika* (angelica), Cig., Hlad.; *bar* (setaria italica), Hlad. (Rok.), Tuš. (B.), Kr.; *hojačrna* h. = smreka, Z., Hlad.; *meta* črna m. (m. viridis), Hlad.; *ščavje* (rumex acutus), Cig., Jan., Hlad.; *ščir* (amarantus blitum), Hlad., Goriška ok., Vrsno (Tolm.)-Erj. (Torb.).

4.1.2 Slovaropisno gradivo

Pleteršnik je črpal največ botaničnega gradiva iz naslednjih slovaropiscev: Murko, Cigale, Janežič, Caf, Zalokar, Miklošič. Cafovo zbrano slovarsko gradivo je najpopolnejša zbirka slovenskih besed, zato je bila osnova za Pleteršnikov slovar. Caf je od leta 1834 pa vse do svoje smrti 1874 sistematično izpisoval iz slovenske literature, pregledal pa je tudi vse rokopisne in tiskane slovarje razen Cigaretovega. Mnogo gradiva se je pri prepisovanju za Pleteršnikov slovar izgubilo (Caf je izpisoval na pole in listke). Caf je natančno izpisoval prekmurske pisce (Jesenšek 2004: 82). Dogovoril se je s prekmurskimi duhovniki, da so mu pošiljali knjige ter zbirali in zapisovali narečno besedje. V Framu je gostil svoje informatorje iz Prekmurja, Rezije in drugih slovenskih krajev (Jesenšek 2007: 182). Pleteršnik je iz Murkovega slovensko-nemškega slovarja izpisal 73 botaničnih imen (oznaka: *Mur.*). Oznako JvzhŠt ima izraz *babja dušica*, ki ga ima sicer Murko v slovarju; isto izraz *gavez* (Murko *gabez*), ki ima oznako vzhŠt.-C, CIG, Celjska ok.; *mezinec* (M., C., vzhŠt.). Velikokrat se zgodi, da Pleteršnik navede rastlinsko ime, ki ga ima Murko, pa ne navede latinske ustreznice niti njegovega vira, npr. kokol/kokolj, ali pa ne navede samo vira: rožmarin, trepetljika oz. latinske ustreznice: tobak. Izrazi, ki v Murkovem slovarju ne vsebujejo oznake Linn., so redkeje sprejeti v Pleteršniku in večinoma vsebujejo samo navedbo njegovega vira. Primeri: *aborat* (artemisia abrotanum), Medv. (Rok.); *brin* (juniperus communis), Mur., Cig., Rez.- Mik., Kras-Erj. (Torb.); *gamilica* = gomilica, Mur.; *krebujlica* (anthriscus), Mur., Jan.; *luk* (allium cepa), Mur., Cig., Jan., Nov., vzhŠt.; *margetica* (primula veris), Mur., C.; *pizdogriz* (ranunculus sceleratus), Mur., SlGor.- C.; *samojed* (ranunculus), Mur.-Cig., Mik., vzhŠt.- C.

Stanko Vraz je v slovensko-nemški del Murkovega slovarja uvezal 194 praznih listov, na katere je vpisal 256 iztočnic, ki jih Murko ni upošteval. Pripisi zajemajo vzhodnoštajersko besedje, ki ga je Vraz zbiral poleti leta 1833, ko je bival na Noričkem Vrhu pri Zgornji Radgoni. Pleteršnikov slovar vsebuje Vrazovo besedje, vendar brez pripisa, da gre za njegove besede, temveč imajo druge kvalifikatorje, npr. *vzhŠt.* (vzhodni del slovenskega Štajerskega), *C.* (Cafovo slovarsko gradivo), *SlGor.* (Slovenske gorice), *M.* (Miklošičevo rokopisno slovarsko gradivo). To pomeni, da je največ teh besed Pleteršnik dobil prav preko Cafa in Miklošiča (Jesenšek 2004: 110–113). Botaničnih imen ni veliko: *čremsa*, *krhlika*; *dolgorepka*; *durancelj*; *loščica*; *perina*. Zalokarjev slovar je s Cafovim in Miklošičevim gradivom vred ogroditve Pleteršnikovemu slovarju. Njegov rokopis se ni ohranil, pač pa je ostal prvotni Slov.-nemški slovník (1856) z razporeditvijo pa besednih družinah. Pri leksikografskem delu se je posebno rad ukvarjal z botanično in zoološko terminologijo (SBL). Pleteršnik je jemal besede iz njegovega rokopisa. Primeri: *nora ajda* (polygonum tataricum), Z.; *čreveljček* (lotus corniculatus), Z.; *glavač* (echinops ritro), Z., C.; *jabolček* (aristolochia clematitis), Z.; *repinčasta krebujlica*, Z.; *ovsenica* (arrhenaterum avenaceum), Z., Nov.- C.

4.1.3 Strokovna, znanstvena dela

4.1.3.1 Ivan Tušek

Oznaka: Tuš. (B.), Tuš. (R.); Tuš. (Št. l. č.): 736 botaničnih izrazov.

Pleteršnik je Tuškovo botanično izrazje črpal iz treh del: Štirje letni časi (1875), ki jo je Tušek prevedel in deloma priredil po E. A. Rossmasslerju. Gre za delo na fenološki podlagi, ki mu je Tušek dodal lat.–slov. imenik

za čez 700 rodov cvetnic slovenskega ozemlja, za katerega je uporabil tudi gradivo iz zapuščine Jerneja Medveda. Tuškove izraze za botaniko, fiziko in matematiko so najprej uporabili v svojih slovarjih Cigale, Janežič in Pleteršnik, iz njih pa so prešli v splošni besednjak slovenskega jezika (Gspan 1980–91: 257–259). Dalje je Pleteršnik uporabil prevod Botanike (1875), ki prinaša predvsem botanične izraze za dele rastlin in višje rastlinske taksone. Uporabil je še 2. izdajo A. Pokornega Prirodopis rastlinstva (1872). V slovarju je Tušek tako pogosto zapisan kot vir skupaj s slovaropiscema Janežičem in Cigaletom, nekajkrat z botanikom Hladnikom ter celo z zbiralcem Joschem. Nekaj primerov: *bar* (*setaria italica*), Hlad. (Rok.), Tuš. (B.), Kr.; *bazilika* (*ocimum basilicum*), Cig., Jan., Tuš. (R.); *bared* (*nymphaea alba*), Tuš. (R.), Medv. (Rok.); *bobovnjak* = bobovnik Tuš. (B.), Josch; *bučnik* (*ajuga reptans*), Tuš. (Št. I. č.).

4.1.3.2 Matija Vrtovec

Oznaka: Vrtov. (Vin.); Vrtov. (Km. k.); Vrtov; Vrtov.-C: 41 izrazov.

Pleteršnik je največ botaničnih izrazov črpal iz Vrtovčeve Vinoreje. Gre predvsem za imena vinske trte. Nekaj primerov: *berzamin* neka trta = brzamin, merzamin, Vrtov. (Vin.); *damascen* neka vinska trta, Vrtov. (Vin.); *detelja*, večna d., nemška d., (*medicago sativa*), Cig., C., Tuš. (R.), Josch, Vrtov.; *glavato zelje* Vrtov. (Km. k.); *grganija* neka vinska trta, Vrtov.- C., Nov., Ip., GBrda- Erj. (Torb.); *kozjak*, neko grozdje: die Geißdutte, Trumm., Vrtov. (Vin.), Št., Dol.- Erj. (Torb.); *kurbin* = krbín, vinika, Vrtov.- C.; *marvinj* neka vinska trta, = javornik, glavačica, rumenjaka, Ip.- Vrtov. (Vin.).

4.1.3.3 Edvard Josch

Oznaka: Josch: 149 rastlinskih imen

Josch je nabiral imena rastlin na Koroškem. V Pleteršnikovem slovarju je veliko njegovih izvornih imen. Jemal jih je iz dela Die Flora von Kärnten (1853). Delo je napisano v nemščini ter vsebuje latinska, nemška in slovenska imena rastlin, npr. Myrrhis. * My. odorata Scop. In Gärten gebaut, und am südlichen Abhänge des Loibel wild, Juli.D. Anniskraut (Flaclinitz). W. Sladki praprot (Jaunthal) (Josch 1853: 50). Nekaj primerov iz slovarja: *aškerica* = jaščerica, Josh; *bezovec* Zilj. - Jarn. (Rok.), Josh; *češmilje* = češminje, Jarn., Mur., Cig., Josh; *kolenik* (*Spergula arvensis*), Josh; *komelica* = gomilice, Josh; *pumpila* = pumpava, popava, Bodeča osat (*Carlina acaulis*), Josh; *rumena reva* (*Taraxacum officinale*), Josh.; *sramsca* = čremsa, Mur., Cig., Jan., Josch, Celovška ok.

4.1.3.4 Jarnik

Oznaka: Jarn., Jarn. (Sadj.), Jarn. (Rok.): 39 botaničnih izrazov.

Pleteršnik je jemal botanično izrazje iz Jarnikove Sadjereje (1817), besed, nabranih po Ziljski dolini (Rok.) ter dela Versuch eines Etymologikons der slovenischen Mundart in Inner-Österreich (1832). Jarnik ni zapisoval latinskih ustreznice k rastlinam. Velikokrat je zapisan skupaj z Gutsmanom in Joschem ter tudi Murkom. Nekaj primerov: *bezovec*, Zilj.- Jarn. (Rok.), Josch.; *borje* = borovje, Guts., Jarn.; *cvetovec* Guts., Jarn., Mur., C.; *česnik* = česen, Guts., Jarn., Mur., Cig., Jan., Štek.; *čremha* = čremsa, Jarn.; *hoja* = jel, jelka (*abies pectinata*), Guts., Jarn., Mur., V.-Cig., Medv. (Rok.); *korencelj* = korenček Jarn; *kosmačulja* neka hruška, Jarn. (Sadj.); *ridžek* der Leindotter (*camelina sativa*), Jarn., Mur., Cig., Tuš. (R.), C.; *sirek* = koroza, Guts., Jarn., Jan., Rez.- Baud., KrGora; *smokvica* die Erdbeere, Gor.- Mur., Zilj.- Jarn. (Rok.), Goriš.- Erj. (Torb.); *trnoselj* (*prunus insititia*), Jarn., Cig., Tuš. (R.), Št.; *voglovje* (*rosa canina*), Jarn., Mur., Josch.

4.1.3.5 Pirc

Oznaka: Pirc: 2 izraza

Pirc je v svojem delu *Krajnski vrtnar* razvijal sadjarsko izrazje. Zato je večina njegovih izrazov v Pleteršniku iz tega terminološkega področja (83 izrazov). Pirc v omenjenem delu za imena pritlikavcev uporablja slovenska imena, tuje ime zapiše v oklepaju, npr. *rešelika* (*Mahaleb*). V poglavju o požlahtnjevanju sadnih drevec omenja različne vrste cepljenja dreves: *cepljenje z nakladam*, *cepljenje s popkom*, *cepljenje v zarezo*, *cepljenje v sklad* in *cepljenje v zakožo*. Pirc za izraz *drevesnica* predlaga dva izraza: *drevesna sadnica ali vertna šola*. Pirc za okrasne rastline, ki se gojijo v posodah, predlaga ime *posodovci* (< nem. Topfbäume) (Ditmajer 2012: 107). Pleteršnik vseh izrazov, ki jih Pirc ponuja v tem delu, sploh ni vključil v slovar. Je pa vključil izraze, ki opisujejo vrste cepljenja. Našli smo dve rastlinski imeni: *trn* beli t. glog (*Crataegus oxyacantha*) Pirc, Tuš. (R.); *srobot* (*Clematis vitalba*) Pirc, Met, Ig (Dol.), Gor, Tolm. Ostali njegovi izrazi so npr.: cepiti, za kožo cepiti, sirov popek.

4.1.4 Časopisje

4.1.4.1 Robič

Oznaka: Robič (Nkol.): 6 rastlinskih imen.

Robič je o svojih najdbah veliko pisal v Kmetijskih in rokodelskih novicah, v reviji Dom in svet, bolj strokovne članke pa je objavljaval v Izvestjih muzejskega društva za Kranjsko in Letopisu Matice slovenske. Pleteršnik je v svoj slovar vključil samo en njegov članek, ki ga je objavil v Letopisu Matice slovenske (1869). Številnih njegovih člankov iz Novic ni upošteval. Tudi ga ni zapisal v seznamu virov. Slovar tako vsebuje zelo malo njegovih izrazov: *brkončica* (*primula carniolica*), Robič (Nkol.); *jasenolistna binkoštnica* (*dictamnus fraxinella* L.), Robič (Nkol.); *česminje* M., Robič (Nkol.); *kozličevje* (*Euonymus europaeus*), C., Robič

(Nkol.); *divjamočnica* (*Andromeda polifolia*), C., Robič (Nkol.); *mokovec* (*Sorbus aria*), Cig., Jan., C., Josh, Robič (Nkol.).

4.1.4.2 Erjavec

Oznaka: *Erj.* (*Torb.*); *Erj.* (*Rok.*): 1078 botaničnih izrazov.

Erjavec je objavljala redka slovenska rastlinska in živalska imena v Letopisu Matice slovenske. V letniku 1875 je objavil rastlinska imena z naslednjih področij: goriško, tolminsko območje, bolški hribi, ipavska dolina in Kras. V številki z leta 1879 pa piše, da tokrat objavlja rastlinska in živalska imena še z drugih krajev po Sloveniji. Vsa imena zapiše posebej do črke O, nadaljevanje pa v letniku 1880, vendar so tukaj imena mešana. V letniku 1882–83 zapiše, da so mu »v prvej vrsti tudi zdaj bila na umu domača rastlinska in živalska imena, katerih se lepo čisto nahaja v torbi. Delj časa sem tudi nabiral domača imena raznemu ovočju (sadju), ker sem se uveril, da ima naš narod v tem veliko bogastvo lepih besed, katerih naši slovarji še neso izcrpli /.../« (Erjavec 1882: 195). Nekaj primerov iz slovarja, kjer Erjavec dosledno navaja kraj, kjer je dobil botanična imena: *ajdinka*, neka hruška, *Mariborska ok. -ERJ.* (*Torb.*); *ajdovec* (*Rumex acetosa*), *Gorjansko (Kras) -ERJ.* (*Torb.*); *Babjak*, (*Salvia silvestris*), *Idrija -ERJ.* (*Torb.*); *bolmet*, (*origanum vulgare*), *Luče (Št.)- Erj.* (*Torb.*); *celič*, m. = *celec*, *die Brunelle (prunella vulgaris)*, C., *Luče (Št.)- Erj.* (*Torb.*); *dolgorepka*, neka hruška, *Šebrelje, Sv. Duh pri Krškem- Erj.* (*Torb.*), C.; *neko jabolko*, *Podkrnci- Erj.* (*Torb.*); — *nekaka vinska trta*, *Vreme v Brkinih- Erj.* (*Torb.*); *nekaka črešnja*, *GBrda- Erj.* (*Torb.*); *jesenek (dictamnus fraxinella)*, *Kras- Erj.* (*Torb.*); *kašnica neko jabolko*, *Vrsno (Tolm.)- Erj.* (*Torb.*); *lepotica (convallaria polygonatum)*, Cig., *Krn- Erj.* (*Torb.*), *Strp.*; *leprin*, m. *die Stachelmyrte (ruscus aculeatus)*, *Vranja (Ist.)- Erj.* (*Torb.*); *maslenik (lysimachia vulgaris)*, *Selnica (Št.)- Erj.* (*Torb.*); *raša neka vinska trta*, *BlKr.- Erj.* (*Torb.*).

4.2 Gradivo za ostala botanična imena

Pleteršnikov slovar že vsebuje oznako botanika (*bot.*), s katero je označil le imena višjih rastlinskih taksonov, vendar družinskih rastlinskih imen ne navaja. Oznake *bot.* nimajo izrazi, kot so *prašnik*, *prašnica*, *prašnična nit*, to oznako pa ima izraz *mnogoprašništvo*. Besede, ki označujejo glavne taksonomske kategorije: razred, podrazred, red itn., imajo oznako *nk.* (= novoknjižno), kar pomeni, da so se v slovenskem prostoru šele začele uveljavljati, isto izraza *tajnocvetka* 'brezcvetnica' in *vrtnica*. Največ izrazov je črpal iz Cigaletove Terminologije in Tuškove Botanike. Slovar tudi ne vsebuje terminov iz vrtnarske terminologije (Ditmajer 2012: 23–26): M. CIGALE: Deutsch-slovenisches Wörterbuch (1860), Znanstvena terminologija (1880): 72 izrazov; I. TUŠEK: Botanika (1875), A. Pokornega prirodopis rastlinstva (1872): 21 izrazov; A. JANEŽIČ: Deutsch-slovenisches Hand Wörterbuch (1867): 14 izrazov. V slovarju je bilo najdenih 85 izrazov z oznako *botanika*. Najdeni izrazi, razvrščeni po abecednem vrstnem redu: *batič*; *botati*; *brazda*; *brezcvetje* (*die Kryptogamie*); *brežžilen*; *cev*; *cevka*; *čaša*; *čebula* (*navadna č.*, *gemeine Zwiebel*, *alium cepa*; *čebulasto podzemno steblo*, *die Zwiebel*, *cepa*); *čelo* (*der Hagelfleck*, *chalaza*, n. pr. pri kostanju); *dolgovečen*; *dvodom*; *dvodomstvo*; *enodom*; *glavica*; *gomolj*; *jadro*; *jaščica* (= *vrat*, *der Griffel*); *javnocvetka* (*Phanerogamen*); *kita* (*der Strauß*, *thyrsus*); *kolence* (*kolence na žitnem stebelu*; *rž v kolenca gre*); *konjugacija*; *kopulacija*; *korenika*; *ležnica*; *likoslovje* (*die Morphologie*); *loputa*; *lopustast*; *loputica*; *maca*; *mačka*; *mednik*; *mlečen* (*mlečna cev*); *mnogopestičje*; *mnogoprašništvo*; *muca*; *mucika*; *nacepiti*; *nadcveten*; *nadčšašen*; *nadploden*; *nalisten*; *obploden*; *ocevje*; *okrov*; *pavenec*; *perigon* (*cvetni obod*); *pernat*; *pestič*; *pestičen* (*pestični cvet*); *pestičnjak*; *pipica*; *ploča*; *plodišče*; *ploditev (nk.)*; *plojenje*; *podploden*; *podrazred (nk.)*; *cvetna pogača*; *poklopčič*; *poliandrija* (*mnogoprašništvo*); *popčišče*; *poskoček* (*hrvaška term.*); *presledkast* (*presledkasta je detelja, če so tu in tam mesta, po katerih plevel namesto detelje raste*); *recljati*; *samoničen*; *skrivnoploden* (*kryptogamisch*); *sočnica*; *sočnik*; *sostavstvo*; *srčna korenina*; *srh*; *steljka* (*thallus*); *stremen* (*strženovi stremeni*); *tajnocveten* (*kryptogamisch*); *vrat*; *vretence* (*pšenica gre v vretenca*); *vzdušnica* (*hrvaška term.*); *zadrt list*; *zaslon*; *zaščita*; *zijalast*; *klična zrnca*; *žila listne žile*; *žilica*.

5. ZAKLJUČEK

V prispevku je bilo prikazano oblikovanje slovenskega botaničnega izrazja v 19. stoletju. Murkov slovensko nemški slovar iz prve polovice 19. stoletja prinaša rastlinska imena, ne pa tudi ostalih botaničnih imen. Pri tem je Murko sledil najnovejšim dognanjem na tem področju, saj navaja k imenom tudi znanstveno ime rastline, tj. binarno nomenklaturu po Linneju. Teh izrazov je v slovarju 220. Imen, ki nimajo latinske ustreznice, je v slovarju manj. Slovenska imena rastlin je dobil iz slovarjev svojih predhodnikov, ne pa tudi latinska poimenovanja. Tako lahko ugotovimo, da je pri izpisovanju rastlinskih imen uporabljal najnovejšo literaturo s področja botanike. Njegova slovenska in znanstvena imena se, razen nekaterih domačih Murkovih imen, tj. štajerskih, popolnoma ujemajo s sezname rastlin takratnih botanikov, npr. Freyerjev seznam rastlin. Pleteršnikov slovar iz druge polovice 19. stoletja prinaša poleg veliko večjega števila rastlinskih imen, kot ga ima Murko, tudi ostala botanična poimenovanja, npr. prašnik, prašnična nit, javnocvetka, mednik, nadčšašen, nadploden, in že vsebuje kvalifikator *bot.* (= *botanika*). Največ rastlinskih imen je dobil od slovaropiscev (Caf, Murko, Zalokar) in zbiralcev, npr. Medved je prispeval 455 rastlinskih imen, botanik Tušek 736, zbiralec rastlin na Koroškem Josch pa 149 rastlinskih imen, Erjavec 1078. Ostala botanična imena je dobil od botanika Ivana Tuška ter slovaropiscev Janežiča in Cigaleta. Slovar vsebuje tudi različna imena za iste vrste rastlin, kar je posledica tega, da so prej omenjeni zbiralci imena zbirali po različnih koncih Slovenije. Tako Cafov in Murkov slovar prinašata izvirno

štajersko besedje, Joschev in Jarnikov seznam izvorno koroško, Erjavčev seznam rastlin pa večinoma primorsko besedje.

Viri in literatura

- Bavcon Jože (Ur.)(2010),*200 let Botaničnega vrta v Ljubljani*. Ljubljana: Botanični vrt, Oddelek za biologijo, Biotehniška fakulteta. 6–37.
- Breznik, Anton(1938), Iz zgodovine novejših slovenskih slovarjev. *Časopis za zgodovino in narodopisje*. Letnik XXXIII, št. 1, 17–32.
- Ditmajer Nina(2012),*Botanično izrazje pri Janezu Koprivniku: diplomsko delo = Janez Koprivnik's botanical terminology: graduation thesis*. Maribor.
- Erjavce, Fran (1875), Iz potne torbe. *Letopis Matice slovenske*.
- Erjavce, Fran (1879), Iz potne torbe. *Letopis Matice slovenske*.
- Erjavce, Fran (1880), Iz potne torbe. *Letopis Matice slovenske*.
- Erjavce, Fran (1882–83), Iz potne torbe. *Letopis Matice slovenske*.
- A. Gspan, J. Munda, F. Petrle (Ur.), 1980–1991: *Slovenski biografski leksikon* (4. knjiga). Ljubljana: Zadržna gospodarska banka.
- Humar, Marjeta(1999), Strokovno izrazje v Murkovih slovarjih. V: *Murkov zbornik* (Zora 9).
- Jesenšek, Marko(2004), Slovensko besedje v panonskem jezikovnem prostoru. V:*Besedoslovne lastnosti slovenskega knjižnega jezika in narečij*. Maribor: Slavistično društvo.
- Jesenšek, Marko(2007), Cafovo jezikoslovno delo in zbirka besed iz Frama. V:*Besedje slovenskega jezika*. Maribor: Slavistično društvo.
- Jesenšek, Marko (2007b), Slovensko panonsko besedje in razvoj slovenskega jezika. Prepletanje vzhodnoštajerskega in prekmurskega besedja (ob Čebulovi in Küzmičevi zbirki besed). V:*Besedoslovne spremembe slovenskega jezika skozi čas in prostor*. Maribor: Slavistično društvo.
- Jezernik, Božidar(2009), Ljubljanske knjige sveta od Auspergov do Hacqueta. *Etnolog*, 19.
- Josch, Eduard(1853),*Die Flora von Kärnten*. Klagenfurt: Druck von Ferdinand v. Kleinmayr.
- Kidrič, France(1929),*Zgodovina slovenskega slovstva*. Ljubljana: Slovenska matica.
- Legan, Ravnikar, Andreja (2009), Razvoj slovenskega strokovnega izrazja. V:*Terminologija in sodobna terminologija*. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU. 49–73.
- Murko, Anton(1833),*Slovensko-nemški in Nemško-slovenski ročni besednik*. Gradec: samozaložba.
- Orožen, Martina(1979), Jezik učnih knjig v 19. stoletju. V:*XV. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*. Ur. Breda Pogorelec in Ljubica Črnivec. Ljubljana: Univerza Edvarda Kardelja v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Pedagoško-znanstvena enota za slovanske jezike in književnosti. 121–149.
- PleteršnikMaks (1894/95),*Slovensko-nemški slovar*. Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša. ZRC SAZU. [Elektronska izdaja, 2010]
- Pohlin Marko(1781),*Tu malu besedishe treh jesikov*. Laibach : gedruckt und zu haben bey Johann Friedrich Eger. <http://www.dlib.si/details/URN:NBN:SI:DOC-FU7E7FMB> (Pridobljeno 1. 5. 2013).
- PopovičJanez Žiga Valentin (2007),*Glossarium Vindicum: osnutek slovenskega slovarja iz druge polovice 18. stoletja = Entwurf eines slowenischen Wörterbuchs aus der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts*; uredil Richard Reutner v sodelovanju s Petrom Weissom. Ljubljana : Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Praprotnik, Nada (2004): Botanični vrt Karla Zoisa na Brdu. *Kronika*. 52/2. Str. 167–174.
- Praprotnik, Nada(2007), Henrik Freyer in njegov seznam slovanskih rastlinskih imen (Verzeichniß flavischen Pflanzen-Namen) iz leta 1836. *Scopolia*, 61.
- Praprotnik, Nada (2012): Franc Hladnik in njegovo botanično delovanje. V: *Franc Hladnik – ustanovitelj Botaničnega vrta v Ljubljani*. Ljubljana: Botanični vrt, Oddelek za biologijo, Biotehniška fakulteta, UL.
- Stabej, Jože(1954): Enu Mala Besedishe. *Slavistična revija*. 304–331.
- Tušek, Ivan(1875),*Botanika: Schödler, Friedrich Karl Ludwig*. Ljubljana: Matica slovenska.http://nl.ijs.si/ahlib/dl/FPG_00125-1875.html (Pridobljeno 20. 4. 2013)

Előd Dudás

ELTE BTK Szlav Filológiai Tanszék
Budapest, Hungary

MADŽARSKI JEZIKOVNI VPLIV NA VOJAŠKO TERMINOLOGIJO PREKMURSKEGA KNJIŽNEGA JEZIKA

The article presents the Hungarian linguistic influence on the military terminology of the Prekmurje Slovene literary language. The Hungarian linguistic influence have been already accessible in the Martjanci hymnal. All together are 21 Hungarian loanwords in the Prekmurje Slovene military terminology; 17 nouns, 3 adjectives and one verb. At the end of the article is a short survey about the accessibility of these Hungarian loanwords in the presentday Prekmurje Slovene dialects.

Key words: Prekmurje Slovene literary language, Hungarian language, linguistic influence, military terminology

0. Uvod

Tema moje disertacije je problematika prevzetih madžarskih besed prekmurskega knjižnega jezika. Med zbiranjem besed sem bil pozoren tudi na to, da je madžarščina v veliki meri prispevala k izoblikovanju prekmurske vojaške terminologije, na katero je poleg madžarščine v precejšnji meri vplivala tudi nemščina. Prevzete nemške besede prekmurske vojaške terminologije so npr. *kasarna* 'vojašnica', *regement* 'polk, regiment', *rekruta* 'vojaški novinec', *soldak* 'vojak'. V svojem referatu se opiram le na madžarske jezikovne vplive. Za njegovo predstavitev sem uporabil svoje gradivo, ki sem ga zbral iz 45 prekmurskih knjig in prvega prekmurskega jezikovnega spomenika, tj. Martjanske pesmarice. Pri predstavitvi prevzetih besed navajam njihovo etimološko razlago in tudi konkretne primere iz prekmurskih besedil. Na koncu referata želim pokazati tudi na to, ali so te besede še žive v današnjem prekmurskem narečju ali jih ni več.

1. Prve prevzete madžarske besede prekmurske vojaške terminologije

Prve prevzete madžarske besede prekmurske vojaške terminologije najdemo v *Martjanski pesmarici*, ki je sestavljena iz petih različnih delov. Prvi trije deli so po mnenju Vilka Novaka (1997: 21) nastali v 17. stoletju; četrti in predvsem peti del pa v 16. stoletju. V prvem delu pesmarice najdemo besedo *hadnadjstvo* 'poveljstvo', npr. »Zide ztebe na Sido,, / vszko Zemlo, mojemu Lusztvo na / *Hadnagyfztvo*, vernim moim / na Kralesztvo, i na vekivecsno / blasensztvo.« (MP: 138); v drugem delu *hadnadj* 'poročnik, poveljnik', npr. »Kamnove fzo sze pokali, z grobov / mertvi gori vsztajali, vnogim szo sze szka,, / zali; Zato je *Hadnagy* govoril, to je pravi Bo,, / si fzin bil, nacsí neiszmo meinili, ti ki / szo pri krísi, fztali, na perszi szo sze bijali, / ino szo sze povernoli.« (MP: 164); v četrtem delu *harcovati se* 'boriti se', npr. »Vre fzmó pogubléni ino / dopelani, zdai fze farscsujemo / ino *harczujemo*.« (MP: 265); »z-Szigeta Varassa Junáczí zi,, / dollfe, od za jutra dobe noter do / vécséra, krotó fze *harczújo* fzspre,, / klétimi Turki, i vno go Turfzkih / glav ondi doli opa.« (MP: 330); v petem pa *harc* 'boj, borba', npr. »Malo ih pogine Szigetskih Ju,, / nakov na pervom *Harci* krotó ba,, / trivni beffe a Czár Szoliman krotó / falosztén beffe, kai na jednom *Hár*, / *czí* niftar nedobilfe.« (MP: 330–331), *šanc* 'okop, nasip', npr. »Prekléti Turczí hitro nacsíniffe, / velike *Sancze*, fzvoimi Patancziami, / pocseffe tertí Szigeta Várassa zevfzeh / ftíri ftáni prekreto hitaho.« (MP: 331); in *tabór* 'tabor', npr. »Szinko moí dráží Jurai poidi mi / ta, kralyu, vu nyega *Tabór* kmotnomu / Dunaju, da bos pífal Lifzta ino mi / paľzko nofzi, na fzvoje Viteze vu Szige,, / tu Gradu...« (MP: 329), ter spet *harcovati se*. Največkrat izpričana prevzeta madžarska beseda pesmarice je *šereg* 'četa, vojska', ki se pojavlja v prvih treh delih pesmarice, npr. »Ó ti Betlehem moi mali, / nai veksi fzi med mo□mi *feregmi*, / ar tebe meni hocse ziti, ki bo / mega Lusztva Herczeg ino Voi.« (MP: 137–38); »Radui sze ino veszeli / kerscsánszki ti leip / *fereg*, Dika Tebi boidi / Bosje.« (MP: 201). Ni naključje, da največ prevzetih madžarskih besed vojaške terminologije najdemo v petem delu Martjanske pesmarice, saj ta opiše bitko med madžarskimi in turškimi četami, ki je potekala leta 1566 v Szigetváru. Madžarske čete je vodil hrvaški ban Nikola Zrinjski. Besedi *hadnadj* in *harc* sta madžarskega izvora (TESz 2: 15; 58). *Šanc* je prešel v madžarščino iz bav.-avstr. narečja (TESz 3: 483) in je bil nato prevzet v prekmurščino. Besedi *šereg* in *tabór* sta v madžarščini turškega izvora (TESz 3: 521; 818–819), prešli sta ne samo v prekmurščino, ampak tudi v druge jezike. Po mnenju Bezlajevega etimološkega slovarja (ESSJ 4: 144–145) je knjižnoslovenki *tabór* evropska kulturna beseda. Samostlanik *hadnadjstvo* je prekmurska inovacija, in sicer besedotvorna izpeljanka iz samostalnika *hadnadj*. Glagol *harcovati se* pa je izpeljan iz samostalnika *harc* s pripono *-ovati*. Te besede predstavljajo najstarejši sloj prevzetih madžarskih besed prekmurske vojaške terminologije.

2. Obdobje prekmurskega knjižnega jezika

Naslednje podatke za prevzete madžarske besede s področja vojaštva imamo iz 18. stoletja. V Severjevi knjigi *Réd zvelicsánsztva* se pojavlja samostalanik *šišak* 'čelada', npr. »Poleg toga vzemite gori zvelicsánfztva Sísak, (felezni klob□g) ino mecs D□hovni, steri je reics Bosja« (SM 1747: 27), ki velja za enkratnico, ker ga ni več v poznejših prekmurskih delih. V Küzmičevem prevodu *Nove zaveze* iz leta 1771 lahko najdemo besedi *darda* 'sulica', npr. »34. Nego eden vitézov *zdárdov* fsvojov je fzmekno vnyegovo rebro: i preczi je v□ sla krv i voda.« (KŠ 1771: 330), in *jezernik* 'polkovnik, poveljnik', npr. »21. I prigoudo fze je dén pripravni: gda bi Herodes na fsvojega narodjenja dén vecsérjo napravo tim vifesnyim fsvojim i *jezernikom* i tim prednyejfím Galilee.« (KŠ

1771: 119). Beseda *darda* je v madžarščini italijanskega porekla (Hadrovics 1985: 185–186); *jezernik* pa je izpeljanka iz števnikarja *jezero* 'tisoč', ki je prav tako prevzeta madžarska beseda v prekmurskem knjižnem jeziku. Beremo ga lahko tudi pri Miklošu Küzmiču. Samostalnik *darda* se pojavlja tudi v delih 19. stoletja (TŠ 1847; TŠ 1848; KOJ 1848). Tipična prevzeta beseda vojaške terminologije je še *pajiž/pajž* 'ščit', ki ga najdemo v prvem abecedniku iz leta 1725, npr. »Ar ti Gofzpodne fegnávas te pravicsne, ti nyé koronües zmiloschov, kako zednim *paisom*.« (ABC 1725: 15), nato še v Severjevem *Rédu zvalicsánsztva* in v dveh delih Mikloša Küzmiča (KM 1781; KM 1796).

V 19. stoletju se ob že predstavljenih prevzetih besed pojavljajo tudi nove. K uporabljanju teh besed je v največji meri prispeval pisec in gornjeseniški župnik Jožef Košič, ki je v svojih delih (*Krátki návuk vogerszkoga jezika za zacsetnike, Zobriszani Szloven i Szlovenka med Mürov in Rábov, Zgodbe vogerszkoga králesztva in Starine železni in salajskih Slovenov*) uporabljal naslednje prevzete madžarske besede vojaškega izrazja: *harc* 'boj, borba', npr. »Szkrivni szrdniczke Krála szo med tém raztrobentali; da je 'Siga ali vu neszrecsnom *harci*, ali na pobegi vmorjeni, da ga nega domou;« (KOJ 1848: 50), *husar* 'huzar', npr. »Zvün toga vnogo pejnez naproszi od rimszkoga Pápe; od vogerszkih Plemenitásov pa dobi od dvájszetih Kmetov ednoga konyenika *Huszár* ozvánoga.« (KOJ 1848: 63), *katana* 'vojak', npr. »Protestantje szo tem pomocsnikom za malo cejno zoudali vnogo Szlovenov i Szlovenk, mladih ino lejpih, stere szo oni küpona kak sívino, na jezera i jezera odegnali na törszko zemlo i tam moške za *katane* (vojake), deklina pa za spanyacse i sene gorisztermili vu törszkoj veri.« (Star.: 130), *katanski* 'vojaški', npr. »*Katanszko* soulo (Thereziánum) v-nouvommeszti je i vogerszkim mladénczom vousecsila, it, v.« (KOJ 1848: 111), *tabor* 'tabor', npr. »Borits je páli notri na Vogerszko tia do Po'sona prisútao *z-táborom*; ali hitro je nazáj mogao, ár ga je Gejza II. nagányao, Austrio obirsásó, ino vogerszke Cérkve *z-poropamocno obogató*.« (KOJ 1848: 28) in *taborski* 'taborski', npr. »Zdáj sze vszi stükovje, i pükse na protivnike vösztrelijo, vszi bobénje ino trobente zahrúnijo; szekanye i klánye sze zacse tak po vroucsem, da szo csehovje celou pobiti, preobládani, i od vsze *táborszke* priprave szlecseni, procs pretirani.« (KOJ 1848: 91). Izvor besed *harc* in *tabor* je že bil predstavljen v zvezi s prevzetimi besedami *Martjanske pesmarice*. Samostalnik *huszár* je prevzet v madžarščino iz srbsčine ali hrvaščine (TESz 2: 174), ampak se z novim pomenom 'konjenik z lahkim orožjem/könnyü fegyverzetü lovas katona' vrnili v več slovanskih jezikov, tako tudi v prekmurščino. Beseda *katona* je v madžarščino prevzeta iz bizantinske grščine in je prvotno pomenila 'hlapec nekega viteza/a vítész szolgája' (TESz 2: 409). Pridevnik *katanski* je izpeljan s pripono *-ski* iz samostalnika *katana*. Pri drugih piscah 19. stoletja lahko beremo naslednje besede: *čata* 'boj, borba', npr. »Szedi vu predvori sütovczov, na *csataj* vmorí nedü'znog; ocsí nyegove za nevolákom czílajo.« (TŠ 1848: 8), *harc* 'boj, borba', npr. »Tí fzi ti fzlabi mócs, Meni tüdi bodes V-tom *harci* na pomócs.« (BRM 1823: 187), *honved* 'pripadnik ogrskih delov vojske v Avstro-Ogrski', npr. »Te szo sze *honvédje* goriposztavili i po Andrassy-i je Szende Béla domobranitelsztva dugovány ravnanye v-róke dóbe, i 'ze tri léta eto csésznt noszi.« (AIP 1876/1: 5), *honvedčki*, npr. »ka vojszka *honvédczka* kak poszebna vojszka de vboj sla« (AIP 1876/12: 2, citirano po *Slovarju stare knjižne prekmurščine*), *honvedvojska*, npr. »Zató je cseresz pomali slo nezáj pomali slo nezáj posztávlanyom *honvédvojszke*« (AIP 1876/1: 5, citirano po *Slovarju stare knjižne prekmurščine*), *katanija* 'vojskovanje', npr. »Nej dávnó, kaj szo me zváli v-*katánijo*, / Steli szo mi dati csésznt Kapitánijo.« (SIZ 1807: 48), *šereg*, npr. »Csi Esau na te eden *sereg* vdári, i toga pobije, te ov dönok vujde.« (TŠ 1847: 24) in *tabor*, npr. »2. Pelati ga je dao po sztezaj klücski i szkrovni, naj kak Egíptomczí nyega póti nebi zvedili i *sz-táborom* na nyega nebi vdarili.« (KAJ 1840: 36). Od teh besed je *čata* spet takšna, ki je bila prevzeta v madžarščino iz nekega slovanskega jezika, in sicer iz hr.-srb. *četa* (TESz 1: 484), in se je vrnila v več slovanskih jezikov, tako tudi v prekmurski knjižni jezik. Samostalnik *honvéd* je v madžarščini nastal s kalkiranjem po nemških vzorcih, prim. nem. *Landwehr* 'domobranstvo' in *Landwehrmann* 'domobranec' (TESz 2: 142). Med prekmurskimi piscah ga uporablja samo Imre Agustič, prav tako kot besedi *honvedski* in *honvedvojska*. *Katanija* pa je enkratnica knjige *Sztarisinsztvo i zvacinsztvo*.

Najnovejši sloj prevzetih madžarskih besed prekmurske vojaške terminologije predstavlja beseda *generális* 'general', npr. »Generál, *generális*, pogübelnoszt, bojazoszt i groza.« (PJ 1909: 35). Dokaz njenega madžarskega izvora je ohranitev madžarske končnice *-iš* namesto latinske končnice *-is*. Takšna je podoba prevzetih madžarskih besed prekmurske vojaške terminologije od prve rokopisne pesmarice do leta 1913. Če jih seštejemo dobimo takle rezultat: skupaj je 21 prevzetih madžarskih besed od katerih je 17 samostalnikov (*čata*, *darda*, *generális*, *hadnadj*, *hadnadjstvo*, *harc*, *honved*, *honvedvojska*, *husar*, *jezernik*, *katana*, *katanija*, *pajiž/pajž*, *šanc*, *šereg*, *šišak*, *tabor*) in 3 pridevniki (*honvedčki*, *katanski*, *taborski*) ter en glagol (*harcovati se*). Besede *harcovati se*, *honvedčki*, *jezernik*, *katanija*, *katanski* in *taborski* so nastale s prekmurskimi besdotvornimi priponami; samostalnik *honvedvojska* pa je kalk po madžarskem vzorcu *honvédsereg*. Zanimivost teh besed je tudi to, da so nekatere izmed njih prešle tudi v druge slovanske jezike. Tako je na primer beseda *huszár* izpričana tudi v beloruščini v obliki *зycapь* (Zoltán 2003: 492), v ruščini kot *зycap* (Hollós 1996: 26–28), v poljščini je bila znana beseda *husarz* (Wolosz 1989: 260–261), v slovaščini obstaja beseda *husár* (Gregor 1989: 175). Ta beseda je bila razširjena tudi na južnoslovanskem prostoru, saj je bila znana pri Srbih in Hrvatih (prim. Hadrovics 1985: 267–268). Poleg tega primera bi lahko omenil še besede *šereg*, *šišak* ali *tabor*, ki so bile prevzete v več jezike.

3. Dostopnost prevzetih madžarskih besed v današnjem prekmurskem narečju

Na koncu referata bi želel predstaviti to, ali so te besede še znane tudi v današnjem prekmurskem narečju. Za to predstavitev sem pregledal *Slovar beltinskega prekmurskega govora* Franceta in Vilka Novaka, Mukičev *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar* in *Slovar Gornjega Senika A–L* Marije Bajzek Lukač. Današnji prekmurski govori poznajo glagol *harcivati se* 'ravšati se' (Novak 1996: 51; Mukič 2005: 130; Bajzek Lukač 2009: 160) namesto oblike *harcovati se*, razvidna pa je tudi sprememba prvotnega pomena, ki je še bil izpričan v Martjanski pesmarici. Vsi slovarji navajajo besedo *husar* (Novak 1996: 52; Mukič 2005: 134; Bajzek Lukač 2009: 161). Samostalniki *tabor* navajata Novakov in Mukičev slovar (Novak 1996: 155; Mukič 2005: 371). Besedo *šereg* pozna slovar beltinskega govora (Novak 1996: 146). *Katana* je navedena v *Slovarju beltinskega prekmurskega govora* z opombo »zastarelo« (Novak 1996: 61). Drugih besed, ki so predstavljene v referatu, ni mogoče zaslediti v slovarjih, kar pa ne pomeni, da niso več žive v narečju.

Literatura

- Bajzek Lukač, Marija (2009), *Slovar Gornjega Senika A–L* (Zora 66). Bielsko Biala – Budapest – Kansas – Maribor – Praha, Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta, Univerze v Mariboru.
- ESSJ 1–5 (1976–2007), France Bezlaj, *Etimološki slovar slovenskega jezika I–V*. Ljubljana, SAZU oz. ZRC SAZU – Mladinska knjiga oz. Založba ZRC, ZRC SAZU.
- Gregor, Ferenc (1989), Magyar-szlovák nyelvi kapcsolatok. In: *Nyelvünk a Duna-tájon*. Szerk. Balázs János. Budapest, Tankönyvkiadó, 141–195.
- Hadrovics, László (1985), *Ungarische Elemente im Serbokroatischen*. Köln – Wien, Böhlau, Akadémiai Kiadó.
- Hollós, Attila (1996), *Az orosz szókincs magyar elemei* (A Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai 206.). Budapest, Magyar Nyelvtudományi Társaság.
- Mukič, Francek (2005), *Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar*. Szombathely, Zveza Slovencev na Madžarskem.
- Novak, Franc (1996), *Slovar beltinskega prekmurskega govora: Druga, popravljena in dopolnjena izdaja*. Szerk. Vilko Novak. Murska Sobota, Pomurska založba.
- Novak, Vilko (1997), Prekmurska Martjanska pesmarica. In: *Martjanska pesmarica*. Szerk. Vilko Novak. Ljubljana, Založba ZRC, ZRC SAZU, 3–64.
- TESz 1–4 (1967–1984), *A magyar nyelv történeti–etimológiai szótára*. Főszerk. Benkő Loránd. Budapest, Akadémiai Kiadó.
- Wołosz, Robert (1989), Wyrazy węgierskie w języku polskim I. *Studia Slavica Hung.* 35: 215–317.
- Zoltán, András (2003), Слово венгерского происхождения в белорусском языке: устные заимствования эпохи Стефана Батория. *Studia Russica* 20: 492–494.
- ABC 1725 = *ABECEDARIUM SZLOWENSZKO, za Drobnó Detzo vón fepüscheno*.
- AIP 1876 = Imre Agustič, *PRIJÁTEL. Znanost razserjvájódcse mészecsne novine*, Buda-Pest, 1876.
- BRM 1823 = Mihál Barla, *KRSZCSANSZKE NÓVE PESZMENE KNIGE SZPRÁVLENE EVANGYELICSÁNSZKIM GMAINAM*, Sopron, 1823.
- KAJ 1840 = Janoš Kardoš, *MÁLA HISTORIA BIBLISZKA ali Sz. Píszma Mészta prigodna. Navküpe Z-naprédányem pogübelnoszti Jeru 'zálema. Náme Za deczo söl evangelicsanszki vödána po Kardos Jánosi, Hodoskom Dühovniki, Körmendin*, 1840.
- KM 1781 = Miklós Küzmič, *Pomoucs beté'snih, i mirajoucsih: tou je: nike molitvi, z-sterimi redovnik bete'snoga, ali mirajoucsega, i na fzmrt ofzodjenoga grejsnika more pomágtati, po p. Kzmic Miklósi Sz. Benedeka fare dühovniki, i Szlovenfzke okrogline v. [p]r[ff]i z-vogr[ff]koga na szlovenszki jezik obrnyene, i z-pobo'snim fztroskom naj vijfe postüvanoga gofzpodina Boros Stevana, szobotelfzke sztolne czérkvi kanonika, i kántora vö zoftampane*, Sopron, 1781.
- KM 1796 = Miklós Küzmič, *SZTÁROGA I NOUVOGA TESTAMENTOMA SZVÉTE HISTÓRIE KRATKA SUMMA NA fztári fzlóvenfzki Jezik obrnyene po Postüvanom Gofzpoudi KÜZMICS MIKLÓSI, Szvétoga Benedeka Fare Dühovniki, ino Okrogline Szlovenfzke Vice-Öspöröffa*, Szombotel, 1796.
- KOJ 1848 = Jožef Košič, *Zgodbe VOGERSZKOGA KRÁLESZTVA. Szpizszo Kossics József plebános na gorejnyem Sziniki*, Szombotel, 1848.
- KŠ 1771 = Števan Küzmič, *NOUVI ZÁKON ALI TESTAMENTOM GOSZPODNA NASEGA JEZUSA KRISZTUSA ZDAJ OPRVICS zGRCSKOGA NA SZTÁRI SZLOVENSZKI JEZIK OBRNYENI PO STEVAN KZMICSI SURDÁNSZKOM. F.*, Halle, 1771.
- PJ 1909 = Jožef Pustai (prev.), *NÓVE SZLOVENSZKE SZENSZKE KNIGE, vönebráne z edni nemski knig, stere szo med vszejmi szenszkimi knigami te nájbógse*, Szentgotthárd, 1909.
- SIZ 1807 = *SZTARISINSZTVO, I ZVACSINSZTVO, SZEM SZPODOBNI MI PRÍLIKAMI ZA VOLO, SZVADBENI MLADÉNCZOV. S. L. D.*, Sopron, 1807.
- SM 1747 = Mihál Sever, *RÉD ZVELICSÁNSZTVA. Pouleg ednoga ZNAMENÜVANYA Toga nai poglaviteifega recsenya Jedro fzvétoga píszma, vu kterom te Vre nai vékfi ARTIKULUSI grntani jefzo, ravno i tak nifere krátke molitve, i pefzmi, vn dán záto, dabi nei li fzamo drobna decza zetoga mleiko fzpoznanya bosjega, i JESUSSA KRISTUSSA Zaimati mogli, fzebé vu Vori pokreipiti, vu nevoljái troustati, nego i fztareifi bi mogli fzvoje, efche i vfa brátja vu KRISTUSSI, poleg etoga rouké pelanya, vucsiti opominati, ino troustati*, Halle, 1747.
- Star. = Jožef Košič, *Starine železnih in salajskih Slovenov*, Časopis za zgodovino in narodopisje 11 (1914): 93–154.
- TŠ 1847 = Šandor Terplan, *Dvakrat 52 Bibliszke Historie za evangelicsanszke Solé ino Hi'ze. Szlovensene po Terplán Sándori Püczonszkom Farari. Z vnógimi nívimi Obrázki*, Kőszeg, 1847.
- TŠ 1848 = Šandor Terplan, *KNIGE 'ZOLTARSZKE. SZLOVENCSENE PO TERPLÁN SÁNDORI, PÜCZONSKOM FARARI.*, Kőszeg, 1848.

OZNAKE DVOJEZIČNOSTI KOD POMURSKIH HRVATA NA TEMELJU MORFOLOŠKE ANALIZE MAĐARSKIH POSUĐENICA U NJIHOVOM GOVORU

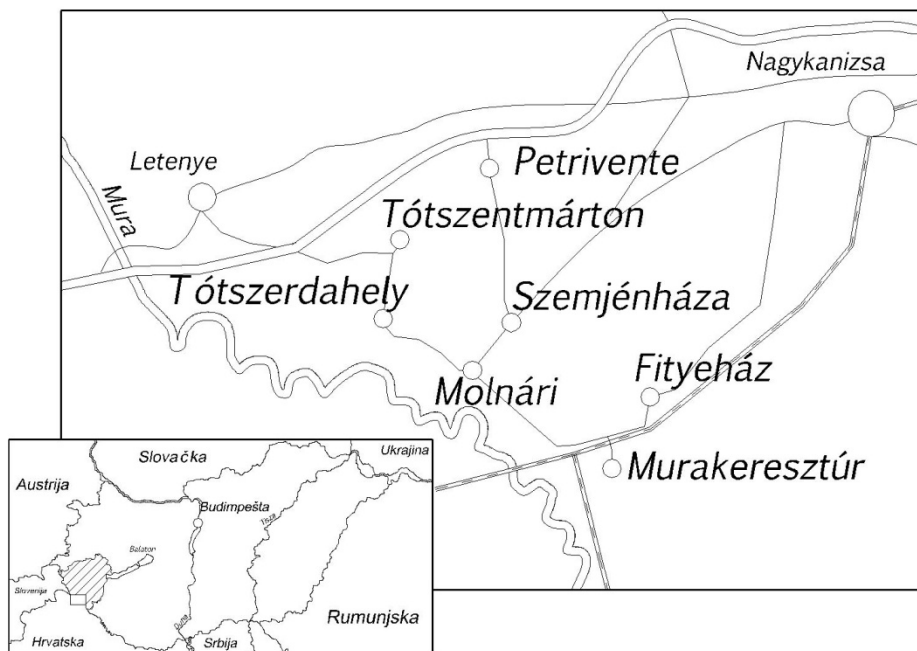
The work is devoted to the phenomenon of Croatian-Hungarian bilingualism with the Croats who live in Hungary along the Mura river. At the beginning the author writes about sociolinguistic factors which have had an influence on their dialect. The main part of the article makes an analysis of Hungarian loanwords in this region's Croatian dialect from a morphological point of view.

Key words: bilingualism, Hungarian loanwords, Croatian dialectology, Croats in Hungary

Pojedini dijalekti hrvatskog jezika, a pogotovo hrvatski dijalekti koji su u uporabi izvan Republike Hrvatske, nisu još potpuno istraženi ni opisani. Zbog toga je izdanje 2009. godine rječnika govora pomurskih Hrvata (Blažeka- Nyomárkay – Rácz 2009) koji žive na području Mađarske, dobilo priliku proučavanja jednog od hrvatskih dijalekta u kojem sigurno možemo govoriti o pojavi dvojezičnosti.

Na području Mađarske već odavno živi nekoliko hrvatskih manjina. Jednu od tih manjina čine već spomenuti pomurski Hrvati koji nastanjuju teritorij uz rijeku Muru kojoj se tok podudara sa hrvatsko-mađarskom granicom. Danas se na tom području nalazi sedam hrvatskih sela: Fićeház (mađ. Fityeház), Mlinarce (mađ. Molnári), Kerestur (mađ. Murakeresztúr), Petriba (mađ. Petrivente), Pustara (mađ. Semjénháza), Sumarton (mađ. Tótszentmárton), Serdahel (mađ. Tótszerdahely). Ranije su Hrvati živjeli i u selu Bajča (mađ. Bajcsa), ali u konačnici su se potpuno asimilirali (Kerecsényi 1982: 5-7). Prema statističkim podacima iz 2007. godine u gore navedenim selima živjelo je 6835 ljudi, a 28% deklarirao je pripadnost hrvatskom narodu (Kanizsai 2007: 137).

U znanosti još uvijek nema jedinstvenog gledišta u vezi podrijetla pomurskih Hrvata. Vjerojatno su oni djelomično potomci slavenskog življa koji je nastanjivao ovo područje od 12. stoljeća, a djelomično potomci onih koji su došli živjeti uz rijeku Muru nakon što je taj teritorij postao napušten za vrijeme turskih osvajanja. Godine 1540. turska vojska potpuno je ispraznila terene koji su se nalazili uz Muru. Zbog toga je i veći dio stanovništva napustio svoja imanja. Kad su godine 1690. uspjeli natrag osvojiti Kanižu, okolni teritoriji bili su već potpuno napušteni. U okviru ponovog naseljavanja tih terena na današnje pogranično područje Mađarske došli su Hrvati koji su tada živjeli s druge strane rijeke (Biró 1999; Kanizsai 2007: 136-146; Kerecsényi 1982).



Karta 1. Hrvatska pomurska sela u Mađarskoj

Na temelju podataka koje je prikupila Edit Kerecsényi (1982: 10), proučavateljica kulture i povijesti pomurskih Hrvata, možemo vidjeti kakav je bio broj kućanstava i etnička raslojenost četiri sela spomenutih u popisu stanovništva iz 1715. godine.

	Mađari	Nijemci	Slovaci i Rusini	Hrvati	Ukupno
Tótszentmárton	4	-	3	7	14
Tótszerdahely	7	-	-	4	11
Molnári	-	-	2	3	5
Petrivente	10	-	-	-	10

Tabela 1. Stanovništvo Pomurja 1715. godine

Među hrvatskim stanovništvom koje je došlo u pogranično Pomurje dominirali su kmetovi koji su se bavili poljoprivredom. Još u 19. stoljeću s obzirom na zajedničko podrijetlo, jezik i pripadnost jednoj kulturi i vjeroispovijesti činili su snažno povezanu grupu. Rijetki su bili miješani brakovi, najčešće i mladoženja i mladenka bili su podrijetlom iz istog sela, a hrvatski jezik je u to vrijeme potpuno zadovoljavao komunikacijske potrebe zajednice. Stanje se počelo mijenjati u 20. stoljeću. Mladi ljudi bili su prisiljeni napustiti svoja sela u potrazi za poslom, počeli su se preseljavati u veće gradove poput Kaniže, Pečuha, Komlova, ili Budimpešte. U Sumartonu i Serdahelu pad broja stanovnika bio je zabilježen već u godinama 1920.-1970., a u drugim naseljima taj pad se dogodio tek između 1970. i 2001. Kolebanja broja stanovnika u pomurskim hrvatskim selima predstavlja tabela.

Naselje	1870.	1920.	1970.	2001.
Fityeház	714	928	1036	742
Molnári	617	860	1093	805
Murakeresztúr	1144	1893	2383	2010
Petrivente	463	639	647	417
Semjénháza	475	772	985	710
Tótszentmárton	879	1521	1253	958
Tótszerdahely	1240	2549	1691	1345

Tabela 2. Promjene broja stanovništva Pomurja (Kanizsai 2007: 141; na temelju podataka Mađarskog statističkog ureda iz popisa stanovništva 2001. godine)

Selidbe stanovništva iz sela u gradove dovele su do nestanka kućanstava u kojima je živjelo više pokoljenja, što je također bilo u vezi sa smanjenjem značenja hrvatskog jezika koji je prestao biti prikazivan iz pokoljenja na pokoljenje. Promijenio se također način gledanja na narodnu i kulturnu pripadnost.

Naselje	Broj stanovništva	Pripadnost hrvatskoj nacionalnosti	Kulturna pripadnost	Hrvatski kao materinski jezik	Uporaba hrvatskog jezika kod kuće
Fityeház	721	337	359	32	248
Molnári	798	513	530	493	407
Murakeresztúr	1957	104	158	25	150
Petrivente	413	32	29	19	103
Semjénháza	687	220	120	84	239
Tótszentmárton	930	409	449	461	372
Tótszerdahely	1329	757	756	828	728
Ukupno	6835	2372	2401	2006	2247

Tabela 3. Istraživanja među pomurskim Hrvatima koji žive u komitatu Zali (Mađarski statistički ured 2001; prema Kanizsai 2007: 145)

Kako možemo zaključiti na temelju gore navedene tablice, grupacija koja se deklarirala kao Hrvati, ili koji su priznali svoju kulturnu pripadnost hrvatskom narodu, ne smatraju svi hrvatski jezik svojim materinskim jezikom. Takvu situaciju možemo primijetiti u naseljima Fičeház, Mlinarce, Kerestur, Petriba te Pustara. Zanimljivo je da u Sumartonu i u Serdahelu više osoba tretira hrvatski kao svoj materinski jezik, nego što deklarira hrvatsku nacionalnost. Jedan dio stanovnika sela Fičeház, Kerestur, Petriba i Pustara iako ne smatra

hrvatski materinskim jezikom, koristi taj jezik kod kuće. U Sumartonu i Serdahelu možemo primijetiti obrnutu situaciju – manje ljudi koristi hrvatski kod kuće nego što ga smatra svojim materinskim jezikom.

Proučavajući problem dvojezičnosti kod pomurskih Hrvata vrijedi obratiti pažnju i na povijest školstva na tim područjima koju je pažljivo obradila Erika Rác (2004), a koja prikazuje lagano izumiranje hrvatskog jezika iz svakodnevne uporabe. Prvi podaci koji su nam na raspolaganju dolaze iz 1720. godine iz sela Sumartona. Iako ne znamo je li se hrvatski jezik nalazio među školskim predmetima, učitelji koji su znali taj jezik, najvjerovatnije su ga koristili i tijekom poučavanja Iz popisa iz 1848. proizlazi da su djeca u većini hrvatskih sela učila u školama i mađarski i hrvatski. Situacija počela se mijenjati na prijelazu iz 19. u 20. stoljeće kad je u Kerestur školske godine 1890./1891. svaki predmet bio predavan na mađarskom. Godine 1907. stupio je na snagu zakon koji je naređivao predavanje na mađarskom u svim školama, čak i u onima u kojima se do sad školovanje vršilo na jezicima nacionalnih manjina (Bertényi 1995: 489). Pokušaj vraćanja hrvatskog jezika u škole nažalost nije uspio. Kao što piše Erika Rác, hrvatski ponovo postaje školski predmet tek školske godine 1950./1951. (Rác 2004).

Hrvatski polako i nestaje iz crkve. Do kraja 18. stoljeća hrvatska sela koja su se nalazila na mađarskoj strani rijeke Mure pripadala su zagrebačkoj biskupiji i zahvaljujući tome na tom su području djelovali hrvatski svećenici. Godine 1777. stvara se nova dijeceza Sambotel (mađ. Szombathely) kojoj se priključuje jedan dio Pomurja, a ostali je priključen biskupiji u Vesprimu (mađ. Veszprém). Hrvatski je sve manje prisutan u crkvi, a nakon Drugog svjetskog rata sve su mise bile držane na mađarskom osim pjesama koje su još uvijek pjevane na hrvatskom jeziku (Rác 1999: 58-59).

Kako pokazuju navedene činjenice, tijekom godina je mađarski jezik počeo odigravati sve važniju ulogu u svakodnevici hrvatske nacionalne manjine i polako je istjerivao hrvatski pomurski dijalekt iz svakodnevne uporabe. Živeći među stanovništvom koje većinom govori mađarski jezik i sami služeći se mađarskim, pomurski Hrvati su počeli naveliko posuđivati mađarske riječi. Čak i njihov broj (pronašla sam ih u riječniku 443, ali zasigurno taj broj može varirati ovisno o selu) svjedoči o velikom utjecaju mađarskog na hrvatski pomurski govor. Posuđene riječi dolaze iz različitih područja života i sigurno su bile posuđivane u raznim periodima. Zanimljivo je što među tim mnogobrojnim posuđenicama ne nalazimo puno semantičkih promjena. Mjesto gdje se ipak najviše mogu zapaziti promjene u posuđenim riječima je njihova morfološka struktura čiji je uzrok u tome što se hrvatski i mađarski jezik jako razlikuju u gramatičkim sustavima. Zbog toga u sljedećem dijelu ovog članka htjela bih obratiti posebnu pozornost na morfološku strukturu posuđenica i način njihovog prilagođavanja hrvatskom gramatičkom sustavu.

Budući da je mađarski jezik bio prisutan u svim područjima života, neke su hrvatske riječi bile zamijenjivane mađarskim ekvivalentima. Takvu pojavu možemo zapaziti u slučaju nekih internacionalizama. Kao primjer možemo navesti pom. hv. riječ *asketa* kojoj u standardnom hrvatskom jeziku odgovara riječ *asket*. Dočetno *-a* u dijalektalnom obliku vjerojatno je došlo utjecajem mađarskog jezika u kojem ta riječ zvuči *aszkéta*. Drugi primjeri te promjene mogu biti pom. hv. *ateista* (hr. *ateist*, mađ. *ateista*), pom. hv. *automata* (hr. *automat*, mađ. *automata*), pom. hv. *bandita* (hr. *bandit*, mađ. *bandita*), pom. hv. *pilota* (hr. *pilot*, mađ. *pilóta*), pom. hv. *turista* (hr. *turist*, mađ. *turista*). Možemo također primijetiti i obrnutu situaciju kad mađarska riječ koja završava na suglasnik utječe na hrvatski oblik u kojem je dočetno *-a* bilo prisutno, np. pom. hv. *gitar* (hr. *gitara*, mađ. *gitár*), pom. hv. *kabin* (hr. *kabina*, mađ. *kabin*), pom. hv. *karijer* (hr. *karijera*, mađ. *karier*), pom. hv. *krem* (hr. *krema*, mađ. *krém*), pom. hv. *krizanten* (hr. *krizantema*, mađ. *krizantém*), pom. hv. *serenad* (hr. *serenada*, mađ. *szerenád*). U većini slučajeva promjena oblika hrvatske riječi označava i promjenu roda ili promjenu paradigme njezine deklinacije. Mađarske posuđenice na temelju njihove morfološke strukture svrstavane su u jedan od tri gramatička roda. Budući da u mađarskom jeziku ne postoji kategorija roda posuđene riječi dobivaju rod tek na području hrvatskoga jezika (Žagar-Szentesi 2005: 51-84).

U govoru pomurskih Hrvata nalazimo također posuđenice koje su se prilagodile hrvatskom morfološkom sustavu na takav način da bi se njihovi gramatički rod poklapao s rodом hrvatskog ekvivalenta, np. hv. pom. *čonta* 'kost' potječe od mađarske riječi *csont*, a posuđenica je dobila nastavak *-a* u tom slučaju označavajući ženski rod. Vjerojatno se to dogodilo na temelju analogije do hrvatske standardne riječi *kost* koja je ženskog roda. Sličnu situaciju možemo zapaziti u slučaju pom. hv. *đara* (< mađ. *gyár*; hr. *tvornica*), pom. hv. *đojta* (< mađ. *gyújtó*; hr. *šibica*), pom. hv. *rojta* (< mađ. *rojt*; hr. *resa*), pom. hv. *varmeđa* (< mađ. *vármegye*; hr. *županija*).

Riječi posuđene iz mađarskog, čiji hrvatski ekvivalenti spadaju u *pluralia tantum*, putem analogije dobile su u hrvatskom pomurskom govoru nastavak *-e* i na taj su način također postale *pluralia tantum*. Kao primjer možemo navesti riječ *buđuge* (< mađ. *bugyogó*) kojoj u standardnom hrvatskom jeziku odgovara riječ *gaće* te imenicu *hegede* (< mađ. *hegedű*) kojoj semantički odgovara hrvatska riječ *gusle*.

Mađarske imenice kao i pridjevi koji su bili posuđivani u hrvatski dijalekt, s vremenom su se toliko udomačili u jeziku da su počeli biti temelj za tvorbu novih riječi. Od imenica najčešće su se tvorili glagoli, np. od pom. hv. *bota* 'štap' (< mađ. *bot*) nastao je glagol *botati* 'udarati batinom'; od pom. hv. *falat* 'zalogaj' (< mađ. *falat*) nastao je glagol *falatati* 'bučno jesti', od pom. hv. *harc* 'borba, boj' (< mađ. *harc*) nastao je glagol *harcuvati* 'boriti se, ratovati'. Od imenica mogle su se tvoriti i druge imenice ili pridjevi, primjerice od pom. hv.

varaš ‘grad’ (< mađ. *város*) nastale su imenice *varašica* ~ *varaškinja* ‘stanovnica grada’, *varašćan* ‘stanovnik grada’ te pridjev *varaški* ‘gradski’. Od pridjeva i glagola pomoću odgovarajućih formata nastale su nove imenice, np. od pom. hv. *gingavi* ‘slab, nestabilan’ (< mađ. *gyenge*) nastala je imenica *gingavec* ‘slabašan čovjek’; od pom. hv. *nacifrati se* ‘nakitati se’ (< mađ. *felcifráz*) nastala je imenica *nacifranec* ‘kicoš’ (o supstituciji mađ. *fel-* semantički odgovarajućim hrvatskim prefiksom *na-* pogledaj niže u daljnjem dijelu rada).

Složenice su također dokaz prožimanja i utjecanja jednog jezičnog sustava na drugi jezični sustav. Događa se da u složenicama sastavljenim po uzoru na mađarske složenice jedna od mađarskih sastavnica zamijenjena je hrvatskom riječju. Kao primjer možemo spomenuti riječ *micikapa* ‘vrsta kape’ (< mađ. *micisapka* ‘id.’) u kojoj je prva sastavnica posuđena iz mađarskog (mađ. *mici* < njem. *Mütze* ‘kapa’), a druga sastavnica je hrvatska riječ koja označava kapu. Slično je kod složenice *kepeškarta* ‘razglednica’ kojoj je uzor bila mađarska složenica *képeslap* ‘id.’, a koja je nastala od mađarskog pridjeva *kepeš* ‘ilustriran; sa slikama’ i hrvatske riječi *karta* u značenju ‘dopisnica’.

Dobro poznavanje mađarskog jezika kod pomurskih Hrvata vidi se također i u posuđenim mađarskim glagolima koji se koriste u njihovom govoru. Pomurski Hrvati koji su posuđivali mađarske glagole hrvatski su nastavak za infinitiv priključivali izravno glagolskoj osnovi mađarskih glagola koja je kod većine slučajeva i forma trećeg lica jednine, primjerice pom. hv. *bantuvati* ‘mučiti, kinjiti’ < mađ. *bánt*; pom. hv. *daraluvati* ‘krupno mljeti’ < mađ. *darál*; pom. hv. *komentaluvati* ‘komentirati’ < mađ. *kommentál*; pom. hv. *provokaluvati* ‘provocirati’ < mađ. *provokál*. U slučaju tzv. mađarskih glagola s nastavkom *-ik* (na primjer glagol *dolgozik* ‘raditi’ koji u 3. licu jednine zvuči *dolgozik*, ali osnova tog glagola od koje se izvodi druge oblike je *dolgoz-*). U procesu posuđivanja ovih glagola nastavak *-ik* bio je kao oznaka za treće lice jednine vjerojatno svjesno, odbačen, a hrvatski nastavak za infinitiv priključio se izravno glagolskoj osnovi, np. pomurski hrvatski glagol *arijazuvati* ‘pjevati samo melodije pjesama’ potječe od mađ. glagola *áriázik*, pom. hv. *pecazuvati* ‘pecati’ od mađ. *pecázik*, pom. hv. *tenisezovati (se)* ‘igrati tenis’ od mađ. *teniszezik*.

Među mađarskim posuđenicama u govoru pomurskih Hrvata nalazimo također glagole s prefiksom. Mađarski glagolski prefiksi, odnosno *igekötök* koji imaju uglavnom sličnu funkciju kao slavenski glagolski prefiksi (promjena vida, izražavanje prostorne funkcije, iliti potpuna promjena značenja glagola), u posuđenim glagolima bili su zamijenjeni semantički i funkcionalno njima odgovarajućim hrvatskim glagolskim prefiksima. Kao primjer supstitucije prefiksa u kojem hrvatski prefiks odgovara mađarskome u semantičkom i funkcionalnom pogledu možemo navesti već spomenuti hrvatski dijalektalni glagol *nacifrati se* ‘nakitati se’ koji potječe od mađ. glagola *felcifráz* ‘id.’ u kojem prefiks *fel-* označava prostornu funkciju (pokret prema gore) i svršenost radnje što u potpunosti odgovara funkciji prefiksa *na-* u hrvatskom obliku. U slučaju većine glagola prefiks mijenja vid glagola iz nesvršenog u svršeni, np. glagol *zbetežati* ‘razboljeti se’ dolazi od mađ. glagola *megbetegszik* ‘id.’ u kojem je *meg-* glagolski prefiks označavajući svršenost radnje. Ovu svršenost u hrvatskom obliku izražava prefiks *z-*. Svi glagoli posuđeni iz mađarskog koji su u pomurskom govoru dobili hrvatski glagolski prefiks umjesto mađarskog nalaze se u nižoj tabeli. U njezinoj zadnjoj koloni nalaze se hrvatski i mađarski prefiksi te funkcije koje ispunjavaju.

hrvatski glagol	mađarski glagol	značenje	prefiksi i njihove funkcije
nacifrati se	felcifráz	‘nakitati se’	hr. <i>na-</i> ; mađ. <i>fel-</i> svršeni vid, prostorna funkcija (kretanje prema gore)
načuskati se	kicsúszkálja magát	‘naklizati se’	hr. <i>na-</i> ; mađ. <i>ki-</i> svršeni vid
nahorgolavati	meghorgol	‘nakukičati’	hr. <i>na-</i> ; mađ. <i>meg-</i> svršeni vid
narajzati	megrjazol	‘nacrtati’	hr. <i>na-</i> ; mađ. <i>meg-</i> svršeni vid
natukmati	rátukmál	‘nasilnički nagovoriti, nametnuti’	hr. <i>na-</i> ; mađ. <i>rá-</i> svršeni vid
začumagerati	becsomagol	‘zapakirati’	hr. <i>za-</i> ; mađ. <i>be-</i> svršeni vid
zafercati	megfércel	‘zafastrygować’	hr. <i>za-</i> ; mađ. <i>meg-</i> svršeni vid
zbantrati zbantuvati	megbánt	‘povrijediti’	hr. <i>z-</i> ; mađ. <i>meg-</i> svršeni vid
zbatroveti se	felbátorodik	‘ohrabriti’	hr. <i>z-</i> ; mađ. <i>fel-</i> svršeni vid
zbetežati	megbetegszik	‘zachorować’	hr. <i>z-</i> ; mađ. <i>meg-</i> svršeni vid
zmentrati	megment	‘spasiti’	hr. <i>z-</i> ; mađ. <i>meg-</i> svršeni vid

Pomurski Hrvati koji od 18. stoljeća neprestano žive u društvu u kojem dominirajuću ulogu odigrava mađarski jezik, kao rezultat tog dugotrajnog kontakta između dva jezika preuzeli su u svoj govor veliki broj riječi mađarskog podrijetla. Mađarske posuđenice dolaze iz različitih razdoblja i povezane su s različitim područjima života. Promjene koje su se dogodile u morfološkom obliku mađarskih posuđenica bile su uvjetovane tipološkim razlikama između dvaju jezika. Imenice na području hrvatskog jezika dobile su nepostojeću u mađarskom jeziku kategoriju roda, kod glagola mađarska glagolska osnova dobila je hrvatski sufiks za infinitiv, a u slučaju glagola s prefiksom došlo je do supstitucije mađarskih prefiksa odgovarajućim hrvatskim prefiksima. Sve te promjene te način njihovog vršenja potvrđuje da pomurski Hrvati dobro poznaju dva potpuno drukčija jezična sustava.

Kratice

pom. = pomurski
hv. = hrvatski
mađ. = mađarski
njem. = njemački

Bibliography

- Bedi Gyöngyi (1999), A horvát nemzetiség arányának változása Murakeresztúron, [in:] *A Mura menti horvátok a századok vonzásában*, Murakeresztúr, Zrínyi Miklós Általános Iskola.
- Bertényi, Iván., Gyapay, Gábor (1995), *Magyarország rövid története*. Budapest, Maecenas Kiadó.
- Biró, László (1999), A horvát nemzetiség Zalában. In: *A Mura menti horvátok a századok vonzásában*. Murakeresztúr, Zrínyi Miklós Általános Iskola.
- Blažeka, Đuro (2005), Odnos govora Pomurskih Hrvata. In: *Na brzu ruku skupljeni skup*. Budimpešta, Hrvatska samouprava Budimpešte.
- Blažeka Đuro (2006), Hungarizmi u govoru Goričana. *Suvremena lingvistika* 61 (2006), 1-27.
- Blažeka Đuro, Rác Erika (2010), Konceptija rječnika Pomurskih Hrvata. *Kaj* XLIII, 1-2, 105-118.
- Blažeka Đuro, Nyomárkay István, Rác Erika (2009), *Mura menti horvát tájszótár*. Budapest, Tinta Könyvkiadó.
- Kanizsai Mária (2007), Mura menti horvátok. In: *Tájak, tájegységek, etnikai kisebbségek Közép-Európában*. Pécs, B & D Stúdió.
- Kerecsényi Edit (1982), *A Mura menti horvátok története és anyagi kultúrája*. Budapest, Zala Megyei Levéltár.
- Keszler Borbála (ur.) (2000), *Magyar grammatika*, Budapest,
- Lončarić Milo (1999), Govor Pomurskih Hrvata. In: *A Mura menti horvátok a századok vonzásában*. Murakeresztúr, Zrínyi Miklós Általános Iskola.
- Magyar grammatika*, ur. Keszler Borbála (2000). Budapest, Nemzeti Tankönyvkiadó.
- Magyarország történeti kronológiája III 1848-1944*, ur. Benda Kálmán (1983). Budapest, Akadémiai Kiadó.
- Petrić Marija (1998), Mađarski leksički elementi u govoru serdaheljskih Hrvata. In: *Etnografija Hrvata u Mađarskoj*.
- Petrić Marija (1999), Strani jezični utjecaji u govoru serdaheljskih Hrvata. In: *A Mura menti horvátok a századok vonzásában*. Murakeresztúr, Zrínyi Miklós Általános Iskola.
- Rác Erika (1999), A magyarosodás és magyarosítás útja a Mura mentén. In: *A Mura menti horvátok a századok vonzásában*. Murakeresztúr, Zrínyi Miklós Általános Iskola.
- Rác Erika (2004), *A horvát nemzetiségi nyelv használatának, alkalmazásának alakulása; a magyarosítás és magyarosodás útja a Mura mentén*. http://www.hhrf.org/kisebbségkutatás/kk_2004_04/cikk.php?id=1291 (posjet 5. studenoga 2012.); tiskana verzija: *Kisebbségkutatás 2004/4*, Budapest.
- Šarošac Đuro (1996), Neke činjenice u razvitku hrvatskih naselja u Mađarskoj. In: *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika*. Pécs, Hrvatski znanstveni zavod.
- Vidmarović Đuro (1996), Hrvatska narodna manjina u Mađarskoj u svjetlu prožimanja kultura i jezika većinskog i matičnog naroda. In: *Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika*. Pécs, Hrvatski znanstveni zavod.
- Žagar-Szentesi Orsolya (2005), Hrvatski u dodiru s mađarskim. In: *Hrvatski jezik u dodiru s europskim jezicima. Prilagodba posuđenica*. Žagreb, Nakladni zavod Globus.

Libuše Dufková

Университет им. Масарика, Философский факультет, г. Брно
Брно, Чешская Республика

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРИЧИННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОЙ ГАЗЕТЕ «МЕТРО САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

*In the following contribution *Способы выражения причинных отношений в русской газете «Метро Санкт-Петербург» (The Ways of Expression of Causative Occasions in Russian Newspaper „Metro Санкт-Петербург“)*, I deal with ways of expression of causative occasions in Russian language in both theoretical and practical fields. First of all, the term causative occasions will be specified according to Russian and Czech linguists. Secondly, the possible ways of expression of causative occasions will be outlined and supported by illustrative examples. Thirdly, the collected practical material which consists of database of expressions of causative occasions from Russian version of newspaper “Metro” (February-June 2012) will be analysed according to criteria set in the first and second part of my contribution.*

Key words: syntax, expression of causative occasions, Metro Санкт-Петербург

Хотя в русской публицистике за последних двадцать лет произошли существенные изменения, главные ее функции остались константными. Публицистика, называемая летописью современности, выполняет функцию информативную (сообщения) и функцию воздействия, чему соответствует цель публицистического стиля, приведенная А. А. Абдукаримовой, т. е. дать информацию о последних актуальных событиях, воздействовать на аудиторию, создать общественное мнение. Информативность достигается фактологической манерой изложения, обобщенностью и нейтральностью изложения. Воздействующая функция обуславливает экспрессивность публицистического стиля, которая проявляется в оценке описываемых событий.

С нашей точки зрения, способ выражения причинных обстоятельств событий, о которых отдельные жанры публицистического стиля в данной газете информируют, является важным и достойным нашего внимания. Поскольку обстоятельства причины и придаточные предложения причины указывают на причину возникновения действия или признака, а также дают обоснование действия или состояния, их применение в текстах газетно-публицистической разновидности публицистического стиля будет занимать особое место.

В нашей статье сосредоточимся на анализе выражения причинных отношений в газете Metro Санкт-Петербург. Metro Санкт-Петербург является бесплатной газетой, первый номер которой вышел 21 марта 1997 года. Учредителями данного издания стали частные лица, которых заинтересовал огромный успех газеты Metro в шведской столице Стокгольм. Создатели заключили договор на распространение газеты в метрополитене Санкт-Петербурга и зарегистрировали в Роспатенте свои права на газетные бренды Metro и Метро на территории всей России. Необходимо отметить, что петербургская и московская газеты Metro развивались отдельно и у петербургского проекта не было особой финансовой поддержки в отличие от московского издания. Сначала газета выходила еженедельно, лишь в 2004 году стало Metro первой в России ежедневной массовой бесплатной информационной газетой. В том же году Metro стало лидером по объемам продаж рекламы и лидером по размеру читательской аудитории среди ежедневных газет Санкт-Петербурга. В связи с тем, что в 2005 году концерн Metro International купил права на бренды Metro и Метро на территории России, газета стала частью крупнейшей мировой сети газет Metro и 26 сентября 2005 года вышел первый номер Metro Санкт-Петербург с международным зеленым логотипом.

Показательно, что газета Metro Санкт-Петербург характеризуется короткими текстами из сферы отечественной и зарубежной политики (разделы Россия, Мир) или других событий (разделы Деньги, Спорт, Мнения, Мода, Дом, Недвижимость, Офис, Развлечение, Рекламы, и многие другие). Статьи газеты дополнены большим количеством цветных фотографий и иллюстраций. Характеристическим признаком статей данной газеты является сжатость изложения предлагаемой информации, о которой свидетельствует низкое количество сложных предложений. Поскольку газета Metro Санкт-Петербург раздается бесплатно на станциях и остановках общественного транспорта и главной ее целью является предоставление информации читателям в сроке, предназначенном для их перемещения на работу, короткие тексты и простая форма изложения статей является логичной.

Суть нашего исследования заключается в анализе базы данных выражений причинных отношений, источником которой стало 37 выпусков газеты Metro Санкт-Петербург от 2012 г. В феврале приведенного года был проведен анализ 5 выпусков: No 30 (2398), No 31 (2399), No 32 (2400), No 33 (2401), No 35 (2403). В марте мы исследовали выражение причинных отношений в следующих 13 номерах: No 36 (2404), No 38 (2406), No 39 (2407), No 41 (2409), No 42 (2410), No 43 (2411), No 45 (2413), No 47 (2415), No 48 (2416), No 50 (2418), No 52 (2420), No 53 (2421), No 55 (2423). В апреле было проанализировано 10 номеров: No 57 (2425), No 58 (2426), No 59 (2427), No 61 (2429), No 63 (2431), No

64 (2432), No 65 (2433), No 67 (2435), No 68 (2436), No 69 (2437). В мае было разобрано 6 номеров: No 86 (2454), No 89 (2457), No 90 (2458), No 92 (2460), No 93 (2461), No 94 (2462). В июне 2012 года мы исследовали только 3 выпуска: No 99 (2467), No 100 (2468), No 102 (2470). Поиск выражений причинных отношений в названных номерах проводился одновременно со чтением газеты Metro Санкт-Петербург в пути на занятия во время стажировки, которую мы проводили с февраля по июнь 2012 года в СПбГУ. В целом мы подвергли анализу 350 единиц, которые необходимо было разделить на две группы:

1) способы выражения причинных отношений обстоятельствами причины в простом предложении,

2) способы выражения причинных отношений придаточными причины в сложном предложении. Как отмечают М. В. Панов и Р. Б. Сабаткоев (ср. Панов, Сабаткоев 2002: 65) в простом предложении причинные отношения выражаются при помощи: наречий, предложно-падежных сочетаний, деепричастий и деепричастных оборотов. В качестве примеров предлогов для выражения обстоятельств причины предложно-падежным сочетанием М. В. Панов и Р. Б. Сабаткоев приводят предлоги: *благодаря, из-за, от, по, с, за, вследствие, ввиду, в связи с*. По мнению чешского лингвиста С. Жажи составные предлоги *в силу, ввиду, за счет, по случаю, в результате и по причине* принадлежат к книжному стилю. Выражение причины посредством приведенных предлогов характерно для научных текстов (ср. Вауер, Mrázek, Žaža 1960: 305). В нашем исследовании мы сосредоточимся на причинных отношениях, выраженные предложно-падежными сочетаниями, и будем уделять внимание составным предлогам, которые были С. Жажой означены как книжные.

В сложном предложении причинные отношения выражаются при помощи синтаксических конструкций с союзами, причем важной оказывается позиция придаточной части в структуре предложения (постпозиция или свободная позиция). Союзы *потому что, ибо* имеют постпозицию; союзы *оттого что, так как, поскольку, благодаря тому что, из-за того что, ввиду того что, вследствие того что, в силу того что, в связи с тем что, по причине того что* имеют свободную позицию. (ср. Баско, Джонг, 1960 [Электронный ресурс]. [цит. 20-4-2013]. Доступный из WWW: <http://old.kpfu.ru/conf/LENCA-2/sbornik.htm>)

Переходим к сути нашего исследования. Из 37 номеров газеты Metro Санкт-Петербург было выписано в целом 350 примеров причинных отношений. Из общего количества примеров 211 единиц относятся к обстоятельствам причины, 139 единиц являются придаточными предложениями причины. Результат данного разделения вполне соответствует стилю статей газеты Metro Санкт-Петербург, т. е. короткости и сжатости текстов, входящих в ее состав.

Сначала рассмотрим способы выражения обстоятельств причины. В целом было употреблено для выражения причинных отношений 14 предлогов. Чаще всего авторы статей использовали предлоги *из-за* (85 раз), *благодаря* (29 раз), *по* (25 раз), *от* (18 раз), *за* (13 раз).

Предлог *из-за* употребляется для выражения неблагоприятной причины. Л. С. Крючкова (ср. Крючкова 2004: 383) отмечает, что причина может а) препятствовать осуществлению действия, б) вынуждать субъект прекратить действие, в) вызывать нежелательное действие, г) являться поводом для конфликта. Примеры для классификации Л. С. Крючковой приведены ниже:

Ad а) *Петербургские поклонники знаменитой рок-группы Black Sabbath пребывают в шоке: их любимцы из-за болезни гитариста Тони Айомми отменили европейское турне, а значит, не состоится концерт, намеченный на 20 мая в Северной столице.*

Metro Санкт-Петербург, 21 февраля 2012, No 30 (2398), с. 2.

Ведь основной голкипер марсельцев Стив Манданда пропустит сегодняшний матч из-за дисквалификации.

Metro Санкт-Петербург, 28 марта 2012, No 53 (2421), с. 8.

Беспорядки из-за суицида

Metro Санкт-Петербург, 6 апреля 2012, No 61 (2429), с. 7.

Ad б) *Но из-за туманов вертолетов не было три недели...*

Metro Санкт-Петербург, 23 мая 2012, No 89 (2457), с. 6.

В последний раз запуск был отменен в субботу за полсекунды до старта из-за неисправности, обнаруженной в двигателе.

Metro Санкт-Петербург, 23 мая 2012, No 89 (2457), с. 9

Певица отменила свой концерт в столице Индонезии Джакарте, назначенный на 27 мая, из-за угроз, полученных от радикально настроенных приверженцев ислама.

Metro Санкт-Петербург, 28 мая 2012, No 92 (2460), с. 23.

Ad в) *Вертолет мог разбиться **из-за** попадания в мощный снежный заряд и потери пространственной ориентировки.*

Metro Санкт-Петербург, 16 марта 2012, No 45 (2413), с. 3.

*А Данко Лазович продолжает мучиться **из-за** полученного два года назад и усугубленного чемпионатом мира 2010 разрыва мышцы бедра.*

Metro Санкт-Петербург, 6 июня 2012, No 99 (2467), с. 9.

*Городские власти говорят, что музей был закрыт **из-за** ремонтных работ на пешеходной улице.*

Metro Санкт-Петербург, 28 марта 2012, No 53 (2421), с. 6.

Ad г) —*Мы вместе с соседями считаем, что жену убили **из-за** дома. — прямолинейно заявила Metro жительница одного из близлежащих домов Анна.*

Metro Санкт-Петербург, 12 марта 2012, No 41 (2409), с. 5.

*Виктория Лопырева: Мы с Владом Топаловым подрались **из-за** ревности!*

Metro Санкт-Петербург, 16 марта 2012, No 45 (2413), с. 16.

*Два бизнесмена подрались в Чувашии **из-за** покупки поросят.*

Metro Санкт-Петербург, 30 мая 2012, No 94 (2462), с. 4.

Хотя предлог *из-за* служит для выражения неблагоприятной причины, в нескольких случаях был употреблен для выражения причины благоприятствующей. Причиной такого употребления мог стать стилистический прием иронии или сарказма, или также недостаточный уровень знания тонкостей в выражении причинных отношений русского языка. Ниже приводим примеры ненадлежащего употребления предлога *из-за*:

*Почему решили сниматься в этом кино? — **Из-за** Кэмерона. Есть невероятные моменты в фильмах Кроу, когда вы понимаете, каковы люди на самом деле, и одновременно смеетесь.*

Metro Санкт-Петербург, 1 марта 2012, No 36 (2404), с. 26.

*Мы набираем людей **из-за** их достоинств, а не **из-за** их опыта.*

Metro Санкт-Петербург, 1 марта 2012, No 36 (2404), с. 12.

Вторым по частоте предлогом стал предлог *благодаря*, выражающий положительное явление, ставшее причиной какого-либо действия, обеспечивающее его выполнение или определяющее желательный результат. Предлог *благодаря* был запечатлен 29 раз, что по сравнению с употреблением отрицательного предлога *из-за* довольно мало. Возможным объяснением такого результата исследования является тематика статей, меньшая необходимость изложения положительных явлений или преобладание отрицательных новостей над положительными.

Благодаря большой площади застройщики совершенно свободны в выборе технологий, архитектурных решений и планировки квартир.

Metro Санкт-Петербург, 6 апреля 2012, No 61 (2429), с. 17.

Благодаря такой стратегии при доле на рынке в 5% американцы собирают 16% всех денег, которые тратятся в стране на смартфоны.

Metro Санкт-Петербург, 13 марта 2012, No 42 (2410), с. 8.

Благодаря этому прибору пилот может в ручном режиме совершать стыковку со станцией.

Metro Санкт-Петербург, 22 февраля 2012, No 31 (2399), с. 7.

Предлог *по* применяется для выражения причины, обоснованной логическим выводом, который позволяет судить о причине. Вторым значением, которое предлог *по* раскрывает, является вынужденное действие, событие или явление. Предлог *по* был в нашей базе данных запечатлен 25 раз. Иллюстративные примеры приведены ниже:

*В 1980 году он **по** совету отца женился на еврейке и затем уехал в Израиль.*

Metro Санкт-Петербург, 7 июня 2012, No 100(2468), с. 2.

*Погибшая **по** пока не установленным мотивам выпрыгнула из окна.*

Metro Санкт-Петербург, 27 марта 2012, No 52 (2420), с. 2.

По подозрению в совершении преступления задержаны двое рабочих.

Metro Санкт-Петербург, 4 апреля 2012, No 58(2426), с. 2.

Предлог *от*, который применяется вместе с глаголами, обозначающими изменение состояния субъекта, изменение цвета, перемещение субъекта в пространстве или действие связанное с жестами и мимикой, был употреблен 18 раз.

Пациентка умерла от внезапного сердечного приступа.

Metro Санкт-Петербург, 11 апреля 2012, No 63 (2431), с. 3.

1,3 млрд человек на планете страдают от избыточного веса.

Metro Санкт-Петербург, 14 марта 2012, No 43 (2411), с. 8.

Мировая рекордсменка вне себя от счастья, что ей удалось осуществить свою мечту.

Metro Санкт-Петербург, 24 мая 2012, No 90 (2458), с. 10.

Последний предлог, который приведен, был в нашем корпусе из газеты Metro Санкт-Петербург отмечен 13 раз. Речь идет о причинном предлоге *за*, который означает основание действия, связанного с благодарностью, похвалой, вознаграждением, осуждением или наказанием. Предлог *за* был в большинстве случаев использован для выражения отрицательного значения:

Судить виновных — полезная мера сдерживания. Сейчас Томаса Лубанга судят в международном уголовном суде за привлечение детей-солдат в Демократической Республике Конго.

Metro Санкт-Петербург, 4 апреля 2012, No 58(2426), с. 9.

В Петербурге геев впервые задержали за пропаганду

Metro Санкт-Петербург, 6 апреля 2012, No 61 (2429), с. 15.

За сотрудничество с коммерческими компаниями НАСА подверглась критике бывших астронавтов.

Metro Санкт-Петербург, 18 мая 2012, No 86 (2454), с. 5.

Во второй части нашей статьи обратим наше внимание на способы выражения причинных отношений в придаточных предложениях причины в сложном предложении. В целом было запечатлено 11 ниже приведенных союзов и союзных средств: *благодаря тому, что* (4), *благодаря чему* (1), *в результате* (5), *в связи с* (3), *за то, что* (1), *ибо* (3), *из-за чего* (1), *из-за того, что* (8), *от того, что* (1), *поскольку* (21), *потому что* (57), *так как* (32), *т. к.* (1).

Союз *потому что* является самым распространенным средством выражения причинных отношений в сложном предложении. Он наиболее четко выражает идею причинной обусловленности действия, события или явления, о котором говорится в главном предложении. Наше исследование этот тезис подтвердило. Придаточное предложение причины может выражать саму причину или причинную аргументацию, основание для причины. Союз *потому что* был употреблен 57 раз. Союз *потому что*, как большинство составных союзов, может расчлениваться, т. е. указательное слово *потому* располагается в главной части, а союз *что* - в придаточной. В нашей базе данных было запечатлено 7 примеров такого расчленения, ниже приводим для иллюстрации три из них:

На Марсе будет немного проще, потому что там есть небольшая атмосфера.

Metro Санкт-Петербург, 12 апреля 2012, No 64 (2432), с. 7.

Забудьте все, что вы знали об обоях, потому что теперь это не бесвкусица 70-х.

Metro Санкт-Петербург, 11 апреля 2012, No 63 (2431), с. 16.

Возможно, это произошло потому, что было еще темно и не получилось точного касания — пилот просто уронил самолет.

Metro Санкт-Петербург, 3 апреля 2012, No 57 (2425), с. 4.

Хотя союз *потому что* является постпозитивным, в нашем корпусе было отмечено 12 случаев, когда союз *потому что* выступал на первом месте предложения. Во всех примерах необходимо привести для надлежащего понятия смысла предложение предыдущее:

Именно факты, а не интерпретированная информация той или иной стороны. Потому что и среди экологов есть экстремисты, и с противоположной стороны огромное количество пропагандистов.

Metro Санкт-Петербург, 30 марта 2012, No 55 (2423), с. 5.

Да простит меня Толстой, речь пойдет о Пушкине. Потому что 21 марта - Всемирный день поэзии.

Metro Санкт-Петербург, 23 марта 2012, No 50 (2418), с. 9.

У нас уже много лет говорят о том, что надо избавляться от сырьевой зависимости, но на деле этого не происходит. Потому что государственным монополиям, нефтяным и газовым, это невыгодно.

Metro Санкт-Петербург, 21 февраля 2012, No 30 (2398), с. 8.

Союз *так как* выступает синонимом союза *потому что*. Л. С. Крючкова приводит, что данный союз чаще всего употребляется в книжной речи. В причинном значении он никогда не расчленяется. В отличие от союза *потому что* союз *так как* может выступать в начале предложения. По численности в нашей базе данных союз *так как* занял второе место. В исследуемых номерах газеты *Metro Санкт-Петербург* было обнаружено 32 примера его употребления. В одном случае был союз *так как* употреблен в сокращенном виде, т. е. *т. к.*

Так как американка не имела никакого опыта управления самолетами, на помощь ей поднялся другой самолет.

Metro Санкт-Петербург, 4 апреля 2012, No 58 (2426), с. 6.

Многие компании переносят бизнес в интернет-среду, так как именно там теперь проводят время их потенциальные клиенты.

Metro Санкт-Петербург, 20 марта 2012, No 47 (2415), с. 22.

Вступление России в ВТО не отразится на наших экспортных возможностях, так как в РФ нет постоянных действующих пошлин на экспорт зерна.

Metro Санкт-Петербург, 17 апреля 2012, No 67 (2435), с. 11.

Книжный характер носит и другой синоним союза *потому что*: *поскольку*, который был в нашем корпусе примеров запечатлен 21 раз. В предложении он может занимать препозитивное и интерпозитивное место:

Поскольку полет является тестовым, ничего жизненно необходимого на борту не будет — на случай, если миссия потерпит неудачу.

Metro Санкт-Петербург, 18 апреля 2012, No 68 (2436), с. 11.

Академия художеств обычно закрыта для посетителей, поскольку прежде всего это учебное заведение.

Metro Санкт-Петербург, 18 мая 2012, No 86 (2454), с. 6.

К сожалению, инициатива нового министра, скорее всего, будет реализована, поскольку подобная ситуация в области российского образования наблюдалась и ранее.

Metro Санкт-Петербург, 28 мая 2012, No 92 (2460), с. 20.

Интересным показалось использование союза *ибо*, для которого характерна возвышенность речи. Придаточная часть следует непосредственно за главной частью и находится в интерпозиции. Союзом *ибо* выражается значение развернутой аргументации. В следующем примере был союз *ибо* употреблен для ссылки на старые порядки, существовавшие в христианстве:

Дополнительным раздражающим фактором, думаю, явилось, традиционное отношение христиан к женщинам, гласящее: Женщины в церквях молчат, ибо не разрешается им говорить, но пусть будут послушны.

Metro Санкт-Петербург, 6 марта 2012, No 39 (2407), с. 17.

Остальные способы выражения причинных отношений в сложных предложениях были представлены малочисленными примерами. Средства выражения причинных отношений *в силу, ввиду, за счет, по случаю, в результате* и *по причине*, приведенные С. Жажой в качестве книжных, в простых и сложных предложениях встречались довольно мало. По сравнению с первыми по частоте средствами можно сказать, что их употребление являлось редким. Исключением является средство *в результате*, которое было в простых предложениях использовано 8 раз и в предложениях сложных 5 раз. Причиной является результативное значение обуславливающего события, что способствует в определенной мере экономии языковых средств.

Из исследования созданного нами корпуса вытекает, что в газете *Metro Санкт-Петербург* причинные отношения выражаются скорее всего обстоятельствами причины, чем придаточными предложениями причины. Поскольку упомянутая газета предназначена для массового потребителя, который читает ее рано утром в пути на работу, авторы газеты *Metro Санкт-Петербург* больше чем авторы других газетно-

публицистических разновидностей должны сочинять свои статьи в соответствии с основными стилевыми чертами публицистического стиля, т. е. лаконичностью изложения, доходчивостью, эмоциональностью и экономией языковых средств.

Список литературы

- Абдукаримова, А. А. *Публицистический стиль, его основные признаки и функции*. [Электронный ресурс]. [цит. 20. 04. 2013]. Доступный из WWW:
http://www.rusnauka.com/8_NIT_2008/Tethis/Philologia/27536.doc.htm
<http://www.metronews.ru/about/history/#spb>
- Баско, Н. В., Джонг, Л. Х. *Сравнительный анализ выражения причинно-следственных отношений в русском и корейском языках*. [Электронный ресурс]. [цит. 20-4-2013]. Доступный из WWW:
<http://old.kpfu.ru/conf/LENCA-2/sbornik.htm>
- Крючкова, Л. С. *Синтаксис простого и сложного предложения*. Москва, Владос, 2004. с. 382-394.
- Панов, М. В., Сабаткоев, Р. Б.: *Русский язык. Синтаксис*. Санкт-Петербург, Просвещение, 2002. с. 65.
- Стилистика публицистических жанров*. [Электронный ресурс]. [цит. 20. 04. 2013]. Доступный из WWW:
http://maxref.ru/referat_396_32.html
- Bauer, J., Mrázek, R., Žaža, S.: *Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II. Skladba*. SPN, Praha 1960. s. 305.

Alena Faragulová

Department of Slovak Language of Comenius University in Bratislava
Bratislava, Slovakia

STRET KULTÚR V ZAHRANIČNÝCH KORPORÁCIÁCH NA SLOVENSKU A ICH PERCEPCIA Z HĽADISKA CUDZOSTI

The aim of our work is to analyse the perception of cultural differences perceived by employees of foreign corporations in Slovakia. We are focused on the perception of strangeness as result of the diversity of the (corporate) cultures. We have chosen to focus particularly on the differences which are based on the language. The ideological basis of our research is xenology. We also apply the knowledge from the field of management and corporate culture research. We have followed the method of qualitative research to obtain relevant material for our research, and for interpretation we have used methods of ethnomethodology and conversation analysis.

Key words: corporate culture, strangeness, communication, vertical vs. horizontal level, foreign words.

Denne sme v kontakte s inými kultúrami – cez internet, v médiách, niektorí v kultúrnych centrách, či na pracovisku. Nás zaujal stret kultúr na pracovisku, kde už samotné prostredie je pre človeka niečím novým (v porovnaní napr. s domácim či školským) a treba si naň zvykať. Otvorenie slovenského trhu pre zahraničné firmy so sebou prinieslo aj nové cudzokrajné kultúry, ktoré sa stretávajú s domácou. V zahraničných firmách vnímajú slovenskí zamestnanci inakosť firemnej kultúry silnejšie, keďže sa v nej odráža aj cudzia, zahraničná kultúra. Rozdiel je aj v spôsobe, akým sú v práci ľudia exponovaní inej kultúre. Často sa musia prispôbiť aj tomu, čo im nie je úplne po vôli, a to môže mať v konečnom dôsledku negatívny dopad na fungovanie samotnej firmy. Toto nám nepotvrďuje iba pozorovanie a rozhovory s informátormi, ale aj bývalý manažér marketingovej komunikácie českého zastúpenia spoločnosti Unisys Ivan Helcl (2003: 53): „Většina amerických firem totiž nebere při otvírání svých lokálních poboček v potaz lokální zvyklosti a místní kulturu se všemi těmi odlišnostmi buď vůbec, anebo jen velmi nerada. Jsem přesvědčen, že ty dobré by se měly zachovat. Jinak totiž dochází k určité demotivaci místních zaměstnanců a tím i ke snížení jejich výkonnosti“ (pozri aj Rosinski 2009).

V príspevku sa sústreďujeme na percepciu cudzích firemných kultúr v slovenských pobočkách zahraničných spoločností slovenskými zamestnancami. Teoretické východisko výskumu predstavuje xenológia, veda o cudzosti. Práve cudzosť (v protiklade k vlastnému, domácejmu) je ústredným pojmom kultúrnovednej disciplíny xenológie, ktorú predstavil kamerunský sociológ Munasu Duala M'Bedy, keď v roku 1977 publikoval knihu *Xenologie – Die Wissenschaft vom Fremden und die Verdrängung der Humanität in der Anthropologie*. Táto kultúrnovedná disciplína, ktorá „sa geneticky určovala ako prechod od hermeneutiky k interkultúrnemu výskumu cudzosti“ (Dolník 2012: 227), sa odvtedy rozvíja hlavne v Nemecku (napr. Vierlacher, Albrecht, Schröter) a zahŕňa celkový pohľad na vnímanie cudzosti. Percepciu cudzosti, ako kultúrnej interpretácie inakosti, sa na Slovensku venuje kultúrna xenoslovakistika a v rámci nej, s orientáciou na jazyk, lingvistická xenoslovakistika, ktorá prispieva k vytvoreniu jazykového obrazu sveta (pozri Dolník 2011, 2012). Obsahom kategórie cudzosť je vnímanie kvality vzťahu k inakému, v našom prípade ide o interpretáciu vnímania kvality vzťahu k inej kultúre vo firmách, v ktorých informátori pracujú a navonok ju musia akceptovať a prispôbiť sa jej. V príspevku odpovieme na otázky, či kultúru prijímajú aj vnútorne a do akej miery, kde je hranica jej prijímania, či je kvalita vzťahu k rôznym kultúram rozdielna a čím je rozdielnosť spôsobená. Cudzosť v súvislosti so slovenčinou môžeme rozdeliť do dvoch oblastí „inakosť tohto jazyka interpretovaná ako cudzosť a inaké v nej interpretované ako cudzie“ (Dolník 2012: 228). Tiež je možné ju interpretovať z dvoch perspektív – pozorovateľskej a používateľskej. My sa venujeme interpretácii vnímania cudzosti v slovenskom prostredí z používateľského hľadiska, keďže „vlastnosť cudzosti niečo nadobúda vždy len pre istý subjekt na určitom mieste s prihliadnutím na určité okolnosti. Ako niečo zvláštne, neznáme nezapadajúce (do naučeného systému) sa môže javiť len so zreteľom na konkrétne skúsenosti, zvyky a očakávania pozorujúceho subjektu“ (Mikušová – Široká). Aj keď sme súčasťou jednej slovenskej kultúry, zároveň sme individualitami. Počas života nás ovplyvňujú rôzne faktory od prostredí, v ktorých sme vyrastali a žijeme. Cez postoje okolia, školy, náboženstvo, až po biologické a psychologické danosti. Preto má každý z nás svoju normalitu zadefinovanú iným spôsobom. Keďže všetci interpretujeme cudzosť v opozícii ku vlastnej normalite, aj kategóriu cudzosti interpretujeme individuálne, ale zároveň spoločná kultúra jej vnímanie do istej miery unifikuje (por. Dolník 2009a, 2009b, 2012). Preto nás vo fáze získavania informácií zaujímalo aj to, ako informátori vnímajú kategóriu cudzosti. Na začiatku treba objasniť, že všetci sú vysokoškolsky vzdelaní, ovládajú cudzie jazyky, často cestujú (niektorí strávili v cudzích kultúrach aj dlhšiu dobu) a s ich pozitívnym vzťahom k cudziemu spájame aj prácu v zahraničných korporáciách. Informátori rozlišujú vzťah k rôznym cudzím kultúram (väčšinou rozlišujú západné a východné). Západ, z ktorého ich spoločnosti expandovali, je im väčšinou bližší, aj keď americká kapitalistická konzumná kultúra je pre niektorých cudzia. Pojem cudzí/cudzosť všetci informátori interpretujú ako kvalitu vzťahu k niečomu neznámemu, k (iným/neznámym/nepribuzným/ nepoznaným) ľuďom, kultúram, mentalite, zmýšľaniu, atď.. Cudzie definujú ako silno odlišné, ale často v nich vyvoláva chuť spoznávať. Ide o opozíciu cudzí : domáci/známy, nespájajú ho s posesívnosťou (por. Mikušová – Široká). Pravdaže, mohlo ich ovplyvniť aj

vedomie, že výskum sa týka firemnej kultúry. Pre Eriku (24) sú „*cudzí už aj východniari*“, ale napr. Juraj (25) vníma okolité národy *menej cudzo*. Naopak (*viac cudzo*, dokonca odmietavo) pozerá pre osobné skúsenosti na východnú, najmä arabskú kultúru. Michalovi (30) arabská kultúra zasa vyhovuje, arabov dáva do kontrastu so Slovákmi, „*ktorí veľa pijú, zabávajú sa*“. Kvalita vzťahu sa môže meniť, ak človek kultúru spozná (bližšie alebo z iného uhla).

Schröterová vo svojej štúdií *Xenologie* (2004) spája percepciu cudzosti aj s rozdelením sveta, ktoré nastalo po 11. septembri 2001. Tento aspekt nepriamo spomenul aj Peter (56) v teoretickej úvahe, ktorou reagoval na otázku, či vníma slovo cudzosť negatívne: „*ja s tým osobne nemám nijaký problém, no samozrejme, cudzí, ono je to taký veľmi široký pojem, bežne ako cudzieho alebo cudzinca nepovažujeme za nič výnimočné. Samozrejme, mohlo by sa to rozšíriť, ja neviem, povedzme nejaké atentáty alebo čo, ale to nemôžeme takýmto spôsobom rozširovať, lebo to sa nedá. Nie. Ani tieto veci nie sú čierne a biele*“. Ide iba o teoretickú reflexiu, jeho pozitívny vzťah k iným kultúram sa odráža v jeho profesionálnom aj osobnom živote, počas ktorého pracovne strávil niekoľko rokov aj v arabskej kultúre, ktorú Schröterová vníma ako potenciálny zdroj percepcie cudzosti. Na základe týchto informácií môžeme konštatovať, že informátori vo všeobecnosti vnímajú cudzosť v spomínaných významoch skôr pozitívne. Na výskum sme vybrali etnografickú kvantitatívnu metódu – neštruktúrované interview, lebo našim cieľom je hlavne porozumieť človeku a jeho pohľadu na vec. Deväti informátori pochádzajúci z Bratislavy a sú zamestnancami zahraničných firiem na Slovensku. Keďže väčšina z nich pracuje vo firmách, ktoré sú nové na našom trhu a vekový priemer zamestnancov je nízky, aj oni sú väčšinou mladšie ročníky (od 24 do 30 r.). Jeden informátor patrí do strednej generácie, a s prácou v zahraničných spoločnostiach má bohaté skúsenosti. Výber informátorov bol ovplyvnený aj prístupnosťou kontaktov a ich ochotou, preto by som chcela vysloviť vďaka informátorom, ktorí zostanú v anonymite aj sprostredkovateľkám Z. Mikušovej a L. Petrželovej. Z výskumu vyplynuli mnohé poznatky týkajúce sa riadenia, vzťahov na pracovisku, motivácie zamestnancov atď.. V tomto štádiu výskumu publikujeme iba čiastkové výsledky, ktoré sa týkajú používania jazyka. Ide o dva aspekty, z ktorých prvý súvisí so vzťahmi na pracovisku a vedením a druhý s používaním lexikálnych jednotiek.

Hansen z kulturologického hľadiska kultúru definuje ako arbitrárne štandardizácie platné v daných kolektívoch (podľa Dolník: 2010: 89). V rámci firemnej kultúry tieto štandardizácie zahŕňajú pôsobenie firmy a jej pracovníkov navonok, vzťahy medzi zamestnancami, ich myšlienky, vzorce správania, celkovú klímu firmy, zvyky a ceremonie, atď. (Vysekalová – Mikeš 2009: 67 – 68). Medzi základné prvky firemnej kultúry patria aj symboly, ktorých súčasťou je *slang* (tamže: 68), ten považujeme za profesionálny jazyk používaný v komunikácii vo firme (pozri Orgoňová – Bohunická 2012: 145 – 148). K zvykom môžeme zaradiť tykanie na pracovisku, ktoré predstavuje prvok neslovenskej jazykovej kultúry. R. Linton definuje kultúru ako „*konfiguráciu naučeného chovania a jeho výsledkov, jehož komponenty jsou sdíleny a předávány členy dané společnosti*“ (podľa Nakonečný 1995: 30). Sú to naučené modely, ktoré opakujeme vo svojom konaní. Jedným z nich je vykanie starším ľuďom, čo odráža jednu z hodnôt pestovaných na Slovensku (pozri Dolník – Orgoňová 2010: 39 – 43), úctu k starším. Od detstva sa učíme rozlišovať diskurzy, v ktorých si tykáme od tých, v ktorých si vykáme. Tykanie a vykanie v našej kultúre súvisí s princípom zdvorilosti (podľa Leech: 1983, 2005): ak ide o osoby, medzi ktorými je na vertikálnej osi (vzťahujúcej sa na postavenie, moc, role, vek, atď.) len malý alebo žiadny rozdiel, informátori nepocitujú tykanie ako problémové, ale ako prirodzené. Keď je medzi partnermi veľký vekový rozdiel alebo sú na rôznej hierarchickej úrovni vo firme, väčšinou si musia na tykanie zvykať. Výnimku tvoria prípady, keď komunikačný partner navrhne tykanie osobne.

Aj keď vo všeobecnosti možno povedať, že vzťahy na vertikálnej aj horizontálnej osi sa postupne celospoločensky uvoľňujú, hierarchizovaná štruktúra sa dostáva do úzadia a stierajú sa hranice medzi formálnym a neformálnym vyjadrovaním (pozri Orgoňová – Bohunická 2012: 138), nedeje sa to takou rýchlosťou a nie je to natoľko prirodzené, ako si možno myslia niektorí manažéri zahraničných firiem (uvedomujeme si, že tykanie vo firmách bolo zaužívané aj pred revolúciou, avšak zamestnanci z mladšej a strednej generácie vyrastali v spoločnosti, v ktorej sa v takýchto prípadoch vyká). Firmy zavádzajú tento zvyk s úmyslom vytvárať priateľské prostredie, aby zamestnanci čo najmenej pocítovali, že sú iba pracovnou silou. Avšak tykanie je prínosom, ak pôsobí prirodzene, v opačnom prípade je *cudzie*. Podľa Michala (30) pracujúceho v americkej firme „*veľký rozdiel je hneď v tom že si tam nevykáme na pracovisku s nikým*“. Tykanie na pracovisku mu nespôsobuje problémy a spája ho s formou anglického jazyka, v ktorom nepoznajú vykanie: „*ja celkovo neuznávam moc v spoločnosti vykanie, ani na Slovensku, takže je to iba taký čudný prežitok z doby minulej*“ a zároveň dodáva: „*viem, že niektorí ľudia s tým majú dosť veľký problém, keď musia komunikovať s nejakým vysokým šéfom, manažérom a je to dajme tomu Slováka a si s ním tykajú*“. Tykanie podľa neho prispieva k vytváraniu priateľskej atmosféry, „*vzťahy na pracovisku sú vo všeobecnosti také, sa mi zdá, že uvoľnenejšie, nie sú také napäté, nie sú oddelené tým vykaním*“, ale ide iba o zdanie „*ono to tak vyzerá a na prvý pocit sa to tak zdá človeku, ale keď už sa začnú robiť nejaké rozhodnutia, tak je to jedno, či vám človek vyká alebo tyká*“. Miro (švajčiarska firma, 25), okrem iných stránok, ako výrazne odlišné vníma tiež celofiremné tykanie: „*Aj keď celá firma v podstate funguje na first name basis, nezáleží na pozícii, ale oproti tomuto mi to príde, že každý si je taký neosobný*“ (z komunikácie vyplynulo, že informátor pod anglický termín *first name basis* zahrnul aj tykanie

v slovenčine. V anglicky hovoriacich krajinách neexistuje tykanie alebo vykanie, ale takzvané oslovovanie sa krstnými menami, avšak tento princíp sa nezhoduje s tykaním, keďže aj v slovenskej kultúre je zvykom oslovovať sa krstnými menami, aj v prípadoch, keď si vykáme). „*V rámci tímu a ľudí, ktorí sú v tej firemnej štruktúre okolo môjho levelu, tak fajn, to sa mi veľmi páči, ale v určitých momentoch, ako tykať si so šéfom celej lokácie, to mi príde veľmi divné (...) trochu neprírodné, lebo na Slovensku to tak není*“, preto sa musel prispôbovať. Informátor zároveň priznáva, že tykanie do určitej miery prispieva k vytváraniu priateľského prostredia „*záleží s kým si tykáš. Vo väčšine prípadov áno, funguje to, ale keď to absolútne neseďí, keď vidíš, že to robí len preto, lebo je to súčasť tej kultúry, tak tam to nepomôže*“. Vidíme, že rozdiely vyplývajú z rozlišovania vzťahov na vertikálnej osi. Z pozorovania usudzujeme, že dôležitejším kritériom je práve vek, keďže je navonok zreteľnejší ako postavenie. Aj podľa zamestnanca americkej firmy Juraja (25) zohráva silnú rolu vek. Podľa neho je tykanie v celej spoločnosti vo všeobecnosti pozitívne, pomáha vytvárať príjemné prostredie a je prirodzenejšie, keďže všetci zamestnanci sú v približne rovnakom veku, ale zároveň dodáva: „*keby fakt stretím staršieho človeka, možnože by mi to bolo také hlúpe*“. Na otázku, či si tyká s najvyšším riaditeľom so smiechom reagoval: „*no, tak toho som nevidel, určite by mi to bolo čudné, ale presadzuje sa to, že všetci by si mali tykať*“. Pozitívny postoj k tykaniu vo vekovo rovnorodých skupinách môže vyplývať aj z faktu, že medzi mladšou generáciou (cca do 35 rokov) je tykanie štandardom. Rovnaký postoj má k tykaniu Nina (27) pracujúca v americkej firme. Vekový rozdiel je tiež niekedy problémom: „*mám kolegyniu, ktorá není taká mladšia ako tam väčšinou tí ľudia sú, pretože väčšinou sú tam ľudia možno okolo tridsiatky a ona už má cez päťdesiat, tak tam je to také rozpačité, že občas jej niekto aj vyká*“. V pobočke talianskej firmy, v ktorej pracuje Erika (24), zo strany vedenia nie je viditeľná snaha vytvárať priateľské prostredie zavádzaním kultúry tykania. Priateľské prostredie napriek tomu na pracovisku pociťuje. Prispievajú k nemu napr. firemné akcie, v rámci ktorých si zamestnanci budujú medziľudské vzťahy. Informátorka si s kolegami a vrchným riaditeľom tyká, „*to je rarita, väčšinou si držia odstup a vyžadujú si vykanie, čo teda ja môžem byť rada, že si môžeme aspoň tykať, že to není také formálne moc. Táto neformálnosť mne osobne vyhovuje*“. Tykanie jej však vyhovuje iba, ak je dobrovoľné: „*človeka, ktorého nepoznám, netykám si s takými ľuďmi. Musím ich spoznať, spolupracovať s nimi a až potom tykanie, neviem si to (celofiremné tykanie) ani predstaviť*“ a z praktických dôvodov by jej bolo na príťaž. Vo firme, v ktorej pracuje Peter (56) si väčšinou dobrovoľne tykajú: „*podľa mňa to vykanie a tykanie na jednej strane možno vytvára nejaký ten rešpekt, možno. Nie som o tom príliš presvedčený, ale určite vykanie a tykanie vytvára dodatočnú bariéru medzi ľuďmi. Ja osobne si myslím, že to, že angličtina nepozná vykanie a tykanie je dobrá vec vo všeobecnosti*“. Považuje za čudné, keby si vykali ľudia na podobnej úrovni, čiže tiež to spája predovšetkým s menšou vzdialenosťou na vertikálnej osi, ale ani v celofiremnom tykaní nevidí problém a nemusí byť podľa neho na škodu, lebo človek si musí rešpekt vytvoriť iným spôsobom. Tykanie nespája s vytváraním priateľského prostredia, skôr s bariérami, ale myslí si, že sa nedajú jednoducho odbúrať, keďže je to dané *konštrukciou slovenčiny*. Na základe uvedeného môžeme konštatovať, že celofiremné tykanie prijímajú zamestnanci vo všeobecnosti kladne, problém môže nastať, ak je medzi partnermi väčšia vzdialenosť na vertikálnej osi, hlavne väčší vekový rozdiel.

Keďže informátori pracujú v zahraničných korporáciách, denne sú v kontakte s cudzím jazykom a jednotlivé lexikálne jednotky, ktoré pomenávajú pracovné nástroje, sa dostávajú aj do komunikácie v slovenčine. Sú pre nich cudzie? Spomínané lexémy neodrážajú hodnoty (ako vykanie), a preto nie sú silno zakorenené v našom „vnútri“. Preto, keď sme sa pýtali, čo informátori vnímajú ako cudzie, iba jeden spomenul cudzojazyčné jednotky. Ostatní si uvedomujú, že ide o cudzojazyčné jednotky, ale v pracovnej komunikácii ich za cudzie nepovažujú. Cudzojazyčné výrazy, ktoré v práci používa Erika, sú všeobecné medzinárodné označenia produktov, a musela sa ich naučiť. *Interné tabuľky* sú iba v angličtine, čo jej zo začiatku vadilo, „*ale po asi pár mesiacoch, čo som tam robila, som veľmi rýchlo pochopila, že do slovenčiny to neexistuje už dať*“ a dnes ich vníma veľmi pozitívne. Informátori vo všeobecnosti používajú cudzie výrazy v komunikácii v slovenčine vnímajú pozitívne, urýchľujú komunikáciu a často by používanie (v niektorých prípadoch samotná existencia) slovenských ekvivalentov znamenalo používanie dvoch profesionálnych jazykov v rámci jedného pracoviska. Vyplýva to z náplne práce, s ktorou súvisí každodenná komunikácia so zahraničím. Cudzojazyčné výrazy vnímajú ako profesionalizmy. Aj keď má slovo slovenský ekvivalent, v rámci práce ich za ekvivalentné často nepovažujú, lebo anglický výraz môže mať napríklad spresňujúcejší charakter a ich preklad často vyznieva v súvislosti s prácou neprírodné. Na otázku, či je medzi vetou *idem na call*, (vetu Juraj (25) uviedol ako príklad cudzojazyčného výrazu používaného vo firemnej komunikácii v slovenskom jazyku) a *idem telefonovať* rozdiel, so smiechom odpovedal: „*Keby mi to (idem telefonovať) niekto povedal tam, v robote, tak by som sa možno pozastavil nad tým*“, mohlo by to znamenať, že niekto ide súkromne telefonovať (výraz *telefonovať*, ktorý je slovenčine asimilovaný, nepovažujeme za cudzí, keďže ho tak nevníma ani informátor). Zamestnanec americkej firmy Tomáš (26), ktorý ako jediný považuje za cudzie prenikanie zahraničných výrazov do slovenčiny, tiež definuje anglicizmy ako súčasť firemného jazyka. Napríklad substantívum *order* má v angličtine mnoho významov (príkaz, objednávka, úloha...), on si pod týmto slovom v súvislosti s prácou predstaví niečo iné ako pod slovenskými ekvivalentmi: „*booking ordra je časť, ktorú robíme v nejakom systéme, objednávky zas v inom, čiže máme to možno aj takto poodlišované a je to súčasť takého toho firemného jazyka*“. Komunikáciu

v angličtine vníma ako súčasť práce a v rámci nej mu neprekážajú ani cudzie výrazy, aj keď priveľké prenikanie anglicizmov nehodnotí pozitívne: „*sám na sebe vidím, že s tým mám problém niekedy už použiť ten slovenský výraz, ktorý som vždy používal, kým som sem nenastúpil*“. Podobne ako prácu, ani anglické výrazy z nej sa snaží neprenášať do súkromného života, ktorý od pracovného striktno oddeľuje. Rovnaký postoj zaujíma aj Nina s jazykovým vzdelaním. Cudzojazyčné slová použité v slovenskom texte vníma ako cudzie, lebo majú slovenský ekvivalent. Napriek tomu ich v práci používa aj keď komunikuje so slovenskými kolegami: „*keď to tam vidím na tom monitore, tak to poviem, pretože sa mi nechce už loviť z hlavy to slovenské*“. Miro anglické výrazy používané vo firemnej komunikácii tiež nevníma ako cudzie, v tomto konkrétnom prípade môžeme pozorovať aj na krátkom úseku, že anglické výrazy používa aj v bežnej reči (niekoľko rokov žil v USA a študuje v angličtine), myslí si však, že keby išlo o iný jazyk, vnímal by ich ako cudzie. Tiež spája ich používanie s profesionálnou sférou a ich používanie v pracovnej komunikácii v slovenčine hodnotí ako automatické.

Dvaja informátori pracujúci vo firmách s technickým zameraním cudzojazyčné výrazy takisto nevnímajú ako cudzie. Pre Petra tieto slová súvisia s napredovaním techniky a preberaním zahraničných názvov spolu s novými produktmi: „*pri vzájomnej komunikácii v podstate človek by ich ani nevedel nahradiť v mnohých prípadoch*“. Keďže ich používajú v cudzom jazyku, nevie, či majú slovenské ekvivalenty, ale „*možno by vyznievali čudne, dokonca už aj to, že sú to cudzie výrazy, ale človek ich bežne skloňuje a časuje, čiže z toho vyplýva, že už ich používa ako slovenské*“. Dodáva, že bežne ich používajú aj ľudia, ktorí angličtinu vôbec nepoužívajú. Rasťo (25), pracujúci v nemeckej automobilovej spoločnosti, cudzie definuje ako nepoznané, záhadné a v zhode s veľkou väčšinou informátorov, ani on cudzie slová v odpovedi na otázku, čo je preňho cudzie v práci, nespomenul. Cudzojazyčné slová, ktoré v nej používa sú nemeckého pôvodu. Označujú napríklad časti dielov auta, „*u nás sa vlastne ani nepoužíva slovenský názov, ale používa sa tento nemecký. Pre mňa to slovo určuje nejaký typ dielu, ktorý si viem rýchlo vybaviť*“. Práve vnímanie cudzojazyčných výrazov ako vymedzujúceho a presného pomenovania pracovného nástroja (všetko, s čím informátori v práci narábajú), sledujeme skoro vo všetkých prípadoch.

Väčšina informátorov pri nástupe do firmy cudzojazyčné výrazy vnímala ako cudzie, v dôsledku denného používania si na ne však veľmi rýchlo zvykli. Aj keď si uvedomujú ich cudzojazyčný pôvod, ako cudzie ich nevnímajú (Juraj, 25: „*ani to nevnímam, to proste hovoríš*“). Pre nich sú totožné so slovenskými odbornými výrazmi, ktoré sa musí človek naučiť, a zvyknúť si na ne. Keďže pracujú s cudzojazyčnými výrazmi, naučia sa tie a manipulujú s nimi úplne prirodzene a sú súčasťou ich slovníka. Pre niektorých je dôležité používať slovenské ekvivalenty, aby nezabudli používať vlastný jazyk, zostávajú však iba pri teórii. V dnešnej postmodernej spoločnosti nie je národnosť to, čo nás najviac ovplyvňuje, avšak spoločný jazyk nás spája a vplýva na nás, aj keď postoje k nemu sa líšia. Napriek malej vzorke informátorov môžeme konštatovať, že v súvislosti s jazykom, ako inaké vnímajú to, čo vyplýva z hodnôt, teda z jadra kultúry. Hlavne tykanie kolegom na inej vertikálnej úrovni, ak to je centrálné vyžadované. Čo sa týka percepcie neslovenských výrazov používaných v zamestnaní, približuje sa vnímaniu nového pracovného jazyka. Tieto jednotky informátori vnímajú ako profesionalizmy. Aj keď si ich *cudzost* uvedomujú, markantná je skôr opozícia pracovné : súkromné, keďže Slováci striktno oddeľujú prácu od súkromia, čo tiež vyplynulo z výskumu.

Literatúra

- Bedrnová, Eva – Jarošová, Eva – Nový Ivan a kol. (2012), *Manažerská psychologie a sociologie*. Praha, Management Press
- Dolník, Juraj (2009a), Smerovanie k egolinguistike. In: *Ty já a oni v jazyce a literatuře*. Ed. Patrik Mitter. Ústí nad Labem, UJEP, s. 18 – 23.
- Dolník, Juraj (2009b), *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava, Veda, vydavateľstvo slovenskej akadémie vied.
- Dolník, Juraj (2010), *Jazyk – človek – kultúra*. Bratislava, Kalligram.
- Dolník, Juraj (2011), Lingvistická xenoslovakistika. In: *Slovenčina (nielen) ako cudzí jazyk v súvislostiach*. Bratislava, Univerzita Komenského, 25 – 33.
- Dolník, Juraj (2012), *Sila jazyka*. Bratislava, Kalligram.
- Helcl, Ivan (2003), *Oklikou domů bycha nehonil* (rozhovor v rubrike Management). Business World 4/2, 52 - 54.
- Leech, Geoffrey N. (1983), *Principles of Pragmatics*. New York, Longman Inc.
- Leech, Geoffrey N. (2005), *Politeness: Is there an East-West Divide?* [online] Citované: 12. január 2012. Dostupné na: <http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/geoff/leech2006politeness.pdf>
- Mikušová, Zuzana – Široká, Dana: Reklamná tvár slovenského xenodiskurzu. In print.
- Nakonečný, Milan (1998), *Psychologie osobnosti*. Praha Academia.
- Orgoňová, Oľga – Bohunická, Alena (2012) *Lexikológia slovenčiny*. Praha, Columbus.
- Orgoňová, Oľga – Dolník, Juraj (2010), *Používanie jazyka*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Rosinski, Philippe (2009), *Koučování v multikulturním prostředí. Nové nástroje využití národních, firemních a profesních odlišností*. Praha, Management Press.
- Schröter, Katrin (2004), Xenologie. Zur Theorie des Fremden bei Munasu Duala-M'Bedy. In: *Den Fremden gibt es nicht. Xenologie und Erkenntnis*. Münster, LIT verlag, 19 – 39.
- Vysekalová, Jitka – Mikeš, Jiří (2009), *Image a firemní identita*. Praha, Grada Publishing a.s..
- Pramene: Nahrávky rozhovorov uložené v súkromnom archíve Aleny Faragulovej

Natalija Furman

University of Maribor
Maribor, Slovenia

PROSTORSKO KONCEPTUALIZIRANJE BESEDE VESELJE ZNOTRAJ UTELEŠENE IZKUŠNJE KOT NEUSTREZNE ZA REŠEVANJE DRUŽBENO- EKOLOŠKIH VPRAŠANJ

The following article is dealing with cognitive linguistically-theoretical approach (Langacker 1987, Lakoff and Johnson 1980), which grounds the spatial conceptualization of the word »joy« in Slovene language in THE SPACE INSIDE THE HUMAN BODY. Lakoff and Johnson stress the embodied experience, which is also dealt with by the science of ecolinguistics from the viewpoint of dealing with socially-ecological questions (Bowers 2009). Since the embodied experience does not include the cultural and historical specificities of the metaphor it is not suitable for a radical change of western mentality in a sense of bigger ecological awareness.

Key words: cognitive linguistics, space, metaphor, joy, embodied experience, ecolinguistics.

0 Uvod

Pričujoči prispevek se s kognitivnojezikoslovnega vidika osredinja na konceptualno razumevanje sveta skozi prostorsko pojmovanje besede *veselje* v slovenskem jeziku in z ekolingvističnega vidika na pomen jezika v družbeno-ekološkem kontekstu. Stičišče obeh vidikov predstavlja t. i. utelešena izkušnja.

S kognitivnim jezikoslovnoteoretičnim pristopom utemeljujem konceptualno raven besede *veselje* v povezavi s konceptom prostora, pri slednjem se osredinim na PROSTOR ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA. Na osnovi členitve VESELJE V PROSTORU in VESELJE KOT PROSTOR ter dodatno v okviru abstraktnega in konkretnega prostora dano besedo proučujem z vidika besedilnozvrstnih tipov. Teoretska izhodišča izhajajo iz kognitivne teorije metafore (Lakoff in Johnson 1980). Lakoff in Johnson poudarita utelešeno izkušnjo posameznika, ki je osnova za spoznavanje pomena besed (metafor) in posamezniku omogoča konceptualno razumevanje sveta.

Kognitivno teorijo utelešene izkušnje povežem s proučevanjem družbeno-ekološkega konteksta. Ekolingvistika ali ekološko jezikoslovje se ukvarja z odnosom človeška – nečloveška narava (Vičar 2010: 123), pri čemer obravnava utelešeno izkušnjo posameznika z vidika reševanja družbeno-ekoloških vprašanj. Bowers (2009) preizprašuje ustreznost utelešene izkušnje pri ugotavljanju vzrokov za splošno spodbujanje zahodne industrijsko-potrošniške miselnosti, ki je sestavni del neokolonialnega gospodarstva in posledično vodi do ekoloških katastrof. Utelešena izkušnja zaradi neupoštevanja kulturno-zgodovinske specifičnosti metafor ni ustrezna za temeljito spremembo zahodne miselnosti v smislu večje ekološke ozaveščenosti. Sledim slovenski terminologiji kognitivnega jezikoslovja, ki je uveljavljena v Będkowska - Kopczyk (2004). Kognitivnojezikoslovni vidik tega prispevka je strnjen iz diplomskega dela Prostorska konceptualizacija besede *veselje* v slovenskem jeziku (Natalija Furman 2012), mentorica dr. Branislava Vičar in somentorica Agnieszka Będkowska - Kopczyk.

1 Metodologija in gradivni vzorec

Beseda *veselje* je v povezavi s konceptom prostora v izbranih besednih zvezah prikazana glede na skladenjsko-semantično vlogo v stavku, tj. *veselje* kot udeleženec oziroma okoliščina. Pri analizi skladenjsko-semantičnih vlog izhajam iz sistemsko-funkcijske slovnice Hallidaya (1995: 106–175), ki preučuje jezikovno rabo v kontekstu. Sistemska funkcijska slovnica v središče postavlja pomen in se osredotoča na odnos besedilo – okoliščina (Vičar 2009: 50–51). Pomen poimenuje metafunkcije, ki jih deli na besedilne, medosebne in predstavne. Predstavna metafunkcija je sistem izbire v slovnici stavka, in sicer sistem tipov glagolskih dogodkov (sistem prehodnosti). Izbira funkcij udeležencev in njihova pojavitev sta odvisni od izbire glagolskih dogodkov. Halliday (1995: 106–175) razvrsti tipe glagolskih dogodkov z udeleženskimi vlogami: materialni glagolski dogodek (vršilec, neobvezni cilj, obseg, koristnik), odnosni glagolski dogodek (istovetnostni s funkcijama element in vrednost, prilastni s funkcijama nosilec lastnosti in lastnost, z neobveznim prejemnikom), duševni glagolski dogodek (doživljalec, pojav), govorni glagolski dogodek (govorec, neobvezni prejemnik govornega, govornega), vedenjski glagolski dogodek (obnašalec, neobvezni obseg) in obstojanski glagolski dogodek (obstoječe) (Plemenitaš 2007: 68).

Zgledi na ravni VESELJE V PROSTORU nastopajo v skladenjsko-semantični vlogi vršilca v materialnem glagolskem dogodku (*je raslo veselje v njegovem srcu*), medtem ko imajo v materialnem glagolskem dogodku na ravni VESELJE KOT PROSTOR vlogo okoliščine (*v veselju pa mi je otemnela pamet*).

Kognitivni pristop je v pričujočem prispevku osrednja metoda za ugotavljanje in spoznavanje metaforičnosti analiziranih kontekstov. Gradivo za jezikovno analizo kontekstov je bilo pridobljeno iz besedilnih korpusov Nova beseda v časovnem obdobju marec–november 2011 in Gigafida, april 2013 .

Upoštevana je besedilnozvrstna razlikovalnost med umetnostnimi in publicističnimi besedili. Leposlovje zajema prozna besedila Ivana Cankarja (*Kurent, Krčmar Elija, Marta, Morala, Ministrant Jokec, Naši umetniki/Kritike Potepuh Marko in Kralj Matjaž, Tujci, Življenje in smrt Petra Novljana*), Cirila Kosmača (*Človek na zemlji, Kraška simfonija*), Antona Medveda (*Pesmi I*), Josipa Jurčiča (*Cvet in sad*), Ivana Tavčarja (*Grajski pisar*) ter Prešernove *Poezije*, Stritarjeve *Pesmi* in Jenkove *Izbrane pesmi*. Publicistika zajema DELO, Nedeljski dnevnik, AdriaMedia in rtvslo.si.

2 Korelacija prostor – čustva

Največ kognitivnojezikoslovnih raziskav proučuje čustva, na podlagi tega dejstva je nastalo tudi pričujoče delo. Nowakowska - Kempna (1995) poudari, da se čustva, prostor in metafore tesno prepletajo (Będkowska - Kopczyk 2004: 108). Čustva so zapleteni procesi, ki vključujejo fiziološke, izrazne in kognitivne komponente; izražajo vrednostni odnos do zunanjega sveta ali do samega sebe (prav tam 2004: 58). Čustva se glede na silovitost in trajanje delijo na afekte (kratkotrajno stanje) in čustva dispozicije (dolgotrajno stanje). Slednja delitev predstavlja jezikoslovju najustreznejši opis čustvenih procesov, prikaže njihovo slovnično in pomensko naravo. Veselje kot čustvo dela življenje prijetno; občutek zadovoljstva in samozaupanja sta njegovi prevladujoči značilnosti (Lamovec 1991: 90–91).

2.1 Kognitivna teorija metafore

Lakoff in Johnson (1980) poudarita, da *metafore niso zgolj neka oblika govora, temveč način razmišljanja*; t. i. konvencionalne metafore so del naših misli in jezika. Človekov vsakdanji miselni sistem je osnovan na metaforiki oziroma celoten jezik je metaforičen. Metafora temelji na človekovem konceptualnem (pojmovnem) sistemu, ni zgolj predmet uma. Koncepti določajo posameznikovo zaznavanje, kako se posameznik povezuje z drugimi ljudmi in kako se znajde v okolju. Človekov konceptualni sistem je poglobitvenega pomena pri razumevanju in spoznavanju sveta – način zaznavanja sveta temelji na čutnih zaznavah, človek tudi abstraktne pomene izraža metaforično (Lakoff in Johnson 1980: 3). Vzpostavi lahko miselno povezavo med tistim, kar mu je blizu in poznano, s čim oddaljenim in nerazumljivim.

Vzemimo primer ljubezni in ognja: ljubezen naj bo abstraktni in ogenj konkretni pojem. Splošno poznani sta metafori LJUBEZEN SE VNAME (vname se lahko le ogenj) in LJUBEZEN UGASNE (ugasne lahko le ogenj). Gre za konceptualni metafori, ki povezujeta dve izkustveni področji, konkretno z abstraktnim. Metafora nastane s konceptualno preslikavo na konceptualni ravnini. Konceptualna preslikava se uresniči med ciljnim in izhodišnim področjem, v zgornjem zgledu je ogenj izhodiščno in ljubezen ciljno področje (Będkowska - Kopczyk 2004).

Lakoff in Johnson opredelita tri vrste konceptualnih metafor: strukturalne, ontološke in orientacijske. Konceptualne metafore so razvrščene hierarhično: na najvišji ravni so najbolj razširjene in obratno. Na najvišji ravni konceptualnih metafor se nahaja metafora strukture dogodka; je najbolj razširjena in najverjetneje tudi univerzalna (Lakoff 1993 v Bratož 2010: 70 in Kante 1998: 296).

Čeh (2001: 15) poudari, da je v središču sodobnega jezikoslovnega zanimanja konvencionalna in ne pesniška metafora. Najvidnejše spoznanje sodobne teorije metafore je, da je metafora temeljna oblika pojmovanja v funkcionalnih kakor tudi funkcijskih zvrsteh. Pojavlja se v zbornem jeziku in v narečjih, v umetnosti in znanosti. V slednji ima morebiti celo večjo vlogo kot v literaturi.

2.2 Utelesena izkušnja

Velik del metaforičnih misli izhaja iz lastnosti človekovega telesa: kar posameznik doživi, spozna, je povezano z njegovim telesom in se imenuje telesno izkustvo. Človekovo telesno izkustvo je univerzalno in posledično so univerzalne tudi nekatere konceptualne metafore. Te se pojavljajo v več jezikih, npr. ČUSTVA SO TEKOČINE: *veselje mi rosi oko* (J. Stritar: *Pesmi*). Slednji zglede izraža fiziološki vidik človeka, tj. solza, ki nastane zaradi čustvenega odziva. Metaforični koncept, ki izraža telesno izkustvo, se imenuje utelesena izkušnja. Tovrstna univerzalnost je skupna vsem ljudem ne glede na prostor in čas, zato so take metafore neodvisne od kulturnega okolja ljudi (Bratož 2010: 101–104).

Lakoff (1980) meni, da je izvor metafor moč iskati že v človekovem zgodnjem izkustvu: nerojeni otrok lahko že v maternici razvije osnovno shemo prostora (tudi neprostora). Maternica je odraz metafore SVOBODA JE PROSTOR ZA GIBANJE. Nato skozi izkustvo hranjenja in izločanja otrok pridobi shemo POSODE.

Vsi metaforični koncepti niso določeni zgolj s fiziologijo človeka, temveč so lahko tudi kulturno določeni. Kulturno določenost metafor dokazuje primer pojmovanja časa (Będkowska - Kopczyk 2004 in Bratož 2010). Čas mnoge kulture dojemajo tako, da je prihodnost spredaj in preteklost zadaj. Maorščina in stara grščina pa čas dojemata obratno.

2.2.1 PROSTOR ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA

Po Langackerju (1987: 148) je PROSTOR »osnovno polje reprezentacije, ki temelji na genetsko določenih fizičnih značilnostih človeškega organizma in predstavlja inherentni del človekovega prirojenega kognitivnega aparata«. Prosto na jezikovni ravni dojemamo v okviru orientacijske metafore. Pri konceptualizaciji čustev ima PROSTOR ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA vlogo POSODE, v kateri so čustva, ki jih lahko občutimo tudi fizično (kot TEKOČINO). Pri tem so čustva konceptualizirana kot snov, npr. TEKOČINA: *sreča in veselje je razlito okrog po naravi, sreča in veselje v njunih srcih* (J. Stritar: *Svetinova Metka*). Te metafore so povezane

s fiziologijo čustev in potrjene s stališče biologov, da ima človek sposobnost čutiti premikanje znotraj lastnega telesa.

Osnovno delovanje našega organizma, vdihovanje in izdihovanje zraka, izločanje ter vnašanje hrane in tekočine vpliva na to, da telo doživljamo kot POSODO. Nowakowska (1995: 135–144 v Będkowska - Kopczyk 2004) poda delitev RAZSEŽNOSTI PROSTORA: GIBANJE NAVZNOTER, to poteka ZNOTRAJ TELESA POSODE, in GIBANJE NAVZVEN, ki prehaja iz telesa v gibanje navzdol in navzgor (ZGORAJ JE DOBRO, SPODAJ JE SLABO).

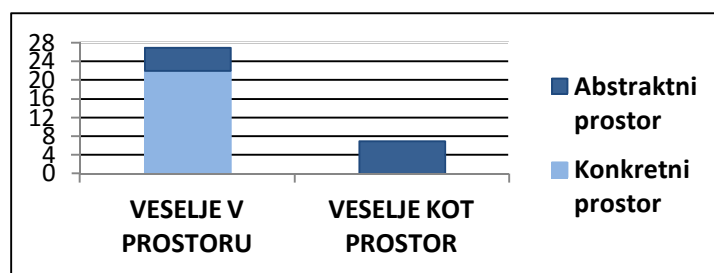
V nestrokovnem jeziku posodo (telo) sestavljajo manjše posode (organi: želodec, srce, jetra), kjer se nahajajo čustva. Srce je kot čustveno občutljiv in najintimnejši del človeka. POSODA ZA ČUSTVA se največkrat nanaša na SRCE: *sijalo bi v srcu veselje, iz srca sijalo v oči* (A. Medved: Pesmi 1). GLAVA z MOŽGANI predstavlja nasprotje srcu. Dojemamo jo kot POSODO, V KATERI SE NAHAJAJO MISLI (*imeti glavo polno zamisli*). Oba dela se navezujeta na razum in zavest življenja. Srce imamo za čutenje, medtem ko glavo za mišljenje.

DUŠO poleg TELESA pojmuje kot nujno prvino človekovega bistva. Ni človeški organ, a v slovenskem jeziku se dojemata kot POSODA ZA ČUSTVA, pri čemer je DNO njen najpomembnejši del (*iz dna duše ti želim*). Duša in srce se razlikujeta v tem, da je srce povezano s čustvi, duša pa tako s čustvi kakor s čustveno-moralno kombinacijo (*dvomi mu trgajo dušo*) (Będkowska - Kopczyk 2004: 113–122).

3 Prostorsko konceptualiziranje besede *veselje* v slovenskem jeziku

Konceptualnoprostorska analiza kontekstov, ki vključujejo besedo *veselje* v PROSTORU ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA, zajema 34 zgledov. Zaradi preglednosti je navedenih le nekaj zgledov za vsak primer konceptualne metafore. Analiza je členjena na dve poglavji: VESELJE V PROSTORU in VESELJE KOT PROSTOR.

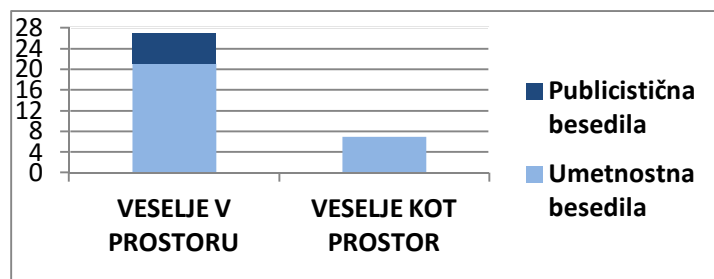
Kot prikazuje Graf 1, prevladujejo zgledi ravni VESELJE V PROSTORU glede na raven VESELJE KOT PROSTOR.



Graf 1: Delež konceptualnih metafor glede na prostorske razsežnosti

Obravnavana beseda je abstrakten pojem in v vlogi konkretnega prostora ne nastopa. Na ravni VESELJE KOT PROSTOR je nosilka vloge abstraktnega prostora, medtem ko se na ravni VESELJE V PROSTORU pojavlja v konkretni in abstraktni razsežnosti.

Z vidika besedilnozvrstne razlikovalnosti prevladujejo zgledi iz umetnostnih besedil. Kot je razvidno iz Grafa 2, zajema analiza 28 zgledov iz umetnostnih besedil in 6 zgledov iz publicistike. Prostorska konceptualizacija besede *veselje* se na ravni VESELJE V PROSTORU uresničuje v umetnostnih in publicističnih besedilih, na ravni VESELJE KOT PROSTOR pa le v umetnostnih.



Graf 2: Pojavnost konceptualnih metafor v besedilnozvrstnem razlikovanju

Na ravni VESELJE V PROSTORU umetnostna besedila vsebujejo 16 zgledov v konkretnoprostorski razsežnosti in 5 zgledov v abstraktnoprostorski razsežnosti. Publicistična besedila zajemajo 6 zgledov v konkretnoprostorski razsežnosti, zgledov za abstraktno razsežnost pa v izbranih virih ni najti. Na ravni VESELJE KOT PROSTOR, ki obstaja le v abstraktni razsežnosti, je med umetnostna besedila umeščenih 7 zgledov, zgledov iz publicističnih besedil tudi v tem primeru ni najti.

Kmecl (1996) poudari, da imajo metafore v umetnostnih besedilih estetski namen, npr. v *veselji skorej mi srcé omaga* (F. Prešeren: Poezije). Metafore so tako v umetnostnih kakor v publicističnih besedilih del poetične funkcije. V publicističnih besedilih so v večji meri uporabljene za pritegnitev bralčeve pozornosti, namen je povečanje zanimanja in bralčeva čustvena angažiranost (Pogorelec 1986); npr. *ponovno občutite veselje v srcu* (DELO). Konceptualne metafore obeh besedilnih zvrsti so si na ravni PROSTORA ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA podobne, zaradi izredno redke pojavnosti prostorske konceptualizacije *veselja* v publicistiki razlikovanje ni tako očitno.

Večjo besedilnozvrstno razlikovalnost konceptualnih metafor bi sicer lahko uvideli med ravnima PROSTOR ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA in PROSTOR ZUNAJ ČLOVEKOVEGA TELESA, česar pa dani prispevek ne zajema.

3.1 VESELJE V PROSTORU

Beseda *veselje* se na ravni VESELJE V PROSTORU v konkretnoprostorski razsežnosti v umetnostnih besedilih uresničuje s konceptualnimi metaforami VESELJE JE ZGORAJ, ŽALOST JE SPODAJ: *al veselje v srcu vtóni* (F. Prešeren: Poezije); VESELJE JE RASTLINA: *je raslo veselje v njegovem srcu* (I. Cankar: Življenje in smrt Petra Novljana); VESELJE JE SVETLOBA (LUČ): *da ne ugasne veselje v srcu* (I. Cankar: Kurent); s konceptom GIBANJA NAVZNOTER: *pa še veselje v srce* (I. Cankar: Kurent) in shemo POSODE: *zdaj je še samo veselje v mojem srcu* (I. Cankar: Ministrant Jokec). Uresničuje se s personifikacijo v sklopu konceptualne metafore VESELJE JE TEKOČINA: *prišlo je veselje v glavo* (J. Jurčič: Cvet in sad). V zgledih iz publicističnih besedil se pojavi shema POSODE: *kako so z veseljem v očeh opazovali konje pri ježi* (Nedeljski dnevnik) in konceptualna metafora VESELJE JE ŽIVO BITJE: *že sam pogled na pomladansko cvetje spodbudi veselje v srcu* (AdriaMedia); *zvabile pomladno veselje v srce* (rtvslo.si).

Na abstraktnoprostorski razsežnosti se v umetnostnih besedilih beseda *veselje* konceptualizira z metonimično konceptualno preslikavo sheme POSODE: *ni bilo več veselja v teh mislih*. Uresničuje se s konceptualnima metaforama DUŠA JE POSODA: *pa veselje mu napolni dušo* (C. Kosmač: Kraška simfonija) in VESELJE JE TEKOČINA: *da nalijeta človeku solze v oči s svojo godbo in veselja v dušo* (I. Cankar: Dodatek 2. knjige Zbranih del). Kot že omenjeno, tovrstnih zgledov iz publicističnih besedil na izbranem korpusu ni bilo najti.

3.2 VESELJE KOT PROSTOR

Raba VESELJE ZNOTRAJ ČLOVEKOVEGA TELESA v abstraktni razsežnosti na ravni VESELJE KOT PROSTOR je redka. *Veselje* se na tej ravni uresničuje le v umetnostnih besedilih, in sicer s shemo POSODE: *moje srce koprni po veselju, a v veselju je žalostno* (I. Cankar: Potepuh Marko in kralj Matjaž) in konceptualnima metaforama TEMNO JE SLABO: *v veselju pa mi je otemnela pamet* (I. Cankar: Morala); VESELJE JE ŽIVO BITJE: *ne človeka, še temne jagnedi ne, da bi se vzbudilo srce v veselju* (I. Cankar: Marta).

4 Utešena izkušnja z vidika ekolingvistike

Utešena izkušnja posameznika je transdisciplinarno uporabna na različnih znanstvenih področjih, npr. v psihiatriji (Fuchs in Schlimme 2009), arhitekturi (McCann 2008 in 2011, Rush 2009), dizajnu (Hohl 2011). V jezikoslovju jo poleg kognitivizma obravnava tudi ekolingvistika, ki raziskuje ekološki kontekst v družbeni integriteti in vpliv jezika na življenje človeka v naravnem okolju.

Ekološki kontekst in odnos človeška – nečloveška narava izražajo tudi analizirane konceptualne metafore pričujočega prispevka. Človekov pozitiven odnos do nečloveške narave se kaže v konceptualnih metaforah: *srčno veselje do narave, do vsega, kar se giblje* (J. Stritar: Gospod Mirodolski); *kako so z veseljem v očeh opazovali konje pri ježi* (Nedeljski dnevnik); *že sam pogled na pomladansko cvetje spodbudi veselje v srcu* (AdriaMedia); *zvabile pomladno veselje v srce* (rtvslo.si); *ne človeka, še temne jagnedi ne, da bi se vzbudilo srce v veselju* (Ivan Cankar: Marta) in *njenemu srcu v veselje je šel Urh nabirat rože* (Janez Jalen: Ovčar Marko). Naslednja konceptualna metafora izraža ideološki aspekt kapitalistične dužbe: *v svetu dela na delavce preživijo številne težave in nevarnosti in le malo srčnega veselja* (DELO). Več pojavov ideološke naravnosti je sicer zaznati pri konceptualnih metaforah na ravni PROSTOR ZUNAJ ČLOVEKOVEGA TELESA, ki ne izhaja iz utešene izkušnje: *Ali se bo veselje z nakupi in prevzemi podjetij kazalo tudi v rasti našega BDP?* (DELO); *drugi od domnevnih razlogov za veselje na finančnem trgu izhaja iz pričakovanja* (DELO); *pohlep po davkih in veselje pri izdatkih nista končana* (DELO).

Vlogo utešene izkušnje pri reševanju družbeno-ekoloških vprašanj preizpraša Bowers (2009). Bowers (2009: 4) poudari, da je metaforičen jezik zahodne družbe naravnano tako, da moralno legitimira in konceptualno usmerja industrijsko-potrošniško družbo, ki prekomerno izkorišča naravne ekosisteme. Sachs (1992: 71–72) opozori na neprevprašljivost besed *razvoj*, *trg* in *revščina*, ki so v zahodni družbi ključnega pomena in

samoumevne. V sodobnem besedišču niso del kulturno nevtralnih metafor, pač pa spadajo v proces t. i. jezikovne kolonizacije (*linguistic colonization*), ki služi legitimnosti neokolonialnega gospodarstva.

Jezik vsebuje prikrito ideologijo; to potrjuje dejstvo, da naše mišljenje temelji na metaforičnih konceptih. Lakoff in Johnson upravičeno zagovarjata, da je utelešena izkušnja osnova pri oblikovanju metafor in razumevanju sveta. Vendar Bateson (1972 v Bowers 2009: 7) poudari, da je pomen ključnih besed, ki so osnova pri razumevanju aktualne problematike, uokvirjen v preteklih vzorcih družbenih vprašanj. V času, ko so zahodni misleci vzpostavljali določene analogije, se še niso zavedali okoljskih omejitev: aktualne posledice globalizacije gospodarstva vodijo v ekološke katastrofe. (Tudi Albert Einstein je opozoril na nevarnost opiranja na isto miselnost.)

Ključna pomanjkljivost utelešene izkušnje za reševanje družbeno-ekoloških vprašanj je neupoštevanje kulturno-zgodovinskega ozadja metafor, ki v jeziku odraža pomembne ekološke lastnosti. Utelešena izkušnja ne upošteva vloge jezikovne kolonizacije, ki zajema jezikovno-miselne vzorce iz preteklosti. Kombinacija jezikovne in ekonomske kolonizacije lahko vpliva na zaznavno-motorični sistem v posameznikovem vedenju – to je v nasprotju s teorijo utelešene izkušnje, da zgolj človekovo telo vpliva na oblikovanje konceptualnega sistema. Bowers (2009) ugotovi, da bi proučevanje utelešene izkušnje glede na družbeno-ekološka vprašanja moralo zajemati povezavo med družbeno konstrukcijo, vlogo jezika in vplivom družbeno-kulturnih dejavnikov.

5 Sklep

Naše mišljenje je torej osnovano na metaforičnih konceptih. V pričujočem prispevku je analiza, ki temelji na konceptualni povezanosti čustev in prostora, pokazala, da se beseda *veselje* znotraj utelešene izkušnje na ravneh VESELJE V PROSTORU in VESELJE KOT PROSTOR konceptualizira s shemo POSODE in konceptualno metaforo VESELJE JE TEKOČINA. Skozi analizirane konceptualne metafore se kaže človekov odnos do nečloveške narave: *srčno veselje do narave, do vsega, kar se giblje; kako so z veseljem v očeh opazovali konje pri ježi; že sam pogled na pomladansko cvetje spodbudi veselje v srcu*. Izraža se tudi ideologija zahodne kapitalistične družbe: *v svetu dela na delavce prežijo številne težave in nevarnosti in le malo srčnega veselja*.

Metaforični jezik zahodne družbe na konceptualni ravni moralno legitimira neokolonialno gospodarstvo, ki prekomerno izkorišča naravni ekosistem. Uokvirjen je v jezikovno-miselnih vzorcih iz preteklosti, ko se omejitev naravnega ekosistema še niso zavedali in vprašanje ekološke problematike še ni bilo v ospredju. Utelešena izkušnja ne vključuje omenjenih jezikovno-miselnih vzorcev iz preteklosti, saj temelji izključno na metaforičnih konceptih telesnega izkustva. To ji predstavlja ključno pomanjkljivost za reševanje družbeno-ekoloških vprašanj in neustreznost za temeljito spremembo zahodne miselnosti v smislu večje ekološke ozaveščenosti.

Prispevek potrjuje potrebo po transdisciplinarnih raziskavah, saj le te omogočajo kritično analizo. Analiza v prispevku je v pretežni meri še kognitivno naravnana, z nekaterimi potezami interdisciplinarnega pristopa. Prispevek skuša nakazati, da ustrezno interpretacijo metaforičnega jezika v družbeno-političnem kontekstu omogoča transdisciplinarni pristop.

Literatura

- Bateson, Gregory (1972), *Steps to an Ecology of Mind*. New York, Ballantine Books.
- Będkowska - Kopczyk, Agnieszka (2004), *Jezikovna podoba negativnih čustev*. Ljubljana, Študentska založba.
- Bowers, C. A. (2009), Why the George Lakoff and Mark Johnson Theory of Metaphor is Inadequate for Addressing Cultural Issues Related to the Ecological Crises. *Language & Ecology* 2/4.
- Bratož, Silva (2010), *Metafore našega časa*. Fakulteta za management Koper.
- Čeh, Jožica (2001), *Metaforika v Cankarjevi kratki pripovedni prozi*. Maribor, Zora.
- Halliday, Michael A. K (1995), *An Introduction to Functional Grammar*. London.
- Kante, Božidar (1996), *Metafora in kontekst*. Ljubljana, Jutro.
- Kmecl, Matjaž (1996), *Mala literarna teorija*. Ljubljana, Mihelač.
- Lakoff, George and Johnson, Mark (1980), *Metaphors We Live By*. Chicago, London, University of Chicago Press.
- Lakoff, George (1998), Sodobna teorija metafore. V: Božidar Kante: *Kaj je metafora?* Ljubljana, Krt.
- Lamovec, Tanja (1984), *Emocije*. Ljubljana, Filozofska fakulteta.
- Langacker (1987), *Foundations of cognitive grammar: Theoretical Prerequisites*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Plemenitaš, Katja (2007), *Posamostaljenja v angleščini in slovenščini*. Maribor, Zora.
- Pogorelec, Breda (1986), Okvirna tipologija metafore v slovenski prozi 20. stoletja. V: *XXII. seminar slovenskega jezika, literature in kulture, Zbornik predavanj*. Ljubljana, Filozofska fakulteta.
- Sachs, Wolfgang (1992), *The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power*. London, Zed Books.
- Vičar, Branislava (2010), Vičar, Branislava (2009), *Parenteze kot metadiskurzivne prvine na primeru pisnega in govornega diskurza*. Doktorska disertacija, Maribor.

VIRI

- Besedilni korpus Nova beseda: bos.zrc-sazu.si/s_beseda.html (dostop marec–november 2011).
- Besedilni korpus Gigafida: www.gigafida.net (dostop april 2013).

Monika Gała

Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu
Wrocław, Polska

TWÓRCZOŚĆ RYSZARDA BUKOWSKIEGO W ASPEKCIE HISTORYCZNYM

Ryszard Bukowski is considered as one of the most remarkable polish post-war composers. He was also music publicists, organizer of music life in the region and great teacher. As a member of 'Solidarność' he actively fought for Polish independence, though it had a negative effect on his artistic career. Now, after nearly 30 years, Bukowski's pieces begin to resound again in concert halls. His works are extremely rich and diverse which includes, among others, symphonic works, concertos, cantatas, chamber and solo music, even film music. The aim of the paper is bringing the memory of an outstanding this outstanding man and artist.

Key words: Bukowski, polish contemporary music, music in 20th century, Wrocław, polish composers

Wstęp

Niełatwo jest odpowiedzieć na pytanie, kim był Ryszard Bukowski. To oczywiście jeden z najwybitniejszych powojennych kompozytorów polskich, twórca 'wrocławskiej szkoły kompozytorskiej' (Granat-Janki, 2009: 30). Należy jednak pamiętać, iż Bukowski to również niestrudzony animator życia kulturalnego oraz organizator szkolnictwa muzycznego Wrocławia i całego Dolnego Śląska. To również publicysta i recenzent, aktywnie uczestniczący przez 40 lat w życiu muzycznym Wrocławia. Ile napisał recenzji? Nie jesteśmy w stanie podać dziś dokładnej liczby, Bukowski nie prowadził ścisłej ewidencji swego piśmiennictwa, szacuje się jednak, iż było ich z pewnością ponad tysiąc (Kanafa, 2009: 105). Bukowski to wreszcie pedagog, uwielbiany przez młodzież, autor podręcznika *Metodyka nauczania form muzyki*. Określany bardzo często jako 'niekonwencjonalny' wykładowca swą pracę wykonywał z powołaniem i pasją. Zresztą – do dziś jego wychowankowie, często sami będąc profesorami, wspominają go z bardzo dużym sentymentem. Bukowski to wreszcie wszechstronny kompozytor, twórca dzieł symfonicznych, koncertów, kantat, muzyki solowej i kameralnej, a także muzyki filmowej.

Rys biograficzny

Ryszard Bukowski urodził się 2 stycznia 1916 roku w Cieszkowach na Kielecczyźnie, w rodzinnym majątku należącym do stryja Karola Bukowskiego. Matka Bukowskiego, Molly Bukowska, pochodziła z Anglii. Była pianistką i malarką. Dzięki niej Bukowski świetnie znał język angielski. Również ojciec kompozytora, Stefan Bukowski, był malarzem. Jego prace można oglądać dziś między innymi w Trybunale Konstytucyjnym, Muzeum Narodowym w Warszawie oraz w Muzeum w Rzeszowie.

Swoje pierwsze lata życia Ryszard Bukowski spędził w Warszawie. Uczęszczał tam do Konserwatorium Warszawskiego, gdzie studiował kompozycję i teorię muzyki pod kierunkiem między innymi Kazimierza Sikorskiego, Heleny Dorabalskiej, Witolda Maliszewskiego czy Eugeniusza Morawskiego. W okresie studiów powstało około 270 fug pod kierunkiem Kazimierza Sikorskiego, niestety, zachowała się wyłącznie jedna, reszta zaginęła podczas wojny. W 1939 roku uzyskał dyplom. Po dyplomie miał wyjechać do Kairu i objąć posadę asystenta. Niestety, w tym momencie rozpoczęła się wojna, która pokrzyżowała te plany. W trakcie wojny Bukowski udzielał prywatnych lekcji z zakresu gry na fortepianie, harmonii i kontrapunktu. Dużą część wojny spędził w majątku stryja Karola Bukowskiego w Cieszkowach.

Po wojnie kompozytor przeniósł się do Katowic, gdzie wykładał w szkołach muzycznych i konserwatorium, jednak już od 1948 roku związał się na stałe z Wrocławiem. Od tego momentu prowadził niezwykle aktywne życie. Wykładał w Państwowej Średniej Szkole Muzycznej, która obecnie nosi jego imię, a także w Państwowej Wyższej Szkole Muzycznej (dziś: Akademii Muzycznej im. Karola Lipińskiego). Pracował jako wizytator szkół muzycznych działających na Dolnym Śląsku. Z czasem wykładał jedynie w PWSM, gdzie prowadził klasę kompozycji oraz wykładał harmonię, kontrapunkt, analizę dzieła muzycznego oraz metodyki nauczania przedmiotów z zakresu teorii muzyki.

Nie ograniczał się jednak tylko do działalności pedagogicznej, równie ważna była działalność organizacyjna w Uczelni. Bukowski był dziekanem kolejno: ówczesnego Wydziału Wychowania Muzycznego, Wydziału Instrumentalnego oraz Wydziału Kompozycji, Dyrygentury i Teorii Muzyki. Kierował również ówczesną Katedrą Problematyki Wychowania Muzycznego, a później Katedrą Kompozycji i Teorii Muzyki. Warto również przypomnieć, iż Bukowski był jednym z pomysłodawców i głównym organizatorem Festiwalu Polskiej Muzyki Współczesnej, a także przez wiele lat pełnił funkcje prezesa wrocławskiego oddziału Związku Kompozytorów Polskich.

Bukowski tworzył całe życie, jednak apogeum aktywności twórcy nastąpiło w latach 70 i 80 XX wieku. Zmarł we Wrocławiu 19 maja 1987 roku po długiej i ciężkiej chorobie. Warto podkreślić, iż do końca był w pełni oddany studentom, którzy tłumnie odwiedzali go w szpitalu, a po śmierci organizowali koncerty poświęcone pamięci tego wybitnego pedagoga i kompozytora (Pijarowska, 2012; Kanafa, 2009: 10-11).

Styl kompozytorski Ryszarda Bukowskiego

Dorobek kompozytorski Bukowskiego szacuje się na 84 utwory. Uwagę zwraca przede wszystkim różnorodność podejmowanych gatunków. Jak już zostało wspomniane, wśród kompozycji znajdują się między innymi utwory symfoniczne, koncerty, między innymi na harfę, trąbkę czy fortepian, sonaty fortepianowe, 10 kwartetów smyczkowych. Bukowski najpełniej ukazywał swój kunszt kompozytorski w wielkich dziełach przeznaczonych na duże składy wykonawcze. Do najwybitniejszych kompozycji należą z pewnością *Pasja wg św. Mateusza* i wg św. Marka czy *Missa profana*. W dorobku Bukowskiego możemy odnaleźć muzykę filmową, baletową, teatralną. Kompozytor nie tworzył jedynie muzyki elektronicznej, o której powiedział:

o muzyce elektronicznej nie będę mówił, z tej prostej przyczyny, że się na niej nie znam i - o zgrozo! – znać się na niej nie chcę (1984 w: Kanafa, 2009:112)

Bukowski tworzył niezwykle szybko i często seriami – w krótkim czasie następowały po sobie utwory tego samego gatunku. Bardzo konsekwentnie rozwijał swój język muzyczny, a jego twórczość jest niezwykle spójna. Często sięgał do klasycznych i barokowych form oraz gatunków, szczególnie chętnie tworzył fugi. Formy te zyskują u Bukowskiego nowe ujęcie, kompozytor traktuje wykształcone w przeszłości koncepcje formalne i gatunkowe jako swoistą bazę, którą następnie wypełnia korzystając z najnowszych środków techniki dźwiękowej. W momentach kulminacyjnych często stosuje aleatoryzm, przykładem mogą tu być II i IV Sonata. W utworach wieloczęściowych nierzadko przeplata ogniwa sonorystyczne pisane za pomocą notacji ataktowej (z wykorzystaniem segmentów o określonym czasie trwania) z częściami ujętymi w takty – taka notacja obecna jest np. w *Pięciu miniaturach na fortepian*.

Cechy typowe dla stylu kompozytorskiego Bukowskiego to (Granat-Janki, 2009: 32):

- Swobodna organizacja materiału dźwiękowego z elementami tonalnymi, do których należą akordy tercjowe, kwartowe oraz centra tonalne.
- Akord Bukowskiego, złożony z kwarty czystej, kwarty zwiększonej, niekiedy jest on dopełniony tercją małą.
- Kontrast uzyskany poprzez selekcję współbrzmień, np. w *Trzech Nokturnach na fortepian i orkiestrę* kompozytor w pierwszej części posługuje się akordyką kwartową, w części drugiej – tercjową, zaś w części ostatniej nakładają się oba typy akordyki.
- Dążenie do spójności porządku dźwiękowego poprzez użycie wspólnych interwałów zarówno w pionie jak i w poziomie. W modelowaniu linii melodycznej kompozytor posługuje się często interwałami takimi jak tryton, sekunda i septyma mają rolę formotwórczą (Pijarowska, 2012: 237).
- Częsta technika kontrapunktyczna.
- Szczególne znaczenie miały takie instrumenty jak harfa i instrumenty dęte drewniane, szczególnie rożek angielski.

Estetyka kompozytora obejmuje przede wszystkim silne związki z tradycją, stale przywoływaną i reinterpretowaną. Nadrzędną rolę w kształtowaniu dzieła pełni ekspresja. Równie ważne dla Bukowskiego było słowo. W poszukiwaniu tekstów do swych utworów kompozytor sięgał często do Biblii, a także dzieł starogreckich, takich jak *Antygona* Sofoklesa czy *Pierścień wielkiej damy* Cypriana Kamila Norwida. Bukowski, który sam również pisał wiersze, sięgał po utwory poetów takich jak Jan Kasprówic czy Tadeusz Różewicz.

Warto również podkreślić, iż Kompozytor pozostawał zawsze wierny sobie i swojej estetyce muzycznej, nie starał się być nowoczesny za wszelką cenę, co ilustrują słowa twórcy:

nie ulegam modzie, nie poddaję się presji krytyków muzycznych – a z nowoczesnych środków warsztatowych korzystam tylko wtedy, gdy uważam użycie jakiegoś z nich za bezwzględnie konieczne (Dzieduszycki, 1985 w: Granat-Janki, 2009: 35)

V Symfonia

V Symfonia Bukowskiego powstała w roku 1976. Opatrzona została dedykacją:

‘Mojej żonie i przyjacielowi Marii Magdalenie poświęcam’

Jest to pierwsza symfonia wokalno-instrumentalna Bukowskiego. Powstała jako wyraz zainteresowania twórcy możliwościami połączenia muzyki ze słowem. Bukowski zdecydował się na użycie terminu symfonia, gdyż idiom ten był mu szczególnie bliski. W kompozycji zostały wykorzystane fragmenty poematów Thomasa Stearnsa Eliota w przekładzie Pawła Mayewskiego (Pijarowska, 2012: 183), w sposób wskazujący na chęć podkreślenia wewnętrznej dramaturgii tekstu, który winien być dopełnieniem warstwy dźwiękowej i jej strony wyrazowej oraz swoistym komentarzem. Warto jednak podkreślić, iż Bukowski (Pijarowska, 2012: 184) zaznaczył wyraźnie, iż *muzyka w żadnym wypadku nie jest ilustracją tekstu literackiego. Raczej jest jego równorzędnym partnerem*.

Twórca stosował odpowiednie środki kompozytorskie, aby uwypuklić treść słowną. Dzięki temu powstały dwie warstwy spójne pod względem emocjonalnym i wyrazowym, a jednocześnie samodzielne (Janczyk, 2009: 59). Należy podkreślić, iż Bukowski gatunek Symfonii rozumiał znacznie szerzej:

Funkcjonuje u mnie jako forma cykliczna aż do monosymfonii. Jest to jeden przesuwany się fresk, a w środku znaleźć można pozostałości jakiegoś podziału na tempa, fakturę itd. (Granat-Janki, 2003: 184)

Bukowski podkreślał, iż mimo częstego stosowania rozwiązań reprzyzowych, to żadne z ogniw symfonii nie przypomina allegro sonatowego, lecz raczej poemat symfoniczny. (Rozlach, 1987 w: Granat-Janki, 2003: 184)

Symfonia składa się z 5 ogniw, gdzie pierwsze ogniwo przechodzi attacca w drugie, a czwarte w piąte. Można więc mówić o 3 częściowości, gdzie ostatnie ogniwo nawiązuje motywicznie do pierwszego. W warstwie wokalne realizacja tekstu odbywa się z naturalną wersyfikacją, gdzie jednej sylabie odpowiada jeden dźwięk. Oprócz śpiewu kompozytor stosuje też melorecytacje i mowę, czasem bez towarzyszenia orkiestry. Można sądzić, iż autor chciał w ten sposób odzwierciedlić pesymistyczny klimat tekstu oraz jego napięcia i emocje. W utworze znajdują się również dłuższe fragmenty czysto instrumentalne. W Symfonii obecny jest ścisły zapis czasowy i swobodny, lub, stosując określenie kompozytora, zapis taktowy i ataktowy, który wzmacnia kontrasty zawarte w dziele (Pijarowska, 2012: 184).

Bukowski jako recenzent i pedagog

Ryszard Bukowski był zawsze uwielbiany przez młodzież. Miał nadzwyczaj dobry kontakt z uczniami i studentami. Należy jednak podkreślić, iż był również bardzo wymagającym nauczycielem. Wielu jego byłych studentów wspomina zajęcia kontrapunktu i fugi, jako jedne z najtrudniejszych podczas studiów muzycznych. To oczywiście zrozumiałe, biorąc pod uwagę, iż Bukowski sam potrafił nie tylko skomponować, ale również zaimprovizować skomplikowaną, wielogłosową fugę. Działalność pedagogiczna kompozytora nie ograniczała się jedynie do poprawiania partytur i ćwiczeń harmonicznym swoich wychowanków. Bukowski zdawał sobie sprawę z sytuacji politycznej kraju, wielokrotnie prowadził dyskusje polityczne ze swoimi studentami, pokazując im, iż nie zawsze ścieżka wyznaczona przez aparat państwowy jest tą właściwą. Jak wspomina Z. Komuszyna (2009: 133), Bukowski bardzo wspierał studentów podczas zakładania Solidarności i Niezależnego Zrzeszenia Studentów, był z nimi podczas strajków i innych, ważnych momentów dla Uczelni. Wiedząc, że sytuacja polityczna kiedyś się zmieni, uczył studentów nie tylko polskich określeń muzycznych, ale również angielskich. Szczególnie dla artysty znajomość międzynarodowej terminologii jest niezwykle istotna i pomocna w późniejszej karierze, o czym Bukowski doskonale wiedział. Ważna jest również jego rola podczas wydarzeń z marca 1968 roku. Bukowski, wówczas pełniący funkcję Dziekana Wydziału Wychowania Muzycznego, jako jedyny pedagog został wówczas ze studentami na Uczelni, podczas gdy wszyscy inni wykładowcy po prostu uciekli. Młodzi ludzie chcieli oczywiście wyjść na ulice i walczyć, co równało się brutalnemu spacyfikowaniu ich przez ZOMO. Kompozytor studził zapal studentów, chcąc zapewnić im bezpieczeństwo. Spędził całą dobę ze studentami, dyskutując, rzecz jasna o polityce i organizując szybko 'niekończący się koncert'. We wspomnieniu M.M.Janowskiej-Bukowskiej ten dzień zapisał się następująco: *Jako jedyny z władz Uczelni został razem ze studentami. Inni uciekali kuchennymi drzwiami* (1992).

Bukowski nie należał nigdy do partii. Dziś wiele osób twierdzi, iż z racji tego, iż nie był nigdy pokornym twórcą na służbach aparatu partyjnego, nie zrobił za życia większej kariery. Jak pisze M.Zduniak: *Znany był z dosadnych, trafnych wypowiedzi, po prostu nie bał się głosić prawdy w tych trudnych, podporządkowanych określonej doktrynie czasach. Za tę postawę drogę zapłacił. Nie awansował. Odmówiono Mu tytułu profesorskiego. W owych czasach zdarzało się bowiem, że tytuły naukowe przyznawane były z klucza partyjnego* (2009: 22)

Bardzo ciekawie przedstawia się sylwetka Bukowskiego jako recenzenta. Jak podkreśla D.Kanafa (2009: 105) – nie był on jedynie chłodnym obserwatorem życia muzycznego, wręcz przeciwnie, w każdej z jego recenzji można odnaleźć niezwykle emocjonalny stosunek do komentowanych przez niego wydarzeń. Bukowski, sam będąc pianistą i kompozytorem, znał świetnie techniki grania na różnych instrumentach. Pozwalało mu to na formułowanie w recenzjach bardzo celnych uwag odnośnie wykonawstwa. Jednemu ze śpiewaków pewnego razu zarzucił wadliwą emisję samogłosek *a* i *e* (1960 w: Kanafa, 2009: 108), a pianistom potrafił zalecić lepsze wyćwiczenie czwartego i piątego palca prawej ręki (1953a w: Kanafa, 2009: 108), oraz rozluźnienie ręki podczas wykonywania rozłożonych akordów i oktaw (1953b w: Kanafa, 2009: 108).

Jako recenzent Bukowski edukował publiczność, tłumacząc zawiłości form i gatunków muzyki poważnej, wyjaśniając takie pojęcia jak dynamika, kontrapunkt, opera seria i buffa, jednakże zawierał również wskazówki dotyczące *savoir-vivre'u*: *Sala koncertowa nie jest salą konsumpcyjną* oraz *Brawa bije się po całym utworze, a nie po każdej części* (1962 w: Kanafa, 2009: 117).

W swoich recenzjach potrafił również komentować w umiejętny sposób ówczesną sytuację polityczną. Przykładem może być tu recenzja opery Kabalewskiego *Rodzina Tarasa*, traktującej o Wielkiej Wojnie Ojczyźnianej. Dzieło to, skomponowane w 1947 roku kompozytor musiał przerobić w myśl idei realizmu socjalistycznego, nakreślonych w Związku Radzieckim podczas historycznej narady Komitetu Centralnego Wszechzwiązkowej Komunistycznej Partii Bolszewików. Bukowski po premierze poinformował czytelników, iż *Rodzina Tarasa*, po dokonanych zmianach, stała się prawdziwym arcydziełem, które jest zapowiedzią wielkich przemian w historii światowej opery, zaś premiera dzieła we Wrocławiu będzie z pewnością punktem zwrotnym w historii tutejszej opery (Kanafa, 2009: 116). Ten opis dzieła został przyjęty za dobrą monetę przez cenzurę, choć wydzwięk tych słów jest w sposób oczywisty niezwykle ironiczny.

Podsumowanie

Jak już wskazywano - dla Bukowskiego, jako człowieka i twórcy, istotna była niezależność. Postawa ta widoczna jest we wszystkich obszarach jego działalności. W sposób szczególny obecna jest także w estetyce twórczej, która wyrasta z poszukiwania rozwiązań indywidualnych bez ulegania tendencjom i modom. Sam twórca komentował:

W twórczości liczy się [...] przede wszystkim szczerłość wypowiedzi (Rajska, 1978: 13 w: Granat-Janki, 2009: 35)

Jako kompozytor Bukowski nie był skłonny do korzystania z łatwych rozwiązań. Był tego świadomy, komentując:

Ja się fascynuję tematami trudnymi, lubię łamać opory, nawet wewnętrzne (Kościukiewicz, 2003)

Z drugiej strony w jego kompozycjach widać formalną dyscyplinę oraz klarowność, a także wyraźne nawiązywanie do tradycji i osiągnięć mistrzów poprzednich epok. Jakkolwiek fenomen Bukowskiego został odkryty w środowisku wrocławskim, to wciąż czeka na odkrycie w szerszym wymiarze.

Bibliografy

Book or Monograph

Granat-Janki, Anna (2003), *Twórczość kompozytorów wrocławskich w latach 1945-2000*, Wrocław, Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Pijarowska, Aleksandra (2012), *Ryszard Bukowski. Człowiek i dzieło*. Kraków, Akademia Muzyczna w Krakowie.

Monographs, Anthologies, Author's Studies

Granat-Janki, Anna (2009), *Twórczość Ryszarda Bukowskiego – w stronę idiomu indywidualnego*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Janczyk, Ewelina (2009), *Symfonie Ryszarda Bukowskiego – uwagi o stylu kompozytora*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Kanafa, Dorota (2009), *Bukowski jako recenzent*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Zduniak, Maria (2009), *Twórczość Ryszarda Bukowskiego – w stronę idiomu indywidualnego*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu

Journals

Janowska-Bukowska, Maria Magdalena (1992), *Bukowski nie ucieka przez dziurę w płocie*. *Wieczór Wrocławia*.

Others

Kościukiewicz Kazimierz (2003) *Komentarz do płyty Ryszard Bukowski. Sonaty fortepianowe*. - Wrocław

Bukowski, Ryszard (1953), *Słowo Polskie* nr 152 w: Kanafa, Dorota (2009), *Bukowski jako recenzent*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Bukowski, Ryszard (1953), *Słowo Polskie* nr 235 w: Kanafa, Dorota (2009), *Bukowski jako recenzent*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Bukowski, Ryszard (1960), *Gazeta Robotnicza* nr 249 w: Kanafa, Dorota (2009), *Bukowski jako recenzent*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Bukowski, Ryszard (1962), *Gazeta Robotnicza* nr 88 w: Kanafa, Dorota (2009), *Bukowski jako recenzent*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Bukowski, Ryszard (1984), *Wieczór Wrocławia* nr 42 w: Kanafa, Dorota (2009), *Bukowski jako recenzent*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Dzieduszycki, Wojciech (1985), *Rozmowa red. Wojciecha Dzieduszyckiego w programie spektaklu baletowego Antyгона* w: Granat-Janki, 2009 : 35)

Rajska, Irena (1978), *Liczy się szczerłość wypowiedzi*. *Rozmowa z Ryszardem Bukowskim*. *Wiadomości*, 23.02.1978, 2 w: Granat-Janki, Anna (2009), *Twórczość Ryszarda Bukowskiego – w stronę idiomu indywidualnego*. W: Ryszard Bukowski. *Szkie do portretu*. Red. Kanafa Dorota. Wrocław : Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Rozlach, Adam (1987) *Pasje*. *Z kompozytorem Ryszardem Bukowskim rozmawia Adam Rozlach*. *Poradnik Muzyczny*, 1-2 w: Granat-Janki, Anna (2003), *Twórczość kompozytorów wrocławskich w latach 1945-2000*, Wrocław, Akademia Muzyczna im. Karola Lipińskiego we Wrocławiu.

Виолета Георгиева

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски”
Пловдив, България

ВЪПРОСЪТ ЗА ПОЛИПРЕДЛОЖНИТЕ КОНСТРУКЦИИ В БЪЛГАРСКИТЕ ГРАМАТИКИ

The aim of the paper is to present part of our observations on the question of polyprepositional constructions in the Bulgarian grammar textbooks from the first half of the 19th century up to the present day, tracing and analyzing the structure, semantic and functional, and syntactic characteristic of these combinations in the works of our linguists with respect to the possibility for some main conclusions to be drawn about the problem.

Key words: grammar, preposition, polyprepositional construction, classification, syntactic function

Аналитичното изразяване на синтактичните отношения днес се осъществява чрез употреба на предлог и обща форма на името в противопоставяне на синтетичния тип граматично изразяване чрез падежни окончания, типично за старобългарски, което натовазва предложните конструкции с нови функции. От една страна, те допринасят за определяне на семантичните отношения между лексикалните единици, а от друга, поемат конкретна синтактична роля. Като непълнозначни части на речта предлозите не могат да съществуват като самостоятелни части на изречението, но заемат ключова позиция при регулирането на отношенията между останалите части в изреченската структура. Те поемат функциите, които изпълняват падежните окончания, и така конкретизират връзките между самостоятелните думи (глаголи, съществителни имена и др.). Неизменната им роля при изграждане на структурата на изречението и тяхното значение за изразяване на отношенията между имената като синтактични единици в рамките на изречението провокира интереса на българските учени към семантичните и синтактичните особености на предлозите. Макар в сравнение с пълнозначните части на речта, функциониращи и като самостоятелни единици в структурата на изречението, предлозите до голяма степен да остават в периферията на научния интерес, все пак българската граматична литература и в частност граматиките за езика ни отделят подобаващо внимание на специфичните им характеристики. По-различно може да се разглежда въпросът за присъствието на полипредложните съчетания като част от предложната система в езикознанието, т.е. може да се твърди, че те все още не са цялостно изследвани, въпреки че предполагат множество посоки за анализ. От тази гледна точка целите, които си поставяме тук, са: във възможно най-кратък предвид ограниченията преглед да представим най-съществените черти на тези съчетания и начина, по който се коментира присъствието им в българския език в граматичните трудове от първата половина на 19 в. до наши дни. С оглед на съвременната традиция в науката приемаме, че полипредложни конструкции са съчетанията от два или повече предлога в контактна позиция, функциониращи като семантично и синтактично свързани елементи, независимо от възможностите за движение на синтактичните позиции, които предлага българският словоред. Такива конструкции са изграждащите предложната група структурни комбинации от предлози в случаи като: *Нека остане за след понеделник!*; *Тогава беше на около 20 години.*; *Децата изглеждаха по на около 5 години.*; *Купих го за без пари.* и др. Тук обаче няма да се спираме върху типовете полипредложни съчетания в езика, а ще се ограничим до проследяването на техните особености в българските граматики.

През 1836 г. Христки Павлович пише своята *Граматика славеноболгарска*. В нея той отбелязва, че сам по себе си предлогът не значи нищо, а се добавя пред имената и тогава придобива значение. Авторът се спира върху видовете отношения, които може да обозначава даден предлог. Например *през* изразява следните – посред нещо (*през града*), отгоре (*през него мина*), време (*през нощта*) (примерите принадлежат на Павлович).

Основа за българска граматика, издадена още през 1858 г., на Йоаким Груев представя предлозите като думи, които служат, за да покажат отношенията между думите. Най-често срещани са *у, от, из, в, въз, с, на, над, по, под, о* или *об, пре, пред, през, чрез, при, про, раз, до, към, за, низ, среща, между, без, след*, като пред имената се употребяват отделно, а пред глаголи и в границите на имена, образувани от глаголи, слято. Т.е. предлозите *пре, про, раз*, употребявани слято с глаголите, всъщност са представките от гледна точка на съвременното езикознание, а *през, срещу, между, към, без, след*, които за Й. Груев се срещат само отделно пред имената, са типичните съвременни служебни думи. Авторът допълва, че останалите предлози се употребяват и слято, и отделно, като прибавя, че предложна функция изпълняват и някои наречия като *освен, преди, според, откъм, покрай, върху* и др. *Граматика или буквеница словенска* на Сичан Николов от 1858 г. също отбелязва, че предлозите *пре, при, раз* и др. се включват в състава на глаголите и променят значенията им. От друга страна, уточнява, че например *у, до, с, без* могат да имат допълнение само родителен падеж, *към* – дателен падеж, *чрез* – само винителен, *с* – творителен, *в, на* – винителен и предложен, *над, под, пред* – винителен и творителен, *за* – родителен, винителен, творителен, *по* – дателен, винителен и предложен. Така и двамата автори набелязват

същностни черти на българските предлози – възможните разграничения според произхода и образуването на служебните думи, специфичните им морфологични и синтактични особености, както и връзката между предлог и падеж. И в двете граматика от 1858 г. обаче липсва информация за интересуващите ни полипредложни съчетания.

В учебника си за българския език от 1863 г. Сава Радулов определя предлозите като думи, които не се изменят и които показват отношенията между думите в изречението (например на обстоятелствените думи към другите думи). Това са: *за, от, у, из, иззад, изпод, между, без, против, по, към, в, на, под, през, пред, с, при, низ, край* и др. Авторът привежда пример, с който простичко обяснява как две думи се отнасят към сказуемото и показват обстоятелство за място, изразено с винителен падеж с предлог *в*. В началната си граматика в частта за словообразуването Радулов включва и разбиранята си за падежите и тяхната употреба. Това са различните изменения в окончанията на имената и местоименията, с които се определят отношенията между думите, като съществуват четири падежа: именителен, дателен, винителен и звателен, а по-рядко се употребяват родителен, творителен и предложен падеж. Тук предлогът е неизменяема част на речта, с него се изразяват в изречението „взаимните“ отношения между предметите, за които говорим (Радулов 1870: 90). С пример авторът обяснява, че ако пред думите не бъдат поставени предлози, няма как да разберем този „безреден куп думи“, т.е. липсва указанието в какво отношение или положение се намират един към друг предметите. Радулов предлага и своеобразна класификация на служебните думи, от която става ясно, че в разбиранята му липсва разграничението между предлози и представки от гледна точка на съвременната наука. Т. нар. „коренни“ предлози са: *без, в, въз, до, за, из, на, над, низ, о, от, по, под, при, пред, през, с, у*, които са и прости. Сложните са съставени от два предлога. Такива са *накъм, откъм* според съвременната норма. Удвоени могат да бъдат срещнати *във* и *със*. Когато предлозите се употребяват в собствен смисъл, те се пишат отделно. Винаги слято се изписват *при, раз, пра*, а само отделно – *зад, към, през, ради* и *чрез*. Интересен се оказва фактът, че когато предлозите не са достатъчни, за да уточнят отношенията между думите, някои наречия се употребяват и като предлози. Тук авторът включва лексеми като *близо, вместо, преди, подир, освен, между, покрай, около, против, сред*, т.е. предложената класификация има доста „синкретичен“ вид в сравнение със съвременните разбираня. Съвсем естествено Радулов уточнява, че тези неизменяеми думи се употребяват слято с глаголите, а по-късно и с имената, произлезли от глаголите и имат способността да изразяват завършеност или незавършеност на действието (*плувам* – несвършено действие, *преплувам* – свършено действие; *тронна* – неповторяемо действие, *потропна* – повторяемо действие; (примерите са по Радулов 1863). От друга страна, той прави и важното за науката уточнение, че „предлозите“ се пишат винаги слято с глаголите, докато пред имената с падежи – отделно. Макар в Началната граматика да липсва коментар за интересуващите ни полипредложни конструкции, силно впечатление прави фактът, че когато излага възгледите си за типовете предлози според произхода и начина им на образуване, самият автор употребява полипредложно съчетание. Твърдението, че има сложни, *съставени от по два предлога*, предлози е ключово, защото сигнализира, че езикът на Радулов „познава“ конструкциите и вероятно не ги възприема като типично разговорно явление, щом си позволява да употреби съчетанието в научен за тогавашното съзнание текст. Освен това в графично отношение *от по* се разграничава по изписване от т.нар. сложни предлози, т.е. може да се твърди, че дори и несъзнателно, лингвистичното съзнание на автора прави разграничение между различните типове отношения.

В *Основна българска граматика*, чието първо издание датира от 1944 г., Любомир Андрейчин представя подробно описание на българската предложна система, определяйки предлозите като „непроменливи думи“, които се употребяват с определено значение пред имена и наречия и показват връзката им с останалите части на изречението. Авторът обръща внимание върху произхода на служебните думи, на фонетичните и акцентните им особености, на видовете значения на всеки отделен предлог, както и на падежното управление като една от основните им характеристики. Така в българския език съществуват следните предлози: *без, в, вместо, сред, въз, върху, въпреки, до, за, зад, заради, из, извън, като, край, кръз, към (къде), между, на, над, накрай, наспроти, наред, низ, о, около, освен, от, отсам, отвъд, оттатък, по, под, подир, покрай, помежду, поради, посред, посредством, пред, преди, през, при, против, пряко, свръх, след, според, спроти (в), спрямо, срещу, сред, с, у, чрез*, т.е. Андрейчин представя една стройна организация на предложната система, като уточнява и случаите, в които служебните думи се използват и като представки, и като наречия, имайки предвид и съответните правописни особености. Специално внимание лингвистът обръща на полипредложните конструкции. За него това са съчетания от два предлога, чрез употребата на които се изразяват по-сложни отношения между думите. Сред примерите на автора са конструкциите *из зад дърветата, през сред града, работя и на нивата освен на лозето* и др. Важно е да се отбележи и разграничението, което приема, с оглед не само на значението на съчетанието, но и на писменото му предаване. Когато двата предлога обозначават самостоятелни отношения, препоръчително е да се пишат отделно. Когато обаче единият само допълва (засилва или отсена) семантиката на другия, съчетанието се изписва слято.

Нова българска граматика от 1940 г. разглежда предлога като име, което предхожда име, а свързането с името обозначава някакво обстоятелство (отношение). Балан класифицира предлозите като същински и обlikови от гледна точка на „падежната относба” и според това дали функционират като предлогови представки или като предлози думи, и възможните ограничения, при които една и съща лексема се употребява само като предлог дума, но не и като „глаголска представка” например. Съставните предлози като *из-зад, из-над* и др. за Балан се образуват от свързането на два предлога. Така например предлог *по* за изразяване на размер (количество) се свързва с изрази за обозначаване на размер, образувани от предлог *с* или *за* и количествено име. Авторът предлага следните примери: *чинове по за двама, купете си по за пет пари дъвка, кюнци с по три лули, платове от по метър ширина*, като определя и някои ограничения – не са възможни случаи като *чинове за по двама* и *платове по от метър*.

В *Съвременен български език. Синтаксис* К. Попов фокусира вниманието си не само върху изреченията като синтактични единици, но и върху словосъчетанията, които конструират синтактичните групи в изреченската структура и съответно се разпределят в нея като градивни единици. Авторът се придържа към разграничението между свободни и устойчиви съчетания, като разделя свободните на две групи: съчинителни и подчинителни. Предлозите са изграждащи елементи във втората група, тъй като попадат в синтактични конструкции, при които една от съставките е главна, а друга – подчинена. От структурно-граматическо гледище подчинителните словосъчетания са два вида: предикативни и непредикативни (Попов 1962: 33), като непредикативните изразяват различни типове синтактични отношения в изречението и според характера на главната част се определят като глаголни, именни и наречни. Предлозите като определящи структурни единици в словосъчетанието, които регулират отношенията между пълнозначните лексеми, участват в изграждането на предложните глаголни словосъчетания за изразяване на обектни или обстоятелствени отношения. Попов отбелязва и многообразието от възможности при изграждането на този тип съчетания, имайки предвид не само семантиката и функцията на служебната дума, а и характера на глагола, но не коментира особеностите на полипредложните единици. За автора предлозите присъстват и като градивни единици в именните конструкции, главно в тези със съществително име за изразяване не само на определителни, но и на пространствени, целеви, времеви и пр. отношения. Така предложната връзка е един от начините за изразяване на синтактичните отношения в българския език с оглед на неговата аналитична природа.

През 1989 г. в *Практическа българска граматика* П. Пашов разграничава двойните предлози (*иззад, изпод, откъм, посред*) и удвоената употреба на предлози: *за към гарата, до към пет часа, за в краен случай, за пред хората*, без обаче да се спира по-задълбочено върху техните семантико-функционални и синтактични особености, т.е. вниманието е фокусирано главно върху характеристиките на предлога като несамостояйна част на речта.

ГСБКЕ от 1983 г. уточнява, че „Предлозите са неизменяеми думи, които изразяват синтактичните отношения на зависимост между членовете на изречението или словосъчетанието, т.е. отношенията между съществителни, местоимения или числителни и техните определения; между глаголи, наречия или прилагателни и техните допълнения” (*ГСБКЕ. Морфология* 1983: 409), и предлага класификация на предлозите от гледна точка на техния морфологичен строеж и произход, обръща внимание върху словообразователната им функция и разграничението спрямо предложните изрази, на близостта със съюзите като граматически средства за свързване, както и на семантичното съдържание на интересуващите ни служебни думи. Във връзка с правописната практика на някои сложни предлози, където не се наблюдава единство в слямото или разделното им изписване, *ГСБКЕ* включва в забележката и кратък коментар относно полипредложните конструкции и техния правопис. Отбелязва се разграничението между сложните предлози и съчетанията от предлози в контактна позиция като *по на, за в*, като във втората група „съчетаните предлози запазват лексикалната си самостоятелност – всеки един е изразител на отделно самостоятелно отношение” (*ГСБКЕ* 1983: 411), а от по-сложните отношения, които обозначават, следва те да се изписват отделно.

Грамматика за всички (Иванов 1992), както уточнява и Б. Иванов, е популярно описание на българския език, което е предназначено за всички, т.е. терминът *граматика* се използва в доста широк смисъл. Подобно схващане на понятието позволява на автора да представи в синтезиран вид главните особености на българския. На достъпен за широката аудитория език се изясняват фонетични, морфологични, синтактични и пр. характеристики на езика, без да се навлиза в строгата теоретична и терминологична рамка на науката. В частта, посветена на предлозите, Иванов ги определя като непълнозначни, несамостоятелни и неизменяеми думи конектори, които могат да свързват глагол и съществително, съществително и съществително, съществително и наречие, съществително и прилагателно, глагол и прилагателно в зависимост от значението си (Иванов 1992: 140–149). В граматиката са представени и някои от семантичните особености на част от българските предлози и макар да е отбелязано присъствието на предложните изрази, липсва информация за полипредложните конструкции в българския език, вероятно заради поставените цели при създаването на популярната граматика.

Нова посока в развитието на представянето на езиковите факти задава Йордан Пенчев с *Български синтаксис. Управление и свързване* от 1993 г., като предлага обяснение на основните синтактични явления със средствата на генеративната синтактична теория за управлението и свързването, за чийто баща се смята Ноам Чомски. Теорията предлага по-различен подход при изследването на която и да е синтактична конструкция, за да покаже структурните отношения в отделните съчетания и между самите тях и по такъв начин да бъде показана позицията им в общата структура на изречението. Тя не разчита на описателното представяне на фактите в разрез с предписанията на традиционните граматика. Тук частите на речта като лексикални единици се явяват „пълнеж“, който заема според изискванията определена синтактична позиция, функционира като синтактична категория и се подчинява на определени правила. Така категорията РР представлява синтактична категория с главна част предлог, а вътрешният ѝ строеж се представя с определен брой правила. От друга страна, РР може да присъства като пояснение в границите на категорията NP. От гледна точка на генеративната граматика Пенчев спира вниманието си и върху полипредложните конструкции и за него т. нар. конструкции с двойни предлози налагат адюнктна структура на РР.

Така подобен кратък обзор на съвсем малка част от българските граматика позволява да бъдат изведени някои общи заключения. От една страна, подобен хронологичен поглед в историята на българския език е нужен, за да очертае постиженията на нашата лингвистика и същевременно предизвикателствата, които стоят пред нея. От друга, в едно подробно изследване по проблема е необходимо да се има предвид разграничението между морфология и синтаксис в българските граматика и съответните заключения, които произлизат при един пълен хронологичен исторически преглед не само в морфологичен, но и в синтактичен аспект. Разбира се, от съществено значение е и обективната оценка от позицията на времето, както и актуалната ситуация относно разбирането за *наука, автор на граматика, лингвист*, същността на понятията както в началото на 19 в., така и в съвременността. Макар предлозите и техните семантични и синтактични функции да са подробно разгледани от авторите, встрани от научния интерес остават полипредложните конструкции, регистрирани по-скоро само като езиков факт, отколкото като резултат от усилията на учените да изследват въпросите, свързани със закономерностите (възможности и ограничения) при свързването на два предлога в подобно устойчиво съчетание и съответно в структурата на изречението. Езикът предлага множество комбинации, които благодарение на опита и напредъка на поколения лингвисти, както и на съвременните теории за езика могат да бъдат изследвани подробно на всички граматически равнища.

Библиография

- Андрейчин, Любомир (1978), *Основна българска граматика*. София, Наука и изкуство.
Груев, Йоаким (1987), *Основа за българска граматика*. Фонотипно издание. София, Наука и изкуство.
Кръстев, Боримир (1992), *Грамматика за всички. Популярно описание на българския език*. София, Наука и изкуство.
Николов, Сичан (1858), *Грамматика или буквеница словенска*. Цариград.
Павлович, Христати (1985), *Грамматика славеноболгарска*. Фототипно издание. София, Наука и изкуство.
Пашов, Петър (1989), *Практическа българска граматика*. София, Народна просвета.
Пенчев, Йордан (1993), *Български синтаксис. Управление и свързване*. Пловдив, Пловдивско университетско издателство.
Радулов, Сава (1863), *Учебник за българският език*. Болград, Печатница на Централното училище.
Радулов, Сава (1870), *Начална граматика за изучение на българският език. Книга II. Словосъчинение*. Болград, Печатница на Централното училище, 1870–1871.
Стоянов, Стоян (гл. ред.) (1983), *ГСБКЕ. Том II. Морфология*. София, БАН.
Теодоров-Балан, Александър (1940), *Нова българска граматика*. София, Т.Ф. Чипев.

Евелина Грозданова

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“
Пловдив, България

ПРАВОПИСНАТА СИТУАЦИЯ В ХЪРВАТИЯ ПРЕЗ ПОСЛЕДНИТЕ ДЕСЕТ ГОДИНИ

The aim of this text is to make a short review of the Orthography situation in Croatia in the last ten years. For this purpose the text shows the differences between the orthography rules the different orthography books establish. Attention is drawn to the project by the Institute for Croatian Language and Linguistics to create a new Croatian orthography.

Key words: orthography, Croatian orthography, Institute for Croatian Language and Linguistics

Целта на настоящия текст е да направи кратък преглед на правописната ситуация в Хърватия през последните десетина години, като за тази цел посочи правописните ръководства, които са в употреба и разликите между отделните правописни правила, които въвеждат. Обръща се внимание на проекта на Института за хърватски език и езикознание за създаване на нов *Хърватски правопис*.

Първите години от новото хилядолетие протичат в Хърватия с интензивен темп и носят на хърватите редица лингвистични новости, които намират място и в отделните ортографски ръководства. За сравнително кратък период от време – последните двадесет години в Хърватия са издадени 17 правописни книги (Cvrtila 2013).

Днес в официална употреба са четири правописа:

- на Бабич, Финка и Могуш (Babić, Stjepan, Božidar Finka, Milan Moguš 2004: *Hrvatski pravopis, Školska knjiga, Zagreb*), който е преиздавано и допълнено издание на забранения през 1971 г. Правопис, нар. още *Лондончанин*;
- на Бабич, Хам и Могуш (Babić, Stjepan, Sanda Ham, Milan Moguš 2009: *Hrvatski školski pravopis, Školska knjiga, Zagreb*), който е с препоръка за употреба в училищата;
- на Бадурин, Мичанович и Маркович (Badurina, Lada, Ivan Marković, Krešimir Mićanović 2007: *Hrvatski pravopis, Matica hrvatska, Zagreb*) издание на *Матуца хърватска*;
- на Анич и Силич (Anić, Vladimi, Josip Silić 2001: *Pravopis hrvatskoga jezika, Zagreb*), чието първо издание се появява още през 1986 г.,

като и четирите правописни книги нямат уеднаквиени правила за най-ключовите правописни колебания.

А като най-важни от тези колебания и дублети, които Ж. Йозич (Желко Йозич е директор на Института по хърватски език и езикознание към ХАЗУ, като също така е начело на проекта за създаване на нов Правопис на хърватския език) определя като „двете основни правописни практики, които до известна степен разделят хората, служещи си с хърватски език“ (Čadež 2012), се посочват 3-4 правописни решения – слято и разделно писане на отрицателната форма на глагола *htjeti - neću/ne ću*, писането на т.нар. покрит *ят* в някои случаи, напр. *pogreška/pogrješka* и писането на *tc/c* или *dc/c* в примери като *zadaci/zadatci, reci/redci*.

Първите две правописни книги препоръчват разделно писане при отрицателната форма на глагола *htjeti - ne ću, pogrješka* и запазване на съгласна *t/d - zadatci, redci*. Докато при другите две правилата са следните – отрицателната форма на глагола *htjeti* се пише слято – *neću*, правилно е *pogreška*, а не *pogrješka*, а съгласни *t/d* изпадат - *zadaci, reci*.

Според Йозич тези спорни мнения са причината, поради която хърватският народ се дели по отношение на правописа, въпреки че колебанията при някои от примерите дори на са изцяло правописни.

По този начин в правописно отношение в Хърватия настъпва хаос. Ситуацията се усложнява и от факта, че липсва орган, който да въведе ред сред многото и различни правописни ръководства. На страниците на правописната книга на Бабич, Хам, Могуш се изтъква, че правилата, изложени на страниците на ръководството, са в съгласие с решенията на Комисията за нормиране на хърватския стандартен език (Vijeće za normu hrvatskoga standardnog jezika. Комисията съществува само 7 години, от 2007 до 2012 г., когато със заповед на Желко Йованович, министър на науката, образованието и спорта, нейната дейност се преустановява), издадена е от *Школска книга (Školska knjiga)*, издателството, в което се отпечатват всички учебници и помагала за нуждите на училищата в държавата, като така този правопис става задължителен за изучаване от учениците. Докато висшите училища предпочитат да се придържат към правилата в правописното ръководство на *Матуца хърватска*.

Но не трябва да се забравя, че правописът е преди всичко една договореност, конвенция, а всички цитирани правописни книги биват издадени без да са проведени каквито и да е договори или дискусии. Те се появяват като авторски книги, като с изключение на Л. Бадурин, никой от останалите автори и съавтори не се е занимавал с правописна проблематика преди това.

Сложната правописна ситуация е причината, която поражда през лятото на 2012 г. инициативата на Института по хърватски език и езикознание към ХАЗУ да стартира проект по изготвяне на нов правопис на хърватския език, като зад новото ръководство няма да изпъкват имената на отделни фигури, а ще бъде едно общо дело.

Начело на проекта застава Ж. Йозич, който споделя следното – „новият правопис трябва да бъде един, общонационален и задължителен. Нашият правопис е опит да обединим правописните решения на актуалните правописи, като това не означава, че сме копирали едно правило от един правопис, а друго от друг. Взехме под внимание целостта на хърватската правописна традиция, като особено внимание посветихме на съвременните правописни решения, проучихме съответната научна литература, засягаща ортографската проблематика, за да вземем под особено внимание съвременната правописна практика, която намира израз в хърватската литература и масмедииите“. „Постоянно водейки сметка за системността и традицията, ние взехме предвид онова, което практиката сама е избрала. Със същото уважение се отнесохме и към традицията, без да се ограничаваме в определен период, а разглеждайки я в нейната цялост. Казват, че идеалният правопис е онзи, чиито решения са недвусмислени и единни, но хърватският език се състои от толкова пластове и се преплита с чуждоезични и екстралингвистични елементи, че такъв правопис просто не може да се осъществи. Но, въпреки това ние се опитахме да избегнем дублетите, защото както и самата практика показва, съществуването на няколко варианта често обърква човек.“(Cvrtila 2013, Derk 2013).

На 15 април 2013 г. новият правопис бе представен на пресконференция, като едновременно с това е достъпен и онлайн. Целта е да се прикани обществото към обсъждане на решенията, които внася правописът. Заедно с дискусиата, която ще продължи един месец, правописът ще бъде изпратен до всички автори на правописи, до водещите хърватски лингвисти, до учителите по хърватски език на цялата територия на Хърватия, както и до Съюза на учителите, наброяващ 6000 членове, за да изкажат мнението си. Също така оценка за правописа се очаква да дадат и всички научни, културни, образователни и медийни институции, защото целта е правописното ръководство да бъде общонационално и общоприето. Очакванията на авторите са призивът към оценка чрез дискусия да намери широк отглас, защото фактът, че липсата на единен правопис създава негативен климат сред обществото.

Авторите са сигурни, че ще има и мнения, насочени против техния правопис, но въпреки това са сигурни, че решенията, които те предлагат са най-добрите, най-приемливите и най-последователните. А след като чуем оценката на обществото, заявява Йозич, надяваме се, че меродавните институции ще обявят правописът за единствен и задължителен.

В предговора към изданието, в което под заглавието *Хърватски правопис* е отбелязано, че това е вариант, който се предлага за обществена дискусия (*inačica za javnu raspravu*), авторският колектив отбелязва, че изложените правописни правила спазват фонлогичния правописен принцип с морфонологични елементи, като морфонологичният принцип се проявява на морфемната граница, когато има смислоразличителна функция. Предложеното издание се състои само от частта, която предствя правописните правила, а другата част – речникът, ще бъде представен след завършване на дискусиите, за да има съответствие между двете части. Отбелязва се, че при определянето на правописните решения авторите са следвали хърватската правописна традиция и практика, а правилата, които са еднакви във всички съвременни правописни книги, не са променяни. При тях само е извършена актуализация, имайки предвид употребата им. Изтъква се, че при решаването на спорни въпроси авторският екип е следвал следните принципи:

- принципа за системност – решенията са формирани системно, като се има предвид, че системността е основата на всяка една норма, включително и на правописната;
- традиционния принцип – при определянето на решения са взети под внимание всички хърватски правописи и е разгледана цялостната хърватска правописна традиция;
- принципа за правилност и утвърденост при употреба – при избора на дублети и отношението към тях, като се настоява дублетността и изключенията да се сведат до минимален брой;
- принципа на нормативната йерархия – имайки предвид нормативния статус на правописа, в неговите правила се различават препоръчителен вариант (има нормативен приоритет), допустим вариант (няма нормативен приоритет, но заради честотата на употреба не се пренебрегва, напр. *podaci* и *podatci*) и еднозначен вариант (вариантите са равноправни, напр. *bregovi* и *brjegovi*).
- При определяне на правилата се подчертава, че се спазват принципа за езикова икономичност – да се дадат кратки и ясни правила и по-голям брой примери (*Hrvatski pravopis (inačica za javnu raspravu) 2013: 4-6*).

За спорните решения, за които вече стана дума, новото правописно ръководство препоръчва следното – стандартните форми ще бъдат *strelica*, *zadaci*, *greška*, *bregovi*, вместо *strjelica*, *zadatci*, *grješka*, *brjegovi*. Съгласна т ще се запазва само във формите, където изпадането ѝ би причинило объркване - *petak* – *petci* (вм. 'peci'). От Института заявяват, че относно колебанието при *pe* *ci* и *pe* *ci* ще се придържат

само към едната форма, слятата. Притежателните форми, образувани от имена на градове, трябва да се пишат фонетично - *njujorški*, а не *newyorški*, *minhenski*, а не *munchenski*.

Желанието на авторите е чрез общи усилия да се постигне и приеме един окончателен и общоприет Хърватски правопис, за да може да се задоволят нуждите както на широката общественост, така и на специалистите и да се сложи край на дългия период на правописни лутания. А каква ще бъде оценката, която ще получи, ще се разбере след предвидените дискусии.

Библиография

Čadež, Tomislav (2012). »Povijesni projekt Instituta za hrvatski jezik: Počinjemo raditi novi pravopis!« Jutarnji list, 28. 06 2012.

Cvrtila, Marijana (2013). »Povijesni posao završen: napokon imamo jedinstveni hrvatski pravopis!« Slobodna Dalmacija, 12. 04 2013.

Derk, Denis (2013). »Pravopis mora biti jedan.« Večernji list, 23. 03 2013: 20-21.

Hrvatski pravopis (inačica za javnu raspravu) (2013). Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2013.

Лилия Емилова Хазан
СУ „Св. Климент Охридски“
София, България

ОТКРОВЕНИЯТ ГЕНИЙ НА ПРОМЯНАТА. АВАНГАРДНОТО (СЮРРЕАЛИСТИЧНОТО) В ПОЕТИКАТА НА КОНСТАНТИН ПАВЛОВ И ВРЪЗКА СЪС СЛОВАШКИТЕ НАДРЕАЛИСТИ

This report aims to convey some hidden, but completely natural surrealist (vanguard) elements in Konstantin Pawlow's satirical writings as well as connect them to Slovak poets. The censorship and the lack of resistance against the dogmatic political restrictions confine and enslave the powerful genius in the past. Those satirical pieces are strongly condensed social dramas. Through their independence has been shown the tender sensibility of an unique artist, who has managed to live on through dramatic times. The imagination is not all, but finally it is the powerful weapon, that accumulates change.

Key words: Surrealism, poetics, irrational, Konstantin, Pawlow, satire, Bulgaria, Slovak surrealist poets, surprise, effect, poetic devices, totalitarian society, nightingale, prose poem, rhymes, soul, society, imagination, dogs, drama

В известното си есе – „Душата на човека при социализма“, Оскар Уайлд се опитва да даде анализ на живота по време на подобен режим, като посочва основно преимущество свободата от тежестта да живеем за другите. (Уайлд: 2009) Той обаче няма пряк досег със същинското лице на властта от страните в „Източния блок“ и Русия. В родината си много съвременни български автори са изправени пред трудности. Константин Мирчев Павлов (1933 – 2008) е един от най-талантливите български поети на епохата. Той не само изживява своята младост в Комунистическа България, но и „пресъздава“ със сатиричния си гений това време за съзнанието на мнозина. Въздействието на лириката му се корени в жанровото разнообразие, в различното, ирационално разбиране за жанра, в „необуздаността“ на гения му. Сатирата му е своеобразен модерен апологет на индивидуалното, поредната лудост на поезиизма.

„За да се разплете донякъде кълбото – за опит поне – е нужно просто да се дръпне конкретен конец.“ (Колева: 1998). За да бъдат анализирани и открити скритите сюрреалистични (авангардни) елементи в сатиричното творчество на сатирик като Павлов, е нужно предварително да се изясни мястото и същността на сюрреалистичното културно течение и неговата приемственост. Темата буди интерес поради своята нестандартност и липсата на обстояйни изследвания в тази насока. Основен обект на наблюдение е първата му книга – „Сатири“ (1960), и „Персифедрон“ (2001). Ще се свърже компаративно творчеството на Павлов със словашките сюрреалисти.

Сюрреализмът, като течение възникнало след Първата световна война в Западна Европа главно под влиянието на Психоанализата на З. Фройд, остава сравнително чуждо за славяните на Балканите и в частност България. Наместо това голяма популярност печелят други авангардни течения като символизма, експресионизма и др. Сюрреалистичната поезика е „особено повлияна от символизма, експресионизма, футуризма, дадаизма и от произведенията на Лотреамон“ (Калашев, Петров 2001). Понятието *сюрреализъм* (от лат. *sur* = „горе, над, извън това“) предполага търсене на „същинската реалност, респ. единството на цялото човешко битие в антирационалното, т.е. в онова, което не може да бъде познато с помощта на традиционни средства.“ Двамата известни манифеста на сюрреализма на Бретон излизат през 1924 и 1930г. – малко преди да се роди Павлов. След 1945г., въпреки слабото присъствие на сюрреалистичното течение в литературата, отделни личности все още са повлияни от него.

Константин Павлов прави първите си литературни опити в гимназията до 1952г. Това му оставя малка вратичка към авангардните явления на Западна Европа, макар и вече със съзнанието за една безнадеждност на сюрреализма като културно движение срещу реализма и „над“ него („надреализъм“ – калка, самоназвание на словашките сюрреалисти). Въпреки трудностите на времето и цензурата, генийт на Павлов е откровен и остър до край в своите прояви. Сатирата му изненадва не само с нестандартност и ерудиция, но и с емоционална решителност и ирационална експресивност. Тя е обитавана от сънищата, илюзорните видения, спонтанните асоциации. Част от тези мотиви лежи в авангардното пространство, докато другата си остава в пространството на „новата“ литература на България. Тези две части обаче се оказват неразделими. Авторът живее в света на собствения си недоразвит и отритнат гений от времето на култа към другаря Червенков – „олицетворение на правилната партийна линия, олицетворение на верността към партията и работническата класа, олицетворение на българо-съветската дружба...“ (Алипиева 2001).

В студията „Параболата“ на отрицанието (Константин Павлов)“. Дора Колева споменава, че „някои от рецензиите“ на първата книга „Сатири“ (1960г.) са критически проникновени и виждат в нея необичайни за тогавашното състояние на сатирата художествени синтези, наличието на „своеобразен стил“, чрез който се постига „линията на една интелектуална поезия.“ (Колева 1998: 199).

„Сатири“ започва със „Стихотворение за скотовъдната ферма на поета“ и завършва със „Сатирият“. За тях Пенчо Данчев (Колева 1998: 199) твърди, че са „най-сполучливите сатири на

Павлов“, оригинално и сложно явление. „Те не са просто сатири. В не по-малка степен те са и лирика, защото в тях присъства особен лирически герой, който няма простата функция да произнася присъди над отрицателни герои и явления, а сам той е действащо лице в тези сатирично-лирични късове. Затова сатирите на Павлов са малки, силно кондензирани драми. Тъй като мисловното, аналитичното начало е подчертано в тях, те могат да бъдат определени и като своеобразни социално-психологически етюди.“

Заглавията на стиховете са различни, независими и уникални. Силната социална линия в сатирата е обща черта с изкуството на сюрреалистите. Според Бретон сюрреализмът се ражда с цел да защитава идеята за използването на обикновени и описателни изрази, чиято подредба изисква в пълна степен нашето работещо въображение.

В „Стихотворение за скотовъдната ферма на поета“ стихът е свободен. Начинът, по който са назовани алегорично всички предмети, доближава тази сатира до сюрреалистичната поезия на догадките. Павлов изразява алогично всички образи и мислите им чрез фигурите на необяздените коне. Сравненията и метафорите правят поезията провокация на въображението, а поантата накрая – ключ към загадката. Прозира идеята за невъзможността, или по-скоро нежеланието да се ограничи личната свобода на мисълта и въображението. Сатирите са своеобразен бунт срещу подредеността – типична черта на надреалистическата поетика. Същинското чувство, което будят, е по-скоро тъга, отколкото веселост. „Аз не мога да ги обуздая.// Мога само// да се метна// на гърба на най-необуздания// и да полетя след вятъра.// Дълго време няма да ме виждате!// Дълго време няма да ме чувате!// Но когато тръгнете по нивите, // за да приберете житото, // някъде, // до някой слог ще ме намерите. // На главата - // удар от копито, // а в ръцете - // кичур от развята грива... // Запазете кичура. // За вас съм го отскубнал. // Стават много хубави рогозки!“

Въпросите за стила и социалната насоченост на изкуството съответстват по характер на стилите търсения на сюрреалистите и са пряко свързани с писането на сатира, чиято сила според Елиът е „магия, ритуал, искусство“ . (Колева 1998: 198) В контекста на сюрреалистичния стремеж към развитието на жанровете „вътре в тях“, Павлов е едно от най-уникалните явления в съвременната ни литература. Журналистката и писателка Теодора Димова в репортаж за БНР припомня как още с появата на първите стихосбирки на Павлов през 60-те години „Стихове“ и „Сатири“ той е обявен за враг на народа, поезията му е забранена, стиховете му не се издават повече от 12 години. „Заклеймен е като непоетичен модернист, непокорен и свободолюбив дух, който заплашва устоите на социалистическото общество. Уволняван, преследван, изолиран. Или както самият той казва: „повече от три десетилетия// бях в утробата на Кита.“ Годишите на изолация, обаче не успяват да го пречупят.“ (Димова 2012)

В една от последните му пиеси „Персифедрон“ – за смисъла и стойността на живота, на духовната и физическа смърт, отново присъства истината и безумието на тоталитарните общества чрез мрачната мрежа на смъртта и мъртвите човешки тела. Пиесата е нещо повече от обвинение срещу властниците, които скриват истината, когато им е потребно това. „Персифедрон“ е също и „Пер-си-фе-дрон!“ – парола, с която масите излизат на улицата. Скандирането е изключително характерно за сюрреалистичната традиция. В последствие Павлов е изправен пред съд и е принуден да го уверява, че думата нищо не означава, че просто е измислица – плод на „поетично фантазърство“ „Персифедрон“ всъщност е прощална песен – колкото тъжна, толкова и комична – за революцията, за всички жертви на борбите за свещените идеали.

По същия начин, по който рисува живите трупове в пиесата си, той пише и сатирата за кучета и китове. Стихотворението „Кучешка психика“ „изкрещява с тих глас“ в тихата необузданост на някоя картина на Дали на трептящи фигури и цветове, замъгляващи съзнанието. Отново го има ефектът на изненадата. Кучето с човешки облик прилича на лебедите на Дали, оглеждащи се в отражения на слонове. А човекът остава на заден план в картината – незабелязан и глух, не човек, а част от звуковия фон в стиховете на Павлов: „То трепна, // неспокойно се огледа // и към гората гневно заръмжа; // че вятърът, // пребродил // планините и тъмните гори, // с безброй неуловими миризми // на свой език му заговори: // - В гората има вълци и сърни, // в гората има врагове и жертви - // под кожата им блика топла кръв, // а в жилите – опиянение.“

Стихотворението напомня пустинните пейзажи на Болония с изсъхнали и изгорели, мъртви гори и огледални езера, а на сред тях бели лебеди. Там някъде се крият тези „врагове“, чиито жертви са белите лебеди (сърни в случая). Фолклорните мотиви за животните, вятъра, който „говори, нашепва“, са всъщност скрити романтически похвати, които авторът сам признава в една от най-известните сатири „Пак за славея“: „Мили славею, // ... // Прекляням се пред песента ти - // но се плаша, // че в някоя безлунна нощ, // когато изведнъж ти израстат // орлови нокти и железен клон, // ще влезеш тихо в // романтичната ми стая // и ще изтръгнеш от гърдите ми // размекнатото ми сърце.“

Образът на тези славеи е толкова абстрактен и в същото време изключително синтезиран и разобличаващ. Някои от природните образи са зловещи и безпощадни, изпълнени със злоба. Славеят и кучето тук се борят с невидимите сили на злото. Много образи отсъстват. Гамата от цветовете в сатирата отговаря на тази злоба, което е толкова напластена, плътна, че може да се реше с нож, да се „сграбчи и разкъса“: „О, ако господарят му сега // опиташе с протегнати ръце // по тъмните уши да го погали, // то

щеше да ги сграбчи и разкъса, // за да усети в челюстта си // топла кръв // и в жилите - опиянение... // Ни врагове, ни жертви, ни приятели. // Тогава, ненадейно озарено // от някаква спасителна идея, // то втренчи поглед в своята опашка // и с нервен лай се спусна върху нея; // препъна се и падна в прахуляка // и в омагьосан кръг се завъртя, // и виеше от злоба и безсилие, // като че всички смъртни врагове // в опашката му бяха се събрали; // и то ги гонеше през планини, // през долини и храсталаци // и виеше от злоба и безсилие... // Последни сили и последен скок - // зъбите му отчаяно се впиха... // В устата си усети топла кръв, // а в жилите - опиянение... // И заквича // от щастие и болка...

Шизофренията на кучето се свързва с образа на славея в сатирата като „външно навезани образи, според Дора Колева, оцветени от индивидуалната философия на поета и привързаността му към истината. (Колева 1998) Индивидуализмът е тясно свързан с Авангарда. За индивидуализма, Оскар Уайлд пише, че „в момента, в който творецът започне да обръща внимание на това, което искат хората, и се опита да го достави, той престава да бъде творец и се превръща в скучноват, макар и забавен занаятчия, почтен или непочтен търговец. Но вече няма право да нарича себе си творец. Изкуството е най-съвършеният индивидуализъм, който светът никога е познавал.“ (Уайлд 2009: 181)

Заради сатирата „Славеите пеят“, Павлов е низвергнат и престава да пише. „Славеите пеят“, както и „Агонно сладка“ са програмни стихотворения от 60-те и 90-те години. В тях поетът търси и изразява най-съкровено и личното чрез промяна на измеренията. Славеите пеят не в народната песен, а над трупове – невинността на тези птици прави още по-жестоко престъплението, извършено над индивиди със собствен глас и талант. Известно е, че славеите не пеят еднакво. Дори не са склонни да пеят „в хор“. Те изпълняват повече от 40 различни песни и никога не се повтарят. В много приказки и романи символизират голямата природна дарба. Освен авангарден елемент, славеят и неговата песен са закодирани и в българските и словашките народни песни и в славянската митология. Славеят и лястовицата са едни от най-свещените птици. Те са свободолюбиви и горди, недосегаеми и бързи. Безнадеждната молитва за откриването на истината накрая е обърната на клетва. Няма нищо сакрално в славеите от Западния парк, или ако е имало, то вече е заличено. Прехвърча само гарванът – като пазач на смъртта. Въпреки неправдата, славичията песен не замлъква и зависва в съзнанието на читателя, като нещо вечно – сатирата цели смут и го постига: „Млъкнете, славеи! // Проклети славеи! // Дано в настъпилата тишина // един // единствен гарван се обади, // за да ми каже истината. // Страшната!“

С малки изключения, (например „Вкус към красотата“ и цялата втора част на „Сатири“, посветена на Захари Попов) в тази поезия липсва римата. Модернистите на 3-а апада и основно сюрреалистите излизат напълно от рамките на стиха и отричат римата, не спазват синтактичните норми, използват редица дисонанси и алитерации, повтарящи се срички и звуци. Павлов избягва повторенията на символи, но използва синтактичен паралелизъм. Пример за това са въпросите, които директно задава в сатирата: „Кои са те? // Как стана туй?“ В някои стихотворения, изказът му е напълно „разкован“: „Не увира. // (Спокойно изречено.) // И не увира. // (Гневно изречено.) // И не увира. // (Примилено...)“

Стиховете са динамични, основен мотив е смъртта – кризисна поезия, криво огледало на действителността. Италианският теоретик Марио де Мигели дефинира сюрреализма като последното авангардно течение, което „по-нежно и по-достоверно отколкото което и да е друго течение“ търси и предлага отговор на въпроса, гложещ интелектуалците на Европа между двете войни: как да се излезе от същността на кризата? Де Михал припомня и вътрешната многоликост на сюрреализма, говори за неговите „две души“: една, наследена от най-спокойните романтически духове и друга, която „иска да превземе редовете на социалистическата революция“. (Иванов, 2012) И въпреки, че тези две души – полюси на сюрреалистическата душа, искат да се слоят в едно, в марксисткия смисъл „да се построи наново света“ и в Римбаудовия – „да променим живота“, както прокламира Андре Бретон – това сливане ще се превърне най-вероятно в „изгарящ и широк копнеж“. Словашкият литературен историк Станислав Шматлак пише за словашкия сюрреализъм като за наследство на неспокойната романтическа душа и нейните копнежи. А него течението не е политическо обвързано, що се отнася до първата му ранна фаза до 1939г. Сюрреализмът в Словакия е преди всичко течение на поетите. Най-ярките представители на движението са Рудолф Фабри (1915 – 1982г.) и Мориц Мителман Дедински (1914 – 1989г.) И двамата дебютират 40-те години на века, когато се ражда Павлов. Основните мотиви на стихосбирките им (особено „Отрязани ръце“ (Фабри 1935) илюстрират накратко развитието на модерната поезия – те са поетическа провокация, изпълнени с пародия и модерни похвати, „своеобразен нечуван младежки бунт“, който е жестоко потушен от тогавашната критика и литературен печат. Дебют на Фабри, може да се сравнява с този на Павлов в рамките на Авангарда. Като успех, той няма равен в историята на словашката лирика – изпълнен е с думи – ключове и замаскирани манифести. Той извиква „смърт на славеите и сипките“ и на цялата „стара лирика“, като в този дух еднакво отдава поклон и чест на корифея на световния сюрреализъм. Подобно на „последния скептичен просветител“ (Павлов 2001: 9), всичките стихове на Фабри са изпъстрени с ирония и пародия. В края на живота си той се отказва от стила си и се подчинява на цензурата, което никога не се случва при Павлов. И до днес най-известна остава първата авангардна (сюрреалистична) стихосбирка на Фабри. Подобно на словашките сюрреалистични сборници,

в сатирата на Павлов често попадат мечтите и опозицията „реално –нереално“, „сън и реалност“, „ден и нощ“, но под опозиционната двойка реалност и „представи“. Представата за „беззъбата“ съдба на поета („Епитафия за Херкулес“) или за ножът без острие, което ще среже ръката на „Щастливеца“ е поредната сатира, осмиваща Аза – личността. Поетът се надсмива над себе си и го прави безупречно и пълно, както осмива враговете си.

Павлов до края на живота си остава верен на свободата (един от основните елементи на сюрреалистичната поезика) – „Няма друг, който да е стоял с такава житейска и творческа твърдост в защита на свободната мисъл, творческото въображение и автономията на изкуството в България от 60-те години и насетне“. (Павлов 2001: 9-10) Подобно на спокойствието, в което навлиза сюрреализмът в поезията на Словакия, повлияно от чешките и полските сюрреалисти, за да промени социалния ред с едва един поет и двама критици, които тълкуват на света сложните фигури на тази поезия, се изгражда и основаващия набор от образи, с които си служи сатирикът в своите стихове - „крясъци“. Днес Павлов печели много критици, но малко тълкуватели. Несъгласието на поета с липсата на ясна позиция, от която да се ръководи всеки творец, минава именно през сатирата. Сатиричните си стрели, самият поет сравнява с ракети с далечна траектория, но ясна цел. „Тя си знае целта. И когато удари, е по-ефикасна от всяка стрелба с пряко мерене.“ (Колева 1998: 189)

Някога някой бе казал, че „Ако умееш да се шегуваш със себе си, винаги ще имаш на какво да се смееш“. Константин Павлов пише поезия за другите, в която лирическият Аз присъства изключително плътно и понякога той самият е обект на насмешка. Тогава геният на поета се обръща към себе си, за да се осмее за пореден път: „Ах, нека всяка мерзост ме убива -// доволен съм, че съм изпит и блед,// защото няма нищо по-противно// от затлъстял поет.“

Библиография

- Алипиева, Антоанета (2001), Митичният Априлски пленум от 1956 година и митичното априлско поетично поколение. In: *Електронно списание LiterNet*, 10.10.2004, № 10 (59). Online at: <http://litenet.bg/publish/aalipieva/aprilski.htm>
- Димова, Теодора (2012), „Персифедрон“ – пиеса за безумието на тоталитарните общества. Online at: <http://bnr.bg/sites/hrstobotev/Shows/Culture/RadioTheatre/Pages/120218persifedron.aspx>
- Иванов, Стефан (2012), Какво е Персифедрон. В: „Дневник“. Online blog at: <http://siv.sofiascape.com/?p=4230>
- Илков, Ани (2010), Несъвършеният гений. Книга за Константин Павлов. София, Полис.
- Калашев, Асен, Петров, Васил (2001), Енциклопедичен речник на литературните термини. София, Хейзъл.
- Колева, Дора (1998), Лириката на 60-те години(стилови тенденции и многообразие). Велико Търново, ИК Фабер.
- Павлов, Константин (2001). Персифедрон. София, ИК „Анубис“.
- Павлов, Константин (2003). Сатири. Варна: LiterNet. Online at: <http://litenet.bg/publish3/kpavlov/satiri/ferma.htm>
- Трендафилов, Владимир (1999 - 2013), Любовта и бунтът в аквариума. В: През седмица в литературния аквариум. София, Електронно издателство Словото. Online at: <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=151&WorkID=3976&Level=2>
- Уайлд, Оскар (2009), De profundis: Глас от бездната. София, Персей.
- Šmatlák, Stanislav (2003-2013), Kapitola 10. Moderná slovenská literatúra (1918 – 1948). In: *Dejiny slovenskej literatúry*. Bratislava, LIC. Online at: <http://www.litcentrum.sk/30568>

Andrej Hendelja

Faculty of Humanities and Social Sciences in Rijeka
Rijeka, Croatia

NAGLASAK U NEUE EINLEITUNG ZUR SLAVONISCHEN SPRACHE MARIJANA LANOSOVIĆA

*In his grammar book *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache* aimed towards German speaking learner of the Croatian language, Marijan Lanosović, a Slavonian-Croatian grammarian of the late 18th century presented an extensive description of the accentuation system of the Croatian language, based on the Slavonic dialect of Shtokavian. He recognizes and disassociates the roles of *Schreibart* (orthography), *Aussprache* (orthoepy) and *Mundart* (dialect) in the creation of a standard grammar. His method of accent notation is considerably simplified when compared to contemporary grammarians, Matije Antuna Relković and Blaž Tadijanović, as it incorporates orthoepic rules for both written and non-written accent notation.*

Key words: Croatian language, Slavonian dialect, grammar, language history, Marijan Lanosović, accentuation

Uvod

Marijan Lanosović nastavlja rad svojih suvremenika, Matije Antuna Relkovića i sugrađanina Blaža Tadijanovića, gramatičarâ *slavonske stilizacije književnoga jezika* (Moguš 2009: 131) u drugoj polovici 18. st. U vrlo kratkom razdoblju nakon prve hrvatske tiskane gramatike *Svašta po malo ili kratko složenje imena i riči u ilirski i njemački jezik* Blaža Tadijanovića iz 1761., budi se velik interes za gramatičke priručnike hrvatskog jezika. Gramatika Blaža Tadijanovića doživljava svoje drugo izdanje 1766., a 1767. Matija Antun Relković izdaje vlastitu *Novu slavonsku i nimačku gramatiku*. Relkovićeva gramatika doživjet će još dva izdanja, 1774. i 1789. (Tanocki 1996)

Lanosović (1766) započinje svoj gramatičarski rad rukopisnom gramatikom latinskog jezika, *Uvod u latinsko ricsih slaganje*. Prvo izdanje njegove gramatike hrvatskog jezika, *Neue Einleitung zur slavonischen Sprache*, izlazi 1778. u Osijeku i doživjet će još dva dopunjena izdanja, 1789. i 1795. Lanosovićeva gramatika pisana je njemačkim jezikom, s namjerom kako bi *Nijemcima dao upute za učenje hrvatskog jezika* (Kolenić 2003: 78).

U kontekstu slavonskih gramatika hrvatskoga jezika bitno je spomenuti i gramatiku Ignjata Alojzija Brlića, *Grammatik der illyrischen Sprache*, izdanu 1833. Iako ne spada u Lanosovićeve suvremenike, Brlić nastavlja njihovu tradiciju, ugledajući se na *gramatike M. Lanosovića i M. A. Relkovića* (Ibid.: 164). Zbog takvog pristupa izradi svoje gramatike smatran je zastarjelim, odnosno nerelevantnim u tada dominantnom zagrebačkom ilirskom krugu s predvodnikom Ljudevitom Gajem koji je zastupao drugačija rješenja. Unatoč tome, njegova gramatika je doživjela još dva kasnija izdanja (Ibid.)

Promatramo li *Neue Einleitung zur slavonischen Sprache* u gramatičarskom kontekstu 1761.-1833. možemo vidjeti niz dodirnih točaka s drugim gramatičarima, na razini sadržajnog oblikovanja, grafije, odabira oprijemljenja ili odabira jezika na kojem je gramatika pisana. Ipak, tražimo li mjesto gdje se Lanosovićev pristup razlikuje od prethodnika i sljedbenika, bitno je promotriti njegov odnos prema naglascima.

2. Naglasci u gramatikama slavonske stilizacije književnoga jezika

Stjepan Ivšić je obradio naglasak u djelima slavonskih gramatičara već 1912. u radovima *Akcent u gramatici Ignjata Alojzija Brlića i Akcent u gramatici Matije Antuna Relkovića*. Brlić i Relković koriste jasan sustav akcentatskih znakova prema kojima je moguće rekonstruirati naglasni sustav korišten za sastavljanje gramatike. Relković navodi i opisuje znakove za oštri (/), težki (\) i zavinuti (^) naglasak (Ivšić 1912a) koje kasnije koristi i Brlić u svojoj gramatici. Ivšić (1912b: 62) za naglasak u Brlićevoj gramatici govori kako on *nije obični (književni) štokavski, već je gotovo sav onakav kakav se čuje u velikom dijelu slavonske Posavine. Takav se akcentat još danas čuje u Brodu, i to u onom dijelu, što se nekad zvao Mucvanj i Šaragljice (..) Osobiti posavski akcentat (~), koji se čuje u pomenutom dijelu današnjeg Broda, možemo tako izvoditi i iz Brlićeve gramatike. Ignjat je u svojoj Gramatici proveo akcentat svoga materinjega govora*. Za Relkovića se navodi kako je njegov jezik *obojen, odnosno upotpunjen osobinama* (njegovog, op.a.) *slavonskog govora* (Tanocki 1996: 37-38).

Blaž Tadijanović kao njihov prethodnik se razlikuje u bilježenju naglasaka u svojoj gramatici utoliko da ne koristi bogat fond naglasnih znakova. Tadijanović koristi znak (\) za bilježenje prednaglasne i zanaglasne dužine te u nekoliko primjera znak (^) za bilježenje dugog naglasaka, isključivo na grafemu *o*. Za bilježenje dugih vokala koristi se grafijskim udvajanjem i ponegdje grafemom *h*. Primjeri riječi s dugim vokalima su *zraak* (grafijsko udvajanje) i *mohre* (grafem *h* kao oznaka duljine) (Kolenić 2003: 17) Kod označavanja kratkoće vokala, koristi se grafijsko udvajanje konsonanta koji mu neposredno slijedi, kao kratko *a* u primjeru *bratte*.

3. Pristup naglascima u *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache*

Lanosović je svojim pristupom bilježenju naglasaka najbliži radu Blaža Tadijanovića, odnosno postojećoj grafijskoj tradiciji koju nastavlja, ali dijelom i pojednostavljuje. Njegov pojednostavljen način bilježenja

naglasaka može odati dojam kako se *Lanosović ne osvrće na naglasak* (Pintarić, 1998: 97), ali on je vidljiv i objašnjen vlastitim riječima u uvodu *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache*.

Prvo ćemo promotriti njegov odnos prema standardnom naglasku i pokazati kako se on razlikuje od onog ostalih autora. Kao što smo ranije naveli, Brlićev naglasni sustav je dijalektalan, dok je Relkovićev obojen naglasnim značajkama njegovog govora. Tadijanovićev pristup je kompromisan i nudi veći broj rješenja ovisno o primjerima. Lanosović o naglascima govori na sljedeći način: *Weil aber die Mundart bei den Slavoniern nach verschiedenen Landschaften sehr ungleich ist, müssen wir uns einer guten Aussprache befleißigen, oder die Verdoppelung der Mitlauter aus dem Gebrauche bewehrter Schriftsteller erlernen: obwohl auch die Schreibart im Slavonischen sehr verschieden ist.*⁵ Lanosović je svjestan dijalektalnih razlika među govornicima hrvatskog jezika na području Slavonije i zbog toga se odriče propisivanja vlastitog naglasnog sustava ili modela naglasnog sustava. Kao autoritet na razini izgovora predstavlja pouzdane pisce, ali ih ne navodi izrijekom. Ovakvim pristupom naglasnom sustavu Lanosović pokazuje začetke deskriptivnog pristupa oblikovanju hrvatskog standardnog jezika. S druge strane pristupi Reklovića i Brlića te u manjoj mjeri Tadijanovića, bili oni dijalektalni ili dijalekatno obojeni, su preskriptivni po pitanju naglasaka. Lanosović, koji se ograđuje od takvog pristupa prebacivanjem autoriteta na već postojeći korpus tekstova, prepoznaje slabosti vlastitog pristupa. Kada Lanosović piše *die Schreibart im Slavonischen sehr verschieden ist*, on ne govori samo o pravopisu već i o označavanju mjesta i vrste naglasaka, odnosno kako se *Mundart* (dijalekt) i *Aussprache* (izgovor) mogu ogledati u *Schreibart* (načinu pisanja).

3.1. Lanosovićev sustav bilježenja naglasaka

Iz samog uvoda u *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache* možemo izvesti dva pravila (*Grundregel*) bilježenja, uz primjere. Lanosović navodi kako *Ein Mitaluter wird verdoppelt, wenn er auf einem kurzen Selbslauter folget (...) Nach einem langen Selbstlauter geschieht keine dergleichen Verdoppelung (...) Ob aber, oder wenn ein Selbslauter kurz oder lang sei, soll für rechtswegen die Aussprache bestimmen.*⁶ Kako bi oprimjerio ono o čemu govori, Lanosović koristi niz minimalnih parova kojima prikazuje funkcionalnost izgovora, odnosno razlike u značenju. Tako navodi parove *dugga~duga* (daska koja čini sastavni dio bačve ~ fotometeor u obliku luka spektralnih boja), *falliti~faliti* (nedostajati, manjkati ~ hvaliti), *hittiti~hititi* (baciti ~ žuriti) i njihove odgovarajuće prijevode na njemačkom jeziku. Dva pravila bilježenja izgovora su prema tome: kratak izgovor samoglasnika bilježi se udvostručenim grafemom suglasnika koji mu slijedi; dug izgovor samoglasnika se bilježi jednim grafemom. U praksi Lanosović koristi još jednu kombinaciju grafema, udvostručen samoglasnik, iako ga ne spominje u uvodu. Njegov sustav bilježenja naglasaka prikazujemo tablično uz primjere i rekonstruiran naglasak, te usporedne podatke iz gramatike Blaža Tadijanovića.

Naglasak i dužina	Lanosovićev sustav bilježenja	Oprimjerenje kod Lanosovića	Rekonstruiran naglasak	Tadijanovićev sustav bilježenja	Oprimjerenje kod Lanosovića
ä	VCC	imme, dugga	ïme, düga, òtac	VCC	ottacz
â	VV, VH	koost, glahs	kôst, glâs, bôg, môre	VV, VH	boog, mohre
ã	VC	bog, duga	bôg, düga, sũnce	VC	suncze
ã	-	-	östalô, ô ti	à, â	ostalò, ô ti

Tablica 1. Usporedni prikaz bilježenja naglasaka u gramatikama M. Lanosovića i B. Tadijanovića

Razlike u bilježenju naglasaka kod Lanosovića u usporedbi s Tadijanovićem kreću se u smjeru pojednostavljenja grafijskog sustava. Bilježenje kratkog naglasaka, kao i dugosilaznog naglasaka, ostaje jednako kao u dotadašnjoj tradiciji. Lanosović tek u nekoliko primjera koristi i grafijsko rješenje VH za označavanje dugosilaznog naglasaka, poput Tadijanovića. Kako kombinaciju grafema VH ne spominje kao oznaku naglasaka u uvodu u *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache*, možemo zaključiti kako je ona nastavak dotadašnje pravopisne tradicije, odnosno ono o čemu Lanosović piše u *Gebrauche bewehrter Schriftsteller erlernen*, gdje on sam daje za primjer ugledavanje na postojeću tradiciju. Bilježenje akuta, odnosno dugog naglasaka kombinacijom VC, bez grafijskog udvajanja, jednako je kod obojice autora. Ipak, postoje određene razlike u bilježenju jednakih riječi kod Lanosovića i Tadijanovića, npr. bog-boog; duga-duhga; dan-dahn. Iz toga možemo pretpostaviti kako su autori imali različitu predodžbu o akutu i dugosilaznom naglasku, odnosno označavali su različite naglaske u jednakim riječima. Različito bilježenje možemo naći i na razini autora, odnosno gramatike, tako Tadijanović navodi *vaas* i *vas*, u oba primjera genitiv zamjenice *vi*. Najdalje je Lanosović otišao u pojednostavljivanju

⁵ Zbog toga što Slavonci imaju vrlo različite dijalekte, ovisno o području njihovog podrijetla, moramo biti oprezni s izgovorom, ili naučiti koji suglasnici se udvostručuju čitajući pouzdane autore. Ček i među njima postoji mnogo nesustavnosti u načinu pisanja.

⁶ Suglasnik se udvaja, kad slijedi kratak samoglasnik (...) Nakon dugog samoglasnika nema udvostručavanja [suglasnika]. (...) Izgovor ovisi o tome je li samoglasnik dug ili kratak.

bilježenja dužina riječi. On ne koristi dijakritičke znakove koje je koristio Tadijanović i ne uvodi nove načine bilježenja, odnosno izostavlja bilježenje dužina u svojoj gramatici.⁷

3.2. Lanosovićev odnos prema jatu

U kontekstu bilježenja naglasnih osobina, bitno je spomenuti Lanosovićev odnos prema jatu, odnosno njegovih mogućih dugih i kratkih ostvaraja. Problematici jata Lanosović posvećuje poseban odlomak, on navodi: *Die Slavonier haben keine Doppellauter, als den einzigen ie, oder je; welcher wie der deutsche ie lautet. Doch wird dieser auch selten gebraucht. Viele setzen ihn in einigen Wortern, um nur eine Zierde der Rede zu machen; als in Vrieme, Vrijeme (die Zeit), anstatt Vrime.*⁸ Kao što piše Kolenić (2003., 79.) iz ovog navoda možemo iščitati kako Lanosović priznaje različite ostvaraje jata i prepoznaje kako oni ne stvaraju značenjske razlike. Dodatno, korištenje primjerâ "vrjeme" i "vrieme" kao ukrasnih varijanti imenice "vrime" pokazuje Lanosovićev afinitet prema ikavskom ostvaraju jata. Diftonski ostvaraj jata, za kojeg Lanosović tvrdi kako je rijedak, bilježi kombinacijom grafema *ie*, kao u primjerima *diete, zviezda, sliepi mish*.

4. Zaključak

Marijan Lanosović bio je istaknut jezikoslovac u gramatičarski aktivnom razdoblju druge polovice 18.st. Iako je nastavljao tradiciju ranijih *pouzdanih pisaca*, njegova grafijska rješenja za bilježenje prozodijskih elemenata nisu prihvaćena u kasnijim radovima. Ovo je u prvom redu vidljivo u *Grammatik der illyrischen Sprache*, Ignjata Alojzija Brlića, koji se sam poziva na Lanosovića prilikom izdavanja vlastite gramatike, ali za bilježenje naglasaka koristi dijakritičke znakove na tragu Relkovićeve gramatike.

U svrhu svoje gramatike, poučavanja Nijemaca hrvatskom jeziku, Lanosović pokušava što je više moguće pojednostaviti prozodiju. Tako navodi samo dva pravila izgovora, pišući o dugim i kratkim samoglasnicima u uvodu. Zbog svojih deskriptivnih tendencija, Lanosović koristi još nekoliko grafijskih rješenja za obilježavanje naglasaka i dužina, na tragu onih koja koristi Blaža Tadijanović. Moguće je pretpostaviti kako je upravo Tadijanović jedan od pouzdanih pisaca na koje se Lanosović poziva kao autoritete za *vještinu pisanja*. Nesustavnost grafije koju Lanosović navodi možemo pronaći i unutar Tadijanovićeve gramatike. Paralelna usporedba grafijskih rješenja za označavanje prozodijskih obilježja kod Lanosovića i Tadijanovića prikazana su tablično, uz oprimjerenja, te pokazuju znatno pojednostavljenje sustava bilježenja prozodije kod Lanosovića.

Lanosovićev pozitivan stav prema različitim ostvarajima jata, koje doživljava kao *ukrase govora* u skladu je s njegovim odnosom prema slavonskim dijalektima. Lanosović prepoznaje i uvažava naglasne različitosti, različitosti u ostvaraju jata i različitosti u grafiji. Iako ih spominje, ne propisuje pojedine oblike kao pravilne već taj izbor ostavlja na učeniku jezika, kojem je i namijenio svoju gramatiku.

Bibliografija

- Ivšić, Stjepan (1912a), Akcenat u Gramatici Matije Antuna Relkovića, *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Razredi filologičko-historički i filosofičko-juridički*. Knj. 81, 1-60.
- Ivšić, Stjepan (1912b), Akcenat u Gramatici Ignjata Alojzije Brlića, *Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Razredi filologičko-historički i filosofičko-juridički*. Knj. 81, 61-155.
- Kolenić, Ljiljana (2003), *Brodski jezikoslovci: djelomični pretisci gramatika Blaža Tadijanovića, Marijana Lanosovića i Ignjata A. Brlića s komentarima*, Slavonski Brod: Matica hrvatska, Ogranak Slavonski Brod.
- Lanosović, Marijan (1795), *Anleitung zur slavonischen Sprachlehre*, Pešta.
- Lanosović, Marijan (1778), *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache*, Osijek.
- Lanosović, Marijan (1789), *Neue Einleitung zur Slavonischen Sprache*, Osijek.
- Lanosović, Marijan (1776), *Uvod u latinsko ricsih slaganje s nikkima nimacskog jezika bilixkama za korist slovinskih mladichah sloxen*, Osijek.
- Moguš, Milan (2009), *Povijest hrvatskoga književnoga jezika*, Zagreb: Nakladni zavod Globus.
- Pintarić, Ana (1998), Josip Forko o Relkovićevoj i Lanosovićevoj slovnici, *Jezikoslovlje*, god. 1., 89-106.
- Relković, Matija Antun (1767), *Nova slavonska i nimacska gramatika – Neue Slavonische und Deutsche Grammatik*, Zagreb.
- Tadijanović, Blaž (1767), *Svaschta po mallo illiti kratko sloxenyne immenah, i ricsih u illyrski, i nyemacski jezik*, Magdeburg.
- Tanocki, Franjo (1996), *Slavonska jezikoslovna baština*, Osijek: Matica hrvatska, Ogranak Osijek.

⁷ Primjer otvoren za raspravu je *texaak* kojeg bi mogli predočiti kao težāk ili kao težāk. U tom primjeru način bilježenja dužine bio bi VV. Vjerojatnije je kako je u ovoj riječi prikazan dugosilazni naglasak na posljednjem slogu.

⁸ *Slavonci nemaju dvoglase, osim jedinog "ie" ili "je", koji zvuči poput njemačkog "ie". Ali on je također rijetko potreban. Mnogi ga smještaju u svoje riječi, samo kako bi stvorili ukras govora, kao u vrieme, vrijeme (die Zeit) umjesto vrime.*

Mojca Horvat

Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, ZRC SAZU
Ljubljana, Slovenija

GEOLINGVISTIČNA INTERPRETACIJA SLOVENSКИH NAREČNIH BESEDOTVORNИH POJAVOV

The article presents a model of diatopic interpretation of dialect lexemes differentiated by word formation, in the semantic micro-field of 'above-ground parts of fodder plants (turnips, beets, carrots, potatoes,' uniting one- or multi-word lexemes which can be created by word formation, not created by word formation, loaned or non-loaned from languages intersected. The intent of the research is to present methods of word harvest (synthetic = collecting) cartography of word formation occurrences by presenting techniques for cartography of materials on various types of word formation maps as well as comments on these techniques.

Key words: geolinguistics, word formation, Slovene dialects, phytonymy

0 Uvod

Geolingvistika (tudi lingvistična geografija, arealna lingvistika) je smer dialektologije, ki ugotavlja prostorsko razporeditev jezikovnih pojavov določenega zemljepisnega območja. V evropskem jezikoslovju sega razvoj smeri na prelom 19. in 20. stol., z Wenkerjevimi raziskavami germanskega in Gilleronovimi raziskavami romanskega jezikovnega prostora. (Chambers, Trudgill 2002: 15–17). Rezultati geolingvističnih raziskav so prikazani na t. i. *jezikovnih kartah*, ki se razlikujejo glede na tehnike predstavitve jezikovnih podatkov (npr. napisne, simbolne, izoglosne, ploskovne, kombinirane) ter glede na vrsto kartiranega gradiva (npr. glasoslovne, oblikoslovne, leksične, besedotvorne ...) – tematsko povezane karte, zbrane v eno knjigo, tvorijo t. i. *jezikovni atlas*. V slovanskem jezikoslovju je bil prvi lingvistični atlas izdelan za slovenski jezik, kjer je šlo za obravnavo oblikoslovne kategorije dvojine v slovenskih narečjih (Tesnière 1925). Kot temeljno geolingvistično delo v slovenskem jezikoslovju pa je nedvomno *Slovenski lingvistični atlas (SLA)*, katerega prvi zvezek, ki je leksični, vključujoč besedje iz pomenskega polja *človek*, je izšel v letu 2012 z letnico 2011, trenutno pa je v pripravi *SLA 2*, prav tako leksični, ki bo obravnaval leksiko v zvezi z materialno kulturno dediščino, vezano na podpolje *kmetija*.

V pričujočem članku je prikazan model geolingvistične interpretacije slovenskega besedotvorno diferenciranega narečnega gradiva, in sicer model povzermalnega (sintetičnega = zbirnega) kartiranja na izbranem gradivu, dobljenem kot odgovor na štiri vprašanja s pomočjo *Vprašalnice za zbiranje narečnega gradiva* (Benedik 1994), ki ga je bilo mogoče primerjati na podlagi skupnih oz. podobnih denotativnih značilnosti: 1. *Kako se imenujejo zeleni listi repe, ki gledajo iz zemlje?*, 2. *Kako se imenujejo zeleni listi pri krmni pesi?*, 3. *Kako se imenujejo listi korenja?*, 4. *Kako se imenuje nadzemni del krompirja?*

V uvodnem poglavju so razložene tehnike kartiranja, sledi konkreten primer komentiranja, jezikovne karte pa se nahajajo v prilogi.

1 Metode povzermalnega kartiranja besedotvornih pojavov

Izhajajoč iz ciljev, ki smo si jih zadali, tj. a) ugotoviti besedotvorne značilnosti slovenskih narečij na tematsko zamejenem gradivu, b) ugotoviti, ali se posamezni strukturni tipi leksemov (*Zveza strukturni tip leksema* se navezuje na: netvorjenke, tvorjenke in besednozvezna poimenovanja.) v narečjih pojavljajo v arealih, c) ugotoviti pogostost posameznega strukturnega tipa in č) ugotoviti areale posameznih priponskih obrazil, je bilo mogoče izrisati več različnih tipov besedotvornih kart s podtipi, tj.:

1. zbirna karta s prikazom strukturnih tipov leksemov,
2. karte s prikazom posamičnih strukturnih tipov leksemov, ki so:
 - 2.1 karta netvorjenk,
 - 2.2 karte posamičnih pripon,
 - 2.3 karta večbesednih leksemov,
3. abstrahirana zbirna karta s prikazom skupnih strukturnih tipov leksemov v posamezni raziskovalni točki.

Vse besedotvorne karte v prispevku predstavljajo t. i. zbirne (= povzermalne) karte, katerih izhodišče predstavlja Karta št. 1 s prikazom strukturnih tipov leksemov za obravnavani tematski sklop, medtem ko je namen ostalih besedotvornih kart osvetliti posamezni strukturni tip poimenovanja (netvorjenke, posamična priponska obrazila in večbesedna poimenovanja) oz. na abstrahirani zbirni karti prikazati strukturna ujemanja poimenovanj znotraj obravnavanega tematskega sklopa. V članku bodo prikazani le tipi kart 1, 2.2 in 3, ostali bodo razloženi le v uvodnem metodološkem poglavju.

1.1 Karta s prikazom strukturnih tipov leksemov (Karta št. 1)

Na karti so prikazani strukturni tipi leksemov, tj. netvorjenke, tvorjenke in besednozvezna poimenovanja za kartirane leksikalne pomene 'repni listi', 'pesni listi', 'korenjevi listi', 'krompirjevi listi' v celotnem tematskem sklopu. Karta je znakovna.

Leksikalni pomeni leksemov so prikazani z različnimi barvami, pomen vsake barve pa je natančneje razložen v pripadajoči legendi. S črno barvo so prikazane nad- oz. večpomenke, tj. leksemi tipa *ščavje*, *natje*, ki lahko v nekaterih krajevnih govorih nastopajo kot nadpomenke za vse štiri kartirane pomene. Razmerje tvorjenost/netvorjenost oz. besednozveznost je razvidno iz oblike lika, tako da so za tvorjenke izbrani liki krog, trikotnik, elipsa (pokončna ali ležeča), kvadrat, petkotnik in šestkotnik, netvorjenke pa so kartirane s karo. Priponska obrazila oz. nizi priponskih morfemov tvorjenke so razvidni iz oblike lika (npr. krog, trikotnik, kvadrat) in notranjih zapolnitev tega (za nezadnje priponske morfeme je vedno izbrana ista notranja zapolnitev lika: npr. za *-ov-* pika v sredini lika, za *-n-* pokončnica ...). Raznolikost korenskih morfemov oz. jeder besednih zvez pri kartah tega tipa ni upoštevana, pač pa so z istim likom kartirane vse tvorjenke z istim priponskim obrazilom, npr. s pripono *-ka*: *koren-j-ev-ka*, *krompirj-ev-ka*. Besednozvezna poimenovanja so kartirana z dvodelnim simbolom.

Znaki so izbrani iz fonta 05SIMBola, ki ga je na Inštitutu za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU v Ljubljani razvil dr. Peter Weiss in se uporablja pri nacionalnih in mednarodnih (npr. v *Slovanskem lingvističnem atlasu*) geolingvističnih raziskavah.

1.2 Karte s prikazom posamičnih strukturnih tipov leksemov

Na kartah so prikazani posamični strukturni tipi leksemov, tako da so na posameznih kartah kartirane netvorjenke, tvorjenke (z izhodiščem po priponskih obrazilih) in večbesedna poimenovanja. Karte tega tipa so znakovne, struktura leksemov pa je razvidna iz oblike likov in njihovih notranjih zapolnitev, sistem izbire znakov je enak kot na Karti št. 1.

1.2.1 Karta netvorjenk

Na karti netvorjenk se prikazujeta pogostost in prostorska distribucija netvorjenih poimenovanj za kartirane slovanske pomene. Tehnika kariranja je znakovna; za vsak netvorjeni leksem je izbran določen geometrijski lik različnih barv, katerih funkcija je semantična diferenciacija leksemov.

1.2.2 Karte posamičnih priponskih obrazil

Na teh kartah so prikazani pogostost in prostorska distribucija posameznih priponskih obrazil v tvorjenkah iz celotnega tematskega sklopa, določen je tudi njihov morebitni areal. Gradivo je omogočalo izris petih kart tega tipa, v prispevku pa so prikazane tri, in sicer za pripone: *-ec* (Karta št. 2), *-ik* (Karta št. 3), in *-ka* (Karta št. 4). Priponska obrazila, ki ne izkazujejo arealov ali so manj pogosta, niso prikazana na samostojnih kartah, pač pa so izpostavljena le v komentarju. Znaki so izbrani po enakem sistemu kot pri Karti št. 1.

1.2.3 Karta večbesednih leksemov

Na karti večbesednih leksemov se prikazujeta pogostost in prostorska distribucija besednozveznih poimenovanj za posamezne slovanske pomene in njihove strukturne značilnosti. Izrisane so z znakovno tehniko. Sistem znakov temelji na načelu prikazati strukturo, to so zveze z levimi in zveze z desnimi prilastki ter leksično raznolikost tako besede v prilastkih kot v jedru.

1.3 Abstrahirana zbirna karta s prikazom skupnih strukturnih tipov leksemov v posamezni raziskovalni točki (Karta št. 5)

Na karti so prikazane stopnje strukturnega ujemanja leksemov v vsaki raziskovalni točki posebej. Karta predstavlja abstrakcijo jezikovne situacije iz Karte št. 1. Za *skupni strukturni tip* se pojmujejo tvorjenke, nastale z istim besedotvornim postopkom, npr. z izpeljavo in s priponjenjem istega priponskega niza na besednovrstno enako ali različno besedotvorno podstavo, z različnim korenskim morfemom; npr. *ajdovica*, *fižolovica*, *ječmenovica* oz. *repnik*, *pesnik*. Za enoten strukturni tip so pojmovane tudi vse besedne zveze. Karta je izrisana z znakovno tehniko. Stopnja strukturnega ujemanja leksemov je prikazana z večjim ali manjšim deležem notranje zapolnitve kroga. Za najmanjše in največje ujemanje sta izbrana prazen oz. polni lik, ostali, katerih pomen je razviden iz legende, pa so izbrani skladno s številom skupnih leksemov za štiri primerjane leksikalne pomene.

2 Komentiranje jezikovnih kart

Geolingvistična interpretacija besedotvornega gradiva obsega dve temeljni enoti, tj. 1. kartografski prikaz jezikovne realnosti, tj. jezikovne karte z legendami ter 2. ubesedeno interpretacijo gradiva, tj. komentarje. Vloga komentarja h kartam je v prvi vrsti omogočiti bralcu hitro orientacijo na karti, opozoriti na obravnavane probleme ter podati strokovno razlago zanje (Smole, Petek 2007: 352), njegova oblika in vsebina pa sledita vsebini in tipu jezikovnih kart.

V članku je gradivo kartirano na več različnih tipih kart s podtipi, ki so pojasnjeni v prejšnjem poglavju, komentirano pa znotraj enega komentarja, ki je zgrajen iz treh podenot (*1 Vsebina, 2 Strukturni tipi leksemov, 3 Skupni strukturni tip leksemov v posamezni raziskovalni točki*). Zaradi prostorske omejenosti bo v članku prikazana le realizacija komentarja brez predhodnih razlag metodoloških pristopov, za katere upamo, da so iz navedenega primera dovolj jasno razvidni.

2.1 Vsebina

Na Karti št. 1 so prikazani strukturni tipi vseh kartiranih leksemov; na ostalih kartah so prikazani posamezni strukturni tipi, tj. tvorjena poimenovanja s priponami *-ec* (Karta št. 2), *-ik* (Karta št. 3) in *-ka* (Karta št. 4), na Karti št. 5 pa je prikazano njihovo strukturno ujemanje oz. razlikovanje v posameznih krajevnih govorih.

2.2 Strukturni tipi leksemov (Karta št. 1)

Kot je razvidno iz karte, so lahko narečna poimenovanja obravnavanih pomenov strukturno različna, tj. enobesedna, ki so lahko netvorjena (neprevzeta ali prevzeta) ali tvorjena (iz pridevniških in samostalniških besedotvornih podstav), in večbesedna (tj. zveze pridevnika in samostalnika ali zveze samostalnika s samostalnikom).

Na semantični ravni velja izpostaviti enobesedne lekseme *natje, perje, listi, cima, svinjina, ščavje, zel* in *nat*, ki v nekaterih krajevnih govorih nastopajo kot edino poimenovanje za vse kartirane pomene, torej kot splošno poimenovanje nadzemnih delov vseh krmnih rastlin, v še večjem številu govorov pa kot večpomenka za dva ali tri kartirane pomene. Na podlagi pomenov, ki jih vključuje posamezni leksem, lahko ta poimenovanja uvrstimo v več skupin: a) isti leksem za pomene 'repni in pesni listi' (*svinjina* v 5-1, *cima* v 5-6, *perje* v 5-11 in 6-9, *ščavje* v 5-13 in 7-3, *nat* v 6-8), b) isti leksem za pomena 'repni in korenjevi listi' (*zel* v 6-1), c) isti leksem za pomena 'pesni in korenjevi listi' (*perje* v 1-6 in 4-1), č) isti leksem za pomena 'pesni in krompirjevi listi' (*cima* v 5-15), d) isti leksem za pomena 'korenjevi in krompirjevi listi' (*cima* v 4-13), e) isti leksem za pomene 'repni, pesni in korenjevi listi' (*natje* v 1-2, 1-3, *listi* v 4-12, *cima* v 6-2 in 6-3, *nat* v 6-14 in *ščavje* v 7-1), f) isti leksem za pomene 'repni, pesni in krompirjevi listi' (*cima* v 6-1), g) isti leksem za pomene 'repni, korenjevi in krompirjevi listi' (*ščavje* v 7-5) in h) isti leksem za vse pomene (*nat* v 6-7, 6-9 in 6-18, *ščavje* v 6-10). Prisotnost več- oz. nadpomenk je razvidna iz Kart št. 1 in 5, kjer so te na Karti št. 1 prikazane z liki črne barve, na Karti št. 5 pa s praznimi črnimi kvadrati, njihova pojavnost pa je vezana na sklenjeno območje znotraj štajerske, panonske in koroške narečne skupine, izven tega območja še posamično v primorski in dolenski narečni skupini.

2.2.1 Tvorjena poimenovanja so izpeljanke s priponskimi obrazili *-ec, -ič, -jak, -ik* za moškospolske tvorjenke, *-ica, -ka, -ina* za ženskospolske tvorjenke ter *-je* in *-išče* za srednjepolske tvorjenke.

2.2.1.1 S priponskim obrazilom *-ec* (*repovec, korenovec, korenjevec, korenivec, krompirjevec* in *pesnec*) se tvorijo tvorjenke (Karta št. 2), ki zajemajo vse štiri slovarske pomene. Najpogosteje se z *-ec* tvorijo poimenovanja za 'korenjeve liste', le enkrat pa za 'pesne liste'. Kar za tri pomene – 'repni, korenjevi in krompirjevi listi' – so tvorjenke z *-ec* zapisane v zatolminkem govoru 2-8, v petih govorih za pomena 'korenjevi in krompirjevi listi', v enem za 'pesne in korenjeve liste', v devetih samo za 'korenjeve liste' in samo v enem za 'repne liste'. Tvorjenke s priponskim obrazilom *-ec* se najpogosteje pojavljajo v gorenjski in rovtarski narečni skupini ter v severnejših govorih dolenske narečne skupine, posamično še v primorskem govoru 1-10, ki je v neposrednem stiku z govori rovtarske narečne skupine.

2.2.1.2 Priponsko obrazilo *-ik* (*repnik, pesnik*) v sedmih govorih tvori poimenovanja s pomenom 'repni in pesni listi', v štirih pa samo s pomenom 'repni listi' (Karta št. 3). Značilen je za tvorjenke, zapisane na sklenjenem območju znotraj gorenjske in rovtarske narečne skupine, posamično tudi v primorskem govoru 1-10, ki je v neposrednem stiku z govori rovtarske narečne skupine. Areal pripone *-ik* je precej prekriven z arealom morfema *-ec*, iz česar je razvidno, da se na tem območju poimenovanja za 'korenjeve in krompirjeve liste' tvorijo s pripono *-ec*, za 'repne in pesne liste' pa z *-ik*.

2.2.1.3 Na različne korenske morfeme se pripenja pripona *-ka* (*korenjevka, korenivka, krompirjevka, krompirnovka, bobovka, runkljevka*), ki tvori poimenovanja za tri slovarske pomene, nikoli za pomen 'repni listi', le enkrat pa za pomen 'pesni listi' (Karta št. 4). V dvanajstih govorih so s to pripono tvorjena poimenovanja za pomena 'korenjevi in krompirjevi listi', v enem samo za pomen 'korenjevi listi', v devetih pa samo za pomen 'krompirjevi listi'. Tvorjenke s pripono *-ka* so zapisane na večjem sklenjenem območju, ki se razprostira preko dolenske in štajerske narečne skupine, posamično tudi v enem mežiškem in enem poljanskem govoru.

2.2.1.4 Največ različnih tvorjenk je tvorjenih s pripono *-ica* (*repnica, pesnica, korenjevica, korenovica, koreniščnica, korevnica, mernovica, krompirica, krompiriščnica, krompirjeviščnica, krompirjevica, boboviščnica, krumpļjevica, cimnica*), ki pa se ne pojavljajo v arealih, temveč razpršeno po celotnem jezikovnem prostoru. Najštevilčnejša so poimenovanja za 'krompirjeve liste', najredkejša, a najbolj raznolika pa za 'korenjeve liste.' Tvorjenke na *-ica* so razpršene po širšem zemljepisnem območju, zgoščene pa na manjših sklenjenih območjih: v južnih notranjskih govorih, v govorih rovtarske narečne skupine, ki se jim pridružujeta še dva ozemeljsko stična notranjska govora 1-9 in 1-10, prisotna so tudi v vzhodnejših dolenskih govorih ter v panonski narečni skupini.

2.2.1.5 Redke in razpršene so tvorjenke s priponami *-je* (*bilje, čompovje, listje, natje, repje, repičevje, repovje, perje, stablovje, ščavje, zelenje*), *-išče* (*repišče, krumpļjeviščje, krompirišče, mernišče, zelišče*) in *-ina* (*hruševina, krompirjevina, repovina, repičevina, svinjina*), le po eno tvorjenko tvorita priponi *-ič* in *-jak* – *repič* s pomenom 'repno listje' poznajo v gorenjskem govoru v 3-6, *mrkevčnjak* za pomen 'korenjevo listje' pa v prleškem govoru 6-6.

2.2.2 Večbesedni leksemi se pojavljajo za vse slovarske pomene, glede na strukturo so to samostalniške besedne zveze, tj. zveze pridevnika s samostalnikom ali samostalnika s samostalnikom. Ta tip poimenovanj prevladuje v panonski in štajerski narečni skupini (za vse štiri slovarske pomene), izven tega območja sta najpogostejši zvezi *repno perje* in *pesno perje*, zapisani v dolenski narečni skupini, odsoten oz. zelo redek pa je v govorih gorenjskega narečja ter v narečjih rovtarske narečne skupine.

2.3 Skupni strukturni tip leksemov v posameznih krajevnih govorih (Karta št. 5)

2.3.1 S karte je razvidno, da je največ leksemov strukturno enotnih v narečjih panonske narečne skupine, kjer so v treh govorih strukturno enaki leksemi za vse štiri slovarske pomene. Na drugih območjih je ob upoštevanju videza denotatov, katerih poimenovanja so analizirana, mogoče izpostaviti dve skupini: a) strukturno skupna poimenovanja za 'repne in pesne liste' na eni strani ter strukturno skupna poimenovanja za 'korenjeve in krompirjeve liste' na drugi ter b) strukturno skupna poimenovanja za 'repne in pesne liste' na eni strani, na drugi strani pa strukturno različna poimenovanja za 'korenjeve in krompirjeve liste', vsak s svojim tipom tvorbe. Tip a) se pojavlja v manjših arealih znotraj gorenjskega, notranjskega, dolenskega, posavskega in srednještajerskega narečja, kar je na karti prikazano s polovično zapolnjenimi rdečimi krogi, tip b), ki je na karti prikazan s četrtinsko zapolnjenimi krogi modre barve, pa je najpogostejši v rovtarski in štajerski narečni skupini, posamično tudi v drugih, a vendar je redkejši od tipa a). Posamezna poimenovanja so navedena v nadaljnjih odstavkih.

2.3.2 Strukturna ujemanja po številčnosti pojavitev

2.3.2.1 Za vse slovarske pomene so strukturno skupni leksemi v enem prleškem govoru (6-5 – *repno ščavje, runino perje, korenjevo ščavje, krompirjevo ščavje*) in v dveh prekmurskih govorih (6-16 – *repna nat, rabundijina nat, mrkevčina nat, krumpļiševa nat* in 6-17 – *repna nat, rabundijina nat, mrkevčina trava, krumpļjeva cima*).

2.3.2.2 Za tri slovarske pomene je največja stopnja strukturnega ujemanja prav tako v panonski narečni skupini, v dveh koroških govorih, enem primorskem, enem rovtarskem in dveh štajerskih. V večini govorov so to besednozvezna poimenovanja, tvorjenke so le v govorih 2-8 (*repovec, korenjavec in krompirjavec*) in 5-8 (*runkļjevka, korenjevka, krompirjevka*). Strukturno ujemanje lahko ugotavljamo za različne kombinacije slovarskih pomenom leksemov, v največ govorih, v petih (6-11, 6-12, 6-13, 6-15, 7-2), so to leksemi za pomene 'repni, pesni in krompirjevi listi', v dveh pa 'repni, pesni in korenjevi listi' (1-16, 6-6).

2.3.2.3 V enainvajsetih krajevnih govorih je prisotno strukturno ujemanje leksemov za dva pomena, najpogosteje je to prej omenjeni tip b), gre torej za strukturno skupna leksema za pomena 'repni in pesni listi', ki sta hkrati različna od pomenov 'korenjevi in krompirjevi listi'. Poimenovanja so ponekod besednozvezna, ponekod tvorjenke: v štirih govorih sta to *repnik* in *pesnik* (2-3, 2-4, 2-7 in 3-1), v treh pa *repnica* in *pesnica* (1-13, 4-11 in 5-9). V dveh govorih sta strukturno skupna leksema za pomena 'repni in krompirjevi listi' (1-7 *repišče* in *krompirišče*; 4-3 *repje* in *bilje*), v dveh za pomena 'repni in korenjevi listi' (1-8 *repišče, mernišče*, v 2-5 *repje, listje*), v treh za pomena 'repni in korenjevi listi' (v 4-9 in 4-10 *korenjevka* in *krompirjevka*, v govoru 1-11 pa *korenjevica* in *krompirjevica*). Le v enem govoru sta strukturno skupna leksema za pomena 'pesni in korenjevi listi' (2-1 *perje od pese, listje od korenja*), v enem pa za 'pesni in korenjevi listi' (1-4 *repovje* in *čompovje*).

2.3.2.4 V štirinajstih govorih imata skupni strukturalni tip po 2 in 2 leksema, od tega gre v večini za že prej omenjeni tip a), torej strukturalno skupna leksema za pomena 'repni in pesni listi' na eni strani in strukturalno skupna leksema za pomena 'korenjevi in krompirjevi listi' na drugi strani, zapisani pa so naslednji leksemski pari: *repnica : pesnica ≠ korenjevica : krompirjevica* v 1-12; *repnica : pesnica ≠ mernovica : krompirjevica* v 1-14; *repnik : pesnik ≠ korenjevec : krompirjevec* v 2-9, 3-4, 3-5; *repnjak : pesnjak ≠ korenjevec : krompirjevec* v 3-2, 3-3; *repno perje : pesno perje ≠ perje : bilje* v 4-4; *repno perje : pesno perje ≠ korenjevka : krompirjevka* v 4-6 in 4-8; *repnica : pesnica ≠ korenjevka : krompirjevka* v 4-13; v 5-3, 5-4, 5-10 par *repno perje/listje : ronino/runkeljnovno listje ≠ korenjevka : krompirjevka*.

2.3.2.5 Popolno strukturalno neujemanje poimenovanj je prisotno v dvanajstih govorih, osem jih je v širši okolici Ljubljane, ostali so razpršeni.

2.3.2.6 Že omenjena splošna poimenovanja tipa *listje, natje, ščavje* so iz primerjanja skupnih strukturalnih tipov izključeni, zato so na karti prikazani z razlikovalnim znakom, tj. s praznim kvadratom črne barve, iz zunanjih znakov pa je razvidno, katere slovarske pomene leksem združuje.

Povzetek

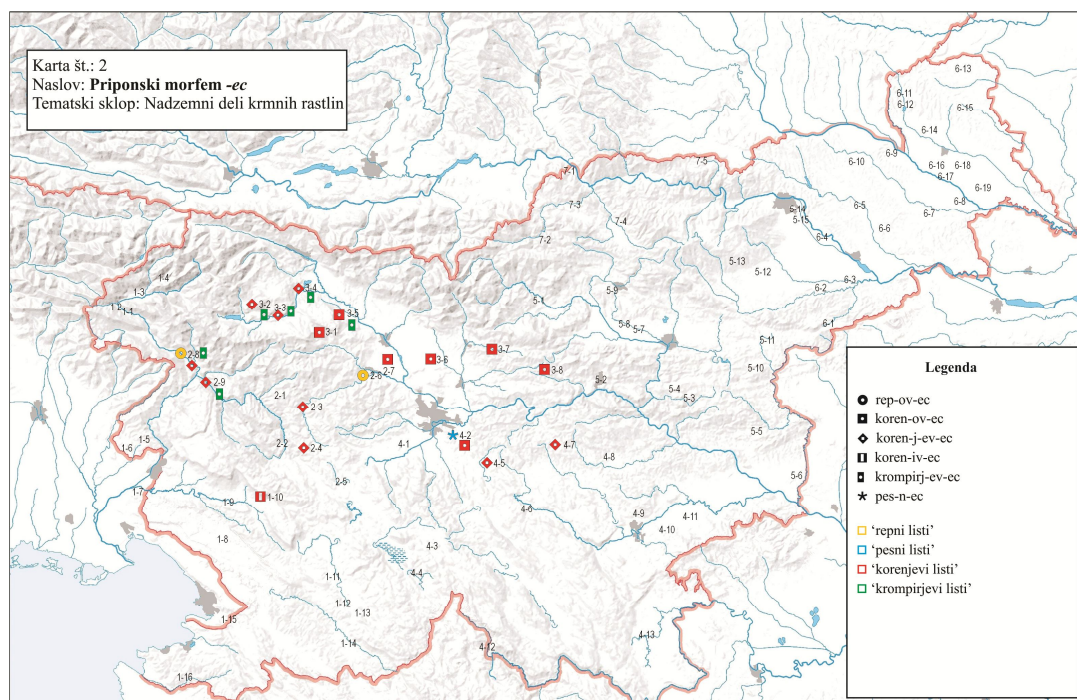
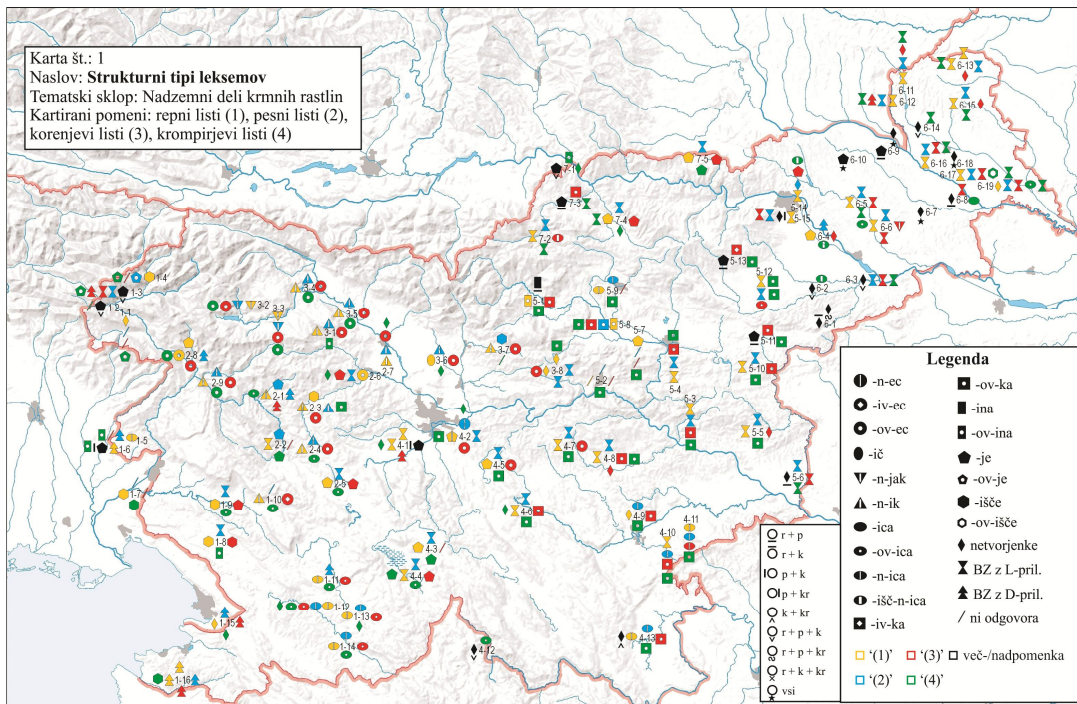
Iz prikazanega modela je razvidno, da je na podlagi besedotvorno diferenciranega gradiva možen izris več različnih tipov povzermalnih (sintetičnih = zbirnih) besedotvornih kart, pri čemer je uporabnost kart v jasni ponazoritvi arealov in pogostosti posameznih strukturalnih tipov leksemov ter prikazov arealov in pogostosti posameznih priponskih obrazil tvorjenk. Za konkretno narečno gradivo tako lahko izpostavimo naslednje ugotovitve: 1. Najpogostejši strukturalni tip leksemov so tvorjenke. 2. Najredkejši strukturalni tip leksemov so netvorjenke. 3. Tvorjenke se tvorijo z devetimi različnimi priponami, ts. *-ec, -ič, -jak, -ik, -ica, -ka, -ina, -je* in *-išče*, izmed katerih tvori pripona *-ica*, največ različnih leksemov, ki pa se sicer ne pojavljajo v arealih. 4. Na sklenjenih območjih, tj. v arealih, se pojavljajo tvorjenke s priponami *-ec* (*repovec* 'repni listi', za pomen 'korenjevi listi' leksemi *korenovec, korenjevec* in *korenivec*, za pomen 'krompirjevi listi' *krompirjevec*, za pomen 'pesni listi' pa *pesnec*), *-ik* (*repnik* 'repni listi', *pesnik* 'pesni listi') in *-ka* (za pomen 'korenjevi listi' leksemi *korenjevka, korenivka*, za pomen 'krompirjevi listi' tvorjenke *krompirjevka, krompirnovka* in *bobovka*, za pomen 'pesni listi' pa *runkljevka*), medtem ko so tvorjenke z ostalimi priponami razpršene po širšem prostoru. 5. Večbesedni leksemi so najštevilčnejši v vzhodnih narečjih, in sicer v panonski in štajerski narečni skupini. 6. Skupni strukturalni tip leksemov ima največ govorov v štajerski in panonski narečni skupini.

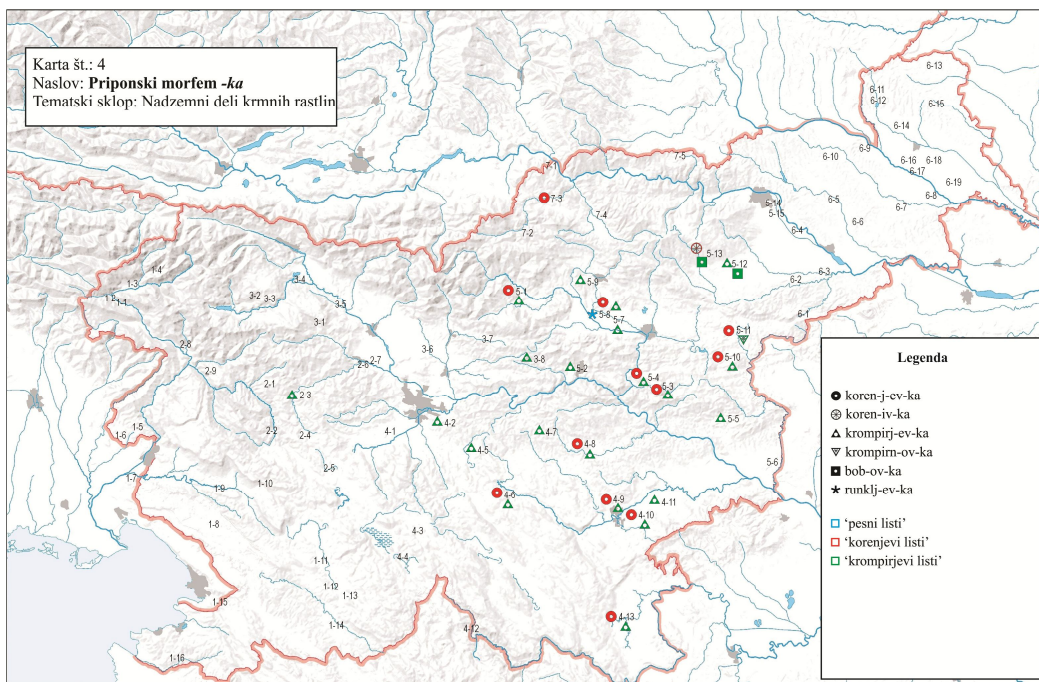
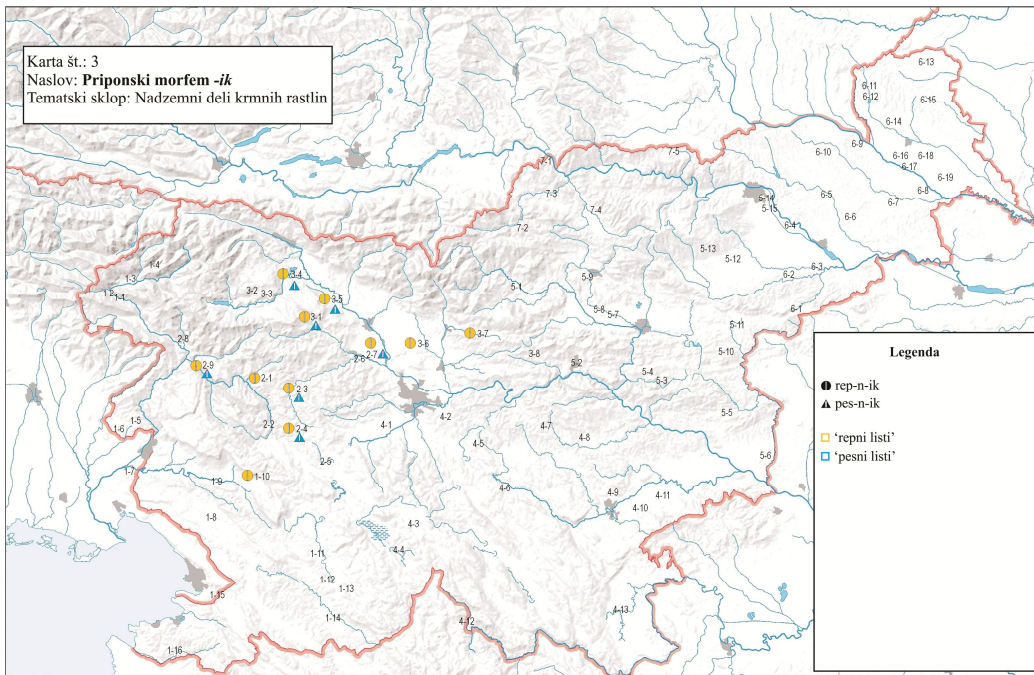
Mreža raziskovalnih točk

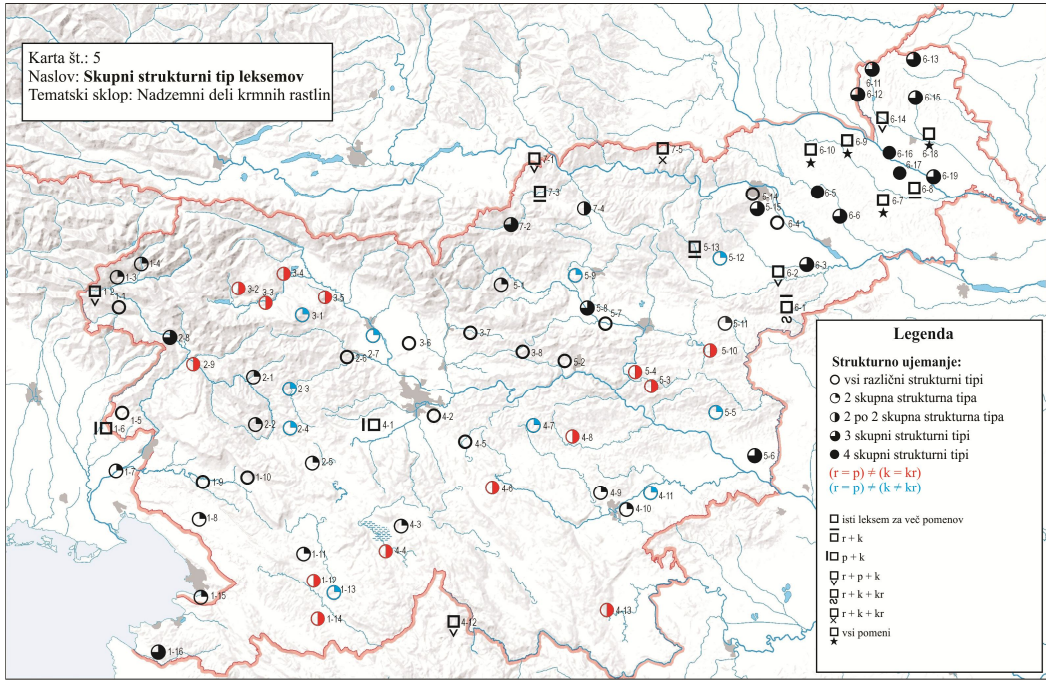
1 Primorska narečna skupina; 1.1 Obsoško narečje: 1-1 Srpénica, 1-2 Žaga, 1-3 Bovec, 1-4, Bavšica; 1.2 Briško narečje, 1-5 Kojško, 1-6 Medana; 1.3 Kraško narečje: 1-7 Vrh Sv. Mihaela (San Michele del Carso, Italija), 1-8 Kopriva; 1.4 Notranjsko narečje: 1-9 Velike Žablje, 1-10 Col, 1-11 Selce, 1-12 Zagorje, 1-13 Koritnice, 1-14 Koseze; 1.5 Istrsko narečje; 1.5.1 Rižansko podnarečje: 1-15 Dolina pri Trstu (San Dorligo della Valle, Italija); 1.5.2 Šavrinško podnarečje: 1-16 Puče; 2 Rovtarska narečna skupina; 2.1 Cerkljansko narečje: 2-1 Podlanišče, 2-2 Idrija; 2.2 Poljansko narečje: 2-3 Žirovski Vrh Sv. Antona; 2.3 Črnovrško narečje: 2-4 Zavratec; 2.4 Horjulsko narečje: 2-5 Blekova vas; 2.5 Škofjeloško narečje: 2-6 Hosta, 2-7 Godešič; 2.6 Tolminsko narečje: 2-8 Zatoľmin, 2-9 Ponikve; 3 Gorenjska narečna skupina; 3.1 Selško narečje: 3-1 Dražgoše; 3.2 Gorenjsko narečje: 3-2 Podjelje, 3-3 Koprivnik v Bohinju, 3-4 Selo pri Bledu, 3-5 Prezrenje, 3-6 Žeje pri Komendi; 3.2.1 Vzhodnogorenjsko podnarečje: 3-7 Buč, 3-8 Hrastnik pri Trojanah; 4 Dolenjska narečna skupina; 4.1 Dolenjsko narečje: 4-1 Vnanje Gorice, 4-2 Sadinja vas, 4-3 Nova vas, 4-4 Podcerkev, 4-5 Spodnje Brezovo, 4-6 Kuželjevec, 4-7 Gobnik, 4.1.1 Vzhodnodolenjsko podnarečje: 4-8 Vesela Gora, 4-9 Ždinja vas, 4-10 Velike Brusnice, 4-11 Šentjernej; 4.2 Kostelsko narečje: 4-12 Plešče; 4.3 Severnobelokranjsko narečje: 4-13 Črnomelj; 5 Štajerska narečna skupina; 5.1 Zgornjesavinjsko narečje: 5-1 Radmirje, 5.2 Posavsko narečje; 5.2.1 Zagorsko-trboveljsko podnarečje: 5-2 Trbovlje; 5.2.2 Laško podnarečje: 5-3 Jurklošter, 5-4 Vrh nad Laškim; 5.3 Kozjansko-bizeljsko narečje: 5-5 Vojsko, 5-6 Kapele; 5.4 Srednjesavinjsko narečje: 5-7 Ložnica pri Žalcu, 5-8 Podlog v Savinjski dolini, 5-9 Podkraj pri Velenju; 5.5 Srednještajersko narečje: 5-10 Spodnje Tinsko, 5-11 Kačji Dol; 5.6 Južnopohorsko narečje: 5-12 Slovenska Bistrica, 5-13 Malo Tinje, 5-14 Dogoše, 5-15 Miklavž na Dravskem polju; 6 Panonska narečna skupina; 6.1 Haloško narečje: 6-1 Čermožiše, 6.2 Prleško narečje: 6-2 Ptujška Gora, 6-3 Lancova vas, 6-4 Starše, 6-5 Biš, 6-6 Juršinci, 6-7 Vogričevci, 6-8 Cven, 6-9 Črešnjevci, 6-10 Spodnja Bačkova; 6.4 Prekmursko narečje: 6-11 Večeslavci, 6-12 Pertoča, 6-13 Markovci, 6-14 Brezovci, 6-15 Kančevci, 6-16 Bakovci, 6-17 Dokležovje, 6-18 Lipovci, 6-19 Črenšovci; 7 Koroška narečna skupina; 7.1 Podjunsko narečje: 7-1 Libeliče, 7.2 Mežiško narečje: 7-2 Spodnje Javorje, 7-3 Ravne na Koroškem, 7-4 Legen; 7.3 Severnopohorsko-remšniško narečje: 7-5 Kapla na Kozjaku

Literatura

- BAJEC, Anton (1950–1959), *Besedotvorje slovenskega jezika I–IV*. Ljubljana, SAZU.
- BENEDIK, Francka (1994), Vprašalnice za zbiranje narečnega gradiva. *Traditiones*. 23, 87–142.
- BENEDIK, Francka [et al.] (2010), *Ponovne objave člankov s kartami za Slovenski lingvistični atlas (do leta 2008)*. Uredili: Karmen Kenda-Jež, Jožica Škofic, Peter Weiss. Ljubljana, Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. [elektronska različica]
- CHAMBERS, J. K., TRUDGILL, Peter (²2002, ¹1980), *Dialectology*. Cambridge, Cambridge University Press. *Český jazykový atlas 1–5 (1992–2005)*. Praha, Academia.
- GALA, Sławomir, OSTROMEŃKA-FRĄCZAK, Bożena (2010), Mesto besedotvorja v raziskavah poljskih govorov in narečij. *Slavia Centralis*. 2, III, 5–16.
- Gradivo, zbrano po vprašalnici Francke Benedik, ki se hrani na Katedri za zgodovinsko slovnico in dialektologijo Oddelka za slovenistiko Filozofske fakultete v Ljubljani.
- HLUBINKOVÁ, Zuzana (2010), *Tvoření slov ve vychodomoravských*. Brno, Masarykova univerzita.
- HORVAT, Mojca (2010), Sadni, zelenjavni in cvetlični vrt v slovenskih narečjih (po gradivu za SLA). V: SMOLE, Vera (ur.). *Slovanstvo v slovenskem jeziku, literaturi in kulturi: zbornik predavanj*. Ljubljana, Znanstvena založba Filozofske fakultete. 164–170.
- HORVAT, Mojca (2012), *Morfološka struktura in geolinguistična interpretacija rastlinskih poimenovanj v slovenskih narečjih. Doktorska disertacija*. Ljubljana.
- KENDA-JEŽ, Karmen (2006), Slovenska dialektologija v drugi polovici 20. stoletja. V: KOLETNIK, Mihaela (ur.), SMOLE, Vera (ur.). *Diahronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah*, (Zbirka Zora, 41). Maribor, Slavistično društvo. 22–30.
- LOGAR, Tine, RIGLER, Jakob (1983), *Karta slovenskih narečij*. Ljubljana, Geodetski zavod Slovenije.
- SLA (2011) = *Slovenski lingvistični atlas 1, Človek (telo, bolezn, družina), Atlas (SLA 1.1), Komentarji (SLS 1.2)*. Urednica Jožica Škofic. Ljubljana, Založba ZRC, ZRC SAZU.
- SŁAWSKI, Franciszek (1974, 1976, 1979), *Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. Słownik prasłowiański I–III*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk. 43–141, 13–60, 11–19.
- SMOLE, Vera (2006), Stanje in perspektive slovenske lingvistične geografije. V: *Obščeslavjanski lingvistični atlas: materialy i issledovanij: 2003–2005: sbornik naučnyh trudov*. Moskva, Institut ruskogo jazyka RAN. 80–117.
- SMOLE, Vera, PETEK, Urška (2007), Komentiranje leksično-besedotvornih kart v 1. zvezku Slovenskega lingvističnega atla "Človek" (na primeru V617 teta in V618 ujna). V: TORKAR, Silvo (ur.), FURLAN, Metka (ur.), KEBER, Janez (ur.), ŠIVIC-DULAR, Alenka (ur.). *Jezikoslovni zapiski*, 13, 1/2. 351–359.
- SNOJ, Marko ²2003 (¹1997), *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, Modrijan.
- ŠEKLI, Matej (2012), Besedotvorni pomeni samostalniških izpeljank v praslovanščini. *Philol.stud. (Skopje)*. [Spletna izdaja]. vol. 1. 149–165.
- ŠKOFIC, Jožica (2008), Besede za krompir v slovenskih in sosednjih hrvaških narečjih. *Hrvatski dijalektološki zbornik*. 14. 79–103.
- TESNIÈRE, Lucien (1925), *Atlas linguistique pour servir à l'étude du duel en slovène*. Paris, Librairie Ancienne Honore' Champion.
- TRUDGILL, Peter ⁴2002 (¹1994), *Dialects*. London, New York, Routledge.







Miloš Ivanović

Filozofski fakultet
Beograd, Serbia

SLIKA SRPSKE VLASTELE POZNOG SREDNJEG VEKA U NARODNOJ TRADICIJI

The aim of the paper is an analysis of an image of a Serbian nobleman in popular tradition of the late Middle Ages. The research compares facts from legends, poems, myths and stories with reliable medieval sources. In this respect, the accent is put on a military role of noblemen in the period between 14th and 15th century. Contacts with the Ottoman Empire and the Hungarian Kingdom had a significant influence on the development of Serbian elite stratum which is evident in epic poetry. Finally, the attitude of noblemen towards the central government can be perceived through Serbian popular tradition.

Key words: Noblemen, Middle Ages, epic poetry, tradition.

Dosadašnji istraživači najčešće su pažnju posvećivali predstavi srpskih srednjovekovnih vladara u epskoj poeziji. Zato je naša namera da u ovom radu osvetlimo sliku srpske vlastele poznog srednjeg veka u narodnoj tradiciji. Naš cilj će biti da podatke koje pružaju legende, pesme i priče uporedimo sa vestima koje o vlasteoskom sloju pružaju izvori nastali u srednjem veku. Potrebno je naglasiti da konkretne istorijski ličnosti nije uvek lako prepoznati među juna- cima narodne tradicije. Takođe u obzir neće biti uzeta ličnost Marka Kraljevića koji je bio oblasni gospodar i koja zavređuje posebno istraživanje.

Periodom poznog srednjeg veka, kada je u pitanju srpska država istraživači obično označavaju vreme od 1371. do 1459. godine, kada je ona nestala (Kalić 2001: 7). Najveći trag na kolektivnoj memoriji naroda ostavila je bitka na Kosovu iz 1389. godine. Otuda se po njoj naziva čitav jedan ciklus epskih pesama. Većinu ličnosti iz tih pesama nije moguće indetifikovati sa vlastelom poznatom iz drugih istorijskih izvora. Važi to čak i za Miloša Kobilića (Obilića) ubicu sultana Murata, najslavnijeg među njima (Михаљчић 1989 7–20). Među onom vlastelom koja je poznata i van narodne tradicije, prvo mesto svakako zauzimaju Stefan i Lazar Musić. Zna se da su se oni postradali upravo u Kosovskoj bitci, čime su dokazali vernost knezu Lazaru (Милојевић 1987: 21–22, 30, 32). Jedna epska pesma beleži da je Stefan Musić poginuo nakon što je ubio trojicu turskih paša (Караџић 1958: 296). U vlastelinima koji su nosili ime Juga mogu se eventualno prepoznati članovi porodice Jugović iz junačkih pesama. Tako se 1400. u povelji Lazarevića pominje izvesni vlastelin Juga (Младеновић 2007: 296), a 1423. vojvoda Vojin Juga (Ljubić 1886: 248). U uvodu *Zakona o Novom Brdu* srećemo i Bogdana Jugu što može asocirati na starog Jug Bogdana iz pesama (Радојчић 1962: 38). Po predanju on je bio ni više ni manje nego tast kneza Lazara, što naravno ne odgovara istorijskoj istini (Михаљчић 1989: 107). Osnovna razlika između ovih Jugovića koji se sreću u XV veku i onih iz predanja je što su potonji svi poginuli u Kosovskoj bitci. Tome se mora dodati i da su Jugovići kasno ušli u legendu o sukobu na Kosovu (Михаљчић 1989: 102). Prikazujući tragičan kraj Jugovića narodni pevač je čini se hteo naglasiti stradanje mnoštva mladih ratnika bez poroda (Михаљчић 1989: 108). Sličnih primera je moglo zasita biti. Kitorska kompozicija iz Bogorodičine crkve manastira Veluča možda ukazuje na strdanje četiri brata u Kosovskoj bitci (Шуица 2000: 90).

Značajnija je međutim za nas kako je vlastela uopšteno govoreći prikazana u kosovskom ciklusu. Najpre se može zapaziti da se iz njih vidi da je glavni zadatak vlastele bilo ratovanje. To se sasvim podudara sa odredbama *Dušanovog zakonika* (Бубало 2010: 83). Uostalom to je bila glavna obaveza plemstva u svim srednjovekovnim evropskim državama. Na tom polju se pre svega i dokazivala vernost vlastelina prema vladaru. Nevera je pak za sobom povlačila konfiskaciju čitave imovine vlastelina (Бубало 2010: 168). Epska poezija takođe ističe vernost kao najveću vrlinu. Miloš Obilić se po narodnoj tradiciji odlučio da ubije sultana Murata i žrtvuje sopstveni život, kako bi dokazao knezu Lazaru da su netačne optužbe o njegovom verolomstvu. Šta više on je potkazaio Vuka Brankovića, koji je po legendi izdao kneza i time bio najodgovorniji za poraz na bojnopolju. Najviše mesto među vlastelom u epici je dato vojvodama (Караџић: 281). Podudarnost sa srednjovekovnom izvornom građom se i tu može uočiti. Naime primećeno je u nauci da su vojvode sve više dobijale na značaju sa porastom opasnosti od Osmanlija. Despot Stefan je svojom reformom državne uprave koju je izvršio oko 1410. upravo vojvode uveo kao upravitelje specifičnih oblasti, koje se su se nazivale *vlastima* (Благојевић 2001: 294). Zanimljiva podudarnost zapaža se i kad je reč o rasporedu sedenja za vladarevim stolom. Naime na svim srednjovekovnim dvorovima se strogo pazilo da se ispoštuje red sedenja za stolom po hijerarhiji, jer je u suprotnom to moglo izazvati žestoke sukobe među plemićima (Althoff 2001: 251). Biograf despota Stefana (1389–1427) je kao veliku njegovu vrlinu isticao to što je vlastelu za trpezu posađivao shodno njihovom činu (Филозоф 1989: 76). Nepoznati narodni pevač (Караџић: 302) u pesmi *Kneževa večera* ističe da je knez Lazar najbliže sebi za stolom postavio svoje rođake, Vuka Brankovića i Jugoviće na čelu sa starim Jug Bogdanom. Najzad, pesme kosovskog ciklusa ističu i bogatstvo srpskih junaka. Stefan Musić je prema jednoj od njihovih stolovao u srebrnom gradu Majdanu (Караџић: 291). Tradicija je dakle pretpostavljala da osnov bogatstva vlastele leži u posedovanju rudnika plemenitih metala. Samo mesto Majdan koje imenom već asocira na rudnik ne nalazimo u izvorima vezanim za Musiće. Zato međutim znamo da su oni držali rudnik Koporice

(Миливојевић 1987: 12). Управо захваљујући рудном богатству је по епички knez Lazar успео да подигне манастир Раваницу (Караџић: 199). Није потребно да се овом приликом задржавамо пак на бројним примерима који сведоче да еписке песме често одражавају дух времена у коме су настале, а не оног о коме говоре (Михаљчић 1989:102). Наша намера била је да само скренемо пањњу на неке подударности са осталим изворима које би ваљало имати у виду.

Мање пањње од стране историчара било је усмерено на то како народна традиција саследила догађаје и личности из прве половине XV века. Рећ је о последњем периоду српске средњовековне државности који се означава термином *Despotovina*, по титули коју су носили сви владари из тог времена (Веселиновић 2006: 3). Преданје је ставило акценат само на одређене аспекте тог важног раздобља окончао османлијским освајањем. Чудно је што готово никаквог трага у њему није оставила личност despota Stefana Lazarevića. Када је у питању властела поново као и у случају косовског циклуса свега пар личности можемо препознати и у изворима савременим за то доба.

Важно место и у традицији која се односи на време *Despotovine* имају борбе које је српска властела водила са Турцима. Посебно место у њој задобио је војвода Пријезда, заповедник града Сталаћа. Према епиској песми он је поменуто место бранио од турског цара Mehmeda. Она даље сведочи да се војвода нашао у теškoј позници када су Турци каналима поткопали тврђаву, али да се јуначки држао и убио мноштво непријатељских војника. Осетивши да се налази у безизлазној ситуацији, заједно са супругом Jelicom бацио се у реку Мораву, како не би дошли живи у руке освајача. Кару Mehmedu је након заузимања града је по песми остало само 500 војника од 3000 колико је повео у напад (Караџић 1929: 488–490). Опсада Сталаћа о којој народни певаћ приповеда одиграла се у ствари првих месеци 1413. када је принц Musa напао државу despota Stefana. Током тог похода најпре је покорио свог војводу Hamzu, затим освојио градове Bolvan и Lipovac, да би након тога дошао под Сталаћ (Мишић 1987: 76). Савременик тих догађаја Konstantin Filozof (1989: 115) пише да је Сталаћ бранио извесни „благородни мућ“, који се храбро држао и изгорео заједно са градском кулом. Лак је уочити подударности између два наведена описа. Оба као главни мотив садрже жртвовање властелина који је бранио Сталаћ. Разлика је пак у опису смрти, мада то за нас није од суштинског значаја. Поткопавање тврђаве могло је укључивати и подметање пожара те би и то могла бити спона између две приче. Писац који је био савременик догађаја доиста не доноси име храброг браниоца. Коначно веома је могуће да је Пријезда заиста носио титулу коју му приписује песма, јер су седишта поменутих *vlasti* била управо у тврђавама (Благојевић 2001; 294).

Из времена *Despotovine* у колективно памћење становништва урекао се и Nikola Skobaljić који је 1454. је пострадао у борби са Османлијама. Трупе под његовом командом са подручја Дубоћике и Ситнице имале су за циљ да заштите Ново Брдо на југу земље, најважнији град despota Ђурђа (Димитријевић 1951:23–25). Са војском из Дубоћике Skobaljić је најпре потукао Османлије код Банје септембра 1454. али је два месеца касније на планини Трепанји надјачан од стране надмоћне војске султана Mehmeda II. Заједно са својим стрцем Nikola Skobaljić је био заробљен и набијен на колас (Динић 1962: 62–64). Према неким изворним вестима Skobaljić се одлучио на борбу са Турцима, иако је despot Ђураћ поручио својој властели на југу земље да се привремено потчини Османлијама, те да ће их он касније ослободити са војском из Угарске (Михаиловић 1986: 120). Вероватно је начин на који је страдао утицао да Nikola Skobaljić добије важно место у народном преданју крајева око Јужне Мораве. Његово име везивано је за више утврђења у том крају, те за понеку цркву, извор, брдо или воденицу. Његово рођење је такође у легенди обојено мистиком, којом му је презиме везивано за рибу skobalj. Поводом његовог страдања опет се nailazi на мотив издаје. Турци му наводно нису могли никакко наудити све док им није помогла његова кума која је повредила његовог коња. Из тог разлога коњ се није могао помаћи кад је Nikola seo на њега. Због тога је он проклео своју куму. (Димитријевић 1951: 35–42). Најlegendarnija је verzija те приче која сведочи да Nikola није ухваћен, већ се узнео на небо (Трајковић 1964: 96).

Ќинjenica да је опстанак *Despotovine* зависио од Османског Carstva и Угарске наша је на неки начин места и у епиској поезији. Истакнуто место међу јунацима епике задобио је Jovan (Janoš) Hunjadi, erdeljski војвода и доцнији губернатор угарског кралjevstva. Српска традиција га памти као Sibirjanin Janka. Razlog tome је што је и војвода Hunjadi имао окршај са Турцима на Kosovu (Михаљчић 1989: 174–178). С обзиром на тему нашег рада скренућемо пањњу на једну песму у којој се описује susret despotovih војвода са људима војводе Janka у Banatu. Odgovarajući на Hunjadijev позив Ђураћ је допустио својој властели да се такмиће са Мађарима у трчању, бацању камена и гађању стрелом. Како су се српски јунаци показали већтји Janko на превару убјаја главног од њих. Usledio је затим жесток одговор војвода који су побили све Мађаре (Караџић 1929: 467–474). Primeћено је већ у науди да поминjanje игара, може асоцирати на витешке турнире приређиване у Угарској на којима је како знамо учествовала и српска властела у време despota Stefana, а вероватно и касније (Пурковић 1978: 102). Pored toga не само поменута песма већ и друге говоре о међусобном неповеренју између Srba и Ugara (Новаковић 1982: 110). Добро је познато колико се заиста despot Ђураћ sukobljavaо са Jovanом Hunjadiјем у више наврата, због чега су морали склапати и писане споразуме о помirenју. (Спремић 1994: 344, 364).

Од личности из Српске *despotovine* народна традиција заузела је изразито негативан став према Jerini, жени despota Ђурђа Brankovća. Vredi одмах нагласити да је њен утицај на супругу био заиста велики и да га је она у

izvesnom smislu i zamenjivala, kada on nije bio u zemlji (Спремић 1994: 181–182). Početkom XVII veka je još Mavro Orbin (Орбин 2006: 111) zabeležio u svom delu da je ona kriva za pad Smedereva 1439. pod tursku vlast, pošto je ona prodala žito neophodno za ishranu branilaca. Njen odnos sa vlastelom pojavljuje se kao tema u epskoj pesmi o junaku Oblaku Radosavu. Jerina je prema njenim stihovima bacila u tamnicu vojvode Bijelića i Pavla Zlatokosića. Tim povodom njihove žene su se obratile vojvodi Radosavu kako bi on zamolio despoticu da ih pusti na slobodu. Došavaši u Smederevo Oblačić Rade se najpre obratio despotu sa molbom da se pomenute vojvode puste. Đurađ Branković mu je na to odgovorio da su Bijelić i Zlatokosić već odvedeni na vešanje, te da zamoli samu Jerinu da ih pusti. Oni koji su bili zaduženi da obese dvojicu vlastelina jedva su dočekali Oblačićeve reči da osuđeničke oslobode. Tada se pojavila Jerina zapovedivši da se kazna izvrši i pripreтивши Radosavu da će sutradan i njega zajedno sa unukom stići ista sudbina. To je kod glavnog junaka izazvalo bes. Udario je despoticu, a vojvode odveo sa sobom. Ugostivši ih u svom dvoru poslao ih je kućama uz savet da više ne veruju Jerini (Караџић 1958: 484–486). Pevač je praktično u ovoj pesmi svu vlast prepisao Jerini, koja je čak mogla i da despotovu vlastelu osudi na smrt. Uz to sudbina njegovih vojvoda kao da ga nije mnogo interesovala, te je Oblak Radosav prikazan kako sam uzima pravdu u svoje ruke. Takva slika je svakako preterana i teško da odgovara istini, koliko god da je bio veliki njen uticaj u zemlji. Više se tu po svoj prilici ogleda mržnja zato što je jedna žena i to još Grkinja imala moć donekle neobičajenu za supruge vladara. Mora se napomenuti da su u doba Despotovine Grci zasita zauzimali značajne pozicije u državi, što je moglo dovesti do stvaranja odijuma prema njima (Спремић 1994: 660–663). Opet po tradiciji narod je Jerinu pre svega okrivljavao za teške poslove koje je morao podneti prilikom izgradnje nove prestonice Smedereva (Спремић 1994: 131). Zanimljivi je i iskaz sa kraja pomenute pesme iz koga se može zaključiti da je despotica na prevaru uhvatila Bijelića i Zlatokosića. Opet po jednoj priči sama Jerina je umrla pošto je bila otrovana od svog sina despota Lazara (Орбин 2006: 128).

Istoričari su pokušali i da protumače da li je lik Oblaku Radoslava oblikovan po nekoj konkretnoj istorijskoj ličnosti. Pomišljalo se da bi to mogao biti veliki čelnik Radič (Новаковић 1982: 80) ili pak veliki vojvoda Radoslav Mihaljević (Руварац 1900: 252). Obojica su spadali u red istaknutih vlastelina despota Đurđa i delovali su u u gotovo istom vremenskom razdoblju. Mada je Radič nosio titulu čelnika on je prvi put spomenut u izvorima kao vojni zapovednik (Филозоф: 117). Poznat je bio i vekovima kasnije po svojoj zadužbini u selu Vračevšnici. Predanje iz tog kraja mu pripisuje prezime Postupović, koje je svojatala porodica Marinković. Članovi te porodice su živeli u selu gde je nekada Radič imao svoj dvor (Миличић 1867: 33). Sa podacima koje donose legende mora se biti oprezan i u ovom slučaju, jer se kod njih često ličnosti iz određenog vremena povezuju sa dođadžima čiji oni nisu mogli biti akteri. Dvor Radiča nalazio se u selu Belući, koja je po predanju nazvana Crnuća, pošto su njeni meštani stradali u kosovskoj bitci (Миличић 1867: 33). Anahronizam se jasno uočava jer je Radič delovao tokom prvih decenij XV veka.

Uz despota Đurđa u epskim pesmama se javlja još nekolicina ličnosti od kojih većinu nije moguće indetifikovati pomoću drugih izvora. Teško je zato i pretpostaviti ko bi se mogao kriti iza likova Todora od Stalaća i Pojezde od Golupca koji su predstavljeni kao ljudi bliski despotu Đurđu (Караџић 1958: 485). Stalać je čak čitavo vreme vladavine Đurđa Brankovića bio izvan granica Despotovine, a uz to je bio dobrim delom porušen (Спремић 1994: 107, 164,169). Golubac su pak Turci zadobili na početku Đurđeve vladavine, da bi tek nakon obnove Despotovine 1444. ponovo ušao u njen sastav (Спремић 1994: 296–297). Nemogućnost da plati namete vezane za izgradnju Smedereva naterala je Starinu Novaka da se oda hajdučiji. Ovaj legendarni junak može se možda vezati za ličnost jednog odmetinika iz vremena despota Stefana, koji je pravio dosta nevolja i princu Sulejmanu (Пурковић 1983: 154–158). Mora se odmah upozoriti da je u tom slučaju, što nije nimalo neobično za narodnu tradiciju, ličnost iz jednog vremena premeštena u drugo razdoblje.

Ispitivanju predstave srpske vlastele u narodnoj tradiciji mogla bi se posvetiti čitava studija. Otuda je naša namera bila da u ovom radu samo ukažemo na izvesne aspekte tog pitanja. Nastojali smo ukazati da se istraživanje može fokusirati i na uočavanje zajedničkih osobina i karakteristika vladeoskog sloja prema narodnoj tradiciji, te kako ta slika korespondira sa ostalim istorijskim izvorima. Smatramo da u daljim istraživanjima pažnju treba usmeriti pre svega u tom pravcu, a manje na pokušaje da se u ličnostima iz mitova i legendi prepoznaju stvarne istorijske figure. Uvek naravno treba pri tome imati u vidu specifične puteve stvaranja i prenošenja narodne tradicije i ne zaboraviti da ona obično ne može nadomestiti nedostatak izvora savremenih za srednjovekovni period.

Bibliography

- Althoff, Gerd (2001), (Royal) Favor. A Central Concept in Early Medieval Hierarchical Relations. In: *Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations*. Philadelphia, Pennsylvania Press, 243–269.
- Благојевић, Милош (2001), *Државна управа у српским средњовековним земљама*. Београд, Јавно предузеће Службени лист СРЈ.
- Бубало, Ђорђе (2010), *Душанов законик*. Београд, Завод за уџбенике–Службени гласник.
- Веселиновић, Андрија (2006), *Држава српских деспота*. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства.
- Динић, Михаило (1962), *За историју рударства у средњовековној Србији и Босни II*. Београд, Научно дело.

- Димитријевић, Сергије (1951), *Борба с Турцима под Скобаљићем, Историја и предање*. Лесковац, Градски народни музеј.
- Филозоф, Константин (1989), *Повест о словима. Житије деспота Стефана Лазаревића*. Београд, Просвета–Српска књижевна задруга.
- Калић, Јованка (2001), *Срби у позном средњем веку*. Београд, Јавно предузеће Службени лист СРЈ.
- Караџић, Вук (1958), *Српске народне пјесме. Књига друга у којој су пјесме јуначке најстарије*. Београд, Просвета.
- Љубић, Шиме (1886), *Listine o odnošajih između južnog Slavenstva i Mletačke Republike VIII*. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Михаиловић, Константин (1986), *Јаничарење успомене или турска хроника*. Београд, Просвета–Српска књижевна задруга.
- Михаљчић, Раде (1989), *Јунаци косовске легенде*. Београд, Београдски издавачко-графички завод.
- Милићевић, Милан (1867), *Манастири у Србији. Гласник Српског ученог друштва*. 21, 1–96.
- Милојевић, Србобран (1987), *Муџићи*. Просопографско истраживање једне српске средњовековне породице. *Историјски часопис*. 33, 5–36.
- Мишић, Синиша (1987), *Поход султана Мусе на Деспотовину 1413. године и источна српско- турска граница*. *Историјски гласник*. 1–2, 75–88.
- Младеновић, Александар (2007), *Повеље и писма деспота Стефана: текст, коментари, снимци*. Београд, Чигоја штампа.
- Новаковић, Стојан (1982), *Велики челник Радич или Облачић Раде 1413–1435*. Једна слика из традиционалне народне историје. In: *Историја и традиција: изабрани радови*, ed. С. Ћирковић, Београд, Српска књижевна задруга.
- Орбин, Мавро (2006), *Краљевство Словена*, превод З. Шундрица. Зрењанин, SEZAM BOOK.
- Пурковић, Миодраг (2000), *Јунаци српских народних песама*. Београд, EVRO.
- Пурковић, Миодраг (1978), *Кнез и деспот Стефан Лазаревић*. Београд, Свети архијерејски синод Српске православне цркве– Београдски издавачко-графички завод.
- Руварац, Иларион (1900), *О Богородичином манастиру у Радешину. Годшњица Николе Чутића* 20, 251–252.
- Спремић, Момчило (1994), *Деспот Ђурађ Бранковић и његово доба*. Београд, Српска књижевна задруга.
- Шуица, Марко (2000), *Немирно доба српског средњег века. Властела српских обласних господара*. Београд, Јавно предузеће Службени лист СРЈ.
- Трајковић, Никола (1964), *Никола Скобаљић, Лесковачки зборник*. 4, 86–99.

Симона Янакиева

СУ „Св. Климент Охридски“
София, България

ВЪЗМОЖНОСТТА „ЧОВЕК“ В РОМАНА „ДИЛЕТАНТ ИЛИ ГРАДИНАТА С МАНЕКЕНИ“ НА ЧАВДАР МУТАФОВ

In our lives there always comes a moment when we turn into a puppet, a doll in someone's hands. Sometimes we are amateurs or just a dilettante... We just do not realize that we spend our days acting, ultimately everyone is an actor. Unconsciously we pick our costumes, our words, our look before we go. And all the people that surround us suddenly turn into our own little audience. And the main character of Chavdar Mutafov's novel "Dilettante" raises the question about the boundaries of being puppeteer of your world and the feeling of self-fulfillment through contact with others.

Key words: self-fulfillment, human personality, dilettante

*„Един човек ме търси –
мен, търсецата него.“
(Блага Димитрова)*

Италия. XVIII век. Сред атмосферата на *dilettare**, основателно намира своето място и „*dilettante*” – Човек, любител на музиката и изящните изкуства. Днес, в XXI век, Човекът е аматьор, занимаващ се с наука или изкуство без специална подготовка. В началото на 20-те години на XX век един български автор спира вниманието си върху дилетанта, и го описва в едноименния си роман като „*човек, който малко знае и много може*”⁹. Чавдар Мутафов - експериментатор по природа, *любител на изтънчената провокация*¹⁰, неведнъж е бил опериран със своя герой. Чрез любопитството се ражда разнообразието и творческата, и житейската му кариера го доказват. През своя 65 -годишен живот Чавдар Мутафов се е посветил на немалко занимания. Работил е като словослагател, книговец, коректор, цигулар, оркестрант, хорист в църква, стенограф, машинописец, шлосер, театрален критик, архитект, радио-любител, художник, график, фотограф ... Всяка една от професиите е оставила своя отпечатък върху създадените от него произведения, а от архитектурното образование, което е придобил в Германия, може да открием следи в описанията на заобикалящите герои му свят. През 1920/1921 год. той завършва декоративния роман „*Дилетант или градината с манекени*”, но поради отказ на тогавашните издателства да го публикуват, книгата излиза през 1926 год. като дар за приятелите на автора. С времето от оригиналното име на романа остава само „Дилетант”, а продължението на заглавието се изгубва. Вероятно със загубата на „градината с манекени” се загубва и част от характера на самото произведение. Голяма част от критиците отделят време, за да проследят езиковите и стилови експерименти, които са постигнати в романа и може би в пътя на описанието оставят в страни авантюризма на преследването, в играта на мъж и жена, пресъздадени от образа на Дилетанта и Дамата.

В началото на 20-те и 30-те години в България, а и по света голотата се превръща „*от знак на сиромашия в герб на модерното благородство*.”¹¹. След края на Първата световна война в историята се отключва темата за тялото, породена, вероятно от силното желание за живот, след ужаса и пустошта на военните действия. Хората са завладени от идеята за „Здрав дух в здраво тяло.”** Те излизат навън сред поля, гори и планини, където откритата женска снага и развихрената мъжка фигура създават и развиват култ на тялото. Ако разлистим страниците на историята, ще открием, че по целия свят, почти всички народи в своите обичаи са практикували телесни „игри” с религиозен характер. В България, в областта на Родопите има свидетелства за извършване на ритуали в чест на бог Дионис, свързани с оргиастични мистерии. В народното творчество в многобройни примери, също се разгръща почитта към тялото.

Мотивът за тялото води началото си от създаването на човека в Едемската градина. След изкушението на змията към Ева да вкуси от забранения плод и да обрече не само себе си, но и Адам на големи страдания, тя им посочва истината и пътя на познанието, което носи своята отговорност. „Осъзнатата” голотата се превръща в разрез с установените норми и порядки, които формират една своеобразна забрана. Голотата до този момент, възприемана като природна, изведнъж става срамна, защото се включва в цяла система от ограничения, според които предизвиква човешката чувственост.

* Италианското *dilettare* произлиза от *delectare* (лат.) с основно значение наслада.

** Превод от латински „*Mens sana in corpore sano*”, Ювенал (Сатира X, стих 356)

⁹ Цитатите са по: Чавдар Мутафов. *Дилетант. Декоративен роман*, изд. Издателско Ателие АБ, София, 2004. По нататък ще се отбелязват само страниците в скоби.

¹⁰ Зографска-Кузмова, Катя. Чавдар Мутафов – Възкресение на Дилетанта-София: Ваньо Недков, 2001

¹¹ Шейтанов, Найдено. Бунт на тялото, сп. „Златорог”. кн. I. София, 1928

Това е усещането за живото тяло, което в своята цялост е плът, а плътта е чувствителност и изражение¹². Източникът, в който църквата съзира култа на тялото като езическа служба на Сатаната и обявява жената за първа грешница.

Митът за райската градина намира своя отзвук и в романа на Чавдар Мутафов, както и в първообразите на Адам и Ева, проектирани в Дилетанта и Дамата. Една от малкото причини, четейки книгата, да имаме търпението, желанието и любопитството да вникнем в *археологията на смисъла*¹³ на привидното.

Навлизайки по-дълбоко в дебрите на „разкодирането“ на романа, смело може да твърдим, че темата за любовта в нейните различни аспекти и проявления – любовта към другия, любовта към себе си, любовта към живота, е основополагаща в изграждането му като цялостно произведение. Отличително в съдържанието на творбата на Чавдар Мутафов, е и силното усещане за еротизъм и привличане, което придава по-съвременен облик на света в романа.

Дилетант и Дама - двама души, които се търсят и които ще се срещнат. Ще се открият и ... ще се изгубят.

Дилетант... Първата ни среща във „Възможност първа: за себе си“ оставя натрапчивия вкус на страх, обзел съществуването на героя, лугащ се в урбанистична геометрия. Поставяме под съмнение поводите - самота ... въображение ... или ... опит, но опит, който отсъства или ... Както и да се пречупва, страхът е потребност, която трябва да бъде задоволявана, защото в противен случай умението за решителност се излага на риск и границата с пристрастяване е прекалено тънка. Страхът е предусещане на възможното, а не на вероятното. Предпоставка за развитие на волята. Страхът е като камшик за въображението, който изостря усета за изобретателност. Внимателното наблюдение на Дилетанта разкрива погледа, който отправя към света и който е с неразбиращи и учудени очи, а видяното го поставя в рамката на личната, интимна действителност като обединява мощната сила на фантазията и въображението. Присъствието на самотата, обаче, оставя следи на мъчително усещане за отчуждение, за разрыв между действителност и идеал, действителност и сън, реалност и сън. Той е този, който не иска да бъде назван, не желае да е мястото, което заема, защото „самият аз съм пространство и пътувам през себе си ” (с. 13). Дилетантът определя себе си за граница до момента, в който не среща Дамата. Тя изиграва ролята на стимул, на движение в света на „бездвижност“, деликатно построен от него.

— Господине, аз не знам кого търся: струва ми се Вас.
„Madame, аз не съм изгубен освен за мене самия.” (с. 20)

Заговарящият женски глас провокира у Дилетанта желанието за промяна, за *утвърждаване на собственото му проблематично „себе си”*¹⁴ и последвалото описание го потвърждава: „Дилетантът знаеше съвсем ясно, че трябва да извърши някакъв подвиг: той трябваше да се бори с живота.” (с. 25) Усещане, дълго време потискано от предпазливостта, използваща оръдието на думите. Героят на Чавдар Мутафов е изтъкан от противоречия. Ритъмът на неговата природа е в несинхронното мислене, което Дамата ще опита да балансира.

Жената, онази, която Дилетантът нарича и определя като носеща „*първото безсрамие*” (с. 21), с което доказва истинността и проектираната прототипност на библейския мотив в образа, е тази, която се „изкушава” да заговори първа, и да заеме привидно мъжка позиция. Тя е активната и силна страна. Нейната увереност я превръща в Жената - Денди. Опитната, търсеща внимание личност. Тя е и онази, която съзира същността на Дилетанта: „... *душата Ви е универсална циркова барака за пътуващи комедианти, а представлението е винаги същото: Любов.*” (с. 40) С това описание тя обосновава естеството на разговорите, които ще бъдат проведени, въпреки че в хода на четене откриваме, че всеки един от тях представлява отделен фрагмент със своя вътрешна логика, развитие, кулминация и развързка,¹⁵ което от своя страна засилва вниманието.

Словесният контакт ни позволява, до колкото е възможно, да опознаем Дамата и Дилетанта, защото те не са индивидуализирани образи на мъж и жена, а изобразяват идеята за мъж и жената. Образите и на двамата предоставят на читателя възможността за себеидентификация – Дилетантът като човек без подготовка, а Дамата като Денди – самоуверената и „умееща” личност.

В процеса на опознаване разобличаваме техните „роли”, които се оказват заменяеми, преливащи една в друга. На моменти дори сливащи се. Характерната фрагментарност в структурата на текста намира своето проявление и в образите на двамата герои. Техните „ядра” са като пъзел, който могат да наредят, когато заменят „фрагменти” от своите характери: „*Какво собствено мога да търся във Вас? – Себе си.*” (с. 20) Но какво се случва, когато пъзелът се нареди или частите са вече изчерпани?

¹² Хосе Ортега-и-Гасет. Изследвания върху любовта. Издателство Фабер, 2005

¹³ Русева, Виолета. Аспекти на модерността в българската литература през 20-те години. 1993

¹⁴ Курташева, Биляна. „Дилетант”: възможностите на кавичките, сп. „Литературна мисъл”, бр. 2, 1999

¹⁵ Курташева, Биляна. Цит. съч.

Във „Възможност втора: Другото” още със заглавието се предусеща промяна. И тя не закъснява. Улавяме ритъма на природата да тупти, заедно с „барабаните” на душата на Мутафовия герой. Смяната на сезоните съответства на настъпващата трансформация в съзнанието на Дилетанта: „*Пролетта дойде внезапно една утрин, съблече много дрехи, пречисти протоарите, разтрепера дърветата в бледна зеленина, и препълни сърцето на Дилетанта с дързост.*” (с. 58) В сърцето, в кръвта, в тялото си той чувства чудото на Любовта. Любовта, която е „сама цел за себе си.” (с. 24) Любовта, която провокира „Другото”. Това проличава и в първия разговор, който провежда с Дамата. Сега, той става носител на активното мъжко начало и за разлика от първата възможност, тук, не се проваля. Дава име на своята Дама и с това начинание прави първа стъпка към познанието, към личното и интимното. „ – аз трябва сега да Ви измисля име ...” (с. 67)

Назоваването, може би, допуска още по-близо един до друг двамата герои и те придобиват смелост, с която по-умело се движат в играта на шах, която са предприели със своите тела. Техните движения, думи и действия в любовната игра са значима част от театъра на сетивата, който те разиграват пред очите на читателя – техния зрител. Изкусно местят „фигурите” си на шахматната дъска, използвайки отличителна визуализация. Дилетантът и Дамата щедро щрихират „словорисунки”¹⁶ на сцената, в които намират място „орнаменти, рамкиращи вътрешните изживявания.”¹⁷ Личните моменти между двамата понякога са пропити с ирония и са опит – бъдещето да бъде овладяно чрез плътта:

- „... *Вие просто извършвате атентати срещу шивачката ми и не подозирате, че я руинирате по този начин съвсем основателно.*
- *Бъдете спокойна – мен ми се струва, че тя отдавна е руiniрана от Вас. А освен това тя заслужава да бъде просто обезглавена, тази приятелка, загдето е измислила такива идиотски секретни копчета. Човек разваля тъй маникюра си, а това не е никакво изкуство.*
- *О, естет! Не е ли по-добре предварително да застраховате ноктите си на квадратен милиметър.*” (с. 81)

или

„ – ... *Махнете ръката си, шампионе, моето тяло не е шахматна дъска! Вие обмисляте Вашите подли планове до петия ход, без да виждате, че отдавна имате шах.*” (с. 81)

В следващия миг интимността между мъжа и жената е подложена на философски оглед:

” - *Искам да бъда измамен, назван, обичан. Ах, аз искам да позная лъжата на Вашето тяло, което аз вземам за истина; искам да нарека чрез Вас измяната сън, а съня Щастие, да ви назова с хиляди малки, лъжливи имена, да Ви видя смутена, смирена, странна – о, да бих могъл да Ви направя покорна и в същото време тържествуваща; да се измамя, че ви унижавам, покорявам, притежавам; да Ви имам вечно и да бъда вечно свободен от Вас, винаги, винаги – докато престана да Ви помня, докато престанете да ме смущавате. Уви, какво искам от Вас: какво бих могъл тепърва да желая? Вий, виждате, ний седим спокойни, нали? Ний сме две малки деца, които си разказват сънища и Вий се усмихвате винаги, все още, все още. Аз съм спокоен – и не съм. Но аз съм спокоен – Вий трябва да забележите това; аз трябва да бъда спокоен. Сега, сега: дайте ми само малко време да престана да мисля за нищо, трябва да чакам, да мечтая, че това може да трае до свършването на всички неща. А после, а после?”* (с. 66)

„А после, а после?” – „Какво следва?” – въпрос, който остава в съзнанието на Дилетанта и посява съмнения. В неговото виждане, двамата с Дамата са деца, в чиято безобидна игра цъфти истина и чистота. В следващия миг сблъсъкът на реалност и сън, на желано и привидно рязко разграничава двата свята, което поражда безпокойството.

По време на разговорите, в които двамата герои беседват, спорят, наблюдават се, Дилетантът изведнъж, а може би и постепенно, съзира ролята на жената, не само на онази, чиято „*телесна тайна, жаднее за въздух, не се бои, ако я види слънцето.*”¹⁸ Той разпознава образа-миниатюра на мъжа, който жената носи вътре в себе си. Чрез нея той вижда частица от историческата мисия на жената като Жена: „*О, ти цяла се извиваши в неувимости, ти кристализираши в огън, ти си бягащ облак от пожари – бесен неутолим облак от сладострастие. Ти се сътворяваши през вековете и застиваши бавно в похоти – но колко време е трябвало да измине, докато получиши лик; колко хилядолетия, мигове: колко тръпки, докато стихнеш в една единствена форма – и колко скръб, колко скръб, о жена, докато се превърнеш в любов и оживееш. Ах, да оживееш, да получиши живот – моя живот, живота на всички поколения, през които си минала като дълга пламенна вълна, оставяща само следите на греха: един миг, един миг – почакай – ето! – аз прозирам твоето ново начало: бъди благословена – аз те сътворявам: ти си! Ти си! Ти си!*” (с. 85)

¹⁶ Кузмова, Катя. Чавдар Мутафов – Възкресение на Дилетанта-София: Ваньо Недков, 2001

¹⁷ Сугарев, Едвин. Самотният бунт на Дилетанта, сп. Литературна мисъл, 1986, кн.9, стр. 52

¹⁸ Шейтанов, Найдено. Бунт на тялото, сп. „Златорог” кн.1.София, 1928

Тя е. Тя е тази, която дава живот. Тя е Майката. Тя е силуетът, който се пресътворява. Тя е, тази, която е и ще бъде и за да продължи своя път нейната сянка трябва да се слее с Неговата.

В последната „Никаква възможност: Нищото“ сюжетът се развива в противоположна посока. Противно на заглавието „Нищото“ се превръща във „Вечното“. В търсенето на възможности, битието е осмислено. По време на тържествения, костюмиран бал, Дилетантът, изпадайки в състояние, помрачаващо яснотата на съзнанието, усеща бодлите на „неговото Вчера, което става Всеки Ден ...“ (с. 136) и как не може да излезне от кръга, който е „едно вечно превръщане, напред, назад – в хиляди места и в хиляди посоки“ (с. 154). Дилетантът получава опита и узнава, че за „да преодолееш себе си, слят със своето начало, със своя мътен хаос, преди своето собствено сътворяване, да преодолееш нещата, Света! О, това е една идея. Това е самата Идея – какво? Аз ставам така Нещо, а нещата показват своето съществуване през мен. И аз мога да вървя, да вървя, все пак да съществувам – безполезно и вечно във вечния циферблат на нещата...“ (с. 156) Минутата отминава и ще дойде друга ...

В определен момент от живота всеки един от нас е манекен, кукла – Дилетант, Денди ... Не винаги си даваме сметка, че изживяваме голяма част от ежедневието си като актьори. Подбира ме „костюмите“, диалозите, интонацията си и излизаме, и хората, с които общуваме се превръщат в нашата „публика“. За някои това е работа, но за повечето е неосъзнат феномен. Независимо, че сме поставени в „градината“ на живота, „на видимата баналност на нещата“, ние сме тези, които се „изработват“ и „разрушават“. Ние сме нашите кукловоди.

Романът „Дилетант или градината с манекени“ на Чавдар Мутафов оставя вкуса на противоречиви чувства. Не е достатъчен един прочит, за да се разгадае „механиката“ на произведението. Да откриеш Дилетанта или Денди в себе си, да ги срещнеш из улиците на съзнанието си като забравено усещане и да им позволиш да ги приютиш, е възможност за тяхното опитомяване. Възможността да откриеш още едно лице на човешката природа.

Библиография

Произведения

Чавдар, Мутафов. *Дилетант. Декоративен роман*, изд. Издателско Ателие АБ, София, 2004

Източници

Зографска-Кузмова, Катя. Чавдар Мутафов – Възкресение на Дилетанта-София: Ваньо Недков, 2001

Русева, Виолета. Аспекти на модерността в българската литература през 20-те години. 1993

Сугарев, Едвин. Самотният бунт на Дилетанта, сп. Литературна мисъл, 1986, кн.9, стр. 52

Хосе Ортега-и-Гасет. Изследвания върху любовта. Издателство Фабер, 2005

Шейтанов, Найдено. Бунт на тялото, сп. „Златорог“ кн.1.София, 1928

Martin Janečka

Filozofická fakulta Univerzita Palackého Olomouc
Olomouc, Česká republika

PROČ (A KAM) SE ZTRÁCEJÍ REFLEXIVNÍ KLITIKA SE/SI PŘI PROCESU NOMINALIZACE?

This paper tries to explain on the data from the Czech National Corpora (ČNK) how the reflexive forms of verbs behave during nominalization. It concerns in particular the verb „učit se“ (to learn) and the deverbative form „učení“ (teaching) vs. „učení se“ (learning). I found out that in some contexts the form „učení“ expresses meaning of the form „učení se“. Similar situation arises for example by the verb „zkoušet“ (examine) and by the option with reflexive clitic „zkoušet si“ (try on).

Key words: nominalization, reflexive clitics, adnominal genitive, the language corpora

1. Depredikační transformace jsou v českých mluvnicích a dalších jazykovědných publikacích demonstrovány výhradně na konstrukcích nereflexivních (srov. často uváděný příklad genitivu subjektového: *Mistr Jan Hus kázal* → *Kázání Mistra Jana Husa* nebo genitivu objektového: *Upálili Mistra Jana Husa* → *Upálení Mistra Jana Husa*) (Čechová 1996: 144). Mým záměrem však bylo zjistit, jakým způsobem (a jestli vůbec) se při procesu nominalizace projevují změny v reflexivních formách slovesných, např. u typu *učit se*, zejména v jakém pádu bude po depredikační transformaci neshodný přívlástek, pokud víme, že verbum *učit se* se pojí buď s předmětem v akuzativu, nebo v dativu. Při excerpování dat z Českého národního korpusu (ČNK) jsem však došel k tomu, že sémantika formy *učení se* je v jistých kontextech vyjadřována pouze formou *učení*. Pokusil jsem se tedy o vyhledání podobně se projevujících depredikačních transformací a rovněž jsem se u těchto procesů pokusil deklarovat obecná pravidla.

2. Ač jsou dnes korpusové analýzy častým tématem samostatných studií, tak se analýzy pádu nacházejí na okraji zájmu korpusových výzkumů (výjimkou je např. Štícha 2004). Jeden z možných důvodů tohoto „nezájmu“ se začal jevit v průběhu mého výzkumu.

K analýze jsem použil subkorpora SYN2013pub a SYN2009pub, které představují nejaktuálnější synchronní korpusy psané publicistiky. Data excerpovaná z těchto subkorpů považuji za významnější pro můj výzkum než např. data z korpů SYN 2005 nebo SYN2010, jelikož v subkorpusech SYN2009pub a SYN2013pub jsou soustředěny texty z oblasti publicistiky, v nichž jsou přítomny aktualizací tendence a prvky mluvenosti, tudíž je možné tvrdit, že se v této oblasti odráží vývoj spisovného českého jazyka nejzřetelněji. Jak již bylo uvedeno výše, studií týkajících se korpusových analýz pádu je poskrovnu. Jedním z hlavních důvodů může být fakt, že vyhledávání pádu jmen obecně je v ČNK problematické kvůli komplikacím technického rázu, což ještě umocňuje pro češtinu příznačná pádová homonymie. Jelikož frekvence extrahované z jednotlivých korpů nemusí být zcela přesné, bylo třeba získané údaje následně manuálně překontrolovat. Co se týká frekvence jednotlivých konstrukcí, nejsou pro můj výzkum primární, jelikož šlo zejména o to dokázat, že takové konstrukce vůbec k nalezení jsou, a zejména proto tedy v některých případech neuvádím konkrétní statistické údaje, ale omezují se jen na vyjádření pro prvních sto výskytů. Nutno zdůraznit, že texty z korpů nejsou upraveny po stránce typografické ani gramatické; jedinou úpravou tak je zvýraznění sledovaných konstrukcí.

3. Jestliže u verba *učit se* vypustíme klitikon *se*, verbum mění sémantiku: *učit se něčemu/něco* → *učit někoho něčemu/něco*. Týž sémantický posun by se měl projevit rovněž při vypuštění *se* ve formě *učení se*. Výraz s elidovaným klitikem *se* byl však zaznamenán i tam, kde bylo z širšího kontextu evidentní, že sémantika koresponduje s *učit se něčemu/něco* (a ne s *učit někoho něčemu/něco*). Analýze jsem nejprve podrobil materiál extrahovaný z korpusu SYN2009pub po vyhledání dotazu na konstrukci substantiva *učení* s dativem libovolného substantiva. Zjistil jsem, že z celkového počtu 26 výskytů bylo relevantních 12 výskytů, v kontextu *učit se něčemu/něco* pak hned 10 výskytů, ač konstrukce bez klitika tuto sémantiku mít nemá:

že byly vystavovány násilí - odchylně zpracovávat sociální informace. Odchylné zpracovávání sociálních informací ve věku pěti let předpovídá vyšší míru útočného chování v pozdějším životě. Děti se naučí být agresivní. Mám zato, že se na *učení agresivně* u některých dětí mohou rozsáhle podílet násilné filmy, televizní pořady a počítačové hry - tyto děti vůbec nemusí být obětí domácího násilí. Až sem by to byly do jisté míry jen úvahy. Co říká tvrdá věda

Identifikoval jsem jen 2 výskyty s významem adekvátním pro tuto konstrukci (tedy „vychovávat někoho něco“): umět naučit se psát petici, chovat se jako občan, " říká Kotal. Ale nic se nesmí přehánět, varuje ředitel největší Základní školy v Semilech Jaroslav Vávra. " Posun od fak tografie k vyhledávání informací a *učení kreativité* nesmí znamenat, že žákům škola nebude poskytovat základní poznatkovou výbavu. Bez té by se stejně v informacích nevyznali," upozorňuje. Kromě hledání toho správného poměru - který hodlá stanovit ministerstvo školství nově koncipovanými rámcovými osnovami

Po vyhledání dotazu na dativ substantiva v korpusu SYN2013pub jsem získal celkem 37 konstrukcí, se sémantikou *učit se něčemu/něco* 12 výskytů:

ČR, Agentura Skřivánek, Děti se učí jazyky rychleji Protože děti vstřebávají cizí jazyk snadněji než dospělí, vyplatí se s výukou neotálet. Dejte si však pozor na to, kdo a jak vaše dítě vyučuje. Kvůli *učení angličtině* by nemělo zakrhnět ve své mateřštině. Narodil se někomu z vašich příbuzných nebo přátel čerstvý potomek? Pak vaše první kroky možná povedou pro malý obleček do prodejny Mothercare, pro dudlík do Baby Expertu nebo pro plyšáka do

Opět jen 2 výskyty disponovaly významem adekvátním pro tuto konstrukci (tedy „vyučovat někoho něco“): na jejichž základě se zúčastnil soutěže a získal stipendium na třech zahraničních školách, které postupně vystudoval. Hodnota stipendií jde do miliónu. Kdybych jen mohla zhodnotit časové a energetické investice do rozvoje dětí, nekonečnou trpělivost při *učení hře* na housle, doprovázení do skaut, zájmových kroužků, domlouvání a organizaci schůzek a aktivit, učení šachu, jízdě na kole, lyžování, čas trávený návštěvami lékařů, na třídních schůzkách, hašení problémů ve školách

Při analýze deverbativa *učení* v konstrukci s genitivem substantiva jsem z korpusu SYN2009pub získal 656 výskytů, avšak po nezbytné manuální revizi dat jsem (v prvních sto výskytech) nakonec mohl počítat pouze s 19 relevantními konstrukcemi substantiva *učení* s neshodným genitivním přívlaskem v tom smyslu, že sémantika těchto konstrukcí odpovídala formě *učit se něčemu/něco* a vypuštění klitika *se* v těchto případech modifikuje sémantiku na *učit někoho něčemu/něco*. Druhý korpusový doklad níže považuji za zajímavý proto, že po odstranění klitika *se* se v následující výpovědi vyskytuje verbum i s klitikem *se*, čili se sémantikou (*na*)*učit se něco/něčemu*.

V konstrukcích jako je druhá výše uvedená lze vypuštění klitika *se* vysvětlit tím, že se v těsném sousedství sledovaného místa vyskytuje verbum *naučit se* a koexistence dvou klitik *se*, vyskytujících se v tak krátkém úseku textu, může být autorem konstrukce považována za stylisticky neadekvátní i proto, že je reflexivita vyjádřena již na jiném místě.

v tzv. humanitním směru latina. Paní Brdečková by jistě řekla, že to bylo proto, aby se pak studenti snáze učili francouzsky, španělsky, italsky apod. Možná. Vážným důvodem však bylo i to, že *učení latiny* nutilo k logickému myšlení, přesnosti a důkladnosti. K témuž vede i matematika. Nejde tedy o integrály, ale o cvičení v logickém uvažování. To jsou přece také premisy pro nelezení dobrého zaměstnání v Evropské unii.

Pouze 4 výskyty disponovaly významem adekvátním pro tuto konstrukci (tedy „vyučovat někoho něco“): v dřívějších dobách většinou vůbec neuměli číst. Přitom jim stačilo, že některou pasáž slyšeli třeba jen jednou a dokonale ji zopakovali. Prostě věřili, že je to jejich bůh naučil a oni jen opakují. Poznámky k *učení jazyků* z pohledu pedagoga - psychoterapeuta: Rozhodující není talent na jazyky ani snaha a touha naučit se, ale rozhodnutí a víra. Gramatiku se nemusíte učit skoro vůbec. Je totiž skrytá v každé větě. Do paměti se Konstrukci deverbativa *učení* ve spojení s genitivem substantiva jsem pak vyhledával i v korpusu SYN2013pub, přičemž jsem získal 1100 výskytů – po manuální revizi jich však (v prvních sto výskytech) zůstalo 26:

všechny Octobrianiny příhody dohromady. Český sen Počátek všeho je třeba hledat v hloubi 60. let právě u Petra Sadeckého, studenta FAMU, tehdy na vojenské službě u radiového odposlechu v Litoměřicích. Službu si tenkrát krátíl nejen *učením angličtiny* a němčiny, což při jeho zařazení nebylo jistě nic zvláštního (kdo ví , zda již tenkrát nepomýšlel na emigraci), ale i vymýšlením dobrodružného komiksu o lepé hrdince, o němž nadšeně vyprávěl svým kolegům. Po

Z těchto 26 pak 3 výskyty disponovaly významem adekvátním pro tuto konstrukci (tedy „vyučovat někoho něco“): Moje obrazy jsou impresivně laděné, mými vzory jsou malíři Jindřich Prucha a Antonín Slavíček. Portréty dělám skoro všude. Třeba i při jednání akademického senátu si nenápadně črtám do bločku obličejů svých kolegů. "Jak se kloubí *učení umění* a umělecká praxe?" Vzájemně se podporují. Díky praktické činnosti lépe chápu otázky teoretické. Teoretické znalosti mi zase pomáhají při vlastní tvorbě. Domnívám se, že schopnost sám něco vytvořit je k prospěchu každému historikovi umění

Hodnocení klitika *se* v depredikačních transformátech jakožto prvku knižního, tendence k jazykové ekonomii a rovněž výskyt dalšího *se* náležícího jinému verbu mají podíl na tom, že místo formy *učení se* nalzáme v některých kontextech formu *učení*. Výskyt konstrukcí deverbativního substantiva *učení* s genitivním nebo s dativním neshodným přívlaskem se sémantikou *učit se něčemu/něco* byl více patrný v korpusu SYN2013pub, což je však možné považovat pouze za důsledek jeho většího rozsahu.

Poněkud překvapivý je velmi nízký počet relevantních konstrukcí, které jsem nakonec mohl ve svém výzkumu uplatnit. Většina materiálu totiž sestávala z konstrukcí, u nichž s ohledem na pádovou homonymii nebylo možno přesně určit, jestli se jedná o předmět v dativu nebo v genitivu, a proto jsem je raději pro účely analýzy neuvažoval. Tagování ČNK není s to tento problém eliminovat, tudíž jsem byl nucen stanovit konečnou množinu relevantních dat až po manuální revizi všech původně vyhledaných konstrukcí.

4. Ponechám nyní stranou detailní rozdíly mezi chováním klitik *se* a *si* a pokusím se analyzovat některé konstrukce obsahující právě druhé uvedené reflexivní zájmeno. První dichotomii tvoří verbum *opakovat* s příslušnou reflexivní formou *opakovat si*, resp. deverbativní dějová substantiva *opakování/opakování si*. V korpusu SYN2009pub jsem identifikoval 1829 konstrukcí formy *opakovat si* s bezprostředně následujícím genitivem substantiva, v korpusu SYN2013pub pak 2474.

Relevantní forma *opakování* s reflexivním klitikem *si* a se substantivem v genitivu však byla v obou korpusech identifikována pouze v řádu jednotek, a to 6 konstrukcí se sémantikou *opakovat si něco* (např. učivo) v korpusu SYN2009pub a 8 konstrukcí v SYN2013pub vždy v prvních sto výskytech.

Doklad z korpusu SYN2009pub na kontext disponující sémantikou *opakování si něčeho*:

totiž o přesné časové určení, ale o koncentrovaný pocit rozvleklé, sirupovitě ulepené nudy; ještě trefnější pro vyjádření takového stavu je pojmenování pruda, které před časem zavedla Pražská pětka. Způsob, jakým se tu pracuje s *opakováním textů*, písní, situací, gest i pohybu připomíná postupy absurdní dramatiky. Marthaler však tento princip dokázal posunout dál - nejde mu jen o repetitivnost slov, jež se mohou slévat až k nesrozumitelnému chaosu. Buduje na scéně

Doklad z korpusu SYN2013pub na kontext disponující sémantikou *opakování si něčeho*:

na některou z krizových linek, kde jim poradí odborníci. Dohodnou - li se rozumní rodiče s dítětem, jehož výsledky nebyly slavné, na pevnějším řádu, měli by mu nechat delší dobu na odpočinek. "S *opakováním látky* do školy by měly děti začít až v posledních dvou týdnech v srpnu, a to lehkou a hravou formou," doplnila dětská psycholožka. Kam volat o pomoc?

Korpus SYN2013pub obsahuje oproti korpusu SYN2009pub takřka o třetinu více konstrukcí výrazu *opakování* ve spojení s genitivem substantiva, v korpusu SYN2009pub jsem pak v souladu s tím identifikoval méně konstrukcí se sémantikou *opakování si něčeho* než v korpusu SYN2013pub (v poměru 3:4). Nálezky sice nepřekročily řád jednotek, i tak ale přispěly k mé hypotéze o vypouštění klitik při nominalizaci a o sémantické modifikaci, která nastává právě v důsledku tohoto procesu.

5. Třetí analyzovanou konstrukcí je verbum *zkoušet* a jeho reflexivní podoba *zkoušet si*, resp. deverbativní substantiva *zkoušení/ zkoušení si*. Sémantika formy *zkoušení si* (zkouškou se o něčem přesvědčit, vyzkoušet) se odlišuje od téhož deverbativního substantiva postrádajícího klitikon *si* (zjišťovat a klasifikovat znalosti, zejména studentů). Jak v korpusu SYN2013pub, tak v korpusu SYN2009pub jsem neidentifikoval ani jednu formu *zkoušení si* vykazující sémantiku ve smyslu *zkoušet si něco* (na sebe/na sobě) apod. Ve všech případech dané klitikon *si* náleželo jinému verbu. Neurčitý tvar verba *zkoušet* s klitikem *si* a se substantivem v genitivu se sémantikou *zkoušet si něco* (na sebe) jsem identifikoval, i když pouze v řádu jednotek. Tak jako v předchozích případech jsem chtěl ověřit, jestli se slovesný tvar *zkoušet si* dostává do procesu deverbativní transformace takovým způsobem, že by při nominalizaci opět nastalo vypuštění klitika. Analýza materiálu mě dovedla k závěru, že v případě konstrukcí obsahující toto verbum jde o jev daleko čtenější, než tomu bylo v případech uvedených výše, tedy *opakování (si)*. V korpusu SYN2009pub bylo (v prvních sto výskytech) 11 z celkového počtu 471 nálezů *zkoušení* spolu s genitivem substantiva vykazující sémantiku *zkoušet si něco* (na sebe), v korpusu SYN2013pub pak z celkového počtu 634 výskytů *zkoušení* s genitivem substantiva 9 výskytů se sémantikou *zkoušet si něco* (na sebe).

V korpusu SYN2009pub jsem identifikoval např. tento doklad formy *zkoušení* se substantivem v genitivu, vzhledem ke kontextu disponující sémantikou *zkoušení si něčeho*:

Na molech byli zatím fotbaloví reprezentanti úspěšnější než na trávníku Fotbalová reprezentace má za sebou první utkání baráže. Zatím však byla úspěšnější v akci, která má také cizí název - fitting. V oděvní hantýrce se tak označuje *zkoušení oděvů*, které hráči i realizační tým absolvovali samozřejmě ještě před odletem do Bruselu. Pro většinu fotbalistů šlo už o docela běžnou praxi, byť se při ní objevily profese pro sportovce poněkud netradiční - například osvětlovači a vizážisté

V korpusu SYN2013pub jsem se sémantikou *zkoušení si něčeho* identifikoval např. následující kontext: Přijdou do obchodu a sáhnou na správné ramínko. Vědí, co jim sluší. Ti ostatní potřebují poradit. Když pasuje sako, je dále třeba dbát na vyvážený poměr proporcí. Říká se tomu fitting. Při *zkoušení obleku* je nutné být obutý. Délka a šířka horní i dolní části těla musí být v rovnováze. Široké sako k úzkým kalhotám nebo krátký kabátek k volným kalhotám vaši siluetu rozhodně nevylepší. Stejně nešťastná bude volba dvouřadého saka
V dokladech výše je vypuštěno klitikon *si* a sémantika *zkoušení něčeho/někoho* by měla být totožná s významem 2. v SSČ. Vzhledem ke kontextu se však jedná o význam 1., čili lze pokládat vypuštění klitik *si* za proces měnící sémantiku výpovědi.

K elidování může docházet mj. z toho důvodu, že (sebe)referenční funkci vykonávají v rámci kontextu další kohezivně-koherentní prostředky, např. reflexivní tvar slovesný ve výpovědi předchozí nebo následující za výpovědi s deverbativním substantivem bez klitika *se/si* nebo rovněž přítomnost reflexivní formy slovesné ve výpovědi s deverbativním substantivem, jehož potenciální klitika jsou pak v takové situaci již považována za nadbytečná, resp. jako stylisticky hyperkorektní.

6. Moje dosavadní úvahy mají oporu např. v názorech Karlíkových v *Encyklopedickém slovníku češtiny* (2002: 415). V rámci reflexivních sloves diferencuje 1) tzv. vlastní reflexiva – např. typ *vidět se* (v zrcadle), kde reflexivum (v alternaci s tzv. silnou podobou *sobě/sebe*) plní funkci předmětu a signalizuje tím, že subjektový referent koná děj sám na sobě, 2) inherentně reflexivní slovesa, tedy reflexiva tantum. Jako c) uvádí Karlík doklady podobné těm mým a nazývá je inherentně reflexivními variantami slovesa (IRVS). Podle něj se IRVS od IRS odlišují tím způsobem, že *se/si* je považováno za součást slovesa, které se vyskytuje rovněž ve formě bez

se/si a dodává, že tvar obsahující *se/si* stojí v jisté sémantické relaci k tvaru bez *se/si*, tj. *se/si* je považováno za slovotvorně motivovaný morfém (řeč je pak o slovotvorné reflexivizaci).

Morfém *se* podle názoru Karlíka „absorbuje“ syntaktickou pozici rezervovanou pro předmět, IRVS tudíž slovotvornými prostředky signalizuje, že činnost vyjadřovaná pomocí verba *se* vztahuje jen k subjektovému referentu. Podle autorů existuje mezi skupinou b) a c) plynulé pásmo přechodu. Problematiku vypouštění klitik při procesu nominalizace reflexivního tvaru slovesa *se* však Karlík řešit nepokouší. U typu *učit se* by tedy bylo možné morfém *se* pokládat za akuzativní předmět. Nominalizaci *učení se* (např.) *gramatiky* by tak bylo možné považovat za „degradovaný“ vzhledem ke skutečnosti, že by se vedle sebe vyskytovaly dva neshodné atributy v genitivu. Naproti tomu *učení se* (např.) *gramaticy* je možné s ohledem na různé pády atributů (čili u 1. genitiv, u 2. dativ) pokládat za přijatelnější. V konstrukcích s vypuštěným klitikem *se*, tedy *učení gramatiky/gramaticy*, se těmito problémy zabývat nemusíme, což může být rovněž jednou z příčin toho, proč tvary s vypuštěným klitikem *se* v jistých kontextech realizují také reflexivitu.

7. Jeden ze způsobů, jak se postavit k otázce vypouštění reflexivních klitik při procesu nominalizace, je rovněž tzv. rámcová teorie generativní gramatiky (Chomsky 1995), jejíž zastánci poukazují na postupné budování struktury v jednotlivých krocích, jenž je možné definovat. Ke kombinaci lexikální hlavy (zde deverbativní substantivum) s argumenty (objekt) dochází v jiném kroku, než s neargumenty (konkrétně primárně s argumenty, až pak s neargumenty). Načrtnutá koncepce fázi má za to, že argumentové složky jsou součástí nominalizované formy, přičemž ty neargumentové nejsou, jelikož ve fázi, kdy by mělo dojít k jejich připojení, již proces nominalizace skončil a substantiva rovněž doplnění nevyžadují (mohou jimi disponovat, ale nemusí). Má analýza by tak rovněž zčásti potvrdila i to, že (české) dativy, které koexistují vedle akuzativů, nejsou považovány za argumenty (čili objekty), mj. proto, že teorie generativní gramatiky počítá pouze s jediným pravostranným argumentem.

Závěr

I když jsem takřka u všech sledovaných forem získal velmi malé množství materiálu k tomu, abych mohl své vývody generalizovat, mohu uvést to, že analýzy korpusových dat nasvědčují předpokladu, že v určitých kontextech nastává při deverbativní transformaci (nominalizaci) vypouštění reflexivních klitik, což má za následek modifikaci vyjadřované skutečnosti. U všech tří analyzovaných deverbativních substantiv nastává vypouštění klitik zřejmě z totožných důvodů, a sice že 1) uživatel jazyka pokládá deverbativní substantivum ve spojení s klitiky *se/si* za prvek knižní; 2) k vypouštění klitik dochází rovněž kvůli jazykové ekonomii – uživatel totiž považuje deverbativum bez klitika za významově totožné s formou obsahující klitikon *se/si*; 3) bod 2) posiluje názor uživatele, že více než jedno klitikon v jedné větě je stylisticky neadekvátní, přičemž však uživatel nekalkuluje s tím, že by každé klitikon náleželo jiné konstrukci.

Generativní gramatika má potenciál rozkrýt fungování strukturace výrazů – v případech typu *učení se gramatiky* nastává při nominalizaci vypouštění klitika *se* zřejmě z toho důvodu, že dva neshodné atributy v genitivu jsou pokládány za tvar „degradovaný“ a upřednostněny jsou tak tvary bez klitika, v jejichž případě problematika adekvátnosti pádu druhého neshodného atributu (genitiv, nebo dativ) mizí. V dokladech typu *zkoušení si něčeho* nastává vypouštění klitika *si* zřejmě proto, že *si* je pokládáno za ne vazebný argument, který je v pojetí generativní gramatiky v takových konstrukcích již přebytečný, resp. proto, že nominalizované substantivum již nějaké doplnění – na rozdíl od slovesného tvaru – nevyžaduje. Otázkou však je, zda generativní gramatika může pomoci objasnit to, proč k uvedenému procesu dochází (s ohledem na data nalezená v korpusech ČNK) pouze marginálně, bez možnosti daný proces v jistých kontextech generalizovat. Domnívám se, že nikoli.

Prameny

Český národní korpus - SYN2009PUB. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2010. Dostupný z WWW: <<http://www.korpus.cz>>.
Český národní korpus - SYN2013PUB. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2013. Dostupný z WWW:
Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha. Dostupný z WWW: <<http://ucnk.ff.cuni.cz/>>.
Manuál korpusového manažeru Bonito. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha Dostupný z WWW:
<<http://ucnk.ff.cuni.cz/bonito/>>.

Literatura

Bauer, Jaroslav – Grepl, Miroslav (1980): *Skladba spisovné češtiny*. Třetí vydání. Praha, SPN.
Chomsky, Noam (1995): *The Minimalist Program*. Cambridge, Mass., The MIT Press.
Čechová, Marie a kol. (1996): *Čeština – řeč a jazyk*. Praha, ISV.
Daneš, František a kolektiv (1987): *Mluvnice češtiny 3*. Praha, Academia.
Daneš, František a kolektiv (2004): *Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost*. Praha, Academia.
Grepl, Miroslav – Karlík, Petr (1998): *Skladba češtiny*. Olomouc, Votobia.
Grepl, Miroslav – Karlík, Petr (1986): *Skladba spisovné češtiny*. Praha, SPN.
Karlík, Petr – Nekula, Marek – Pleskalová, Jana (2002): *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha, NLN.
Karlík, Petr (1998): Ke klasifikaci genitivu adnominálního. *SPFFBU*, 47, A 46, 121–130. Brno, MU.
Petr, Jan a kolektiv (1986): *Mluvnice češtiny 2*. Praha, Academia.
Šícha, František (2004): Nominativ a instrumentál predikátového substantiva v současné češtině: sonda do korpusu. *Naše řeč*, 85, 2004, 113-133.

ЗНАЧАЈ НАРОДНЕ ЧИТАОНИЦЕ У ЗАДРУ ЗА СРБЕ И ХРВАТЕ У ДАЛМАЦИЈИ ОД ОСНИВАЊА 1862. ДО 1880. ГОДИНЕ

As the Dalmatian XIX century capital, Zadar had an important cultural and political role for the national Serbian and Croatia awakening in Dalmatia. In the beginning, those two nations worked together creating many associations. One of those are certainly the national libraries. Serbs and Croats, in the midst of the roman domination found the Slav library in 1862. Right after the foundation, this institution becomes an important political and cultural nucleus and the place where the important event were held: political meetings, electoral campaigns, theatre exhibitions, and different other manifestations. The harmony between Serbs and Croatian will endure for more than a decade and afterwards the two parties split politically in Serbian and Croatian party. In the year 1879 Serbs found the Serbian library. The following period of the Serbian and Croatian relationship on the field of library management was divided, and together again on December 8th when they met again in the Yugoslav library.

Key words: Dalmatia, Zadar, Serbs, Croats, Slavic reading room, culture

Улога народних читаоница у Далмацији које су почеле ницати од 1862. год., огромна је и свакако од капиталног значаја за културно-политички препород Срба и Хрвата у Далмацији. Слободно можемо рећи да су само њихово отварање, а касније и улога коју су имале у другој половини 19. века, били један од узрока снажнијег културног развоја поменутих народа, нарочито образоване популације која је добрим делом тада била однарођена.

Прве читаонице се јављају упоредо са политичким организовањем Народне странке са којом ће бити у уској вези читавог века свог трајања. Истичући у свом називу „славјански“, ова „народњачка друштва“ су од самог свог настанка, касније и деловања, нарочито истицала јужнословенски карактер.

Читаонице су биле она места где се у тадашњој „талијанашкој“ атмосфери далматинских градских центара и насеља колико-толико гајио народни дух. У разноврсним формама деловања: забава, песма, музика, разговори, штампа, домаћа и страна книга итд., радило се на подизању националне културе и политичке свести. Поред осталог представљају су и јавно мишљење Народне странке у одређеном месту. (Grabovac 1969: 213).

Народне читаонице имале су само формално културно-просветно обележје, а у ствари постале су убрзо битне политичке базе Народне странке у целој Далмацији.

Свеукупно деловање народних читаоница доказује да су та друштва од самог оснивања преузела на себе улогу политичких клубова „народне странке“, те је консеквентно следила до коначног тријумфа народне мисли, па се са правом може закључити да су народне читаонице уз „Народни лист“ представљале идеолошку и борбену авангарду препорода у Далмацији. (Grabovac 1969: 192)

Поред осталог, важно је напоменути, да се у њима, међу чланством расправљало о свим битним политичким питањима, о наступању на општинским, покрајинским и изборима за Царевинско веће. Славе се изборне победе, разни јубилеји, приређују пригодне свечаности итд.

Година 1862. нарочито је битна за Народни препород у Далмацији. Тада су се приморски Срби и Хрвати упустили у политичку и културну борбу за понорођење своје домовине. Заједничким снагама основали су Народну странку и покренули њен орган *Narodni list*, а Божидар Петрановић је покренуо веома битно друштво Матицу Далматинску. Исте године у Далмацији оснивају се најпре сплитска, а потом и задарска читаоница. Опсежне припреме задарских народњака, поред осталих са великом пажњом пратили су и Срби из Војводине. Тако новосадски лист *Србски Дневник* извештава следеће: „У Задру ће се основати народна читаоница; устав њен већ е поднешен Намесништву. Ово е знак, ово је знак да се и у далматинским варошима почиње будити народни дух, кога е до сада притискало талианство“. (*Србски Дневник, 1862, Нови Сад, бр. 62*) Народњаци су оформили иницијативни одбор за отварање читаонице који су чинили: Петар Вргада, Манфред кнез Борели, Јово Медовић, Г. Паштровић – као „тумач племените жеље многих часних грађана и становника“, поднео је Намесништву молбу да допусти оснивање ове корисне установе и потврди приложени статут. (Grabovac 1969: 202)

Процедура је захтевала да Намесништво проследи молбу полицији. Одговарајући на то тражење, шеф задарске полиције Гаринф поднео је 12. септембра 1862. извештај са својим мишљењем да се молба за оснивање читаонице не може одбити, али да би се онемогућила делатност, осим што је предвиђа статут, шеф полиције настојао је пронаћи могућност непосредног надзора над делатношћу читаонице. Између осталог, саветовао је да се читаоници наметне краљевски комесар, но Намесништво је, потврђујући предложени статут, отклонило ту сугестију. (Grabovac 1969: 202) „Власт је одборила оснивање славенске читаонице у Задру“. (*Србски Дневник, 1862 Нови Сад, бр. 77*)

Свечаном отварању Народне читаонице које је обављено 14. 2. 1863. присуствовале су бројне званице, међу њима и намесник Мамула, задарски начелник Конте Бегна, те више саборских заступника мањине и већине, осим оних најреакционарнијих из редова бирократије које Народни лист назива „*riego centralizmo*“. (Grabovac 1969: 202)

Поздравни говор држао је последњи директни потомак славног ускока Јанковић Стојана, знаменити Илија Деде Јанковић. То нимало није било случајно, јер је био надасве познат интелектуалац, а по свом раду и доприносу можемо га сматрати за једног од носилаца народног препорода у Северној Далмацији. Као истакнута личност био је изабран у управни одбор читаонице заједно са још четири члана (Конте Борели, Ф. Данило, Антонијети и Јово Медовић).

Јанковић своје романтичарске, словенске, народњачке и српске тежње изнео је у свом пригодном говору приликом отварања читаонице. „*Ево сретнога за нас дана који ће вјечно остати забиљежен у нашој повјесници јер установљења овог нашега народног завода мислим да ће бити свакоме искреном родољубу узрок радости и весеља...*“ (Савић 2003: 137)

Затим се у говору осврће на славну и слободарску историју, истиче, наравно, битност Косовског боја и времена после њега када су се славјански народи борили за слободу против „*азијатских дивљака*“ избављајући се уз помоћ „*млетачког лава*“. После истицања тешких историјских околности и борбе коју је народ поднео бранећи западну Европу, Јанковић додаје шта је у тадашњем времену и околностима требало чинити за народни препород: „*Друго нама дакле не преостаје данас него умјети укористити згоде које су нам у рукама подупирући сваким нашим могућством наш народни напредак, а свима је познато да напредак једнога народа у ничему се не састоји толико колико у развјетку и изобразењу народног језика и књижевности, а ово ћемо лако постићи... буде слога владати и братимска љубав... јер слога и љубав подиже царство и градове а неслога и омражња их руши и обара*“.

Иако у незгодном и субординисаном стању према Италијанима и њиховој култури у Далмацији, Јанковић са пуним поштовањем говори о обостраној равноправности и уважавању, те наглашава значај за развој те романске културе и језика за Славјане: „*Наша браћа далматински Талијани премда су одвећ у малом броју спрема нама нека се не плаће и нека не мисле да је наша жеља или наша намјера да њих притиснемо и њихов језик из јавног живота проренемо... јер су очите сваком наше намјере и наше тежње то јест равноправност за свакога... Ми би сами себе варали и отрицали се сваког напредовања када не би у будуће миловали и гајили лијепи језик мудре Италије... нека и они спрема нама једнако поступају, нека нам не отричу нашу највећу и најмилију светињу, нека не пријече пут развјетка нашег језика...*“

Последњи Јанковић свој говор завршава наглашавањем о узајамном поштовању свих народа као једином леку за будућност: „*...свачију ћемо народност толико знати поштивати, колико желимо да наша поштована буде...*“ (Савић 2003: 139) После овог поздравног говора реч је узео први председник читаонице Фране Данилов који је говорио на италијанском језику. Истакао је улогу читаонице нарочито за далматинско село, јер је однос града према селу „*на неку руку главни узрок необразовања и сиромаштва далматинске простоте...*“. Завршавајући свој говор Данилов се надовезао на Јанковића, истичући захвалност коју Далмација дугује италијанској култури и италијанском језику као моћном средству достигнућа знања. (*Glasnik Dalmatinski*, 3. 3. 1863.)

У току свечаности приспели су и прочитани поздравни брзојави родољуба из Сиња, Обровца те сплитске Народне славјанске читаонице која је пожелела „*...да братска слога с новим друштвом ојача национално осећај, који даје живот обема.*“ (Grabovac: 202)

Други део свечаности настављен је у задарском позоришту, а отворен је колом које је повело осам гимназијалаца одевених у црногорске народне ношње, а при том су певали пригодну Сундечићеву песму „*Ход хватај се, брате брата*“. (Grabovac: 202)

Јанковић с правом узноси тренутак оснивања народне читаонице којом се Словенима пружала могућност неговања своје културе, знања о себи, језика, свакодневног дружења, читања, разговора, игре и свечаности. (Савић 2003: 136)

Сходно духу времена и првобитној политици Народне странке у почетном периоду било је чланова Хрвата и Срба, али и аутономно одређених појединаца. По отварању задарска читаоница је већ бројала 196 чланова. (Maštrović 1964: 471) Као члан утемељивач конте Јанковић је редовно неколико пута годишње потпомагао ову народну установу. (Савић 2003: 141)

Значај отварања и рада славјанске задарске читаонице је огроман за буђење народне мисли у Далмацији јер је Задар, поред тога што је био главни град Далмације, био уз Дубровник и најкосмополитскији центар Далмације. Наиме, Сплит ће тек знатно касније преузети тај примат Задру.

Читаоница је од свог отварања била богато снабдевена готово свим словенским листовима и часописима тог доба. Примала је 50 разних новина, и то не само оних које су излазиле на српскохрватском језику широм словенског југа већ и новине на италијанском, француском, грчком, енглеском и немачком језику. (Perić 1961: 39)

Имајући пред очима своју основну улогу, задарска је читаоница развила основну културну и просветну делатност којом се од првог дана свог постанка јавности покрајинског центра јасно и отворено представила као национална установа којој је циљ будити успавану свест и припремати народ за политичку борбу. (Grabovac: 202)

Ова читаоница је својим културним, али и политичким деловањем, као стедиште задарских народњака постала најатрактивније друштвено састајалиште. Сарађивала је са другим читаоницама попут сплитске, приређивала и литерарноисторијске вечери, а Ј. Сундечић је држао курс славјанског народног језика.

Оваква делатност, наравно, није се допала задарским аутономашима, који су Задар сматрали својим „најиталијанским градом“ у читавој Далмацији. Развили су жестоку кампању оптужујући као средишта панславизма који представља „... негацију слободе равнотеже ... а по том ... озбиљно питање по читаву Европу“, „неслоге и мржње међу грађанима“, па и „*fanatici adoratori del russofilismo*“. (Grabovac: 202)

Михо Клаић, председник Народне странке и управник читаонице, имао је заиста великих изазова тих година да сачува ову читаоницу од затварања и аутономашких напада. Стављено 1867. год. пред тежак испит политичке зрелости, вођство народне странке и читаонице успешно га је положило, издржавши све прогоне, затворе и шиканације. (Grabovac: 202)

Како је време одмицало, задарска народна читаоница је све више добијала на свом значају као политичко састајалиште и клуб народне странке, нарочито након прве народњачке победе на изборима 1870. год.

Интересантно је упоредити задарску читаоноцу са дубровачком читаоницом која је основана 1863. год. Дубровник је одувек био оаза славјанске мисли и културе. Народни језик на улицама тог града није био страни као што је то био случај у самој Задру за већи део 19. века. Град Гундулића је имао лепу традицију чувања књижевности на народном језику.

У таквим условима, дубровачка народна читаоница није морала улагати знатније напоре у буђењу љубави према народном језику међу домаћом интелигенцијом која је за разлику од других далматинских градова претпостављала народни језик службеном италијанском. (Grabovac: 204)

Такође, значајно је напоменути да су у читаоничким просторијама поред бројних забав и манифестација, позоришне представе приређивала и деца из месне Српске девојачке школе. На задовољство свих присутних чланова и уважених гостију српска деца су успешно 1862. год. извела представе више пута. „*Дјевојку Црнкињу представљала је српска младеж ланске године два пута и у Народној читаоници у Задру и то на обите задовољство.*“ (Српско-далматински магазин за 1863. годину: 113-114)

Следеће године 12. и 19. марта у великој дворани Народне читаонице поново је приказана дечја драма у једном чину „Дјевојка Црнкиња“, коју је баш за децу превео Божидар Петрановић и објавио у штампи. Ова весела актовка врло је успела и млади глумци, три девојчице и три дечака, „све су присутне управ усхитили“. Пролог је певао Ј. Сундечић, а деветогодишња девојчица Ружица Мрша декламовала је тај пролог пре почетка представе. (Maštrović 1953: 160) Представа је успешно изведена још једанпут, тако да је дала повода да се уигра и весели играока за децу у једном чину.

Приказивање поменутих представа на српском језику, које су започеле још од првог извођења 1854. год. од стране српске дечице, имало је веома значајан успех али је и дало подстрек за нова извођења на народном језику у Задру.

Управа Народне читаонице то подржава и подстиче, те задарски ђаци почетком 1864. год. дају у дворани тог друштва прво комедију за децу у једном чину „Млади ловци“, а потом другу драму „Хајдуци“. (Maštrović 1953: 160) Обе су представе изазвале „*općeno zadovoljstvo mnogobrojnoga sakupljenoga občinstva*“. (Narodni koledar 1863: 108)

Бујан и разноврстан културно-политички живот читаонице у Задру озбиљно је био нарушен седамдесетих година 19. века. Тада долази до преузимања Народне странке и *Narodnog lista* од ултраклерикалне хрватске струје под вођством дон Миховила Павлиновића. Политички испади, шовинизам, ниподаштавање српског идентитета па и инциденти од поменуте струје постали су готово далматинска свакодневница.

Између осталог, Народна читаоница у Задру је седамдесетих година 19. века престала примати српску штампу. То је био јасан знак српским члановима овог друштва, да постепено иступају из њега. Усијано далматинско политичко поприште у којем су вађена политичка оружја тешког калибра на обе стране, довело је до расцепа до тада јединствене Народне странке, што се одразило и на даљи ток развоја народних читаоница. Врхунац се десио 1877. год. када је Стјепан Митров Љубиша у далматинском сабору изнео свој предлог против сједињења Далмације са Хрватском. Раздор је био неминован. Већина Срба је тада иступила из читаонице, али и изван број Хрвата. „*A i neki Hrvati miroljubiviji, koji su ćutili, da i narodna stranka ima deo svoje krivnje, slabije su dolazili*“. Последњи члан управе читаонице од Срба био је Ђуро Обрадовић који је остао све до 1878. год. (Belić 1912: 85)

Задарска Народна читаоница од 70их година 19. века постаје искључиво хрватско друштво, док ће назив „Хрватска читаоница“ службено променити тек 1905. год. Већ крајем 1879. год. задарски Срби основаће засебну Српску читаоницу која је лепо напредовала у потоњим деценијама. Такође, вредела је за најзначајније и водеће српско друштво у Донатовом граду.

Након преко три деценија подвојеног читаоничког живота до коначног помирења дошло је пред прадскозорје Првог светског рата. Почетком 1914. год. у Хрватској читаоници била је одржана заједничка хрватско-српска скупштина. Сам скуп је имао протестни карактер против аустријских власти због забране друштву „Соко“ да учествују у спроводу кнеза Манфреда Борелија. После бирања председника ове скупштине, на којој је једногласно био изабран др Вулетић Вукасовић, приступило се главним циљевима одржавања овог састанка. Циљеви су били следећи: поред горе наведене, такође и мисао народне изванстраначке организације Хрвата и Срба у Задру. (*Застава 1914: бр. 19*)

У расправи су учествовали сви представници далматинских странака сем аутономашке. Задарске Србе је представљао А. Ковачевић чија је изјава била са одушевљењем примљена, рекавши том приликом „... да ће у свему Срби у Задру бити солидарни са Хрватима ...“ На истој скупштини донесена је била и заједничка одлука о даљем деловању. (*Застава, 1914. бр. 19*).

Када је Првим светским ратом пропала Хабзбуршка Монархија, наступило је ново доба за хрватско-српске односе уопште па и у Далмацији. На ванредној скупштини Хрватске читаонице 24. новембра 1918. год закључује се сједињење са задарском Српском читаоницом у друштво под заједничким именом Југословенска читаоница у Задру. Ово је друштво одржало оснивачку скупштину 8. децембра 1918. год на којој су донесена правила и изабрана ова управа; председник Јосип Тончић, подпредседник Урош Десница, одборници: проф. Јосип Жежина, инг. Владимир Новаковић, др Јосип Петриколи и Јосип Новаковић. (*Maštrović 1964: 475*)

Нажалост, новонастало Југословенско друштво било је кратког даха. Рапалским уговором 1920. год, град Задар припао је Италији. Нова италијанска власт потрудила се да онемогући рад скоро свих неиталијанских друштава у Задру, па тако и саме Југословенске читаонице која је укинута непосредно по новој владавини.

Bibliography

Periodicals

- Glasnik Dalmatinski*, 3. 3. 1863. Zadar 1863.
Застава, „Слога Задарских Хрвата и Срба“, бр. 19, Нови Сад 1914,
Српско-далматински магазин за 1863. годину. Задар 1863.
Србски Дневник, „Из Далмације“, бр. 77, Нови Сад 1862.
Narodni koledar, „*Neki važni slučaji u godini 1864*“, бр. 3. Zadar 1865.

Books and articles

- Belić, Rudi, (1912) *Narodni list jubilarni broj 1862-1912, Zadar u narodnom preporodu*. Zadar.
Grabovac, Julije, (1969) *Narodne čitaonice, Zbornik o hrvatskom narodnom preporodu u Dalmaciji i Istri*, Zagreb, str. 192-218.
Maštrović, Vjekoslav, (1964) *Hrvatska društva u Zadru 1848-1920*, Zagreb.
Maštrović, V., (1953) „*Prilog povijesti hrvatske kazališne umjetnosti u Zadru*“, *Zadarska revija*, br. 3.
Perić, Ivo, (1961) „*Jedna molba upravnog odbora Narodne čitaonice u Zadru iz 1865. god.*“, *Zadarska Revija*, Zadar.
Савић, Милорад, (2003) *Илија Деде Јанковић : прилози за биографију*, Загреб.

Мар'яна Климець

Львівський національний університет імені Івана Франка, кафедра слов'янської філології
Львів, Україна

ОСОБЛИВОСТІ КОНСТРУЮВАННЯ ЖІНОЧИХ ОБРАЗІВ У ФАНТАСТИЧНИХ ОПОВІДАННЯХ ХОРВАТСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ- МОДЕРНІСТІВ

The article focuses on the strategies of creating female characters in fantastic short stories. The agonists of the given texts are functioning as male mental phenomenon (elements of his dreams, part of reminiscence) or representatives of strange spaces. Women project irrational or ideal and the plot where they are depicted contains erotic-tanatic plane. Short stories by Croatian writers of the 19-20th centuries K.S. Gjalski, R. Yorgovanich, A.G. Matosh, V. Nazor, constitute the corpus of this study.

Key words: fantasy, female character, Eros, Tanatos, irrational, modernism

Коли мова йде про жіночі персонажі у хорватських модерністських творах, які кваліфікуються як фантастичні, хотілося б виділити насамперед слово «конструювання», яке вказує на штучність та неприродність літературного образу. У фантастичних творах модерністів жіночі образи, на відміну від чоловічих, саме конструюються, вони позбавлені жвавості, індивідуальності, повнокровності й передовсім об'ємності, оскільки існують виключно як феномени психіки протагоністів-чоловіків. Жінки в таких текстах є передовсім проекцією ірраціонального¹⁹ або ідеального/невловимого*. А ірраціональний дискурс, у центрі якого розчарування в розумі, намагання дослідити світ, де людина «не здатна контролювати не тільки буття, але й свої власні вчинки й почуття» (Павличко 2002: 220), є однією із мов фантастики в літературі на зламі віків.

Конструювання жіночого образу відбувається на кількох рівнях, передовсім на рівні простору, адже протагоністки фантастичних модерністських текстів перебувають поза межами дійсного світу – вони з'являються як елемент сну («Сон доктора Мишича», К.Ш. Джалського), як частина спогаду чоловіка («Думки про вічність» Я. Лесковара, «Любов на одрі» Р. Йоргованича, «Гроза в тиші», «Шлях у Ніщо» А.Г. Матоша), оприсутнені через кореспонденцію («Миша» А.Г. Матоша), існують як репрезентантки чужого – іншого простору («Халуґиця» В. Назора, «Зачароване люстро» Ф. Галовича).

Ірраціональність є засадничою дійсністю, основним виміром буття жінки – «Ja ne znam što si, sjena ili žena» – констатує ліричний герой А.Г. Матоша в модерній «Пісні Пісень», тоді як для чоловіка автори пропонують цілий набір екзистенціалів, основні з яких – самотність і крах ілюзій. У перспективі перед героями модерного часу порожнеча, Ніщо – такий досвід особливо виразно демонструє новела А.Г. Матоша «Шлях у Ніщо»: протагоніст твору Мар'янович надає перевагу чуттєвому пізнанню перед раціональним: «я живий, бо найсильніші не оті, що найбільше можуть і знають, а ті, що найбільше передчувають і вірять». Дискусії щодо феномену рацію і можливостей світу розумного охопити і пояснити світ розвиваються на сторінках творів К.Ш. Джалського, Я. Лесковара, А.Г. Матоша.

Особливо актуальним для модерного автора є зв'язок розуму з поняттям літератури і слова. А.Г. Матош говорить про крах літератури: хорват, представник паризької богемі Мар'янович намагається написати книжку про своє життя – це мав би бути «роман, гумореска, подорожні нотатки, епопея, гімн, мораліте, трагедія» (Matoš 1973: 254), але в результаті спалоє її, проповідуючи банкрутство мови і мислення, саме тому божевілля Мар'яновича виявляється як небажання говорити і чути – бо слово вже не здатне втілити думку. Жіночі образи теж конструюються не тільки за допомогою слова, а й за допомогою інтерсеміотичних засобів, зверненням до інших видів мистецтва – особливо до музики. Такою є Фанні з оповідання «Камао» А.Г. Матоша, для якої життя, мистецтво і любов Ероса є тотожними, музика для неї – це сакральна дійсність, причетність до світу священного. Із натяків та алюзій на літературні, малярські та музичні тексти витканий образ Ізабелі з новели «Квітки на роздоріжжі» того ж автора. Саме оповідання є діалогом із жанрами попередніх епох, зокрема з буколіками, пастораллю. Таким чином, письменники-модерністи виходять за межі літератури як світу слова й експериментують із іншими зображально-виражальними засобами. Проте слово було й залишається основним шифром для візуалізації снів та для вимовлення, оприсутнення невидимого, що належить до сфери ірраціонального, за допомогою метафори. При конструюванні жіночого образу модерністи заклали і зв'язок Ероса й Танатоса. Передовсім це виявляється в сюжеті про мертву наречену, який актуалізує представник раннього модернізму Рікард Йоргованич в оповіданні «Любов на одрі», оповіданні з явними рудиментами романтичної фантастики. Протагоніст твору – художник, емігрант з

¹⁹ Розуміння жінки як деструктивної стихії, що керується тільки інстинктами й бажаннями, було закладено і в досвіді реалістичної літератури, зокрема в образі фатальної Лаури з роману А. Ковачича «У реєстратурі». Лаура – абсолютне втілення ірраціонального, неконтрольованої пристрасті, нестримуваного потягу до знищення.

* Згодом в югославській літературі цю традицію продовжив, зокрема І. Андрич, пор. напр. новелу «Прекрасна Єлена».

України Хвостов, який страждає через те, що жінка, яку він кохав, вийшла заміж за іншого й невдовзі померла. Художник присвячує своє існування єдиній ідеї - створити досконалий портрет коханої Аделаїди. Зображення покійної заповнили весь життєвий простір Хвостова, але він ніяк не може створити оту ідеальну картину – картину мертвої дівчини на смертному ложі: «зронивши на її могилі кілька щирих сльозин, Василь Хвостов поїхав до Італії, там знайшов друзів-художників, плекаючи в серці єдине бажання – намалювати свою любов на одрі... Стіни його ательє були завішені ескізами різних розмірів, на яких був зображений один і той же об'єкт – жінка на смертному ложі. Хто б з друзів не похвалив якусь зарисовку, він одразу ж хвилювався: погана тінь, треба ще над цим попрацювати, чоло ніяк не вдається, а де оті сповнені життя, небачені губи?...» (Jorgovanic 1975: 60). Коли ж художник зустрічає Анджеліну, дівчину неймовірно схожу на Аделаїду, він запрошує її позувати для портрета покійної. Анджеліна, закохавшись у Хвостова, марніє з дня в день і, не витримуючи конкуренції з мертвою Аделаїдою, випиває отруту – лише для того, щоб Хвостов зміг створити свою ідеальну картину. Тільки тоді художник зрозумів сутність кохання. Кінець твору трагічний – Хвостов в стані афекту підпалив будинок і сам загинув у полум'ї.

Дівчина, яка приходить в снах до лікаря Мишича, поступово перетворює його денне життя в сіру нудьгу, і тільки ночами Мишич переживає досвід закоханості в прекрасну молоду незнайомку, відчуваючи повноту буття*. Мишич в реальності бачить цю дівчину вже мертвою, при проведенні розтину тіла лікар необережно порізався скальпелем, зараженим отруйною кров'ю покійної, що стало причиною його загибелі. Появу дівчини у своїх снах Мишич вже на порозі смерті потрактував як знак, як долю, яка його попередила про неминуче, а видіння молодої прекрасної незнайомки було останнім, що він побачив перед тим, як навіки зімкнути очі. Концепти любові Ероса як потягу до творення й пристрасті Танатоса як потягу до руйнації, простежуються й на глибшому рівні в оповіданні «Камао» А.Г. Матоша. Виступаючи із критикою філістерства й міщанства, втіленого в образі чоловіка Фанні, якого зраджує дружина, письменник стоїть не на етичних, а естетичних позиціях, оскільки кохання Фанні й Каменського, обох митців, є позаземним, не профанним, а сакральним феноменом, що підтверджують репліки персонажів: «Це заради тебе я народився і через тебе помру», «Я тебе завжди, завжди знала і завжди тужила за тобою», «Чуєш ..., як зірки звучать, а звуки зоріють? Це пісня серафимів, а твоє серце її веде небесним арпеджіо» тощо (Matoš 1973: 124-124). На думку Е. Краснухіної, «абсолют трансцендентний емпіричному світу, а призначення Ероса – бути мостом, ланкою, що поєднує реальність іманентну і трансцендентну, матеріально-тілесну й ідеально-ціннісну. Ерос повинен поєднувати в собі дві природи – духовну і чуттєву. Тому є всі підстави твердити, що еротичну версію духовності слід будувати на основі первісного потягу до краси, а не до добра» (Краснухіна). Герої живуть у світі мистецтва, у світі ідеальному: Альфред піаніст, Фанні віолончелістка. У грі, у мистецтві, у розчиненні в музиці вони бачать смисл свого буття: «Ми разом житимемо й разом гратимемо», – буде плани спільного життя жінка. Така стадія екзистенції, тобто досягнення блаженства бути поглинутим божественним, вищим буттям, саме по собі є небезпечною: у героїв виразно присутнє тяжіння до естетизації буття, до краси, а краса пробуджує в людині чуттєвість і духовну, і плотську. «Красу породжує присутність начала світлого, розумного аполлонівського начала форми та міри і темних, пристрастних, інстинктивно-вакхічних імпульсів начала діонісійського» (Краснухіна).

У постаті Фанні, внутрішньо чуттєвій, неспокійній, проглядається образ фатальної жінки, втіленням еросу через красу духовну з одного боку й красу тілесну з іншого. І Каменський, і чоловік Фанні відчувають еротичну природу жінки, й обоє гинуть через неї. Проте загибель чоловіків показана по-різному: смерть Каменського, по суті, не є смертю фізичною – в останні хвилини життя він чує симфонію світу, ніби зливається з нею, переживаючи акт єднання із божественним: «У молитві гасне його погляд, у численних зірках – нічних нанизаних чотках..., хмарах, нічному ладані..., місяці – нічному причастью, що почало наближатися до його уст. «Небеса співають славу Господню», – вимовив він з усіх сил. І сад запах ладаном. Він тілом відчув бальзам заспокійливого небесного дощу. Темрява» (Matoš 1973: 132-133). Смерть чоловіка Фанні є виразно танатичним екзистенціалом в тому сенсі, що танатос – це деструкція особистості, неможливість самоідентифікації, акт самознищення. Через втрату смислу свого життя – Фанні – її чоловік знищує себе у фізичному плані – вчиняє самогубство.

Ще одним ключем до розшифрування еротичного коду у творі стає мовлення персонажів, які у стані закоханості обмінюються виразно естетизованими, поетично-еротизованими формулами, що вкорінені у середньовічну літературну традицію й інтерпретовані у Вагнерівських операх «Трістан та Ізоolda» та «Тангейзер». Саме ці твори є лейтмотивом до історії кохання Альфреда та Фанні. Співвідносячи себе із героями лицарського роману, що загинули через заборонене кохання, протагоністи

* Мотив властивий для героїв кінця сторіччя – пор. з антологічним віршем І.Франка «Чому являешся мені у сні» зі збірки «Зів'яле листя». Про філософію любові і смерті в І. Франка див. у: Тихолоз, Богдан. (2004) Ерос versus Танатос (філософський код «Зів'ялого листя»).

А.Г. Матоша наче проектує їхню долю на свою (адже їхнє кохання в зовнішньому світі табуїзоване, хоча й природне у світі ідеальному). Фігуру Ероса, що є втіленням мистецтва як начала естетичного, бачимо в новелі А.Г. Матоша «Квітка на роздоріжжі». Стихією краси й досконалості пройнята сліпа аристократка Ізабела, з якою зустрічається Солус на фоні ідилічного пейзажу. Її зовнішність у сприйманні героя теж ідеальна (нереальна, неохопна, невловима), Солусу недостатньо одного лише слова, щоб передати свої враження від прекрасного видіння – слово надається, щоб описати виключно зовнішні атрибути, наприклад, одяг, взуття. Обличчя ж і постать дівчини зіткані з алюзій на малярські твори, на симфонію, автор порівнює її з античною скульптурою і зрештою надає їй сакрального виміру: «Дівчина така біла і ніжна, наче бачить саме лише біле місячне сяйво, наче вдихає тільки запах вечірніх квітів, наче грається лиш з нічними темними оксамитовими метеликами. Волосся розсипалося золотистою хвилею по ніжній, сніжно-білій шії... яке творіння Ван Дейка чи Грьоза зійшло... зі старовинної дворянської рами? Може, це якась сліпа переодягнена мармурова статуя з італійських палаців? Може, це душа чийогось тужливого ноктюрну прийшла зачарувати мене на сором іронічному дню? З якого готичного вікна, з якої райдуги прийшла ця непорочна дівоча казка зі заплещеними очима? Може, це ожив акорд Бетховеного зітхання над арпеджіо «Місячної сонати»? Яке небо зронило на мій шлях краплину щастя?» (Matoš 1973: 260-261). Юна Ізабела пробуджує в Солуса чуттєвий та духовний потяг, вона представлена як алегорія краси і долі, що знову ж таки функціонують в естетичному вимірі: «Прекрасна, сліпа як щастя, як випадок», «Красива, як богиня, сліпа, як доля» (Matoš 1973: 263). У цій новелі А.Г. Матош відступає від декадентських традицій і опозицію доля-воля вирішує на користь другої. Так Солус вагається що обрати - Ізабелу, красу, чуттєву насолоду, яка таїть небезпеку для цілості його особистості, чи внутрішню свободу. Зрештою конфлікт вирішує батько Ізабели, який відводить її у прекрасний палац, а Солус залишається один.

Жінка модерного часу може спричинити крах ілюзії про прекрасне. Надзвичайно цікавим у плані співіснування модерної фантастики й романтичної іронії є експериментальна новела А.Г. Матоша «Балкон». Протагоніст роману витворює у своїй уяві образ прекрасної дівчини, бачить її як незбагнений сон, як найчарівніше видіння, що повернулося з минулого: її руки «бліді, білі, наче вмирають від краси», її гра на фортепіано нагадує спів серафима. Але романтики ще до модерністів з'ясували, що якщо письменники є творцями й деміургами світу, вони можуть стати і його руйнівниками та вбивцями. Коли герой зізнається Цветі (він її називає панночкою Флорою Н.) в коханні, його вимріяний світ ідеальної любові руйнують прозаїчні черевики, в які взута його мрія: «Я побачив, що каблук її черевиків викривлені, страшно викривлені, обидва на лівий бік. Життя вишкірилося цинічною диявольською посмішкою... З вулиці стали доноситися нудні, безглузді, жебрацькі звуки катеринки, а ті смішні, болісні, викривлені каблук я бачу в очах у Цвети, в усмішці, у вишуканій – а тепер смішній і недоречній поведінці. Моя любов раптом розбилася, перекивилася, перехнябилася наліво, я зіщулився у своєму кутку, щоб мене не торкнулася та смішна потвора на викривлених - на викривлених – на викривлених каблуках...» (Matoš 1973: 201). Оці міметичні каблук є метафорою буденної дійсності, яка руйнує ілюзію кохання модерного героя. Протагоніст новели Євген розповідає Цветі про свою закоханість у старий балкон в аристократичному палаці і страждання від любові до примарної жінки, що одного сонячного ранку з'явилася на ньому. Історія балкону, як і аристократичного палацу, була печальною: будинок згорів у полум'ї, а балкон опинився на смітнику. Прекрасна незнайомка виявилася звичайною куртизанкою. Так всі ідеали краси модерного героя, мрійника-естета знищені доконечністю часу і потреб реальності, а підсумком неможливості співіснування мрії про досконале й повнокровного буття в реальності підсумовує Цвета: «Я не ношу такого взуття, як ота ваша богиня, але обіцяю: я ніколи не впаду в болото, як сентиментальні, холодні, ідеальні оті ваші балкони...» (Matoš 1973: 203)

Не тільки жінки є тим ірраціональним елементом, проекцією фантастичного, що вносить анархію й смерть у чоловічий світ/чоловічу ілюзію – чоловіки, а особливо патріархальний устрій неодноразово стають причиною смерті жінки. Наприклад героїня Срна/Брунгільда з антологічного оповідання Д. Шимуновича «Райдуга»* є жертвою старосвітського укладу – Срні забороняють робити те, що дозволено її одноліткам-хлопчикам, від неї вимагають непорушного сидіння в будинку за вишиванням, спокійної і холодної поведінки під час святочної процесії тощо. В Чардаках побутує вірування, що якщо дівчинка пробіжить під веселкою, вона перетвориться на чоловіка, тому одного післягрозового дня Срна зважується на цей вчинок і гине в болоті. Образи Срни, батьків Сердара і Сердаріци, топографія Чардака закорінені в міфологічному сюжеті, а «образ недосяжної й оманливої краси різнобарвної райдуги став символом людської ситуації, яку пробували змінити втечею у несправжнє і яка наприкінці повертається до свого початку – міфу» (Donat 1975: 34).

Халуґиця з однойменного оповідання В. Назора (твір репрезентує фольклорний дискурс хорватської фантастики модернізму), її надзвичайна краса, про яку говорить цілий світ, є способом самоствердження чоловіків – его црецького вельможі, каставського капітана і пастуха Дівляна може бути

* Оповідання, що написане в неоміфологічній манері

задоволене тільки тоді, коли вони володітимуть найпрекраснішою із дівчат*. Саме їхнє бажання є руйнівним для Халуґиці – дочки морської сирени-віли, яка виростає серед людей, але набуває первісної морської ідентичності, коли накидає на себе шаль своєї матері – подарунок каставського капітана, здобутий хитрощами й обманом. Перетворення Халуґиці зробило нещасною не тільки її, але й хлопця, якого покохала – Ябланка, представника стихії гір і лісу. В сюжеті оповідання лежать істрійські легенди про морських сирен, які зачаровують земних хлопців, вірування в дітей, підкинутих злими духами тощо. При творенні образів і центральних персонажів Халуґиці та Ябланка, і другорядних В. Назор послуговувався поетикою народної лірики та епосу, при описуванні природи – сецеїстичними та неоромантичними кодами, вводить автор у тканину твору й власні пісні, стилізовані під народні, написані чакавським діалектом*. Так, коли рибалка Фране знаходить новонароджену дівчину, довкола немовляти починають складатися казкові легенди щодо походження: «Яка ж гарна дитина, то плід якоїсь нещасливої королеви... Що це в дитини на голові – волосся чи морські водорослі? А оті зелені очі. Цю дитину не жінка народила, це не християнська душа... Це виплодок відьми Халуґи!» (Nazor 1973: 90-91). Для передачі краси дорослої Халуґиці письменник вдається до засобів, характерних для уснопоетичної творчості, витворюючи при цьому сецеїстично-розкішний образ красуні, насичений метафорами морської/чужої стихії: «Коли Халуґиці виповнилася вісімнадцята весна, розквітла дівоча краса і молодість, як гілка бузку, як самшитове деревце. Молоде її тіло наче виблискувало морською піною. Довге світле волосся хвилею спускалося по плечах. Червоніли її губи, наче корал, добутий з дна морського. Великі зелені очі сяяли м'яко, наче дві зірки, що потонули в глибині, горіли, мов вечірнє сонце на морському обрії, сміялися, мов сонячний промінь, що іскрами і блискітками розсипався по мирній поверхні світанкового моря. Молодим вином закипіла кров у дівочому тілі. Радість і веселощі переповнили її серце. – Виросла гнучка, як сарна чи в'юн, в її мові вчувалося хлюпотіння хвиль, і співала Халуґиця чудних пісень – то сповнених туги, як нічна затока, залита місячним сяйвом, то веселих і манливых, як весняний ранок» (Nazor 1973: 106).

Естетизація образу Халуґиці відбувається не тільки завдяки естетичним категоріям народної лірики, а й зверненням до одного з найдавніших і найвишуканіших гімнів краси та кохання – Соломонової «Пісні Пісень». Халуґиця і Ябланко у своїй закоханості вивищуються над звичайним буденним мовленням, їхні зізнання в почуттях надзвичайно піднесені й поетичні. Наступні уривки засвідчують паралелі між двома творами*:

Pjesma nad Pjesmama. Biblija
Zaručnik: Kako si lijepa, prijateljice moja, kako si lijepa! Oči su tvoje kao golubice, ispod koprene svijetle. Kosa ti je kao stado koza, što silaze gore gileadske.
Zaručnica: Slušaj! Moj dragi, evo, on dolazi, skače preko gora i poskakuje preko humova. Dragi je moj kao srna ili kao jelenče. Gledaj samo: već stoji iza zida, gleda kroz prozor i viri kroz rešetku. (Pjesma nad pjesmama)

Halugica. Vladimir Nazor
- Došao si mi, Jablanko moj, iz luga zelenoga kao jelen, na kome su narasli zlatni rogov i srebrni parošići.
- I nađoh te, Halugice, draga moja, na igalu morskome kao školjku, što se netom rasklopila, da pokaže suncu i mjesecu dva zrna bisera.
- Donio si mi u bradi svojoj duhu kadulje i smilja, a u pramu svome vonju kupine i smrekove kore. (Nazor 1975: 120-121)

У фантастичному дискурсі хорватського модернізму жіночі образи мають важливе функціональне значення – за їх допомогою автори увиразнюють фантастичний компонент (мотив ірраціонального, тема чужого), актуалізують міфологічні сюжети, деміметизують оповідь на рівні мовлення персонажів. Аналіз поетики жіночого образу пропонує бачення хорватського модерністського дискурсу під новим кутом зору, допомагає зрозуміти місце фантастики у поетичних засновках течій, що були актуальними наприкінці 19-початку 20 століття.

Література

- Donat, Branimir (1975). Stotinu godina fantastičnoga u hrvatskoj prozi. In: *Antologija hrvatske fantastične proze i slikarstva. Branimir Donat. Igor Zidić*, Zagreb, Liber.
- Jorgovanić, Rikard (1975) Ljubav na odru. In: *Antologija hrvatske fantastične proze i slikarstva. Branimir Donat. Igor Zidić*, Zagreb, Liber.
- Matoš, Antun Gustav (1973), *Sabrana djela*, sv.1, prir. D. Tadijanović, Zagreb, Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti; Liber; Mladost.
- Nazor, Vladimir (1973), *Pripovijetke*. Zagreb, Mladost.
- Павличко, Соломія (2002), Дискурс модернізму в українській літературі. In: *Теорія літератури*, Київ, Основи.
- Краснухина, Е.К. (1995), Эрос смерти. In: *Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск* - <http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/thanatos/05/index.html>
- Pjesma nad pjesmama - <http://www.hbk.hr/biblija/sz/pj.htm>

* Црес – острів в Адриатичному морі, Кастав – місто на півострові Істра в Хорватії

* Чакавський діалект – один із трьох діалектів хорватської мови, поширений у приморських регіонах, зокрема на півострові Істра

* Для повнішого розуміння поетики «Халуґиці» вважаємо за доцільне подати уривки хорватською мовою

Adrienn Kocsis

Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

SPOSOBY POJAWIANIA SIĘ FORM WŁADZY W UTWORZE „PIASKOWA GÓRA” JOANNY BATOR

ABSTRACT: The article presents Michel Foucault's theory about power in Joanna Bator's novel. The article represents, how the power determines the relationships among people, in what kind of form can power appears in people's life. According to Foucault's theory people live in hierarchy, what is not stable, they can change their own position. The novel follows the story of 3 female members of a family (grandmother, daughter, grandchild), The characters are members of a complicated network, in which hierarchical relationships define their lives, everyday and human contacts.

Keywords: Foucault, Joanna Bator, form of power, relationship among people, hierarchy

Według francuskiego filozofa Michela Foucault-a formy władzy można wszędzie znaleźć, we wszystkich warstwach życia. Foucault stwierdza, że władza funkcjonuje poprzez rozprzestrzenianie i stabilizowanie dyskursów dyscyplinujących, które ustanawiają podmiot (Czapliński, 2011:54). Natomiast władza u Foucault-a oznacza nie tylko państwo, rząd, instytucje, albo sposób panowania, lecz oznacza grę. Władza to gra, która poprzez walki i zderzenia formułuje, wzmacnia i przewraca stosunki sił, władza to strategie, w których stosunki sił wywierają swoje wpływy. Władza to nie instytucja, nie struktura, nie jakaś siła, władza to nazwa, za pomocą której nazywamy jakąś strategiczną sytuację (Foucault, 1996: 94-95). W tę grę wszyscy mogą (i muszą) grać, ponieważ nie można jej uniknąć. Ludzie żyją w relacjach dominacji i podporządkowania, w których wszyscy mają swoje role. Natomiast role mogą się zmienić, albo osoba sama może kształtować swoją pozycję w danej relacji poprzez rozmaite techniki władzy.

Na pierwszy rzut oka w utworze *Piaskowa Góra* widzimy prawdziwy patriachal w rodzinie Chmurów. Ojciec Stefan Chmura jest górnikiem. W tekście znajdujemy wiele wypowiedzi Stefana wyrażających jego miejsce w rodzinie: „Stefan wiedział, co znaczy moje, jego były Jadzia i Dominika” (Bator, 2009:42), „zadaniem Jadzi jest dbanie o żołądek męża” (Bator, 2009: 141). Tereny, zadania są podzielone według patriarchalnych norm społecznych. Mężczyzna pracuje, przynosi pieniądze do domu, kobieta jako dobra żona prowadzi dom, karmi męża, sprząta, wychowuje dziecko. Głównym (jedynym) zadaniem żony jest zaspokojenie zachcianek męża. W tym wypadku chodzi tylko i wyłącznie o zachcianki fizyczne: „Na herbatę zbyt słabą jej mąż mówił siki świętej Weroniki, zbyt mocną uważa za szkodliwą na żołądek (Bator, 2009:141), „Gdy Jadzia kiedyś poprosiła Stefana, by zawiązał ugotowane ziemniaki w koc, ten na nią z mordą wyskoczył, że się strasznie rozmazało” (Bator, 2009:139), „z mężczyzny czasem wychodzi zwierzę, którego nie można opanować. To wiedzą wszystkie kobiety z Babela” (Bator, 2009:141). Tutaj mąż wygląda na prawdziwego, kapryśnego dyktatora. Jakby przemoc fizyczna była tutaj zaakceptowana i udowodniona tylko z tego powodu, że mąż ma „ważną i trudną” pracę. Wszystko wskazuje na to, że praca kobiety ma mniejsze znaczenie, jest lżejsza i oczywista, nikt – nawet kobiety – nie kwestionują tego. Doskonale chcą wypełnić tę rolę, którą społeczeństwo im wyznaczyło. Natomiast bliżej przyglądając się relacjom między członkami rodziny możemy dojść do zupełnie innego wniosku, niż powyżej twierdzono.

Bator maluje ironiczny obraz o historii miłości Jadzi i Stefana. W pierwszym okresie ich związku Stefan występuje jako prawdziwy książę. Ratuje przewracając się Jadzię, a ona, jako prawdziwa, niezaradna księżniczka wpada prosto w ręki Stefana. Stefan szybko robi plany na całe wspólne życie. On sam wszystko potrafi, własnymi rękami, trudną pracą fizyczną zdobędzie wszystko, czego Jadzia potrzebuje. Natomiast Stefan nigdy nie pyta, czego Jadzia potrzebuje. Stefan ma swoje wyobrażenie, jak wygląda szczęśliwe życie, a Jadzia na razie nie ma ani świadomości, ani siły temu się przeciwstawić.

Na początku historii mąż był głową rodziny. Był w bardzo dobrym stanie fizycznym, był wysoki, głośny, popularny wśród kolegów, myślał, że wszystko jest dla niego możliwe. Nie potrzebował dużo, najważniejsze, czego wymagał od żony, to zaspokojenie głodu i seks. Jadzia dość szybko dowiedziała się, że małżeństwo to nie bajka, o jakiej marzyła. Stefan nie zna języka uczuć, nie wie jak trzeba i można komunikować się z żoną. Niedługo wychodzi na jaw, że zupełnie w inny sposób wyobrażali sobie swoje życie, i wogóle nie pasują do siebie. Jadzia tylko sprząta, gotuje i próbuje przeżyć współżycia seksualne, które całkowicie są pozbawione romantyki. Jadzia musiała się nauczyć, jak można uzyskać te rzeczy, które dają jej szczęście, jak może samodzielnie dać sobie radę: „Jadzia ma niedługi staż małżeński i nabyła jeszcze pełnej wprawy w żoninych geszefach i szantażach. Dopiero uczy się udawania miesiączek i podmieniania metek, odcinania kuponów od tego, co nagromadzi żoninym sprytem za męża plecami. Jeszcze nie umie zgadnąć w porę, czy jej usta w podkówkę wzruszą Stefana, czy rozgniewają. Stefan gniewny idzie na wódkę z Kowalikiem, skąd wraca czerwony i błyszczący jak podpieczony nad ogniem. Godzi się wtedy w łóżku z Jadzią i nie uważa. Jadzia mówi, łóżko nas nie kłóciło, łóżko nie będzie nas godzić, ale mąż nie słucha i już lepiej, wygodniej się poddać, bo to w końcu nie boli” (Bator, 2009: 61-62). Na podstawie tego fragmentu możemy zgodzić się z teorią

Foucault-a, że sprawowanie władzy działa poprzez rozmaite techniki. Członkowie małżeństwa mają rozpoznać słabe punkty drugiego, a wykorzystując te punkty uzyskać swoje cele. Jadzia może uspokoić Stefana za pomocą seksu. Wiadomo, że nie chce uprawiać seksu, nie Jadzia wybrała sposób zgodzenia, ale w tej sytuacji musi podporządkować się Stefanowi, żeby uniknąć dalszych problemów. Później, kiedy zmieniają się role w rodzinie, a już spokój też się nie liczy, Jadzia nie poddaje się Stefanowi. Już nie boi się go, albo tego, że ewentualnie może dostać w ucho. Wybiera inny sposób panowania nad mężem: po prostu ignoruje go. Pozbawia Stefana ostatniej możliwości panowania, zwiększenia i wzmacniania jaźni: „To Jadzia przyłożyła ręki do zmiany obyczajów męża”(Bator, 2009:224). Im Stefanowi szło gorzej w pracy, tym stawała się Jadzia silniejsza i bardziej zdecydowana. Stefan zmniejszył się i nie tylko w oczach żony, ale też fizycznie. Stefan coraz więcej pił, był bardzo nieczęśliwy, już nikt nie patrzył na niego z podziwem. Kiedyś silny i dowcipny górnik został żalonym pijakiem, który w bardzo żalony sposób zmarł: udusił się pączkiem.

Powieść jest pięknym przykładem destrukcji mitu pojęcia „troskliwej i kochającej matki”. W filozofii Foucault-a władza dąży do uzyskania całkowitej kontroli nad społeczeństwem. Władza może osiągnąć ten cel, jeżeli sugeruje, że ciągle jesteśmy obserwowani. Z tego powodu działamy w świadomości obserwowania i zaczynamy obserwować sami siebie. Tworzymy siebie tak, żeby odpowiadać wszystkim normom, egzaminom. Takim egzaminem może być jakiś egzamin w pracy, na uniwersytecie, awans, ale najlepszą opinią zwrotną może być swoje dziecko. Jeżeli dziecko odnosi sukces w życiu, to poświadcza całe moje życie: jestem dobrym rodzicem, mam dobry stosunek do społeczeństwa, do ludzi, do wszystkiego, co kształtowało mnie: moje bogactwo duchowe, inteligencję, życie seksualne, itd...(Kiss, 1994:54). Relacja między Jadzią a córką, Dominiką, bardzo źle się zaczęła. Poród jest traumą dla kobiety, nawet, jeżeli jedno dziecko urodzi się martwe, dodatkowo matka po porodzie wpada w depresję. Jadzia oddaje swoją córkę matce Stefana, która przez sześć lat wychowuje Dominikę według swojej metody, która nie zgadza się z oczekiwaniami Jadzi. To już trzecia rzecz, która rodzi sprzeczności między matką i córką. Dominika nigdy w życiu nie mogła odpowiadać wymogom matki. Nie jest blondynką z niebieskimi oczami, według Jadzi córka wygląda na buszmana, a nie na normalną, ładną i miłą córeczkę. Dominika nie odpowiada stereotypom, które sugeruje nam społeczeństwo o doskonałych córeczkach. Stereotyp jest dyskursem społecznym, przez który możemy ocenić informacje. Stereotyp to nie pojęcie negatywne, raczej schemat, oczekiwanie. Jeżeli ktoś nie odpowiada naszym oczekiwaniom, różni się od zwykłego, nazywamy go „innym”. Pojęcie „różnicy” zajmuje centralne miejsce w europejskiej historii filozofii, ponieważ filozofia działa w światopoglądzie dualistycznym i stworzyła kategorię „inność”. Różnica pojawiła się w stosunkach władzy i wykluczenia, „różnić się od czegoś” oznacza „mniej, niż”, albo „bardziej bezwartościowe, niż”. Władza przywłaszczyła sobie pojęcie różnicy, tak dostało to pojęcie znaczenie „podporządkowanie”(Braidotti, 2007:34). Z tego powodu Dominiki nigdy nie akceptowali koledzy w szkole. Zawsze była celem innych dziewczyn w klasie, które były najładniejsze, normalne i dlatego akceptowane przez wszystkich. Dominika nie pasowała do żadnej kategorii, ani kolegów, ani swojej matki. Ignorując „inność” Dominiki Jadzia (tak jak Stefan) zaplanowała całe życie dziewczyny. To było życie, które Jadzia planowała najpierw dla siebie (jej nie udało się spełnić), a później dla takiej stereotypowej córki, o której Jadzia zawsze marzyła. Chce, żeby Dominika spełniła te marzenia, nie uwzględniając, czy Dominika tego chce, czy nie. W tym związku Jadzia zachowuje się jak Stefan w małżeństwie: Jadzia nie zauważa, że próbuje panować nad córką, z którą nigdy nie mogły dojść do zrozumienia. Dwie kobiety bardzo się różnią od siebie. W kontynuacji *Piaskowej Góry* w utworze *Chmurdała* dowiadujemy się, że Dominika opuszcza Polskę i podróżuje po całym świecie. Natomiast Jadzia chce, żeby Dominika została w domu, wyszła za mąż, urodziła dzieci. Dominika jest typowym nomadycznym podmiotem. Jak Rosi Braidotti stwierdza, dyskurs nomadycznym jest dyskursem ucieleśnionej różnicy, a różnica jest zlokalizowana wewnątrz podmiotu. Do struktury tożsamości nomadycznej należy ambiwalencja, konflikt, dialektyka władzy i podporządkowania. Mówiąc o kobiecej podmiotowości najlepiej metaforyzuje to zderzenie relacja matki z córką, która również zawiera w sobie paradoks „ciągłości nieciągłości” (Świerkosz, 2013:108). Żeby zrozumieć związek Jadzi i Dominiki, trzeba zbadać, jak Zofia Maślak wychowała swoją córkę, Jadzię. Jadzia była nieoczekiwanym, niechcianym dzieckiem. Cała cięża Zofii była pełna strachu, ponieważ w nocy poczęcia Zofia kochała się z kochanym mężczyzną Ignacym Goldbaumem i zgwałcił ją Maniek Gorgól, wielbiciel Zofii, którego ona zawsze odrzucała. Maniek Gorgól przez całe swoje życie planował ten moment. We wsi Maniek Gorgól był władzą, ponieważ pracował dla Niemców, był denuncjantem, trzymał wszystkich w strachu. Wszyscy bali się go, ponieważ był bardzo gwałtowny i zły. Z tego powodu nikt nie próbował uratować Żydów, oprócz Zofii, która ukryła Ignacego na poddaszu. Gorgól nigdy nie mógł zaakceptować odrzucenia przez Zofię, dlatego chciał zmienić swoją pozycję w relacji z nią. W tym odrzuceniu Zofia była w wyższej pozycji, niż Maniek, dlatego chciał on uzyskać panowanie nad Zofią. A najprostszym sposobem panowania jest przemoc seksualna. Najlepiej, jeżeli kobieta się opiera: „Będzie mówiła, błagam, będzie się opierać, ale tak troszczykę, by przyjemnie mu się opór łamało” (Bator, 2009:315). Ta noc określiła dalsze życie Zofii i związek ze swoją córką. Jadzia nie była podobna ani do Ignacego, ani do Mańka, dlatego przez całe życie trzymała swoją matkę w niepewności. Zofia szukała znaków ojca na Jadzi, ale nie znalazła niczego, z czym mogłaby zidentyfikować osobę ojca. Z tego powodu nigdy nie mogła pokochać Jadzi, a

Jadzia nie mogła się nauczyć języka macierzyńskiego. Ani Zofia, ani Jadzia nie są odpowiednikami stereotypowego obrazu troskliwej i kochającej matki.

Trzecią matką, którą trzeba wspomnieć to Leokadia Wawrzyniak. Ona jest matką, która chce całkowicie podporządkować sobie swojego syna, a Adaś staje się typowym przykładem mamisyńki. Chłopiec wybrał najlepszy zawód z punktu widzenia matki: chciał zostać księdzem: „Mój mały księżulo, zachwycała się mama i dotarło do niej, że oto znalazł się sposób, by pozostać jedyną kobietą w życiu synka” (Bator, 2009:355). Od tego momentu zaczyna się wychowanie dziecka do życia duchownego. Rodzice obserwują Adama w podobny sposób, jak Foucault modelował nieustanną obserwację przez władzę. Ojciec Adama buduje podobną przestrzeń do projektu więzienia, stworzonego przez Jeremy’ego Benthama: „Zadaniem mamy było utulanie go na tej drodze ku chwale, a tato miał czuwać, by nie zбочzył, i dlatego na drzwiach wydzielonego dyktowymi ścianami pokoju Adasia wisiała dyscyplina. Tak nazywał się kawałek elastycznej gumy, zmyślnie przymocowanej do drewnianego trzonka. Dyktowe ściany nie sięgały sufitu, inżynier Wawrzyniak mógł więc w każdej chwili wejść na stołek i z góry zajrzeć do pokoju syna, by zobaczyć, czy przypadkiem nie zarabia właśnie na karę” (Bator, 2009:356). Na podstawie fragmentu widać, że dla „dobrego Adama” syn nieustannie był pod obserwacją. Tutaj ponownie pojawia się teza Foucaulta, według której najlepszym znakiem zwrotnym jest dla człowieka udane życie swojego dziecka. W tym wypadku możemy mówić o totalnym panowaniu nad dzieckiem, rodzice pozbawiają Adama życia prywatnego i zdolności do powzięcia decyzji. Ten system u Adama działa do momentu poznania Dominiki. Zakochują się w sobie i Adam planuje uciec z Dominiką i opuścić kościół. O tym dowiaduje się proboszcz Postronek i prosi o pomoc matkę Adama, żeby razem przekonali Adama do wyjazdu do Watykanu. Walczą tutaj dwie moce: miłość i przez całe życie trwający nacisk macierzyński. Leokadia kastruje swojego syna, pozbawia go samodzielnego życia, zmusza Adama, żeby spełnił jej oczekiwania i marzenia. Matka przejęła całą kontrolę nad synem.

Stosunki sił przeplatają wszystkie regiony życia człowieka. Natomiast tak, jak w powieści widać, te procesy władzy działają nieświadomie. Foucault stwierdza, że jednym z warunków działania władzy jest to, że sprawowanie władzy musi być ukryte. Bohaterowie żyją nieświadomie, dlatego nie widzą możliwości zmiany. Jedyną osobą, która może wydostać się z tego kręgu stosunków sił jest Dominika, której osobowość określa nie oczekiwania matki, otoczenia i społeczeństwa, lecz sama chce zdecydować o swoim życiu i zacznie podróżować po całym świecie, stara się spełnić swoje marzenia i zbudować siebie z historii ludzi, z którymi podczas podróży się spotyka. Nigdy nie zatrzymuje się na dłużej, zawsze musi być w ruchu, w ten sposób może zapewnić nieustanne odnawianie się i tworzenie samej siebie.

Bibliografia

- Bator, Joanna (2009), *Piaskowa Góra*. Warszawa, Wydawnictwo W.A.B.
Braidotti, Rosi (2007), *Egy nomád térképei*. Budapest, Balassi Kiadó
Czapliński, Przemysław (2011), *Język niezależności Jak jest artykułowana w literaturze niepodległość odzyskana przez Polskę w roku 1989?* In: Nycz, Ryszard (Ed.) *Kultura po przejściach, osoby z przeszłością*, Kraków
Foucault, Michel (1996), *A szexualitás története*. Budapest, Atlantisz
Świerkosz, Monika (2013), *Przestrzenie nomadycznych figuracji w prozie Izabeli Filipiak i Olgi Tokarczuk*. „Białostockie Studia Literaturoznawcze”, vol. 4/2013, 101 – 115.

Александра Колаковић

Балканолошки институт САНУ
Београд, Србија

ИНТЕРЕСОВАЊЕ ФРАНЦУСКИХ ИНТЕЛЕКТУАЛАЦА ЗА ЈУЖНЕ СЛОВЕНЕ У 19. ВЕКУ²⁰

The aim of this paper is an analysis the main reasons of interests of the French intellectuals for the Slavic peoples in the 19th century. This paper also discusses about the depth of influence of the French intellectuals upon on individuals, politicians and statesmen. The Department of Slavic Studies at the Collège de France (established since 1840) and the School of oriental languages (since 1873) played a significant role in introducing of the culture of the Slavic peoples to Europe and its public. The work and creativity of French intellectuals gave a significant contribution of exploration of the "Slavic world" to Western public. Traditions and culture of the whole Slavic peoples became an object of special attention and research of French scholars, in accordance with their new role in international relations in the end of 19th century.

Key words: French intellectuals, Culture of the Slavic peoples, the Balkans, 19th century.

Почетком 19. века вести о Јужним Словенима долазиле су у Француску посредством информација везаних за Османско царство и Хабзбуршку монархију. Наполеоново оснивање Илирских провинција (1809) приближило је Француској језик, обичаје и културу Јужних Словена. Ипак, слика Јужних Словена код већине образованих Француза – интелектуалца, почетком 19. века била је још увек маглопита (Charle 1996: 248–249).²¹ Француска дневна штампа, пре свега угледни листови: *Le Temps* и *La Figaro*, као и периодичне публикације *Le Journal des Debats*, *La Revue des Deux Mondes* и *La Revue de Paris* у оквиру својих спољнополитичких рубрика повремено су писале о Јужним Словенима (Leymarie 1999: 186–190). Почетком 19. и у првој половини 19. века, француски интелектуалци, своје информације црпе из дела и превода већином народног стваралаштва Јужних Словена, које су проналазили код немачких аутора (Јањић 2011:10). *La Revue germanique*, као и други француски часописи преузимају текстове о Балкану из немачке и аустријских периодичних публикација. Путовања, уобичајена међу припадницима француског високог друштва, а у периоду романтизма предузимана и као вид потраге за инспирацијом, водила су припаднике образованих слојева француског друштва на Исток (Lacombe 1835). Француски слависти су на основу путовања и остваривања веза са ученим људима јужнословенских народа, допуњавали своје знање стечено на основу немачких узора.

Идеје и идеологије, које су преовладале у Европи 19. века, допринеле су буђењу интересовања за народе о којима се недовољно знало (Пери 2000: 242–323). Политички чиниоци оличени кроз догађаје у Француској, као и међународни односи, одређивали су путеве интересовања француских учених људи. Унутрашњи политички живот Француске у 19. веку, који су обезбеле револуције, Наполеонова освајања, период рестаурације монархије, као и враћање републиканизму, које је оличено кроз нестабилности Треће Републике, одразили су се на формирање француске интелектуалне елите (Winock 2003). Посредно, сви поменути догађаји, одредили су и формирање интересовања о Јужним Словенима. Економски чиниоци, који су постали све значајнији у ери империјализма временом су покретали нова истраживања и нове погледе на Јужне Словене, који крајем 19. века добијају посебан значај (Veugens 1985). Поред личног интересовања, у корене интересовања француских интелектуалца за Јужне Словене, дакле, уграђена су три извора: културни, политички и економски.

Развој романтизма у Француској, својим буђењем интересовања за необично, егзотично, непознато, фолклор и културе народа мање познатих Западу, утицао је на почетку 19. века и на интересовање за Јужне Словене. Независност Грчке и стицање аутономије Србије 30-тих година 19. века, као и све дубља криза Османског царства и појава могућности поделе турске територије између Русије и Аустрије, Француску приморавају да се више заинтересује за догађаје на Балкану. Интересовање политичара било је додатни мотив француским професорима, научницима и књижевницима да се значајније заинтересују за Јужне Словене. Ипак, још увек није постојао већи степен општег интересовања за јужнословенске народе у француском друштву. Пример је предвод на француски језик српских народних песама Елизе Војар (Elise Voïart) у оквиру двотомне збирке (Voïart 1834). Поменути превод био је готово незапажен у тадашњој француској периодици, али касније је ипак утицао на развој француске славистике.

²⁰ Овај рад је настао у склопу рада аутора Александре Колаковић на пројекту *Историја политичких идеја и институција на Балкану у 19. и 20. веку* (бр. 17011), који финансира Министарство просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

²¹ Потребно је нагласити да је појам *интелектуалац* ушао у употребу тек од краја 19. века и афере Драјфус (1898). Иако није био у употреби током 19. века, најподеснији је да се, у овом раду, јединственим именом означе сви професори, научници, књижевници, песници и преводиоци у 19. веку, који су се интересовали и писали о Јужним Словенима. Појам *интелектуалац* јесте најподеснији ако се има у виду да је већина француских слависта друге половине 19. века, била активна и почетком 20. века, када је појам *интелектуалац* већ био у употреби. О појму *интелектуалац* вид. више код: Огу, Sirinelli (1986), Benda (1996), Botomor (2008).

Путописи су у овом периоду били значајан извор информација. Путници и пословни људи пролазећи кроз пределе настањене Јужним Словенима ширили су слику егзотике и јужнословенских народа у сталној борби за ослобођење од стране власти. Почетком 30-тих година 19. века писци и новинар Алфонс Роајеа (Alphonse Royer) након путовања на Исток публикује *Aventures de voyage* (*Авантуре с пута*), а касније објављује и своја предавања о словенским књижевностима (Royer 1837). Иако су објављена предавања о словенским књижевностима Алфонс Роајеа била непоуздана и на граници научног приступа, постепено су покренула француске лингвисте, историчаре и географе да истражују свет Јужних Словена (Павловић 1983: 79). Највећи део радова француских лингвиста, историчара и географа био је посвећен народној јуначкој поезији и етничкој припадности Јужним Словенима. Једно од најзначајнијих дела посвећених историји језика и књижевности Словена написао је Федерик Екоф (Frédéric Eicchoff), наследник Клода Форијела (Claude Fauriel) на Катедри за страну књижевност у Паризу (Eicchoff, 1839; Павловић 1983: 394; Вујић 2011: 83; Јањић, 2011: 22). Екоф је сматрао да је српски језик преовлађујући језик Јужних Словена настањених у Србији, Босни, Далмацији и једном делу Хрватске, што је имао велики утицај на генерације образованих Француза и касније једним делом утицало на постављање темеља француском схватању питања уједињења Јужних Словена (Павловић 1994: 82).

Алфонс де Ламартин – интелектуалац, који је у себи спојио страст за књижевношћу и политиком, заинтересовао се за Србе и друге Јужне Словене приликом својих путовања на Исток 1830 – 1833. и 1850. године. Једна од највећих фигура француског романтизма публикова је књиге *Voyage en Orient* (*Путовање на исток*) и *Nouveau voyage en Orient* (*Новом путу на Исток*) (Lamartine 1835, Lamartine 1850). Ламартин је након првог путовања на Исток, постао политички активан у парламенту, у оквиру чега је посебну пажњу посветио анализи Источног питања, које је било од великог значаја за Јужне Словене, а пре свега Србе и Бугаре на простору европских територија Османског царства.²² Ламартинови говори у Скупштини, публиковани су у оквиру књиге *Vues, discourse, et articles sur la question d'Orient* (*Мишљења, говори и чланци о Источном питању*) и утицали су на формирање слике о Јужним Словенима у француском политичком животу (Lamartine 1840). Извесно је да је Ламартиново укључивање у државне послове, у којима су интереси Француске били приоритет, утицало на промене ставова. Ламартин је у осам томова, утицајне и читане, *Histoire de la Turquie* (*Историје Турске*), напустио своју ранију идеју о подели Османског царства, чак и између великих сила демонстрирајући неразумеваче за тежње словенских народа за ослобођењем од османске власти (Павловић 1994: 80–82). Ипак, за романтичара Ламартина српско народна стваралаштво, као и стваралаштво других Јужних Словена има трајно велику вредност. У мотивима женске смрти зазиђивањем и материнске љубави, који упућују на песму „Зидање Скадра“, Ламартин је пронашао инспирацију (Ламартин 2006: 55). Ламартиново интересовање за српско народно стваралаштво као последицу оставило је трага у примени „словенске антитезе“ у оквиру поеме *La Chute d'un ange* (*Пад једног анђела*) (Ванашевић 1954: 34–38).

На развој интересовања за Јужне Словене утицали су и појединци, који су својим делом у Француском друштву предствљали неоспорне ауторитете. Стога је захваљујући интересовању и стваралаштву Проспера Мериме (Prosper Mérimée) из француских романтичарских кругова дошло до снажне подршке даљем развоју интересовања за Јужне Словене. Ерудит – историчар, етнолог, археолог, писац, преводилац и одличан цртач, Мериме се са словенском културом упознао захваљујући пријатељству са Клодом Форијелом, оснивачем француске компаристике и проучаваоцем превода новогрчке и српске народне поезије (Павловић 1991: 7). Меримеове *Гусле* (*La Guzla*) највећим делом садрже мистификовања за које је аутор инспирацију пронашао у српској народној поезији, што је значајно допринело популаризовању српског народног стваралаштва у Француској, као и у Европи, која је започела да са упознавањем једаног „новог“ света на Балкану.

Оснивање Катедре за словенске језике и књижевност на Collège de France (1840), захваљујући залагању Адама Мицкјевича (Adam Mickiewicz), институционализовано је научно проучавање историје, традиције и културе Словена, међу њима и Срба (Марковић 1934). Мицкјевич, један од најистакнутијих представника европског романтизма, већ од 16. фебруара 1841. године започео је предавања о српској поезији у оквиру свог курса о Словенима. Српску народну поезију сматрао је „највећом књижевно славом словенских народа“, а своје ученике, међу којима су биле истакнуте личности Сен-Бев (Sainte-Beuve) и Жорж Санд (George Sand) увео је у свет словенске књижевности (Јањић 2011: 19, 27). Након Мицкјевича, Катедру је преузео Сипријен Робер (Cyprien Robert), који је заговарао идеју две врсте панславизма: руску и Словена под Аустроугарском и Османским царством (Robert 1847; Veyrenc 1985: 247). Роберово дело *Les Slaves en Turquie. Les Serbes, Monténégrins, Bosniaques, Albanais et Bulgares* (Paris, 1844, 1852), као и радови објављени у утицајној *La Revue des Deux Mondes*, имали су више издања и преведени су на немачки и италијански језик, чиме су допринели даљем систематичнијем сагледавању питања и проблема везаних за словенски свет (Живановић 1890, Вујовић: 82–83).

²² Уз књижевну каријеру Ламартин у време Јулске монархије 1830. године започиње и своју политичку каријеру у оквиру које је од 1833. до 1851. године биран је за посланика.

Нови талас појачаног интересовања француских интелектуалаца за Словене на простору Балкана започео је средином 19. века у периоду Кримске кризе (1854–1856). Појачано политичко интересовање француске дипломатије за Балкан пратило је и интересовање за упознавањем са историјом и традицијом словенских народа. Француски дипломата Огист Дозон (Auguste Dozon), поред своје дипломатске активности на простору Балкана (1853 – 1880), заинтересовао се и за бугарско и српско народно стваралаштво, као и историју и културу Балкана (Ибровац 1959: 49 – 57). Дозон је службовао у Травнику, Београду, Пловдиву, Јањини и Солуну, захваљујући чему је упознао Словене на Балкану, а објавио је и преводе српских и бугарских народних песама на француски језик, као и граматику српског језика (Dozon 1859; Dozon 1875; Dozon 1888). Едуар Лабуле (Edouard Laboulaye), члан француске Академије и професор права, објавио је 1855. године приказ *Српских народних приповедака* Вука Стефановића Караџића. Касније се Лубуле сусрео са делом српских интелектуалаца, либерала и француских ђака Јеврема Грујића и Милована Јанковића *Slaves du Sud, ou le peuple Serbe avec les Croates et les Bulgares*, које је пред Французе изнело нови поглед на Јужне Словене (Laboulaye 1856; Павловић 1994: 101). Истовремено, француски историчар Жан Убисини (Jean Ubicini), у низу чланака у истакнутим француским публикацијама *La Revue d'Orient*, *La Revue des Deux Mondes* и *La Revue géographique*, анализирао је актуелну политичку ситуацију на Балкану, као резултат чега су настале две књиге: *La question d'Orient devant l'Europe* (Ubicini 1954) и *La Turquie actuelle* (Ubicini 1855), а касније под псеудоним *Un Serbe* и дело: *Les Serbes de Turquie. Etudes historiques, statistiques et politiques sur la principauté de Serbie le Monténégro et les pays adjacents* (Ubicini 1864). Кримска криза дакле, обликовала је испреплетаност традиционалног интересовања за словенску народну књижевност и новог појачаног интересовања за политичке и међународне околности у којима су се нашли словенски народи на Балкану.

Крупна промена у француском интелектуалном животу, која је утицала и на интересовање за Јужне Словене, одиграла се у периоду након немачког и италијанског уједињења и француско-пруског рата и пораза Француске (1871) (Mayeur 2003, 27–34; Winock 2003, 80–82). Бројни француски интелектуалци, полазећи од преиспитивања положаја и утицаја Француске у међународним односима након пораза (1871), своју пажњу усмеравају ка Балкану (Колаковић 2012: 829–832). Страх од немачке моћи није захватио само политичке и дипломатске кругове, већ и интелектуалну елиту Француске. Када је реч о односу француске јавности према догађајима на Балкану за време Источне кризе (1875–78), пре свега, треба имати на уму да је усмеравање пажње на ово подручје интензивније у периоду затишја на унутрашњем плану (пролеће 1876, пролеће и крај 1877) (Алексић-Пејковић 2001: 53). Догађаји се посматрају кроз призму призму међународних односа и положаја Француске, а у Француској постоји и малобројна група писаца и публициста, која се изјашњава за рушење Османског царства у прилог будућности балканских народа, међу којима је био и Виктор Иго (Victor Hugo) (Ибровац 1935: 2–4). Мотивисани идеалима правде, слободе и општег цивилизацијског напретка, подржавају борбу Словена на Балкану, независно од општих политичких и финансијских интереса Француске.

Најзначајнији за развој француске славистике у другој половини 19. века био је слависта и професор Сорбоне Луј Леже (Luis Léger) (Léger 1905). Интересовање за Јужне Словене определило је Лежеа да посети Загреб и Београд 1867. године, као и да се поред наведеног упозна са историјом и традицијом Бугара (Ибровац 1905: 396 – 397). Као резултат Лежеових интересовања настале су студије *Les Slaves du Sud et leur civilization* (1869), *Le Monde Slave* (1873) и *La Save, le Danube et le Balkan, voyage chez les Slovènes, les Croates, les Serbes et les Bulgares* (1884), којима је увео француске интелектуалце у свет Словена на Југу. Значај активности Луја Лежеа у Француској за афирмисање словенских тема, поред наведених дела, оличена је и у чину оснивања славистичких студија у Школи за источне језике у Паризу 1873. године (Вујовић 2011: 307). Леже је у предговору Словенске митологије истакао да је желео да задовољи „радозналост француске публике, којој су словенска дела неприступна, и која уопште не зна, у којим би се немачким књигама могло наћи озбиљних података о овим тешким питањима“, а истовремено је био свестан да је „учинио услугу самим Словенима, којима је један такав критички резиме заиста оскудевао“ (Léger 1901). Лежеова путовања по Балкану, дела и целокупна активност заиста су допринели да се створе нови погледи на Јужне Словене, развије сарадња са јужнословенском интелигенцијом и реализују даља научно заснована истраживања света Јужних Словена.

Француских интелектуалци, који стварају пред крај 19. века, припадају првој генерацији која није учествовала у Француско-пруском рату 1870–71. године, али су живели у време када су последице рата биле главна тема интелектуалних кругова и у време када се Француска приближава Русији (Leumarie 1999: 28–53; Робертс 2002: 129). Нове погледе на Јужне Словене код француских политичара, дипломата, научника и публициста отвориле су и одлуке Берлинског конгреса и стицање независности словенских држава. Анархичност турске управе и револуционарно врење народа у Турској, биле су теме књига и текстова француских интелектуалаца. У овом периоду утицајне француске ревије *Le Journal des Debats*, *La Revue des Deux Mondes* и *La Revue de Paris* објављују радове бројних научника, политичара и

дипломата, који са различитих аспеката: политичких, економских и културних, пишу о Србима, Бугарима и другим Словенима. Настала су прва дела Виктора Берара и Шарла Лоазоа, а појавило се интересовање за Србе и Бугаре код познатих професора Ернеста Денија и Емила Омана, који су касније у француској стручној јавности означени као најбољи познаваоци Балкана (Ибровац 1921: 4 – 10; Спасић 1990: 332). Већина радова публикована у часописима објављена је и у виду посебних књига, које су утицале на генерације Француза.

Од потписивања Француско-руског савеза 1893. године, приметно је и појачано интересовање француских научника и публициста за Русију, панславизам и историју и културу свих Словена. Русија, француска савезница, Аустроугарска, немачка савезница и Балкан, као неопредељени простор насељен Словенима од којих Срби заузимају стратешки важну позицију, постају нове теме публикација и јавних расправа француске интелектуалне елите. Главно упориште француског капитала у Османском царству била Отоманска банка, а највећи удео у турском државном дугу у износу од преко 60% имао је француски капитал (Алексић-Пејковић 1965: 26), што је са једне стране опредељивало француске политичаре и дипломате за очување османске власти на Балкану, а са друге стране отварао простора за економско интересовање за словенске народе и њихове државе – Србију и Бугарску. Рене Мије (René Millet), бивши француски дипломата у Београду, у оквиру *La Revue des Deux Mondes* у наставцима током 1891. године објавио је своје успомене са Балкана: *Souvenirs des Balkans. De Salonique à Belgrade et du Danube à l'Adriatique* (Millet 1891). Историју, географију, геологију, религију и карактеристике балканских словенских народа, представио је француским читаоцима и у делу *Le commerce français en Orient. La Serbie économique et commerciale* (Millet, Torcy 1891). У последњој деценији 19. века, дакле, поред дела историјског и књижевно-уметничког карактера, код француских аутора преовлађују све више политичко-економске теме.

Први радови француских професора, научника и писаца били су преводи народног стваралаштва Јужних Словена. Информације које су добијали из немачких превода, временом су, пре свега захваљујући личној иницијативи и научној радозналости, допунили сазнањима стеченим на путовањима. Романтизам је допринео појачаном интересовању за до тада у Француској недовољно познати свет Јужних Словена. Од оснивања Катедре за словенске студије (1840) број научних радова посвећених Јужним Словенима постаје све већи, а истовремено јавља се и зачетак интелектуалне и културне сарадње Француза и интелектуалаца из јужнословенске средине. Током 19. века интересовање француских научника и публициста за Јужне Словене, утиче на дефинисања ставова у француској јавности, а посредно и у дипломатији. У другој половини 19. века, међународни положај Француске, пропаст Османског царства, јачање Немачке и тежња народа на Балкану за слободом и независношћу, утицали су и на ставове француских научника, публициста и политичара. Интересовању француских интелектуалаца и публициста за Јужне Словене, поред политичког и економског интересовања доприносе и интелектуалци школовани у Француској. У оквиру две француске образовне и научне институције: Катедре за славистику Колежа Француске и Школе за источне језике, школовани су француски професори, научници, политичари и дипломате, који су значајно утицали на осмишљавање политике Француске према појединим јужнословенским народима од краја 19. века (Колаковић 2012: 832). Стога је крајем 19. века првобитно интересовање француских интелектуалаца за јужнословенску књижевности и историју надограђено интересовањем за савремене политичке, друштвене и економске догађаје у контексту међународних односа и интереса Француске на Балкану.

Bibliography:

- Алексић-Пејковић, Љ. (1965), *Односи Србије са Француском и Енглеском 1903–1914*. Београд.
- Алексић-Пејковић, Љ. (2001), „Француска и Италија и Други српско-турски рат 1877–1878. године“, 43–56.
- Banasević, Nikola (1954), "La Chute d'un ange et la poésie populaire serbe". *Revue des Etudes slaves*, t. XXXI, fasc. I–IV, Paris.
- Benda, Žilijien (1996), *Izdaja intelektualaca*. Beograd.
- Botomor, Tomas (2008), *Elite i društvo*, Novi Sad.
- Charle, Cristoph (1990), *Naissance des "intellectuals" 1880–1900*. Paris.
- Charle, Cristoph (1996), *Les intellectuals en Europe au XIXe siècle. Essai d'histoire comparée*, Paris.
- Dozon, Auguste (1859), *Poésies populaires serbes*. Paris.
- Dozon, Auguste (1875), *Bŭlgarski narodni pŭiŭesni: chansons populaires bulgares inédites*, Paris. Paris.
- Dozon, Auguste (1888), *L'epopée serbe*, Paris 1888.
- Eicchoff, G. F. (1839) *Histoire de la langue et littérature des Slaves, Russes, Serbes, Bohêmes, Polonais et Lettons, considérées, dans leur origine indienne, leurs anciens monuments, et leur état présent*, Paris.
- Живановић, Ј. (1890), „Неколико примечанија на књигу „Словени у Турској“ од Кипријана Робера“, *Споменик СКА*, Књ. 6.
- Ибровац, М. (1905), „Успомене једног словенофила од Луја Лежеа“. *Српски књижевни гласник*, 16. август 1905, XV, 4, 396–397.
- Ибровац, М. (1921), „Ернест Дени“. *Нова Европа*, 21. март 1921, II, 1, 4–10.

- Ибровац, М. (1935), "Victor Hugo et les Serbs". *L'Echo de Belgrade*, 19. juin 1935, 2–4.
- Ибровац, М. (1959), „Огист Дозон“, *Зборник Филозофског факултета у Београду*, књ. IV–2, 1959, 49–96.
- Јањић, Душан А. (2011), *Књижевна преплитања*, Београд.
- Колаковић, Александра (2012), „Интересовање француских интелектуалаца за културу словенских народа крајем 19. и почетком 20. века“, у: Димитријевић, Бојана (ур.), *Филологија и универзитет*, 1, Ниш, 829–845.
- Марковић, М. (1934), *Адам Мицкијевич и наша народна поезија*. Београд.
- Millet, R. Torcy, H. De (1891), *Le commerce français en Orient. La Serbie économique et commerciale*. Paris.
- Millet, R. (1891) *Souvenirs des Balkans. De Salonique à Belgrade et du Danube à l'Adriatique*, Paris.
- Lacombe, Paul H. (1835), *Voyage sur la carte en Italie, en Grèce, en Turquie, en Arabie, en Egypte et aux îles de la Méditerranée, contenant une description des principales villes, suivie d'un tableau indiquant leur distance de Paris et leur population*, Paris.
- Lamartine, Alphonse de (1835), *Souvenirs impressions pensées et paysages pendant un voyage en Orient (1832–1833)*. Paris.
- Lamartine, Alphonse de (1840), *Vues, discours, et articles sur la question d'Orient*. Paris.
- Lamartine, Alphonse de (1850), *Nouveau voyage en Orient*. Paris.
- Laboulaye, Edouard (1856), *Etudes contemporaines sur l'Allemagne et les pays slaves*. Paris.
- Ory Pascal, Sirinelli, J. F. (1986), *Les Intellectuels en France de l'Affaire Dreyfus à nos jours*, Paris.
- Léger, L. (1869), *Les Slaves du Sud et leur civilisation*. Paris.
- Léger, L. (1901), *La Mythologie Slave*. Paris.
- Павловић, Михаило (1983), *Од погледа до текста. Антологија француских текстова о југословенским крајевима и народима*. Београд.
- Павловић, Михаило (1991), „Проспер Мериме и његове Гусле“, у: П. Мериме, Гусле, Београд.
- Павловић, Михаило (1994), *Од Есклаоније ка Југославији*. Сремски Карловци, Нови Сад.
- Павловић, Михаило (1996) *У двоструком огледалу француско-српске културне и књижевне везе*, Београд.
- Пери, Марвин (2000), *Интелектуална историја Европе*, Београд.
- Robert, C. (1847), *Les deux panslavismes situation actuelle des peuples slaves vis-à-vis de la Russie*. Paris.
- Робертс, Џон (2003), *Европа 1880 – 1945*. Београд.
- Royer, Alphonse (1837), *Aventures de Voyage (Tableaux, récits et souvenirs du Levant)*. Paris.
- Спасић, К. (1990), „Српска јавност о четворици познатих француских историчара“. у: *Југословенско-француски односи*, Београд, 233–243.
- Ubicini, Jean (1854) *La question d'Orient devant l'Europe*. Paris.
- Ubicini, Jean (1855) *La Turquie actuelle*. Paris.
- Ubicini, Jean (1864) *Les Serbes de Turquie. Etudes historiques, statistiques et politiques sur la principauté de Serbie le Monténégro et les pays adjacents*. Paris.
- Veyrenc, J. (1985), *Histoire de la slavistique française*, Доступно на: (http://www.etudes-slaves.paris-sorbonne.fr/IMG/pdf/J._Veyrenc_Histoire_de_la_slavistique_francaise_Wien_OAW_1985_.pdf [15.12.2011])
- Voïart, Elise (1834), *Les Chants populaires des Serviens*. vol. 2, Paris.
- Вујовић, Ана (2011), *Српско-француска сусретања*, Београд.
- Winock, Michael (2003), *La France politique XIXe–XXe siècle*, Paris.

Kateryna Kondratenko

Taras Shevchenko National University of Kyiv
Kyiv, Ukraine

КОНЦЕПТ «ЕВРОПА» В БАЛКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПУТЕШЕСТВИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ХОРВАТСКИХ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ КОНЦА XIX-СЕР. XX ВЕКА)

The article analyzes the concept of "Europe" in Croatian travel notes at the late XIX-middle XX century in the context of its components: a European country, the capital and other cities, its inhabitants, mentality and customs, landmarks. Having examined the phenomenon of European journey and geography of Croatian writers' travels in abovementioned period, the author came to conclusion about their eurocentrism which also manifests itself in the XXI century and is quite marked in the geopolitical context of Croatia.

Key words: concept, Europe, travel essay, Croatian, late 19th - middle 20th century.

Географический фактор, по мнению ученых, определяет «судьбу культуры» и модели будущего. В этом контексте именно географическое расположение Хорватии на карте мира влияет на то, что в современных моделях будущего этой страны, как и в XIX и XX веке, неизменно присутствует Европа. Когда мы говорим о Европе, имеем в виду прежде всего географическую Европу, которая никогда не была статичной: определение ее сухопутных границ продолжалось не одно столетие. Это даже дало основания ученым писать о «приливах-отливах Европы, границы которой то отступают, то наступают» (Норман 2000: 17).

Концепт ЕВРОПА актуален прежде всего тем, что относится к общественно-политическим, идеологическим и культурным концептам, он имеет сложную эволюцию и широкий резонанс в общественном и культурном сознании нации. Каждая из коннотаций, которые творят этот концепт (историческая, геополитическая, культурологическая, метафизическая, мифологическая) является не постоянной категорией, «а всегда переменной, амбивалентной, в зависимости от времени, места и идеологии, из которых отдельно взятое сознание рассматривает Европу» (Прихода 2002). Настоящий концепт относится к тем ценностно насыщенным смысловым образованиям, которые составляют концептуальный каркас такого сложного феномена как картина мира.

Исходя из словарной дефиниции (Webster's New World Dictionary and Thesaurus 1993: 202) концепт – это умственный образ, ментальный прообраз, идея понятия, само понятие. В психике это объект идеальной природы, образ олицетворяющий определенные культурно обусловленные представления носителя языка о мире и одновременно является прообразом, прототипом, идеей группы производных понятий. Концепт – это фрагмент знания, опыт личности, он включает в себя как языковую, так и внеязыковую информацию (Селиванова 1999: 11–14). Ю. Кольцова, по Ю. С. Степанову, объясняет концепт как сгусток культуры в сознании человека, то есть то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека и то, посредством чего человек входит сам в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее (Кольцова 2000: 58).

Концепт ЕВРОПА в хорватском литературном дискурсе имел несколько срезов и направлений развития, реализовывался в культурологическом, историческом и географическом аспектах, актуализировался как культурема и идеологема. Он формировался в контрастивном поле «Европа – Балканы», «Запад – Восток», а также в сопоставимом «европейское – национальное». В анализируемых дорожных очерках концепт ЕВРОПА представлен посредством таких составляющих: страна, столица и другие города, жители, их нравы, достопримечательности.

Изучение феномена европейского путешествия в хорватской литературе предоставляет возможность взглянуть на процесс межкультурного взаимодействия изнутри – с точки зрения его участника (путешественника, его окружения, читателя), выделить актуальные для него проблемы и смыслы.

Объектом исследования являются дорожные очерки о путешествии по Европе как одна из форм межкультурной коммуникации, рассматриваемая в широком историко-культурном контексте. Под путешествием мы понимаем реальное перемещение человека, в данном случае, по территории нескольких европейских государств, с его последующим описанием (в дневниках, письмах, очерках, записках).

А. Шёнле в исследовании «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840» обращает внимание на две проблемы: литературности записок путешественников и этнических стереотипов путешественников. Поле литературности, как пишет автор, возникает между путешествием и его описанием. В центре его внимания – соотношение достоверного описания и художественного вымысла, путешествия как факта личной биографии и литературного произведения, формирование канона литературного путешествия (Шёнле 2004).

Французские исследователи С. Шерва и Ф. Россе предполагают, что определение территориальных границ между воображаемой и реальной Европой было бы достаточно проблематично не только в культурном, но и в политическом контексте, ведь в литературных произведениях европейская территория в географическом контексте часто заменена ментальной картой (Gudžević 2012: 298–299).

В анализируемый период путешествия в европейские страны совершались не только с сугубо учебными или служебными целями (торговля, военные походы, дипломатия), но в соответствии с собственными интересами и представлениями о ценности культурного и иного опыта соседских стран. Их инициаторами выступали частные лица, сами путешественники. Таким образом, происходило персональное, частное освоение европейского культурного пространства.

В процессе межкультурной коммуникации формируется культурная идентичность – принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом (Садохин 2004). Культурная идентичность, с одной стороны, является исходной позицией, с которой путешественник воспринимает новые для него явления, она формирует типы реакций на чужую культуру.

Примечательно, что посещая и описывая европейские страны, их население и особенности их ментальности хорватские писатели XIX и XX столетия не причисляют себя и своих земляков к европейцам, несмотря на общее историческое (Хорватия в составе Австро-Венгрии) и культурное прошлое. Они сопоставляют европейские реалии с реалиями своей страны, оценивают недостатки и стремятся усвоить преимущества. Так, А. Вебер Ткальчевич (1825–1889 гг.) в дорожном очерке «Путь на Плитвице» пишет о важности путешествий ведь «поглощен любовью к своей родине, ты слепо хвалишь все ее явления, и мир смеется над твоей преувеличенной приверженностью», а путешествуя, мы не только «с легкостью и радостью признаем чужие преимущества, но и, побужденные любовью к родному, всеми силами будем стараться пересадить наилучшие цветы в свои заросшие травой сады и тем самым поспособствуем прогрессу и славе своей родины» (Veber Tkalčević 1997: 279).

Географические рамки нашего исследования – Западная, Центральная и Южная Европа (преимущественно Италия, Франция) – установлены в соответствии с преобладающими маршрутами путешествий хорватских писателей исследуемого периода, которые можно определить как европоцентричные.

В предисловии к своим путевым заметкам «Воспоминания о России» (1886–1887 гг.) хорватский филолог, историк Ф. Рачки размышляет о путешествии, литературном творчестве и публикации путевых заметок, акцентируя на том, что его соотечественники мало путешествуют за границу и, как результат, хорватская литература путешествий достаточно бедна. Современники, по словам Ф. Рачкого, устремляются только в одном направлении: «Они любят путешествовать в западные земли, не только из-за близости расположения и удобства, но и из-за предрассудков связанных с Востоком и Севером, как будто там нечему учиться» (Reić 1979: 270)

В хорватской литературе путешествий конца XIX в. (И. Кукулевич-Сакцинский, Й. Штроссмаер, А. Вебер Ткальчевич) преобладают патриотические мотивы. Путевой очерк часто приобретает черты политического памфлета (изложение политических симпатий и идей автора, в частности о необходимости всеславянского объединения). Путешествия осуществляются преимущественно по Балканам (территория бывшей Югославии), а также России, в которой представители иллиризма видели потенциальный оплот славянских народов. Но в то же время хорватская интеллигенция, писатели, культурные деятели осуществляют путешествия в Европу, видя в ней центр искусства, истории и духовной жизни.

Рассмотрим «Путевые записки о моем путешествии в Германию и Чехию» епископа Ю. Штроссмаера, опубликованные в 1875 г. Книга состоит из семи целостных разделов, в каждом из которых Ю. Штроссмаер описывает города, которые он посетил и выражает свои размышления, касающиеся образовательной системы, реформирования экономической, социально-политической и церковной сферы.

По мнению писателя, «Золотая Прага» – это один из наиболее прекрасных и знаменитых городов центральной Европы. Более того, «новейшие европейские веяния и происшествия делают Прагу всемирно известной». Вместе с тем Й. Штроссмайер размышляет о положении славян и проблемы их вечного рабства. Писатель высказывает предположение о том, что «германский народ возобновит старые попытки установления господства на европейском континенте, и немцы замахнутся одной рукой на Балтийское, другой – на Адриатическое море и будут продвигаться и далее к Черному» (Hrvatski putopisci XIX. i XX stoljeća 1955: 42). По мнению писателя, вся Европа должна оказать сопротивление этому, но, как замечает далее Й. Штроссмайер, Россия, на которую все страны возлагают надежду, не готова понять, что в данном случае речь идет также и об ее позиции в Европе. Хорватский писатель обращается и к этимологии названия города, подчеркивает его стратегическую важность (по мнению Й. Штроссмайера, Прага могла бы стать своего рода «порогом», «препятствием» для врагов всеславянской идеи), а также утверждает, что кроме Неаполя и Стамбула нет во всей Европе города, который имел бы

лучшее место расположения. Высоко ценит писатель и пражскую архитектуру, возводя ее красоту в один ряд с венецианской и флорентийской.

Путешественник поневоле, знаковая личность в истории новой хорватской литературы, А. Г. Матош за время своего пребывания за пределами родной Хорватии написал двадцать путевых очерков и фельетонов («От Мюнхена до Женевы» 1898 г., «От Парижа до Белграда» 1904 г., «Под флорентийской шляпой» 1911 г., «Из Флоренции в Загреб» 1913 г. и др.). Европейское путешествие писателя длилось шесть лет, а его географические рамки включают в себя Францию, Швейцарию, Италию.

Прогуливаясь улицами Женевы, А. Г. Матош чувствует себя почти как в родном городе – Загребе, ведь «это не скучная Европа, какую вы найдете, например, в Англии, это Женева – старая и по-мещански простодушная с ее ресторанами, магазинчиками, серыми церквями с петухом на кровле.» (Jelčić 1984: 154). Писатель сравнивает культурную жизнь города с загребским, отмечая отставание Женевы в театральной и музыкальной сферах. Так, современный ему Загреб «музыкальнее», а женевские театры и оперы «в подметки не годятся загребским» (Jelčić 1984:155).

Сравнивает писатель и жителей Швейцарии и соседней Австрии. По его мнению, швейцарец и тиролец представляют собой два едва ли не самых больших европейских контраста, несмотря на одинаковые корни и среду. Так швейцарец – это прогрессивный, состоятельный и современный человек, а тиролец беден и живет будто в Средневековье. Тироль – иезуитский центр, а Швейцария является убежищем европейских бунтарей. Швейцария издавна «освежает прозаическую, анемичную Европу [...] поэтому европейская цивилизация была бы неполной без нее» (Matoš 1956: 87).

Для современников А. Г. Матоша центром богемной жизни, источником вдохновения выступает Франция и, в частности, Париж, поэтому не удивительно, что большинство хорватских писателей и интеллектуалов стремятся посетить этот город. А. Г. Матош долгое время мечтал поехать в Париж и оставил Женеву, чтобы воплотить эту мечту. По словам писателя, Париж бурлит жизнью и этот «вихрь» затягивает его. Парижский бульвар, по словам писателя, – мир в себе, наилучший театр Парижа. Со временем он открывает для себя «литературную Францию» как центр богатой и благородной традиции книгопечатания с его богатыми на редкие книги антикварными лавками.

Несмотря на тяжелое финансовое состояние в котором писатель находится во время своего пребывания в городе, в «Парижской хронике» (1912 г.) он пишет: «я был счастливее голодая в Париже нежели будучи сыт в Загребе» (Jelčić 1984:163). Вместе с тем А. Г. Матошу не чуждо и критическое отношение к городу, в который он был настолько влюблен: «ранее я не замечал этого, но сейчас четко понимаю, что воздух, который я здесь вдыхаю загрязнен, он преисполнен парижского порока и любви к деньгам. Это – Париж без культуры» (Jelčić 1984:174).

В одном письме родителям А. Г. Матош называет себя парижанином и, как пишет хорватский литературовед Д. Елчич в своей монографии «Матош», писатель действительно чувствовал себя им, ведь это означало для него приобщение к Европе: «у меня две родины – та, в которой я родился и Франция – родина моего духа» (Matoš 1956: 88).

Именно в современный писателю Париж переносится центр классической музыки из Вены, Ш. Бодлер и П. Верлен станут главными учителями немецких лириков, Г. Климт является учеником французского символизма, а венская и немецкая сецессия обязана своим возникновением французским модернистам по мнению А. Г. Матоша. Вена, по сравнению с Парижем – «село, гнездо филистеров и офицеров [...] Вена как кофе с молоком – смесь славянского молока со швабским цикорием, еврейскими сливками, аристократическим сахаром и царской карамелью» (Matoš 1956: 8889).

Италия занимает особое место в творчестве А. Г. Матоша, а из всех итальянских городов, которые посетил писатель, самое великое впечатление произвели на него Флоренция и Рим.

«Насколько мизерной выглядит современность по сравнению со старой Италией, старой Флоренцией! [...] Современность немощна, она умеет только пародировать. Утилитаризм и индустриализм уничтожает искусство, а нынешние выставки – это базар» (Matoš 1956: 213), – пишет А. Г. Матош в дорожном фельетоне «Из Флоренции до Загреба». Флоренция, по мнению писателя, – небольшой по величине город, кольцо которого не может быть на свете. До поездки А. Г. Матош считал Париж «коронай и чудом этого мира», но, посетив Флоренцию, Париж кажется ему похожим на другие города; он, как большой драгоценный камень, по сравнению с бриллиантом (Флоренцией). После Флоренции, писатель отказывается от своей давней мечты – посетить Дубровник, потому что «имитации не привлекают» (Matoš 1956: 223). Флоренция для писателя – это сочетание языческой и христианской культуры, классицизма и модернизма, науки и искусства.

В то же время Венеция вызывает у А. Г. Матоша иные ассоциации. Сначала это «золотой город Петрарки, который лежит словно морская Венера на берегу, словно соленая жемчужина и сверкает на майском солнце как золотой рог шапки дожа», но все же преобладает ощущение «города смерти и умирания ... никогда раньше я не чувствовал, чтобы было на свете что-то настолько трагическое» (Matoš 1956: 231). Гондола кажется писателю похожей на гроб с невидимым покойником, а руководит ею Яго – перевозчик в загробный мир.

Совсем иначе видит Венецию современник писателя М. Бегович. Для него Венеция – это своего рода убежище от несчастья, всех земных бед, это город любви и наслаждения. Образ Венеции в путевых очерках М. Беговича («Итальянские реминисценции» 1942 г.) – это наряженная красавица, манищая искусительница, любовница. Ночная площадь святого Марко у М. Беговича – место тайных свиданий, в то время как А. Г. Матош сравнивает звук колоколов одноименной церкви с зауспокойным звоном.

Во время последней поездки в Италию в 1913 г. А. Г. Матош работает над «Римскими фельетонами» – собранием дорожных фельетонов с историческими и культурологическими реминисценциями, которое останется так и незаконченным. Сам писатель считал эти фельетоны неплохой импровизацией, поскольку «в их примитивности сохраняется теплота и непосредственность первого впечатления» (Jelčić 1984:378). О субъективности описания Рима А. Г. Матош пишет: «ни один дорожный очерк не воссоздал мне образ Вечного города, потому что ни один писатель не может предлагать больше, чем себя. Существует столько «римов», сколько и путевых очерков о нём, сколько посетителей и жителей Рима» (Matoš 1956: 256).

Писатель признает свою духовную близость с культурой Рима, как центра католицизма, хотя и признает сочетание в нем христианства и язычества. Последнее подтвердит и П. Шегедин в своем очерке «Римские часы» (1952 г.). По его мнению, Старый Рим «проблескивает мрачно черным цветом» на Палатине, Ватикане, на всех римских площадях. Но поднявшись на Кампидолью, который писатель считает местом духовного и творческого катарсиса, можно понять, «что в Риме не является Римом» (Šegedin 2012: 43).

Повседневная жизнь современного ему Рима напоминает писателю «хаос парижских улочек, всех романских городов и наших приморских», а в заключение А. Г. Матош пишет: «И хотя мы не римляне по языку, мы будем стремиться стать ими по духу, энергии, патриотизму и свободолюбии» (Matoš 1956: 253).

Для другого современника А. Г. Матоша, хорватского писателя и драматурга Я. Полича Камова Италия не была чуждой ни в культурном плане, ни в языковом. Я. Полич Камов родился в городе Риска и с детства говорил по-итальянски, а в отцовской библиотеке, кроме классической, была представлена и современная итальянская литература. Италия представлялась Я. Камову как источник огромного вдохновения и искушения, постоянно меняясь, ей удавалось оставаться исходным местом культурных и цивилизационных ценностей современной западного полушария (Večerina 2000). Италия являлась противоположностью Австро-Венгерской империи, в которой жил писатель и которая была глубоко погружена в традицию, осуждая любого рода от нее отступления.

Я. Полич Камов посетил Венецию, Рим, Флоренцию, Болонью, Турин, Геную, Неаполь. Из всех этих городов Флоренция наиболее воодушевила писателя: «месяц во Флоренции принес мне больше удовольствия и успеха чем полгода в Риме!» (Večerina 2000), а «молчаливая» Венеция навеивает ему тоску и нарастающее чувство одиночества.

В путевом очерке об Италии «Без головы и хвоста», Я. Полич Камов описывает амбивалентность нравов итальянцев. Так, по мнению писателя, итальянцы – поэты: они считают себя ценителями искусства, но не уважают творческих людей и обращаются к всем фамильярно, театр они готовы превратить в базарную площадь громко разговариваясь со знакомыми. Кроме того, Я. Полич Камов отмечает отсутствие культурного центра («головой») и авторитета в Италии, в отличие от Франции (Париж).

По мнению писателя, Франция – это практичная, комфортная страна, в которой «человек может привести себя в порядок, насытится и укрепить свое тело и дух, не будучи обманутым и угнетенным» (Hrvatski putopisci XIX. i XX stoljeća 1955: 440). Описывая Марсель и его жителей Я. Полич Камов акцентирует «человечность» французов: «Истинная человечность демократична, всеобща. Француз употребляет обращение 'господин' по отношению к официанту и к главе республики, он находится на высшем уровне человечности» (Hrvatski putopisci XIX. i XX stoljeća 1955: 442).

Итак, в конце XIX – середине XX вв. Европа для авторов хорватских дорожных очерков является прежде всего центром культурной, духовной, литературной и общественно-политической жизни. Концепт ЕВРОПА представляется образами наиболее посещаемых стран (в рамках анализируемого круга источников) – Италии, Франции, Швейцарии. В пределах каждой страны также выделяются часто посещаемые города и регионы (Италия – Рим, Флоренция, Болонья, Венеция, Неаполь, Франция – Париж, Марсель, Швейцария – Женева). Путешествия по Европе и развитие литературы путешествий способствовали более глубокому пониманию культуры, особенностей развития европейских стран, нравов и обычаев их жителей, что, в свою очередь, не могло не отразиться на мировоззрении самих писателей, а также их аудитории. Освоение европейского культурного пространства сопровождается признанием супериорности центра Европы над ее периферией (балканские и восточноевропейские страны), прогресса происходящего в европейских странах и высшего уровня духовного и культурного

развития их населения (Я. Полич Камов о Франции, А. Г. Матош о Швейцарии, частично о Франции). Восхищаясь архитектурой и культурным наследием Италии (А. Г. Матош, М. Бегович), Чехии (Й. Штроссмаер), произведениями искусства и достижениями Франции (А. Г. Матош, Я. Полич Камов), хорватские писатели не лишены критического отношения к современным процессам, происходящим в вышеупомянутых странах.

Результатом исторических и политических событий XX, а также глобализации XXI века станет переосмысление образа Европы, которая прежде представлялась преимущественно как гармоничный и целостный духовный, культурный и исторический континент. Но образ Европы во всей своей неоднозначности и мозаичности будет все чаще присутствовать в дорожных эссе и репортажах хорватских писателей.

Литература

- Кольцова Ю. Н. (2000) Концепт пути в произведении Н. С. Лескова "Очарованный странник". *Вестник Московского университета. Сер. 19 Лингвистика и межкультурная коммуникация*. № 2. С. 58.
- Норман, Дейвис (2000), *Европа. История*. Київ, Основи. Прихода, Я. І. (2000) Европа як концепт. In: <http://journalib.univ.kiev.ua/index.php?act=article&article=268>.
- Садохин А.П. (2004) *Теория и практика межкультурной коммуникации*. Москва, Юнити. Селиванова Е. (1999) Принципы концептуального анализа. *Актуальні проблеми металінгвістики*. Київ-Черкаси, Брама.
- Шёнле А. (2004) *Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840*. Санкт-Петербург, Академический проект.
- Batušić, Slavko. *Kroz zapadne zemlje i gradove*. In: *Hrvatski putopisi. 2. dopunjeno i izmijenjeno izdanje*. Zagreb, Divič.
- Gudžević, Alja (2012) Mesta Evrope: mitovi i granice, Stella Ghervas i François Rosset. *Etnološka tribina 35. vol. 42*, 298-299.
- Hrvatski putopisci XIX. I XX stoljeća* (1955) Zagreb, Zora.
- Jelčić, Dubravko (1984) *Matoš*. Zagreb, Globus.
- Peić, Matko (1979) Franjo Rački kao putopisac In: *Zbornik Zavoda za povijesne znanosti Istraživačkog centra Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Vol. 9*. 269 – 274.
- Kamov, Polić Janko (1997) *Bez glave i repa*. In: *Hrvatski putopisi. 2. dopunjeno i izmijenjeno izdanje*. Zagreb, Divič.
- Matoš, Antun Gustav (1956) *Pejzaži*. Beograd, Nolit.
- Šegedin, Petar (2012) *Izabrana djela III*. Zagreb, Matica hrvatska.
- Veber Tkalčević, Adolfo (1997) *Put na Plitvice*. In: *Hrvatski putopisi. 2. dopunjeno i izmijenjeno izdanje*. Zagreb, Divič.
- Večerina, Anamarija (2000) *Putopis bez glave i repa. Željeznicu guta talijanska daljina. Adrese Janka Polića Kamova u Italiji 1906-1910*. In: <http://www.matica.hr/Vijenac/Vij175.nsf/AllWebDocs/zeljeznicugutatalijanskadaljin>
- Webster's New World Dictionary and Thesaurus* (1993). Printed and Manufactured in the United States of America, Book Essentials.

Daria Korznikova

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

НИ О КОМ И НИ О ЧЁМ: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

The report covers the issues of functioning of the Russian negative pronouns in the Internet, the changes in their semantics, syntactic role, morphology and spelling. There was conducted a research of a new phenomenon, that is writing of words ни о ком, ни о чём (the prepositional case of the negative pronouns никто, ничто) as one solid word. The research is based on the study of blogs.

Key words: negative pronouns, the morphology of the Russian language, the Internet, negative sentences.

Интернет является средой активного развития новых явлений, в том числе и в морфологии русского языка. Именно поэтому нам представляется столь интересным проследить функционирование отрицательных местоимений русского языка в сети, изменение их семантики, синтаксической роли, морфологических признаков и даже написания.

Одно из новых явлений - слитное написание форм предложного падежа у отрицательных местоимений *никто*, *ничто*, т.е. словоформ *ни о ком*, *ни о чём*. Это явление мы предлагаем называть тенденцией к слитности. Нашей основной гипотезой является предположение о существовании связи между графическим отображением отрицательных местоимений и их семантикой, морфологическими признаками, осознанием их внутренней формы носителями языка.

Материалом для проведения исследования послужил Интернет, в частности, блоги. Такой вид Интернет-общения был отобран как наиболее предпочтительный в связи с: а) наличием в нём как монологической, так и диалогической речи (Зайцева 2006: 103); б) более высоким уровнем общей речевой культуры пользователей (Li 2005). Методом отбора являлась случайная выборка.

Собранный материал был отображён в виде таблиц. В таблицах была указана дата употребления слова, само слово в минимальном контексте, автор, а также Интернет-ресурс. За неимением достоверной информации о личности автора в большинстве случаев вместо имени указывается его псевдоним.

Однако прежде, чем перейти к описанию новых явлений, обнаруженных в ходе работы, нам хотелось бы уделить некоторое время описанию традиционного употребления отрицательных местоимений с частицей *ни-*, в частности, рассказать об их роли в выражении отрицания в предложении.

В предложениях с *ни-*словами отрицание также всегда выражено частицей *не* перед сказуемым или другими языковыми средствами (отрицательными словами типа *нет*, *нельзя* и др.), т.е. они не создают отрицательного значения всего предложения: *И никто ничего не почувствовал, просто все обнимаются, смеются, а не почувствовали* (Е. Гришкoveц); *Ныне, после того как взошло яркое солнце чудесного зрелища, ничто не может остановить меня...* (В. Шевченко); *А раз так, вернуть нельзя никому. Кроме тех, кому он верит персонально* (С. Мехов).

Если бы местоимения с *ни-* выражали отрицание, то предложение приобрело бы общее положительное значение, как это бывает при двойном отрицании: *Не мог не прийти*. Однако такого значения не возникает. Галина Андреевна Битехтина полагает, что *ни-*слова служат лишь для усиления отрицания (Битехтина 1967: 16). Елена Викторовна Падучева придерживается противоположной точки зрения, считая главным отрицание при местоимении, а не при сказуемом (Падучева 1969: 11).

Учёными, однако, отмечается возможность употребления *ни-*слов в предложениях без отрицания при сказуемом. Ассоциируясь с отрицательным значением высказывания, они берут на себя роль выражения отрицания в неполных высказываниях: *Дома никого*. – Подразумевается построение предложения до *дома никого нет*.

Однако указываются и случаи употребления *ни-*слов в утвердительных предложениях, связанные, вероятно, с развитием новой семантики у слов этого типа.

Утвердительные предложения с *ни-*словами условно делятся на два типа:

1) Такие предложения, в которых у *ни-*слов сохраняется семантика местоимений. Одновременно с этим они выступают в отрицательном значении. *Всё равно ведь держишь в голове эту умозрительную возможность — остаться ни с чем, вот и учишься радоваться трещинам в асфальте или цвету снега* (Д. Бавильский, И. Манцов)

А.К. Киклевич приводит показательный в этом отношении пример употребления *ни-*слов в предложениях тождества: а) *X не является ничем иным, как У*; б) *X является ничем иным как У*. В первом случае представлено двойное отрицание, выраженное отрицательной частицей *не* и конструкцией *ничем иным*. Во втором случае отрицание единичное и слово *ничем* становится маркером отрицательного значения (Киклевич 1990: 115).

2) Предложения, в которых у ни-слов не сохраняется семантика местоимений. Происходит субстантивация местоимений, приобретение ими новых значений. Например, *никто* - незнакомый человек, не состоящий в родственных отношениях; *ничего* - сдержанная похвала, одобрение или этикетная формула утешения.

Итак, теперь хотелось бы перейти к описанию функционирования словоформ *ни о ком* и *ни о чём* в Интернете.

1. Словоформа *ниоком. Первой характерной её особенностью является довольно распространённое употребление её в предложениях без дополнительного отрицания при предикате. Такие предложения условно можно разделить на два типа:

1. Предложения, в которых отрицательная частица *не* опускается: *я постоянно думаю только о себе и больше нioком*; *Я писала о ком-то, кого знала, но сейчас уже не помню. А может и вовсе нioком*. В обоих примерах предложения могут быть достроены: *я постоянно думаю только о себе и больше нioком не думаю*; *Я писала о ком-то, кого знала, но сейчас уже не помню. А может и вовсе нioком не писала*.
2. Утвердительные предложения, в которых у *ниоком сохраняется привычная семантика: *Думала нioком, просто потому что ни к каким зацепкам не смогла привязать мысли; стоишь и думаешь, скорее, нioком*; *пишу вообще ниочем и нioком*; *Я изменю обычаю писать как будто нioком*; *Я пишу нioком, ниочем и нигде*. В этом случае общее значение предложений примерно равно значению аналогичных предложений, содержащих частицу *не*: *Думала нioком* ≈ *Ни о ком не думала*; *Пишу нioком* ≈ *Ни о ком не пишу* и т. д.

Во втором типе предложений представлен необычный тип синтаксического согласования. Отрицательное местоимение, ни-слово, обычно требующее еще одного отрицания при сказуемом, здесь полностью берёт на себя выражение отрицания. Мной рассматривалась возможность употребления отрицательных местоимений в утвердительном предложении с конструкцией типа *остаться ни с чем*. Поэтому, учитывая, что для предложного падежа такая конструкция является принципиально новой, я предполагаю, что тут имеет место явление аналогии.

Однако примерно в половине случаев в предложении присутствует дополнительное отрицание, выраженное отрицательной частицей *не*: *речь нioком не шла*; *ниоком не надо заботиться и думать*; *Да ты и нioком и не говоришь плохо*. (т.е. традиционное употребление)

Во всех случаях, т. е. и в отрицательных предложениях типа *не думать нioком*, и в утвердительных предложениях типа *думать нioком*, словоформа *ниоком сочетается с глаголами определённой группы, а именно, с глаголами речемыслительной деятельности: *думать* (*Это ведь так здорово нioком не думать и не болеть*; *Больше нioком не думал для чистоты эксперимента*; *Думала нioком*; *я не могу думать нioком другом* и т.д.), *знать* (*не хочется ничего нioком знать, не знаю ничего нioком из перечисленных, не надо знать нioком ничего*), *сказать* (*мне это особо ниочем не скажет*), *говорить* (*Да ты и нioком и не говоришь плохо*; *я никогда нioком ничего не говорю*), *забывать* (*ниоком не забыл*; *я не забываю нioком*) и другие.

Ещё одной особенностью употребления словоформы *ниоком является способность её выступать в предложении в качестве несогласованного определения: *разговор ниочем нioком*; *мысли ниочем и нioком*; *неземные стихи нioком*; *беседы НИОЧЕМ и НИОКОМ* (написание соответствует оригинальному); *вот и написал стих нioком*; *8 месяцев мыслей только о нем и больше нioком*; *и дунули советы сквозняком да обо всех и нioком* и т.д. При этом существительные, являющиеся определяемыми, составляют лексико-семантическую группу слов, относящихся к речевой и мыслительной деятельности: *мысль, разговор, рассуждение* и т.п. Здесь словоформа *ниоком также сохраняет своё лексическое значение.

В отдельных примерах слово *ниоком выступает в неожиданных для себя значениях. Интерес представляет, например, следующее предложение: *это ты о том нioком, с которым была на Хеллоуине, или о каком-то другом нioком?* Данное предложение является комментарием одного пользователя живого журнала (ragtagdox) к записи другого пользователя (tears_smile), озаглавленной "ниоком". Ответ на эту реплику звучит следующим образом: *тот никто, с кем я была на хэллоуине, ничего от меня больше не услышит*. Получается, что изначально оба собеседника знали или догадывались, о ком идёт речь. В таком случае, можно предположить, что отрицательное местоимение *ниоком приобретает черты неопределённого местоимения. Ср.: *кое-кто сегодня опаздывает* - подразумевается, что личность опаздывающего известна. Интересно также, что в ответе отрицательное местоимение *никто* использовано уже в именительном падеже (теоретически автор мог продолжить использовать форму предложного падежа). Причиной, вероятно, является то, что словоформа *никто* употреблена здесь также не в своём обычном значении, а в значении "незначительный человек, ничтожество".

Однако подобные случаи не являются частотными, что позволяет сделать вывод о том, что это скорее окказиональное явление, а не закономерность.

Часто словоформа **ниоком* представлена в паре со словоформой **ниочём*, при этом обе языковые единицы демонстрируют тенденцию к слитности, т.е. к слитному написанию всех трёх элементов: *лежать и не думать ниоком и ниочем; ты не думаешь ниочем и ниоком; это так, ниочем и ниоком конкретном.*

2. Словоформа **ниочём* встречается значительно чаще по сравнению со словоформой **ниоком*: первая употребляется более ста раз в течение четырёх дней, вторая - в течение нескольких лет.

Как и **ниоком*, **ниочём* встречается в предложениях без дополнительного отрицания предиката: *болтать часами ниочем; Старательно говоря ниочем; буду думать ниочем.* В большинстве случаев по смыслу эти предложения примерно равны более привычным предложениям с отрицательной частицей *не*: *буду думать ниочем ≈ ни о чём не буду думать.* Однако в случаях вроде *болтать часами ниочем* значение предложения несколько меняется. Не отрицается сам факт разговора, разговор состоялся, однако он был **ниочём*, то есть не наполненным смыслом, неважным.

Отметим, что эллиптические конструкции с данной словоформой в обработанном нами материале отсутствуют.

В предложении слово **ниочём* так же, как и **ниоком* часто выступает в роли несогласованного определения: *это разговор ниочем; забавно читать серьезные рассуждения ниочем; не надо давать ссылки на пространные фельетоны ниочём.* Встречаются даже единичные случаи, когда такое определение стоит в препозиции: *в освободившееся пространство мозга начали лезть всякие "ниочем" мысли.*

Словоформа **ниочём* по контексту употребления может приближаться к существительному. Такие случаи являются довольно распространёнными. Получившееся слово обычно употребляется в ироническом контексте: *вести с маман долгие разговоры о важном ниочем; Он просто говорил о Великом Ниочем.* Интересно, что в большинстве таких примеров **ниочём* употребляется вместе с определением. Во всех этих случаях авторами уже не ощущается внутренняя форма слова **ниочём*, и они даже ставят перед ней предлог *о*, что является, по сути, повтором: *о ниочём.* Само слово **ниочём* здесь явно приобретает совершенно новое лексическое значение. Судя по контексту, слово примерно приближается по значению к словам "ерунда", "бессмыслица". Если во фразе *долгие разговоры о важном ниочем* произвести замену на *долгие разговоры о важной ерунде*, то становится очевиднее ирония автора, подразумевавшего под словосочетанием *важное ниочём* своеобразный оксюморон.

Обращает на себя внимание то, что случаи употребления **ниочём* в предложениях с дополнительным отрицанием перед предикатом, то есть в предложениях, соответствующих языковой «норме», довольно редки. Согласования типа *болтать с подружками ниочем* встречаются чаще, чем согласования вроде *ниочем не жалею*. Наиболее же распространённым является случай употребления слова **ниочём* в качестве несогласованного определения в постпозиции.

Выступая в роли несогласованного определения, **ниочём* также приобретает ряд новых значений. Если в случаях типа *статья ниочем, вопрос ниочем* ещё можно проследить изначальную семантику слова, то в выражениях *напиток ниочем, практика ниочем, фотки ниочем* слово явно несёт какой-то иной смысл. Наличие большого количества контекстов позволяет вывести общее значение: **ниочём* – «бессмысленный, пустяковый, не стоящий внимания, неудавшийся». Так, в предложении *шампанское само по себе напиток ниочем*, вероятнее всего, даётся характеристика шампанского как напитка ненужного, не стоящего употребления, автор выражает свою нелюбовь к шампанскому; *напиток ниочём ≈ напиток ненужный. Данная конкретная [косметическая] маска вообще ниочем, к сожалению* – автор подчёркивает безрезультатность, бессмысленность использования маски; *маска ниочём ≈ маска бесполезна. Фотки ниочём ≈ фотки неинтересные, не стоят внимания.* В ряде случаев слово **ниочём* в своём новом значении относится не к одному слову, а к группе слов, характеризуя всю ситуацию: *ставить лабы [лабораторные работы] на вечер - вообще ниочем; говорить, что там есть где-то что-то, что скрывают от нашего несчастного народа, это ниочем, простите* – здесь **ниочём* = «лишено смысла».

Причиной к появлению новой семантики нам представляется употребление слова **ниочём* в своеобразных «переходных случаях», т.е. в тех, где оно может быть понято двояко. Рассмотрим, например, данный контекст словоупотребления: *Фильм, даже обладая сюжетом, вообще ниочем. Я смотрел и не понимал - что там вообще происходит, о чем вообще этот фильм?* Здесь слово **ниочём* с одной стороны можно рассматривать как форму предложного падежа местоимения *ничего*: *фильм ниочем = фильм ни о чём не рассказывает.* С другой стороны, выражение *фильм ниочем* можно понимать как «фильм пустой, бессмысленный». Причиной к такому пониманию служит явная тавтология во втором предложении: *о чем вообще этот фильм?* Если же допустить, что у слова **ниочём* здесь новое значение, то тогда автор мог совершить такой повтор несознательно, не чувствуя уже внутреннюю форму этого слова. Аналогичная возможность двойного прочтения возникает в сочетаниях типа *отчет ниочем, спор ниочём* и т.д.

Возможность в отдельных случаях двойного прочтения, а также вообще возможность развития у слова нового значения имеет под собой логическую причину. Если *спор* (разговор, вопрос, статья) *ниочём, то, следовательно, отсутствует предмет спора, а, следовательно, спор бессмысленен. Таким образом, возникновение нового значения происходило примерно следующим образом: *разговор ниочём* > отсутствует предмет обсуждения > разговор лишён смысла > *ниочём* = «бессмысленный» > по аналогии возникают выражения вроде *напиток ниочём, задание ниочём* и др.

Важной особенностью употребления слова *ниочём в новом значении является осознание этого нового значения самими носителями языка. В ряде случаев это отображено графически - слово выделено кавычками: *такой же комментарий "ниочем" как и мой; статья - "ниочём", вода одна*. Более того, некоторые авторы пишут *ниочём слитно или *ни о чём* раздельно в зависимости от значения. Так, например, один из пользователей сайта *livejournal.ru* (*tersky*) воспроизводит эту словоформу по-разному в разных контекстах: *А для участника ежегодной всероссийской айти-конференции этодохлый трёп ниочём* – случай, когда *ниочём выступает как несогласованное определение; *Само это слово мне ни о чём не говорило* – здесь *ни о чём* выступает как форма предложного падежа отрицательного местоимения *ничего*.

Глаголы и существительные, с которыми сочетается слово *ниоком в предложении, не образуют единой лексико-семантической группы. Зачастую это слова, стилистически несколько сниженные: *бубнение ниочём, базар ниочём, трёп ниочём, фотки ниочём, кинцо ниочем* и т.д. В этих словосочетаниях существительные берут на себя роль дополнительного выражения пренебрежения к предмету речи.

Мы предполагаем, что существуют две основные причины слитного написания *ниоком и *ниочём. Во-первых, осознание этих словоформ носителями языка как единых, цельных слов и стремление отобразить это графически. Во-вторых, тенденция к выравниванию. В других косвенных падежах местоимений *никто, ничто* также существуют формы, в которых предлог ставится между префиксом *ни* и местоименной частью *кто, что*: *ни к кому, ни с чем, ни для кого*. Однако параллельно с ними возможны и формы, написанные слитно: *никому, ничем, никого*. В предложном падеже такая возможность отсутствует, не существует форм *ником, *ничём, поэтому система языка пытается заполнить этот пробел. Такие новообразования отчётливей воспринимаются как целое слово, а потому охотнее приобретают новые значения, чем *ни о ком, ни о чём*, воспринимавшиеся скорее как словосочетания.

Литература

- Битехтина Г. А. (1967) Употребление местоимений (притяжательных, неопределённых, отрицательных, определительных). Москва, МГУ.
- Зайцева Ю. Е. (2006) Роль ведения интернет-дневника в становлении индивидуальности // *Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность.* / Под ред. Волохонского В. Л., Зайцевой Ю. Е., Соколова М. М. — Санкт-Петербург,
- Киклевич А.К. (1990) Отрицательные местоимения в утвердительном предложении // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки.* - Москва, № 5, С. 114-120.
- Падучева Е. В. (1969) Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // *Машинный перевод и прикладная лингвистика.* Москва, № 12. С. 10-15.
- Li, D. (2005) *Why do you blog: a uses-and-gratifications inquiry into bloggers' motivations.* Thesis submitted to the Faculty of the Graduate School, Marquette University, in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. URL: http://commonsenseblog.typepad.com/common_sense/files/Li_Dan_Aug_2005.pdf

Ivana Kovačević

Filozofski fakultet Novi Sad
Novi Sad, Srbija

PRIJATELJSTVO I VRLINA KAO ZAJEDNIČKE TEME SRPSKOG I EVROPSKOG PROSVJETITELJSTVA

The paper points out the basic topics of Serbian and European Enlightenment such as friendship and virtue. It's based on the literary work of Dositej Obradović as the most famous Serbian writer of this period, but also on the works of Lessing, Gellert, Goldoni and other European writers. Comparing their works we can recognize that all these works have common ideas. This is a proof that the Serbian Enlightenment could be measured with those European.

Key words: Enlightenment, friendship, virtue, Dositej, Lessing, Gellert

U srpskoj književnosti XVIII vijek predstavlja veoma bitnu prekretnicu. Bio je to vijek prosvjetiteljstva koji će prema mnogima ostati zapamćen kao zlatno doba srpske književnosti. Napravi li se kratak osvrt na porijeklo pojma „prosvjetiteljstvo“ postaje jasno koji zadatak je imala ova književna epoha. Njemački pisac Kaspar Štiller u svom riječniku *Teutscher Sprachschatz* iz 1691. godine izjednačava njemački pojam *Aufklärung* sa latinskim pojmom *serenitas* i time mu pridaje meteorološko značenje. Kasnije ovaj pojam počinje da koristi u prenesenom značenju i to kao „prosvjetljenje razuma“, njem. *Aufklärung des Verstandes*. Metafora svjetlosti karakteriše ovaj pojam i u drugim evropskim jezicima gdje se upotrebljavaju pojmovi kao *enlightenment*, *le siècle des lumières* ili *illuminismo* (Meid 2007: 194). Iz ovoga zaključujemo da pojam prosvjetiteljstvo koji se koristi za ovu epohu u srpskom jeziku takođe ima korijene u ovom metaforičnom značenju.

Svog najvjernijeg predstavnika srpsko prosvjetiteljstvo prepoznalo je u Dositeju Obradoviću. Ovaj siroti mladić, ostavši veoma mlad bez roditeljske ljubavi, odlučivši jednoga dana po nagovoru jednog kaluđera da pobjegne iz Hopova, zadužio je srpski narod kao niti jedan prije njega. Gladan knjige i znanja, prožet cijelim svojim bićem željom da upozna druge krajeve i kulture, da uči strane jezike i najzad da napiše nešto na narodnom jeziku, što će biti od koristi i njegovom narodu, mladi Dositej kreće u osvajanje Evrope. Putujući Evropom Dositej će se sve više stapati sa evropskim duhom u kome će svakim danom nalaziti sve više mjesta i za srpsku kulturu. A kako je mogao doprijeti do neke druge kulture ako se ne prepusti upoznavanju svih njenih pojedinosti, pošavši od jezika, preko običaja, pa do onih najtananijih i najskrivenijih osjećanja koja se kriju u svakom pojedincu i ako ne uspostavi prijateljske odnose? Ovo posljednje i jeste lajtmotiv čitave epohe prosvjetiteljstva – prijateljstvo. Konačno, bio je to – vek prijateljstva pa ne čudi što se ta tema pojavljuje u svakodnevnom životu (Stefanović 2009: 176).

U doba prosvjetiteljstva putovanje je takođe predstavljalo jedan od najboljih načina sakupljanja kulturnih bogatstava i obogaćivanja riznice vlastite duše. I ono je na neki način postalo sredstvom koje vaspitava razum, proširuje vidike i omogućuje čovjeku - putniku da objektivnije sagleda svijet oko sebe. Lijepo je Dositej u basni *Putnici i topola* opisao važnost putovanja: „Kad tuđe poznamo, onda ćemo moći i o našima suditi kako idu“. Putujući po svijetu i okupljajući oko sebe samo drage ljude, uvidio je mudri Dositej važnost prijateljskog duha za svoju kulturu, a time je polako pripremao podlogu za najsjajniju perlu svog stvaralaštva – *Sobranije naravoučiteljnih vešteg*. Upravo će čin putovanja i boravak u Beču, ali i na cijelom zapadnoevropskom tlu, imati presudnu ulogu u Dositejevom životu. Pun iskustava i novih saznanja koja su otvorila neke nove horizonte samom piscu, a ujedno i srpskoj kulturi, Dositej pred sebe postavlja jedan novi izazov. Sve ono što je naučio, sva ona lektira koja ga je godinama zaokupljala, sve to trebalo je sada da pretoči u djelo koje će srpskom narodu dati priliku da osjeti čar evropske kulture, pune moralnih i intelektualnih ideja. Pred njim nije bio nimalo lak zadatak. Za razliku od *Života i priključenije* koje je pisao isključivo po svom nahođenju, nizajući doživljaje i iskustva jedan za drugim, sada se pred njim našao i veliki lingvistički izazov. Bilo je potrebno osjetiti sve sitne čari i nijanse jednog jezika i vjerodostojno ih prenijeti na srpski jezik koji je u svom razvoju do tog doba poprilično kaskao. Dositej Obradović polagao je, dakle, velike nade u ovo svoje delo. Pripremao ga je brižljivo, pažljivo odbirajući teme i žanrove za ovu svoju „antologiju“ (Stefanović 2007: 196). Iako nam već od samog početka pisac ukazuje na moralne vrijednosti čovječanstva, ovu osnovnu temu – prijateljstvo - Dositej uvodi jedanestom glavom *Sobranija*, i to jednim svojim originalnim tekstom, „O prijateljem i prijateljstvu“ da bi kasnije tu temu proširio prevodima eseja o prijateljstvu velikih svjetskih književnika.

Čak i na početku *Života i priključenije*, sav zanesen ovom blaženom idejom ljubavi i prijateljstva, idejom da prosvjetli duh svoga naroda, Dositej govori o „prijateljstvu mojih ljubeznika“. Kako je pismo bilo jedan od oblika komunikacije kojim su se mogle stvarati i održavati nove i stare prijateljske veze, iskazivati osjećanja ili pak prepričavati ljepota doživljenog ili kakav bitan događaj „koji može samo prijatelju da se saopšti“, nije ni čudo što je Dositej drugom dijelu svoje autobiografije dao ovaj epistularni oblik u kome će veličati sve one životne ideale za koje vrijedi živjeti. Dobijajući malo pomalo obrise književnog žanra, pismo će postati veoma bitan faktor za istoriju književnosti, ali i jedan od najljepših oblika „prijateljavanja“.

Da li slučajno ili namjerno svoje mjesto u *Sobraniju* našla je i jedna mladalačka komedija velikog njemačkog prosvjetitelja Lesinga, *Damon oder die wahre Freundschaft* ili kako ju je Dositej preveo *Damon iliti istinito prijateljstvo u iskušenju ljubovi*. Već iz samog naslova vidi se da se Dositej nije strogo držao izvornog teksta, ali to ne osporava autentičnost djela. Naime, u svojim prevodima pisac je ponekad morao u izvjesnoj mjeri da odstupa od originala da bi čitalačkoj publici na neki način bolje dočarao moralni efekat koji bi djelo trebalo da ostvari. Iako je izazvala mnoge špekulacije, ova Lesingova komedija je u potpunosti opravdala svoje mjesto u *Sobraniju*. Već iz naslova postaje jasno da ona obrađuje centralnu temu prosvjetiteljskog stvaralaštva koju je naš pisac ovaj put povezo sa još jednom velikom temom ovoga doba, a to je ljubav. Premda prosvjetiteljska komedija ne drži toliko do same radnje, dakle, nema nekog naročito naglašenog zapleta, sve je u obliku igre, Lesing ipak unosi u nju malu dozu intrigantnog stavljanjem prosvjetiteljski ideal u iskušenje ljubavi, svjestan činjenice da samo pravo prijateljstvo, ono kome teži XVIII vijek, neće podležiti iskušenju. U Damonu nema čak ni trunke sumnje u Leandrovo prijateljstvo. Iako mu u pojedinim momentima „čudne misli dolaze na um“, on im ne dozvoljava da se razviju u nešto više („Ali daleko od mene takova mečtanija, koja su na sramotu drugu mojemu!“). Štaviše, on sumnja u samoga sebe (- „ko zna, da je Leander nesrećan bio, bi[h] li ja velikodušan bio njemu pomoći.“). S druge strane, Leander se zbog ljubavi upušta u Jelisavetinu splotku, spreman zbog ljubavi jedne žene da preobrti Damonovu nesreću u svoju korist, što će ga na kraju navesti da se postidi i iskreno pokaje pred prijateljem koji, čak i u ovakvom momentu, nalazi opravdanje za njegov čin. Upravo u ovome i leži veličanstvenost Damonove vrline. On objedinjuje u sebi sve moralne vrijednosti jednog osviještenog građanina prosvjetiteljskog doba. Kako i sam podnaslov komedije nagovještava, na kraju se slavi „trijumf vrline“, što je vjerovatno Dositeju bio dobar povod da ovo djelo postane centrom njegovog prijateljskog sistema u *Sobraniju* iz koga će se dalje, poput zraka sunčevog sistema, širiti ljubav, tolerancija, velikodušnost, vjernost i sve ono što će biti dio prosvjetiteljskog moralnog kodeksa.

Interesantna je i činjenica da je jedan od najzastupljenijih žanrova ovoga doba ipak komedija koja ima za cilj da oplemeni dušu i prosvjetli razum. Ovakav stav znatno se razlikuje od klasične, Aristotelove definicije drame prema kojoj je jedino tragedija mogla da izvrši katarzu, dok je komedija bila namijenjena nižim staležima. U prosvjetiteljstvu se ipak ispostavilo da je komedija najbolje sredstvo za razvoj građanske svijesti. Ljude razveseljavati i njima, čez igru i šalu, ka vsevisočajšoj i prekrasnejšoj dobrodetelji nastavljenije davati i put pokazivati i takovim sredstvom njihovo soveršenstvo i blagopolučenje priuzrokovati, od ovoga boljše učinit' im se ne može (Obradović 2008: 124). Prosvjetiteljska komedija u prvom planu naglašava vrlinu i poučnost, te stoga sadrži veoma malu ili gotovo nikakvu dozu humora.

U prilog ovome ide komedija italijanskog pisca Karla Goldonija, *Trgovci*, koju je srpski pisac Emanuil Janković 1787. godine preveo na srpski jezik i time, moglo bi se reći, uveo jednu novu književnu vrstu u književnost srpskog prosvjetiteljstva. Goldonijeva djela prevedena su u više navrata na njemački, ali i na mnoge druge jezike, vjerovatno i zbog same aktuelnosti teme „trgovci“. Slično kao i u Gelertovoj drami *Die zärtlichen Schwestern*, i u ovom Goldonijevom djelu javlja se lik koji u sebi objedinjuje sve ono čemu teži komedija prosvjetiteljskog doba. Ovaj put su te karakteristike našle utjelovljene u mladoj djevojci po imenu Đanina. Ova veoma inteligentana, obrazovana i načitana djevojka, simbol građanske vrline XVIII vijeka, u potpunosti je posvećena „vaspitanju svog razuma“, a način na koji ona govori i razmišlja reflektuje se na sve druge likove ove komedije. Mlada Đanina će biti istaknuta kao oličenje vrline i morala kome će da teže i ostali akteri. Razlog, zbog koga se Janković opredijelio baš za ovo Goldonijevo djelo vjerovatno leži u težnji da djeluje prosvjetiteljski tako što će vodećoj ideji prosvjetiteljstva, upravo komedijom, omogućiti nesmetan prolaz do onih kojima će ona poslužiti za oplemenjivanje karaktera. Vjerovatno se vodio pretpostavkom da će najlakše doprijeti do buđenja moralne svijesti kod gledalaca i potrebe za identifikacijom sa njenim likovima ako se posluži pričom koja posjeduje šaljive i pomalo ironične elemente, a istovremeno nalazi podlogu u građanskoj svakodnevnici. Ovaj put je na meti trgovački sloj, kao veoma bitan i prije svega brojan sloj društva, upravo iz razloga da bi djelo našlo odjeka u širokim narodnim masama. Dok Đaninin lik prednjači u svakom pogledu, ostali akteri su potisnuti u drugi plan, ali ni u kom slučaju ne bi smjeli biti zanemareni. Njihova prisutnost je neophodna da bi se što bolje i živopisnije prikazale vrline koje posjeduje ova mlada dama i da bi kod ostalih bila probuđena želja za oslobađanjem od poroka i okretanjem jednoj moralnijoj i vedrijoj strani života jer sve je u prosvjetiteljskoj komediji predstavljeno na relaciji između poroka i vrline.

Veliku pažnju moralnim vrijednostima posvećivao je i njemački dramatičar Gelert. U svojoj komediji *Die zärtlichen Schwestern* (Nježne sestre) nastojao je da probudi kod gledalaca, ili bolje rečeno kod čitalaca, potrebu za identifikacijom sa njenim likovima, ali ni u kom slučaju ismijavanje istih, jer bi to značilo da komedija nije ostvarila svoj prvobitni cilj, odnosno da nije poslužila kao moralna pouka publici što je suprotno tadašnjim shvatanjima ove književne vrste. Oličenje vrline i velikodušnosti u ovoj komediji je Lotica. Ona ne poznaje mržnju i zavist, niti teži materijalnim dobrima. Spremnost da žrtvuje vlastitu sreću za sreću svoje sestre govori o njenoj privrženosti porodici, a ujedno ukazuje i na jednu moralnu veličinu kojoj je suprotstavljen njezin zaručnik Zigmund. Udvarajući se Loticinoj sestri Julici, u uvjerenju da je ipak ona prava nasljednica svog oca Kleona, a ne Lotica, Zigmund tako postaje dio intrige koja će ga koštati Loticine ljubavi. Premda više i ne pomišlja na brak s njim, Lotica uprkos svemu pronalazi snage da mu oprosti, čak se i moli za njegovo dobro.

Mnogi kritičari su zamijerili Gelertu to što njegov komad ne pokazuje izrazite karakteristike jedne komedije i jednim dijelom ima tužan kraj. Prema Ekeru ova Gelertova „zabavna igra“ (njem. *Lustspiel*) na neki način predstavlja prelaz između komedije i građanske tragedije. Svojim sadržajem pokazuje u određenoj mjeri karakteristike tragedije, dok ju je s druge strane moguće interpretirati kao komediju čiji cilj je moralna pouka, a ne ismijavanje njenih likova. Slično kao i kod Goldonija novac i ovdje igra veoma bitnu ulogu. Dok je kod Goldonija predstavljen kao porok, kod Gelerta je novac razlog izdaje i nevjerstva. Ključna riječ, međutim, može se prepoznati već u samom naslovu. Pridjev „zärtlich“ (nježan, blag) kojim su već na početku opisane dvije sestre govori o njihovoj plemenitosti i dobrodušnosti. Zanimljiva je i činjenica da Gelert imena glavnih ženskih likova koristi u deminutivu. Na taj način on bez mnogo drugih atributa govori o ljepoti duša ove dvije sestre što i jeste jedna od osnovnih ideja prosvjetiteljstva.

Veliku ulogu u posredovanju ideje prijateljstva i uopšte moralnih ciljeva do čitaoca-prijatelja, kakve inače posjeduju i Lesingove basne koje je Dositej dobrim dijelom preradio, imaće i djela ne samo njemačkih nego i veoma cijenjenih pisaca engleske i francuske književnosti, među kojima će posebnu pažnju privlačiti eseji Dositejevog omiljenog pisca Žan – Fransa Marmontela, koji će s razlogom popunjavati stranice Dositejeve antologije. Po sadržaju i ideji u ovaj Dositejev opus savršeno će se uklopiti *Lauzus i Lidija*, pripovijetka prevedena sa francuskog jezika u kojoj je opisano nesebično prijateljstvo Lauzusa i Fanora i ljubav dvoje mladih ljudi koja će nadjačati neprijateljstvo njihovih kraljevstava. *Adelaida, pastirka alpijska*, Marmontelova „moralistička“ pripovijetka, takođe je jedna od onih koje okružuju Lesingovog Damona u Dositejevoj antologiji. Naći će se u *Sobraniju* i poneka priča istočnjačkog porijekla *Jedan par papuča* ili *Abdala i Balsora* gdje će Dositej pomoću alegorije nastojati da u misli čitalaca utka poneku nit moralnih načela. Sve ove priče iz različitih kultura i književnosti obgrliće Damona rukom prijateljstva i iznjedrili niz tema koje se poput mladih pupoljaka granaju iz stabla prijateljstva i ponovo se prepliću čineći jedan neraskidiv splet.

Sagledajući u cjelini pomenuta djela postaje jasno da su i u srpskom prosvjetiteljstvu njegovane ideje koje su izlazile iz pera slavni evropskih prosvjetitelja i obogaćivale evropsku, ali i svjetsku književnost. Prijateljstvo i vrlina se u tom smislu javljaju kao ideje vodilje i zajedničke teme srpskih i evropskih prosvjetitelja. Putovanje ovim lavirintom ideja i kultura postaće instrumentom prosvjetiteljskog „vaspitanja razuma“, pružanja jednog novog doživljaja stranog kao vlastitog, kao onoga što ne posjeduju samo *tamo neki* [istakla I. K.] Evropljani nego i svega onoga sto posjeduje svaki pojedinac, a time i srpska kultura - sposobnost da se slavljem i veličanjem vrline prosvjetljuje i usavršava.

Literatura

- Ecker, Hans-Peter (2010), Süßer Schein der Traurigkeit. Christian Fürchtegott Gellerts weinerliches Lustspiel *Die zärtlichen Schwestern*. URL: www.hpecker.files.wordpress.com/2010/02/hans-peter_ecker_fuerchtegott_gellert_die_zaertlichen_schwester.pdf, 21.04.2013
- Gellert, Christian Fürchtegott (1988), *Die zärtlichen Schwestern*. Ein Lustspiel von drei Aufzügen. In: Gesammelte Schriften. Lustspiele. Band III. Hrsg. von Bernd Witte, Berlin – New York, Walter de Gruyter.
- Janković, Emanuil (2008), *Trgovci*. [pr. Mirjana D. Stefanović], Beograd, Službeni Glasnik.
- Lessing, Gotthold Ephraim (2013), *Damon oder die wahre Freundschaft*. Ein Lustspiel in einem Aufzuge. North Charleston, USA, CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Martini, Fritz (1991), *Deutsche Literaturgeschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Stuttgart, Alfred Kröner Verlag.
- Meid, Volker (2007), *Das Reclam Buch der deutschen Literatur*. Stuttgart, Philipp Reclam jun.
- Obradović, Dositej (1974), *Život i priključenija*. [pr. Anđelko Barbić], Zagreb, Školska knjiga.
- Obradović, Dositej (2008), *Sobranije naravoučitelnih vešteg. Mezimac. IV*; [pr. Mirjana D. Stefanović], Beograd, Zadužbina „Dositej Obradović“.
- Povjest svjetske književnosti* (1977), Knjiga 2., [uredio Vladimir Vratović], Zagreb, Mladost.
- Stefanović, Mirjana D. (2007), Još „jedna knjiga iz knjižnice Dositeja Obradovića“, u: *Biblioteka srpske književnosti*. Beograd, Čigoja štampa.
- Stefanović, Mirjana D. (2009), *Leksikon srpskog prosvjetiteljstva*. Beograd, Službeni glasnik.

Aleksandra Kovács

ELTE BTK

Budapest, Hungary

FRAZEOLŠKA SINONIMIJA NA PRIMJERU HRVATSKOG JEZIKA

It is known and accepted that synonyms can be nouns, verbs, adjectives, adverbs and prepositions. This work however aims to transfer and apply the confirmed lexical interpretations of synonyms and synonymy to phrasemes. What are phraseme variants and what are phraseme synonyms? Can phrasemes constitute synonym pairs or a synonym sequence? These are some of the questions to which I try to provide an answer through this work. The examples used in the work are taken from the corpus of Croatian phraseology. Since this is a topic that is rarely discussed and researched, it may well represent a contribution towards further research.

Key words: phraseme, synonym, synonymy, Croatian language

Uvod

U nekoliko posljednjih desetljeća, frazeologija izaziva sve veće zanimanje, pri čemu ne mislim samo na hrvatsku frazeologiju. Sve je veći i veći broj znanstvenih radova, istraživačkih projekata, rječnika, analiziraju se različite jezične pojave na razini frazeologije. Osim toga, frazeologija sve više izlazi iz znanstvenih okvira lingvistike i, na posredan ili neposredan način, nalazi svoje mjesto u različitim funkcionalnim stilovima. Frazeme nalazimo u jeziku publicistike, znanosti, administracije i baš zahvaljujući prenesenom značenju koje oni u sebi nose i njihovoj ekspresivnosti, vrlo se lako uklapaju u svakodnevni govor i književnost, koji i inače predstavljaju gotovo nepresušne izvore u kojima ih stalno nalazimo.

Nekolicina jezikoslovaca koji su se dosad u svojim radovima bavili frazeološkom sinonimijom, najčešće su to činili putem usporedbe hrvatske sa frazeologijom nekog drugog jezika. Ovaj rad za osnovu ima isključivo hrvatsku frazeologiju i predstavlja pokušaj da se obradi ova jezična pojava, svojstvena leksikologiji u prvom redu.

Frazemske inačice

Pogrešno bi bilo tumačenje po kojem svi međusobno slični frazemi predstavljaju frazemske sinonime. Mnoge, manje ili više očite razlike u okviru jednog frazema, predstavljaju samo određene varijante/inačice jednog istog frazema. Ove se razlike pojavljuju na različitim razinama: fonetskoj, morfološkoj, tvorbenoj, sintaktičkoj i leksičkoj (Menac 1979.).

Frazemske inačice na fonološkoj razini

Kod ovakvih se frazema razlike, odnosno varijante najmanje primjećuju. Apsolutno je svejedno hoćemo li reći *kao od šale / k'o od šale, kao kroz san / kao kroza san, kao glavom kroz zid / k'o glavom kroza zid, ležati na smrtnoj postelji / ležati na smrtnoj postelji*. Ovi nam primjeri pokazuju kako je uvijek riječ o istom obliku frazema (fonetska riječ, skup riječi ili frazemi-rečenice), razlika u osnovnom značenju frazema ne postoji a isto tako ne postoje ni razlike u pogledu ekspresivnosti ili asocijativnosti kod ovakvih frazemskih inačica.

Frazemske inačice na morfološkoj razini

U frazemima poput *dobra/dobroga srca, pasti s neba/nebesa, dobiti košaru/košaricu, baciti biser/biserje pred svinje* primjećujemo izvesne razlike. Mada su kod ovakvih frazema razlike malo očitije, one još uvijek ne predstavljaju razlike u osnovnom značenju, odnosno ekspresivnosti ili asocijativnosti a frazemi se pojavljuju uvijek u istom obliku.

Frazemske inačice na tvorbenoj razini

Ako pogledamo frazeme *svijati gnijezdo/gnjevdašce, biti pametna glava/glavica*, uočavamo razliku nastalu na razini tvorbe riječi. Osim ove razlike, ovdje možemo uočiti izvesne nijanse u pogledu ekspresivnosti, a samim tim i asocijativnosti frazema, koja nastaje (konkretno u navedenim primjerima) uporabom deminutiva.

U okviru ove podjele, uvela bih jednu podskupinu i to na razini glagolskog aspekta. Veoma je česta pojava da se jedan frazem pojavljuje sa glagolom svršenog, odnosno nesvršenog vida, kao na primjer: *izbijati/izbiti <komu> bubice iz glave, gledati/pogledati bijelo, okititi se/kititi se tuđim perjem, pobjeći/bežati kao oparen*. Na osnovu ovih i sličnih primjera, očito je da se razlika sastoji samo u učestalosti, odnosno svršenosti radnje.

Ni u jednoj ni u drugoj podskupini značenje se frazema ne mijenja a izmjene se mogu naći u svakom obliku frazema podjednako.

Frazemske inačice na sintaktičkoj razini

U ovoj skupini, razlike se uočavaju na sintaktičkoj razini, i to u pogledu glagolske valentnosti ili uporabe različitih prijedloga. Za to nam mogu poslužiti sljedeći primjeri: *mesti pred svojim pragom / ispred svoga praga*,

čupati kosu na glavi/sa glave, drhtati kao list / poput lista. Očito je da ovoj skupini, za razliku od prethodnih, u kojima smo imali i fonemsku riječ i skup riječi, mogu pripadati samo frazemi sa strukturom rečenice. Razlika u pogledu značenja frazema nema.

Frazemske inačice na leksičkoj razini

Ova bi se skupina mogla podijeliti na nekoliko podskupina, već ovisno o tome kako, odnosno čime zamjenjujemo pojedine sastavnice frazema.

U prvoj se podskupini nalaze frazemi kod kojih se jedna sastavnica zamjenjuje svojim sinonimom: *okrenuo/prevrnuo bi se u grobu, ni pas s maslom ne bi pojeo/pokusao, gubiti pamet/razum, posijati/ubaciti sjeme razdora.*

Drugu podskupinu čine frazemi u kojima je jedna sastavnica zamijenjena semantički bliskom riječi: *to je druga priča/pjesma, kao iz topa/puške, zdrav kao dren/jabuka.* U ovoj se skupini relativno često pojavljuju hiperonimi ili nadređenice (leksemi šireg značenja, tj. sa nespecificiranom sastojnicom u značenju; grč. hypér 'iznad'+ónoma) i hiponimi odnosno podređenice (leksemi užeg značenja, tj. sa specificiranom sastojnicom u značenju; grč. hypó 'ispod'+ónoma). Tako ovdje često nailazimo na poredbene frazeme *prljav kao svinja/prase / prljava kao krmača, lijepa kao cvijet/ruža, jesti kao ptica/vrabac*, ali to ne predstavlja pravilo, što se vidi i iz sljedećih primjera: *iznijeti na svojim plećima/leđima, ostati bez teksta/riječi, duša od čovjeka/žene.*

Sljedeća podskupina obuhvaća frazeme u kojima zamijenjena sastavnica ne pripada čak ni istoj vrsti riječi, kao na primjer: *spavati kao zaklan/hrčak, nisam se jučer rodio / nisam jučer rođen, živjeti kao mali bog / živjeti bogovski.*

U posljednjoj, četvrtoj podskupini nalaze se frazemi kojima se dodavanjem ili izostavljanjem jedne sastavnice mijenja njihov opseg značenja te bi ovo variranje moglo biti nazvano *leksičko-kvantitativnim* (Menac 1979: 187). Ovdje bi mogli uvrstiti frazeme poput *trčati za <svakom> suknjom, <jedva> sastavljati kraj s krajem, bez <po> muke, nemati ni <prebijene> pare.*

U navedene četiri skupine nailazimo na sve oblike frazema (fonetska riječ, skup riječi i frazem-rečenica). Zamjene su međusobno veoma različite iako su sve na leksičkoj razini. Najveća se razlika, međutim, pojavljuje u pogledu ekspresivnosti i asocijativnosti frazema, potenciranjem njihovog značenja. Ove su razlike veoma očite u drugoj podskupini u kojoj u frazemima rabimo hiperonime i hiponime: *lijepa kao cvijet* znači određeni stupanj ljepote jer je svaki cvijet lijep, a frazem *lijepa kao ruža* predstavlja izuzetnu, nesvakidašnju ljepotu jer se ruža po svojoj ljepoti smatra kraljicom cvijeća. Isto tako, u četvrtoj podskupini, nailazimo na potencirano značenje frazema: frazem *sastavljati kraj sa krajem* znači imati relativno malo sredstava/novca za život ali se ipak nekako snalaziti, dok frazem *jedva sastavljati kraj sa krajem* znači da je nečije preživljavanje iz raspoloživih sredstava izuzetno otežano, skoro onemogućeno.

Frazemski sinonimi

Kao što sam već rekla, sinonimija je jezična pojava koja nije svojstvena samo leksikologiji već i frazeologiji. Hrvatska leksikologija razlikuje dvije vrste sinonima: potpune sinonime ili *istoznačnice* i djelomične sinonime ili *bliskoznačnice* (Samardžija 1995.) te prema tome i frazeološki sinonimi mogu biti frazemske istoznačnice ili bliskoznačnice.

Frazemske istoznačnice

Da bi neki frazemski sinonim bio uvršten među frazemske istoznačnice, trebao bi biti zamjenjiv u svim kontekstima, imati različite sastavnice a da pri tom ekspresivnost frazema, odnosno pozadinska slika koju on pruža o određenom pojmu bude identična.

Kao što nam je poznato, pravi sinonimi, tj. istoznačnice, veoma su rijetki u hrvatskom jeziku. Najčešće je riječ o leksemima koji imaju svoju varijantu u okviru hrvatskog standardnog jezika i posuđenicu i pri tom imaju isti opseg značenja. Posuđenica može biti iz nekog drugog jezika ali isto tako može biti iz nekog od druga dva hrvatska narječja, čakavskog ili kajkavskog. Ovi se potonji nazivaju i kontaktnim sinonimima (Samardžija 1995.). Tako na primjer imamo *ljekarna – apoteka, jezikoslovlje – lingvistika, magarac – osel – tovar.*

Postavlja se pitanje: kako je naprijed navedeno primjenjivo na frazeme?

Ako pođemo od paralele hrvatski standardni jezik – posuđenica, imamo sljedeću situaciju. Na primjer:

Njegove su riječi bile *glazba za moje uši.*

Njegove su riječi bile *muzika za moje uši.*

ili

Tihi šum jesenje kiše bilo je prava *glazba za moje uši.*

Tihi šum jesenje kiše bilo je prava *muzika za moje uši.*

Iz navedenih primjera vidimo kako su osnovni uvjeti koje frazemska istoznačnica treba zadovoljavati, ispunjeni:

- frazemi su zamjenjivi jer se pojavljuju u različitim kontekstima – u prvom je primjeru riječ o dvije osobe između kojih se odvija radnja u kojoj jedna osoba aktivno sudjeluje (govori) a druga pasivno (sluša); u drugom primjeru riječ je o jednoj prirodnoj pojavi u kojoj indirektno sudjeluje ili joj je svjedok jedna osoba;

- frazemi posjeduju različite sastavnice – *glazba – muzika* – koje su semantički potpuno iste; prvo i osnovno značenje ovih dvaju riječi je „umjetnost izražavanja tonovima, glasovima i šumovima“ (HER 2003);

- ekspresivnost frazema je jednaka – i jedan i drugi frazem predstavlja nam istu pozadinsku sliku: *glazba / muzika za moje uši* predočava nam proizvođenje određenih glasova ili zvukova koji djeluju umirujuće, u prvom su primjeru to riječi koje netko govori a u drugom zvuci koje proizvodi jedna prirodna pojava.

Možemo li ovakvo zaključivanje izvesti i u slučaju frazema s različitim sastavnicama koje ne predstavljaju paralelu hrvatski standardni jezik – posuđenica? Da bih mogla odgovoriti na ovo pitanje, za primjere ću uzeti frazeme:

1) *cijepati dlaku na četvero – tražiti dlaku u jajetu*

Uvijek *cijepaš dlaku na četvero / tražiš dlaku u jajetu*, samo kako bi dokazao da si u pravu!

ili

Njegova preciznost više je sličila *cijepanju dlake na četvero / traženju dlake u jajetu*.

2) *slagati se kao pas i mačka – slagati se kao rogovi u vreći*

Svi su znali da se Tomislav i Jadranka *slažu kao pas i mačka / kao rogovi u vreći*

ili

* Iako su već dugo zajedno, njihova se interesovanja *slažu kao pas i mačka / kao rogovi u vreći*.

Usporedbom primjera pod 1) i 2) dobijamo sljedeći rezultat:

Primjer pod 1)

- frazemi su zamjenjivi jer se pojavljuju u različitim kontekstima – u prvom je primjeru riječ o nečijem postupanju a u drugom o nečijoj karakternoj osobini

- frazemi posjeduju različite sastavnice čije je prvotno značenje desamentizirano

- ekspresivnost frazema je jednaka – u oba frazema, bez obzira je li riječ o nečijem postupku ili osobini, nailazimo na pretjeranu temeljitost, sitničavost, cjepidlačenje

Primjer pod 2)

- frazemi su zamjenjivi samo međusobno ali ih ne možemo koristiti u različitim kontekstima - u prvom primjeru je riječ o neslaganju nečijih naravi a u drugom nečijih interesovanja

- frazemi posjeduju različite sastavnice čije je prvotno značenje desamentizirano

- ekspresivnost frazema je jednaka ali samo ukoliko je riječ o jednakim kontekstima – uklapaju se u predstavu o potpunom neslaganju dviju osoba ili njihovih naravi, ali nikako ne mogu predočiti neslaganje nečijeg djelovanja, interesovanja, izbora i sl.

Na osnovu navedenih primjera i njihovih analiza, može se izvesti sljedeći zaključak:

- frazemske istoznačnice su, jednako kao i leksičke, veoma rijetke u hrvatskom jeziku i najčešće ih nalazimo u frazemima čija, najčešće samo jedna, sastavnica predstavlja zamjenu posuđenice odgovarajućim leksemom hrvatskog standardnog jezika – *glazba/muzika za moje uši*;

- frazemske istoznačnice sa jednom ili više različitih sastavnica, koje ne predstavljaju zamjenu posuđenica leksemima hrvatskog standardnog jezika, ne mogu uvijek biti a vrlo često i nisu zamjenjive u svim kontekstima te predstavljaju sinonime samo u određenim kolokacijama – *cijepati dlaku na četvero / tražiti dlaku u jajetu* –, dok se u nekim drugim kolokacijama semantički uopće ne uklapaju – *slagati se kao pas i mačka / slagati se kao rogovi u vreći*.

Frazemske bliskoznačnice

Frazemske bliskoznačnice, kao što i sam njihov naziv kazuje, predstavljaju frazemske sinonime koji samo približno imaju isto značenje, tj. njihovo značenje je međusobno blisko. Frazemski sinonimi ovoga tipa nisu zamjenjivi u svim kontekstima, imaju jednu ili više različitih sastavnica ili se u cjelosti razlikuju, dok je njihova ekspresivnost i pozadinska slika koju nam pružaju o određenom pojmu različita a moguće je i da se u određenim kolokacijama semantički međusobno udalje.

Pogledajmo kako to izgleda na primjerima:

1) *lijep kao slika – lijep kao Apolon*

On je *lijep kao slika*.

On je *lijep kao Apolon*.

Ona je *lijepa kao slika*.

* Ona je *lijepa kao Apolon*.

2) *pasti kao zrela kruška – pasti kao pokošen*

U žurbi nije primijetio rupu na stazi i *pao je kao zrela kruška*.

* U žurbi nije primijetio rupu na stazi i *pao je kao pokošen*.

ili

Od jakog udarca lopte u glavu *pao je kao pokošen*.

* Od jakog udarca lopte u glavu *pao je kao zrela kruška*.

U primjeru pod 1) imamo frazemske sinonime koji se odnose na ljepotu – s jedne strane, bilo koja *slika* može biti lijepa, što dobrim dijelom ovisi i od promatrača i njegovog ukusa ili smisla za ljepotu; s druge strane, *Apolon* predstavlja pojam vrhunске, božanske muške ljepote. Iz ovog slijedi, kao što se i u datim primjerima vidi, da frazemski sinonimi *lijep kao slika – lijep kao Apolon*, ne mogu biti primjenjivi u bilo kom kontekstu jer se ova dva frazema ne mogu jednako primjeniti na osobu muškog i ženskog spola. Oni sadrže samo jednu različitu sastavnicu koja je sasvim dovoljna za izražavanje gradacije ljepote, pri čemu je netko, i to isključivo muškarac, jednostavno 'samo' lijep ili je nadnaravno lijep.

Primjer pod 2) odnosi se na radnju – padanje. I ovdje je riječ o frazemskim sinonimima sa različitim sastavnicama koje ipak nisu, kao što vidimo na primjerima, zamjenjive u svim kontekstima. Što se tiče ekspresivnosti ovih frazema, dobivamo potpuno različitu sliku i o osobi koja pada ali i o mogućim posljedicama njezinog pada. Ako netko *padne kao zrela kruška* to nam predočava osobu koja je nespretna, koja ne pazi kako se kreće a posljedice takvog pada mogu ali i ne moraju biti ozbiljne. Međutim, ako netko *padne kao pokošen* znači da njegov pad nije posljedica nespretnosti ili nepažnje – uzrok takvog pada je recimo jak udarac, srčani udar, pogodak metkom i sl. a posljedice su, najčešće, relativno ozbiljne čak možda i smrtonosne.

Na kraju bih napomenula još jednu činjenicu kada je riječ o frazemskim bliskoznačnicama. U ovaj se tip frazemskih sinonima donekle mogu uvrstiti i frazemske inačice i to podskupina koja obuhvaća frazemske inačice na leksičkoj razini ali ne sve nego one u kojima se pojavljuju hiperonimi i hiponimi (*lijepa kao cvijet/ruža*) i leksičko-kvantitativne frazemske inačice (<jedva> *sastavljati kraj sa krajem*), o čemu je ranije bilo riječi.

Svi navedeni primjeri i njihove analize omogućuju nam sljedeći zaključak u vezi frazemskih bliskoznačnica:

- frazemske bliskoznačnice su, poput leksičkih, zastupljene u veoma velikom broju u hrvatskom jeziku, možemo ih naći u svim oblicima frazema;
- mogu biti međusobno zamjenjive ali samo u istom kontekstu, što znači da promijenjen kontekst zahtijeva i promjenu frazema;
- ekspresivnost frazemskih bliskoznačnica proizilazi iz značenjskog nijansiranja frazema koje nastaje uporabom leksema koji pružaju mogućnost gradacije (primjer pod 1);
- frazemske bliskoznačnice, iako predstavljaju frazemske sinonime, imaju određene sličnosti sa frazemskim inačicama na leksičkoj razini, gdje ponovno do izražaja dolazi ekspresivnost frazema kao posljedica uporabe hiperonima i hiponima, odnosno leksičkog potenciranja značenja frazema u leksičko-kvantitativnim frazemskim inačicama.

Frazemski sinonimski par i sinonimski niz

Frazemski sinonimski par predstavljaju dva frazemska sinonima koji međusobno imaju semantički odnos potpune ili djelomične podudarnosti. Primjeri frazemskih sinonimskih parova mogu biti: *od Adama i Eve – od Kulina bana, star kao Biblija – star kao Metuzalem, nije đavo nego vrag – nije šija nego vrat, kad na vrbi rodi grožđe – malo sutra/morgen*.

Frazemski sinonimski niz tvore tri ili više frazemskih sinonima čiji međusobni semantički odnos, kao i kod frazemskih sinonimskih parova, pokazuje potpunu ili djelomičnu podudarnost. Najlakše se uočavaju ili formiraju ako ih većemo uz neki leksem koji želimo opisati uz pomoć frazema i to na (što je moguće) više načina. Na primjer, ako želimo iskazati kako nešto ne bismo uradili ni pod kakvim uvjetima, možemo načiniti sljedeći niz frazemskih sinonima: *ni u snu, ni za <dragog> boga, ni pod razno, ni po/pod koju cijenu, ni govora, ni slučajno, ni u ludilu, ni mrtav, ni za živu glavu, ni za sve blago <ovoga> svijeta*; ili ako želimo opisati nečiju nevinost, sljedeći frazemi mogu činiti niz: *nevinno janje, nevin kao janje, ni luk jeo ni luk mirisao, biti čistih ruku, imati čiste ruke*.

I kod frazemskih sinonimskih parova i kod frazemskih sinonimskih nizova primjenjivost varira ovisno od konteksta; međusobno se mogu razlikovati samo u jednoj sastavnici ali isto tako mogu biti u cjelosti sastavljeni od različitih leksema. Ekspresivnost frazema koji čine sinonimski par ili niz ima izuzetno širok semantički opseg, osobito ako je riječ o frazemskom sinonimskom nizu.

ZAKLJUČAK

Kad je riječ o sinonimima i sinonimiji u frazeologiji, ustanovila sam kako se u frazemskim inačicama, čini mi se rado i prilično često, rabe hiperonimi i hiponimi koji utječu na ekspresivnost frazema jer stvaraju mogućnost gradacije osobina ili karakteristika neke osobe, pojave ili stvari. Ukazala sam na osnovne razlike između frazemskih istoznačnica i frazemskih bliskoznačnica. Isto tako sam uz pomoć nekoliko primjera pokazala postojanje mogućnosti tvorenja frazemskog sinonimskog para, odnosno frazemskog sinonimskog niza.

Mnogi su radovi napisani o sinonimiji, bez obzira da li njihovi autori prihvaćaju ili osporavaju postojanje sinonimije, sastavljaju se rječnici sinonima, kako jednojezični, tako i dvojezični. S druge strane, frazeologija, polako ali sigurno, postaje sve zanimljivija za istraživanje, pojavljuje se sve više radova, nastaju jedno- i dvojezični rječnici frazema. Međutim, sasvim je druga slika kada je riječ o povezivanju sinonimije sa frazemima i pronalaženju njezinog mjesta u frazeologiji – nekolicina se autora u malom broju radova dotakla

frazeološke sinonimije. Mislim, i nadam se, kako sam ovim svojim radom načinila jedan mali pomak i ukazala na mogućnosti detaljnijih istraživanja, analiza i klasificiranja koje ova tema pruža.

Literatura

- Fink-Arsovski, Željka (2003.), *Poredbena frazeologija: pogled izvana i iznutra*, Zagreb, Filozofski fakultet
- Forgács Tamás (2007), *Bevezetés a frazeológiába*, Budapest, Tinta Könyvkiadó
- Katus, Elvira (2004), Antonima, szinonima, homonima a frazeológiában. In: *Lexikológiai és lexikográfiai látkép: Problémák, paradigmák, perspektívák*, Szeged, Generalia
- Menac, Antica (2006.), *Hrvatska frazeologija*, Zagreb, Knjigra d.o.o.
- Menac, Antica (1979.), Iz problematike frazeološke sinonimije u ruskom i hrvatskom književnom jeziku. In: *Filologija* 9., 185.-191.
- Mihaljević, Milica – Kovačević, Barbara (2006.), Frazemi kroz funkcionalne stilove. In: *Jezik* LIII, 1., 1. – 14.
- Samardžija, Marko (1995.), *Leksikologija s povješću hrvatskoga jezika*, Zagreb, Školska knjiga
- Šarić, Ljiljana (2011.), Kognitivna lingvistika i sinonimija: Teorija i leksikografska praksa. In: *Croatica et Slavica Iadertina*, VII/II, Zadar, 305.-325.

Rječnici

- Fink-Arsovski, Željka (2006.), *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*, Zagreb, Knjigra
- Hrvatski enciklopedijski rječnik (2003.), Zagreb, Novi liber
- Matešić, Josip (1982.), *Frazeološki rječnik hrvatskog ili srpskog jezika*, Zagreb, Školska knjiga
- Menac, Antica – Fink-Arsovski, Željka – Venturin, Radomir (2003.), *Hrvatski frazeološki rječnik*, Zagreb, Naklada Ljevak d.o.o.

Петър Кривчев

Пловдивски университет “Паисий Хилендарски”
Пловдив, Република България

ЛЕКСИКАЛНО-СЕМАНТИЧНИ ДУБЛЕТИ В СТИШНИЯ ПРОЛОГ ОТ ТЪРНОВСКАТА МУ РЕДАКЦИЯ

In this article is discussed a lexical-semantic doublets, which is shown in the text of Turnovo edition – from the middle of fourteenth century, of the Prologue in Verse. Specific consideration is taken the lexical-semantic of nouns. The presented lexical units are accompanied by the appropriate form and in brackets are indicated the specific volume, page and line of work. Each doublet is given in context to illustrate it is content.

Key words: Prologue in Verse, lexical-semantic doublets, nouns

В старите славянски литератури съществуват различни сборници с устойчив или относително устойчив състав (Иванова 1985: 173-182). Особено място сред тях заема преведеният от гръцки език Пролог. Прологът представлява агиографски календарен сборник, съдържащ кратки (проложни) жития за светци – мъченици, подвижници и светски лица, а по-късно в славянските преводи на сборника започват да се включват наред с преводните жития и оригинални славянски жития, разкази за пренасяне на мощи, чудеса, слова, поучения, упоменания (Сергий 1901: 278-351).

Прологът се разпространява като два отделни паметника: Пролог (често наричан Прост пролог, Нестишен пролог, Обикновен пролог) и Стишен пролог. Наименованието Стишен пролог е свързано с въвеждането на проложни стихове – двустийния или тристийния, които предхождат кратките жития в сборника (Лихачев 1983: 132-139).

Стишиният пролог е създаден във Византия през втората половина на XII век на основата на Петровия синаксар (Петков 1990: 288). Стиховете са заимствани от стишния календар на византийския поет-епиграмист от I век Христофор Митиленски (около 1000-1050) (Фрейберг 1969: 21-23). Най-ранният прелист на окончателната редакция на *Стишиният пролог* във византийската литература е от края на XIII в. Тази редакция се свързва с името на дякон Маврикий (1295 г.).

В България Стишиният пролог, който отговаря на изискванията на Ерусалимския устав, възниква през първата половина на XIV век и изтласква Простия пролог (за разлика от Русия, където тези два сборника съществуват паралелно с известен превес на Пролога до XVII век, когато през 1641г. се появява неговото първо печатно издание).

Относно въпросите за времепоявата на първите преводи и редакции липсват категорични отговори в досегашните проучвания. Според Климентина Иванова (Иванова 1979: 125) стишната редакция на Пролога има два превода – един, направен през XIV в., и друг, направен в Сърбия. За по-стар тя посочва търновския.

Георги Петков отбелязва 4 редакции на българския превод: Търновска, една сръбска - Лукиева, и две руски - Московска и Новгородска. (Петков 2000: 46-47).

В изследванията са изказани становища за съществуването на два превода и няколко редакции. За пръв път А. И. Яцимирски пише за съществуването на два български превода от средата на XIV в. – (Яцимирский 1916: 41-42). По-широко разпространение получава българският превод, който е направен най-вероятно в столицата Търново.

Прологът отдавна предизвиква интереса на учените. Обърнато е сериозно внимание на редица важни въпроси относно неговото възникване и разпространение, относно съдържанието и езика му, неговият състав е използван като основа за създаване на многобройни славянски съчинения.

В сравнение с научната литература върху проблемите на *Пролога*, изследванията за Стишния пролог са много по-малко.

Проблем, върху който липсват научни изследвания, е въпросът за лексикално-семантичната дублетност в текстовете от Търновската редакция на Стишния пролог.

Изследването на дублетността стана възможно благодарение на поредицата “*Търновската редакция на Стишния пролог*”, в която са публикувани проложните текстове от Търновската редакция на *Стишния пролог* по най-старите точно датирани български ръкописи от средата на XIV век. Автори на този мащабен труд са Георги Петков и Мария Спасова.

В науката е известно, че старобългарските писмени паметници се отличават с изключително богатство на лексикални варианти (някои учени ги наричат синоними). Тази синонимия се проявява и в парадигматичен, и в синтагматичен план. По-точно това явление може да се проследи при превод от гръцки на старобългарски – не са редки случаите, когато срещу едно гръцко съответствие виждаме две и повече старобългарски лексеми, употребени диференцирано (смислово и стилистично) съобразно с контекста. Възможно е, естествено, някои групи думи да бъдат преведени с една старобългарска. Точно поради тази полисемия на думите една лексикална единица може да функционира с различни свои

значения в различни синонимни редове, което от своя страна дава изключително големи възможности за функционирането на синонимите.

Р. М. Цейтлин (Цейтлин 1986: 65) определя думите, които предават по различен начин една и съща дума от гръцкия оригинал в определен контекст и в определен литературен паметник, като *текстологични дублети*.

Върху текстологичните дублети в старобългарските писмени паметници са работили множество учени: В. Ягич, К. Хоралек, К. Мирчев, И. Гълъбов, А. Лвов, Р. Цейтлин, Х. Йелите и др. В повечето случаи текстологичните дублети са и лексикални дублети (в РЦВ е направено разграничение между лексикалните дублети и синонимите (РЦВ: 54).

Термините *лексикални варианти* и *лексико-семантична* вариативност се използват в руската научна литература. Според определението на Л. Жуковска (Жуковская 1964: 6) “лексикалните варианти за старите славянски ръкописи са две думи или група думи, тъждествени или близки по значение и поради това взаимно заменящи се в различните преписи на един и същ паметник”. Руската славистка избягва названието “синонимни”, според нея лексикалните варианти не бива да бъдат разглеждани като синоними, но не могат да бъдат и обикновени дублети.

Според други автори, като Михайловска (Михайловская 1975: 4), вариативността трябва да се подразбира като “взаимоотношение между думите, които се отличават по своята коренна морфема и са употребени в идентични контексти. Тоест, Михайловска използва термина *лексико-семантична вариативност*, но с уговорката, че лексикалната замяна не изчерпва характеристиката си само в семантичен аспект, понеже може да бъде съпроводжана и с отклонения в граматичната форма.

Като имам предвид схващанията относно вариативността, аз ще се придържам към названията *текстологични дублети* и *лексикални (лексикално-семантични)* варианти (които употребявам като равностойни термини), за да означавам думите, които съм открил в преписите на Стишния пролог. В тези названия се включват както морфологичните промени, които се проявяват в два от поне три дублета, така и словообразователните решения. Задължителен критерий за тяхното обособяване е наличието поне на две словоформи, които показват вариране в идентични контексти.

Шестте тома (издадени до момента) на поредицата “Търновската редакция на Стишния пролог” (Г. Петков, М. Спасова) разкриват както неподозираният словесно богатство на българския книжовен език през среднобългарския период от развитието му, така и наистина значителният брой лексикално-семантични варианти (дублети).

В настоящата статия са представени лексикално-семантични дублети, ексцерпирани от текстовете от Търновската редакция на Стишния пролог по изданието на най-стария препис в ръкопис от средата на XIV в. (1368-1376 г.) от сбирката на БАН в София, № 73, който е залегал в основата на шесттомното му издание и обхваща проложните жития за зимното полугодие (Петков-Спасова от 2008-2011 г.). Освен това издание съм използвал и проложните текстове от Стишния пролог за лятното полугодие, които са пак по най-стария български препис в ръкопис от сбирката на Зографския манастир от 1345-1360 г., № 80 и са подготвени за печат от Г. Петков. Изказвам му своята благодарност за възможността да работя с тези текстове.

Представените тук лексикално-семантични дублети са еднокоренни и разнокоренни съществителни имена, които представляват неголяма част от общия брой на всички ексцерпирани съществителни имена. Дублетите са придружени от гръцката форма и всяка лексема е дадена в контекст, като е упоменат съответният лексикографски източник, в който тя е регистрирана, и в скоби са посочени конкретният том, страница и ред. Примерите са сверени със Старобългарския речник в два тома, издание на БАН, 1999-2009 г.

1. Еднокоренни дублети

БАТОГЪ (φρυέλλου) - **БИЧЪ**: пръвѣе обнажена вѣвши и батогы вѣна. РМикл (т.10, 11:27); иже зъмина вичемъ оубивъ. СтБР (т. 8, 77:27)

БЕЗОЧИЕ (ἀναίθεια) - **БЕСРАМИЕ**: и абіе съвѣкъше его вишѣ велми. и рекѣша. сѣд же сѣ ради твоего срѣвѣствѣа и безочіа. занеже хѣ чѣтѣши. аще то не ѡвръжеши са, глава твоя ѡсѣчена вѣдѣ. РМикл (т. 4, 19:31); аще вихъ вѣлъ братіе толикаго вашего пришествѣа. бесраміе и печалъ. не би вѣ гви моемъ ѡповѣдалъ и къ нимъ нѣкогда и едѣа провѣщати стѣмѣ. СтБР (т. 2, 81:32)

БЛАГОВОЛЕНИЕ (εὐδοκία) - **БЛАГОИЗВОЛЕНИЕ**: и не весма благоволеніе твое прѣтѣкнет са в грьсѣ. СтБР (т. 2, 82:9); ради страха икѣноворецъ вѣврѣженъ. и по многы лѣтѣ благоизволеніемъ бжіемъ вѣзшедшаа без вѣда. СтБР (т. 22:10)

ВРЪТОГРАДЪ (κῆπος) - **ВРЪТОПЪ**: сѣинивъ себѣ врѣтоградъ, и различнаа зелѣа насадивъ. СтбР (т. 1, 78:32); въ нѣкоторыи врѣтопъ сзкрыѣ сѧ. СтбР (т. 1, 24:33)

ГОДИНА (ἔρα) - **ГОДЪ**: и прѣбывѣ въ него годинъ не мало. СтбР (т. 2, 65:24); и млычѣниемъ прѣиде годъ единъ. СтбР (т. 9, 13:6)

ДОУХЪ (ψυχή) - **ДОУША**: ѿгна же юванъ, и лѣкавааго дѣха ѿ бана. СтбР (т. 1, 87:23); дѣшѣ прѣими три неблазѣныа. доушѣ неблазѣныѣ тѣгда бжѣтѣныѣ. СтбР (т. 8, 15:32)

ЖИЗНЬ (βίος) - **ЖИТИЕ**: посѣчени кспно фѧфвилъ и вева. жизнь извѣстѣа върѣтоша въ лѣжнѣ мѣсто. СтбР (т. 1, 37:30); желѧ хѣ мои твое длѣгое житѣе. макровѣе хѣдое житѣе мѣемъ остави. СтбР (т. 1, 61:4)

ЖРЪТЪВНИКЪ (θυσιαστήριον) - **ЖРЪТВИЩЕ**: повелѣнѣемъ мѣтелевѣмъ закланъ бы сѣдѣ цѣркве и жрѣтѣвника ѿ юудей. РМикл, РСрезн (т.1, 38:19); и дошѣше въ жрѣтвище артемидино ношѣа. РМикл, РСрезн (т.12, 8:11)

ЗАСТѢПИТЕЛЬ (προστάτης) - **ЗАСТѢПНИКЪ**: досады излѣвааши на бжѣствнаго застѣпителѣ. РМикл (т. 4, 94:18); сѣенныхъ сзставъ. сирымъ и вѣдѣвницѣмъ застѣпникъ. СтбР (т. 6, 54:25)

ЗЛАТИКА (νόμισμα) - **ЗЛАТИЦА**: мыслаше того продати. два тѣчѣа златика даваахѣ на нь. СтбР (т. 5, 36:18); нѣкогда же прѣдавѣ емоу коверѣзъ сѣ тысѣцѣами златницѣ и ѡтиде. СтбР (т. 3, 42:13)

ИЩЕЛЕНІЕ (θεραπεία) - **ЩЕЛЕНІЕ** - **ЩЕЛБА**: прѣемъ истекшѣа крѣвѣ ѿ прѣтаго ребра гѧ нашего ѿ хѣ. мнѣга ищеленѣа еѣ радѣ творѣше. СтбР (т. 1, 52:32); и посѣченѣа его радѣ мнѣгааго ищеленѣа. СтбР (т. 4, 117:3); анастѣа щелба върнѣимъ великаа. вѣсѣкѣа азѣ рѣшѣши ражѣгшѣ сѧ. СтбР (т. 4, 87:24)

КЛАДЕНЕЦЪ (φρέαρ) - **КЛАДАЦЪ**: ради своа потрѣбѣи вѣзѣаащѣ, и въ кладенецъ вѣпѣшѣ. СтбР (т. 5, 43:2); и отроуаѣтѣ въ кладѣацъ вѣпадѣшѣ и невидѣмо ѧвлѣ сѧ ѿ рова вѣзѣде. РМикл (т. 5, 29:6)

КОРАБИЦЪ (πλοῖον) - **КОРАБЪ**: сѣын мѣдимнѣ въ корабѣцѣ вметнѣ въ мѣре и запаленъ сконѣа сѧ. СтбР (т. 1, 41:10); огнемъ зажеженъ бы корабѣ епархѣмъ, и въ немъ сконѣашѣ. СтбР (т. 1, 39:9)

ЛОВИТВА (ἄγρα) - **ЛОВЬ**: дѣшѣ аристовѣла словесы дѣловѣ. боѣ приносѣ мѣзѣа по ловитѣвѣ просѧ. СтбР (т. 2, 97:1); надрѣа изшѣ нечѣстѣивыи цѣрѣ на лѣвъ сѣ братѣмъ своимъ и ни въ что вѣмѣнѣше сѣго рѣнѣе. СтбР (т. 3, 38:28)

МОЛЕНІЕ (προσευχή) - **МОЛИТВА**: ѧко не прѣзрѣ гѣ мѣленѣе и прошенѣа егѣ. СтбР (т. 2, 70:1); оуслышана бы мѣтѣа тѣвоа. СтбР (т. 1, 80:7)

ОДЕЖДА (ἔνδυμα) - **ОДЕЖАНИЕ**: вѣпросишѣ его рѣдѣтелѣе гдѣ ти ѣ чѣдо ѡдежѣа. СтбР (т. 1, 51:18); распростерѣ одежанѣе и приаѣтѣ глаѣа. СтбР (т. 4, 75:16)

ПРОПОВѢДАНІЕ (κῆρυγμα) - **ПРОПОВѢДЪ**: сѣи изшѣ на проповѣданѣе. СтбР (т. 2, 31:22); ѧкоже сѣын и вѣселѣнскыи сѣборъ шѣстыи ѧспѣвшѣе проповѣда. СтбР (т. 2, 39:2)

РАДОВАНИЕ (ἀγαλλιασῖς) - **РАДОСТЬ**: мнѣгаа его блѣдѣнствѣа и радѣванѣа чѣлѣскѣмъ рѣдѣ ѧви же и показѣа. СтбР (т. 3, 30:7); зинѣнъ тѣчѣа едемоу краснаа ищѣа. въ радѣстѣ имѣше тѣлесное ражѣрѣшенѣе. СтбР (т. 5, 88:22)

РЫБАРЬ (ἀλιεύς) - **РЫБОЛОВЕЦЪ**: ѧко сынъ таинѣкѣа рыбѣремъ мама дрѣзѣнѣа гѣлѣиныи испѣтати морѣскыѣ. СтбР (т. 11, 65:15) никѣнскыи прѣвосѣдалѣкѣа сынъ и прѣвѣе петрѣа. рыбѣловѣа сѣстрадѣлецъ вѣвѣ змерѣ. РМикл, РСрезн (т. 1, 53:8)

ОУБИЕНІЕ (φόνος) - **ОУБИСТВО**: по зѣинѣи же сѣыхѣ же сѣ сѣымъ климентѣмъ затворѣнѣимъ въ римѣ. СтбР (т. 5, 63:3); еже быти вѣрно извѣстѣе пѣлатѣу и юудѣемъ зѣнѣство его. СтбР (т. 2, 49:23)

ОУТѢХА (παράκλησις) - **ОУТѢШЕНІЕ**: наставѣникъ заѣлѣжѣшѣи. вѣрѣа болѣщѣимъ. оутѣха трѣѣѣащѣимъ. СтбР (т. 3, 25:8); и погрѣбенъ бы въ зѣмли своѣи. наоумъ же тѣлѣкѣетъ сѧ покои. или сѣтѣшенѣе. или мѣрѣость. или чѣсть. СтбР (т. 4, 7:13)

ХРАМИНА (οἰκία) - **ХРАМЪ**: тако прѣввысѣнымъ и инымъ краснѣишимъ храминамъ пасти са. СтбР (т. 2, 83:26); каженник же бывъ. таже и нѣ. потѣмъ и игоуменъ храмъ архаггелова. СтбР (т. 2, 71:20)

ХОУЛА (βλασφημία) - **ХОУЛѢНИѢ**: и еже на х̄а х̄слы не мвгы тръпѣти. СтбР (т. 5, 12:22); на евнмѣево зло хоуленіе. СтбР (т. 3, 79:27)

2. Разнокоренни дублети

БРЪВИ (βλέφαρον) - **ВЪЖДА**: видѣнїемъ похылъ лицемъ. брѣви окрѣжены брѣдѣ длгоѣ и хрѣдоа. СтбР (т. 5, 8:14); и понѣжени вышѣ ѡврѣщи са х̄а. и не покоршѣ. тѣмъ кириней главѣ встригошѣ съ вѣжѣма. СтбР (т. 3, 7:32)

ВЫѦА (τράχηλος) - **ШИѦА**: по млтѣѣ же вѣставъ и се зъмїи ѡви са посрѣда езера свистаа. и вѣзвышааше са выа еро ѡ езера съженѣи двѣдесѣте. СтбР (т. 3, 78:30); мнвга радѣ тебѣ х̄вз мннѣ харїтоне. х̄а ради шїа твоа мѣчѣмъ посѣченѣ. СтбР (т. 1, 52:7)

ГНѢВЪ (θυμός) - **ѦРОСТЪ**: сътрѣсе. нѣ съставилъ еси авїе зѣмла словѣ. твои во гнѣвѣ милѣсть бывѣетъ вѣлашаа. СтбР (т. 2, 83:21); аще зрѣнїе бѣжѣвное съвыше ѡрѣвети плзно. твори зѣмли трѣпетати. мѣвно вѣскорѣ видитъ. СтбР (т. 4, 23:24)

ГОЛѢНИ (σκελος) - **НОГЪ**: повелѣ извести егѡ прѣ градѡмъ и съкрѣшити емоу голѣни. СтбР (т. 2, 8:28); и пѣ прѣдъ ногѡма апѡлу радѣшенїе съгрѣшенїи просѣ. СтбР (т. 2, 26:23)

ДИВЪ (θαῦμα) - **ЧЮДО**: ѡжасъ и истѣпленїе и дивъ бѣ мѣтелю. СтбР (т. 5, 32:5); инѡци же чюдо сїе странное. видѣвшѣ ѡдившѣ са ѡле страшнѡмъ видѣнїю. РМикл, РСрезн (т. 1, 55:16)

ДОМЪ (οἰκία) - **ЖИЛИЩЕ**: въ, к̄с. въ нескрѣбѣнїи вѣниде алипѣ дѡмъ. СтбР (т. 3, 88:21); сѣи сѣло красенъ лицѡмъ бѣше. и на селѣ жилище имѣи. СтбР (т. 2, 97:9)

КОНОБЪ (χαλκίον) - **КОТЪЛЪ**: въ тѣждѣ днѣ. сѣи зинѡнъ въ конобѣ вращѣ еловомъ. вѣврѣженъ сконча са. (т. 1, 30:11); СтбР ѡбнажив же рѣкѣ и низпѣсти въ котѣлъ и смолѣ размѣси. СтбР (т. 4, 26:33)

КРЪМА (τροφή) - **ПИЩА**: и не имѣашимъ крѣмѣ поурѣпше и пивше. СтбР (т. 5, 91:16); бѣше вѡ тѣмъ пища ѡвошїе. и вода. СтбР (т. 4, 9:18)

ЛАНИТА (σλαγών) - **ЧЕЛЮСТЬ**: ранами и съкрѣшенїе ланитамъ. СтбР (т. 1, 62:31); и еже тарѣхъ съкрѣшишѣ чѣлюсти и шнѣ. СтбР (т. 2, 39:23)

ЛОЖЕ (κλίνη) - **ОДРЪ**: лѣгъ на ложѣ срѣ црѣкѣ. и въ малѣ заспавъ глѣ кѣ немѡу сѣи покажи ми болѣзнъ. СтбР (т. 2, 62:28); и не приложи еже вѣпрашати еро сѣдан. нѣ повелѣ одрѣ радѣженъ и вѣлми полѣ и проста того на нѣ прострѣти. СтбР (т. 1, 58:29)

ЛОНО (κόλπος) - **ПАЗОУХА**: емѣже лоно дрѣгнѣмъ дѡмъ такоже лѣзарѣ. СтбР (т. 2, 33:15); и раднѣ вѣтрыми радѣженѣи пазѡухѣ еро ѡпалиша. СтбР (т. 4, 48:18)

ПИВО (πόσις) - **ПИТИЕ**: нектѣрїе не тако кѣ баснемъ слѡве. истиннаго же ѡ твоего потѣка пиво пнѣть. СтбР (т. 2, 39:8); тѣѣа еднѣи вѣрдѡкѣ срѣднѣа израелъ бывѣаше емоу пища и питїе и мало ѡ дына. или иногда гроздъ. или смѡква прѣмѣнѣ. РМикл (т. 1, 26:24)

ОЦѢЩЕНІЕ (καθαρισμός) - **ОЧИЩЕНІЕ**: и ѡпщѣние грѣхѡмъ и бѣжѣаго сѣда оцѣщѣнїю полѣжити того вѣспѡмѣнѣнїи х̄. кѣ гѣ отидѣ. СтбР (т. 8, 30:12); иже пачѣ меланипѣ имѣше чрѣзность. очнѣнїе избѡрѣте въ огнѣ вѣврѣженъ. СтбР (т. 1, 29:11)

ПЛЪТЪ (σώμα) - **ТѢЛО**: толико ѡдрѣчи своѣ плѣтѣ. СтбР (т. 4, 112:23); лѣвшѣе нѣское, тѣѣа инъ свѣтѣ. еже ѡмѣтити тѣло пѣмѡна ѡ мѣча. СтбР (т. 1, 42:22:)

По отношение на словообразуването съществителните имена в старобългарския език могат да бъдат безсуфиксни и суфиксни (образувани от присъединяването към корена на различни по продуктивност наставки). Тук аз представям имена, които са образувани по втория (суфиксни) словообразователен модел.

При ексцерпираниите съществителни имена се откриват следните завършеци (суфикси):
(Представени са по-продуктивните наставки).

- АРЬ: РЫБАРЬ;

- ИЄ: БЕЗЪЧИЄ, БЕСРАМИЄ, ПИТИЄ;

-ИКА: ЗЛАТИКА;

- ИКЪ: ЖРЪТЪВНИКЪ, ЗАСТЪПНИКЪ;

- ИНА: ХРАМИНА;

-ИЦА: ЗЛАТИЦА;

- ИЦЪ: КОРАБИЦЪ;

- ИЦЄ: ЖРЪТВИЦЄ;

-ЛО: ТЪЛО;

-НИЄ: БЛАГОВОЛЄНИЄ, БЛАГОИЗВОЛЄНИЄ, ИСЦЪЛЄНИЄ,

ЦЪЛЄНИЄ,МОЛЄНИЄ, ОДЪБАНИЄ, ПРОПОВЪДАНИЄ, РАДОВАНИЄ, ОУБИЄНИЄ,

ОУТЪШЄНИЄ, ОЦЪЩЄНИЄ, ОУИЩЄНИЄ, ХОУЛЄНИЄ;

-ОСТЪ: РАДОСТЪ;

- СТВО: ОУБИЕСТВО

-ТВА: ЛОВИТВА, МОЛИТВА;

-ЪБА: ЦЪЛЪБА;

-ЪЦЪ: КЛАДЄНЪЦЪ, КЛАДАЦЪ, РЫБОЛОВЪЦЪ;

Представените в статията лексикално-семантични (текстологични) дублети са малка част от богатия на синоними Стишен пролог (синонимите са както от един, така и от различни корени), а изнесените суфикси загатват за неговата силно развита словообразователна система.

Стишният пролог съдържа хиляди словоформи. Лексикалният индекс само за месец септември включва 7701 словоформи с 20 653 словоупотреби. Този факт разкрива огромното словесно богатство на българския книжовен език и е сигурен белег за наличието на големия брой синоними, които могат да бъдат открити в този среднобългарски паметник.

СЪКРАЩЕНИЯ НА ЛЕКСИКОГРАФСКИТЕ ИЗТОЧНИЦИ

РМикл: Milkosich, Fr. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Aalen, 1977.

РСрезн: Срезневский, И. *Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам*. Т. I, СПб, 1983; Т. II, СПб, 1895; Т. III, СПб, 1903.

СтбГР: Старобългарски речник. Т. I, С., 1999; Т. II, С., 2000.

литература

Жуковская, Л. П. (1964), *Лексические варианты в древних славянских рукописях*. Москва. // *Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка*, 5-17.

Иванова, Кл. (1985), *Класификация, типология и каталогизация на някои типове сборници в балканската славянска ръкописна традиция*. София. // *Славянска палеография и дипломатика*. Т. 2. 173-182

Иванова, Кл. (1979), *Агиографската продукция на Търновската книжовна школа*. София.

Лихачев, Д. (1983), *Текстология. На материалe русской литературы X-XVII веков*. Ленинград.

Михайловская, Н. Г. (1975), *Синонимия как выражение лексико-семантической вариантности (по древнерусским спискам Хроники Георгия Амартола)*. Москва. // *Древнерусский язык. Лексикология и словообразование*. (3-24)

Петков, Г. (2000), *Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература (XIV- XV век)*. Пловдив.

Петков, Г., М. Спасова. (2008), *Търновската редакция на Стишния пролог. Текстовете*. Лексикален индекс. Т. 1. Месец септември. Пловдив.

Петков, Г., М. Спасова. (2008), *Търновската редакция на Стишния пролог. Текстовете*. Лексикален индекс. Т. 2. Месец октомври. Пловдив.

Петков, Г., М. Спасова. (2008), *Търновската редакция на Стишния пролог. Текстовете*. Лексикален индекс. Т. 3. Месец ноември. Пловдив.

- Петков, Г., М. Спасова. (2008), *Търновската редакция на Стишния пролог. Текстовете*. Лексикален индекс. Т. 4. Месец декември. Пловдив.
- Петков, Г., М. Спасова. (2008), *Търновската редакция на Стишния пролог. Текстовете*. Лексикален индекс. Т. 5. Месец януари. Пловдив.
- Петков, Г., М. Спасова. (2008), *Търновската редакция на Стишния пролог. Текстовете*. Лексикален индекс. Т. 6. Месец февруари. Пловдив.
- Петков, Г. (1999), Търновската редакция на Стишния пролог за зимното полугодие на най-старите руски преписи от Троицко-Сергиевата лавра (номер 717 и номер 720). // *Търновска книжовна школа*, Т. 6.
- Сергий, Архиеп. (1901), *Полный месяцеслов Востока*. Репринтное воспроизведение издания. Г. Владимир, Москва, 1997.
- Фрейберг Л. (1969), *Византийская литература второй половины IX-XII вв. Москва.// Памятники византийской литературы IX-XIV веков*.
- Цейтлин, Р. М. (1986), *Лексика древнеболгарских рукописей X-XI вв.* София.
- Яцимирский, А. (1916), *Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам*. ОРЯС, 21, 1916, № 1.

Кристина Кржижова
Университет имени Масарика
Брно, Чехия

К ВОПРОСУ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

The article deals with a topical issue of constantly enlarging inter-language contacts. It defines the term language contact, in Soviet linguistics first used by L. V. Scherba, and other closely related terms (bilingualism, convergence, divergence, interference). The article also focuses on cross-language interference, the occurrences of interference that are characteristic of Czech students of Russian as a foreign language, in particular.

Key words: language contact, bilingualism, convergence, divergence, interference, contact linguistics

Так как изучение языковых контактов в современной лингвистике считается одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов, мы решили в настоящей статье делать несколько теоретических заметок, касающихся именно этой проблематики, об актуальности которой свидетельствует целый ряд работ отечественных и зарубежных лингвистов.

Среди лингвистов, исследующих контакты языков, можно выдвинуть И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербу, Н. С. Трубецкого, В. Ю. Розенцвейга, А. Е. Карлинского, Э. Сепира, У. Вайнрайха, Э. Хаугена, который взял за основу труд Г. Шухардта и многих других. Целью настоящей статьи ставится объяснение самого термина *языковой контакт* и рассмотрение существующих явлений, от языкового контакта неотделимых и тесно с ним связанных. Хотя данная проблематика представлена в научной литературе 50-80-х гг. прошлого века, она остается актуальной до сих пор.

Введение в проблематику необходимо начать с освещения основных понятий и соответствующих им терминов, однако на первом месте следует отметить, что к самому термину можно подходить с социолингвистической, психолингвистической и с собственно лингвистической точек зрения. В социолингвистическом плане говорят о *языковом контакте* как об определенной языковой ситуации. На психолингвистическом уровне - как об индивидуальном двуязычии, а на собственно лингвистическом - как о взаимопроникновении двух самостоятельных языковых систем (Мечковская: электронный ресурс).

Что касается самого термина, то в советском языкознании о языках, находящихся в «непосредственном контакте», писал Лев Владимирович Щерба в 1925 году в своей статье «О понятии смешения языков», в которой он подверг критике именно понятие «смешение языков», введенное в языкознание немецким лингвистом Г. Шухардтом, пытаясь разграничить его значение от значения других терминов как, например, «взаимное влияние», «заимствование» и др., хотя он слову *контакт* пока не дает точного определения (Ильшешенко 1970: 11).

Первым, кто понятию *языковой контакт* придает строгое терминологическое значение, был один из выше упомянутых лингвистов - американец Уриель Вайнрайх, в основу диссертации которого легли его собственные исследования двуязычия в Швейцарии. Ученый, исходя из способности человека говорить на двух языках, объясняет *языковые контакты* как «два или несколько языков находящихся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо» (Карлинский 1984: 3), причем это лицо он называет носителем двух или более языков, или двуязычным носителем. Хотя выше названное определение указывает на чисто психолингвистическую точку зрения, У. Вайнрайх под *языковыми контактами* подразумевает более широкое явление, говоря в своей работе как о чисто лингвистических проблемах, так и о вопросе двуязычной общности, которая носит социолингвистический характер (Карлинский 1984: 3).

Работа У. Вайнрайха оказала влияние на становление американской социолингвистики и стала первой монографией, посвященной явлению интерференции (Энциклопедия Кругосвет: электронный ресурс), которой мы в конце нашей статьи также коснемся. После издания монографии Вайнрайха литература по вопросам языковых контактов начала разрастаться, так как эта проблематика является вопросом общественной и государственной практики и термины «скрещивание языков», «взаимное влияние языков» и т. п. были заменены термином *языковой контакт* (Карлинский 1984: 3).

По Виктору Юльевичу Розенцвейгу *языковой контакт* - «речевое общение между двумя языковыми коллективами». Однако самым удачным считают определение А. Е. Карлинского, по мнению которого «два языка (А и Б) находятся в контакте, если речь, порожденная на языке А, содержит в себе элементы и/или отношения языка Б, или, наоборот, речь на языке Б включает в себя элементы и/или отношения языка А, а также если элементы и/или отношения языка А проникают и обнаруживаются в системе языка Б, и наоборот» (Захватаева 2010:167).

В энциклопедических словарях под *языковым контактом* понимается «взаимодействие и взаимовлияние двух или более языков, возникающие в результате контактирования коллективов, говорящих на этих языках» (Академик: электронный ресурс). Они происходят обычно в определенных

географических ареалах и возникают в результате необходимости общения между представителями разных этнических и языковых групп.

Говоря о *языковых контактах*, следует обратить внимание на проблемы, встающие перед лингвистом при их исследовании. В этой связи выделяются понятия *двуязычия*, *конвергенции* и *интерференции*. Рассмотрим вкратце, какие при этом возникают вопросы.

Под *двуязычием* обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой (Кондакова: электронный ресурс). А. Е. Карлинский (1984: 4) в своей статье «Проблемы теории языковых контактов», опубликованной в сборнике «Языковые контакты и интерференция», отмечает, что У. Вайнрайх понимает *двуязычие* как синоним к *языковым контактам*, которые, как уже было написано, определяет как «попеременное использование языков одним и тем же индивидом», а «практику попеременного пользования двумя языками» называет *билингвизм*, причем носителей *двуязычия* В. Ю. Розенцвейг называет *двуязычными индивидами (билингвами)*.

Сама теория *билингвизма* также включает в себя два основных аспекта исследования: социолингвистический и психолингвистический. Под первым подразумевается изучение отношения между *билингвизмом* и обществом и в его рамках возникает широкий круг вопросов, касающихся социальных причин возникновения *двуязычия*, зависимости его форм от культурных, исторических, экономических, политических, социальных условий жизни общества и др. Психолингвистический аспект связан с проблематикой *билингвизма* и индивида, которая охватывает вопросы особенностей усвоения второго языка в детском и зрелом возрасте, проблему способности к изучению языка или психические механизмы речевой деятельности (Карлинский 1984: 6-7).

Второй проблемой, с которой можно столкнуться при изучении языковых контактов, является *конвергенция*, которую описывают как уподобление элементов языка или различных языков, или, также сближение отдельных языков на основе длительных контактов, в результате чего могут потом возникать языки пиджин и креольские языки. Процессу *конвергенции* противопоставляется явление расхождения, отделения языков в процессе их развития - *дивергенция*, часто связанная с расселением людей, географическим или политическим обособлением. В ее основе один язык расщепляется на несколько родственных (Зенков, Сапожникова: электронный ресурс).

В рамках данной проблематики следует также отметить связанное с языковым контактом понятие *интерференции*, поскольку она часто является следствием контактирования языков. Согласно Э. Хаугену (Электронный ресурс), под *интерференцией* разумеются случаи отклонения от языковой нормы, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате их знакомства с двумя или несколькими языками. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что явления *интерференции* наблюдаются на разных уровнях языка, например, на фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и др. (Гринжевская: электронный ресурс).

Особую проблему представляет собой *интерференция* в процессе преподавания иностранного языка. В методике преподавания необходимо установить и учитывать сходства и различия между контактирующими языками на всех уровнях, что облегчит учащимся усвоение иностранного языка на базе родного языка. Остановимся на некоторых интерференционных явлениях, встречающихся у чешских учащихся при обучении русскому языку как иностранному.

При обучении русскому языку как близко родственному можно различать три типа интерлингвного влияния: позитивное, негативное и нулевое. Если назвать конкретные области, в которых благодаря влиянию позитивного трансфера чешский учащийся быстро выучит русский, то можно упомянуть о похожих в русском и чешском языках фонетических навыках, например, о почти одинаковом произношении слогов *де, те, не, дя, ня* и др. Благодаря влиянию позитивного трансфера усвоение русского языка для чешского учащегося легче даже в области лексики, так как в обоих языках встречается ряд не только общеславянских слов (*сестра, небо, сердце, золото, ...*), но и интернационализмов (*телефон, президент, демократия, ...*).

Или наоборот, система чешского языка может оказать негативное влияние, в результате чего учащийся допускает ошибки. Негативную интерференцию у чешских студентов может вызывать в области лексики русско-чешская омонимия, которая представляет собой звуковое совпадение разных единиц в русском и чешском языках, значения которых не связаны друг с другом. В качестве примеров русско-чешских омонимов можно привести слова *живот, доска, красный, школьник, позор, горький, черствый, подводник* и многие другие. Сильное влияние *интерференции* проявляется также в области грамматики, где можно наблюдать различия в грамматической категории рода (например, существительное *зусь* на русском языке мужского рода, на чешском - женского), в типах конструкций (например, в русском *У тебя (кого, чего) есть деньги (кто, что)?*, в чешском *Máš peníze?* (глагол *mít* кого, что), в управлении глаголов (*обращаться к* кому vs. *obracet se na* кого) и другие (Kopuleťá 2009: 92-94).

Кроме явлений *двуязычия*, *конвергенции* и *интерференции* стоит отметить один из наиболее очевидных результатов *языковых контактов*, который представляют собой *лексические заимствования*. Следует особо подчеркнуть, что *языковые контакты* всегда играют важную роль в развитии словарного

состава языка. Как известно, они сопровождают культурные, военные, экономические и другие контакты (Бурмасова: электронный ресурс). Как справедливо отмечает русский лингвист, специалист как в области лексикологии, семантики, стилистики, так и в области социолингвистики Леонид Петрович Крысин (2004: 26), интенсификация политических, экономических, культурных и других связей между народами ведет к активизации процесса заимствования слов, поскольку именно лексика является областью языка, на которую в наибольшей степени оказывают влияние всякого рода внешние причины.

Последним вопросом, о чем в связи с проблематикой языковых контактов следует упомянуть, это самостоятельная лингвистическая дисциплина, объектом изучения которой являются сами процессы и результаты контактирования языков. Речь идет о *контактной лингвистике*, или, другими словами, *лингвистической контактологии*. Термин *лингвистическая контактология* ввел в языковедение болгарский лингвист И. Леков, а в 1994 году вышел в свет «Контактологический энциклопедический словарь-справочник» под редакцией В. М. Панькина, в котором рассматриваются проблемы контактного взаимодействия русского и более 30 самобытных языков, преимущественно языков малочисленных народов и этнических групп, контактирующих с русскими в пределах Северного региона РФ (Реферат по языковедению: электронный ресурс).

Суммируя вышесказанное, хочется отметить, что проблема языковых контактов охватывает широкий круг вопросов, включающих, кроме собственно лингвистических, также психологические, социологические, этнологические, культурологические и др., так как контактирование языков представляет собой процесс, тесно связанный с развитием общества.

В проблематике языковых контактов остается немало спорных вопросов, в том числе и вопрос разногласия в толковании основополагающих понятий и терминов, с которыми науке еще придется разобраться.

Библиография

- Айдукович, Й., *Основные понятия лексической контактологии (на материале русизмов в славянских языках)* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-17]. Доступный из WWW: <http://www.ptt.rs/korisnici/j/o/joralbgd/OsnovniPojmovi.htm>.
- Академик. Словари и энциклопедии на Академике, *Языковой контакт* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-15]. Доступный из WWW: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/155450/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5>
- Бурмасова, С. И., *Процесс лексического заимствования и влияющие на него факторы* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-29]. Доступный из WWW: <www.psu.ru/psu2/files/0453/03_Burmasova>.
- Гринжевская, Л. И., *Межъязыковая интерференция при обучении второму иностранному языку* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-29]. Доступный из WWW: <http://www.rusnauka.com/6_NiTSB_2009/Pedagogica/41629.doc.htm>.
- Захватаева, К. С. (2010), *Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-21]. Доступный из WWW: <<http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-kontakty-bazovye-ponyatiya-i-ih-stratifikatsiya>>.
- Зенков, Г. С. и И. А. Сапожникова. *Введение в языковедение* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-21]. Доступный из WWW: <http://www.classes.ru/grammar/112.Zenkov_Vvedenie_v_yazikoznanie/html/51.html>.
- Ильяшенко, Т. П. (1970), *Языковые контакты на материале славяно-молдавских отношений. Краткий очерк*. Москва, Наука.
- Карлинский, А.Е. (1984), *Проблемы теории языковых контактов*. In *Языковые контакты и интерференция*. Алма-Ата, КазГУ.
- Кондакова, М. Ф. *Языковой контакт в ряду других смежных явлений*. [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-21]. Доступный из WWW: <<http://frgf.utmn.ru/last/No15/text01.htm>>.
- Крысин, Л. П. (2004), *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва, Языки славянской культуры.
- Мечковская, Н. Б. *Языковой контакт* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-21]. Доступный из WWW: <<http://filologia.su/kontakt>>.
- Реферат по языковедению. *Контакты языков* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-17]. Рига, 2008, с. 10. Доступный из WWW: <<http://ru.convdocs.org/docs/index-24301.html>>.
- Розенцвейг, В. Ю. (1972), *Языковые контакты. Лингвистическая проблематика*. Ленинград, Издательство «НАУКА».
- Серебренников, Б. А. *Общее языковедение. Глава третья — Язык как исторически развивающееся явление*. [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-17]. Доступный из WWW: <http://www.classes.ru/grammar/115.Serebrennikov/chapter3/html/unnamed_19.html>.
- Хауген, Э. (1972), *Новое в лингвистике. Языковой контакт* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-15]. Доступный из WWW: <<http://www.philology.ru/linguistics1/haugen-72.htm>>.
- Энциклопедия Кругосвет. *Вайнрайх, Уриель* [Электронный ресурс]. [цит. 2013-04-15]. Доступный из WWW: <http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VANRAH_URIEL.html>.
- Kopuleťá, I. (2009), *Interference v počítačnej etape výuky ruského jazyka, námety k činnosti pro její překonávání: diplomová práce*. Brno, Masarykova univerzita.

Юлия Кувандыкова

Univerzita Karlova v Praze
Praha, Česká republika

АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА «БЛАГОУСПѢВАТИ» В КНИГЕ ИОВА ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ РЕДАКЦИИ

The work is devoted to the research of the lexicon in The Book of Job, which is written in Old Slavonic language (Elizabeth Bible 1751) and in Russian language (translation 2011). The lexical-grammatical group of verbs, which mean psychological activity of people, is representative in the text and is the subject of the future dissertation that has title The Book of Job in the Flow of Time since 1751 to the Present (lexical-grammatical aspect). This article contents of the example how to analyze one lexeme благоуспѣвати in the different dictionaries.

Key words: lexeme, lexical-grammatical group, lexical meaning, context, equivalent

В данной работе мы хотели бы представить начальный этап над диссертацией, тема которой *Книга Иова на церковнославянском языке Елизаветинской редакции 1751 г. и на русском языке (перевод Российского Библейского общества 2011 г.) (лексико-грамматический аспект)*.

Цель работы - лексический состав церковнославянского языка с точки зрения функционирования лексико-семантической группы (ЛСГ) глаголов психической деятельности в Книге Иова Елизаветинской редакции (далее Елизаветинская редакция) и в переводе Книги Иова на русский язык, перевод осуществлён Российским Библейским обществом (далее русский перевод).

По мнению Аверинцева, Книга Иова является одной «из самых загадочных и сопротивляющихся аналитическому исчерпанию книг Библии» [Аверинцев 1983]. Текст содержит много смелых метафор, некоторые из них заимствованы из архаических мифов (рефаимы и Аваддон, водные призраки и призраки ада, Шаддай). В книге встречается много слов, которые нельзя найти в других сохранных текстах древнееврейской литературы (т.н. *haraх legomena*). Лингвистическая сущность текста содержит большое количество загадочных мест. Именно поэтому для исследования была выбрана Книга Иова, несмотря на то, что к этому тексту обращались библеисты и лингвисты многократно. Текст не указывает нам на определённое время его возникновения. Существует точка зрения, что Книга была написана в эпоху Моисея, но некоторые учёные полагают, что датой возникновения может быть и эпоха после вавилонского плена, т.к. язык текста близок арамейскому языку, арамейский язык использовали библейские писатели только со времени после вавилонского плена.

Изучаемый нами текст Елизаветинской редакции является авторизованным литургическим текстом, используемым до сих пор Русской православной церковью, перевод прежде всего был осуществлён с Септуагинты, привлекались также латинские и еврейские тексты для исправления ошибок.

Второй источник – перевод на современный русский язык 2011 г., является вторым полным переводом Библии на русский язык после Синодального перевода, при переводе были использованы оригинальные тексты Ветхого и Нового заветов.

В своей будущей и уже начатой работе мы обратили своё внимание на ЛСГ глаголов психической деятельности, хотя были рассмотрены варианты изучения и всего лексического состава Книги Иова, но наше время ограничено, поэтому решено сосредоточиться на одной ЛСГ. Структура ЛСГ зависит от идейно-содержательного плана текста и, по словам, многих учёных-лингвистов, в формировании семантического пространства главная роль принадлежит прежде всего глаголам, поэтому изучение глаголов так важно для понимания текста, его правильной интерпретации. Глаголы обеспечивают смысловую стабильность текста и его лексическую насыщенность.

На данном этапе нашей работы составлена картотека глаголов из текста Елизаветинской редакции. Лексемы распределены в алфавитном порядке по корневым морфемам, использован также гнездовой метод классификации при учёте производных лексем с одним и тем же корнем для удобства изучения этимологии лексем и их лексических значений. Картотека содержит 287 лексем. Учитывая специфичность церковнославянского языка, в котором категория вида может быть выражена разными временными формами, глаголы, считающиеся в русском языке одной лексемой, но используемой в разных видах, в нашей картотеке являются разными лексемами до того момента, как не будут определены нюансы лексических значений лексем в контекстах. Лексемы, имеющие только прямое значение в церковнославянском языке, но получившие в современном русском языке и переносное, метафорическое значение дополнительно, включаются в картотеку также. 992 контекста выписано со встречающимися лексемами, помимо глаголов включаются и причастия.

Статья посвящена разбору одной лексемы благоуспѣвати. Наличие этой лексемы и её лексическое значение рассмотрены в нескольких словарях. Сначала мы обратимся к словарям, где содержится эквивалент данной церковнославянской лексемы в греческом языке или же лексическое

значение лексемы дано через греческий эквивалент, затем мы перейдем к славянским словарям и разберём непосредственно дефиниции лексемы на славянских языках.

В Елизаветинской редакции лексема встречается один раз в контексте: *Той умереть въ силѣ простоты своа, всецѣль же благодушествовай и благоуспѣвай.*(21:23), благоуспѣвай – действительное причастие настоящего времени именительного падежа единственного числа. Согласно изученным словарям лексема используется в контексте библейской литературы в Книге Иова в 21 главе, 23 стихе на церковнославянском языке и греческом языке, на который она переводится как εὐθηνεῖν, данные об этом мы находим в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» Срезневского И.И. Именно эта лексема и используется в Септуагинте в той же самой форме. Греческий эквивалент переводится на русский язык как: 1) находиться в цветущем состоянии, процветать, благоденствовать; 2) быть крепким, здоровым, сильным; 3) быть плодородным; 4) быть богатым, изобилывать.

Миклошич в «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» приводит нам лексему εὐοδοῦν для перевода слова благоуспѣвати. В «Древнегреческо-русском словаре», составленном И.Х.Дворецким, слово выглядит иначе, с другим написанием εὐδοῶ, εὐ- вместо начального компонента εο-, что характерно для ионического наречия (Ionic Inscriptions). В словаре Дворецкого представлены 3 значения данной лексемы: 1) вести хорошим путём; 2) значение пассивной формы – иметь хороший исход, удаваться; 3) значение пассивной формы – благоденствовать, преуспевать. Лексема содержит положительную коннотацию, равно как и лексема εὐθηνεῖν. По трём значениям первой лексемы, согласно дефинициям Дворецкого, мы можем отметить, что здесь присутствует семантический компонент «несамостоятельности данного действия». Для первого значения в словаре дан контекст: «σφῶν εὐοδοῖν Ζεὺς...», что переводится как «пусть ведёт вас Зевс», остальные значения даны для пассивных форм.

Перевод лексемы указывает нам на то, что данная лексема благоуспѣвати является словосложением, которое образовано по типу других словосложений, калек с древнегреческого языка, с компонентом благо- (на древнегреческом εὐ-). Продолжая говорить о древнегреческих эквивалентах лексемы, единожды встречающейся в тексте Книги Иова на церковнославянском языке, мы ещё не учли из выбранных нами словарей «Этимологический словарь» Фасмера. Словарь Фасмера не содержит словосложение благоуспѣвати, поэтому нами были рассмотрены отдельно часть благо- и успѣвати. Здесь наиболее интересной представляется нам вторая часть успѣвати. Глагол *успеть* находим в статье глагола «Спеть, спею», от которого он и был образован. Фасмер предлагает нам эквиваленты в древнегреческом языке προκόπτω и κατεῦδοω, προκόπτω переводится как «идти вперёд, продвигаться, преуспевать». Второе слово является варваризмом для слова καθεῦδοω, которое переводится в «A Greek-English lexicon» как «lie down to sleep», возможно, Фасмером допущена ошибка. Лексемы спѣтъ в церковнославянском языке и προκόπτω имеют положительную коннотацию. Возникает вопрос: компонент благо- усиливает эту положительную коннотацию или является просто орнаментом, который использовался в старославянском и церковнославянском языках для образования новых словосложений?

Теперь можем перейти непосредственно к лексическому значению лексемы и славянским словарям. В «Полном церковнославянском словаре» Дьяченко находим лексему благоуспѣвати-са, благоуспѣти-са, которая, согласно Дьяченко, встречается в Книге Товита в 5 главе, 22 стихе. Приводится дефиниция: «иметь хороший успех». Форма глагола содержит рефлексивный формант -са, данная форма при изучении словарей и источников пока нами нигде больше не была найдена, хотя не исключается вероятность её более активного использования и в других памятниках, написанных на церковнославянском языке или переведённых на него. Дьяченко приводит нам контекст: «ангелъ бо благъ спутьшествовати будеть ему и благоуспѣтеться путь его, и возвратится здравъ» (Тов. 5. 22). В будущем мы должны также изучить синтагматические отношения и узнать, используется ли форма с рефлексивным формантом и без него с одушевлёнными или неодушевлёнными предметами.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка», составленном Императорской Академией Наук ещё раньше, чем словарь Дьяченко, в 1847 г., мы встречаем эту лексему без рефлексивного форманта, лексема имеет тождественное значение «иметь хороший успех», контекст не приводится, не указывается место лексемы в текстах на церковнославянском и русском языках. Сама дефиниция является неудачной: слово «хороший» лишнее, поскольку лексема «успех» уже имеет ярко выраженную позитивную окраску, к тому же дефиниция построена с использованием однокоренного слова, что, естественно, затрудняет понимание лексемы, не раскрывает его лексического значения.

«Словарь старославянского языка», составленный Пражской Академией наук, являющийся самым обширным словарём старославянского языка на свете, содержащий лексику старославянского языка до конца XI века, церковнославянских памятников чешской редакции, а также церковнославянских младших текстов кирилло-мефодиевского происхождения, данную лексему не содержит.

Лексема встречается в «Словаре русского языка XVIII века», издававшимся с 1984 г. по 2009 г. Дефиниция снова дана через однокоренные слова: «добиться успеха, преуспеть», указывается контекст из «Феотрона или позора исторического изъясняющего повсюдную историю священного писания и

гражданскую ... чрез Вилгелма Стратеммана собранного Нынеже на рос.яз. с лат. преведённый.. СПб., 1724. У Даля в «Толковом словаре живаго Великорусскаго языка» мы видим лексему благоуспѣвать, благоуспѣть со значением «действовать успешно, с пользой». В дефиниции Даль использовал слово с другим корнем, мы могли бы отметить, что она более подходящая, поскольку содержит синонимичное выражение, не является зачарованным кругом и не отсылает нас к лексеме «успех». Мы уже отмечали, что в словаре Дьяченко статьи с лексемой благоуспѣвати мы не находим, зато она содержится в структуре дефиниции лексемы церковнославянского языка гобзѣти. Также мы встречаем лексему во многих духовных проповедях современных священнослужителей. И здесь возникает новый вопрос: является ли данная лексема лексемой современного русского языка или же остаётся реликтом церковнославянского языка?

Ещё предстоит изучение лексемы в разных редакциях текста на церковнославянском и русском языках. Важно отметить, что в самом современном переводе 2011 г. на русский язык данная лексема в 21 главе, 23 стихе не используется, в переводе Десницкого вместо глагольной формы мы находим субстантив «довольство» в контексте: «Один умирает в расцвете сил в полном покое и довольстве». Далее планируется сравнение этого стиха в разных переводах, что поможет нам приблизиться к интерпретации текста, а, возможно, и подтвердить уже изученное. В перспективах изучения лексики и включение переводов Библии на другие славянские языки, например, чешский - Ekumenický překlad, Králickou Bibli, а также первоначального источника, т.е. древнееврейского текста.

Список использованной литературы и источников

- Аверинцев, С.С. Древнееврейская литература// История всемирной литературы. В 9-ти тт. Т. I. Москва, Наука, 1983. С.271 – 302.
- Бархударов, С. Г. (1975), Словарь русского языка XI – XVII вв. [Электронный ресурс] Москва, Наука. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii> (дата обращения: 17.01.2013).
- Даль, В. И. (1880 – 1882), Толковый словарь живаго Великорусскаго языка. [Электронный ресурс] Санкт-Петербург, издание книгопродавца-типографа М.О.Вольфа. URL: <http://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm> (дата обращения: 20.02.2013).
- Древнегреческо-русский словарь (1958). [Электронный ресурс] Москва, Государственное издательство иностранных и национальных словарей. URL: <http://lingvowiki.info> (дата обращения: 21.02.2013).
- Дьяченко, Г. М. (1993), Полный церковно-славянский словарь. [Электронный ресурс] Москва, Издательский отдел Московского патриархата. URL: <http://www.slavdict.narod.ru/index.htm> (дата обращения: 18.02.2013).
- Елизаветинская Библия (1751). [Электронный ресурс] Репринтное издание, 1900. URL: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Sbible/job.pdf> (дата обращения: 17.12.2012).
- Книга Иова (2011). [Электронный ресурс] Москва, Российское библейское общество. URL: http://desnitsky.ru/wp_content/uploads/2010/09/job.pdf (дата обращения: 15.11.2012)
- Савић, Виктор (2007), Српскословенски речник јеванђеља. Београд, Чигоја штампа.
- Словарь Академии Российской: В 6-ти т. Т. 1 (1789 - 1794). [Электронный ресурс] Санкт-Петербург, Императорская Академия Наук. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/SAR/PDFSAR/Framesetpdf.htm> (дата обращения: 23.02.2013).
- Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. Т.1 (1988). [Электронный ресурс] Москва, Русский язык. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2642> (дата обращения: 22.02.2013).
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 (Безпристрастный – Вейэр) (1985). [Электронный ресурс] Ленинград, Наука. Ленингр. отд-ние. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 03.03.2013).
- Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. Т. 2 (1948 – 1965). Москва, Ленинград, Изд-во АН СССР.
- Словарь церковно-славянского и русского языка: В 4-ѣх т. Т.1 (1847). [Электронный ресурс] Санкт-Петербург, Императорская Академия Наук. URL: http://imwerden.de/pdf/slovar_cerkovno-slavjanskogo_jazyka_tom_1.pdf (дата обращения: 21.02.2013).
- Срезневский, И. И. (1890 – 1912), Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3-ѣх т. Т.1. [Электронный ресурс] Санкт-Петербург, Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. URL: http://imwerden.de/pdf/sreznevsky_slovar_drevnerusskogo_jazyka_tom1_a-k.pdf (дата обращения: 19.03.2013).
- Фасмер, Макс (1950 – 1958), Этимологический словарь русского языка: В 3-ѣх т. [Электронный ресурс] Макс Фасмер, Этимологический словарь русского языка. Мультимедиа-издательство «Адепт», 2004. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.
- Liddel, Henry George, Scott, Robert (1901). Oxford, Clarendon Press.
- Etymologický slovník jazyka staroslověnského: Seš.1 – 13 (1989 -). Praha, Academia.
- Miklosich, Franz (1977), Lexicon palaeoslovenico-graeco latinum. Emendatum auctum. [Электронный ресурс] Wien, Scientia Verlag Aalen. URL: <http://narod.ru/disk/15055740001/Миклошич%20Ф.%20Старославяно-греко-латинский%20словарь.%201977.rar> (дата обращения: 14.03.2013).
- Slovník jazyka staroslověnského – Lexicon linguae palaeoslovenicae. (1966 – 1997). Praha, Academia, Eiroslavica.

Миломир Максимовић

Филозофски Факултет
Београд, Србија

ОДНОС ДЕСПОТА ЂУРЂА БРАНКОВИЋА И ЈАНОША ХУЊАДИЈА У СРПСКИМ ЕПСКИМ ПЕСМАМА

It has been long observed that John (János) Hunyadi, the Hungarian military leader and governor, has a special place in Serbian folk tradition, where he is known as Sibirjanin Janko. In this paper we are trying to show how his relations to despot George were presented in Serbian epic poems. We are also comparing information from those poems with ones from the contemporary medieval diplomatic and narrative sources, as to give an explanation of the reason why the Hungarian aristocrat is favored in collective memory, in comparison to the Serbian ruler. We will also single out the most mentioned historical events in the epic poems.

Key words: George Brankovic, John Hunyadi, relations, epic poems

Тријумфом критичке историографије над тзв. "романтичарима", крајем XIX века, народна традиција је изгубила место првокласног историјског извора. Међутим, српски историчари, почев од Стојана Новаковића, Момчила Спремића и нарочито – Радета Михаљчића, поново почињу да се баве народном традицијом (Новаковић 1982; Спремић 2005; Михаљчић 1989). За разлику од "романтичара", који су на основу ње реконструисали прошлост, они су истражили саму традицију, тражећи узрочно-последичне везе између стварних историјских догађаја и њихове рефлексije у епским песмама, легендама и предањима. По узору на њих, и ми ћемо се у овом раду бавити односом деспота Ђурђа Бранковића, последњег значајног српског средњовековног владара и Јаноша Хуњадија (Сибинјанин Јанка у народној традицији), угарског војсковође и губернатора, у српским епским песмама и упоредити га са њиховим историјским односом.

Први помен деспота Ђурђа и Јаноша Хуњадија у једној епској песми забележен је маја 1497. године, када су српски исељеници у Апулији, одајући почаст напуљској краљици Изабели, представили своју народну традицију. Ту, до сада најстарију познату српску епску песму, слушао је и забележио са бројним погрешкама дворски песник Рођери ди Пачиенца. У великом епу "*Balzino*", написаном на староиталијанском језику, описао је краљичино путовање, уметнувши у њега и овај догађај. Песму је реконструисао и превео на српски језик Мирослав Пантић (Пантић 1982: 516,517):

*"Орао се вијаше над градом Смедеревом.
Ниткоре нећаше с њиме говорити,
него Јанко војвода говораше из тамнице:
Молим ти се, орле, сиди мало ниже
да с тобоме проговору: Богом те братом јимају
пођи до смедеревске господе да с' моле
славному деспоту да м' отпусти из тамнице смедеревске;
и ако ми Бог поможе и славни деспот пусти
из смедеревске тамнице, ја ћу те напити црвене крвце туречке,
белога тела витешкога."*

Историјски догађај који је опеван у поменутој песми догодио се у јесен 1448. године, када је угарски губернатор и врховни војни заповедник, Јанош Хуњади, на челу велике и разнородне војске, покренуо нови крсташки поход против Турака. Намеравао је да их, у сарадњи са деспотом Ђурђем и господарем Албаније, Ђурђем Кастриотом Скендербегом, коначно истера из Европе и да доврши дело започето кампањом упамћеном под именом "Дуга Војна", која се четири године раније завршила катастрофом (Imber 2006). Међутим, када је стигао до Ковина, догодило се нешто неочекивано. Деспот Ђурађ је, одлучивши да поштује уговор којим је 1444. године од султана добио натраг Деспотовину, одбио да се придружи хришћанској војсци (Спремић 1994: 336 – 338). Након дуготрајних преговора, дозволио је пролаз крсташке војске преко његових земаља, не желећи да ризикује сукоб са оружаном силом концентрисаном у непосредној близини српске престонице (Михаиловић 1966: 123). Не само да је био истрајан у одбијању личног учешћа у походу, него је, како би избегао одмазду за пропуштање непријатељске војске, и обавестио султана Мурата о предстојећој опасности (Спремић 1994: 345). Уследила је тродневна битка на Косову пољу између Хуњадијевих ратника и Османлија, која се завршила губернаторовим великим поразом и безглавим бекством ка северу (Engel 2001: 290,291; Спремић 1994:341, 342; Held 1985: 131,132). На том мучном путешествију кроз планинске пределе западне Србије бива ухапшен и спроведен у Смедерево (Михаиловић 1966: 124,125). Иако савремени

угарски извори јасно истичу да је са њим поступано у складу са његовим високим положајем, већ од следеће године су почеле да круже приче које је ширио сам Хуњади, по којима се с њим нечовечно поступало (Thallózy–Áldasy 1907: 152,153,158; Михаиловић 1966: 124; Орбин 2006: 121). Користећи безизлазан положај свог заточника, Бранковић је питање спорних поседа деспотског домена у Угарској, које су били запосели Хуњади и његове присталице, решио у своју корист. Сам губернатор се свечано заклео на текст споразума, и ускоро је пуштен, а као гарант да ће се одредбе из споразума испунити, у српску престоницу су довели његовог старијег сина Ладислава (Raynaldus– Laderchii 1874: 533,534). Јаношево, по једним изворима принудно гостовање на Ђурђевом двору, или утамничавање по другим, постепено је довело до ескалирања сукоба између српског деспота и угарског губернатора. Њихов однос који је годинама пре косовске војне био лош, прерастао је из неповерења и нетрпељивости у отворено непријатељство (Бубало 2011: 236,237).

И у песми из Богишићеве збирке *"Кад је Јанко војвода ударао Ђурђа деспота буздоханом"*, однос између двојице моћника је непријатељски, са јасним алузијама на губернаторов боравак у српској престоници (Богишић 1878: 28 – 31). Ђурађ је сврстан у најугледнију угарску господу и у сватовима имао почасно место, у застави, док је војвода Јанко кум самог краља. На краљево питање зашто је невесео, Хуњади одговара:

*"Како ћу се веселит, у твојему у весељу,
гледајући прида многа мога и твога непријатеља,
мога и твога непријатеља невјеру деспота Ђурђа.
Доходи ми о њега инарзинити сабљу моју."*

Ипак, војвода одустаје од кавге након што га је краљ наговорио да се стрпи док не испросе невесту и док у повратку не прођу поред Смедерева. Тада ће се пружити одговарајућа прилика да се, пред деспотином Јерином, освети за срамоту коју му је Ђурађ нанео. Хуњади је поступио по краљевом савету, па је, стигавши пред Смедерево са сватовима, ухватио старца Ђурђа за седу браду и ударао га буздованом наочиглед Јерине и њених властелинки. Сажаливши се на вапаје смедеревских госпођа, поклатио је изнемоглог деспота живот. У другој верзији исте песме, под називом *"Женидба краља будимскога од бана од Крушева и војвода Јанко"*, на питање зашто је невесео, војвода одговара (Богишић 1878 : 71 – 73):

*"...мој краљу, како ћу се веселити,
кад си мене ставио уз мојега непр'јатеља,
уз главнога непр 'јатеља уз старога деспота Ђурђа?
Кад ја рањен допадох у пусто Смедерево,
Ја се надах да ме ће старац Ђурђо помиловати,
а он ти ме помилова тамницом од Смедерева."*

Поменути одговор наглашеније дефинише међусобни однос двојице моћника, јер војвода истиче да му је Ђурађ не било какав, већ *"главни непријатељ"*, што би се слагало са наводима из наративних извора о *"мржњи"* која је средином XV века постојала између најмоћнијег човека Угарске и господара Србије (Орбин 2006: 117). Такође је описано Хуњадијево разочарење деспотовим поступком, које је било више него изненађујуће, како за самог губернатора, тако и за његове савременике.

У песми *"Кад је Ђурађ деспот ставио Јанка војводу у тамницу"* израђаваног војсковођу, који је покушао да пређе у Угарску, деспот баца у тамницу (Богишић 1878: 31 – 34). Одатле се избавља зато што је његова супруга Маргита понудила српском владару да њена два сина постану таоци уместо свога оца Јанка. Сам Ђурађ је оптужен да је *"неверан"*, јер је на Јанково добро узвратио злом. Интересантно је да у овој песми видимо да је поред губернаторовог утамничавања, у народно предање ушао и научно доказан принудни боравак његовог старијег сина Ладислава у Смедереву од 1448. до 1450. године (Орбин 2006: 124).

Народни песник је сматрао да је утамничавањем Хуњадија деспот починио велики грех. Али то није било једино Ђурђево сагрешење о угарског војводу. У песми *"Тријеси Смедеревац Ђура"* деспот не само да не дарује Јанкову супругу, своју куму, на венчању и Јанкове синове, своју кумчад, приликом крштења, већ након војводине смрти похара његове дворе, баца децу у тамницу, а од куме направи *"измећарицу"*. Дирљиви опис Јанка који, умирући на Ђурђевим рукама, заклице свога кума да се стара о његовој породици након смртног часа, као и Ђурђево заборављање својих недела, стварају слику српског деспота као неморалног, похлепног и изопаченог човека. Шуица сматра да иза ових стихова стоји народна осуда највећег од свих Ђурђевих грехова према војводи, његовог утамничења у Смедереву, нехришћанског чина које је довело до тога да српска престоница буде осуђена на пропаст, и то – не од

стране Османлија, већ од самог Творца (Шуица 2011: 282). То се уочава у стиховима у којима принц Гргур подсећа оца на његове грехе:

*"Ја се чудим, о мој мили бабо,
Што се није џомба учинила,
Насред шера, насред Седрева
Да пропадне шеер Седерево,
Што си Богу сагрешио, бабо."*

Сукоб између Бранковића и Хуњадија, који се распламсао након 1448. године, свакако је продубио јаз између неистомишљеника у хришћанском табору и ослабио његову одбрамбену моћ. Стога, заиста није далеко од истине повезивање овог догађаја са другим, и коначним падом српске Деспотовине 1459. године.

У другој верзији песме *"Секула се у змију претворио"*, која говори о смрти Хуњадијевог сестрића, Бановић Секуле, историјског Јаноша Секелја, на Косову пољу, Сибињанин Јанко тражи савет од *"деспота Ђуре"* о томе да ли да устрели змију или сокола (Караџић 1895: 513). Пре но што ће му дати одговор, деспот пита Јанка:

*"Да ти да Бог, Сибињска војводо!
Да добијеш цара на Косову,
Каку б' нама вјеру оставио?"*

Након што му војвода поручује да ће Србима, ако победи на Косову, оставити *"маџарску веру да слушају мисе и Рим папу"*, деспот преко гласника поставља исто питање султану, који му обећава верску толеранцију. Конфесионална искључивост једног и примамљива обећања другог отклонила су Ђурине скривене дилеме. Због тога одлучује да превари Јанка и наведе га да устрели сестрића, који је, претворен у змију, зграбио султана (сокола). Тиме је директно утицао на исход Косовске битке и допринео турској победи. У овој песми сачувано је сећање на дуготрајне преговоре између губернатора и деспота, чије су главне тачке биле о приступању српских снага Хуњадијевим крсташима. Занимљиво је да је у овој песми сачувано и сећање на притисак који је на православне хришћане вршен из Рима након Фирентинске уније 1439. године. Он је био нарочито интензиван деловањем инквизитора Јована од Марке и фрањевца Јована Капистрана, који су деловали у време великих османских освајања средином XV века (Антоновић 1993).

У свим до сада изложеним песмама деспот Ђурађ је, за разлику од Јаноша Хуњадија, представљен негативно. Једина песма у којој није представљен негативно је "Смрт Каице војводе", коју је Вук забележио у Срему од Слепе Живане (Караџић 1895: 481). Географски оквир у који је смештена радња песме је Банат, у коме је деспот имао неколикоседа, од којих се у песми изричито помиње Вршац (Шомљо). Пошавши са својим војводама у лов, деспот ("краљ од Маћедоније") изненада среће војводу Јанка окруженог бројним пратиоцима. На Хуњадијев позив да се огледају у ратним вештинама, Бранковић одговара:

*"Брате Јанко, будаласта главо,
За нас није вика ни скакање,
Већ је за нас вино и ракија,
И господство да господујемо,
Мудра памет да паметујемо;
У мен' има и млађих војвода,
Који би се ради поиграти,
Своме краљу образ осветлити."*

За разлику од Јанка, деспот инсистира на господском понашању, јер не приличи високорођеном владару, потомку старе племићке породице и сроднику светородне династије Немањић, да се огледа на турнирима као други ратници. У овим стиховима се запажа сталешка и социјална димензија сукоба деспота Ђурђа и Јаноша Хуњадија, документована у наративним изворима (Орбин 2006: 121; Bonfini 1565: 481; Михаиловић 1966: 123). Наиме, иако је у државно-правном погледу Ђурађ Бранковић, као угарски барон, био подређен Јаношу као врховном заповеднику оружаних снага краљевства, деспот је налазио да је испод части да се бори под заставом Хуњадија, кога су угарски магнати сматрали скоројевићем. У наставку песме долази до подмуклог убиства Каице, најбољег српског војводе, и до боја између Срба и Мађара, у коме ови други бивају тешко поражени. Могуће је у овом делу песме сачуван спомен на један од бројних мањих окршаја између деспотових и војводиних снага, који су, и поред

личних несугласица, припадали двема различитим и међусобно сукобљеним струјама угарског племства. У другој варијанти песме, коју је забележио Сима Милутиновић Сарајлија под именом "*Деспот Ђуро*", песник је много мање пажње посветио међусобним односима деспота и војсковође (Милутиновић 1990: 297-299).

Однос деспота Ђурђа и Јаноша Хуњадија у српским епским песмама је углавном отворено непријатељски, или барем алудира на њихово непријатељство. Једина песма у којој нема ни помена о несугласицама је "*Јерина жена Ђурђа деспота, њезина братаница и Дамјан Шаиновић*" (Богишић 1878: 35 – 37). Ту војвода Јанко скреће пажњу деспоту на утамничење дворанина Дамјана Шаиновића. Међутим, и у осталим песмама има трагова њиховог некадашњег пријатељства и савеза. Тако је у песми "*Гријеси Смедеревац Ђура*" деспот војводин кум, човек коме поверава породици, и на чијим рукама издише. У другој верзији песме "*Секула се у змију претворио*", Јанко тражи од деспота савет када се налази пред важном одлуком, ословљавајући га са "*brate*". У поменутој песми "*Кад је Ђураћ деспот ставио Јанка војводу у тамницу*" Јанкова супруга Маргита каже да је војвода деспота "*у потреби доста пута помилов'о*", а он је на добро злом узвратио. Интересантно је да је Јанош, према неким изворима, започео каријеру у служби српског деспота (Held 1985: 9). Након својих великих победа у Влашкој слао му је вредне поклоне, а помогао га је финансијски и војно како би у "Дугој војни" обновио Деспотовину (Bonfini 1565: 459,460; Doukas 1975: 182). Однос између угарског војсковође и српског владара је заиста био пријатељски до 1444. године, када су се разишли по питању наставка рата са Турцима. Након поменутих сукоба у време похода на Косово, дошло је до привременог измирења 1451. године, када су се породице Бранковић и Хуњади и ородиле, удајом Ђурђевог унука Јелисавете Цељске за Јаношевог млађег сина Матију (Fejer 1842: 149–157). Јанош је, доласком на јужну границу Угарске, 1454. године спасио опседнуту српску престоницу, а те године је, као и десет година раније, са деспотом успешно војевао против Турака по Србији и Бугарској (Doukas 1975: 242; Михаиловић 1966: 94–96; Thallózy–Áldasy 1907: 185,186). Дакле, у Маргитином прекуру има заиста доста истине.

На основу девет обрађених песама може се закључити да је у народној традицији сачувано сећање на историјско непријатељство деспота Ђурђа и Јаноша Хуњадија. Томе су допринели поменути сукоби, као и чињеница да су након преране смрти Јелисавете Цељске непријатељства двеју породица била обновљена. Завађени до краја живота обојица велможа су преминули у другој половини 1456. године, након велике хришћанске победе под Београдом. Њихов однос, који је, према расположивим историјским изворима, осцилирао између савезништва и супарништва, је ипак био богатији сукобима, него сарадњом. Управо такав је и његов одраз у српским епским песмама – од девет песама само у једној није споменут њихов сукоб, нити алузија на њега. Оно што је интересантно је да је у шест песама деспот приказан негативно, антагониста Хуњадију који је главни јунак. Док је у песми о Дамјану Шаиновићу деспот споредни, неутралан лик, песма "*Смрт Каице војводе*" је једина кроз коју провејава уважавање и поштовање народног певача према српском владару. То је, такође, једина песма у којој је деспот потукао Јанка, за разлику од песама из Богишићеве збирке, у којима Ђураћ бива поражен и понижен. Читаоцу не може да промакне да су, у сукобу између српског владара и угарског војсковође, симпатије народних певача биле на страни једног странца. Покушаћемо да, у светлу доступних извора, објаснимо како је дошло до формирања таквог става. Најстарија српска епска песма је забележена у Апулији, од исељеника са источних обала Јадрана. Песме Богишићеве збирке, које највише наглашавају деспотово неверство према хришћанима и самом Хуњадију, такође су забележене у приморским крајевима, у којима је утицај католичке цркве био одувек велики. Самим тим у поменутих пределима био је јачи одјек речи чувеног проповедника и крсташког вође, Јована Капистрана, који је у писму папи Каликсту III означио српског деспота као неверника и противника Римске цркве. Разлог за то је било Ђурђево противљење покушајима унијаћења и сукоби са угарским војсковођом који је важио за "*бранитеља хришћанства*", и као такав имао пуну подршку католичког клера. Негативан суд о деспоту, који је за свога земаљског живота изрекао један светац, а пронео у својим делима Енеја Силвије Пиколомини, познати хуманиста који је касније постао највиши духовни ауторитет (папа Пије II), могао је бити уткан у народно предање, и одзвањати вековима (Fermendžin 1892: 224; Орбин 2006: 126, 127; König 2003: 171; Спремић 2005: 343; Held 1985: 152, 153; Mârza 2009; Murešan 2009). Да је тако заиста и било видимо из дела Мавра Орбина, Јурја Бараковића и Андрије Качића Миошића (Спремић 2005: 341, 342; Каџић Miošić 1801: 112–119). Поред утицаја католичке цркве на формирање предања о деспоту Ђурђу, морамо узети у обзир и да нам савремени средњовековни извори пружају неоспорне доказе о Хуњадијевом значају за историју Срба, који се такође рефлектовао у народној традицији. Бескомпромисна борба угарског велможе против Османлија је једноставно била једина сламка за коју су се Срби, али и остали балкански хришћани у то време хватали. Победе и походи Јаноша Хуњадија надахњивали су епско стваралаштво српског народа. То видимо и из чињенице да је најстарија записана српска епска песма, коју су избегли Срби одабрали за репрезент њиховог фолклора, била управо о њему, а не о цару Душану, Краљевићу Марку или о косовским јунацима. Податак да је моменат записивање песме четири деценије удаљен од историјског догађаја који је у њој опеван, ствара уверење да су симпатије према војсковођи морале постојати и једну

генерацију раније. Дакле, код његових савременика. Радња већине сачуваних песама (осим две изложене при крају рада), је на неки начин повезана са губернаторовим походом на Косово 1448. године и моментом утамничења у Смедереву, који је за обичан свет вероватно био шокантан догађај. Иза оваквог става би се могло наслутити да српски народ није имао разумевања за, можда и превише, опрезну политику деспота Ђурђа према Порти. Људи су и онда, као и данас, ценили више оне који су борбени и упорни, од оних који превише промишљају и вагају, а мало делају. Са којом су пажњом средњовековни српски летописци, а несумњиво и народ, пратили новости о овом војсковођи, довољно показује чињеница да су у српским летописима најзаступљније вести о Угрима управо оне које се односе на Јанош Хуњадија и његово доба (Бубало 2007: 28-39). Када на све то додамо и чињеницу да је Јанош једини странац који је нашао своје место и на средњовековном српском новцу, стиче се утисак да је угарски војсковођа био свеprisутан у српској свакодневници средином XV века (Иванишевић 2011). Стога не треба да нас изненађује присвајање овог страног државника и његово претварање у јунака народне епске поезије, нити његово фаворизовање у односу на деспота Ђурђа. Сибињанин Јанко, ванбрачни син деспота Стефана, дакле унук Св. Кнеза Лазара, и изданак светородне династије Немањић, постао је део српског Пантеона, у којем јунаци народног стваралаштва живе негде између историјске истине и апотеозе, надахњујући будућа поколења легендама ствараним током векова под туђинском влашћу.

Bibliography

- Антоновић, Милош (1993), *Панство и Србија у XV веку*. Београд, Савез друштва историчара Републике Србије.
- Богишић, Валтазар (1878), *Народне пјесме из старијих, највише приморских записа*. Биоград, Гласник Српског ученог друштва.
- Bonfini, Antonio (1565), *Rerum Ungaricarum decades*. Oporin.
- Бубало, Ђорђе (2011), Поседи српских деспота у одбрамбеним плановима краљевине Угарске 1458. и 1459. године, *Пад Српске деспотовине 1459. године*. Београд, САНУ, 229-243.
- Бубало, Ђорђе (2007), Угарска и Угри у старим српским летописима, *Српско-мађарски односи кроз историју*. Нови Сад, Филозофски Факултет, 28-39.
- Doukas (1975), *Decline and Fall of Byzantium to the Ottoman Turks. An Annotated Translation of "Historia Turco-Byzantina" by Harry J. Magoutias*, Wayne State University. Detroit, Wayne State University Press.
- Engel, Pall (2001), *The Realm of St. Stephen: A History of Medieval Hungary 895-1526*. New York, I.B.Tauris.
- Fejer, György (1842), *Genus incunabula et virtus Joannis Corvini de Hunyad Regni Hungarie Gubernatoris, argumentis criticis illustrata*. Budae.
- Fermendžin, Eus (1892), *Acta Bosnae potissimum ecclesiastica cum insertis editorum documentorum regestis ab anno 925 usque ad annum 1752*. Zagreb, Academia Scientiarum et Artium Slavorum Meridionalium.
- Геземан, Герхард (1925), *Ерлангенски рукопис старих српскохрватскох народних песама*. Сремски Карловци. Српска академија наука. Штампано у српској манастирској штампарији.
- Held, Joseph (1985), *Hunyadi : Legend and reality*. New York, Columbia University Press.
- Иванишевић, Вујадин (2011), Новац деспота Ђурђа Бранковића. In: *Пад Српске Деспотовине 1459. године*. Београд, САНУ, 417 – 428.
- Imber, Colin (2006), *The Crusade of Varna, 1443-1445. Crusade Texts in Translation*, no.14. Hampshire, Ashgate Publishing Company.
- Каčić Миошић, Andrija (1801), *Razgovor ugodni naroda slovinskoga*. Venecija, po Adolfu Czesaru.
- Караџић, Вук Стефановић (1890), *Српске народне пјесме. Књига шеста у којој су пјесме јуначке најстарије и средњијех времена*. Биоград, Штампарија Краљевине Србије.
- Караџић, Вук Стефановић (1895), *Српске народне пјесме. Књига друга у којој су пјесме јуначке најстарије*. Биоград, Штампарија Краљевине Србије.
- König, Daniela (2003) Nachrichten uber Đurađ Branković in Johannes Cuspinians Werk, De caesaribus atque imperatoribus Romani, у : *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor*, 68-69(1-4), 147-172.
- Mârza, Andrea (2009), John Hunyadi as portrayed by the humanist Aenas Silvio Piccolomini in some of his works, In: *Extincta est lucerne orbis: John Hunyadi and his Time*, ed. A.Dumitran, L.Mádly, A.Simon. Cluj-Napoca, Romanian Academy, Center for Transylvanian Studies,45-51.
- Милутиновић, Сима (1990), *Пјеванија црногорска и херцеговачка*. Никшић, Универзитетска ријеч.
- Михаиловић, Константин (1966), *Јаничарево успомене или турска хроника*. Београд, Просвета.
- Михаљчић, Раде (1989), *Јунаци Косовске легенде*. Београд, БИГЗ.
- Mureşan, Ovidiu (2009), John Hunyadi – the Ideal Crusader –in Aeneas Piccolomini’s Historical Writtings. In: *Extincta est lucerne orbis: John Hunyadi and his Time*, ed. A.Dumitran, L.Mádly, A.Simon. Cluj-Napoca, Romanian Academy, Center for Transylvanian Studies, 35- 43.
- Новаковић, Стојан (1982), Велики челник Радич или Облачић Раде (1413-1435). In: *Историја и традиција. Изабрани радови*, приредио Сима Ђирковић. Београд, СКЗ, 79-121.
- Орбин, Мавро (2006), *Краљевство Словена*. Зрењанин, Sezam Book.
- Пантић, Михаило (1982), Усмено песништво. In: *Историја српског народа II*. Београд. СКЗ, 504-519.
- Пешикан-Љуштановић, Љиљана (2002), *Змај Деспот Вук – Мут, историја, песма*. Нови Сад, Матица Српска.
- Raynaldus, Odorico – Laderchii, James (1874), *Annales ecclesiastici Caesaris Baronii XXVIII*, ed. A. Theiner, Barri-Ducis.

- Ређеп, Јелка (2001), *Сибињанин Јанко. Легенде о рођењу и смрти*. Нови Сад, Књижевно-уметничка задруга "Славија".
- Спремић, Момчило (1994), *Деспот Бураж Бранковић и његово доба*. Београд, СКЗ.
- Спремић, Момчило (2005), Бранковићи у историји и народном предању, *Прекинут успон. Српске земље у средњем веку*. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства, 330 - 344.
- Шуица, Марко (2011), Пад Србије у Историјској перспективи. In: *Пад Српске Деспотовине 1459. Године*. Београд, САНУ, 263 – 287.
- Thallózy, Lajos – Áldasy, Antal (1907), *Magyarország melléktartományainak oklevéltára II, A Magyarország és Szerbia közötti összeköttetések oklevéltára*, Budapest.
- Thallózy, Lajos – Áldasy, Antal (1907), *Monumenta Hungariae Historica XXXIII*, Budapest.
- Thuróczi, János (1488), *Chronica Hungarorum*, Augsburg.
- Томпсон, Пол (2012), *Глас прошлости*. Београд, Слио.

Соня Манойлович

Филологический факультет, Белградский университет
Белград, Сербия

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЫХ НОСИТЕЛЕЙ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА ИЗ КОСОВО И МЕТОХИИ К ИЗУЧЕНИЮ СЕРБСКОГО ЯЗЫКА

The status of Serbian language among native speakers of Albanian in Kosovo has changed and now it is no longer the second, but a foreign language for them. The goal of this paper is to show its position today, by researching attitudes of young people towards the need for use of the Serbian language, their motivation for learning as well as how well they are informed about places where they can learn it. Research included 44 informants, born between the years 1982 and 1991. Their main motivation for learning is higher probability of finding a job, the need for use of Serbian textbooks and wish to complete part of their studies in this language. Another motive is communication with native speakers. Attitudes differ depending on whether they see the language in global, regional or local context. They are poorly informed about the existing language courses.

Key words: Serbian as the second language, Serbian as a foreign language, Serbian language in Kosovo, attitudes towards language, motivation in language learning

Сербский язык как неродной в Косово и Метохии во второй половине XX в.

Изучение сербского языка как неродного в Косово и Метохии всегда было не только важным школьным, но и общественно-политическим вопросом (Дошлић 1988 : 7). Об этом свидетельствуют данные о реформах, касающихся этого школьного предмета. Сербохорватский как неродной язык являлся обязательным предметом в албанскоязычных школах и классах, в то время как албанский был факультативным в сербскоязычных, вплоть до учебного года 1967/68, когда он стал обязательным во многих школах. Стремление полностью уравнивать эти два предмета дало результаты в следующем учебном году, когда оба получили статус факультативных. Год спустя был принят закон, предусматривающий свободное высказывание за изучение неродного языка, но опрос, проведенный два года спустя М. Дошличем, показал, что закон не применялся последовательно. «[В] основном для того, чтобы число учеников, уже изучающих этот предмет не уменьшилось [...] сохранялась старая практика коллективного высказывания, хотя это не было согласно Закону.» (Дошлић 1988 : 24). Это свидетельствует о том, что изучение неродного языка понималось как навязанное. Трудно ответить на вопрос, было ли такое предположение обоснованным.

Отношение к изучению неродного языка имело серьезные последствия, высказавшиеся позже. В 1988 г. Б. Брборич говорит о языковой политике и практике, приводящих к сегрегации и геттоизации людей на этническом и языковом основании. Тот же автор, за год до этого сделал вывод, что «очень мало сделано, чтобы все живущие там люди знали оба языка общественной среды», констатируя, что «[в] школьной системе в Косово все [...] сделано, чтобы люди знали только один язык» (Брборич 2000 : 336).

Трудно найти надежные данные о положении сербского языка в последующем периоде. За данные о периоде 1970-1980 гг. я должна поблагодарить проф. Дошлича. По его словам, введение высказывания повлияло на уменьшение числа учеников, изучающих сербохорватский язык, но незначительно. Большинство ходило на уроки, а только в отдельных случаях они отказывались от изучения. Такая ситуация сохранилась вплоть до начала 80-ых гг., когда, по обострению политической ситуации, заинтересованность в изучении уменьшилась, но все еще большинство ходило на уроки.

В начале 90-ых годов албанские классы выделились из образовательной системы и сформировали параллельную систему образования. После этого, у них были собственные учебные планы, так что Закон об основном образовании, принятый в 1992 году, согласно которому сербский как неродной язык стал обязательным предметом, не повлиял на них.

После войны МООНК (УНМИК) попытался создать единую систему образования, в которой «сербы обязаны изучать албанский язык, а албанцам надо изучать один из славянских языков» (Гачевич 2002 : 226). Этот план никогда не реализовался, а все еще существуют две параллельных системы.

Сербский язык как иностранный в Косово и Метохии сегодня

Больше чем десять лет после войны, изменившей этническую и языковую картину КиМ ставится вопрос, каково положение сербского языка сегодня, и как его видят молодые люди, для которых он теперь является иностранным, а не языком среды. Если они недостаточно мотивированы, чтобы записаться на какой-нибудь курс, они не могут его выучить. Можно предположить, что существующая в обществе сегрегация сказывается и на положение языка, и что, несмотря на официальный статус²³, его

²³ Сербский язык является официальным в Косово, член 5, пункт 1 Конституции Косово.

употребление ограничено на анклав. Это имплицитно подразумевает непрестижное положение языка, так что можно ожидать слабую заинтересованность в его изучении.

С целью получить информацию об этом, были интервьюированы 44 носителя албанского языка, рожденные в период с 1982 по 1991 гг.²⁴ Анкета состояла из трех вопросов открытого типа, касающихся отношений к изучению сербского языка и одного, заданного с целью проверить проинформированность о возможностях изучения сербского языка в их городе (см. приложение). Первый вопрос был задан исходя из предположения, что у тех, кто больше интересуется изучением иностранных языков, будет более положительное отношение к сербскому языку. Опрос проводился на албанском языке²⁵.

Результаты

На вопрос №2 большинство информантов (25) дали ответ «Нет». Только один информант подчеркнул свой ответ, используя прописные буквы. Из информантов, написавших, что говорят по-сербски или сербохорватски (14), большинство ответило с «Да», в то время как трое ответило с «ДА». Несколько информантов дали более обширные ответы. В одной анкете был получен ответ «Я его изучаю теперь.».

В ответе на вопрос 2.1 в большинстве случаев встречается город или город и временное определение «в детстве». Некоторые поняли вопрос по-другому и в основном отвечали, что они учили с телевидения, а некоторые и от родителей, соседей и из книг. Сербский язык в школе изучало только трое информантов. Информантка, изучающая теперь сербский язык, написала точное название школы иностранных языков.

На подвопрос 2.2 свои причины писали и те, которые его изучали, и те, которые не изучали. Чаще всего причиной для изучения являлась дружба с детьми из соседства и телевидение. Родители тоже в какой-то степени влияли на то, чтобы их дети выучили сербский язык, но телевидение имело решающее значение. У тех, кто не изучал его, не было либо возможности («в отличие от старшего поколения»), либо причины. В некоторых этот ответ отражает негативное отношение к языку, в то время как в других это просто значит, что у информанта пока не было конкретной причины для изучения данного языка. На основании ответа информантки, изучающей теперь сербский язык лучше всего можно увидеть, что мотивирует не говорящую по-сербски молодежь изучать его теперь. Ее ответ говорит о том, что те, кто видит свое будущее в Балканах, видят сербский язык, как язык, предоставляющий возможность для продвижения в нескольких странах.

На вопрос №3 информанты в основном давали ответы да, нет и может быть, хотя были и те, кто давал более обширные ответы. Среди причин для отрицательного ответа встречается мнение, что сербский язык им не нужен, что не является мировым языком, и что достаточно знать английский (даже среди переводчиков²⁶). В данной группе появляются также чуть более резкие ответы, уверенность в том, что причин не может быть и даже эксплицитный отказ от ответа, но есть также ответы, в которых ответ отрицательный, но с выраженным сомнением. Один из этих информантов написал возможные причины для изучения сербского языка (литература для аспирантуры). Ответ «Может быть» может означать, что у информанта не было сильных причин думать об изучении сербского языка, но он изучал бы его, если бы у него появилась потребность в этом, что у него есть какие-то причины, но не достаточно сильные, или что у него в общем положительное отношение к изучению иностранных языков, так что наряду с чисто прагматическими причинами (аспирантура, общение в славянских странах) как релевантная причина появляется и склонность к изучению иностранных языков. В качестве причин для положительного ответа перечисляются большая возможность получения работы и учебы в различных университетах, а также работа, для которой необходимо или желательно знать сербский язык. Во время учебы, появляется потребность в использовании литературы на этом языке. Среди причин перечисляется и желание выучить язык соседей.

Говорящие по-сербски информанты часто не думали о том, изучали ли бы они сербский язык, если бы не выучили его в детстве, так что на этот вопрос они давали ответы «Я не знаю», «Может быть», «Я не думал об этом». Некоторые из них в ответах на подвопрос перечисляли, почему им сербский язык нужен (чаще всего для работы), а некоторые почему не нужен (лучше изучать мировые языки). Трое информантов дало утвердительный ответ на подвопрос, благодаря положительному отношению к изучению иностранных языков в общем, а не благодаря желанию изучать именно сербский язык.

Информантка, изучающая теперь сербский язык не отвечала на этот вопрос и подвопрос. Информанты, которые не изучали и не изучали бы сербский язык, считают, что он им не нужен, только степень уверенности в этом отличается. Иногда ответ категорически отрицательный, иногда неуверенность выражается имплицитно, а иногда эксплицитно. В двух ответах причиной является то, что сербский не мировой язык, в то время как в еще двух английский язык упоминается как единственный, который надо знать. В остальных ответах нет обоснования. Информанты, которые не изучали сербский

²⁴ За передачу вопросов информантам благодарю Нору Безера и Ндерима Крюезиу.

²⁵ Сердечно благодарю Нору Безера за перевод вопросов с сербского на албанский и ответов с албанского на сербский.

²⁶ Среди вакансий, объявленных на сайте www.ofertapune.com есть и вакансии для переводчиков для сербского языка.

язык, но может быть изучали бы его, тоже считают, что знание английского достаточно для учебы и для общения с сербами в Косово, а также с молодежью в регионе. Только одна из информанток из данной группы считает, что могут существовать причины для изучения языка, несмотря на отсутствие конкретной потребности в его использовании. Среди информантов, которые не изучали, но изучали бы сербский язык, есть и те, кто думает, что он им будет нужен, и те, кто думает, что не будет (так как все должны знать английский). Для некоторых знание сербского языка подразумевается, хотя они сами его не знают. Они принимают идею мультинационального Косово и сербского как одного из официальных языков, но это остается на уровне пустой риторики. Трое информантов верят, что сербский язык будет им нужен для работы.

Информанты, которые говорят по-сербски, но на вопрос №3 дали отрицательный ответ, думают, что сербский язык не будет им нужен, только с разной степенью уверенности. Некоторые перечисляли причины, по которым сербский язык мог бы им понадобиться. Те, кто изучал сербский язык, а на вопрос №3 давали ответы «Может быть» и «Не знаю», отрицательных ответов либо не обосновывали, либо объясняли тем, что достаточно знать английский, а положительные тем, что сербский язык будет им нужен для контактов с сербами и с Сербией или для работы. Одна информантка дала следующий ответ: «Мне лично он нужен, для других не знаю». Этот ответ показывает подход, существенно отличающийся от подхода информантов, которые писали, что сербский язык нужен, и не только им, но сами его не знают и не изучают. Для нее данный вопрос не возможность выразить свои позиции и она не видит его в контексте крупнейших вопросов, а это просто одно из умений, которые она применяет на работе. Информанты, говорящие по-сербски и давшие утвердительный ответ на вопрос №3 давали различные ответы на вопрос №4. Некоторые считают, что сербский язык им не нужен, но все-таки видят причины изучать его, некоторые не уверены, будет ли он им нужен, в то время как большинству он нужен для работы. Кроме этого, среди причин встречается и возможность легкой коммуникации с южнославянскими странами и то, что в Косово живут и сербы.

Информантка, изучающая теперь сербский язык, на этот вопрос дала ответ, похожий на ответы из предыдущей группы. Она считает, что сербский язык будет нужен для легкой коммуникации с южнославянскими странами.

На вопрос №5 большинство информантов (31) дали ответ «Нет». Еще шесть информантов дали отрицательный, только несколько более обширный ответ на этот вопрос. Некоторые из них интересны, как например следующий: «У меня нет информации об этом.», на основании которого, имея в виду, что это ответ журналиста, можно сделать вывод, что о курсах сербского языка мало знают. Еще более интересен следующий ответ: «Нет, не верю, что существует какое-нибудь место!», потому что он в противоречии с предыдущим ответом того же информанта, в котором говорится о мультинациональном государстве. Из этого видно, что существует большая разница между тем, что информант принимает как факт, наверное из СМИ, и того, что он знает из личного опыта. Из ответов некоторых информантов, мы узнаем, что существуют курсы сербского языка, а одна из информанток в своем ответе объясняет, что «есть несколько сербов, которые хорошо знают албанский язык, и которые проводят курсы в Приштине». Информантка, изучавшая теперь сербский язык, приводит адрес и точное название школы, в которой она ходит на курсы. Двое информантов перечисляли только города, в которых можно изучать сербский язык, а ответ одного из них говорит о том, что он связывает сербский язык исключительно с анклавами.

Итоги

На основании полученных данных можно сделать вывод, что среди молодых носителей албанского языка из Косово и Метохии существует несколько различных точек зрения и контекстов, с которых они смотрят на сербский язык.

В одной группе встречается резко негативное отношение, которое можно толковать как последствие связывания языка с политическими, особенно военными событиями, что подтверждает и факт, что эту группу в основном создают старшие информанты, выросшие в период, когда многие чувствовали, что сербский язык им навязан. Они говорят по-сербски (хотя не изучали его в школе), но утверждают, что никогда не изучали бы его, если бы не выучили в детстве.

Вторую группу создают те, у кого нет такого негативного отношения к сербскому языку, но они не считают, что он им нужен, так что у них нет мотивации изучать его. Эта группа информантов смотрит на сербский язык в глобальном контексте, и следственно они видят его как маленький язык и не видят причин изучать его. В этой группе выделяются те, кто смотрит на сербский язык с той же точки зрения, т. е. видят его как маленький язык, но все-таки видят причины изучать его, так как они считают, что каждый язык стоит изучать. Конечно, в них не надо видеть будущих слушателей курсов сербского языка, так как речь идет об обобщенной позиции, а не о мотивации к изучению конкретного языка.

Третью группу создают те, кто смотрит на сербский язык в региональном контексте, и следовательно видит его как большой язык. У них гораздо более конкретная мотивация к изучению, потому что в этом они видят свой шанс для продвижения в области, которой они занимаются. Студенты

в знании сербского языка видят свой билет в один из балканских университетов (т. е. университетов на территории бывшей Югославии), а также легкий доступ к научным знаниям с этой территории. Большинство из них в качестве мотивации к изучению сербского языка приводили литературу, нужную для учебы. Остается непонятным, рекомендуется ли им эта литература в университете, а также насколько невозможность ее использования лишает их необходимых научных знаний из данных областей. Этой группе принадлежат и занимающиеся делом, требующим коммуникацию со странами, в которых говорится на южнославянских языках, а знание сербского языка в большой степени облегчает им это. Их мотивация очень конкретная и обусловлена потребностью ежедневно пользоваться сербским языком на работе.

Четвертую группу создают те, кто смотрит на сербский язык в местном контексте. Некоторые из них на этот вопрос смотрят идеологически и причины для изучения сербского языка видят в желании общаться с косовскими сербами. Их ответы оставляют впечатление, что их отношение к сербскому языку часть идеи о мультинациональном Косово, в которую они верят. Скорее всего по той же причине в их ответах почти никогда (за одним исключением) сербы не называются национальным меньшинством, а вместо этого используется термин «сообщество», очевидно являющийся общепринятым в общественности (в отличие от термина «меньшинство», который «напоминает плохие времена» (ЏИТАКУ, 2012)). Хотя их мотивация скорее всего не достаточно сильна, чтобы начать изучать сербский язык (а также можно предположить, что у них нет контактов с сербами, что некоторые ответы подтверждают), она во всяком случае позитивная и могла бы, в сочетании с другими факторами мотивации, результировать тем, что они его на самом деле выучат. К этому бы несомненно способствовала и лучшая проинформированность о существующих курсах.

В местном контексте на сербский язык смотрят и те, кто пользуется им ежедневно на работе. Кроме них, есть и те, кто верит, что знание сербского языка увеличит их шансы устроиться на работу. Имея в виду, что в определенном количестве вакансий, как в государственных, так и в частных фирмах действительно требуется знание сербского языка (либо «обоих официальных языков»)²⁷, их мотивированность можно было ожидать, и среди них несомненно есть те, кто действительно выучит сербский язык. Все-таки, остается непонятным, является ли это условие на самом деле элиминационным, а также какой уровень знания требуется и каким образом проверяется. Официальная двуязычность подразумевает множество переводчиков и двуязычных чиновников, для чего требуется и определенное количество преподавателей языков, но остается непонятным, кто считается достаточно компетентным для этого, если иметь в виду, что в Университете в Приштине нет кафедры славистики. Во всяком случае, большая возможность получения работы представляет один из главных мотивов к изучению сербского языка среди молодежи.

Хотя сербский язык в Косово и Метохии потерял статус, который он имел когда-то, и хотя он теперь несомненно находится под угрозой, тот факт, что молодые люди находят причины изучать его, и что думают, что «знание этого языка имеет только позитивную сторону в будущем» делает эту тему все еще актуальной.

Цитированная литература и источники

- БРБОРИЋ, Бранислав (2000), *О језичком расколу. Социolingвистички огледи I*. Београд: Центар за примењену лингвистику: Прометеј.
- ГАЧЕВИЋ, Радојко (2002), *Освајање Косова. Српске школе на Косову и Метохији. Сведочење о збивањима од јуна 1999. до новембра 2001. године*. Београд: Итака.
- ДОШЛИЋ, Мишо (1988), *Српскохрватски као нематерњи језик. Студије и огледи*. ПП: Јединство.
- ДОШЛИЋ, Мишо, личное интервью. 29. 01. 2013
- Закон о основној школи, опубликован в: „Службени гласник РС“, бр. 50/92 од 25.7.1992. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mpn.gov.rs/propisi/propis.php?id=11> (дата обращения 09. 02. 2013)
- Интернет база вакансий. [Электронный ресурс] URL: www.ofertapune.com (дата обращения 12. 12. 2012)
- Конституция Косово. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kushtetutakosoves.info/?cid=3,247> (дата обращения 06. 02. 2013)
- Учебные планы Университета в Приштине. [Электронный ресурс] URL: http://www.uni-pr.edu/Files/Dokumente/Relevante/pasqura_up_2008.aspx (дата обращения 06. 02. 2013)
- ЏИТАКУ, Vlora, интервью для передачи *Od A do Š*, телеведущая Tijana Arsić, продукция Srpsko slovo, октябрь 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://www.youtube.com/watch?v=0zfAXAM6V5Q>, (дата обращения 09. 02. 2013)

²⁷ Данные из вакансий, опубликованных на сайте www.ofertapune.com.

Приложение: Анкета

Год рождения:

Пол:

Профессия:

Родной язык:

Место рождения:

Место жительства:

1. Какие языки Вы знаете либо изучаете?
2. Изучаете ли Вы, либо изучали ли когда-нибудь сербский язык?
 2. 1. Когда и где?
 2. 2. По каким причинам?
3. Изучали ли бы Вы сербский язык?
 3. 1. По каким причинам?
4. Думаете ли Вы, что сербский язык будет Вам нужен? Объясните.
5. Знаете ли Вы где в Вашем городе можно изучать сербский язык?

Mateja Maričić

Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu
Zagreb, Hrvatska

(PROTU)BIBLIJSKI INTERTEKST U KOZARČEVU ĐUKI BEGOVIĆU

This article analyses biblical and anti-biblical intertext in Ivan Kozarac's novel Đuka Begović. Starting from the mythical place that novel takes in Croatian literature, mythical that involves the main character of the novel and goes beyond literary text by participating in the creation of images of Šokci through "bajanje" and popular piety, finally we are coming to (anti-)biblical text and observing his context, so that we could have an open end and to see new horizons of Kozarac's novel.

Key words: Ivan Kozarac, Đuka Begović, (anti-)biblical intertext, myth, popular piety

UVOD

Čitanjem Kozarčeva romana moguće je uočiti određene elemente koji nude prostor za razmišljanje o (protu)biblijskome intertekstu. Možda je protubiblijski intertekst mnogo očitiji od biblijskoga, no to ne znači da posljednjega nema. S druge strane navođenjem svih elemenata koji imalo podsjećaju na Bibliju, pokazalo bi se kako je takvih uistinu mnogo te da je roman prožet njima gotovo u cijelosti. No pitanje je koliko ih je uistinu poteklo iz biblijskoga vrela. Primjerice, janje je simbol prisutan u Bibliji te „Kao simbol Krista (...) najomiljeliji i najčešće upotrebljavan simbol svih razdoblja kršćanske umjetnosti.“ (*Leksikon ikonografije, liturgike i simbolike zapadnog kršćanstva*, priredio Anđelko Badurina, 1979: 293). U Kozarčevu romanu janje je spomenuto u posloviци „Mrtva vuka ne plaše se janjci“ (PSHK, knjiga 79, str. 330). Čini se da ovi *janjci* (koji su, usto, u množini) osim krotkosti i mirnoće nemaju previše veze s Jaganjcem Božjim, što se još više potvrđuje promatranjem konteksta u kojemu je posloviца zapisana. Stoga izuzimajući mjesta slična ovome, mogući se taksativni niz znatno reducira te u konačnici preostaje tek nekoliko čvršćih veza s biblijskim tekstom. U ovome radu iznijet će se tzv. čvrste i/ili čvršće veze, a onda promotriti na koji se način u to uklapa ona Kozarčeva iz *Autobiografije*: „Vjeronauk i gramatika bili su mi odurne stvari, dok sam matematiku, povijest, zemljopis i prirodopis s interesom pratio.“ (PSHK, str. 397)

1.1. Roman *Đuka Begović* zauzima mitsko mjesto hrvatske, preciznije govoreći slavonske književnosti:

„Kako zbog nevjerojatno *krilate* sudbine njegova darovita tvorca, koji pokošen sušicom i zagledan u 'neprozirne slavonske magle' umire na vinkovačkom Krnjašu sa samo dvadeset i pet godina, tako i zbog podjednako čudesne *mimetičke* moći naslovnoga junaka koji je naprosto prekoračio prag fikcije i za Slavonca, posebice onoga koji svoje identitetsko utičište pronalazi u *šokaštvu*, postao utemeljujuća *figura sjećanja* na fatalnoga Šokca-bečara.“ (Pšihistal 2011: 263)

Upravo ovom apostrofom mita na samome početku apostrofirana je i dimenzija sakralnoga, i to ona s kojom Kozarac očito nije računao, kako ističe R. Pšihistal: „*Đuka* je izmaknuo volji svojega tvorca i ukrućen u mit poprimio – kao što to s mitovima redovito biva – dimenzije sakralnoga“. (Isto) Unutar samoga romana nalaze se reci koji su pridonijeli izgradnji široko rasprostranjenoga mita – mita o Šokcima. Pišući o šokačkome etnomitu u istoimenoj studiji Pšihistal ističe kako dolazi do određene mitologizacije slavonskoga u šokaštvo, kako svi oni slavonski Šokci odlučno odbacuju činjenicu da je njihova pradomovina Bosna i govore, što je već postalo općim konsenzusom, kako je ta *arkadijska Šokadija* „plodno slavonsko-srijemsko međurječje (između Dunava, Drave, Save i Ilove), opjevano već u invokaciji Relkovićeve *Satira* sa skrivenom simboličko-citatnom relacijom spram biblijskih rijeka iz edenskoga vrta: Pišon, Gihon, Tibris, Eufrat (Post 2,10)“ (Pšihistal 2010: 457) Mitskim naslagama prožeta je priča o njihovu podrijetlu, imenu, ali i karakteristikama koje čine dio njihova identiteta – nemar, ponos i prkos. U *Đuki Begoviću* zasigurno ima nešto od spomenutih mitskih naslaga kojih ima i u drugih „slavonsko-srijemskih pisaca od kraja 19. stoljeća i posve je nevažno hoćemo li ih tumačiti kao završne procese narativnog fiksiranja svakodnevnih šokačkih mitskih simboličkih i narativnih praksi ili pak kao same pokretače 'velike priče' o Šokcima“ (Pšihistal 2010: 462), čime je zapravo potvrđena njegova ugrađenost u šokački etnomit. Ostavljajući po strani kulturni proces mitologizacije šokaštva, ono na što se ovdje želi svrnuti pozornost jest zapravo sama slika, odnosno predodžba koja se oblikuje o Slavoncima, o Šokcima u samome romanu jer upravo se ta slika čini zanimljivom u okviru tematike koja se u ovome radu obrađuje. Đuka Begović kao da utjelovljuje onaj stereotip o raspojasanoj Slavoniji. Raspojasanost svakako priziva neumjerenost koja se očituje gotovo u svim životnim prilikama, svedenost na trenutak i trenutano zadovoljstvo, bečarenje, rasipanje, opijanje i tako dalje, a sve to osigurava stvaranje negativne predodžbe. Kao što je zapisano u romanu:

„Filozofija sviju seoskih šokačkih duša ima svoj početak i konac u zadovoljstvu. I to: u zadovoljstvu bez obzira na njegovu kakvoću. (...) A što oni misle pod zadovoljstvom? – Misle... i zadovoljan zijev, po volji probčarenu noć, sladak tren bludnoga užitka. I kakovu naivnu ili glupu težnju, basnoviti, izbjajani život bezbrige i slasti!“ (PSHK, str. 359)

U navedenom citatu nemoguće je pronaći bilo što biblijsko, štoviše ovdje bi se moglo govoriti o protubiblijskim naslagama koje dodatno podcrtava spominjanje *izbjajana života*.

1.2. Bajanja su vrlo često sastavni element pučkoga života, onoga što se obično određuje pretkršćanskim i što je u raskoraku sa službenom pobožnošću Katoličke crkve. Jednostavnije govoreći riječ je o tzv. pučkoj pobožnosti koja se određuje kao „ukupnost različitih izvanliturgijskih i neliturgijskih vjerovanja, čina, stavova i stilova

kojima se izražava odnos prema svetom i koji su uokvireni određenim povijesnim, kulturnim i društvenim okvirom i često su sačuvani kroz dulje razdoblje te su u stalnom prožimanju sa službenom religijom“. (Belaj 2006: 11) Ta se pučka pobožnost najbolje očituje u XIII. poglavlju (PSHK, str. 370) na sam dan proštenja kada oni koji ne idu na proštenje poručuju proštenjarima svoje molbe i zavjete te im usto daju darove koje će Gospi prikazati (dvoje-troje jaja, svića, tkivo što ga cura tkala, smotana trava, kosa ili dio muške odjeće), gdje se očituje vjera u Gospinu pomoć, ali istodobno i vjera u vradžbine koje će donijeti željenu moć – „Jedna vjeruje, otet će tim muža pijanstvu, druga: bludu, treća: postat će tim njegov gospodar, pa ga zaslijepiti i varati preljubima do mile volje. I tako dalje...“. (PSHK, str. 372) Zanimljivo je da su u samome romanu apostrofirani upravo proštenjari i proštenje, a ne hodočasnici. Na prvu mogli bismo se pitati zar su proštenjari uvijek oni koji hodočaste? Shvatimo li pojam hodočašća isključivo u njegovu doslovnom značenju, onda je odgovor zasigurno negativan. Metaforički govoreći proštenjari i danas *hodočaste* na proštenja, samo u ovome su smislu njihove pobude sasvim druge prirode, nikako ne vjerske (vjerski je označen jedino povod njihova dolaska – sam crkveni god). Upravo ovim u romanu je dodatno istaknuto kolika je važnost ili, bolje reći, nevažnost samoga hodočašća, koliko je oslabljen njegov primarni smisao i cilj, koliko je sve svedeno tek na *svita vidit, napit se i najest*, uz svirku *poigrat*, a onda gotovo u potpunosti iznevjereno sjedanjem na vlak (PSHK, str. 376). Tzv. hodočasnici u tome smislu jednostavno varaju.

Osvrćući se na elemente pučke pobožnosti u Kozarčevu romanu Šundalić u svojem kratkom članku navodi:

„Nije teško pronaći brojna mjesta koja svjedoče o odnosu puka prema Crkvi i blagdanima, Svetom Pismu i „paroku“, molitvi i psovski, dobru i zlu, grijesima i patnji, pokori i proštenju. Ovdje prikazani odnos nije „strah i drhtanje“ pred Svemogućim, nego egzistencijalna računica u koju je uključen i Božji angažman. To je upravo specifikum ovoga podneblja čiju autentičnost Ivan Kozarac nije iznevjerio.“ (Šundalić 1996: 79)

Navedeno potkrepljuje *konkretnim primjerima* – o pitanju duše koja se obično negira, životnoj patnji koja proizlazi iz ogrešenja o božje zapovijedi, traženju utjehe u Bibliji i u Crkvi, odnosu prema župniku, o temama svakodnevnih razgovora koji vode do govora o smrti i Bogu, a nakraju iznosi i primjer proštenja kao *možda najslikovitiji zapis pučkog viđenja pokajanja, oprosta i ugadanja Bogu*. (Šundalić 1996: 80–81)

Pučkome sloju pripadaju i radnje vezane uz blagdane, primjerice Cvjetnu nedjelju:

„(...) a gdi je to kad mi idemo na Poloje i u šumu po cicu-macu za Cvitnu nedilju. Th! ... Tä, nas se skupi, svi se skupimo, što nas je u sokaku, cura i momaka, pa se ogrlimo i ajd... Bere se to onda cica-maca, ljubičica, procipak, jagorčevina, da sve kape okolo-uokolo poiskitimo. Curam opet pune kose cviča. Pa se piva onda, što se piva! Veselje, da ga više nema! ... Ko svatovi da su!“ (PSHK, str. 335)

Svecima i nedjeljama kada se išlo u crkvu uvijek se ljepše oblačilo (PSHK, str. 361), a prema *imućstvu* znalo se i gdje je komu mjesto – „I vodio ga eno svecima i nedjeljama još i u crkvu, u prvu klupu slijeva, u kojoj, po njegovu, bilo njegovo mjesto, jer on je po imućstvu i općinskom vijećništvu svakako među prvima u selu“. (PSHK, str. 311) *Imućstvo* je zamijenilo mjesto s vjerom, crkva je postala mjesto „gdje je bilo važno spustiti krajcare u lemozinjak, a ne ispovijedati grijeh“. (Šundalić 1996: 79) To kaže i sam Đuka: „Ta eto, dođeš se pomoliti u crkvu, pa moraš dati krajcar-dva, kojemu god svecu, mada taj tih krajcarica nigda ne vidi. Al običaj je to, pa šta?!“ (PSHK, str. 367)

Pučka se pobožnost iskazuje, između ostalog, likovnim i arhitektonskim oblicima. (Belaj 2006: 12) Ovdje su mi prije svega zanimljivi likovni oblici, točnije slike u kući. U Đukinoj kući na zidovima vise iste slike već trideset godina – *Majka božja, sv. Đurad i Šimun, Posljednja večera i sv. Grob* (PSHK, str. 357) – svete slike kojima se i sam čudi:

„Čemu li je to bilo? – nikako Đuka da shvati. Konačno Đuka ne može još ni danas da shvati svoga oca Šimu i u drugomu. Eno, taj je Šima psovao ko svinjar, i tek što opsuje štogod gadno, već se krsti, tj. samo napol se krsti: na čelu i na prsima, sašaptiva zaplašenim glasom: Oprosti, Isuse...“ (PSHK, str. 358)

I bab-Mara želi *kaku god sličicu ili medaljicu* da joj Đuka donese kada se bude vraćao s proštenja. (PSHK, str. 372)

2.1. Hedonizam koji prožimlje *raspojasanu* Slavoniju sažet je dvjema rečenicama u romanu: „Živiti u dobru, lagodno, u veselju, u pripovijesti za pripovijest, sit i napit – to je najbolji život. Drugog raja čoeuku ne treba“. (PSHK, str. 333) Pobroje li se ovdje svi Đukini grijesi u kojima neprestano ustrajava, a osobito bludnost i rasipništvo, može se zaključiti kako je roman prožet snažnim protubiblijskim intertekstom. Međutim pozornijim čitanjem uočava se i onaj biblijski.

Pišući o biblijskim simbolima Slavić u uvodnome dijelu navodi: „Cijela *Biblija* pripovijeda veliku naraciju o čovjeku koji je pogriješio, bio udaljen od Boga Oca i zatim lutao prostorima grijeha.“ (Slavić 2011: 10) te nastavlja apostrofirajući čovjekovo iskupljenje te konačan poraz zla i ulazak u Vječni grad Jeruzalem zaključujući sljedeće: „Svaka pripovijest koja se može povezati s ovom pripoviješću, srodna je i cijeloj *Bibliji*.“ (Isto) *Pripovijest* o Đuki poveziva je s prvom rečenicom spomenutoga navoda, s jedinom razlikom u tome što je Đuka bio, ali i ostao udaljen od Boga Oca. Njegovo lutanje prostorima grijeha nekoliko je puta prekidano pojavljivanjem pokajničkih čuvstava, no čak i u trenutku naizgled čvrste odluke o preobraćenju kada s proštenjarima odlazi Gospi Ilačkoj, ponovno skreće s toga puta zapadajući u incest. Teško je, dakle, u ovome

slučaju govoriti o srodnosti s Biblijom na razini cijele pripovijesti jer ona nije u potpunosti, pa čak ni polovično ispričovijedana.

Pokuša li se *pripovijest* o Đuki povezati s prisposobom o razmetnome sinu koju bilježi Luka u svojem evanđelju (Lk 15, 11–32), mogle bi se uočiti podudarnosti. Vjerojatno je to i najočiti primjer biblijskoga interteksta u ovome romanu. Đuka je sin koji rasipa novac, izgubi tako sav imetak, zgriješi više puta i na više načina, a onda se počne kajati te odluči zatražiti oprost i započeti novi život. No već tu prestaju sličnosti s razmetnim sinom iz biblijske prisposobe. Upravo u trenutku kada se čitatelj ponada kako će Đuka konačno izići na pravi put ostavljajući za sobom zlo, javlja se u njemu nemir, provrije opet ona *šokačka krv* i pokajnička čuvstva, koja se u romanu triput spominju (PSHK, str. 360, 367, 368), nestaju u trenu. Tako je onemogućena realizaciju potpunog pokajanja, što Đuku u potpunosti udaljava od završetka biblijske prisposobe, čiji je smisao sadržan upravo u tome drugom dijelu koji je u Kozarčevu romanu izostao. Osim toga Đuka nije imao brata, bio je Šimin jedinac i nije se otputio od kuće kako bi lakovjerno potrošio sve što je imao – učinio je to u svojem selu, naočigled svojih suseljana. No da *pripovijest* o Đuki ne podsjeća na biblijsku prisposobu, ipak nije moguće tvrditi.

2.2. Kada je uoči Uskrsa Đuka otišao na stan, u jednoj je sobici pronašao *Sveto pismo*, uzeo ga i počeo čitati, stoga bismo mogli očekivati eksplicitno navedene biblijske citate unutar romana. Usporede li se ti citati s onim što su zapisali Matej i Luka u evanđeljima, uočiti će se određene Kozarčeve izmjene: „Koji te udari po... po obrazu, okreni mu i drugi; i koji hoće da ti uzme kabanicu, podaj mu i košulju“ (PSHK, str. 346; Mt 5, 39–40; Lk 6, 29) te snažnija povezanost s Lukinim zapisom; „Koji se hvališ zakonom, a prijestupom zakona sramotiš Boga“ (PSHK, str. 346; Rim 2, 23). Đuka zastaje nakon pročitanoj te prokazuje licemjerje svojih sumješšana pa i samoga župnika. O istome govori i nešto ranije – „Ali paroku našem – primerice da kažem – njemu ni ora' iz ruke primio ne bi, kao ni rič njegovu. Take slatke i šećerne ljude ne trpim. I ne trpite ih!“ (PSHK, str. 338); Blaž Ivankov krade, a svaki je dan u crkvi:

„za procesija nosi nad župnikovom glavom s drugom dvojicom takozvano 'nebo', a za večernjica i zornica zvoni sa zvonarom na tornju. U crkvi uvijek kleči i svake mu hlače izlizane na koljenima! – Treba živjeti u stvari pred bogom – kaže taj Blaž i hvali se upravo čovjek sa ono izlizanih hlača.“ (PSHK, str. 341)

Kada je kasnije napokon odlučio ući u crkvu, vidjevši *onaj stariji seoski svijet* (PSHK, str. 365), nije mogao suspregnuti misli o tome kakvi su nekad bili, a sad *kleče po klupama i mole u glasnom zapijevanju* (Isto). Štoviše, neki se od njih uopće nisu promijenili:

„A sad – viš! Kronicu, i šakom u prsa! A mnoga još uvijek po starom ide! – između njih on odmah i vidi ovu i onu koja još i sad tako... A neke eno – zna on – bacaju karte, neke su ljekaruše bilinama i svodilje.“ (PSHK, str. 366)

U navedenim dijelovima kao da su implicitno sadržane Isusove riječi o pismoznancima: „Čuvajte se pismoznana, koji rado hodaju u dugim haljinama, vole pozdrave na trgovima, prva sjedala u sinagogama i pročelja na gozbama, prožduru kuće udovičke, još pod izlikom dugih molitava. Stići će ih to oštrija osuda!“ (Lk 20, 45–47) Možda je upravo zato Đuka izbjegavao crkvu, oko nje tek obilazio, a ulazio samo u obližnje birtije – „on je živio samosvojno, bez obzira na druge“ (PSHK, str. 336); „Njegov život, život je njegove volje“. (PSHK, str. 337) Taj ga je život, ta ga je volja udaljila od Krista, ali barem nije bio licemjer poput svojih sumješšana. Đuka je u punini živio ono što je odabrao ili ono što mu je bilo određeno naslijeđem. Otac je u njegovu životu imao važnu ulogu. „Samo budi taki... bečar ko ja-a... Zna-ćeš da si živio! Da-a! ...“ (PSHK, str. 313) – govorio je tako Đuki, svojem sinu jedincu, a ovaj je sve upijao od malih nogu. U jednome trenutku i samome se Đuki čini da ipak nije živio sasvim *po svojoj volji* – „Viš, taj je tebe zavodio. Kud je on tisko, tamo si išo. Njegov je život odlučio o tvom.“ (PSHK, str. 337) Dodamo li ovomu da radnja romana započinje u trenutku kada je Đuka točno *trideset godina preživio* (PSHK, str. 309), mogle bi se uočiti određene poveznice između Đukina lika i Krista. I Kristu, jedinome Sinu Božjemu mogli bismo reći – *Očev je život odlučio o Tvom*. Koliko god Đuka uživao u bludu, rasipništvu, namaru, grijehu, ipak je to jedan mučan život u kojemu ne uspijeva pronaći mira, život kojim nije zadovoljan, život koji čitatelj počinje pratiti upravo u njegovim tridesetim godinama (o Kristovu životu do tridesete godine ne zna se mnogo, a upravo u tridesetima počinju se zbivati najvažniji događaji, odnosno u tridesetima biva mučen i razapet), a njegova muka, za razliku od Kristove koja je imala jedan viši cilj, koja je zapravo bila put u novi, vječni život, nikada nije završila. Stalna previranja, pokušaji obraćenja pa ponovna upadanja u grijeh nikada ne završavaju, što možemo čitati i iz samoga završetka romana koji je kritika do danas na različite načine tumačila. Ono posljednje *možda će* (PSHK, str. 396) moguće je čitati i kao nastavak Đukine agonije, neprestanu potragu za ispunjenjem i konačnim smislom, potragu koja *će možda* zauvijek ostati samo to – potraga – bez pronalaska krajnjega cilja... Jer što je cilj? „Šta će njemu cilj?! Gdje je uopće u Šokca cilj?! ... Nemar Šokca ne da nijednom da pomislima svojim utvrdi neki stalan cilj za sebe. Oni sve puštaju na: božju volju.“ (PSHK, str. 359) *Možda se* upravo voljom Božjom uspije iskreno pokajati pa još jednom izmijeniti „Jer Bog je krajnje utočište kako 'bogomoljcima' tako i okorjelim grešnicima. On je onaj trajno potrebni prostor nade i utjehe kojega čovjeku nisu ostavljale ničeanska koncepcija smrti Boga i građenja nadčovjeka, kao niti ateistički egzistencijalizam Sartreova tipa, ili materijalistička orijentacija Marxove revolucionarne filozofije.“ (Šundalić 1996: 82)

Đuka razmišlja o situaciji u kojoj se trenutno nalazi, ali i o tome što će za njim ostati, na što će se u starosti moći osvrnuti, *jadi se i tmuri*, a takve misli zaokupljaju ga „tamo duboko u noći, poslije drugih orozeva, a nakon kratka nemirna sna“ (PSHK, str. 329). *Drugi orozevi* zasigurno označuju drugi pjev pijetlova. U *Bibliji* je zapisano kako nakon drugoga pijetlova pjeva Petar brizne u plač sjetivši se onoga što mu je Isus rekao: „Prije nego se pijetao dvaput oglasi, tripudij ćeš me zatajiti“ (Mk 14, 72). Zanimljivo je da samo Marko u svojem evanđelju bilježi – *prije nego se pijetao dvaput oglasi*. Ostali evanđelisti navode tek jedan pijetlov pjev (v. Mt 26, 34; Lk 22, 34; Iv 13, 38). Nakon *drugih orozeva* Đuka upire pogled u sadašnjost i bližu budućnost, a Petar u bližu prošlost.

Svijest o Bogu i Njegovoj prisutnosti prožima život puka. To se očituje na više mjesta u samome romanu, primjerice u onome dijelu u kojemu se spominje okupljanje na divan u kući čič-Pane. Premda im je svima „jedan zajednički razgovor: slavljenje mladosti, momaštva i bećarenja“ (PSHK, str. 333), svatko od njih redovito govori o određenim temama. Tako se čič-Bartol i čič-Gaja između ostalog redovito „spominju Isusa i njegovih muka za ljude i spas njihov“, a „djed-Moca i Iso – malokad da ne iznesu pokoji nacrt i osnovu kako bi trebalo svijet preurediti da bude 'carstvo božije' na zemlji“. (PSHK, str. 332) Osim toga, i u Đukinoj svijesti struje različite slike, različita pitanja, misli pa i ona misao „o vjerojatnosti i nevjerojatnosti opstojnosti boga i pravde“ (PSHK, str. 319), a kada je ostao sam, *ispijen užicama bluda i mamuran, kada je žalio a da nije znao za čim* – u tim trenucima obraća se Bogu: „Kako mi je to, kako?! Uh! – govorio je onda u sebi. – Viš, bože, viš li!“. (PSHK, str. 357) Njegova žena Marijica, nježna i plaha, blaga i spokojna, znala je zahvaljivati Bogu kad bi Đuka, njezina potpuna suprotnost po naravi, mirovao. (PSHK, str. 315) Bab-Mara svjesna je Đukinih grijeha, ali i toga da oni nose patnju, ne samo njemu nego svima: „E, ta, da, tako j' to... ogriješio si se o zapovidi božje. I patio si i patiš. I svi mi tako.“ (PSHK, str. 325) Unatoč tomu što se svi ponekad ogriješe o Božje zapovjedi, one imaju određenu važnost u životu Đukinih sumješšana, što se za Đuku ipak ne može tvrditi. Pritom je zanimljivo ono što Đuka kaže na pitanje:

„Indi parokovo učenje i bože zapovisti nisu ništa?! – Nisam to kazo. Vama ih treba. Vi bez toga ne bi znali ni živiti. Vama trebaju žvale u zubima, ruda među vama, kočijaš za repom. Meni – ne. Ja – mislim!“ (PSHK, str. 338)

Iz ovoga je očito kako ih odbacuje, njemu one ne trebaju, ali čini se da ih ipak ne negira u cijelosti. Kao da se boji u potpunosti odreći Boga, kao da njegov prkos i ljutnja proizlaze upravo iz pučkog prakticiranja religije, kao da je svjestan da se ogriješio o njih, no priznanje bi ujedno značilo njihovo prihvaćanje.

Dovoljno je argumenata za proglašenje Đuke *ničeanskim „mahnitim čovjekom“* koji govori kako je Bog mrtav (Pšihistal 2011: 282), no upravo posljednje spomenuto mjesto čini se kao da nudi prostor za daljnje promišljanje u tome smislu. Zašto Đuka u tome trenutku nije rekao: *Da, bože zapovisti jesu ništa!* Zašto Đuka izriječkom nije zaničavao Boga ako je to već više puta učinio svojim djelima?

2.3. Šljivarić ističe kako je Kozarčev roman „od svih prozih tekstova toga vremena najizrazitije uperen protiv naučavanja crkve i vjerovanja u neke natprirodne snage“, te nastavlja, „Bezbožnom Đuki ostaje, mjesto vjere i molitava, realni svijet: žensko tijelo, seoska krčma i alkohol, želja za individualnom slobodom“. (Šljivarić 1972: 359) Pšihistal odlazi korak dalje navodeći kako je Kozarac „povijest života Đuke Begovića (...) prikazao kao povijest neumoljiva i nezaustavljiva nagnuća k zlu“. (Pšihistal 2011: 265) Nagnuće k zlu očito je od samoga početka romana pa sve do njegova kraja. Ocoubojstvo, sadizam, mazohizam, rodoskrvnuće *krugovi su zla* „koji se progresivno šire na sav njegov vanjski i unutarnji svijet“. (Isto) Nameće se stoga pitanje – je li Đuka Begović uistinu potpisao neraskidiv ugovor s Đavlom?

Čini se da jest. Štoviše, čini se da Đavao doživljava svoje utjelovljenje upravo u Đuki. Na više su mjesta u romanu zabilježena Đukina previranja, Đukina borba s nekim drugim Ja. *Drugo Ja* ne označava ovdje samo ono đavolsko – *drugo Ja* u jednome trenutku jest đavolsko, no u jednome je „razum „ ili „duša“ (PSHK, str. 353) kako veli pripovjedač, u jednome trenutku to bi moglo biti ono božansko nasuprot đavoljem.

A onda u jednome trenutku Đuka priznaje tog *prišaptivača* u sebi:

„A ja? – kaže Đuka za sebe, kaže, on je živio zlom hotimice, znajući da je taki život zlo. Veli: živio je ne osvrćući se na druge, ne gledajući živi li još tkogod kako on. Njega je, istina, vazda nešto nagonilo na takav život. Ali tko će reći da je morao slušati. – Nisam morao – kaže zato on – a slušao sam. Zašto? Zato što sam taj prišaptivač bio ja sam.“ (PSHK, str. 337)

Osim toga u kršćanskoj ikonografiji Đavao je obično crne boje (*Leksikon ikonografije, liturgike i simbolike zapadnog kršćanstva*, priredio Anđelko Badurina, 1979: 541), a u romanu je istaknutno kako je Đuka crn a njegovo lice blijedo (krupan i crnomanjast – PSHK, str. 315; *mrk i pogružen, pun nekakove zataje, blijed u licu i nesabran* – PSHK, str. 324; *I blijedio je i mrknuo opet i mršavio* – PSHK, str. 330), a njegovo je lice baš *mrko* (smrknuto) i to u trenucima kada đavolski nastupa – „Po njegovu mrkom licu uzamance se ispoljivao i pretrzavao smiješak kraljevskoga gotovo ponosa i vlažilo mu se uvjetljano oko suzom užitka.“ (PSHK, str. 322); „Plasila je mrkost njegova lica, sabir debelih obrva, reskost glasa, bezobzirnost riječi.“ (PSHK, str. 350)

Zanimljivo je da su i žene, i to one koje nimalo ne skrivaju svoje erotske pobude, također crne – „Njeno [Ružino] lice je bilo garavo, sa par pjega samo, oči crne i velike, kosa još crnja, tijelo oblo, gipko i puno, bedra i usne crvene ko poluzrela trešnja.“ (PSHK, str. 350); i birtašica je *krupna i crnomanjasta, strasna, neobuzdana i*

mamena baš kao i Đuka (PSHK, str. 315); dok je Marija, Đukina žena posve drukčije naravi – *hladna, blaga i spokojna* (PSHK, str. 315) – i posve drukčijeg izgleda – spominje se *njeno bijelo meso* koje je Đuka obuzet strašću grizao, *meko meso sitnih bijelih grudi*. Marija je uistinu *Golublja krv! Duša!* (PSHK, str. 314)

S obzirom na to da se Đavao inače često vezuje uz seksualnost, smatram kako je time dodatno potvrđena ova veza. Osim toga u samome romanu česte su replike u kojima se apostrofira Đavao, i to u dijelovima koji opisuju Đukine odnose sa ženama. U jednome trenutku on govori Ruži: „vraškava si, đavolja... Smutiš“ (PSHK, str. 350), a onda ona svijajući ruke oko njegova vrata odvraća: „Đavole, umrit ću!“ (PSHK, str. 353), kao što mu u istome strasnom zanosu nešto kasnije govori i rođakinja Ola: „Đavole! Ti!“ (PSHK, str. 377) te svija ruke oko njegova vrata i prepušta se požudi koja ih oboje vodi u incest. To ga je *preokrenulo iz dna* toliko da sada i sam sebi kaže: „Đavol si ti! I svi ste vi takovi, svi što vas je.“ (Isto) Međutim Đuka i druge naziva Đavlina – birtaša i vjerovnike kojima je potpisivao mjenice i sve što su od njega tražili: „Eto – pomognite se, đavoli. Mislite da ne znam da me varate. I joj, znam ja i te kako! Al evo, puštam vam“. (PSHK, str. 344) Đuka je, dakle, popustio pred *đavolima*, dopustio Đavlu da se u njemu nastani i na taj način zadobije ljudsko tijelo te uistinu *živio zlom hotimice, znajući da je taki život zlo*. Đavolji je i novac, imetak. Zabilježena poslovice svjedoči upravo o tome: „Novac u džepu – vrag u srcu!“ (PSHK, str. 342) Novca se Đuka želi riješiti jer „on podgriza život, truje krv, on po života otme“. (Isto) Može li se na temelju ovoga zaključiti da se Đuka htio osloboditi Đavla u sebi? Jer Đuka ne pije jer je pijanac ili pića željan – „Đuka pije zato da novce zapije, krst im njiov, nek ih nema“. (PSHK, str. 343)

Što Đuka zapravo želi, očito ni sam ne zna. U jednome trenutku svjesno odabire zlo, u drugome pokazuje pokajnička čuvstva. Potpuno rastrojen subjekt koji neprestano odlazi u ekstreme, ne uspijeva se konačno smiriti – neprestane mijene u njemu samome to mu ne dopuštaju. Đuka je *bogotražitelj i bogohulitelj* u jednome. „Lice Đuke Begovića zahvaćeno u svojoj kontradiktornosti ima ovako svoju veću životnu vrijednost nego da je ili samo zao ili samo dobar, a time dobiva i roman u cjelini novu značajku istinskog umjetničkog djela.“ (Šljivarić 1972: 362)

Čini se da ipak ostaje dovoljno mjesta kako bi se moglo govoriti o *otvorenome obzoru* Kozarčeva romana. Obzoru koji tom otvorenosti ostavlja prostora koliko za Đavla toliko i za Boga.

ZAKLJUČAK

Unatoč tomu što je Kozarac vjeronauk smatrao odurnim pa bismo *možda* prema tome u *Đuki Begoviću* očekivali isključivo protubiblijski intertekst, na temelju svega iznesenog može se zaključiti kako je u Kozarčevu romanu uz protubiblijski prisutan i biblijski intertekst. Premda ovaj prvi odnosi prevagu, drugi nije nimalo zanemariv. Štoviše, otvoreni kraj romana upućuje na mogućnost pravoga, istinskog povratka izgubljenoga sina, izgubljenoga Đuke koji se jednostavno ne pronalazi u izvanjskoj, formalnoj ispovijesti vjere koju prakticiraju njegovi sumještani i *možda* ju upravo zato odbacuje. *Možda* upravo zato što tu nedostaje zanosa i živoga iskustva vjere. Đuka ne želi biti licemjerom – takve će stići oštrija osuda, govori Krist (Lk 20, 45–47). Naravno da to ne opravdava sve njegove postupke, ali ipak čini ga drukčijim. Kao da je već Đuka navijestio vremena u kojima više neće biti dovoljno tek zvati se vjernikom (katolikom).

Unatoč svim tjelesnim užicima koje si je znao priuštiti, Đuka nije pronašao zadovoljstvo u njima. Ne zadovoljava ga površnost ljubavnih odnosa, onih odnosa koji su svedeni tek na tjelesno. Đuka želi pravu *voljbu*, iskustvo prave ljubavi. Ipak, ne pronalazi ju. Neprestano se gubi odlazeći u ekstreme, pokušava utišati onog *prišaptivača*, no on postaje sve glasnijim. *Možda* je Đukino rasipanje novca, a uzimajući u obzir onu narodnu *novac u džepu – vrag u srcu*, bio zapravo Đukin vapaj upomoć.

Završno *možda* će... ostavlja prostora i za Đavla i za Boga. *Možda* će se sin vratiti, a *možda* ipak nikad neće, no važno je da obzor na koncu ipak ostaje otvorenim. Pa kao što govori jedna lijepa gradacija u romanu: „Ta, tko bi više od svita, od zemlje, od boga tražio!“.

Literatura

Badurina, Anđelko, prir. (1979), *Leksikon ikonografije, liturgike i simbolike zapadnog kršćanstva*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost.

Belaj, Marijana (2006), *Sveći zaštitnici u hrvatskoj pučkoj pobožnosti*. Zagreb, doktorska disertacija.

Jeruzalemska Biblija. Zagreb: Kršćanska sadašnjost. 2004. Uredili: Aldabert Rebić, Jerko Fućak, Bonaventura Duda.

Pšihistal, Ružica (2010), Šokački etnomit, U: *Mitski zbornik*. Zagreb: Institut za etnologiju i folkloristiku.

Pšihistal, Ružica (2011), Zatvoreni obzor Kozarčeva *Đuke*, U: *Satir nije divji čovik*. Osijek: Ogranak Matice hrvatske u Osijeku.

Slavić, Dean (2011), *Simboli i proroci: interpretacije biblijskoga interteksta*. Zagreb: Školska knjiga.

Šljivarić, Aleksandar, prir. (1964), *Josip Kosor – Ivan Kozarac*. Zagreb: Zora-Matica hrvatska. Pet stoljeća hrvatske književnosti, knjiga 79.

Šljivarić, Aleksandar (1972), *Monografija o Ivanu Kozarcu (1885–1910)*. Zagreb.

Šundalić, Antun (1996), Elementi pučke pobožnosti u *Đuki Begoviću* Ivana Kozarca, U: *Dani Josipa i Ivana Kozarca: Zbornik*. Vinkovci: Privlačica.

Е. Р. Маслова

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

ЗНАЕШЬ КАК ЭТО ИНТЕРЕСНО! (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМЫ ЗНАЕШЬ В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ)

The report is dedicated to the Dictionary of Discursive Units (hesitative constructions). The research is based on actual realizations of one of such units: знаешь/знаете, ну знаешь, знаешь как, вот знаешь, да знаешь and so on. Basically all of them may be translated as You know. We analyze both quantitative characteristics and functional specificity of these units in Russian speech. The material for the study was 427 uses of this construction from the subcorpus "One Voice Day" of the Russian Speech Corpus.

Key words: Russian Spontaneous Speech, Hesitations Pauses, Discourse Units, the Dictionary of Discourse Units, Hesitation Construction, Russian Speech Corpus

Материал устной спонтанной речи, ставший в последнее время объектом внимания лингвистов самых разных направлений, открыл и различные возможности его описания, в том числе – в лексикографическом отношении. Последнее представляется не менее важным и значимым, чем, например, описание фонетики или грамматики повседневной русской речи. Лексикографический подход обеспечивает фиксацию не только новых слов (лексем), пополняющих лексикон современного носителя языка, но и новых значений (семантем) старых слов, и стилистические сдвиги, и возникновение у лексических единиц новых коннотаций, и изменение оценочных характеристик, и мн. др. Можно, по-видимому, говорить о нескольких направлениях лексикографического описания спонтанной речи: как общем (*Словаря русской бытовой разговорной речи*), так и специализированных (*частотные словари, словари контекстных экспрессем, редуцированных форм и вербальных хезитативов*). Именно подходам к созданию и материалу словаря вербальных хезитативов (ВХ) современной русской речи и посвящено настоящее исследование.

Среди причин обращения к материалу ВХ повседневной русской речи можно назвать, например, тот факт, что все они представляют собой в первую очередь своеобразные хезитационные конструкции (ХК), заполняющие паузы колебания, которые являются типичным, неотъемлемым свойством спонтанной речи, порождаемой в условиях временного дефицита (человек вынужден говорить и обдумывать свою речь одновременно). ВХ – один из распространенных способов вербального выражения колебаний говорящего в процессе речепорождения. Большинство таких конструкций крайне распространены в нашей речи, а также вариативны и полифункциональны, что лишний раз убеждает в необходимости их лексикографического описания.

ВХ можно отнести к так называемым *речевым автоматизмам*, которые «встречаются в одном высказывании не менее двух раз и вызываются к жизни автоматически, индикатором чего может служить, помимо прочего, встречаемость данных форм также в высказываниях других информантов» (Верхолетова 2010: 9-10). Уровень ВХ занимает промежуточное положение между неречевыми звуками (элементами) (э-э, м-м) и значимой лексикой (речевыми элементами).

К речевым автоматизмам обычно относят частицы (*вот, так, именно, только, это, что* и пр.); союзные средства (*поэтому, потому что*); вводные слова и конструкции (*может быть, наверное, пожалуй*). Обращение к анализу устной спонтанной речи позволяет пополнить этот перечень вербальными хезитативами (хезитационными конструкциями). Такие элементы, как показал анализ корпусного материала, весьма разнообразны – (*не*) *это самое, (я) не знаю, (я) (не) думаю (что), в (на) самом деле, короче (говоря), собственно (говоря), боюсь (что), (...) скажем (...)* и под. – и могут быть систематизированы с точки зрения функций, выполняемых ими в спонтанной речи.

Материалом для настоящего исследования послужила полная выборка (427 употреблений) вхождений формы *знаешь*, в Звуковом корпусе русского языка (блок «Один речевой день»).

В словарях русского языка эта конструкция не описывается, но из словарных статей мы видим, что она появилась путем десемантизации глагола *знать*, т. е. из значимого элемента текста, и сейчас находится фактически на уровне речевых автоматизмов.

В «Словаре русского языка» дается следующее толкование слова *знаешь*: «2 л. наст. вр. зна́ешь (зна́ете) в знач. вводн. сл. Употребляется с целью обратить внимание собеседника на предмет разговора. — Оди́чаешь, зна́ете, если будешь все время жить взаперти. Гоголь, Мертвые души. — Я, зна́ешь, читал книжку писателя Дюма. Интересная книжка — кругом одни приключения. Гайдар, Школа» (Словарь русского языка 1999).

В «Русской грамматике» (Русская грамматика 1980: 229) упоминается *знаешь* как слово-вставка, свободное от какой-либо семантической нагрузки и свидетельствующее только о затрудненности или

поиске выражения (так сказать, знаете, знаешь, значит, понимаете, понимаешь, скажу вам, надо сказать, в общем, главное, главное дело, собственно, собственно говоря и др.).

Возможные варианты данной конструкции не зафиксированы нигде, тогда как исследование показало, что в устной спонтанной речи выявляется до 12 разновидностей данной хезитационной конструкции, что позволяет уверенно говорить о ее вариативности: *ты знаешь*, (*вот*) *знаешь* (*вот*), *ну знаешь*, *да знаешь*, *знаешь там*, *вот ты знаешь*, *ой знаешь* и др.

Анализ функционирования исследуемой конструкции в разных видах русской речи позволил сделать довольно интересные наблюдения.

Можно говорить о трех функциональных типах формы знаешь:

- 1) глагол-предикат в словарном значении (23%);
- 2) полифункциональный и вариативный вербальный хезитатив (69%);
- 3) относительно самостоятельный элемент сложноподчиненного предложения, выполняющий контактоустанавливающую функцию и еще не утративший глагольной семантики (8%).

Рассмотрим подробнее первый тип употребления исследуемой формы. Мы выделили несколько вариантов использования *знаешь* как предиката:

- С придаточным в СПП – 47% (48 употреблений)
- Независимый предикат – 24% (25)
- С прямым дополнением – 17% (17)
- С идиоматической конструкцией – 8% (8)
- С предложно-падежной формой – 2% (2)
- С союзным словом без придаточного – 2% (2)

Приведем несколько примеров:

- (1) *это ты вот знаешь / что ты точно пойдёшь // и я знаю / что я точно пойду //*
- (2) *да / ты же не знаешь //*
- (3) *ты что / не знаешь Викю?*
- (4) *знаешь что такое шкафы-купе ?*
- (5) *знаешь это к кому надо ? Вике в комнату //*
- (6) *но он строится / знаешь где?*

Существенно больше обнаружилось употреблений *знаешь* в качестве вербального хезитатива (308 случаев, 69 %). Анализ конкретных контекстов, включающих *знаешь*, обнаруживает заметную полифункциональность данного ВХ, при его безусловном хезитационном характере. Рассмотрим подробнее все выявленные функции.

1. Хезитативная функция (иногда сопряженная с другими):

Часто хезитация, указывающая на затруднения в порождении речи, в спонтанном тексте сопровождается еще и метакоммуникацией, когда с помощью ВХ говорящий пытается привлечь внимание собеседника, удержать нить разговора.

- (1) *ну в общем / если она согласится / *П согласится / не согласится / да и бог с нею / знаешь / проживу я и без этого//*
- (2) *и она ему говорит / *П ой / дядя Серёжа / а у него как бы / *П вообще у них такая история / вот знаешь / вот как всё-таки / зависит много / от людей //*

2. Функция поиска (~ «указание на приемы и способы оформления мыслей»):

- (1) *вот они и ищут / знаешь / вот добропорядочных людей //*
- (2) *я не знаю почему / знаешь вот / просто у меня вот / *П такая знаешь как вот с картинки / вот знаешь вот как картинка / такая вот знаешь вот / мужская рука / такая настоящая вот мужская рука // да ? у меня вот правда не такая симпатичная ручка / она и белая и такая вот маленькая / *П но что сама такая вот (...) господи*

3. Дискурсивная функция (может быть *стартовой*, *направляющей* или *финальной*, часто реализуется в единстве с другими функциями):

- (1) *вот ты знаешь / я короче уже один раз завалила как будто // сдаю второй раз / и второй раз завалила //* (маркер старта)
- (2) *да я так просто / ну чтоб повыпендриваться / знаешь там //* (маркер финала)
- (3) *нет / нет / серьёзных я имею в виду / знаешь вот / это как у нас ... # как у Булгакова(?) / там вот это / скупают там всё это //* (навигационный маркер)

4. Функция ксенопоказателя (единицы, маркирующие пересказывание, передачу чужой речи, при которой «как чужая понимается и собственная речь, сказанная ранее или планируемая на будущее, и интерпретация поведения другого человека, его реакции и т. д. Поскольку говорящий при помощи ксенопоказателей отстраняется от позиции другого человека, прагматически такие слова притягивают разного рода оценки, чаще отрицательные, воспроизводимой речи» (Левонтина 2010: 284).) В исследуемом материале в роли ксенопоказателя выступает дискурсивный маркер старта чужой речи:

(1) она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь ? я говорю ты знаешь говорю / просто я сама сама говорю изменилась //

(2) я говорю / знаешь / многим пригождался. Дальше мы с ним разговаривали / и я сказала /понимаешь / ведь Арбенина / совсем неглупая девушка/ что видно по её текстам / по той интонации / которую она выбрала //

Выделенные функции неравномерно распределяются по количеству употреблений. Так, наиболее частотными являются хезитативная и метакоммуникативная функция, а также дискурсивный маркер старта высказывания. Количественная характеристика функционирования конструкции отражена на рисунке 1.

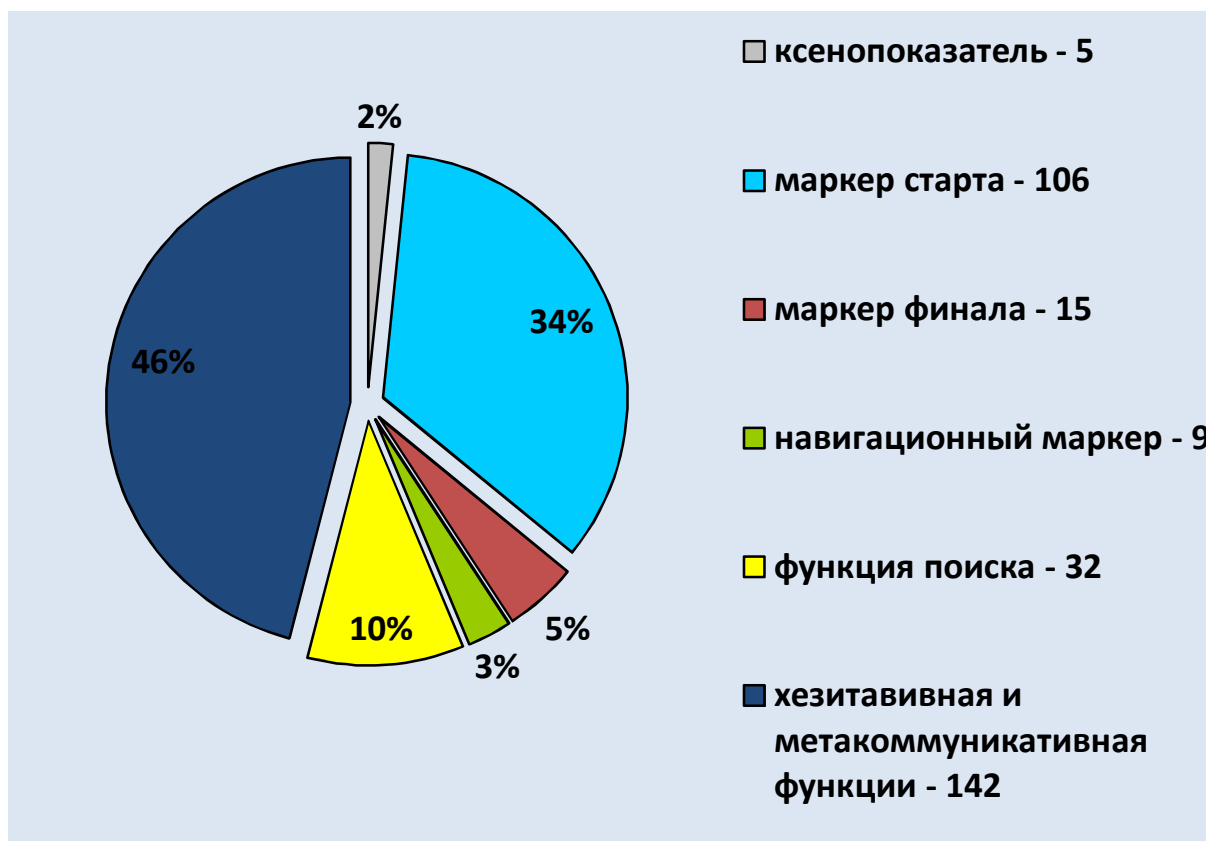


Рис.1. "Знаешь" как вербальный хезитатив в ОРД

Третьим выявленным типом использования формы *знаешь* стала указательно-риторическая конструкция различными союзными словами.

(1) у нас / знаешь как делали / кого-нибудь слушает / а в конце урока собирает тетради у остальных.

(2) я думаю надо зайти / *П знаешь куда ? *П (э...э) в РИИ // в Жуковский институт / *П там же есть отдел / *П инструментоведения //

(3) да // он напоминает некоторые археологические *П изделия // знаешь какие ? *П / подметки кожаных сапог из Новгорода //

(4) идут крестины / народу знаешь сколько / человек наверное тридцать-сорок // (а-а) огромных //

В приведенных примерах мы видим, что конструкции имеют явный экспрессивный оттенок, формально они похожи на риторическую (поскольку ответ следует незамедлительно) вопросительную форму, но имеют указательно-восклицательное значение. Эту двойственность можно доказать тем, что подобные конструкции можно изменить в вопросительное СПП и утвердительное простое со словом *вот*:

знаешь, как у нас делали?

у нас / знаешь как делали

вот как у нас делали

Таким образом, выявленная конструкция может быть охарактеризована как относительно самостоятельный элемент сложноподчиненного предложения, выполняющий контактоустанавливающую функцию и еще не утративший глагольную семантику.

Результатом настоящего исследования должна стать словарная статья для словаря вербальных хезитативов, в которой будет отражено многообразие функций, выполняемых формой *знаешь* в русской спонтанной речи.

Литература

- Верхолетова, Е. Ю (2010) Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. Пермь.
- Левонтина, И. Б (2010). Пересказывательность в русском языке. // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). По материалам международной конференции Диалог-2010. С. 284-288.
- Словарь русского языка: В 4 томах/ Под ред. Евгеньевой А.П. М.,1999
- Русская грамматика (1980). Том II. Москва.

Marek Mikušiak

Katedra slovenského jazyka FiF UK v Bratislave
Slovenská republika

JAZYK, SPISOVNÁ NORMA A KULTIVÁCIA KOMUNIKÁCIE NA SLOVENSKU

This contribution deals with the liberalized conception of the language culture as it is presented in the papers and books by J. Dolník. From Dolník's point of view the central idea, which is nowadays preferred by many Slovak linguists, the idea according to which a language is an abstract system of signs, leads the so-called prescriptive linguistics astray. The aim of this contribution is (1) to present the systemicity as one of the most relevant codification criteria, (2) to analyze some problems pertaining to contemporary debates on the language culture in Slovakia and finally (3) to relate this issue with the idea of language cultivation.

Key words: codification of language, language culture, cultivation of communication, Dolník's theory, prescriptive linguistics

I.

V tomto príspevku sa zameriam na problém adekvátnej kodifikácie, ktorý stojí v pozadí mnohých jazykovedných sporov z oblasti jazykovej kultúry. Hoci sa v súvislosti s adekvátnou kodifikáciou neustále skloňujú požiadavky ako napríklad pôvodnosť (slovenskosť), funkčnosť, ustálenosť a pod., v ďalších úvahách sa zameriam výlučne na požiadavku *systemovosti*. Práve *systemovosť* totiž pokladajú niektorí lingvisti za najvyššie, resp. rozhodujúce kodifikačné kritérium. V tomto duchu sa v minulosti vyjadril J. Ružička (1967: 287) a v súčasnosti napríklad J. Kačala (2009: 25) vyzdvihuje práve „*systemový ráz normy*“ ako osobitne dôležitý atribút spisovného jazyka, čím nadväzuje nielen na Ružičku, ale aj na E. Paulinyho, ktorý uvažoval o *systemovosti* ako o *základnej* kodifikačnej požiadavke. Z tohto pohľadu sa hodnotenie jazykových jednotiek zakladá v prvom rade na tom, či zodpovedajú alebo nezodpovedajú (na vzťahoch vybudovanému) zložitému systému jednotiek spisovného jazyka (Kačala 2009: 25). Systém jednotiek spisovného jazyka úzko súvisí s normou spisovného jazyka (tá má podľa Kačalu „*systemový ráz*“), čo potvrdzuje aj nasledovné konštatovanie M. Považaja:

„Normu spisovného jazyka chápeme ako poznanú a realizovanú časť jazykového systému, ako súhrn zákonitostí a prostriedkov vlastných spisovnému jazyku a prijímaných daným spoločenstvom v istom období ako záväzných, ako stav jazykovej štruktúry v živom spisovnom úze, resp. v jazykovom povedomí jazykovo vzdelaných nositeľov národného jazyka.“ (1997: 129)

V nadväznosti na predchádzajúce poznámky sa však môžeme pýtať: čo presne znamená téza o „*systemovom ráze normy spisovného jazyka*“? Podľa Kačalu (2009: 28) sa v spisovnej norme „*zreálnuje systém spisovného jazyka*“. Z toho vyplýva, že každý, kto nerešpektuje danú normu, používa jazykové prostriedky nesprávne (nespisovne), pretože sa v jeho používaní „*nezreálnuje jazykový systém*“. Samozrejme, jazykový systém v tomto ponímaní zrejme existuje nezávisle od toho, či ho používatelia jazyka „*zreálnujú*“. Avšak preskriptívna lingvistika sa podľa Kačalu (okrem iného) snaží o „*maximálne verné priblíženie sa opisovanému objektu vedeckými metódami*“ (2009: 26), preto tu vyvstáva otázka: aký ontologický status má objekt, ktorý by mala preskriptívna lingvistika opísať? Napriek všeobecne zavádzajúcemu konštatovaniu, podľa ktorého preskriptívna lingvistika niečo opisuje, musíme, zdá sa, konštatovať, že jazykový systém je vedecká abstrakcia, ktorá nie je úplne nezávislá od jazykovej praxe. Napokon, odkiaľ by sme túto abstrakciu vzali? Hoci nie je úplne jasné, či uvedený záver teoreticky zodpovedá téze o „*zreálnovaní jazykového systému*“, a predovšetkým či zodpovedá teoretickým implikáciám danej tézy, treba v každom prípade povedať, že Kačala tento záver neodmieta. A podobne ani Považaj neodmieta relevanciu jazykovej praxe, ide však o to určiť akej praxe. Pripomeňme si: Normu spisovného jazyka možno považovať za „*stav jazykovej štruktúry v živom spisovnom úze*, resp. v jazykovom povedomí jazykovo vzdelaných nositeľov národného jazyka“ (Považaj 1997: 129). Avšak ako si možno všimnúť, jazyková prax v tomto prípade nie je „*východiskovou skutočnosťou*“, uvedená koncepcia sa totiž primárne opiera o predpokladané jazykové štruktúry a zákonitosti, na základe ktorých je identifikovateľná daná jazyková prax ako „*živý spisovný úz*“. Podobne, jazykovo vzdelaných nositeľov národného jazyka zrejme identifikujeme až na základe toho, či používajú jazykové prostriedky v súlade so spisovnou normou. Teda pôvodné vysvetlenie pojmu *spisovná norma* je v skutočnosti kruhové. Okrem toho samotná idea spisovnosti je zrejme neoddeliteľne spätá s kodifikáciou. To znamená, že kodifikácia nezachytáva už existujúcu spisovnú normu, ale túto normu *ustanovuje*. Pravdaže, jazyk sa zaobide aj bez kodifikácie, pretože jazykové normy a štandardy od kodifikácie nezávisia – existujú ako určité implicitné regulatívy verbálneho správania (a v istom zmysle aj myslenia). Avšak tie ako také nie sú normami a štandardmi *spisovnosti*, ale jazykovej praxe, resp. toho-ktorého diskurzu.

Napriek načrtnutým teoretickým problémom sa predsa len posunme ďalej, pozrime sa na argumentačnú stratégiu profesionálnej jazykovej kritiky založenú na zohľadňovaní požiadavky *systemovosti*. V zásade platí, že jazykové prejavy, ktoré nie sú ústrojnú (systemové), možno hodnotiť negatívne. Zatiaľ čo bežný účastník komunikácie zaujíma negatívne hodnotiace postoje akoby automaticky a na základe vlastného jazykového citu

(keď začuje hrubý jazykový prešľap, zháči sa), profesionálna jazyková kritika sa môže oprieť o vedecké poznanie jazykového systému, t. j. môže argumentovať napríklad v neprospech používania tvaru „záujemci“, pretože na rozdiel od bežných používateľov jazyka disponuje poznaním, že tento tvar nezodpovedá systému, kým

„tvar záujemcovia je systémový (substantívum záujemca sa zaraďuje do skloňovacieho vzoru hrdina, kde je primárna prípona nominatívu plurálu -ovia, a okrem toho do mikrosystému pomenovaní osôb zakončených na -ca, pri ktorých sa v spisovnom jazyku dôsledne uplatňuje prípona -ovia)” (Považaj 1997: 132)

Podobne možno argumentovať, že

„napr. názvy typu Tatra kupón fond nezodpovedajú systému tvorenia názvov v slovenčine a že takýto model tvorenia nemožno prijať do normy spisovnej slovenčiny, hoci sa v úze niekedy uplatňuje (porov. aj názov Devín banka). Alebo iný príklad: v rečovom úze možno dosť často počuť, a to aj od vysokoškolsky vzdelaných nositeľov jazyka, resp. aj niektorých redaktorov elektronických médií, vykanie typu bol ste, bola ste, povedal ste, povedala ste. Má sa na základe frekvencie (nevieme, či sa v tomto bode vykonal sociolingvistický prieskum) tento spôsob vykania stať súčasťou normy spisovnej slovenčiny?” (1997: 129-130)

V nadväznosti na uvedené lingvistické argumenty možno povedať, že napr. substantívum *záujemca*, keďže patrí do vzoru *hrdina*, skloňuje sa analogicky podľa daného vzorového slova, hoci v skutočnosti sa väčšinou skloňuje odlišne a chybné, nakoľko v úze sa pri tomto slove uplatňuje iná analógia. Otázka však znie: prečo a v akom zmysle je prvé analogické skloňovanie nadradené druhému? Ak prvé, ústrojnité skloňovanie reprezentuje určitú jazykovú zákonitosť, čoho, ak nie reálnej jazykovej praxe, sa daná zákonitosť týka? A v akom zmysle spôsobuje tvar *záujemci* v jazyku neporiadok, ak je používanie tohto tvaru sústavné, pravidelné a komunikačne úspešné? Samozrejme, na tomto mieste nejde o kritizovanie jednotlivých záverov jazykovej kritiky, cieľom je priblíženie argumentačnej stratégie, ktorá sa opiera o poznanie jazykového systému. Azda najvýraznejšiu systematickú kritiku tejto stratégie predložil J. Dolník, podľa ktorého „pro-systémové“ argumenty zakladá predstava, resp. obava, „že sa môžu presadiť neústrojné zmeny, ktoré komplikujú systém alebo vnášajú doň neporiadok“ – k čomu Dolník vzápätí poznamenáva: „Jednoduchosť alebo komplikovanosť jazykového systému je však relatívna“ (2010b: 161). Z tohto pohľadu teda ani konštrukcie typu *bola ste* nie sú nesystémové v absolútnom zmysle, nie sú to „večné chyby“ vo vzťahu k spôsobu vykania v slovenčine, pretože pravidelné opakovanie chýb možno aspoň v zásade interpretovať ako systémovú regularitu. Považujme napríklad nad nasledovným argumentom: Tvary typu *bola ste* sú systémové, pretože jednoznačne reprezentujú vykanie, zatiaľ čo nejednoznačný tvar typu *boli ste*, keďže sa môže vzťahovať na jednu, ale aj na viacero osôb, nie je z hľadiska požadovaného poriadku v jazyku vyhovujúci. Tvary typu *bola ste* si v jazyku našli stabilné miesto v sieti vzťahov medzi tvarmi typu *bola si* a *boli ste*, v dôsledku čoho sa spôsob vykania v slovenčine systematizoval nielen s ohľadom na tvorbu tvarov, ale aj s ohľadom na sémantickú jednoznačnosť. Samozrejme, ani v tomto prípade nejde o faktický stav, ale o načrtnutie *možných* argumentov, ktoré relativizujú *správnosť* a *nesprávnosť* vzhľadom k netradičným, hoci teoreticky stále prípustným „popisným“ rámcom.

II.

Kritika profesionálnej jazykovej kritiky a súčasnej kodifikačnej koncepcie, ako ju sformuloval J. Dolník, vyplýva z teoretického prehodnotenia argumentov založených na postuláte systémovosti. Pravda, v tomto prípade musíme rozlišovať, či hovoríme o postuláte *metodologickom* alebo *ontologickom*. Hoci to z Dolníkových slov nie je vždy zreteľné, jeho kritika sa primárne vzťahuje na tzv. ontologický postulát systémovosti. To však neznamená, že tvrdenie „jazyk je systém“ je nepravdivé, pretože nekorešponduje so skutočnosťou (s tým, čo je), problém spočíva skôr v náležitej interpretácii uvedenej tézy a v objasnení spôsobu existencie jazykového systému. Okrem toho v niektorých prípadoch akoby sa pozabudlo na to, že aj keď paradigmatické tvrdenie „jazyk je znakový systém vyjadrujúci idey“ (Saussure 1996: 52) predstavuje z vedeckého hľadiska nepochybne produktívny spôsob konceptuálneho uchopenia lingvistického predmetu, napriek tomu o jazyku dozaista neplatí všetko, čo platí o štandardnom, povedzme o nejakom elektronickom systéme. Inými slovami, problematický nie je termín, ale metafora. Dolník v tejto súvislosti hovorí o sugescii pojmu systém, s čím nemožno nesúhlasiť, pretože na slovo „systém“ sú naviazané aj také konotácie ako stabilita, procesuálna jednoznačnosť, konzistentnosť, prípadne usporiadanosť či uzavretosť, ktoré nás pri úvahách o jazyku môžu zavádzať. To neznamená, že jazyk nie je stabilný alebo vnútorne usporiadaný, ide len o to, že stabilný aj usporiadaný je iba v *istom zmysle*. Sugescia pojmu systém spôsobuje akoby pozabudnutie na nositeľov jazyka, a teda aj na fakt, že stabilita jazyka vyplýva z toho, že si jednotlivci v rámci nejakého sociálneho celku osvojili určité vzorce verbálneho správania, že sa im tieto vzorce takpovediac „dostali do krvi“, pričom samotné vzorce reprezentujú spomínanú usporiadanosť v jazyku. Ako píše J. Atchinson (2001: 104):

„(...) jazyk si upravuje vlastné zákonitosti. Je samoregulačný ako termostat. Ak sa používa bez prerušenia, nikdy sa [jeho systém] nezrúti.“

Dôvod, prečo niektorí jazykovedci „zabúdajú“ na nositeľov jazyka, spočíva podľa Dolníka v neadekvátnom metodologickom prístupe, ktorý predpokladá abstraktné jazykové štruktúry ako raz a navždy dané predmety lingvistického skúmania. Keď sa o tieto štruktúry opiera profesionálna jazyková kritika, argumentuje tvrdeniami typu *V slovenčine je to skrátka takto a takto a tí, čo nepoužívajú jazykové prostriedky v súlade s jej zákonitosťami, t. j. v súlade s jej systémom, chybia, a to bez ohľadu na fakt, či sú alebo nie sú vo väčšine*. Ako vidno, takéto tvrdenie sa odvoláva na jazykové štruktúry existujúce mimo jazykovú prax, pričom však nie je bližšie špecifikované, kde a ako „opísané“ jazykové štruktúry existujú. Naznačené teoretické problémy systémových lingvistov (hoci podľa môjho názoru sa tieto problémy vzťahujú iba na tzv. vulgárnu verziu systémovej lingvistiky) charakterizuje Dolník nasledovne:

„Jazykový systém sa v skutočnosti vyvodzuje a opisuje ako abstraktný objekt s nezávislou existenciou, čiže nezávisle od mentálneho bytia jazyka. Ontológiu systémovej lingvistiky tvoria vyabstrahované jazykové jednotky a vzťahy medzi nimi, o ktorých je systémový lingvista presvedčený, že sú konštituentmi jazyka“ (2009: 105)

Ak v tejto chvíli odhliadneme od filozofického rozmeru diskutovaného problému, môžeme konštatovať, že súčasná slovenská kodifikačná koncepcia a z nej vyplývajúca koncepcia profesionálnej jazykovej kritiky sa odvoláva na vedecky opísaný abstraktný jazykový systém, ktorý má reprezentovať štruktúrnu podstatu slovenčiny, a teda aj hodnotiaci rámec pre používanie tohto jazyka, hoci vôbec nie je jasné, čomu uvedený opis systémových lingvistov zodpovedá a na základe čoho vystupuje vo vzťahu k jazykovej praxi ako normatívna autorita. Na Slovensku práve v dôsledku silnej autority lingvistického opisu dochádza k tzv. intervenciám do jazykovej praxe v snahe zabrániť usadeniu nespisových prvkov v úze. Dolník v reakcii na túto skutočnosť argumentuje v prospech posilnenia autority samotnej jazykovej praxe. Nazdáva sa, že treba zohľadňovať nielen „poznateľný“ jazykový systém, ale aj systematizačné aktivity bežných používateľov jazyka (Dolník 1997: 30). To znamená, že ak sociolingvistické údaje svedčia o celospoločenskej akceptovateľnosti určitých „nespisových prvkov“, ktoré sú v komunikácii používané systematicky a účelne, tak by tieto prvky mali byť uznané za spisovné. Rešpektovaním uvedeného princípu možno podľa Dolníka dosiahnuť *adekvátnu* kodifikáciu spisovnej slovenčiny, ktorá zmierni diskrepanciu medzi spisovnou normou a úzom a v dôsledku toho posilní jazykové sebedovomie prirodzených nositeľov slovenčiny.

Načrtnutá kodifikačná koncepcia je súčasťou tzv. liberalizovanej koncepcie jazykovej kultúry, ktorú Dolník charakterizuje nasledovne:

„Namiesto elitársko-reštriktivistických intervencií racionálny liberalizmus ponúka jazykový informačný servis. (...) Prívlastkom racionálny sa vopred vylučuje interpretácia, že ide o liberalizmus v duchu akceptácie čohokoľvek, čo sa objaví v reči. Racionálnosť liberalizmu spočíva v tom, že voľnosť vo vzťahu k jazyku sa viaže na prirodzenoracionálnu zdôvodnenosť, t. j. na takú zdôvodnenosť, ktorá je podložená poznaním reálnej povahy súčasného spisovného jazyka a jeho normálneho fungovania“ (Dolník 2010a: 156-157)

Liberalizovaná koncepcia jazykovej kultúry posilňuje autoritu samotnej jazykovej praxe v tom zmysle, že prirodzení nositelia slovenského jazyka už nie sú vnímaní výlučne ako objekty, ktoré možno podrobiť hodnotiacim súdom podľa toho, či a do akej miery používajú jazyk v súlade so systémom spisovného jazyka, ale rešpektujú sa aj ako subjekty jazykovej systematizácie, t. j. ako subjekty podieľajúce sa na systematizácii, prípadne resystematizácii prvkov v súčasnom *normálne fungujúcom jazyku*.

III.

Argumenty J. Dolníka v prospech tzv. liberalizovanej koncepcie jazykovej kultúry vychádzajú z kritického prehodnotenia povahy lingvistických opisov, pokiaľ sa pokladajú za opisy štruktúrnej podstaty slovenského jazyka. Dolník upozorňuje na to, že v jazyku prirodzene dochádza k čiastočným resystematizáciám, k jazykovým zmenám, ktoré sú zapríčinené (v istom zmysle nepresnými) analogickými inferenciami bežných používateľov, pričom k týmto zmenám dochádza bez toho, aby sa zmenil celý jazyk. Ak je teda „štruktúrna podstata“ jazyka premenlivá, tak, prísne vzaté, žiadna takáto „podstata“ neexistuje a nemožno sa na ňu odvolávať ako na niečo „dané“, ako na zákonitosť, ktorej porušením sa používatelia spreneverujú vlastnému jazyku. Hoci prirodzená resystematizácia znamená vždy iba čiastočnú zmenu jazykového systému, problém v skutočnosti nespočíva v rozsahu zmien, ale v tom, čoho sa tieto zmeny týkajú. Preskriptívni lingvisti sú presvedčení o potrebe chrániť jazyk pred *fundamentálnymi* zmenami, t. j. pred zmenami pravidiel, ktoré sme prijali za *naše*, slovenské. Napríklad porušovanie pravidla o prechýľovaní ženských priezvisk *sa pokladá* za priestupok proti pravidlám slovenčiny. No práve kurzívou zvýraznené „*sa pokladá*“ je tu v skutočnosti kľúčovým pojmom a akoby dvojsečná zbraňou. Pretože slovenský jazyk sa zas pokladá za jazyk, ktorý používajú Slováci, a je jasné, že ak by Slováci prestali ženské priezviská prechýľovať, ich priestupok by mohol byť považovaný nanajvýš za

priestupok proti pravidlám akejsi klasickej slovenčiny, nie však proti pravidlám jazyka, ktorým hovoria. Samozrejme, naznačené napätie medzi jazykom ako kultúrnym fenoménom, ktorý presahuje jednotlivca, a jednotlivcom ako subjektom, ktorý sa na tvorbe a udržiavaní danej kultúry podieľa, ani Dolník definitívne neodstránil, aj preto možno považovať diskusiu o jazykovej kultúre za diskusiu, ktorú živi večná dialektika vzťahu jednotlivca – spoločnosť, resp. dialektika vzťahu nositeľ jazyka – jazyk. No ak v súčasnosti na Slovensku nepotrebujeme konzervovať pôvodnú, klasickú slovenčinu ako tzv. vyšší literárny jazyk, ktorý bude čím ďalej tým vzdialenejší bežnému hovorovému jazyku Slovákov, tak by sme mali požadovať kodifikovanie takých pravidiel spisovnej slovenčiny, ktoré predovšetkým zodpovedajú súčasnému stavu jazykovej praxe, čiže tak implicitným, ako aj explicitným pravidlám používania jazykových prostriedkov osvojených prirodzenými nositeľmi slovenského jazyka.

V spojitosti s návrhom liberalizovanej kodifikačnej koncepcie je, pochopiteľne, prehodnotená taktiež úloha profesionálnej jazykovej kritiky. Podľa Dolníka profesionálna jazyková kritika má ponúkať namiesto dogmatických normatívov „informačný jazykový servis“. V rámci tohto servisu by mali jazykové poradne ponúkať možné riešenia jazykových problémov, s ktorými sa na nich bežní používatelia jazyka obracajú. Na niektorých miestach Dolník ale aj relevanciu takýchto „riešení“ akoby spochybňoval; píše:

„V jazykovoporadenskej praxi sa stretávame s tým, že poradca sa pokúša o elimináciu neurčitosti analýzou príslušného jazykového javu s oporou o extrakomunikačnú racionalitu – vo svojom lingvisticky skonštruovanom jazykovom systéme hľadá vzťahy na zdôvodnenie väčšej oprávnenosti istého javu v konkurencii s iným javom. Pestovanie potreby podrobovať jazykové javy expertíze živi predstavu, že spisovný jazyk je špecifický zložitý objekt, ktorý bežný používateľ nemôže úplne ovládať. Táto predstava vedie zasa k oživeniu narušeného jazykového sebavedomia” (Dolník 2012: 187-188)

Ako vidno, opäť je v hre to, čo možno nazvať „sugescia pojmu systém“. Podľa predstavy podliehajúcej tejto sugescii jazyk neprípúšťa neurčitosti,

„patrí k najvydarenejším nástrojom, aké sa človeku (národnému spoločenstvu) podarilo vytvoriť. Je to dokonalý systém, ktorého prvky sú perfektne zosynchronizované” (Findra 1998: 54).

Podľa Dolníka však jazyk nepredstavuje perfektne zosynchronizovaný systém prvkov, pretože neurčitosti, ktoré bežní používatelia jazyka identifikujú ako jazykové problémy, sú objektívne neurčitosti vyplývajúce zo samotnej povahy jazykových systematizácií. Domnievam sa, že jazyková poradňa by mala tieto problémy riešiť, a preto sa musí opierať o extrakomunikačnú racionalitu, koncepcnú chybu predstavuje len to, ak sa vypracované riešenia automaticky pokladajú za nadradené vo vzťahu k intuitívnym riešeniam bežných používateľov jazyka. Z tohto pohľadu kultivácia komunikácie nie je primárne záležitosťou jazykových inžinierov, ktorí sa opierajú o extrakomunikačnú racionalitu, ale realizuje sa predovšetkým v samotnej jazykovej praxi prostredníctvom mechanizmu prirodzenej regulácie a optimalizácie jazyka v rámci jednotlivých diskurzov.

Literatúra

- Atchinson, Jean (2001), Language change. In: Copley, P. (ed.), *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics*. London, Routledge, 95-104.
- Dolník, Juraj (2010a), *Jazyk – človek – kultúra*. Bratislava, Kalligram.
- Dolník, Juraj (1997), Kritika jazykovej kritiky. In: Ondrejovič, S. (ed.), *Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy*. Bratislava, Veda, 28-34.
- Dolník, Juraj (2012), *Sila jazyka*. Bratislava, Kalligram.
- Dolník, Juraj (2007), *Súčasná spisovná slovenčina a jej problémy*. Bratislava, Stimul.
- Dolník, Juraj (2010b), *Teória spisovného jazyka so zreteľom na spisovnú slovenčinu*. Bratislava, Veda.
- Dolník, Juraj (2009), *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava, Veda.
- Findra, Ján (1998), *Jazyk, reč, človek*. Bratislava, Q111.
- Kačala, Ján (2009), Systémové základy jazyka a jazykovej kultúry. In: Považaj, M. (ed.), *Jazyková kultúra na začiatku tretieho tisícročia*. Bratislava, Veda, 25-31.
- Považaj, Matej (1997), O norme a kodifikácii. In: Ondrejovič, S. (ed.), *Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy*. Bratislava, Veda, 126-133.
- Ružička, Jozef (1967), *Tézy o slovenčine*. In: *Kultúra spisovnej slovenčiny*. Bratislava, Vydavateľstvo SAV.
- de Saussure, Ferdinand (1996), *Kurz obecné lingvistiky*. Praha, Academia.

Zuzana Mikušová

Department of Slovak Language of Comenius University in Bratislava
Bratislava, Slovakia

XENOLINGVISTICKÝ OBRAZ SLOVENSKA

The article Xenolinguistic image of Slovakia is focused on the research of perception of foreignness in Slovak environment. Its purpose is primarily to answer the fundamental question: What is the foreignness in the Slovak environment? This contribution deals with the conceptualisation of the word foreignness. We are not only interested in the meaning of the word, but we also want to find out what attributes do Slovak people associate with this word. We deal with definition of the term foreignness from the basic dictionary, excerpts from texts and recordings and the questionnaire focused on the perception of foreignness in Slovakia. It will lead us to the definition of foreignness as the basic concept of xenologic research in Slovakia.

Key words: foreignness, xenology, xenolinguistic, meaning, perception of foreignness

Problematiku výskytu cudzích prvkov v domácom prostredí možno vnímať z viacerých perspektív. V lingvistike sa všeobecne v tejto súvislosti hovorí o prenikaní cudzích výrazov do domáceho jazyka, ktoré sa hodnotia ako potrebné alebo nepotrebné, avšak doteraz nebol pojem cudzosť bližšie vymedzený. Tento pohľad rovnako nezodpovedá ani otázku, ako sa vníma cudzosť v slovenskom prostredí. Jeden z možných spôsobov ako uchopiť tému cudzosti v slovenčine predstavuje pohľad cez xenológiu.

Xenológia (gr. ξένος – xénos „cudzí“ a –lógia – „náuka“) je veda o cudzosti zaoberajúca sa prejavmi kultúrnej cudzosti, interdependencie medzi vlastným a cudzím, interkultúrnou komunikáciou a komunikačnými problémami, ako aj formami a funkciami kultúrne podmienených stereotypov a predsudkov. Pojem xenológia prvýkrát sformuloval Léopold-Joseph Bonny Duala-M'bedy vo svojom diele „*Xenologie – Die Wissenschaft vom Fremden und die Verdrängung der Humanität in der Anthropologie*“ (1977). S konceptom cudzosti narábali mnohí ďalší nemeckí sociológovia – A. Wierlacher, C. Albrecht, D. Krusche a p.. Xenológia ako transdisciplinárna veda nevníma kultúrnu rôznorodosť ako problém globálnej komunikácie, ale naopak, ako rozširovanie poznávacieho potenciálu človeka. Centrálnu úlohu vidí v novom prehodnotení pomeru medzi vlastným a cudzím. Jedným z cieľov nemeckej xenologicky orientovanej sociológie je aj poukazovanie na fakt, že kategória cudzosti je predstavuje predovšetkým novodobý konštrukt slúžiaci na upevňovanie moci v jednotlivých spoločnostiach (por. Schröter 2004: 25).

V rámci xenológie môžeme hovoriť aj o xenolingvistike, ktorá predstavuje vednú disciplínu, zaoberajúcou sa výskumom cudzosti s dôrazom na jazyk. V centre jej pozornosti stojí predovšetkým vnímanie jazykovej cudzosti a príslušné narábanie s ňou. „Xenolingvistika nazerá na jazyk z aspektu cudzosti a používanie jazyka pozoruje so zreteľom na konštituovanie xenodiskurzu a na sociálne praktiky späté s cudzosťou.“ (Dolník 2011: 25) Do jej referenčného rámca spadá aj otázka stvárňovania postoja k tejto cudzosti. Xenolingvistika sa teda pokúša zodpovedať otázky: „Aký postoj zastáva slovenské spoločenstvo voči cudziemu, ako sa tento následne deklaruje a aké jazykové prostriedky sú pri tom využívané?“

S xenologickou teóriou pracuje aj český lingvista F. Daneš, ktorý sa vo svojom článku *Xenizmy v dnešnej češtine* zameriava predovšetkým na anglické xenosy, pričom z onomaziologicko-sémantického hľadiska vyčleňuje niekoľko typov: prípady, keď neexistuje domáci ekvivalent za prebraný anglický výraz (*squash, internet...*), preberanie výrazu so sémantickou špecifikáciou (*džus, kompetice*) alebo generalizáciou (*exkluzivní*) a pod (por. Daneš 2002: 30). Podobný systémovo-lingvistický pohľad na problematiku cudzosti v jazyku je dostatočne spracovaný aj v slovenskej lingvistickej literatúre. Súčasné xenolingvistické bádanie však upriamuje svoju pozornosť na problematiku samotného vnímania cudzosti. pretože nie všetko, čo v danej kultúre nesie znaky odlišnosti, sa nutne považuje za cudzie. V spoločnosti aj napriek tomu, že niekto vykazuje výrazné telesné alebo kultúrne podmienené vlastnosti niečoho odlišného, sa dá chápať aj ako súčasť vlastného (por. Albrecht 2003: 236).

Tak je to aj pri chápaní odlišností medzi generačnými rozdielmi, príslušnosťou k iným sociálnym skupinám a pod.. Vo svojom okolí sa môžeme stretnúť s rôznymi prejavmi inakosti, napr. s ľuďmi s rozdielnymi fyziognomickými vlastnosťami – rôznymi črtami tváre, hodnotovými preferenciami, vierovyznaním. Na jazykovej úrovni sa táto rôznosť odzrkadľuje v pestrosti dialektov a sociolektov slovenčiny, čo napokon zachytáva stratifikácia národného jazyka. Nositelia odlišných vlastností sú v určitej spoločnosti považovaní za vlastných, bez toho, že by ich individuálne odlišnosti boli pokladané za znaky cudzosti. V niektorých momentoch, však, tie isté prejavy odlišnosti pokladáme za cudzosť. Ak napríklad niekto v Bratislave použije východoslovenské nárečie, považujeme to za odlišný prejav spoločného kultúrneho výraziva, nie však za cudzosť. Ak však niekto použije inojazyčný, aj keď veľmi blízky a rovnako zrozumiteľný výraz (napr. z češtiny), budeme tento výraz s veľkou pravdepodobnosťou považovať za viditeľný znak cudzosti. Ako vidno, čo v jednom prípade spadá pod individuálny prejav odlišnosti, nesie v inom prípade označenie cudzí. Prirodzene, toto vnímanie sa prejavuje aj v postoji používateľov – inakosť nárečia zväčša posudzujeme ako pozitívny jav, ako niečo, čo prispieva k nášmu obohateniu. Naopak, inakosť češtiny posudzujeme neraz ako výrazne negatívny jav, ktorý môže ohroziť našu spolupatričnosť. Čím je podmienené takéto rozdielne nazeranie na cudzosť?

Aj tieto naznačené skutočnosti predstavujú podnet na xenolingvistický výskum. Preto sa slovenská xenolingvistika – teda xenoslovakistika neobmedzuje na enumeráciu jednotiek nedomáceho pôvodu, prípadne na posúdenie ich adekvátnosti, ale fókus zaostruje na samotné vnímanie a posudzovanie cudzosti v slovenskom prostredí. V tomto zmysle naliehavý podnet na bádanie predstavuje otázka percepcie cudzosti v slovenskom prostredí, preto v nasledujúcich častiach tohto článku upriamime pozornosť práve na zodpovedanie tejto otázky.

Ústredný pojem xenolingvistiky predstavuje výraz *cudzost'* (v slovenčine tento pojem predstavuje výsledok transpozíčného procesu od základnej adjektívnej formy *cudzí*), pristavme sa nachvíľu pri jazykovej a kultúrnej implikácii tejto lexikálnej jednotky. Slovo *cudzí* svojou polysémickosťou naznačuje viacero možných interpretácií. V Súčasnom slovníku slovenského jazyka môžeme nájsť tieto výklady:

Cudzí¹

1. Patriaci inému, nachádzajúci sa vo vlastníctve iného; op. vlastný, svoj: *c. dom, pozemok, skrývať sa pod c. menom...*
2. patriaci do inej rodiny, do inej obce, do iného kraja: *c. chotár, prísť do c. rodiny*
3. pochádzajúci z iného národa, z inej krajiny; syn. Inonárodný, zahraničný; op. domáci, náš: *c. výrobok, c. jazyk, c. štátny príslušník...*
4. kt. nepatrí do blízkeho, známeho okruhu. Syn iný, neznámy: *prísť do c. prostredia, zveriť niečo do c rúk, dostať krv od c darcu, ktorý nie je príbuzný...*
5. vzdialený istým predstavám, zvykom, istému zmýšľaniu: *tento postup mi je c., je mi to c., nepoznám to, odmietam to...*
6. komparatív cudzejší – iný ako prirodzený, zvyčajný; syn. neprirodzený, nezvyčajný: *všetko pôsobilo c dojmom, jej spôsob vyjadrovania bol odrazu akýsi c...*
7. nepatriaci, nezapadajúci do daného prostredia, odlišujúci sa; syn. nesúrodý: *c prvok, zobudil ho nejaký cudzí zvuk, ktorý nezapadal do skučania vetra.*

Prvé štyri výklady sa opierajú o významové varianty, ktoré sa vzťahujú na posesivitu. Jednotlivé významy s rozdielnym akcentom opisujú príslušnosť resp. nepríslušnosť objektu k niečomu alebo k niekomu. Zámenný korelát adjektíva *cudzí* v tomto prípade predstavuje opytovacie zámeno „čí?“. Opozitný výraz predstavuje adjektívum *vlastný*. Piaty výklad sa vzťahuje na oblasť kognície (ide tu teda na poznanie resp. nepoznanie určitého objektu). Výklad v sebe obsahuje potenciálny význam „nový“ nepoznaný. Výraz *cudzí* tu možno nahradiť synonymným výrazom *neznámy*. Šiesty výklad spolu so siedmym naznačujú odklon od normálnosti, synonymné výrazy predstavujú *nevšedný*, *neobyčajný*. Významy 5 – 7 už neodkazujú na posesivnosť, ale na kvalitu pozorovaného objektu. Zámenný korelát vo všetkých ostatných významoch predstavuje opytovacie zámeno „aký?“

Zároveň všetky významy spája spoločná vlastnosť – negativizácia. Všetky významy slova *cudzí* sa konštituuju viac menej cez negáciu, ktorá sa prejavuje buď explicitne predponou *ne-* (cez výrazy *nepatriaci*, *nezapadajúci*, ktoré odkazujú na očakávanie normality) alebo implicitne, prostredníctvom výrazu „iný“, ktorý vyjadruje pomer totožnosti a odlišnosti (Albrecht 2003: 234). Iný, teda nie vlastný, nie známy, nie blízky atď.. Slovo *cudzí* má okrem toho silný odkazovací charakter. „Slovo *cudzí* poskytuje v kontexte vždy prázdne miesta, ktoré musia byť konkrétne naplnené.“ (Albrecht 2003: 234.). Vlastnosť cudzosti niečo nadobúda vždy len pre istý subjekt na určitom mieste s prihliadnutím na určité okolnosti. Ako niečo zvláštne, neznáme nezapadajúce (do naučeného systému) sa môže javiť len so zreteľom na konkrétne skúsenosti, zvyky a očakávania pozorujúceho subjektu. Zároveň treba opäť pripomenúť, že tento pojem nemá autonómnu platnosť. Neexistuje žiadny autonómny objekt, ktorý by sa dal absolútne označiť ako *cudzí* (por. M'bedy 1991: 17). *Cudzie* je niečo len z vlastnej perspektívy, t.j. z pohľadu toho, kto tento pojem používa. Moje „vlastné“ predstavuje zároveň „cudzie“ pre iný subjekt. Definícia seba je zároveň vymedzením oproti cudziemu. Označenie *cudzí* tak zároveň vytvára vzťah medzi tým, na čo sa vždy nahliada ako na vlastné a tým, čo je prehodnotené ako neprislúchajúce k vlastnému. Tento vzťah sa dá bližšie zašpecifikovať ako pomer medzi identitou a inakosťou. Prejav cudzosti sa môže vyskytnúť len tam, kde existuje predstava svojho vlastného. Na subjektívnej úrovni sa každý pozorovaný subjekt javí ako *cudzí*, nakoľko každý človek je jedinečný. Človek sa však narodí do určitého spoločenstva, od ktorého preberá (osvojuje si) jeho hodnoty, čím nadobúda niečo spoločné s ostatnými príslušníkmi daného kolektívu. S prihliadnutím na túto intersubjektivitu sa dostávame na úroveň kolektívneho vnímania cudzosti a pojem *cudzost'* budeme vnímať ako štandardizovaný interpretát inakosti (por. Dolník 2010: 25). Vnímanie cudzosti na úrovni kolektívu predstavuje teda vnímanie inakosti v určitom prostredí, ktoré je podmienené viacerými faktormi – kultúrnymi, národnými, náboženskými, ekonomickými, politickými či fyziognomickými. *Cudzie* je to, čo nezodpovedá tomu, čo sa v určitom kolektíve považuje za normálne, všetko, čo sa svojimi vlastnosťami od tejto normálnosti odkláňa²⁸. V tomto zmysle výraz *cudzost'* pomáha zachovávať kolektívnu identitu. Svoju spolupatričnosť k určitému kolektívu si uvedomujeme práve na základe kontaktu s inakými –

²⁸ Normálnosť chápeme ako „zodpovedajúce tomu, čo je konformné s istou predstavou o tom, aká má byť entita istého druhu vo východiskovom stave so zreteľom na jej akceptačné vnímanie“ (Hansen 2000, citované podľa Orgoňová – Dolník 2010 s. 163). V týchto súvislostiach po pojmom normálnosť rozumieme ako správanie, myslenie a konanie, ktoré sa neodlišuje od správania, konania a myslenia ostatných členov spoločenstva.

cudzími. V slovenskom prostredí cudzosť predstavuje všetko to, čo je v kontraste s usporiadaním sveta slovenského kolektívu. Takéto ponímanie cudzosti možno badať aj na blogu Slovenky žijúcej v Kanade, ktorá sa vo svojom texte zameriava na prejavy inakosti odlišnej kultúry, na ktoré si akosi nemôže privyknuť:

Je mi cudzie: Napriek tomu, že už som tu 6 rokov, existujú veci, s ktorými sa tu jednoducho nedokážem zmieriť. Nejdú mi pod kožu a sú tak veľmi "iné", že jediné, čo na ne môžem aplikovať je tolerancia. Nie sú to až tak materiálne veci, skôr myšlienkové pochody a následne reakcie na dianie okolo mňa, ktoré ma stále ešte dokážu šokovať.

V texte sa výrazom cudzie neoznačuje materiálna zložka kultúry, ale skôr mentálna a duchovná odlišnosť inakého kolektívu. Ako naznačuje aj ukážka, v hodnotení používateľov jazyka môže cudzosť vyvolávať pozitívne alebo negatívne asociácie (por. Dolník 2012: 229). Všimnime si napríklad kladný vzťah, ktorý navodzujeme k cudzosti – mnohých láka cestovanie za neznámym, spoznávanie iných – cudzích kultúr, radi navštevujeme cudzokrajné reštaurácie, niektorí z nás sa inšpirujú cudzím pri výbere mena pre dieťa alebo používaním cudzích slov pri komunikácii. No pri samotnej recepcii výrazu „cudzí“ častejšie navodzujeme záporný vzťah k pozorovanému objektu. Napríklad používanie slovných spojení typu „ohrozovanie cudzím“ v nás vyvolávajú zmiešané, prevažne negatívne pocity, kde pretrvávajú predovšetkým strach o potlačenie našej jedinečnosti. Rovnako ak hovoríme o cudzích kultúrach budeme sa pozitívnejšie vyjadrovať o západo-, prípadne stredoeurópskej kultúre ako napríklad o arabskej, čo svojou odpoveďou potvrdzuje aj informátor v nasledujúcej ukážke:

AF: *Aký máš vzťah k cudzej ku kul k cudzím kultúram?*

J: *Asi podľa toho k akým. Tak k takým nejakým čo sú úplne opak nás hej tak určite to vnímam ináč ako ja neviem tuto nejakých Čechov alebo kohokoľvek koho neviem koho.*

J: *No ale ((smiech)) ale akože neni to úplne také že by som niekoho nejak strašne nechcel alebo nejak vyslovene neviem čo.*

J: *Ale tak zase takých týchto Tunisianov a neviem koho tak tých už mám dosť ((smiech)).*

AF: *Dobre. čo taká západná kultúra?*

J: *Západná kultúra? ((smiech)) západná kultúra je v pohode. Tak oni sú podobní ako my len sú trošku na vyššej úrovni.*

Akoby pri vnímaní cudzosti pretrvávajú určitá hierarchizácia, kde známejšie uprednostňujeme pred menej známym. V tomto článku nás preto nás zaujíma ako Slováci vnímajú cudzosť. Pri výskume sa opierame jednak o kvalitatívne údaje získané pomocou metódy neštruktúrovaného interview a jednak o výsledkov dotazníkového prieskumu. Na otázku, „Čo pre Vás znamená cudzosť/cudzí?“ reagujú ľudia rôzne. Jeden z informátorov podáva nasledujúci výklad: „Cudzí vo všeobecnosti ten, ktorý nejakým spôsobom nespĺňa atribúty národa, čiže nehovorí daným jazykom alebo proste nežije na tom území“, pričom aj v tomto prípade si informátor uvedomuje, že niektoré cudzie kultúry sú nám akoby „bližšie“:

„No samozrejme, nie je to také jednoznačné, lebo určite, no aj teda mentálne, typovo, aj proste zmýšľaním sú nám napríklad určite bližšie, ja neviem, v prvom rade povedzme napríklad Česi, potom trebárs, ja neviem, okolité národy, hlavne slovanské národy, európske národy, no a potom samozrejme ďalšie národy.“

Na to, aby sme zistili, čo sa na Slovensku vníma ako cudzie a či sa do tohto vnímania premieta i hodnotenie sme sa rozhodli urobiť výskum. Zostavili sme preto dotazník, ktorého cieľom bolo zistiť, čo všetko môžeme na Slovensku zaradiť do kategórie cudzosti. Ide tu teda o konceptualizáciu pojmu cudzosť, ktorý chápeme ako „kultúrnu interpretáciu inakosti“ (Dolník 2012: 228), vzhľadom na slovenský kontext. Ankety, ktorá prebiehala na internete, sa zúčastnilo 100 ľudí, prevažne vo veku od 25 do 45 rokov. Dotazník bol vytvorený a distribuovaný pomocou služby Google docs. Dotazník mal formu otvorených otázok, prostredníctvom ktorých sa zisťovalo, aké významy si Slováci spájajú s výrazmi cudzí/cudzosť a aké asociácie im s týmito výrazmi viažu. Odpovede sa kategorizovali. Samozrejme, nakoľko ide o otvorené otázky, odpovede môžu presahovať sumu 110.

V prvej otázke nás zaujímalo, aké významy sa respondentom viažu na výrazy "cudzie/cudzí".

Otázka znela: „Čo Vám napadne, keď počujete slová "cudzie/cudzí" (vo význame neslovenské)?“ pri vyhodnocovaní sa nám podarilo kategorizovať 28 skupín odpovedí, najčastejšie sa opakovali odpovede *neznámy, iné, zahraničný, inonárodný, iný jazyk, iná krajina*. Často dávali výraz do protikladu s „vlastným“ prípadne „nie naším“, pričom odpovede sa prelínali s vyššie uvedenými. Atribút „naše“ niečo nadobúda tým, že sa viaže na niečo známe, zrozumiteľné, niečo čo je na ohraničenom území. Ako cudzie sa potom chápe niečo, čo tieto vlastnosti nemá. Zaujímavé však je, že sa vyskytli i odpovede *zvláštne, exotické, moderné inšpiratívne, zaujímavé, nové*, čo môže svedčiť o pozitívnom vnímaní cudzosti. Zaznamenali sme len jeden výskyt negatívneho vnímania cudzosti pri odpovedi „*zasahovanie do čistoty jazyka*“. Všetky skupiny odpovedí uvádzame v grafe č. 1.

Druhá otázka zisťovala, aké asociácie sa viažu na slová "cudzie/cudzí". V otázke sme chceli zistiť, s čím všetkým si respondenti tieto výrazy spájajú. Otázka znela: *Aké ďalšie slová alebo veci vo Vás asociujú výrazy "cudzie/cudzí"*. Pri vyhodnocovaní sa nám podarilo kategorizovať 42 skupín odpovedí, čo svedčí

o vysokej variabilnosti odpovedí v nazeraní na cudzosť. Najčastejšie sa opakovali odpovede *jazyk, človek*, čo môže byť zapríčinené aj kolokáciou výrazu *cudzí*. Často sa však opakovali odpovede *cudzojazyčné výrazy, zahraničie, tmavé vlasy a pleť* prípadne *exotika*. Vyskytli sa aj asociácie *more, piesok, mapa, slovník, dovolenka, pas*, ktoré sa vzťahujú na opačný prípad, kedy sa Slováci stávajú cudzincami v inej krajine. Pri tejto otázke sme zaznamenali aj vyšší počet odpovedí s negatívnym hodnotiacim významom – *problémy, nedôvera, skazenosť, prepych*. Všetky skupiny odpovedí uvádzame v grafe č. 2.

Tretou otázkou sme zisťovali čo vnímajú respondenti na Slovensku ako cudzie, teda neprislúchajúce tejto kultúre. Otázka znela: *Keď sa povie "Cudzosť na Slovensku", každý z nás si predstaví niečo iné. Čo si predstavíte Vy, keď sa povie "Cudzosť na Slovensku"?* Pri vyhodnocovaní sme kategorizovali 28 skupín odpovedí. Najčastejšie sa opakovala všeobecná odpoveď *cudzinci/príslušníci inej národnosti*. Veľmi často sa však opakovali aj konkrétne odpovede – napr. *príťahovalci, emigranti*, menej často *menšiny*. Často sa opakovala aj odpoveď *vplyv inojazyčných výrazov* (pričom niektorí respondenti uvádzali aj konkrétne výrazy), tu by bolo zaujímavé zistiť, nakoľko si tieto výrazy aj v praxi všimajú a nakoľko predstavuje odpoveď len „naučenú“ frázu. Rovnako je zaujímavý aj fakt, že v odpovediach sa vyskytli aj odpovede *Maďari a Rómovia*, aj napriek nášmu dlhoročnému spoločnému nažívaniu. Zaznamenali sme aj odpovede s významom, v ktorom prevažovalo negatívne hodnotenie – *mafia, rasizmus, vykorisťovanie spoločnosti, chlad, odmeranosť, popieranie slovenskosti*. Tieto sa však vyskytli len v malej miere. Všetky skupiny odpovedí uvádzame v grafe č. 3.

Posledná otázka sa vzťahovala na konkrétne prejavy cudzosti, ktoré respondenti zaznamenali. Otázka znela: *„Uvedte prosím, čo konkrétne považujete za cudzie na Slovensku Vy (konkrétne veci, udalosti, príhody atď. Vyhnite sa prosím vo všeobecných pomenovaniach ako "národ, slová, názory"... Ide mi o Vaše konkrétne zážitky s niečím cudzím)“*. Otázkou sme chceli zistiť, či vedia respondenti uviesť konkrétny prípad na cudzosť, a či s ňou prichádzajú do styku. V tejto časti sme zaznamenali najmenej odpovedí, z ktorých sa nám podarilo kategorizovať 25 skupín odpovedí. Opäť sa najčastejšie opakovali odpovede *jazyk – cudzie výrazy*, často respondenti uvádzali konkrétne príklady na cudzojazyčné výrazy. Vo vyššej miere sme zaznamenali odpoveď *potraviny* (niektoré sa spájali s negatívnymi konotáciami nar. vo výrazoch *„poľské mňamky“*), ďalej *príťahovalci*. Potom niekoľko konkrétnych príkladov na prejavy cudzosti na Slovensku: *černoch, ázijské bistro, čínske obchody, automobilový závod KIA, heloween, nadnárodné korporácie*. Všetky skupiny odpovedí uvádzame v grafe č. 4.

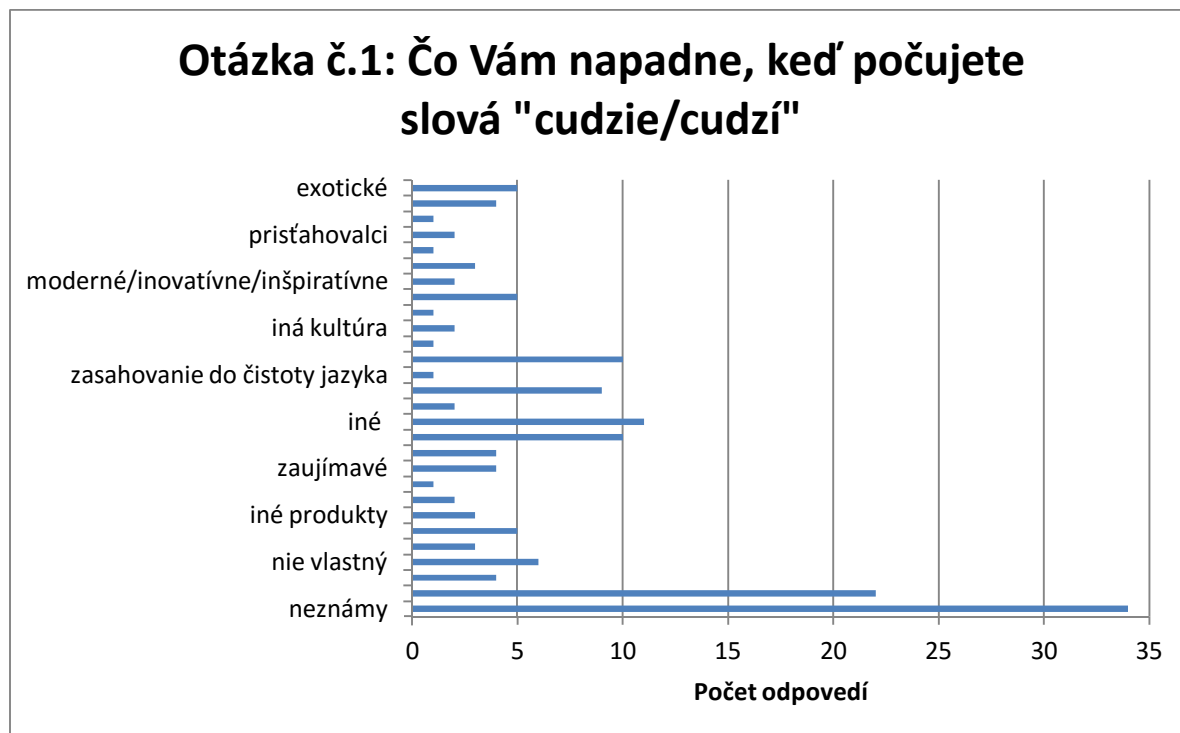
Výsledky výskumu nám napovedajú, že cudzosť sa na Slovensku chápe prevažne ako niečo inaké, neznáme, neprebádané. Zároveň možno badať ambivalentnosť vo vnímaní cudzosti. Na jednej strane nás fascinuje na druhej nás ohrozuje. Koncept cudzosti viaže predovšetkým na hranice, národ, príp. jazyk (len malá vzorka respondentov si cudzosť spája s náboženstvom).

V tomto článku sme sa zamerali na vymedzenie a konceptualizáciu výrazu *cudzosť*, ktorý predstavuje základnú jednotku xenolingvistického bádania. Ďalší výskum by sa mohol zamerať na výskum vnímania cudzích prvkov (nakoľko tieto sa vyskytovali v odpovediach často) a následné narábanie s nimi. Ďalšie otázky, súvisiace s predmetom bádania xenolingvistiky by sme mohli formulovať nasledovne: *Premieta sa postoj k cudzím prvkom do spôsobu narábania s nimi? Je tento pomer vyvážený? Zodpovedanie týchto otázok môže viesť k profilácii xenodiskurzu v slovenskom prostredí.*

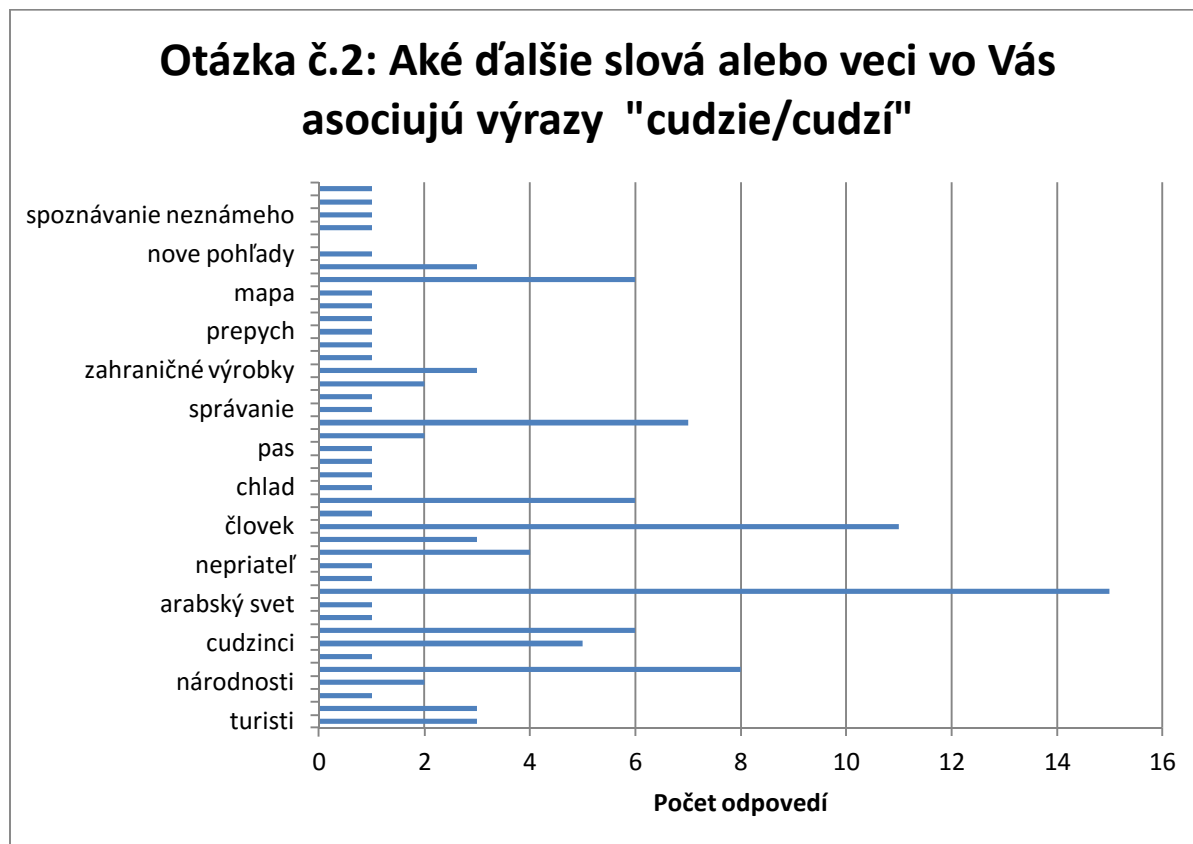
Literatúra

- Albrecht, Corrina (2003), Fremdheit. In: *Handbuch interkulturelle Germanistik*. Herausgegeben von Alois Wierlacher und Andrea Bogner, Stuttgart Weimar, J.B. Metzler, s. 232 – 238.
- Daneš, František (2002), Xenizmy v dnešnej češtině. In: *Čeština — univerzália a specifika*. Praha, s. 29—35.
- Dolník Juraj (2010), *Jazyk, človek kultúra*. Bratislava, Kalligram.
- Dolník, Juraj (2011), Lingvistická xenoslovakistika. In: *Slovenčina (nielen) ako cudzí jazyk v súvislostiach*. Bratislava, Univerzita Komenského, s. 25 – 33.
- Dolník Juraj (2012), *Sila jazyka*. Bratislava, Kaligram.
- Duala -M'bedy, L. J. (1991), Was ist die Wissenschaft von der Xenologie? In: *Das Begehren des Fremden*. Ed. L. J. Bonny Duala-M'bedy, Tagungsbericht des Kaiserswerther Instituts für Xenologie, s. 13 – 29.
- Mikušová Zuzana –Široká Dana, Reklamná tvár slovenského xenodiskurzu (v tlači).
- Milroyová, L. – Gordon, M (2012), *Sociolingvistika: Metody a interpretace*. Praha, Karolinum.
- Orgoňová Oľga – Dolník Juraj (2010), *Používanie jazyka*. Bratislava, Univerzita Komenského.
- Schröter, K (2004), Xenologie. Zur Theorie des Fremden bei Munasu Duala-M'bedy. In: *Den Fremden gibt es nicht. Xenologie und Erkenntnis*. Ed. Christian Bremshey und Kol. LIT VERLAG, Münster, s. 18 – 29.
- Buzássyová Klára a kol. (2006), *Slovník súčasného slovenského jazyka*. Bratislava, VEDA.
- Internetové zdroje:
http://www.transkulturelles-portal.com/index.php?option=com_content&view=article&id=49&Itemid=56
<http://de.wikipedia.org/wiki/Xenologie>
<http://www.rokovania.sk/Rokovanie.aspx/BodRokovaniaDetail?idMaterial=21831>
<http://farawaylucka.blogspot.sk/2011/06/je-mi-cudzie.html>
<https://docs.google.com/forms/d/1SFExDc6jw8g9vva3LjCA6MpnQpBbb4gbb3MPTMWvY/viewform>

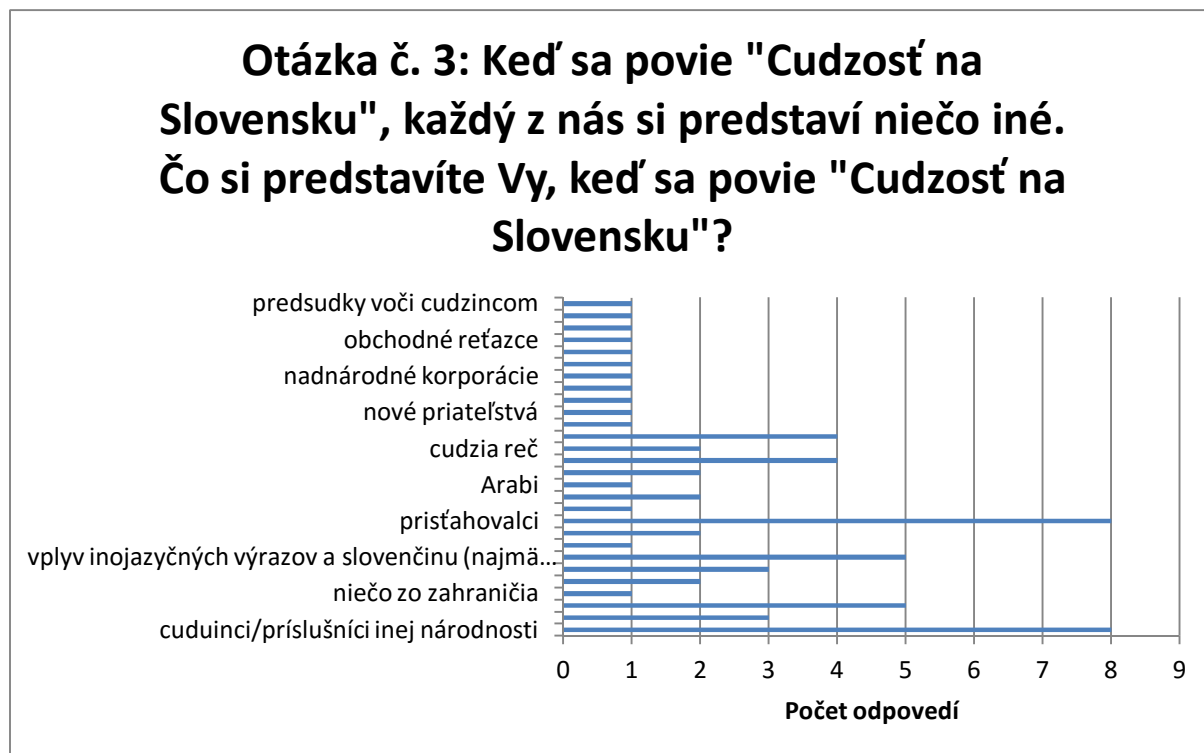
Graf č. 1



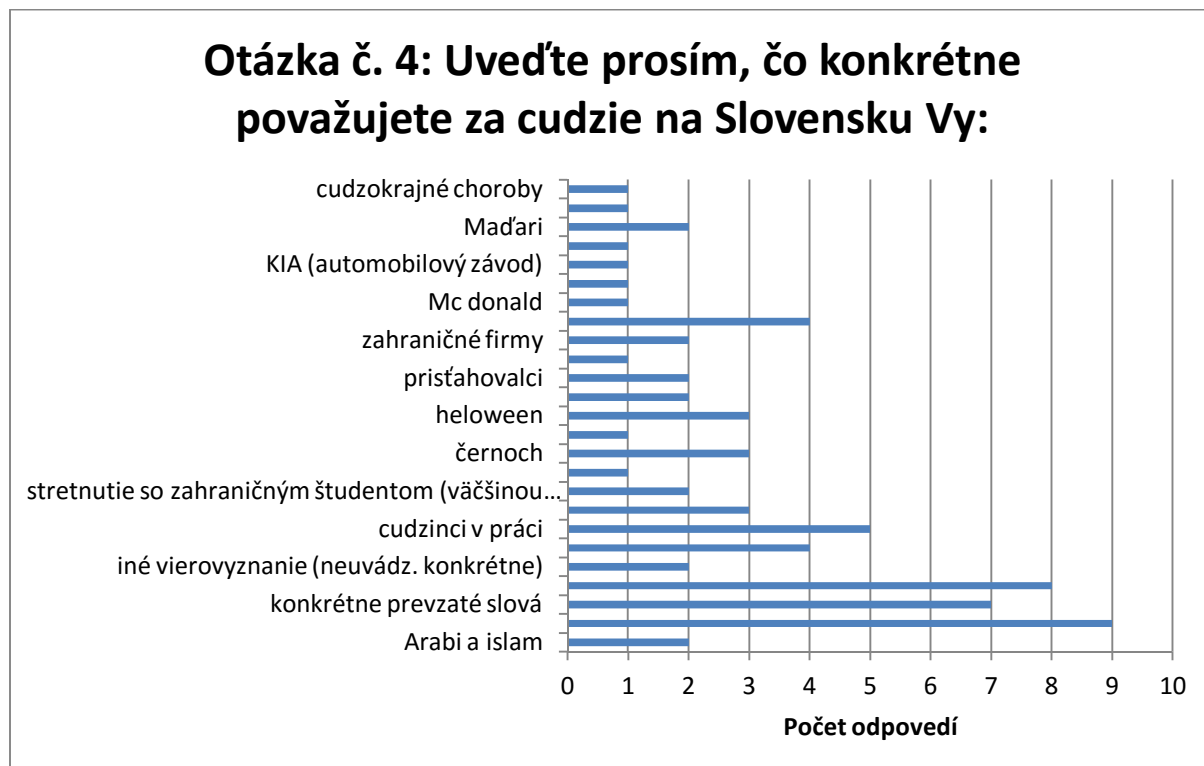
Graf č. 2



Graf č. 3



Graf č. 4



РАЗРАДА ФРАЗЕОЛОШКИХ ЈЕДИНИЦА С КОМПОНЕНТОМ *ОКО* У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ (ИЗ КОГНИТИВНОЛИНГВИСТИЧКОГ УГЛА)

The subject of this paper is the development of phraseological units with the component eye in Serbian language. The term elaboration of phrasemes includes a specific deviation of a (canonical) form of phraseme that simultaneously affects both the change of phraseological meaning and its inner form. For basic forms of phrasemes we used Rečnik SANU. The material for this research is excerpted from Elektronski rečnik savremenog srpskog jezika. From the standpoint of cognitive linguistics, in this paper we examine re-creations of phrasemes using the resource of phraseological variability.

Key words: phraseological units, conceptual metaphor

1. Увод

1.1. Под фразеолошком јединицом у најширем смислу подразумевају се експресивни вишелексемни спојеви, целовитог и релативно устаљеног лексичког састава. * Ове јединице називају се у литератури још и: фразеолошке јединице, фразеолошки изрази, изрази, идиоми, клишеи, устаљене фразе итд. Такође, поједини истраживачи под поменутиим називима подразумевају различите језичке јединице, док их други потпуно синонимично употребљавају (уп. Мршевић Радовић 1988; Петровић 1989; Мелерович и Мокијенко 2008). Будући да за природу нашег истраживања нису кључна дистинктивна обележја поменутих јединица, као и да о томе постоји шира литература (уп. Мршевић Радовић 1988), ми се тим питањем нећемо бавити. Напоменућемо још да се у литератури, на најопштијем нивоу, разликују фразеолошке јединице у ширем смислу и фразеолошке јединице у ужем смислу. Под фразеолошким јединицама у ширем смислу подразумевају се све поменуте јединице, као и сложени називи, називи књижевно-уметничких дела, филмова и сл., крилатице из уметничких дела, реплике из књига, филмова и представа, распрострањени афоризми, фразе народно-разговорног карактера итд. (о томе исп. Мелерович и Мокијенко 2008), док у фразеолошке јединице у ужем смислу спадају експресивни вишелексемни спојеви јединственог значења са једном синтаксичком функцијом. Како показује Рајна Драгићевић, фразеолошку јединицу у ужем смислу могуће је заменити само једним синонимом (уп. Драгићевић 2009: 43). Фразеолошке јединице су нека врста културних и језичких стереотипа којима се одражава специфично виђење света сачувано у колективном памћењу говорника једног језика. Драгана Мршевић Радовић цитирајући Фројда указује на чињеницу да је језик „наслага старих сазнања” (Мршевић Радовић 2003: 79), па отуда не чуди да су истраживања фразеолошких јединица често основа за реконструкцију језичке слике света (Вјежбица 2001; Мршевић Радовић 2008).

1.2. Опонирајући традиционалне погледе, према којима су фразеолошке јединице недељиве и говорник их у свом менталном лексикону складишти као и друге лексеме, Гибс указује на чињеницу да је управо варијантност фразеолошких јединица последица дуготрајних и активних појмовних метафора које су део човековог разумевања света (Гибс 2007: 706). Варијантност о којој Гибс говори поклапа се с типом изоморфичности фразеологизма на коју указује Мокијенко. Дакле, у питању су фонетске, морфолошке, синтаксичке варијанте истог фразеологизма чије се јединствено значење чува у свим варијантама. Међутим, када се варијантама фразеологизма наруше структура и / или значење, говоримо о разрази фразеологизма. Фразеологизми се могу разрадити различитим језичким средствима и на различитим језичким нивоима. Драгана Мршевић Радовић користи називе фразеолошке иновације и фразеолошки неологизми, при чему под иновацијама подразумева оне фразеологизме који настају као резултат промена постојећих фразеолошких јединица и њихових варијанти, а фразеолошким неологизмима сматра нове фразеологизме, настале најпре примарном, а онда секундарном фразеологизацијом, који нису регистровани у речницима (Мршевић Радовић 1988: 281). Крајњи облик разраде фразеолошке јединице подразумева да су фразеологизму разбијени и структура и значење, те тада говоримо о антипословицама. Под антипословицом се најпре означавала иновативна варијанта традиционалних пословица, али и других устаљених скупова речи, која има комичан или ироничан тон. Овај термин је први употребио немачки лингвиста Мидер. Међутим, у славистичкој литератури антипословица има нешто шире поимање и често се различито тумачи (уп. Оташевић 2012, Слијепчевић 2012, Мелерович и Мокијенко 2008). Мокијенко под антипословицом подразумева сваки разрађени фразеологизам коме је након нарушене структуре, нарушена унутрашња форма. Овај аутор указује и на то да се антипословице лако

* Овај рад је настао у оквиру пројекта 178009 *Лингвистичка истраживања савременог српског књижевног језика и израда Речника српскохрватског књижевног и народног језика САНУ*, који у целини финансира Министарство за просвету и науку Републике Србије.

разумеју, јер чувају везу са фразеолошком јединицом која им је била извор (Мелерович и Мокијенко 2008).

2. Предмет, циљ и корпус

2.1. Предмет овог рада је разрада фразеолошких јединица с компонентом *око* у српском језику. Под *разрадом фразеологизма* подразумевамо оно одступање од (каноничког) облика фразеологизма које истовремено утиче на промену фразеолошког значења и унутрашње форме. За основне облике фразеологизама користили смо Речник САНУ. Корпус за истраживање ексцерпиран је из *Електронског корпуса савременог српског језика*. Из когнитивнолингвистичког угла у овом раду испитују се преосмишљавања фразеологизама с компонентом *око* која за резултат имају и фразеолошке иновације и фразеолошке неологизме, па на крају и фразеолошке антипословице. Циљеви овог истраживања су: (а) показати које фразеолошке јединице с компонентом *око* се најчешће мењају, (б) указати на појмовне механизме којима се фразеолошке јединице с компонентом *око* разрађују и (в) показати однос између фразеолошке варијантности, разраде фразеолошких јединица и антипословичких трансформација. Полазимо од претпоставке да су појмовни механизми одговорни за настајање фразеологизама исти као они на основу којих настају трансформације фразеологизама.

3. Анализа

3.1. Две најчешће слике које мотивишу фразеологизме с компонентом *око* су: 1. посматрач је човек, посматрани објекат је предмет; 2. посматрач је човек, посматрани објекат је човек који такође гледа у посматрача.

3.2. Захваљујући чулу вида, људима је омогућено да обављају и више мождане функције: да сазнају, размишљају и процењују виђено, да памте (визуелно памћење) итд. Да би се човек са нечим упознао, да би схватио одређени предмет или појаву, да би разумео његову или њену структуру, неопходно је да најпре физички осмотри тај предмет или појаву, што значи да је чуло вида примарно и најважније у том процесу (евентуално, поред чула додира). Фразеологизам *видети својим очима* са значењем „уверити се у нешто, потврдити своје сазнање”, као и фразеологизам *не веровати својим очима* у значењу „изражавати сумњу, чудити се, изненадити се” илуструју метафору САЗНА(ВА)ЊЕ ЈЕ ВИЂЕЊЕ. Захваљујући метонимијском односу између ВИЂЕЊА и МИШЉЕЊА, ОЧИ стоје за МИСАО у следећем примеру из нашег корпуса:

(1) И само његово згрнуто и љубоморно чувано богатство окретало се у његовим очима у страх од сиромаштва (И. Андрић, *Травничка хроника*).

3.3.1. Када је посматрани објекат човек, онда је могућа и карактеризација посматраног објекта. Фразеологизам *бити висок / велик у нечијим очима* са значењем „бити важан, цењен” илуструје општију метафору ВАЖНО ЈЕ ВЕЛИКО. Сличан поменути је и фразеологизам *изгубити / пасти у нечијим очима* са значењем „не бити више цењен, поштован”, у којем се читава метафора ЛОШЕ (НЕМОРАЛНО) ЈЕ ДОЛЕ, као и антонимијска варијанта овог фразеологизма *порасти / добијати у нечијим очима* са значењем „стећи већу вредност, већи углед, значај”. Ово су најчешће и највише разрађиване фразеолошке јединице. Тај пад или скок у нечијим очима може се метонимијски односити само на једну карактерну црту:

(2) Још увек се држиш своје заблуде, а то ти подиже углед у мојим очима (С. Басара, *Фама о бициклистима*).

Поменути фразеологизам тиче се односа између човека и саговорника. Међутим, у поетским разрадама јавља се у комбинацији с метафором ЧОВЕК ЈЕ САДРЖАТЕЉ ЗА СВОЈЕ „ПРАВО ЈА” (метафора је позната у српској култури, в. Кликовац 2006б: 202–203), па омогућава да човек у својим очима *пада* и *уздиже се*:

(3) Када је осетио како човек може да се ломи и подваја у себи, како може да пада и да се диже у својим очима, укратко: како пролазни могу бити заноси, како су неодређени и укрштени док трају (И. Андрић, *Травничка хроника*).

3.3.2. Метафоре МОРАЛНО ЈЕ ГОРЕ, НЕМОРАЛНО ЈЕ ДОЛЕ и ЧОВЕК ЈЕ САДРЖАТЕЉ ЗА СВОЈЕ „ПРАВО ЈА” проширене су и трећом, ВРЕДНО ЈЕ СКУПО у примеру још једне разраде фразеологизма *пасти у нечијим очима*:

(4) Давало му је углед код људи који не знају шта је књига и дизало му цену у његовим сопственим очима (И. Андрић, На Дрини ћуприја).

У једном примеру из нашег корпуса компонента *падати* из фразеологизма *падати у нечијим очима* замењена је апстрактнијим глаголом *дискредитовати*:

(5) Могао бих се заклети да си спреман на све само да би ме дискредитовао у очима оне будуће бесловесне руље (С. Басара, *Фама о бициклистима*).

Када *падати у нечијим очима* у иновативној разради постане *дискредитовати у нечијим очима*, говоримо о фразеолошким неологизмима, дакле, о потенцијалној варијанти фразеологизма коју је могуће

разумети на основу тога што је грађена по познатом синтаксичко-семантичком моделу и што чува своје експликаторне компоненте.

3.3.3. Општа метонимија у којој КВАНТИТЕТ стоји за КВАЛИТЕТ, конкретније, метонимија на којој је заснована метафора ВЕЛИКО ЈЕ ВАЖНО, А МАЛО ЈЕ НЕВАЖНО, очитава се у редукцији фразеологизма *пасти у туђим очима до бити мали у туђим очима* у следећем примеру:

(6) Вероватно нема човека коме се бар једном није учинило да је у туђим очима мањи од својих стварних димензија, а да није осетио порив да тај несразмер отклони (М. Демид, *Слуге хировитог лучоноше*).

Као и у претходном примеру, у питању су фразеолошки неологизми.

3.4. Фразеологизми *очи у очи / око у око / у четири ока* са значењем „насамо, удвоје” илуструју метонимију у којој ОКО / ОЧИ стоје за ЧОВЕКА. Фразеологизми *гледати / казати коме шта (право) у очи / у лице* са значењем „отворено без страха говорити” показују да је чин гледања у очи, повезан са чином искрености и храбрости, заснован на метафори ГОВОРИТИ ГЛЕДАЈУЋИ У ОЧИ ЈЕ ГОВОРИТИ БЕЗ СТРАХА, па се отуда јавља и фразеологизам *оборити поглед / очи / главу* са значењем „стидети се”, илуструјући метафору ПОСТИДЕТИ СЕ ЈЕ ОБОРИТИ ГЛАВУ / ОЧИ / ПОГЛЕД метонимијски повезану са типичним положајем тела особе која се стиди. Такође, метафору СТИДЕТИ СЕ ЈЕ ГЛЕДАТИ У РАЗЛИЧИТИМ ПРАВЦИМА (НЕУСМЕРЕНО) као разраду метафоре на којој је заснован фразеологизам *оборити главу* налазимо у следећем примеру:

(7) Док је говорила, црвенела је и бежала очима да побегне од истине (С. Божовић, *Теби моја Долорес*).

На овај начин добијено значење јединице *бежати очима* засновано је искључиво на метафорама, дакле, не може се говорити о разради одређеног фразеологизма, али је фразеолошко значење настало комбиновањем метафора које мотивишу постојеће фразеологизме.

3.5.1. Будући да се један део фразеологизама с компонентом *око* односи на комуникацију између двоје људи, не изненађује број разрада фразеологизама које се такође односе на комуникацију. Тако ОЧИ постају СРЕДСТВО КОМУНИКАЦИЈЕ у примеру:

(8) Он и поп Никола би се погледали с времена на време као да се очима споразумевају (И. Андрић, *На Дрини ћуприја*).

3.5.2. Читав ланац метонимије у којој ОЧИ СТОЈЕ ЗА ГЛАВУ, а КЛИМАЊЕ ГЛАВОМ ЗА ПОТВРЂИВАЊЕ, и на крају, најопштије, ФИЗИЧКО ЗА МЕНТАЛНО,²⁹ налазимо у примеру:

(9) С времена на време бацао је поглед на старца који је без даха и рђаве помисли гледао у њега и очима повлађивао да је све тако као што каже преводилац (И. Андрић, *На Дрини ћуприја*).

И ове разраде фразеологизама своје ново значење дугују метафорама, а тек онда фразеолошким јединицама које се називају тек на основу сачуваних експликаторних компоненти.

3.6.1. Очи се често концептуализују као равне, сјајне, глатке површине сличне огледалима, која дају и утисак дубине, па се као одраз у огледалу односно оку може појавити и слика и човеково стање, расположење и емоције (о овоме в. Кликовац 2006б: 78). У складу са оваквом концептуализацијом јесте израз *очи су огледало душе*. У разрадама фразеолошких јединица углавном се метафора ОЧИ СУ ОГЛЕДАЛА поетски разрађује и укршта са још понеком. Тако налазимо на комбинацију метафоре ОЧИ СУ ОГЛЕДАЛА, А ОНО ШТО СЕ ВИДИ ЈЕ СЛИКА:

(10) Није истина јер се није обрадовала. Није истина јер ми је отела ибрик, у очима поново блесну оштро сечиво ракије на сунцу. Није истина јер ништа није истина (Д. Ћосић, *Корени*).

(11) Осећа слатост од ситних ножева изукрштаних у очима и образима, што је сада сигурна да ће до смрти остати газдарица (Д. Ћосић, *Корени*).

(12) На старачком лицу, управо само у очима, појави се значајан, тријумфалан осмејак (И. Андрић, *Травничка хроника*).

3.6.2. Налазимо и разрађену метафору ОЧИ СУ САДРЖАТЕЉИ ЗА ЕМОЦИЈЕ И МИСЛИ И ОЧИ СУ УСТА³⁰:

(13) Уморна жена, вадећи кашичицу из пластичног суда до пола испуњеног жутозеленом масом, више очима него гласом упитала да ли да стави и мало сенфа (Р. Кузмановић, *Партија карата: приповетке*).

3.6.3. Још креативнију комбинацију метафора ОЧИ СУ САДРЖАТЕЉИ ЗА ЕМОЦИЈЕ И МИСЛИ, ПОСМАТРАЧ СЛИКУ МОЖЕ ДА ВИДИ У ОЧИМА, МИСЛИ СУ СКРИВЕНИ ПРЕДМЕТ КОЈИ ТРЕБА ОТКРИТИ налазимо у примеру:

(14) Једном ме је чак помиловала по коси, кад сам ја, дрхтећи од страха да ми не открије мисао у очима, стао пред њу и поздравио је (Д. Киш, *Бајта, пенео*).

²⁹ Повлађивање очима је, заправо, метонимијски мотивисано гестом – климањем главе у знак одобравања.

³⁰ Иако су појмовне метафоре најчешће засноване на разумевању апстрактног на основу конкретног, у поетском језику неретко се конкретно доводи у везу с конкретним на основу сличности или неког заједничког домена, такав је случај с метафором ОЧИ СУ УСТА (оба појма су деле домен ЧУЛА).

3.7. Пример *Око за око, наста за зубе* илуструје антипословицу у најстрожем значењу, Мидеровом схватању антипословичких јединица. Међутим, према Мокијенковом становишту о антипословицама се може говорити и у примерима разрада које ми у овом раду дајемо.

4. Закључак

4.1. Разрада фразеолошких јединица често се заснива на метафорама које већ постоје у језику, а најчешће се разрађују фразеолошке јединице које се односе на међуљудске односе, оцену саговорника и комуникацију. Наш корпус показује да се најчешће разрађује фразеологизам *падати у нечијим очима*. Међутим, има фразеолошких јединица које речници не бележе, а устаљени су довољно и по структури и по значењу да се могу сматрати фразеолошким јединицама српског језика. Такав је случај, на пример, са изразом *очи су огледало душе*.

4.2. Све наведене јединице могу се сматрати фразеолошким на основу експресивности и специјалне унутрашње форме. Разлике међу њима уочавају се на основу обавезности чланова, варијантности и промене значења мењањем релативно стабилне синтаксичке и лексичке структуре: тако су фразеолошке иновације најприближније каноничком моделу фразеолошке јединице коју бележе речници, а антипословице најудаљеније.

4.3. Уочили смо да је разрада појмовних механизма не само разноврсна у погледу конкретизација појмовних метафора, већ да је комбиновање постојећих механизма веома продуктиван начин за грађење нових. Форму и значење и фразеолошких јединица и њихових разрада углавном мотивишу већ познати појмовни механизми, па је и њихово разумевање и стилизовање омогућено захваљујући истим процесима.

Литература

- Вежбицкаја, А. (2001). *Понимание культур через посредство ключевых слов*, Языки славянской культуры, Москва.
- Gibbs, R. (1994). *The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding*. New York: Cambridge University Press.
- Gibbs, R., Bogdanovich M. J., Sykes J. R., and Barr J. D. (1997). Metaphor in Idiom Comprehension. *Journal of Memory and Language* 37, 141–154.
- Gibbs, R. (2006) Idioms and Formulaic Language. *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* (eds. Dirk Geeraerts, Hubert Cuyskens). New York: Oxford University Press, 697–725.
- Драгићевић, Рајна (2009). *О проблемима идентификације фразеологизама*. <http://www.suedslavistik-online.de/01/dragicevic.pdf>
- Кликовац, Душка (2004). *Метафоре у мишљењу и језику*, Библиотека XX век, Београд.
- Кликовац, Душка (2006а). О метафоричкој концептуализацији неких апстрактних појмова из домена моралности, *Српски језик*, XI / 1–2, стр. 103–114.
- Кликовац, Душка (2006б). *Семантика предлога, студија из когнитивне лингвистике*, Београд: Филолошки факултет.
- Lakoff, George and Johnson, Mark (2003). *Metaphors We Live By*, Chicago: University of Chicago Press.
- Мелерович, А. М. и Мокиенко, В. М. (2008). *Семантичка структура фразеологических јединица савременог руског језика*, Кострома.
- Мршевић Радовић, Драгана (1988). Фразеолошке иновације и језичка норма, *Књижевност и језик* 35/3–4, 281–288.
- Мршевић Радовић, Драгана (2003). *Глаголско-именичке фразеолошке синтагме*, Београд: Филолошки факултет.
- Оташевић, Ђорђе (2011). Антипословице и њихова лексикографска обрада. *Грамматика и лексика у словенским језицима*, Нови Сад – Београд: Матица српска и Институт за српски језик, 479–486.
- Петровић, Владислава (1989). *Новинска фразеологија*, Књижевна заједница Новог Сада, Нови Сад.

Радослав Стефанов Минков

аспирант кафедры русистики Великотырновского университета им. Святых Кирилла и Мефодия
Болгария

ГРАФИЧЕСКАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

The article is dedicated to graphic play in the language of mass-media. Special attention is paid to capitalization and graphic hybridization. Certain other forms of graphic play are discussed.

Key words: media text, graphic play, capitalization, graphic hybridization.

Данная работа посвящена одной из форм языковой игры – графической игре. В настоящее время языковая игра определяется как сознательное «манипулирование языком», построенное на необычайном использовании языковых средств [Санников 1999: 37]. Активное употребление различных форм языковой игры – окказиональных слов и словосочетаний, каламбуров, трансформаций фразеологизмов и цитат и т.д. – является характерной особенностью современного медиатекста.

В последние годы особое внимание уделяется одной из новых форм языковой игры – графической игре, которая в монографии С.В. Ильясовой и Л.П. Амири «Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы» определяется следующим образом: «Под графической игрой (ГИ) понимается манипулирование средствами графики, к которым относят буквы, знаки препинания» [Ильясова, Амири 2009: 56].

Средства графики, используемые в языковой игре, довольно разнообразны. О них Е.В. Дзякович пишет следующее: «К параграфемным элементам в печатном тексте относятся особенности шрифтового выделения и варьирования, надстрочные и подстрочные значки, различные «звездочки», отточия и другие способы графической рубрикации текста, а в широком понимании текста – математические значки, буквы других алфавитов и, конечно же, знаки препинания» [Дзякович 2001: 121].

С.И. Сметанина, говоря о ГИ, подчеркивает ее важную роль в медиатексте: «Если в разговорной речи колорит языковой игры подкрепляется мимикой, жестом, интонацией, то в письменном тексте эти ситуативные ресурсы игры восполняются «прорисовыванием» слова. Под графической игрой мы понимаем шрифтовую, цветовую, пространственную, пунктуационную (кавычки, скобки, тире, дефис) актуализацию элемента, организующего новое слово. Суть графической игры в выделении той части слова, которая должна быть воспринята как активный элемент, формирующий оригинальный смысл» [Сметанина 2002: 204].

В книге «Езиковата игра в съвременната публицистика» Л. Цонева определяет игру с графикой как «неязыковое средство достижения экспрессивности, характерное прежде всего для газетного текста». Активизацию проявлений ГИ в конце XX века и особенно в начале XXI века, по ее мнению, можно объяснить рядом причин. Одна из них – более широкое использование возможностей компьютерной техники. Важное место в этом процессе занимает и конкуренция электронных СМИ, в которых свободно сочетаются вербальные и невербальные средства выражения содержания и воздействия на адресата [Цонева 2000: 151].

Существенным, на наш взгляд, можно считать и мнение С.И. Сметаниной об активизации графики в современных СМИ: «Подключение техники печати к формированию смысла, вероятно, реакция на особенность современного мировосприятия: массовое сознание отдает предпочтение визуальным знакам» [Сметанина 2002: 204].

Разнообразные типы ГИ описаны, например, в работе Т.В. Поповой [Попова 2009]. Она выделяет монографикацию, кодографикацию, типографикацию и т.д.

Основными среди них, по нашим наблюдениям, можно считать капитализацию и графогибридизацию, которые рассмотрим в настоящей работе. В качестве иллюстраций будем приводить примеры из авторской картотеки, выписанные из медиатекстов, опубликованных в российских печатных изданиях, главным образом в популярном журнале «Итоги» за 2000-2013 гг.

Отметим, что журнал «Итоги», появившийся в 1996 г., – один из самых авторитетных среди еженедельных аналитических журналов («Деньги», «Профиль», «Коммерсантъ-Власть» и т.д.). Как подчеркивает Л.П. Теплова, занимательность изложения в них достигается за счет использования разнообразных выразительно-изобразительных средств [Теплова 2003: 47].

Приступая к анализу, отметим две важные особенности ГИ.

Во-первых, проявления ГИ располагаются обычно в заглавии текста. Заглавие, как известно, является очень важным элементом композиции текста, выполняя в нем различные функции, в том числе оценочно-экспрессивную. Для достижения этой функции в текстах СМИ используются различные неязыковые и языковые средства, среди которых важное место занимает языковая игра вообще и ГИ в частности.

Во-вторых, выделенный сегмент очень часто используется для создания более сложных форм языковой игры – каламбура (столкновения разных значений слов, паронимов, омонимов), окказиональных слов, игры с цитатами (в которых выделяется новый фрагмент цитаты, создающий игровой эффект) и т. д. Эти более сложные формы языковой игры можно понять только в рамках текста, поэтому они должны быть предметом особого исследования.

I. Капитализация

Капитализация представляет собой выделение сегмента слова шрифтом, отличным от основного шрифта. Капитализация содержит целый ряд структурных разновидностей [Ильясова, Амири 2009: 67].

При графическом выделении сегмента слова можно учитывать разные его особенности, например, количество выделяемых букв:

– одна буква: *Наше все* [Итоги 2007/29] – о дискуссии в связи с буквой «ё».

– две буквы: *Ждите ответа* [Итоги 2012/01] – о новом романе Ольги Славниковой.

– три буквы: *ЦеноОБРазование* [Итоги 2007/10] – о намерении Банка России разместить свои облигации (ОБР) на рекордную сумму в 250 миллиардов рублей.

– четыре буквы: *ДОЛГОиграющая история* [Итоги 2007/12] – о долгах Калининградской области кипрской компании.

– пять букв: *ПРИНЦИпиальный вопрос* [Итоги 2005/29] – о поведении британской монархии после терактов в Лондоне.

– шесть букв: *ПАТЕНТциальная угроза* [Итоги 2003/23] – о держателях патентов и развитии передовых технологий.

– семь букв: *СветоПРИСТАВление* [Итоги 2008/6] – о расширении полномочия судебных приставов.

Можно отметить и место выделяемого сегмента. Он может располагаться в абсолютном начале слова, в середине или в абсолютном конце. Например:

– в абсолютном начале слова: *ОТЗЫВчивость* [Итоги 2006/7] – о готовности автомобильных компаний бесплатно предотвращать технические неполадки, которые могут возникнуть в будущем.

– в середине слова: *ГосКУЛЬТпросвет* [Итоги 2006/3] – о законопроекте о присвоении религиозным вузам государственного статуса.

– в абсолютном конце слова: *ФранкоВАЗ* [Итоги 2008/12] – о заводе «АВТОВАЗ» и сборке недорогих автомобилей, разработанных за рубежом.

Перечисленные особенности, на наш взгляд, представляют интерес, но более важным является значение выделяемого сегмента, на которое мы обратим внимание ниже.

По нашим наблюдениям, приему капитализации очень активно подвергаются имена собственные разных типов – антропонимы, топонимы, различные другие онимы (названия спортивных команд, телепередач, автомобилей и т. д.).

Игра с антропонимами в языке СМИ – одна из наиболее распространенных разновидностей языковой игры, в том числе ГИ. Активнее всего обыгрываются имена известных политических деятелей, которые играют важную роль в общественно-политической жизни и занимают особое место в сознании современных людей.

Многочислены примеры с выделением сегмента, который представляет собой фамилию или имя политического субъекта, действия которого получают чаще всего негативную оценку:

Рост УГОномики [Итоги 2013/15] – о президенте Венесуэлы Уго Чавесе и его экономической политике.

ШАНЦЕВый инструмент [Итоги 2005/32] – о московском вице-мэре Валерии Шанцеве и его назначении на пост губернатора Нижегородской области.

ЧЕРТОФФщина [Итоги 2005/4] – о назначении Майкла Чертоффа на пост министра внутренней безопасности США.

Частота употребления антропонима в ГИ зависит, как правило, от значимости самого политического субъекта – носителя имени:

БУШующий антитеррор [Итоги 2004/29] – о первом президентском мандате Джорджа Буша-младшего.

ПоБУШуем [Итоги 2004/45] – о втором сроке президента Джорджа Уокера Буша и отношениях США с Россией.

Добавим к этой группе и примеры с фамилиями и именами писателей, режиссеров, литературных героев и т. д.:

БРАУНовское движение [Итоги 2005/33] – о популярности писателя Дэна Брауна на российском литературном рынке.

КАМАкадезе [Итоги 2005/12] – об известном режиссере Каме Гинкасе.

ГАРРИмычный [Итоги 2007/27] – о выходе заключительной книги о Гарри Поттере.

КАКАя щедрость! [Итоги 2009/25] – о переходе атакующего полузащитника сборной Бразилии Кака в мадридский клуб «Реал».

ОПРАфикация [Итоги 2009/52] – о привилегиях, которые завоевала культовая телеведущая Опра Уинфи.

Игра с топонимами, как правило, имеет ситуативный характер и тоже связана с экстралингвистическими факторами. Даже недлительное во времени событие в определенном месте, которое имеет большое значение для общественной жизни, может привести к активизации словотворчества с его названием:

НаКАННуне [Итоги 2006/33] – о русском искусстве на фестивале в Каннах. Отметим здесь возникающий каламбур с заглавием романа И.С. Тургенева «Накануне». Этот и подобные примеры каламбурного столкновения омонимов и паронимов, которые встречаются дальше, как уже было сказано, заслуживают специального рассмотрения.

Вне КАННкурении [Итоги 2011/21] – о новом фильме режиссера Андрея Звягинцева на фестивале в Каннах.

ПропеСОЧИл [Итоги 2009/24] – о двадцатом юбилейном фестивале «Кинотавр» в Сочи.

Собрание СОЧИнений [Итоги 2007/29] – о подготовке к Олимпиаде в городе Сочи в 2014 году. Обратим внимание, что употребление топонима *Сочи* активизируется в связи с предстоящим проведением Олимпийских игр.

В рассмотренном нами материале есть и множество примеров с различными другими онимами – названиями культурных и спортивных мероприятий, музыкальных групп, телевизионных передач, кинофильмов, спортивных команд и т.д.:

РЕАльный ответ Абрамовичу [Итоги 2004/8] – о готовности Романа Абрамовича заплатить мадридскому клубу «Реал» полную компенсацию за приобретение трех ведущих игроков.

ПроБОЛТались [Итоги 2005/9] – о популярном балете «Болт».

НИКАкой политики [Итоги 2012/16] – о церемонии вручения премий «Ника».

НИКАгда не говори никогда [Итоги 2003/16] – о церемонии вручения премий «Ника». Здесь приходится говорить об осложнении игры – о сочетании ГИ с цитацией (использованием заглавия популярного кинофильма о Джеймсе Бонде).

ОСКАРбление по-американски [Итоги 2004/4] – о скандале с хищением просмотрных копий во время подготовки к церемонии вручения премий «Оскар».

В рамках этой группы выделим капитализацию аббревиатур.

Буквенные обозначения активно присутствуют на страницах СМИ, и это вполне объяснимо: в общественно-политической жизни России важное место занимают национальные и международные организации, институты и т.д., что обуславливает активное употребление их названий в СМИ, а также их включение в различные формы языковой игры.

Аббревиатуры очень удобны для графического выделения. Отметим, что в нашей картотеке есть множество примеров такого выделения:

Напрасные оПАСЕния [Итоги 2008/41] – о принятии в ПАСЕ резолюции по Южной Осетии и Абхазии (ПАСЕ – Парламентская ассамблея Совета Европы).

До ВТОрого пришествия [Итоги 2005/26] – о вхождении России во ВТО (ВТО – Всемирная торговая организация).

Не говорите ДОВСЕдания [Итоги 2007/30] – о решении наложить мораторий на ДОВСЕ (ДОВСЕ – Договор об обычных вооруженных силах в Европе).

Вышли из-под ОПЕКи [Итоги 2002/27] – о выходе России из договоренностей с ОПЕК (ОПЕК – Организация стран-экспортеров нефти).

ТермиНАТОр [Итоги 2007/44] – о назначении Д. Рогозина полпредом России в НАТО (НАТО – Организация Североатлантического договора).

II. Графогибридикация

Этот термин предложен Т.В. Поповой, которая считает, что графогибридикация – это «оформление новообразований с помощью графических средств разных языков» [Попова 2007: 231].

Графогибридикация – один из новых типов ГИ. Ее активизацию в последние годы можно объяснить «вторжением» множества иноязычных элементов в современный русский язык.

Как отмечают многие авторы, использование двух алфавитов – кириллицы и латиницы – яркое средство привлечения внимания и создания особой выразительности.

В журнале «Итоги» этот прием используется очень часто. Особо следует отметить его активность в рубрике «Автомобили», что, по нашему мнению, обусловлено самим содержанием текстов – в данной рубрике появляются прежде всего материалы о новинках западной техники:

Мечта в MINIатюре [Итоги 2011/24] – об автомобиле MINI Cooper Coupe.

Здоровый AVANTюризм [Итоги 2011/42] – об автомобиле Audi A6 Avant.

Секреты PIVОварения [Итоги 2011/47] – об автомобиле Nissan Pivo 3.

Здоровый ОПТИМизм [Итоги 2012/06] – об автомобиле Kia Optima.

RAVнйась-смирно! [Итоги 2012/50] – об автомобиле Toyota RAV4.

Операция PROVOкация [Итоги 2013/10] – об автомобиле Kia Provo.

Приведенные примеры игры с латиницей являются далеко не единственными. В такую игру включаются и различные другие названия:

*SHELL*ловый путь [Итоги 2009/31] – о партнерстве между Россией и нефтяной компанией Shell.

*Total*ный подход [Итоги 2009/18] – о нефтегазовых проектах французской компании Total E&P Russie.

*Spirit*ический сеанс [Итоги 2004/1] – о покорении Марса американским исследовательским зондом Spirit.

*Всеобщая Google*лизация [Итоги 2005/52] – о действиях компании Google.

III. Другие формы ГИ

Обратим внимание и на некоторые сравнительно редкие формы ГИ, иллюстрируя их примерами из нашей картотеки.

Кодографикация. Она представляет собой создание неолексем с помощью сегментных средств разных кодовых систем: букв и цифр/ рисунков/ значков Интернета/ смайликов и т.д. [Попова 2009: 168].

В состав кодографикации входит нумерографикация (буква + цифра или число, которые могут произноситься как заменяемый слог):

*Жить до 100*рости [Итоги 2009/41] – о женщине, отметившей свое столетие на работе.

Разновидность кодографикации – пиктографикация, при которой буква кириллицы заменяется знаком, похожим на нее графически и по произношению.

Приведем интересный пример пиктографикации, в котором буква заменяется знаком, обозначающим доллар. Эта игровая трансформация направляет внимание читателя на содержание текста – в нем идет речь о введении ЕГЭ в России; игровой эффект здесь усложняется благодаря тому, что графической трансформации подвергается слово, которое является частью известной поговорки *Ученье – свет, а неученье – тьма*, в которой подчеркивается необходимость учиться:

Ученье – \$вет [Итоги 2007/28] – о введении ЕГЭ и подорожании образования.

Инемографикация представляет собой замену буквы элементом Интернет-языка, контур которого похож на нее; чаще всего происходит замена буквы «а» знаком @:

Пир@ты XXI века [МК 2007/34] – об уловках российских хакеров.

Ин@родный артист [МК 2007/56] – о народном артисте М. Козакове и его жизни в Израиле.

Соб@ка бывает кусачей [МК 2007/48] – о типах интернет-мошенничества.

В эту группу можно включить и примеры с www – обозначением веб-сайтов:

Совwwwращение малолетних [Итоги 2001/13] – о совместной операции российских и американских спецслужб по раскрытию международной сети производства и распространения детской порнографии в Интернете.

Как видно из данных примеров, инемографикация используется очень часто в текстах определенной тематики – посвященных Интернету.

Разумеется, этим не может ограничиваться анализ ГИ – сложного и интересного проявления языковой игры. Этот анализ требует описания других форм языковой игры, а также других средств создания экспрессивности – важнейшей особенности современного медиатекста. Кроме того, явление ГИ в текстах СМИ заслуживает дальнейшего изучения в сопоставительном плане, на материале различных языков.

Литература

- Дзякович 2001: Дзякович Е.В. Возможности пунктуации и параграфемки в современной печатной рекламе // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И.Ожегова. М., 2001.
- Ильясова, Амири 2009: Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М., 2009.
- Попова 2007: Попова Т.В. Графодеривация в русском словообразовании конца XX – начала XXI в. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2007.
- Попова 2009: Попова Т.В. Креализованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI вв. // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2009.
- Санников 1999: Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.
- Сметанина 2002: Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры. СПб., 2002.
- Теплова 2003: Теплова Л.П. Информационно-аналитические еженедельные журналы: тип и профиль // Вестник МГУ. Сер.10. Журналистика. – 2003, № 2., 2003.
- Цонева 2000: Цонева Л. Езиковата игра в съвременната публицистика. Велико Търново, 2000.

Димана Митева

Софийски университет „Св. Климент Охридски“
София, България

„ПРОСТИТУЦИЯТА НА КНИГАТА” (ГРАФИЧНИ И ВИЗУАЛНИ СТРАТЕГИИ В ХЪРВАТСКИЯ РОМАН НА 80-ТЕ И 90-ТЕ ГОДИНИ НА ХХ В.)

The text addresses the problems of the Croatian novel from the end of the 20th century in the context of the prose of the period. Underlining the influence and value of images at the end of the century the report accents the link between clichés and graphic elements, used in addition to the text and the poetry of novels. This paper studies some visual strategies (the cover, the layout) utilized during the crisis years in the space of the Croatian literature production. It aims to present the existing connection between the artistic text and the visuals portraits as an attempt to advertise and promote the text to the reading public.

Key words: croatian novel, book cover, end of the 20th century, visual strategies

В доклада ще разгледаме проблематиката на хърватския роман от края на ХХ в. в контекста на прозата от периода 80-те и 90-те години на ХХ в. Подчертавайки влиянието и значението на визуалността в края на века, ще акцентираме върху връзката между клишетата и графичните елементи, използвани като допълнение на художествения текст и поетиката на романите.

В текста изследваме някои визуални стратегии (корица, графично оформление), прилагани в годините на криза в пространството на хърватската литературна продукция. С това целим да очертаем наличието на връзка между художествен текст и визуалност като част от опита за рекламиране и предлагане на текста на читателския пазар.

Визуалността на художествените проекции и визуалната рецепция без съмнение са белязали изкуството на двадесети век. Възходът на масмедийния пренос на информация повлиява формирането / култивирането на медийното съзнание, като го прави зависим от визуалната рецепция, от езика на картината, съответно на графичния знак, потискайки „многовековното наследство на Гутенберговата галактика” (Чегец 1994: 11). Съвременната цивилизация се нарича още цивилизация на образа или на художествения знак, а ХХ век – век на визуалната комуникация.

Кориците на една книга трябва да бъдат оригинални, независими и уникални. Творчески, рефлексивни, изразителни, комуникативни, да Изразяват идеи, но и предизвикват емоции.

Във времето, в което книгата трябва да хване окоето на един потенциален читател, именно корицата е водещият фактор при решаване коя книга да бъде избрана. Атрактивната външност работи и тук, до втори поглед рядко се стига. Освен корицата тук голяма роля играят заглавието и разлистването, както и анонсът на задната корица. Първото впечатление е изключително важно. Корицата е първата интеракция между читателя и книгата, съдържанието и стилът тук не са критерии. Именно корицата първа събужда интереса към книгата.

Много преди примамката на изгледа, литературата е усетила възможностите на визуализацията (разбира се на статичната, за разлика от съвременните движещи се нови медии), т.е. конкретизацията на обективната реалност чрез употребата на графичния знак като градивен елемент на текста. Векът на художествен експеримент в литературата се вижда в плана на конкретизация, опредметяване и деструкция на традиционно тълкувания поетичен език. Краят на ХХ век в литературата отбелязва новият текст, синтетичната взаимнообвързаност на историческия опит и приноса на новите медийни изкуства, от филма до телевизията до видеото.

В едно есе от 1992 г. Бранко Чегец казва: „Ако по някаква случайност през последните месеци сте наминали в някоя загребска книжарница, може да сте видели най-вече полупразните полици, болезнената липса на нови заглавия, резигнирани продавачки, брутално арогантни цени на редките нови издания и необозрими купчини от стари заглавия, които карат кожата ти да настръхне от непонятната безценица.” (Чегец 1994: 163)

Една корица трябва да спазва нормите на жанра, да убеждава читателите да погледнат по-отблизо на книгата, трябва да отразява съдържанието и да предразполага читателя към стила на писане. В традиционните издателства авторите почти нямат директна връзка с книгите си след като предадат ръкописите. Корицата обикновено е централната визуална репрезентация на книгата. Корицата обикновено представлява картина, която комбинира изящност и сериозността на текста с елементите, необходими да се продаде книгата, като например заглавие, биография на автора и отзиви. Дизайнерът трябва да избере подходящото художествено оформление от символите, за да прекосят пропагандата между литература, изкуство и търговия. Символичното значение на добре дизайнираната корица се измени с навлизането по-навътре в историята. Посланието на книгата е завършено след като читателят прочете историята, и, с последен поглед към корицата, напълно разбира цялостната връзка между текст и корица.

Дизайнът на корицата е решаващ. Въпреки че знаем, че не трябва да съдим за книгата по корицата, именно тя формира първото ни впечатление за книгата. Успешната корица привлича

вниманието, докато съдържанието на задната корица дава информация и оценностява книгата. Корицата носи и рекламната функция на книгата, тя е ключов маркетингов инструмент за продажба и разпространение.

Картината на корицата изразява целевата група, към която е насочено произведението.

Масова култура = масова публика. Това е уравнение без неизвестно. Литературата не е форма на масовата култура („даже във варианта бестселър” – вж. Чегец 1994), и даже твърденията за смъртта на литературата заради намаляването на читателския интерес не са обосновани. „Изкуство” и „живот” наистина се преплитат и то в затворен кръг – което значи, че изкуството моделира само себе си под формата на стока, в която вече е инвестирана естетическа привлекателност. (Игълтън 1998: 73) А именно, литературата спира да бъде само комплекс от литературни подходи в момента, в който решава да бъде комплекс от художествени техники. В това отношение можем да дадем няколко примера, в които книгата, поне външно, е превърната в продукт с цел да бъде закупен. Романи от разглеждания период, чието съдържание категорично не кореспондира с посланието от корицата, са *Pasoš za ljubav* на Емил Строк, *Kravata* и *Otok snova* на Дамир Милош. Но знаем, че интуитивното познание подкрепя визуалната логика на въздействието, което, за разлика от интелектуалното познание, се извършва в рамките на сетивните сили, които се намират в свободно взаимно съотношение. Затова и дизайнерите на корици разчитат на тази свободна асоциативна нишка, която играе с читателските очаквания и предположения.

В този смисъл много от кориците на книгите не толкова не съответстват на тематиката на текста, колкото са подчертали един ракурс, който привлича погледа на читателя купувач – а именно еротичния елемент. Кориците на романите *Odisejev erotikon* (Барбиери), *Kapetanov dnevnik*, *Otok snova*, *Nabukodonozor* (Дамир Милош), *Mimi*, *Pasoš za ljubav* (Емил Строк), *Dvorac u Romagni* (Игор Щикс), *Medvedgradski golubovi* (Иван Кушан), *Fatalna Matilda* (Стево Дракулич) внушават идеята за телесността като водеща в книгите, което в повечето случаи не отговаря на съдържанието. Това е една от познатите стратегии за привличане на вниманието на купувача - подобна обложка предполага определено очакване - любовните романи винаги са били търсени и подобни корици гарантират интерес от страна на аудиторията. Еротичните елементи в оформлението на кориците, визията на преплетени тела и намекът за голота са чести в годините на криза, която трябва да се преодолее по един или друг начин.

Друга тема, която се засяга чрез визуалното оформление, е семейството. За романите *Soba za razbijanje* (Томислав Зайец), *Riva i družici ili, caco su nassa dizza* (Милан Раковац), *Smrt u Opatiji* (Дамир Милош) са използвани семейни, даже родови снимки, като връзка с тематиката на книгите. И наистина – темата за разпадащата се общност, на ниво семейство, или в по-глобален аспект, до голяма степен занимава авторите в периода. Войната от 90-те години в първия случай, италианската окупация на Риека през 40-те години във втория, или „класически” постмодернистичен роман в третия, всички показват застрашеността на семейната общност и загубената идилгия на "някогашната" родова взаимност. Стилизираны като стари снимки с множество хора, и те са пример за прилагане на популярна стратегия за внушаване на определени банални послания.

Феноменът на хърватската джинс проза, познат през 60-те и 70-те години, в разглеждания период продължава да има последователи. Можем да дефинираме тези романи като "рецидиви на джинс прозата", тъй като те съдържат много характерни символи, разпознаваеми във всякакъв контекст – дънки, музикални носители, китари, снимки на популярни артисти или певци. Тъй като и по тематика книгите са свързани с носталгията по времето на порастване, кориците им също са оформени с идеята за отминали ценности, запазени в индивидуалната памет като реликви. Интересно е да се отбележи, че именно този тип романи преживяват няколко издания. Горан Трибусон с *Rani dani* и *Trava i korov*, Борбен Владович с *Boja željeznog oksida*.

Един мотив, който се появява сравнително често и също е разпознаваем, е този за куклата, клоуна. Различни модели на романа, с различна тематика, следващи различни традиции – *Svi kapetanovi brodolomi* и *Vidra* (Феджа Шехович), *Clown* (Милко Валент), използват идеята за марионетката. Към тях можем да добавим и кориците на *Epitaf carskog gurmata* на Велько Барбиери и *Ispovijedi nekarakternog čovjeka* на Иво Брешан, които с кориците си внушават идеята за репресията, за потиснатия от външни фактори човек. Хората с хартиени пакети на главите, които виждаме в корицата на романа на Брешан, са сложили маска, подобна на тази на клоуна или марионетката.

Връзка с европейската традиция на изобразително изкуство виждаме в няколко корици. *Privatna stvar* на Далибор Цвитан, издадена посмъртно, използва картина, изписана в духа на Йеронимус Бош, *Dvorac u Romagni* на Романо Мъркич изобразява две римски статуи, поставени в полуеротична позиция, *Triptih* на Мирослав Брандт и второто издание на *Dvorac u Romagni* на Мъркич използват фрагменти от ренесансови картини.

Едно от най-изразителните и рафинирани средства за контролиране, е развивано в смисъла на естетическите измерения преди всичко в изобразителното изкуство. Както знаем, самите изобразителни елементи (линия, посока, форма, големина, цвят, текстура и др.) и принципите, които се прилагат (контраст, хармония, доминанта, повторение, градиция, равновесие) са и конкретно ориентирани

дадености, като истински и въздействащи сили. Визуалното им въздействие е непосредствено, в прякото въздействие и тяхната целенасоченост не зависи изключително от разума. Следователно онова, което най-напред забелязваме, не е (естетическото) разполагане на фигурите (предмети, цветове, форми, движения, големина), а особеното взаимодействие на процесите в зрителното поле. По инерцията на конвенционалното виждане забелязаната фигура, а не нанасянето на цвета, е художествена творба. В това отношение от техническа гледна точка някои романи използват фотографии, както вече казахме, а други – техниката на колажа. *Otok pod morem* (Маринко Кошчец), *Rani dani, Trava i korov* (Горан Трибусон), *Svi kapetanovi brodolomi, Vidra* (Феджа Шехович), *Ispovijedi nekarakternog čovjeka* (Иво Брешан) в постмодернистичен дух прилагат наслагването и залепянето на различни техники, смесват цветове, играят с естетическото възприятие на реципиента, за да получат картина, съответстваща не само на посланието или стила на книгата, но и на изискванията на времето. Така контрастът и предизвикателството стават един от елементите, които бележат модерната корица.

Акцентът на загатката също се среща често – неясни образи, размазани снимки, в които идеята блуждае. *Četverored* (Иван Аралица), *Kapetanov dnevnik, Otok snova, Kravata* (Дамир Милош) – в тях образите се губят, само се загатват, в хармония със съдържанието на книгите.

Когато става дума за целенасочена употреба на огромната мощ на визуалната артикулация, което например важи особено за масмедията на ХХ в., тогава имаме причина отново да си представим изворната мощ на образа, на визуалния знак над думите над вербалния знак.

Визуалната култура насърчава отразяването на различията между изкуството и не-изкуството, визуалното и невербалните знаци и съотношенията между различните сетивни и семиотични режими. Визуалната култура също така привлича вниманието над допира, слуха, сетивата и феномена синестезия. Няма визуални медии. Всички медии са смесена техника, с различни съотношения на сетивата и знакови типове. Визуалната култура е визуално изграждане не само на социалното конструиране на зрението. Въпросът за визуалния характер е централен и неизбежен. (Мичъл 2009: 90-91)

Можем да завършим с още един цитат от Бранко Чегец, който обрисова обстановката в края на ХХ век в литературната индустрия: "Чак досега литературата по тези земи беше ужасяващо евтина, но книгите, въпреки този факт, все пак бяха скъпи. Даже много по-скъпи отколкото в богатите страни, въпреки че и най-баналните сметки показват, че в разумни рамки на издателска политика за това не е имало оправдание. Но, въпреки опитите пазарно да се уеднаквят цените на книгите по книжарниците и тези на вибраторите по секс-шоповете, извънгабаритните социалистически издатели са необратимо провалени, а като единствен резултат от дългата си агония, тяхната непоносимо бавна смърт, появи се най-буквалната проституция на книгата, безсрамна разпродажба на традицията, репутацията и безспорните приноси към хърватската култура.

Времето наистина не е подходящо за книги, но не беше ли по-честно да ги раздадат, вместо да ги продават по-евтино от цената на торбичката, в които ги слагат." (Чегец 1994: 164)

Библиография:

- Игълтън 1998: Eagleton Terry, *Kapitalizam, Modernizam i postmodernizam*. In: „Književnost, povijest, politika”, priredio Zlatko Kramarić. Osijek, Svjetla grada.
 Мичъл 2009: Mitchell W. J. T. *Showing seeing: A critique of visual culture*. In: The visual culture reader, Routledge.
 Чегец 1994: Čegec Branko. *Fantom slobode*. Zagreb, naklada MD.

Използвана художествена литература:

- Aralica, Ivan. *Četverored*. Znanje, Zagreb, 1996.
 Barbieri, Veljko. *Epitaf carskog gurmana*. AGM, Zagreb, 1998.
 Barbieri, Veljko. *Odišejev erotikon*. Drugo izdanje, Slobodna Dalmacija, 2005.
 Brešan, Ivo. *Ispovijedi nekarakternog čovjeka*. Znanje, Zagreb, 1996.
 Cvitan, Dalibor. *Privatna stvar*. Stajer-graf, Zagreb, 2000.
 Drakulić, Stevo. *Fatalna Matilda*. Mladost, Zagreb, 1987.
 Hitrec, Hrvoje. *Ljubavi na crnom baršunu*. August Cesarec, Zagreb, 1987.
 Miloš, Damir. *Kravata*. Meandar, Zagreb, 1998.
 Miloš, Damir. *Nabukodonozor*. Meandar, Zagreb, 1995.
 Miloš, Damir. *Otok snova*. Meandar, Zagreb, 1996.
 Miloš, Damir. *Smrt u Opatiji*. Izdavački centar Rijeka, Rijeka, 1988.
 Rakovac, Milan. *Riva I družu ili caco su nassa dizza*. Globus, Zagreb, 1983.
 Strok, Emil. *Pasoš za ljubav*. Naklada MD, Zagreb, 1994.
 Šehović, Feđa. *Svi kapetanovi brodolomi*. Durieux, Zagreb, 1992.
 Šehović, Feđa. *Vidra*. Školska knjiga, Zagreb, 1994.
 Štikš, Igor. *Dvorac u Romagni*. Durieux, Zagreb, 2000.; drugo izdanje – *Fraktura*, Zagreb, 2007.
 Tribuson, Goran. *Rani dani*. Znanje, Zagreb, 1997.; *Mozaik knjiga*, Zagreb, 2007.
 Tribuson, Goran. *Trava i korov*. *Mozaik knjiga*, Zagreb, 1999.; 2002.; 2009.
 Valent, Milko. *Clown*. Izdavački centar Rijeka, Rijeka, 1988.
 Vladović, Borben. *Boja željeznog oksida*. Grafički zavod Hrvatske, Zagreb, 1989.

Александар Мудри

Филозофски факултет Нови Сад, Одсек за русинистику
Србија, Нови Сад

ХУНГАРИЗМИ У РАТАРСКОЈ И ПОВРТАРСКОЈ ЛЕКСИЦИ КОД РУСИНА У ВОЈВОДИНИ

This paper analyzes the loanwords from Hungarian language that are part of the agricultural lexicon in Ruthenian language in Vojvodina. Lexemes are classified with respect to the language of origin. Since the relocation of Ruthenians in the mid-eighteenth century Bačka, Ruthenian lexicon is divided into old and new lexicon. The material is placed in the context western Ukrainian and eastern Slovak dialects. Based on the presence of certain lexemes dialects in the Carpathian area concluded the membership of that lexeme old or new layer Ruthenian vocabulary.

Key words: Ruthenian language, Lexicology, Hungarian Loanwords, old and new lexicon.

У овом раду ћу покушати осветлити трагове некадашњих и данашњих контаката Русина и Мађара. Тачније, циљ овог рада је представљање уплива мађарског језика на формирање пољопривредне лексике у русинском језику.

Материјал који је анализиран у овом раду је сакупљен путем теренског истраживања за мастер рад „Ратарска и повртарска лексика код Русина у Војводини” у местима Руски Крстур и Куцура.

Русини су кроз историју живели у контакту са другим народима. С обзиром на историјске околности, односно пресељавање Русина из данашње североисточне Мађарске и Источне Словачке у Војводину, најпре Бачку, ти контакти су се мењали остављајући свој траг у језику.

Као важан моменат у развоју русинског језика, код русинских лингвиста се наводи досељавање Русина у Бачку које се одиграло половином 18. века. У старом крају су Русини живели у окружењу Словака, Мађара и Немаца па су позајмљенице стечене на тој територији и у то време резултат контаката с тим народима. После досељавања у Доње крајеве тадашње Угарске, Русини су се нашли у сличној ситуацији по питању језичких контаката, с обзиром на то да су у Бачкој били у окружењу Срба, и опет, Мађара и Немаца.

С обзиром на време досељавања Русина у Бачку, уобичајено је да се русинска лексика дели на стару или карпатску лексику и нову лексику формирану после досељавања (Рамач 2006: 400). У старом слоју, односно карпатској лексици највише је мађарских позајмљеница, потом германизама, латинизама, грекизама, црквенославјанизама, румунизама итд. Након досељавања, поред хунгаризама и германизама присутни су и србизми.

Хунгаризмима се у овом раду сматрају све лексеме изворно мађарског порекла за које у речницима проналазимо потврду. Такође, то су и лексеме које су посредством мађарског језика стигле у русински. Поред изворно словенских речи то су и лексеме из немачког, латинског, грчког или турског језика.

Претходна истраживања

Прве анализе позајмљеница у русинском језику је обавио Хавријил Костељник у књизи *Граматика руског језика* (Граматика русинског језика) (Костељник 1923). На том месту Костељник према броју издваја мађарске, немачке и српске позајмљенице. Између осталог, ту су наведене и лексеме из сфере пољопривреде, па тако Костељник наводи мађарске позајмљенице: *ашов, баюси, биреш, галов, газ, деп, деплови, дилъов, калап, коч, мендиговдал* (не и *вендиговдал*), *парадича, параст, рис, салаш, сейк, файта, фалат, фела, хотар, шор, яраш*. Позајмљенице из француског, италијанског, латинског и румунског су се према Костељнику у русинском језику нашле посредством мађарског или српског језика.

Поред Костељника, позајмљеницама у русинском језику бави се Јулијан Рамач, у приручнику *Руска лексика (Русинска лексика)* (Рамач 1983) у којем су представљене и класификоване позајмљенице и где се први пут узима у обзир промена територије па тако и промена језичких контаката код Русина.

О позајмљеницама у русинском језику пише и Олекса Хорбач (Олекса Горбач) (Горбач 1969) у раду „Лексика говірки бачванско-срмських українців” (Лексика говора бачванско-срмских Украјинаца).

Микола М. Кочиш се бави хунгаризмима у раду „Словник мађарских позичкох” (Речник мађарских позајмљеница) (Кочиш 1978). Поред њега, хунгаризмима се интересује и Ђура Лаћак у речнику „Толкови словник словох и їх значењох позичених з мађарског језика, або прејг њого” (Речник речи и њихових значења из мађарског језика, или посредством њега) (Латјак 1997).

Информације о хунгаризмима у украјинском језику на Закарпатју проналазимо у радовима П. М., Лизанецца (Петро Миколайович Лизанець): *Угорсько-українські міжмовни контакти (на матеріалі українських говорів Закарпаття)* (Мађарско-украјински међујезички контакти (на материјалу украјинских говора Закарпатја)) (Лизанець 1970), *Атлас лексичних мађаризмів та їх відповідників в*

українських говорах закарпатської області УРСР (Атлас лексичких хунгаризма и њихових еквивалената у украинским говорима Закарпатске области УРСР) (Лизанець 1976а), *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья* (Мађарске позајмљенице у украинским говорима Закарпатја) (Лизанець 1976б).

О мађарским и немачким позајмљеницама у источнословачким и украинским говорима Источне Словачке пише Петер Кираљи (Péter Király) у раду „Mađarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska” (Мађарске и немачке речи у источнословачким и украинским говорима Источне Словачке) (Király 2009).

Ови радови, поред речника западноукрајинских и источнословачких дијалеката, помажу у разумевању језичких контаката у старом крају. При одређивању припадности одређене лексеме старом или новом слоју узима се у обзир да ли је она присутна у западноукрајинским или источнословачким говорима.

Такође, консултују се и етимолошки речници словенских језика (руског, украинског, словачког, пољског и српског језика) али и немачки и одговарајући речници мађарског језика.

Мађарско-русински контакти

Кроз векове су Русини у старом крају живели у директном контакту са Мађарима. Поред латинског, мађарски језик је био државни језик. Према Рамачу, најстарији хунгаризми (*терха, хотар, хасен, харча, хиба*) у русинском језику су пре 12. века. Овај закључак Рамач изводи на основу разлике у фонетском систему два језика. Наиме, у русинском и појединим словенским језицима, до 12. века није постојао грлени глас *h*, који је у то време присутан у мађарском. Због тога су Русини мађарске речи са тим гласом адаптирали са најближим одговарајућим гласом, онако како су то они чули, односно са задњонепчаним *x* нпр. *терха, хотар*. Касније, када се овај глас појављује и у другим словенским језицима, односно после 12. века, позајмљенице из мађарског језика које у свом фонетском саставу имају грлени глас *h* преузимају се одговарајућим гласом, нпр. *габ, галов, ганта* (Рамач 2006: 405).

У карпатској лексици, односно старом слоју има преко 600 лексема пореклом из мађарског језика (Рамач 2006: 407). Нових хунгаризма је мање.

Хунгаризми у пољопривредној лексици

Према класификацији русинске лексике на стару и нову, у оквиру ове тематске групе више је старих хунгаризма (55). То су следеће лексеме: *аренда* (од мађ. *árenda* > лат. *arrenda*) “аренда, закуп, надокнада за коришћење туђе њиве”, *арендаш* (од мађ. *arendás*) “особа која издаје земљу у закуп”, *ашов* (од мађ. *ásó*) 1. “алатка”; 2. “мера”, *бајус* (од мађ. *bajusz*) “жила на доњем делу плода лубенице или диње”, *биреш* (од мађ. *béres*) “особа која је радила за газду и живела на његовом салашу”, *ботар* (од мађ. *bogár*) “инсект Coleoptera, ровац”, *ваташи* (од мађ. *vágás*) “на меканом, земљаном путу урезани, усечени траг од точкова сеоске запреге”, *галов* (од мађ. *háló*) “трагаче, мрежа постављена на две паралелне мотке на коју пада плева из дреш машине”, *гамбар* (од мађ. *hambár*) “амбар”, *голт / голт* (од мађ. *hold*) “мера за површину земље: 5754,6 м² или 1600 квадратних вати”, *гурка* (од мађ. *hurka*) “део који спаја кош и цеви сејачице”, *газда* (од мађ. *gazda* > *gospoda*) “1. домаћин; 2. богати човек”, *деплови* (од мађ. *gyeplő*) “дизгине, узде, вођице”, *доган* (од мађ. *dohány*) “дуван”, *дудва* (од мађ. *dudva*) “штир, *Amaranthus* L.”, *забановац ше* (од мађ. *bán*) “омлитавити, малаксати, спласнути”, *калап* (од мађ. *kalap*) “врх, цвет на стаблу сунцокрета у којем је зрно”, *капчац* (од мађ. *kapcsol*) “повезати, сјединити”, *кормань-деска* (од мађ. *kormány-deszka*) “табла на плугу”, *коцка* (од мађ. *kocka* > прасл. **kostьka*) “фалат жеми у форми коцки”, *коч* (од мађ. *kocsi*) “1. превозно средство, запрежна кола; 2. наслагано жито на колима, воз”, *кошар* (од мађ. *kosár* > прасл. **кошь*) “цилиндрични суд испелетен од прућа за чување и краћи транспорт”, *кромпли* (од мађ. *krumpli, kromplé, krompli* > нем. *Grundbirne*) “кромпир”, *кукуруца* (од мађ. *kukorica*) “кукуруз”, *мажа* (од мађ. *máza*) “одређена измерена количина терета (у новије време 500 кг)”, *марадик* (од мађ. *maradék*) “девет сложених (великих) снопова житарица покошених ручно или косачицом, односно четрнаест (малих) снопова житарица покошених везачицом”, *метер* (од мађ. *meter*) “мера, сто килограма”, *парадича* (од мађ. *paradicsom*) “парадајз”, *параст* (од мађ. *paraszt* > слов. *prostь*) “пољопривредник, ратар”, *парлар* (од мађ. *parlag* > слов.) “необрађена земља, парлог”, *пасуля* (од мађ. *pasulya*) “пасуљ”, *поньва* (од мађ. *ponyva* > *ponjava*) “веће четвороугаоно парче платна, поњава”, *репчень* (од мађ. *repcsényi* и *repcsin, repcsen, repce*) “горушица, *Sinapsis arvensis* L.”, *рискаша / пишкаша* (од мађ. *rizkása*) “пиринач, *Oryza sativa* L.”, *рошта* (од мађ. *rosta* > слов. *rešeto*) “мрежаста направа за пречишћавање зрна”, *рудаш* (од мађ. *rudas*) “багља, навилјак, стог”, *салаш* (од мађ. *szállás*) “кућа са економским објектима на имању ван села”, *сцимбориц ше* (од мађ. *cimbori*) “удружити се у послу”, *угор* (од мађ. *ugar* > слов.) “угар, поорана стрњика”, *урбар* (од мађ. *urbárium* > лат.) “обавезан рад на државној земљи”, *фајта* (од мађ. *fajt, fajta*) “категорија истородних предмета, биљака”, *фалат* (од мађ. *falat*) “део веће површине, њиве, парче”, *фатюга* (од мађ. *fattyú*) “изданак, младица која израсте из корена на дну стабла”, *фиювка* (од мађ. *fiók*) “леја, издужен и мало издигнут комад обрађене земље засејан или засађен поврћем или цвећем”, *хотар* (од мађ. *határ*)

“атар”, *цирок* (од мађ. *cirok* > лат. *Siricus*) “сирак, *Sorghum Moench*”, *чичовки* (од мађ. *csicsóka*) “чичока, *Helianthus tuberosus L.*”, *чутак* (од мађ. *csutak*) “1. чокањ, кочањ; 2. гужва сламе, сена”, *чутка* (од мађ. *csutka*) “1. клип кукуруза; 2. шапурика”, *шајт* (од мађ. *sajtó*) “део уљаре, преса”, *шалата* 1. (од мађ. *saláta*) “назив за више врста биљака које се, зачињене, користе као додатак, прилог јелима; 2. салата, *Lactuca sativa L.*”, *шор* (од мађ. *sor*) “ред биљака које долазе једна иза друге у истој линији”, *шпарга* (од мађ. *spárga*) “канап (за везивање браника, тоље)”, *шуљок* (од мађ. *sulyok*) “справа чији је основни део цилиндар за равнање и притискање пооране земље”, *чапаиш* (од мађ. *csapás*) “траг од ногу или превоза у снегу, блату”, *чаповка* (од мађ. *csapó*) “браник, тоља, прут привезан на један крај косе који при кошењу ваља жито на једну страну како не би падало на све стране”.

Мање има нових хунгаризама (41): *адјаш* (од мађ. *ágyás*) “вршај, разбацано, сложено жито које се врши гажењем, млатилиште”, *адязовац* (од мађ. *ágyázní*) “врћи житарице гажењем”, *бандугазда* (од мађ. *bandagazda*) “особа која је организовала рад на дреш машини”, *Бела пуста / Била* (од мађ. *Béla, Bélapusztá*) “микротопоним, назив дела атара”, *бијала* (од мађ. *bivaly*) “биво, *Bubalus*”, *бокорење* (од мађ. *bokor*) “расти у облику бокора”, *вендиговдали / мендиговдали* (од мађ. *vendégoldal*) “бирвати, помоћнице, две дуже гредице које се намештају са леве и десне стране како би се проширила површина на коју се ставља терет”, *гепла* (од мађ. *gép* / нем. *Gepla – Göpel*) “долап, справа помоћу које се извлачила вода из бунара, покретала сечка или нека друга машина”, *гајтов* (од мађ. *hajtó*) “ручица на вејалици и сечкалици”, *ганчик / ганцик* (од мађ. *hancsik*) “анта, гомилица земље као међа на њиви”, *таз* (од мађ. *gaz*) “1. коров; 2. смеће које остане после чишћења, селектовања зрна”, *тепета* (од мађ. *görög(dinnye)*) “лубеница”, *тордон / тордонь* (од мађ. *gordon*) “1. стричак, паламида бодаљ, *Carduus crispus L.*; 2. осјак, бода, бодож, *Cirsium vulgare (Savi) Tem*”, *даралов* (од мађ. *daráló*) “крупно самлевено зрно кукуруза за храњење стоке”, *деп* (од мађ. *gyep*) “ливада”, *дильов* (од мађ. *dűlő*) “1. ленија; 2. путељак; 3. улаз на салаш”, *доронга* (од мађ. *dorong* > прасл. *drqgъ) “руда у сувачи или на коњској машини”, *клајбасови* (од мађ. *plajbác, plébász* > нем. *Bleiweisstift*) “плод који има форму, дебљину оловке”, *коров, корово / горово* (од мађ. *kóró*) “коров”, *лапоиш* (од мађ. *lápós*) “ниже место на њиви где обично стоји вода после кише или снега”, *мата* (од мађ. *mag*) “мања коштица у плоду”, *Медеш* (од мађ. *Megyes*) “назив дела рускокрстурског атара”, *мугар* (од мађ. србизма *tuhar*) “мухар, *Setaria Beauv.*”, *пајта* (од мађ. *pajta* > прасл. *rajata*) “амбар, зидан са стране, поред куће”, *паньваиш* (од мађ. *pányvás, pányva*) “дугачки конопац који се користи за везање терета на запрежним колима”, *патаинга* (од мађ. *pating* > прасл. *potęgъ) “део плуга која повезује плуг са предњим делом”, *паприга* (од мађ. *paprika*) “паприка, *Capsicum annuum L.*”, *рис* (од мађ. *rész* > нем. *Riß*) “део рода, приноса који надничар заради код газде”, *сејки* (од мађ. *szik*) “1. слатинасто земљиште; 2. Сејки, микротопоним”, *селеловац* (од мађ. *szelel*) “провејавати, просејавати”, *тараска* (од мађ. > слов. *trosk-*) “зубача, *Synodon dactylon (L.)*”, *тарча* (од мађ. *tárçasborona, tárcsa* > нем. *Tartsche*) “врста дрљаче за дробљење, ситњење земље”, *тереки* (од мађ. *tör*) “ситна слама са плевом настала приликом вршења”, *чиразовац* (од мађ. *csíra, csírázik*) “клијати”, *шуљок* (од мађ. *sulyok*) “справа чији је основни део цилиндар за равнање и притискање пооране земље”, *јраиш* (од мађ. *járás*) “ливада”, *јргань* (од мађ. *járgány* > срп.) “долап, машина коју покрећу коњи или волови. Коришћена је за извлачење воде из бунара, вршење и др.”.

Највише хунгаризама је у микропољима: Њива, делови њиве (8): *ватаиш*, *деп*, *дильов*, *коцка*, *фалат*, *јраиш*, *чапаиш*, *хотар*; Делови биљке (6): *калап*, *мата*, *фатюга*, *чутак*, *чутка*, *бајос* и Ручне алатке за припремање њиве и сакупљање култура (5): *ашов*, *поньва*, *рошта*, *шпарга*.

Закључак

На основу анализе прикупљеног материјала може се закључити да је мађарски језик има снажан утицај на формирање пољопривредне лексике Русина у Војводини. Забележено је укупно 96 хунгаризама, од којих је 56 прихваћено у старом крају, а 40 после досељавања.

Међу наведеним хунгаризмима налазе се и они који су изворно словенске позајмљенице у мађарском нпр. *доронга*, *коцка*, *газда*, *кошар*, *мугар*, *пајта*, *параст*, *парлаг*, *патаинга*, *поньва*, *тараска*, *угор*, *јргань*.

Најчешће су Русини прихватили мађарску реч када је било потребно означити називе пољопривредних површина. Често се помоћу мађарских речи именују нове биљке и њихови делови. Такође, хунгаризми су присутни и када се означавају ручне алатке за припремање њиве и сакупљање култура.

Функцију језика посредника су најпре, до досељавања у Бачку, вршили словачки и пољски језик. Од досељавања до почетка 20. века – мађарски, а од Другог светског рата до данас ову функцију има српски језик.

Некада, када је мађарски уплив био јачи код Русина је прокламован отпор према мађаризмима и германизмима а предност је давана србизмима. Данас, када су се околности промениле, мађарске речи се чувају и третирају као део стандардног језика, насупротив србизмима.

Литература

- Bruckner, Aleksander (1985), *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Warszawa, Wiedza Powszechna.
- Buffa, Ferdinand (2004), *Slovník šarišských nářečí*. Prešov, Vydavateľstvo Nauka.
- Boryś, Wiesław (2005), *Slovník Etymologiczny języka polskiego*. Kraków, Wydawnictwo literackie.
- Halaga, Ondrej Richard (2002), *Východoslovenský slovník*. Košice - Prešov Universum.
- Király, Peter (2009), *Maďarské a nemecké slová vo východoslovenských a ukrajinských nárečiach Východného Slovenska*. *Studia Russica XXIII*. 55-80.
- Kluge, Friedrich (1957), *Etymologisches Wörterbuch der deutschen sprache*. Berlin, Walter de Gruyter & Co.
- Machek, Václav (1971), *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, Československá akademie věd.
- Skok, Petar (1971-1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I-IV*. Zagreb, JAZU.
- Szarvas, Gáborés; Simony, Zsigmond (1890-1893), *Magyar Nyelvtörténeti szótár, I-III*. Budapest, Kiadja Hornyánszky Viktor Akadémiái Könyvkereskedése.
- Горбач, Олекса (1969), *Лексика говірки бачвансько-срмських українців*. *Науковий збірник Музею Української Культури в Свиднику*, 4. 309-349.
- Закревська, Ярослава (1997), *Гуцульські говірки-короткий словник*. Львів, Національна академія наук України.
- Карпенко, Ю. О. (1971), *Матеріали до словника буковинських говірок I-VI*. Чернівці, Міністерство вищої і середньої спеціальної освіти.
- Костельник, Гавриїл (1923), *Граматика руского языка*. Сремски Карловци, Руске народне просвітне друштво - Српска манастирска штампарија.
- Кочиш, М. Микола (1978), *Словнік мадярських позичкок*. In: *Лінгвістичні роботи*. Нови Сад, Руске Слово.
- Латяк, Дюра (1997), *Толкови словнік словох и їх значеньох позиччених з мадярського языка, або преїг нього*. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyiregyháziensia*, 5.
- Лизанець, П. М. (1970), *Угорсько-українські міжмовні контакти (на матеріалі українських говорів Закарпаття)*. Ужгород, Ужгородський державний університет.
- Лизанець, П. М. (1976а), *Атлас лексичних мадяризмів та їх відповідників в українських говорах закарпатської області УРСР*. Ужгород, Ужгородський державний університет.
- Лизанець, П. М. (1976б), *Венгерские заимствования в украинських говорах Закарпаття*. Будапешт, Издательство Академии наук Венгрии.
- Мельничук, О. С. (1982 - 2006), *Етимологічний словник української мови, I-VII*. Київ, Наукова думка.
- Онишкевич, М. Й. (1984), *Словник бойківських говірок I-II*. Київ, Академія наук української РСР.
- Піпащ, Юрій (2005), *Матеріали до словника гуцульських говірок*. Ужгород, Ужгородський національний університет.
- Рамач, Юліян (1983), *Лексика руского языка*. Нови Сад, Универзитет у Новим Садзе, Филозофски факултет, Институт за педагогію, Катедра за руски язык.
- Рамач, Юліян (2006), *Граматика руского языка*. Београд, Завод за уџбенике и наставна средства.
- Сабадош, Іван (2008), *Словник закарпатського села Сокирниця хустського району*. Ужгород, Ужгородський національний університет.
- Тимко, Оксана (1998), *Ботанічна і зоологічна номенклатура бачванських руснаків*. Ужгород, Ужгородський державний університет.
- Фасмер, Макс (1986-1987), *Этимологический словарь русского языка, I-IV*. Москва, Прогресс.

интернет

MNL: Magyar néprajzi lexikon, <http://mek.oszk.hu/02100/02115/html/index.html>

Наталья Овчаренко

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды
Харьков, Украина

МЕТАФОРА В ПИСЬМАХ Б. ПАСТЕРНАКА К М. ЦВЕТАЕВОЙ

The task to research the peculiarities of metaphor application in B. Pasternak's letters to M. Tsvetaeva is raised in the article. Following N.D. Arutyunova's classification of metaphor transfer we analyze nominative, cognitive, figurative and generalizing metaphors in letter as an unexplored area in stylistics. A special attention is paid to metaphorical context as an essential part of writer's epistles.

Key words: metaphor, metaphorical context, semantic sphere transfer, N. Arutyunova's classification.

Метафора интересовала исследователей различных областей знания со времён Аристотеля и представляет большой интерес для науки в наше время. Рассмотрим различные интерпретации метафоры с точки зрения лингвистики.

В определении метафоры будем опираться на работы Д.Н. Арутюновой, которая обращает внимание в первую очередь на принципиальные различия между метафорой языковой и художественной (Arutyunova 1990: 22-26). В работах Г.Н. Скляревской принимается за основу современное понимание языковой метафоры как вторичной косвенной номинации при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента (Sklyarevskaya 1993: 12). Автор подчёркивает, что именно косвенное название объекта, смысловая двойственность и наличие образа выступают на первый план в метафоре. С другой стороны, некоторые учёные утверждают, что метафора обладает свойствами, присущими таким стилистическим средствам, как символ, аллегория, эмблема (Osadko 2005: 58-63).

Важным аспектом изучения метафоры является теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые утверждают, что метафора соотносит концепты определённых понятий. Процессы мышления человека по природе своей метафоричны, много столетий назад это заметил Квинтилиан. Из этого следует, что метафора – явление не исключительно языковое, но явление, с которым человек едва ли не рождается, она заложена в самой природе мышления человека.

На наш взгляд, метафора представляет собой такое стилистическое средство, которое неким образом соединяет различные сферы человеческого восприятия: человек (его физический, психический мир и мир абстракций), животный мир и неживая природа.

Творчество Бориса Пастернака отличается тем, что он использует большое количество стилистических средств. Это наблюдается в письмах к Марине Цветаевой. Едва ли читатель найдёт в эпистолярном наследии писателя предложение, в котором отсутствует какой-либо троп или значительная фигура. Более того, в случае, если мы не находим стилистического средства в предложении, часть текста может выступать, в свою очередь, частью какого-либо контекста (чаще всего метафорического). Итак, приступим к описанию наиболее примечательных метафор Пастернака.

Начнём с письма к М. Цветаевой от 25 марта 1926 года. *Потом, когда они перерождены твоей мерой, мудростью и безукоризненной глубиной, достаточно повести бровью и, не меня положенья, бросить шёпотом: «А? Каково! Какой человек большой!», чтобы сердце тут же заныряло, открытое в своей болтливости, и при всех проговорах законспирированное от них породю в раздвинутых тобою далях.* В этом предложении мы имеем возможность наблюдать несколько метафор.

Во-первых, сердце предстаёт в нашем сознании как ныряющее (будто какой-либо предмет в воде) и болтающее (словно человек). Согласно классификации Н.Д. Арутюновой, в данном случае мы имеем дело с образной метафорой; по В.Г. Гаку представленный на рассмотрение троп является полным метафорическим переносом, а именно односторонней ономазиологической метафорой. Далее следует отметить, что по способу реализации компаративного элемента троп входит в разряд метафор, приписывающих объекту свойства другого объекта (по Ю.И. Левину). Стоит заключить, что метафора является потенциальной, а по семантическому виду – ассоциативной психологической. Обращаясь к вопросу о семантических сферах, которых касается метафора, мы делаем вывод, что они представляют собой сферу человек (нырять) и сферу физический мир (сердце). Нетрудно догадаться, что данный нерегулярный метафорический перенос носит характер переноса с физического мира в сферу человек, более того, характер оценки милиоративный.

Во-вторых, присутствует метафора в словах *в раздвинутых тобою далях*. Придерживаясь классификации Н.Д. Арутюновой, рассмотрим троп как образную метафору, которая охватывает две семантические сферы: человек и физический мир. В данном случае наблюдается нерегулятивный метафорический перенос «физический мир – человек», где природа в какой-то мере становится подвластной человеку, и именно человек в лице М. Цветаевой руководит природой.

Рассмотрим следующий пример. *Но именно этот-то парадокс и прокурен и облит вином на Сивцевои Вражке и издолблен в лепёшку по гимназиям.* Парадокс, абстрактное понятие, предстаёт перед

нами в качестве предмета, который подвергается некой «обработке» со стороны человека. Следовательно, анализируемая когнитивная метафора (так как парадоксу присваиваются признаки предмета) представляет собой нерегулярный метафорический перенос «абстракция – предмет», являющийся, в свою очередь, редкостью среди разновидностей метафорических переносов. Это очередной раз подчёркивает уровень владения стилистическими приёмами писателя.

Не можем обойти вниманием следующие примечательные отрывки из писем известной поэтессе.

1. Была неделя, когда я полностью вышел из семьи. 2. Ни на него, ни на это последнее, в котором я выражаю песку St.Gilles-ского пляжа свою робость и покорность и всё то, что требуется, чтобы задобрить воздух – не отвечай. 3. На самом деле я в них выражаю то самое, что составляет суть и дыхание твоего письма. 4. Вот он твой ответ. Странно, что он не фосфоресцирует ночью.

В первом предложении употреблена образная метафора, являющая собою перенос по типу человек (ходить) – психический мир (семья). Во втором примере автор выражает свою робость и покорность не живому существу, а части физического мира, части природы – песку. В этом случае мы имеем возможность наблюдать генерализирующую метафору, поскольку все логические границы стёрты, при этом происходит метафорический перенос из сферы «человек» в сферу «физический мир». Аналогичным образом мы можем охарактеризовать и метафору *задобрить воздух* – автор обращается к объектам физического мира как к представителям живого мира, неким образом олицетворяет природу вокруг себя. Что касается третьего примера, мы имеем дело с образной метафорой, в которой речь идёт о переходе тропа из сферы «человек» (дыхание) в сферу «предмет» (письмо). Из вышесказанного следует сделать вывод о том, что подвергается одушевлению у Б. Пастернака не только мир природы, но и мир предметов. Коснёмся ещё одного случая употребления метафоры (№4). В этом предложении создаётся образ ответа Марины Цветаевой, который фосфоресцирует ночью, то есть светится в темноте ясным светом. С нашей точки зрения, этим автор хотел отметить жизненную силу не только цветаевских слов в поэзии, но слов, которые поэтесса употребляет в обыденной речи, в своих письмах. Это когнитивная метафора, поскольку письму присваиваются признаки фосфоресцирующего вещества. Помимо этого, происходит регулярный метафорический перенос по типу «предмет – предмет».

Проанализировав встречающиеся в письмах Б.Пастернака метафоры, мы вспомним множество других примеров, не менее интересных с точки зрения употребления в них тропов. Примечателен следующий отрывок. *Летом, осенью и зимой будут случаи и полосы, когда нам будет казаться, что мы пошли наперекор весне, поперёк её.* Уместно отметить, что весна, на первый взгляд, психологическое понятие, становится предметом с чётко выраженными физическими параметрами: длиной и шириной. На наш взгляд, данная метафора является генерализирующей, с переносом по типу «предмет – психический мир». Меньшее внимание мы обращаем на метафору «полосы», так как она номинативная, давно утратившая свой образный элемент («полосы жизни»). Тем не менее, такой вид метафор писатель также не игнорирует.

Продолжим комплексный анализ метафорических переносов в письмах Б. Пастернака. Для этого приведём такие примеры. *1. Я не знаю, где окончилось бы это письмо и чем бы оно отличалось от жизни, позволь я заговорить в полный голос чувствам любви, удивления и признательности, которые испытываю вот уже двадцать лет. 2. Мне снилось начало лета в городе, светлая, безгрешная гостиница без клопов и быта, а может быть и подобие особняка, где я служил. 3. Не поддавайся живущей в тебе романтике. Это плохо, а не хорошо. Ты сама шире этого, а я как ты. 4. Если ты всё-таки мной недовольна, скажи это прямо, а не давай этому чувству раствориться в общем тоне слов. Такой раствор всегда огорчительнее чистого недовольства во всей крепости. 5. Последние недели перепутались у меня в памяти, и ответ на эту неуверенность даст мне письменный стол, хотя и он в совершенном запуске.*

Итак, в первом предложении речь идёт о чувствах любви, удивления и признательности, которые «говорят в полный голос», именно таким способом писатель олицетворяет психические понятия с помощью образной метафоры, служащей, как уже было сказано, переносом из сферы психического мира в сферу «человек». Добавим, что аналогичным образом выглядит и метафора «письмо, отличающееся от жизни»: непосредственно создаётся образ, более того, мы наблюдаем сходный тип переноса «предмет – психический мир». Собственно, во втором примере автор письма пользуется таким стилистическим средством, как метафора на основе метонимии, дополняя её зевгмой (*без клопов и быта*). Теперь рассмотрим третий отрывок. На наш взгляд, Б. Пастернак заметил в М. Цветаевой следующую черту: поэтесса, без сомнения, – чрезвычайно талантливый человек, но она очень любит романтику, и любое происходящее в её жизни событие облекает в романтические черты, что «отдаляет» его от настоящей жизни, «губит» реалистичность её стихотворений. Писатель подчёркивает, что она «шире этого», то есть имеет самое настоящее редкостное дарование, однако чрезмерная романтика – «это плохо, а не хорошо» для творчества. Именно с помощью образных метафор с переносом по типу «психический мир – человек/предмет» мы принимаем данную мысль.

Существуют предположения, что в отрывке №4 присутствует когнитивная метафора с переносом из сферы психического мира в сферу предметов: чувство уподобляется веществу, которое обладает

способностью растворяться, однако не в жидкости, а в объектах психического мира. Интересно отметить, что в пятом предложении позволительно выстроить целую цепочку подразумеваемых под метафорой понятий. Во-первых, автор утверждает, что ответ на его переживания даст ему письменный стол, а именно → то, что он напишет за этим столом → ответ дадут его произведения. Во-вторых, Б. Пастернак в данном случае пользуется, как нам кажется, генерализирующей метафорой, которая практически создаёт логическую полисемию, поскольку за столом возможно не только писать стихотворения, но и обедать, читать, а также заниматься любым видом умственного труда.

Несмотря на большое количество проанализированных метафорических переносов, не можем обойти вниманием такой случай. *Я прекрасно понял (и это есть у меня в неотосланном письме) породистость и душевный такт твоей сдержанности при пересылке*. Как известно, породистость – это наличие резко выраженных признаков какой-нибудь породы либо родовитое происхождение. С нашей точки зрения, такими словами Б.Пастернак стремился раскрыть внутреннее поведение М. Цветаевой во время переписки. Несмотря на то, что в метафорическом контексте наблюдается эпитет «душевный такт», троп, на наш взгляд, не теряет своей целостности. Этому способствует тип переноса значения: из сферы «животное» в сферу «психический мир», что, при этом, не оскорбляет поэтессу (характер оценки – милиоративный).

Заканчиваем рассмотрение и анализ метафор в письмах Бориса Пастернака следующими выводами. Стилистических средств в эпистолах писателя большое количество, преобладают метафоры. Данный троп встречается чрезвычайно часто в эпистолярном наследии Б. Пастернака, во многих разновидностях и в комбинациях с другими тропами и фигурами. Руководствуясь классификацией метафорических переносов Н.Д. Арутюновой, мы наблюдали следующие явления: номинативные метафоры у Б. Пастернака встречаются реже, чем образные, когнитивные и генерализирующие. С нашей точки зрения, Б. Пастернак сознательно не желал употреблять «мёртвые» метафоры, и изобретал своеобразные тропы. Мы считаем, что именно такая стилистика помогала автору выражать свои мысли, чувства и переживания чётче и понятнее для адресата письма, представляющего собой человека, имеющего подобный образ мышления.

Список использованной литературы

- Арутюнова Нина (1990), *Метафора и дискурс*. Москва.
Лакофф, Джордж, Джонсон М. (1990), *Метафоры, которыми мы живем*. В: Теория метафоры. Москва, Прогресс.
Осадко, Ганна (2005), До питання градуїваності дефінітивного комплексу «символ-знак-метафора-алегорія-емблема». *Мандрівець*. 2, 58-63.
Пастернак Евгений (1990), *Переписка Бориса Пастернака*. Москва, Худож. лит.
Скляревская Галина (1993), *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург, Наука.

Dana Palecková

University of SS. Cyril and Methodius
Trnava, Slovakia

TEORETICKÉ A METODOLOGICKÉ VÝCHODISKÁ SÉMANTICKEJ ANALÝZY SLOVIES (THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH TO THE VERB ANALYSIS)

The paper deals with different approaches to the analysis of the verbs in world linguistics. We compare the componental verb analysis applied in the structural linguistics. Newer approaches consider the verb as an element of the mental representation or cognitive model. We also deliberate the relevant extralinguistic and intralinguistic context when analysing the verbs.

Key words: verb analysis, semantic analysis, mental representation, cognitive semantics

Pri skúmaní sémantiky slovíes sa vo svetovej lingvistiky vychádza z rôznych prístupov. Prehľad teórií začíname štrukturalistickým prístupom k slovesnému významu, jadrom práce je však analýza prístupov ku skúmaniu sémantiky slovesa v transdisciplinárnych súvislostiach. Rozdielnosť názorov na význam lexikálnych jednotiek pritom vychodí z celkového prístupu k jazyku. Kým pre štrukturalistický prístup prvej polovice 20. storočia je príznačný systémový prístup, ktorý na jazyk nazerá ako na abstraktný, pevne štruktúrovaný systém jazykových jednotiek, v 60. - 70. rokoch sa táto optika začína meniť. Po pragmaticko-komunikačnom obrate sa pozornosť vedcov sústreďuje na parole ako konkrétnu realizáciu abstraktného jazykového systému a vzniká množstvo hraničných disciplín predstavujúcich prienik lingvistiky s inými, predovšetkým humanitnými vedami. Lingvistický výskum sa neobmedzuje len na lingvistickú oblasť, do úvahy sa berú aj poznatky iných vedných disciplín a *vice versa*, mnohí vedci z iných oblastí dávajú podnety na nekonvenčné lingvistické bádanie. Takto sa lingvistický výskum obohacuje o rezultáty filozofie, logiky, psychológie, etnológie a mnohých ďalších disciplín.

Disciplíny modernej lingvistiky sú v súčasnosti charakteristické svojou transdisciplinaritou a jednoznačné hranice medzi nimi nie je možné stanoviť. Prístupy pri skúmaní významu lexikálnych jednotiek pre prehľadnosť delíme podľa toho, na ktorý aspekt lexikálnej jednotky sa zameriavajú. Uvedomujeme si, že sémantický výskum slovíes je v súčasnosti oveľa diferencovanejší a uplatňuje sa tu mnoho divergentných prístupov. V našom prehľade sa však sústreďujeme len na základné východiská, ktoré dali podnet ďalšiemu bádaniu.

1. Sloveso ako systémová lexikálna jednotka jazykovej štruktúry

Jednou z prvých ucelených koncepcií pri skúmaní lexikálnej sémantiky je koncepcia vychádzajúca z metód systémovej, resp. štrukturalistickej lingvistiky. Systémová lingvistika pristupuje k jazyku ako systému jednotiek s pevne štruktúrovaným usporiadaním vnútorných vzťahov.

Z metód štrukturalistickej lingvistiky sa pri skúmaní lexikálneho významu uplatňuje metóda komponentovej analýzy, ktorá vychádza z predpokladu, že významy slov sú rozložiteľné na menšie časti, sémantické príznaky alebo komponenty. Analýzou sémantických príznakov sa skúmajú vzťahy medzi lexikálnymi jednotkami, význam lexikálnej jednotky je teda vymedzený na základe jej vzťahu k iným jednotkám. Vzťah lexikálnej jednotky k iným lexikálnym jednotkám ako časť významu vydellil už zakladateľ štrukturalizmu v jazykovede, Ferdinand de Saussure, keď definoval pojem hodnota (*valeur*). Tento pojem vyjadruje, že význam každej jazykovej jednotky je podmienený jej okolím, vychádza zo systému (Saussure 1967: 141-143).

Metóda komponentovej analýzy sa aplikuje pri skúmaní lexikálno-sémanticky delimitovanej skupiny lexikálnych jednotiek, kde sa predpokladá jestvovanie binárnych protikladov vo významovom spektre jednotlivých členov tejto skupiny. Pri komponentovej analýze sa pritom pracuje s dištinktívnymi sémantickými príznakmi, takými, ktoré odlíšia danú lexikálnu jednotku od iných lexikálnych jednotiek (Dolník 2003: 14-18).

Iný prístup k vymedzeniu sémantických príznakov je aplikovaný v americkej lingvistiky, kde boli zakladateľmi komponentovej analýzy Jerrold J. Katz a Jerry A. Fodor. V lexikálnom význame rozlišujú dva druhy sémantických komponentov – *markers* (konštitučné komponenty) a *distinguishers* (diferenciačné komponenty). *Markers* predstavujú tie významové zložky, ktoré konštituuju systémovú zložku významu lexikálnej jednotky. Tieto komponenty podmieňujú sémantické obmedzenia pre kombinatórne možnosti slov, podmieňujú spájateľnosť lexikálnej jednotky s inými jednotkami. *Distinguishers* sú tie komponenty vo význame lexikálnej jednotky, ktoré reprezentujú idiosynkratické vlastnosti lexikálnej jednotky. Tieto komponenty predstavujú charakteristické vlastnosti lexikálnej jednotky a odlíšuju význam lexikálnej jednotky od iných lexikálnych jednotiek (Geeraerts 2006: 710-711).

Oba spomínané prístupy ku komponentovej analýze vyúsťujú do klasifikácie lexikálnych jednotiek na základe existencie spoločných sémantických komponentov, ktoré sú podmienkou zaradenia lexikálnej jednotky do danej sémantickej kategórie.

Ako príklad klasifikácie slovíes na základe sémantickej komponentovej analýzy uvedieme prístup M. Sokolovej (1998, s. 14 – 17; 1993, s. 22-23), ktorá klasifikuje slovesá na základe sémantických príznakov

dynamickosť, akčnosť, rozčlenenosť a mutačnosť. Skupinu slovíes zmyslového vnímania, slovesá *vidieť, uvidieť, počuť, čuť, cítiť, badať, hmatať, vnímať* patria na základe sémantických príznakov dynamickosť, neakčnosť a relačnosť k neaktívnym procesným predikátom spolu s postojovými (trpieť, súcitiť, dovoliť) a kognitívnymi slovesami (vedieť, rozumieť, chápať), ale odlišujú sa sémantickými príznakmi perceptor – nositeľ postoja – kognizant.

Výhodou sémantickej komponentovej analýzy je abstrahovanie od extralingválnych a individuálnych faktorov (v porovnaní s nasledujúcimi prístupmi), ktoré sú ťažko analyzovateľné, čo sa z iného pohľadu javí zároveň ako nevýhoda – slovesá sa analyzujú ako izolované jednotky jazykového systému.

2. Sloveso ako mentálna reprezentácia

Alternatívnym prístupom ku kategorizácii lexikálnych jednotiek je prototypová teória, ktorá čerpá z experimentálnych výskumov v psychológii. Výskumy v psychológii viedli k domnienke, že kategórie slov nie sú vytvárané na základe súboru spoločných vlastností, konštituuujú sa porovnávaním slov s prototypom a podobnosť s prototypom je podmienkou na zaradenie slova do danej kategórie. Prototyp je abstraktný psychologický objekt (Coleman – Kay 1981: 44), ktorý nesie typické vlastnosti danej kategórie (Dolník 2003: 29), je jej najlepším reprezentantom. Kategória slov sa potom utvára vplyvom prototypového efektu, ktorý hierarchizuje prvky kategórie na základe ich podobnosti s prototypom, pričom všetci používatelia jazyka sú vybavení schopnosťou posúdiť mieru podobnosti slova a prototypu (Coleman – Kay 1981: 28). Vychádza sa z toho, že prvky jednotlivých kategórií majú internú hierarchickú štruktúru, nemajú rovnakú pozíciu v mentálnej reprezentácii.

Kategórie slov majú v tomto poňatí neostré hranice a na rozdiel od klasickej kategorizácie nie sú postavené na striktnnej prítomnosti – neprítomnosti dištinktívneho sémantického príznaku.

Teóriou prototypov sa v 70. rokoch 20. storočia zaoberala psychologička Eleanor Roschová, ktorá spracovala kategórie pre ovocie a farby. Neskôr sa prototypová teória dostala do centra pozornosti lingvistov ako George Lakoff, John R. Taylor, Dirk Geeraerts; lingvisti Linda Colemanová a Paul Kay analyzovali prototypový koncept anglického verba *klamať* (Taylor 2006: 238-239). Vo svojej práci uvádzajú, že význam slova *klamať* spočíva v kognitívnom prototypu, s ktorým korešpondujú rôzne reálne alebo ideálne javy na rozličnej úrovni (Coleman – Kay 1981: 27). Pomocou experimentálneho výskumu, pri ktorom respondentom predostreli rôzne situácie obsahujúce klamstvo, vymedzili tri elementy v prototypu slovesa *klamať*: 1. vysloviť tvrdenie, ktoré je fakticky nesprávne, 2. vysloviť tvrdenie, ktoré hovoriaci považuje za nesprávne, 3. vysloviť tvrdenie s cieľom oklamať adresáta (Coleman – Kay 1981: 44).

Keďže sa pri prototypovej kategorizácii vychádza z hodnotenia používateľmi jazyka, takáto kategorizácia je do veľkej miery závislá od extralingválnych podmienok a časovo podmienená. J. R. Taylor vo svojej práci *Linguistic Categorization* (1995: 56) uvádza príklad na rozličné chápanie prototypu konceptu topánka. Pre obyvateľa Texasu je prototypom kovbojská čížma, pre Brita je to vojenská topánka. Taylor v tejto súvislosti cituje R. W. Langackera, ktorý tvrdí, že je jasné, že žiadny dvaja hovoriaci nezdíelajú navlas rovnaký lingvistický systém (Taylor 1995: 56). Tieto fakty považujeme za nevýhodu takéhoto prístupu ku skúmaniu sémantiky slovíes.

3. Sloveso ako súčasť kognitívneho modelu

Kognitívna lingvistika patrí širšie do kognitívnych vied, v centre pozornosti ktorých je, mierne laicky povedané, myseľ. Kognitívna lingvistika vznikla v 60. a 70. rokoch 20. storočia v Amerike ako reakcia na formálnu generatívno-transformačnú gramatiku formulovanú Noamom Chomským. George Lakoff, Ronald W. Langacker, Leonard Talmy, William Croft, Charles J. Fillmore a mnohí ďalší sa postavili skepticky proti názoru Chomského a jeho nasledovateľov, že gramatika je autonómna a nezávislá od významu (Chomsky 1966: 18) a že jazyk je špecifickou časťou mysle (Taylor 2006: 569) (v myslí existuje špecifický podsystém, ktorý zodpovedá jazyku).

Kognitívna lingvistika predstavuje transdisciplinárny prístup ku skúmaniu jazyka, má spoločné vektory s počítačovou vedou, psychológiou, filozofiou, neurológiou, antropológiou či teóriou umelej inteligencie. Pojem kognitívna lingvistika však neposkytuje jednotnú teoretickú bázu pri skúmaní jazykových javov, je skôr spoločným pojmom pre príznačný prístup k jazyku v rôznych teóriách. Vychádza z toho, že jazyk je súčasťou všeobecnejších kognitívnych schopností (percepčia, pamäť) a procesov (asociácia, automatizácia, schematizácia, kategorizácia), že jazyk samotný je formou vedomia (Langacker 2008: 16-17). To znamená, že k jazyku pristupujú ako k mentálnemu fenoménu.

Z mnohých oblastí, ktorými sa kognitívna lingvistika zaoberá, nás (vzhľadom na tému práce) zaujíma predovšetkým oblasť sémantiky slova a kategorizácie slov.

Podľa Johna R. Taylora kognitívna lingvistika pristupuje k vymedzeniu významu slov z encyklopedického hľadiska. Každá jazyková jednotka patrí do istej oblasti (domény, ideálneho kognitívneho modelu) a význam jazykovej jednotky sa profiluje na pozadí tejto kognitívnej oblasti (Taylor 2006: 569). Podľa L. Talmyho sú významy v kognitívnych doménach organizované podľa základných konceptuálnych (pojmových) kategórií, akými sú priestor a čas, dejisko a udalosť, entita a proces, pohyb a poloha, príčina a dôsledok (Talmy 2000: 3).

Na teoretickej báze kognitívnej lingvistiky klasifikoval Charles Fillmore skupiny anglických slovies *súdenia* a slovies *obchodovania* (v prácach *Verbs of judging: An exercise in semantic description*, 1971 a *Topics in lexical semantics*, 1977). Pri ich sémantickej klasifikácii vychádza z teórie „frame semantics“, podľa ktorej je význam každého slova vymedzený istým rámcom (frame) a zároveň každé slovo evokuje istý rámec. Slovesá *buy*, *sell*, *pay*, *spend*, *cost* a ďalšie im príbuzné patria do jedného kognitívneho priestoru (cognitive scene), ktorým je *obchodovanie*. V tomto priestore sa nachádzajú elementy *Buyer*, *Seller*, *Goods*, *Money* a slovesá sú vymedzené na základe toho, na ktorý z týchto elementov sa zameriavajú: sloveso *buy* je zamerané na kupujúceho, *sell* na predávajúceho, *pay* na peniaze, *cost* na tovar (Cognitive linguistics: Basic readings 2006: 378). Jazykový význam z hľadiska kognitívnej lingvistiky nie je objektívnym odrazom mimojazykového sveta, je prostriedkom jeho stvárňovania. Táto teória má svojím prístupom blízko k etnografickej sémantike.

Napriek tomu, že naše poznatky na poli kognitívnej lingvistiky sú základné, pokúsime sa pozrieť na to, ako by mohla vyzeráť kategorizácia základných slovies zmyslového vnímania. Predpokladajme, že slovesá *vidieť*, *počuť* a *cítiť* patria do domény *zmyslové vnímanie*. V tejto doméne sa nachádzajú aj elementy, ktorými sa zmyslové vnímanie uskutočňuje, a to *oči*, *uši* a *bunky*. Slovesá špecifikujú svoj význam na základe toho, ktorým elementom sa vnímanie uskutočňuje: *vidieť* sa uskutočňuje *očami*, *počuť* sa realizuje *ušami*, *cítiť* zasa *bunkami* (dalo by sa uvažovať aj o doméne *niekto, kto je schopný zmyslového vnímania* a slovesá by boli vymedzené na základe toho, ktorú časť *niekoho* sloveso vyzdvihuje).

4. Sloveso v intralingválnom kontexte

Ďalším z možných prístupov k delimitácii významu lexikálnej jednotky je jej analýza v intralingválnom kontexte. D. Alan Cruse predpokladá, že sémantické vlastnosti lexikálnej jednotky sa plne odrážajú vo vzťahoch, ktoré táto jednotka nadobúda v aktuálnych alebo potenciálnych jazykových kontextoch (Cruse 1986: 1). To znamená, že význam slova vytvárajú iné slová, s ktorými vstupuje dané slovo do kontextových vzťahov.

Vo vete typu *X – vidí – Y* vstupuje sloveso *see* do vzťahov s dvoma jednotkami (X a Y) a presný význam týchto dvoch vzťahov sa považuje za súčasť významu slovesa *see*. Podľa toho, akou mierou a spôsobom účasti sa významy iných slov podieľajú na konštituovaní významu slova, rozlišuje Cruse viacero druhov sémantických črt: *crierial* (kritériálne), *expected* (očakávané), *unexpected* (neočakávané), *canonical* (všeobecné), *possible* (možné), *impossible* (vylúčené) sémantické črty (semantic traits) (Cruse 1986: 52-53). Jednotlivé sémantické črty vydeľuje pomocou logicko-lingvistických testov (Dolník 1990b: 81).

5. Sloveso ako súčasť extralingválneho kontextu

Doteraz spomínané prístupy k vymedzeniu lexikálneho významu slova vychádzajú z jeho denotačnej funkcie. Odlišný pohľad pri analýze lexikálneho významu predstavujú teórie, ktoré pristupujú k analýze lexikálnej jednotky vzhľadom na jej komunikačnú funkciu v reči. Pri takomto hodnotení sa do úvahy berú aj extralingválne faktory tvoriace aktuálny kontext, v ktorom je lexikálna jednotka použitá. Zložky aktuálneho kontextu pri komunikácii berú do úvahy prístupy z hľadiska pragmatiky, sociolingvistiky či analýzy diskurzu, ktoré vychádzajú z toho, že pri komunikácii zohrávajú dôležitú úlohu aj znalosti o svete, kultúrne zázemie komunikantov a ich individuálna základňa.

V sémantickej analýze slov pragmatický prístup predstavuje teória Fillmora, ktorý ako jednu časť významu slova vyčleňuje (popri propozícii) presupozíciu, čiže podmienky, ktoré musia byť splnené ešte pred zmysluplným použitím lexikálnej jednotky (Daneš – Hlavsa a kol. 1981: 32). Pri komunikácii presupozícia reprezentuje informáciu, ktorá nie je explicitne vyjadrená na formálnej úrovni (Caffi 2006: 17).

Pragmatický prístup pri vydeľovaní sémantických príznakov predstavuje aj koncepcia J. D. Apresjana, ktorý upozornil na to, že pri výklade lexikálneho významu treba brať do úvahy aj pragmatické prvky, konotácie, ktoré vyplývajú z kultúry a tradície jazykového spoločenstva. Tieto príznaky neslúžia na identifikáciu označovanej entity, preto patria k potenciálnym komponentom vo význame lexikálnej jednotky (Dolník 2003: 35).

6. Záver

Vo svojej práci sme sa pokúsili predostrieť základné teoreticko-metodologické východiská pri skúmaní sémantiky slovies a pri ich klasifikácii. Posúdili sme sémantickú komponentovú analýzu, ktorá je základnou metódou systémového prístupu. Analyzujeme aj novšie prístupy skúmajúce sloveso ako jednotku mentálnej reprezentácie alebo kognitívneho modelu. Širšie východisko predstavujú prístupy berúce do úvahy aj extralingválne a intralingválne faktory relevantné pri vymedzení sémantiky slovesa. Pri jednotlivých prístupoch predkladáme aj príklady na analýzu slovies a jednotlivé východiská kriticky analyzujeme.

Bibliografia

- Buzássyová, Klára (1973), Príspevok ku konfrontačnému výskumu sémantiky slovenských a českých slovies polohy. In: *Slovenská reč*, roč. 38, č. 5 (s. 270 – 278) a č. 6 (327 – 335).
- Buzássyová, Klára (1974), *Sémantická analýza slovenských deverbatív*. Bratislava, VEDA, 1974. 240 s.
- Caffi, C (2006), Pragmatic Presupposition. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 14-Volume Set. 2. edition. Editor-in-chief: Keith Brown. Oxford, Elsevier, 2005. ISBN: 978-0-08-044854-1. Vol. X, s. 17 – 25.

- Cognitive Linguistics: Basic Readings*. 2006. Ed.: D. Geeraerts. Berlin/New York, Mouton de Gruyter, 2006. ISBN 978-3-11-019084-7.
- Coleman, Linda – Kay, Paul (1981), Prototype semantics. The english word lie. In: *Language*, 1981, vol. 57, nr. 1, p. 26-44.
- Cruse, D. Allan (1986), *Lexical semantics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1986. ISBN 0 521 27643 8.
- Chomsky, Noam (1966), *Syntaktické struktury*. 1. vyd. Prel. Hlavsa, Z. – Daneš, F. – Benešová, E. Praha, Academia, 1966. 212 s.
- Daneš, František – Hlavsa, Zdeněk a kol. (1981), *Větné vzorce v češtině*. Praha, Academia, 1981.
- Dolník, Juraj (1990), Prístupy ku skúmaniu lexikálneho významu. In: *Jazykovedný časopis*, 1990a, roč. 41, č. 1, s. 49 – 58.
- Dolník, Juraj (1990b), Tri prístupy vo výklade lexikálneho významu. In: *Slovenská reč*, 1990, roč. 55, č. 2, s. 74 – 85.
- Dolník, Juraj (1991), Pragmatizácia pojmu lexikálneho významu. In: *Slovenská reč*, 1991, roč. 56, č. 4, s. 193 – 202.
- Dolník, Juraj (2003), *Lexikológia*. 1. vyd. Bratislava, Univerzita Komenského, 2003. ISBN 80-223-1733-0.
- Franková, Monika (2008), *Zmena intencnej hodnoty slovotvornými postupmi* : dizertačná práca. Bratislava, Pedagogická fakulta UK v Bratislave, 2008. 208 s.
- Geeraerts, Dirk (2006), Componential Analysis. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 14-Volume Set. 2. edition. Editor-in-chief: Keith Brown. Oxford, Elsevier, 2005. ISBN: 978-0-08-044854-1. Vol. II, s. 709 – 712.
- Grigorjanová, Tatjana (1995), *Význam slova v kontexte a v konfrontácii. Lexikálnosémantická analýza sloviac zrakového vnímania v ruštine a slovenčine*. Bratislava, VEDA, 1995. ISBN 80-224-0431-4.
- Ivanová, Martina (2006), *Valencia statických sloviac*. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2006. 273 s. ISBN 80-8068-529-0.
- Langacker, Ronald W (2008), *Cognitive grammar. A basic introduction*. New York, Oxford University Press, 2008. ISBN 978-0-19-533195-0.
- Nížniková, Jolana – Sokolová, Miloslava a kol. (1998), *Valenčný slovník slovenských sloviac*. 1. vyd. Prešov, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 1998. ISBN 80-88885-53-1.
- Ružičková, Eva (1982), *Slovesá pohybu v slovenčine a angličtine*. 1. vyd. Bratislava, VEDA, 1982.
- de Saussure, Ferdinand (1967), *Kurs obecné lingvistiky*. Prel.: F. Čermák. Praha, Academia, 1996. ISBN 80-200-0560-9.
- Sekaninová, Ella (1980), *Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine*. 1. vyd. Bratislava, VEDA, 1980.
- Sokolová, Miloslava (1993), *Sémantika slovesa a slovesný rod*. Bratislava, VEDA, 1993. 110 s. ISBN 80-224-0343-1.
- Sokolová, Miloslava (1995), *Kapitolky zo slovenskej morfológie*. Prešov, SLOVACONTACT, 1995. 180 s. ISBN 80-901417-7-3.
- Talmy, Leonard (2000), *Toward a cognitive semantics*. Vol.I: Concept structuring systems. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 2000. ISBN 0-262-20120-8.
- Taylor, John D (1995), *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. 2. vyd. Oxford, Clarendon Press, 1995. ISBN 0-19-870012-1.
- Taylor, John R (2006), Cognitive semantics. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 14-Volume Set. 2. edition. Editor-in-chief: Keith Brown. Oxford, Elsevier, 2005. ISBN: 978-0-08-044854-1. Vol. II, s. 569 – 582.
- Taylor, John R (2006), Prototype semantics. In: *Encyclopedia of Language and Linguistics*. 14-Volume Set. 2. edition. Editor-in-chief: Keith Brown. Oxford, Elsevier, 2005. ISBN: 978-0-08-044854-1. Vol. XI, s. 238 – 240.

Markéta Pavlasová

Institute of Slavic Studies
Brno, Czech Republic

РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РУССКИХ И В ЧЕШСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

The objectives of my research are phraseological units of a biblical origin part of which was the first name of a biblical character (or rarely other mythological characters with the first name). Comparisons were divided according to a common seme. Phraseological units were divided into phrase-semantic fields which are further subdivided into phrase-semantic groups. There are presented practical examples of these phrases.

Key words: phraseology; language of the Bible; biblical idioms; proper names; Russian and Czech; family and relatives

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастна по-своему.
(Толстой Л. Н.)

В статье речь пойдёт о фразеологических единицах, в состав которых входят имена³¹ библейских героев, которые связаны с определёнными событиями в Библии. Подобные фразеологические единицы мы можем разделить на несколько тематических групп: самую большую группу представляют собой фразеологизмы, связанные с психической жизнью человека. Также нами были выделены меньшие по своему составу группы: «человек и его внешность», «материальное положение человека», «родственные отношения», «физиологическое состояние человека», а также «время и понимание времени».

Мы разделили русско-чешские фразеологизмы библейского происхождения на фразеосемантические поля, которые далее делятся на фразеосемантические группы. С точки зрения эквивалентности мы выделили следующую собственную классификацию фразеологизмов:

- Полные эквиваленты, которые имеют то же значение и стилистическое употребление в речи, а также одинаковую грамматическую структуру. В данную группу входят фразеологизмы, библейские имена в составе которых могут иметь написание как с большой, так и с маленькой буквой, например: *E(e)вино племя - Evino plěmě (plemeno, pokolení)*.
- Неполные эквиваленты, в которых один или несколько семантических или грамматических признаков не согласуются; например, происходит расширение значения в русском или чешском языке, или в одном из языков в составе фразеологизма больше слов или словосочетаний, например: *обратиться из Савла в Павла - udělat z Šavla Pavla; ветхий А(а)дам - starý Adam*.
- Фразеологические аналоги - фразеологизмы с тем же значением и той же стилистической окраской, но в которых употребляются разные имена собственные библейских персонажей или других персонажей из мифологии, например: *ходить от Понтия к Пилату - chodit od Annáše ke Kaifášovi; posílat někoho od Annáše ke Kaifášovi; Валаамова ослица (прорекла, заговорила) - tvrdohlavá jako ovce; hloupá husa; nána pitomá*.
- Специфические русские фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя собственное; в чешском языке нет подобных фразеологизмов с именами собственными; мы используем устойчивое сочетание (фразеологизм) без имени собственного. При отсутствии эквивалентного фразеологизма мы даём перевод, в котором отражается значение данного устойчивого сочетания; например: *Лазаря нет (занять; спеть, распевать; тянуть); прикидываться (прикинуться) Лазарем - žebrotou; prosit o almužnu; chodit žebrotou* и др.
- Специфические чешские фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя собственное; в русском языке нет подобных фразеологизмов с именами собственными; мы используем устойчивое сочетание (фразеологизм) без имени собственного. При отсутствии эквивалентного фразеологизма мы даём перевод, в котором отражается значение данного устойчивого сочетания; например: *Jobova zvěst (zpráva) - ужасные известия* и др.
- Эквивалентный перевод – отличается подобной семантикой и употребляется без имени библейского персонажа в роли фразеологизма (иногда с именем другого персонажа, но не из Библии), если мы не нашли эквивалентный фразеологизм, употребим собственный перевод, т. е. выразим значение данного фразеологизма.

³¹ *Личное имя* (в древнерусском языке также - назвище, прозвище, название, прозвание, проименование) - это специальное слово, служащее для обозначения отдельного человека и данное ему в индивидуальном порядке для того, чтобы иметь возможность к нему обращаться, а также говорить о нём с другими.

В нашем исследовании мы также выделили фразеологические единицы со значением «родственные отношения». Данные фразеологические единицы мы можем разделить на несколько различных фразеосемантических групп, например, «дальние родственники», «семейное положение», «человеческий род» и др.

Ср. отрывок фразеосемантической группы «человеческий род»:

В этой группе мы находим фразеологизмы, обозначающие семейные отношения, а также отношения между людьми - особенно с очень негативным их восприятием (люди-грешники, развратники и т. п.). Чаще всего мы встречаемся с именами героев Ветхого Завета, такими, как *Адам, Ева, Каин, Хам* - сын Ноя.

Ср. выписанные полные эквиваленты:

<i>сестра во Христе</i>	<i>sestra v Kristu</i>
Термин в обоих языках обозначает христианку. Ср. чешский синоним: <i>bratři a sestry v Kristu</i> .	
<i>Е(е)вино племя</i>	<i>Evino plémě (plemeno; pokolení)</i>

Данный русский и чешский фразеологизм обозначает род человеческий. Можно сравнить его с выражением «слабый пол» (т. е. «женщины»). Ева в некоторых устойчивых сочетаниях стала также символом женской хитрости, особенно по отношению к мужскому полу.

Образ Евы стал образом-символом. Женщина как таковая сравнивалась и даже отождествлялась с прародительницей – часто встречается такое собирательное обозначение женского пола как *Евино семя, Евино племя*. Каждая женщина вслед за Евой обвинялась в гордыне, легкомыслии, невоздержанности, неразумии; и каждая женщина несла ответственность за первородный грех.³²

<i>дочь Евы; Евина дочка</i>	<i>dcera Evina (Evu); Evina dcera; dcery Eviny</i>
Ср. выше - у этих фразеологизмов то же самое значение.	
<i>дети адамовы; все мы - адамовы дети; все Адамовы детки; Адамовы детки</i>	<i>Adamovy děti</i> * <i>Adamovo plémě (plemeno; pokolení); plémě Adamovo; Adamův rod; Adamův syn; syn Adamův; synové Adamovi</i> ³³

Имя первого человека на земле, Адама, связано со многими идиомами русской и чешской фразеологии. Идиомы указывают на род человеческий, человеческую расу. В словаре Даля мы также находим такой вариант этого фразеологизма: *все Адамовы детки, все на грехи падки* (что означает, что все испытывают искушение).

Ср. выписанные неполные эквиваленты:

<i>Хамого отродье; хамово племя</i> * <i>неприкрытое хамство</i>	<i>Chámovo pokolení; pokolení Chámovo</i> * <i>chámovina</i>
---	---

Хам, согласно библейскому мифу, был одним из трех сыновей Ноя, от которых «населилась вся земля» после всемирного потопа. Он был проклят богом за то, что посмеялся над наготой отца.

В русском языке *Хамого отродье* – «это человек с манерами холопскими, грубыми, напоминающими людей низкого происхождения, невоспитанных, с хамовскими, лакейскими замашками»³⁴.

В чешском языке фразеологизмы с именем *Хам* обозначают грешного или проклятого человека; эти выражения являются архаичными. В русском языке существительное «хам» стало нарицательным, оно обозначает «грубого, наглого и невоспитанного человека, готового на подлости»³⁵. Также существует сочетание *неприкрытое хамство*, что означает «грубость», где мы также видим данный корень.

³² РЯБОВА, Т. О стереотипах и не только. Проблема ответственности женщины за первородный грех в западноевропейской средневековой мысли на рубеже нового времени. [online]. [cit. 2013-02-19]. <www.triabova.wordpress.com/tag/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F/>

³³ Эти фразеологизмы расширяют перечень чешских библейских фразеологизмов с именем Адам. В чешском языке находим общее название "племя", "род", но и конкретное - "сын". Эти фразеологизмы выражают отрицательное значение и "грешные" поступки человека. В русском языке фразеологизмы более нейтральные, по-этому мы их включили в состав неполных эквивалентов.

³⁴ Толковый словарь Ушакова. Хам [online]. [cit. 2013-04-03]. <dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1080018>

³⁵ Толковый словарь Ушакова. Хам [online]. [cit. 2013-04-03]. <dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1080018>

В чешском языке мы можем встретиться с термином *chátovod* - семьявыносящий проток (лат. *ductus deferens*) — парный орган мужской половой системы длиной около 50 см, диаметром около 3 мм, являющийся непосредственным продолжением протока придатка яичка.

<i>Давидов род</i>	<i>synové a dcery Davidovy</i>
--------------------	--------------------------------

Давид - родоначальник израильтян. Эти фразеологизмы обозначают еврейский народ. В чешском языке существует так называемый *davídek* - это остатки, отходы (например, стружка от карандашей). С именем царя Давида также связана *арфа Давида* (Давиду приписывают знание музыкального искусства и авторство некоторых псалмов). Ср. *Davidova hvězda* (*Давидова звезда*) на флаге Израиля.

Ср. выписанные фразеологические аналоги:

<i>дети адамовы; все мы - адамовы дети; все Адамовы детки; Адамовы детки</i>	<i>Noemův syn</i>
--	-------------------

Чешский фразеологизм *Noemův syn* мы нашли только у Ломницкого и Решела (ср. *Ouředník* 1994: 193). Фразеологизмы *Adamův rod* или *Adamovo plémě* обозначают «мужской пол» или «человеческий род вообще» с отрицательным значением.

В русском языке мы не нашли фразеологизмы с именем *Но́й* (в этом значении), поэтому при переводе мы использовали фразеологизмы с именем первого мужчины на земле - Адама.

Ср. специфические русские фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя собственное:

<i>иудино племя (отродье); потомство иудово</i>	<i>zrádce</i> (букв. предатель) <i>odpadlík</i> (букв. изменник)
---	---

Русские фразеологизмы означают преступника и весь его род. Ср. со специфическим русским вариантом *И(у)ди́на работа* (букв. «работа за плату»). В чешском языке нет подобного фразеологизма с именем *Иуда*, поэтому мы дали собственный перевод.

Ср. специфические чешские фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя собственное:

<i>dcery Sářiny</i>	<i>еврейка; иудейка</i>
---------------------	-------------------------

Сарра — жена Авраама, первая из четырех прародительниц еврейского народа. В соответствии с наиболее распространённой точкой зрения «Сарра» значит «княгиня, владычица».

Ср. *dcery Sářiny* (букв. дочери Сарры) - это еврейки. Ср. в чешском языке: *dcera sionská* (букв. дочь Сиона). В русском языке нет аналогичного фразеологизма с именем собственным.

<i>евреи; верующие</i>	<i>Abrahámův potomek; potomek (syn) Abrahámův;</i> <i>Abrahámovi potomci; pokolení (plémě)</i> <i>Abrahámovo; synové a dcery Abrahámovi</i>
------------------------	---

Abrahámovi potomci (букв. «потомки Авраама») – это верующие люди. Также так метафорически называют евреев. В русском языке мы не нашли подобных фразеологизмов с именем собственным, поэтому устойчивые сочетания с чешского языка переводим как *евреи* или *верующие*.

Группа «семейное положение»

В этой фразеосемантической группе мы находим фразеологизмы, выражающие противоположное значение. Здесь мы раскроем выражения со значением «пожениться» - «не пожениться» или «никогда не выйти замуж» (ср. выражение *Христова невеста*) и др.

Ср. выписанные неполные эквиваленты:

<i>Христова невеста</i>	<i>nevěsta Kristova; Kristova nevěsta</i>
-------------------------	---

Данные архаичные фразеологизмы обозначают монахиню, матушку. В этом случае фразеологизм *Христова невеста* согласуется с чешской формой *nevěsta Kristova*, но в настоящее время в русском языке мы чаще встречаемся с нейтральным выражением *монахиня*. Этот фразеологизм в русском языке также обозначает незамужнюю пожилую женщину. В современном чешском языке языке

употребляется выражение *stará panna*. Устойчивое сочетание *Христова невеста* в этом случае не используется.³⁶

В русском языке данный фразеологизм также имеет метафорическое значение – мёртвая молодая девушка, трагически погибшая; ср. отрывок из литературы:

А дочка-то твоя где? — Старуха утёрла глаза, перекрестилась: — Христова невеста, утопла весной. (Григорович. *Деревня*)

В чешском языке также есть своё специфическое значение фразеологизма *Kristova nevěsta* (букв. «невеста Христа») - церковь. Апостол Павел сравнивает свою «работу» апостола со службой помощника на венчании, который приводит невесту-церковь к её небесному жениху - Христу.

Ср. выписанные специфические чешские фразеологизмы, в состав которых входит библейское имя собственное:

<i>řehole (zákon) svatého Adama; vstoupit do řehole svatého Adama; dostal(t) se do řehole svatého Adama; mysl ho táhne do řehole svatého Adama</i>	(no)жениться; вступить в брак; обвенчаться
--	--

Все варианты фразеологизмов с таким значением обозначают вступление в брак мужчины. В чешском языке подобные фразеологизмы приобретают ироническое значение; ср. *vlézt do chomoutu* («влезть в хомут»). В русском языке устойчивое выражение *řehole (zákon) svatého Adama* (и другие его варианты) мы можем перевести только выражением без имени собственного.

Группа «дальние родственники»

В эту группу вошли фразеологизмы с именем собственным Адам. В обоих языках мы также нашли вариант с именем *Хама* – сына Ноя.

Ср. выписанные неполные эквиваленты:

<i>дальняя родня (чуть не по Адаму)</i>	<i>(je) příbuzný po Adamu</i>
---	-------------------------------

Адам является символом праотца всего человечества, поэтому его имя присутствует во многих фразеологизмах. Русский фразеологизм *дальняя родня (чуть не по Адаму)* и его чешский вариант *příbuzný po Adamu* означают дальнего родственника. Ср. синонимические русско-чешские формы: *седьмая (десятая) вода на киселе - příbuzný z ráteho kolena*.

<i>Хамов сын</i>	<i>Chámovi synové</i>
------------------	-----------------------

В русском языке данный фразеологизм - бранное выражение, употребляемое применительно к лицу мужского пола. В чешском языке *сыновья Хама* - это негры. Данное устойчивое сочетание в обоих языках обозначает лицо, человека. Русско-чешские варианты согласуются с морфологической точки зрения, но семантически частично отличаются, поэтому мы включили их в группу фразеологизмов с неполной эквивалентностью.

Резюме фразеосемантического поля «Родственные отношения»

Во фразеосемантическом поле «Родственные отношения» мы нашли всего русских 16 фразеологизмов с именем собственным библейского персонажа (т. е. полные и неполные эквиваленты), 5 фразеологических аналогов с именем собственным библейского персонажа, 2 русские специфические фразеологизма с именем библейского персонажа и 4 эквивалентных перевода.

В чешском языке мы обнаружили 26 фразеологизмов с именем собственным библейского персонажа (т. е. полные и неполные эквиваленты) и 2 эквивалентных перевода.

Больше всего фразеологизмов с именем собственным встречается в группе «человеческий род». В чешском языке мы прежде всего находим фразеологизмы с именем первой женщины на земле - Евы. В русском языке мы встретили устойчивые сочетания с именем собственным так же, как и в чешском языке, с именем *Ева*; но здесь к ней также «присоединяется» её муж – Адам.

Заключение

В последнее время усилился интерес к библейским выражениям. Отход от атеистической идеологии, возврат к забытым христианским ценностям закономерно повлиял на активизацию употребления библеизмов в живой речи. Востребованность библейских фразеологизмов в современной речи свидетельствует об их актуальности и современности.

³⁶ Ср. отрывок из художественной литературы: *И барышня ваша готова? — Христова невеста, — пробормотал он [кучер] Померла, значит.* (Я. Полонский. *Проигранная молодость*)

Список используемой литературы:

- Čermák, F. et al. (1983), *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přírovnání*. Praha, Academia.
- Červená, V. et al. (1988), *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy neslovesné*. Praha, Academia.
- Mokijenko, V. - Wurm, A. (1995), *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci.
- Nettelhorst, R. P. (2008), *Sto postav z Bible: Příběhy ze Starého a Nového zákona*. Bratislava, Slovart.
- Ouředník, P. (1994), *Aniž jest co nového pod sluncem*. Praha, Mladá fronta.
- Stěpanova, L. (2007), *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci.
- Даль, В. И. (2005), *Пословицы русского народа: Сборник В. Даля в трех томах. Том первый, том второй, том третий*. Москва, Русская книга.
- Степанова М. И. (2008), *Фразеологический словарь русского языка*. Москва, Виктория плюс.
- Библия-центр. *Краткий словарь библейских фразеологизмов Л. Г. Кочедыков, Л. В. Жильцова*. [online]. [cit. 2013-02-22]. <www.bible-center.ru/dict/phrases/000>
- РЯБОВА, Т. *О стереотипах и не только. Проблема ответственности женщины за первородный грех в западноевропейской средневековой мысли на рубеже нового времени* [online]. [cit. 2013-02-19]. <www./riabova.wordpress.com/tag/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5-%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8F/>
- Толковый словарь Ушакова. *Хам* [online]. [cit. 2013-04-03]. <dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1080018>

Гергана Атанасова Петкова

ПУ „Паисий Хилендарски“
Пловдив, България

ЗА ПОЛСКИТЕ МЪЖКИ ЛИЧНИ ИМЕНА С ЛАТИНСКИ КОРЕН В СЪСТАВА СИ, КАНОНИЗИРАНИ ОТ ПРАВОСЛАВНАТА ЦЪРКВА

The research object of the present text is the masculine Polish personal names Latin by origin canonized by the Orthodox Church. The main aim of the article is a complete list of these names to be presented, including all their variants. They are divided into several major groups according to the part of speech used as a basis for their derivation, i. e. if the given name is derived from a noun, an adjective, a verb, etc., and according to the model of word-building used during the process of their formation, i. e. if the given name is derived from the form for Nom. sg. of the Latin name or from its working base. It is worth mentioning the initial meaning of the anthroponym if it is possible.

Key words: masculine Polish personal names, Latin origin

Обект на настоящето изследване са 110 мъжки полски лични имена и техните варианти, съдържащи латински корен в състава си и канонизирани от Православната църква. Голяма част от представените антропоними са част от списъка на светците, използван и от Католическата църква, което може да се обясни с полския им произход и е предпоставка за широкото им разпространение и честа употреба. Текстът е естествено продължение на материал, посветен на полските мъжки лични имена с латински корен в състава си, канонизирани единствено от Католическата църква и е част от по-голямо проучване, обхващащо имената от латински произход в славянските езици, и по-точно в български, сръбски, руски, украински, белоруски, чешки, полски, хърватски, словенски и словашки.

Като основен източник за екцерпиране на разглежданите антропоними са послужили следните електронни сайтове www.ksiegaimion.com, www.leksykony.interia.pl, <http://patronii.w.interia.pl/>, които предлагат изключително богата информация по разглеждания въпрос, взета от излезналите на полския книжен пазар речници на личните имена.

Имената от латински произход разпределяме в няколко групи според изходния апелатив, от който са образувани и според модела им на деривация от латинския антропоним.

Класификация според изходен апелатив:

I. *Имена с латински корен в състава си, образувани от апелативи:*

1. *Образувани от съществително име:*

A. *От съществително собствено име:*

a. антропоним: *Agrypin* (< *Agrippa* (KNR; LIP)), *Antonin* (< *Antonius* (СД; BTN; KN; KNR)), *Augustyn* (*Augustiniak*, *Augustynek*, *Jagustyn*, *Jagustynian*) (< *Augustus* (KN; KNR)), *Cezariusz* (< *Caesar* (И; BTN; KNR)), *Domicjan* (*Domicjanek*) (< *Domitius* (BTN)), *Emilian* (< *Aemilius* (Б; ДО; И; КР; МСТ; П; СД; BTN; KNR)), *Faustyn* (*Faustin*, *Faustynek*) (< *Faustus* (BTN; KNR)), *Flawian* (< *Flavius* (П; BTN; KN; KNR)), *Julian* (*Ulijan*) (< *Iuleus/Iulius/Julius* (ДО; СД; BTN; KN; KNR)), *Justynian* (< *Iustinus/Justinus* (И; KNR)), *Kasjan* (< *Cassius* (BM; ДВ; П; СД; BTN; KN; KNR)), *Klaudian* (< *Claudius* (KNR)), *Klementyn* (< *Clemens* (KNR)), *Leoncjusz* (*Leonti*, *Leonty*) (< *Λεωντιος* (BTN; KNR; LIP)), *Lucjan* (*Lucian*, *Lucjanek*, *Łucjan*) (< *Lucius* (BTN; KN; KNR)), *Maksymian* (< *Maximus* (KNR)), *Marcjan* (*Marcjanek*, *Marcyjan*) (< *Marcus* (П; СД; KNR)), *Marcjusz* (< *Marcus* (BTN; KNR)), *Mauryn* (*Maurynek*) (< *Maurus* (KNR)), *Natalian* (*Natalis*) (< *Natalia* (KNR)), *Rufin* (*Rufinek*, *Rufinuś*) (< *Rufius* (П; BTN; KNR; LIP)), *Sewerian* (< *Severus* (BTN; KNR)), *Seweryn* (*Sewerynek*) (< *Severus* (ДО; КР; BTN; KN; KNR; LIP)), *Walerian* (*Walerianek*, *Waleryjan*) (< *Valerius* (BM; И; СД; BTN; KN; KNR)), *Wiktoryn* (*Wiktoryn*) (< *Victor* (СД; BTN; KNR)).

При мъжките лични полски имена с латински корен в състава си, образувани от римски антропоними, могат да бъдат обособени следните подгрупи:

- мъжко полско лично име, образувано от римски преномен (лично име): *Agrypin* (< *Agrippa*), *Lucjan* (< *Lucius*), *Maksymian* (< *Maximus*), *Marcjusz* (< *Marcus*);

- мъжко полско лично име, образувано от римски когномен (прякор): *Augustyn* (< *Augustus*), *Cezariusz* (< *Caesar*), *Faustyn* (< *Faustus*), *Justynian* (< *Iuleus/Iustinus/Justinus*), *Rufin* (< *Rufius*), *Wiktoryn* (< *Victor*);

- мъжко полско лично име, образувано от римско родово име: *Antonin* (< *Antonius*), *Domicjan* (< *Domitius*), *Emilian* (< *Aemilius*), *Flawian* (< *Flavius*), *Julian* (< *Iulius/Julius*), *Kasjan* (< *Cassius*), *Klaudian* (< *Claudius*), *Marcjan* (< *Marcus*), *Sewerian*, *Seweryn* (< *Severus*) *Walerian* (< *Valerius*);

- мъжко полско лично име, образувано от късно римско име (от име на канонизиран светец): *Klementyn* (< *Clemens*), *Mauryn* (< *Maurus*).

Когноменът *Rufus* е използван и като агномен, т. е. като втори прякор, а родовите имена *Flavius* и *Severus* са използвани съответно като императорски преномен и като когномен в Клавдиевия и Септилиевия род (KNR).

По-особени случай представляват имената *Leoncjusz* и *Natalian*, изведени съответно от гръцкото име *Λεωντιος* и от женското име *Natalia*.

б. теоним (име на езическо божество): *Marcin* (*Marcinek, Martin, Martyn, Martyniusz*) (< *Mars* (И; КР; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Marcjal* (*Marcjalis*) (< *Mars* (ВМ; ВТН; КНР)), *Marek* (*Mareczek, Markiel, Marko, Markosz, Markusz, Markuszek, Maruś*) (< *Mars* (КР; ВТН; КН; КНР)), *Saturnin* (*Saturnis*) (< *Saturnus* (ДВ; П; ВТН; КН; КНР; ЛІР)).

Б. От съществително нарицателно име: *Akwila* (< *aquila* – „орел“ (ВТН; КНР; ЛІР)), *Akwilin* (< *aquilinus* – „орленце“ (ВТН; КНР)), *Fabiusz* (< *faba* – „бобче“ (П; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Leon* (*Leo, Leonek, Leosiek, Leoś, Lew*) (< *leo* – „лъв“ (И; П; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Lucjusz* (*Lucio, Lucek, Lucuś, Lucyś, Łucjusz*) (< *lux* – „светлина“ (ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Wiktor* (*Wiktorek*) (< *victor* – „победител“ (ДО; И; КР; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)).

2. Образувани от прилагателно име: *Bibian* (*Bibianus*)/*Vivian* (*Vivianus*)

(< *vivus* – „жив“ (ВТН; КН; КНР)), *Celestyn* (*Celestynek, Celestyś*) (< *caelestis/coelestis* – „небесен“ (Г; П; ВТН; КНР)), *Syprjan* (*Syprjanek*) (< *Syprianus* – „от/родом от Кипър“ (СД; КН; КНР; ЛІР; РВІР)), *Faust* (< *faustus* – „благоприятен, късметлийски, щастлив“ (П; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Feliks* (*Felek*) (< *felix* – „щастлив; късметлийски, успешен“ (П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Firmin* (< *firminus* – „здрав, твърд“ (П; ВТН; КНР)), *Fortunat* (*Fortunacik*) (< *fortunatus* – „щастлив, благословен, удачен“ (П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Honorat* (*Honoratek*) (< *honoratus* – „уважаван, изтъкнат, почитан“ (ВТН; КНР; ЛІР)), *Innocenty* (*Innocent, Inocenty*) (< *innocens* – „безвреден, безобиден; невинен“ (СД; КН; КНР; ЛІР)), *Justus* (*Just, Justek, Justuś, Justyś*) (< *iustus* – „заслужен, справедлив“ (ВТН; КНР; ЛІР)), *Justyn* (*Justynek, Justin*) (< *iustus* – „заслужен, справедлив“ (ДО; И; КР; П; СД; КН; КНР)), *Kandyd* (*Kandydek*) (< *candidus* – „бял, блестящ (П; КНР; ЛІР), белоснежен (КНР)“), *Kasjusz* (< *cassus* – „празен, напразен; пуст“ (ВМ; ДВ; П; СД; КНР)), *Klaudiusz* (*Klaudis, Klaudiuszek*) (< *claudus* – „куц, сакат“ (ДО; КР; П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Klemens* (*Klement, Klemensik*) (< *clemens* – „милостив, мил, милосърден“ (Б; ДО; И; КР; П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Laurencjusz* (*Laurencik, Laurenty, Wawrzyniec*) (< *Laurentius* – „от/родом от Лаврент“ (И; П; СД; ВТН; КН; КНР)), *Liberiusz* (< *liber* – „свободен, волен, независим“ (П; ВТН)), *Longin* (*Longinek, Longiniusz, Longinus*) (< *longus* – „дълъг“ (И; СД; ВТН; КНР; ЛІР)), *Łukaniu* (< *Lucanus* – „от областта Лукания“ (И)), *Magnus* (*Magnusz*) (< *magnus* – „голям; велик“ (П; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Maksym* (*Maksim, Maksytek, Maksymil, Maksymilan, Maksymilin, Maksymin*) (< *maximus* – „най-голям“ (ДО; И; КР; П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Modest* (*Modeścik*) (< *modestus* – „въздържан, сдържан, умерен, скромнен“ (И; П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Paulin* (< *Paul(l)inus* – „навлов“ (П; СД; ВТН; КНР)), *Sebastian* (*Sebastianek, Sebastuś, Sebastyan, Sobestyjan*) (< *Sebastianus* – „севастийски, от/родом от Севаст“ (П; ВТН; КН; КНР)), *Sewer* (*Seweruś*) (< *severus* – „суров, строг“ (ДО; И; КР; П; ВТН; КН; КНР)), *Urban* (*Urbanek, Urbanuś*) (< *urbanus* – „градски“ (П; ВТН; КН; КНР; ЛІР)), *Witalis* (*Witalisek, Witalis*) (< *vitalis* – „жизнен, изпълнен с живот“ (И; СД; ВТН; КНР; ЛІР)).

3. Образувани от глагол: *Walery* (*Walerek, Waleriusz*) (< *valeo* – „здрав съм, силен съм“ (ВМ; И; ВТН; КНР; ЛІР)).

4. Образувани от причастие:

А. От сегашно деятелно причастие: *Florencjusz* (< *florens* – „цветуц, процъфтяващ“ (П; СД; ВТН; КНР)), *Konstancjusz* (< *constans* – „постоянен, устойчив“ (ВТН; КНР)), *Konstans* (*Konstanty*) (< *constans* – „постоянен, устойчив“ (ДО; И; СД; ВТН; КНР)), *Konstantyn* (*Konstantynek*) (< *constans* – „постоянен, устойчив“ (Б; КР; ВТН; КН; КНР)), *Krescens* (*Krescenty*) (< *crecens* – „растящ“ (П; ВТН; КНР)), *Walenty* (< *valens* – „силен, здрав“ (П; КНР; ЛІР)), *Walentyn* (< *valens* – „силен, енергичен, здрав“ (ДО; И; КР; ВТН; КН; КНР)).

Б. От минало страдателно причастие: *Donat* (< *donatus* – „даден, подарен“ (И; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР)).

5. Образувани от атрибутивна синтаagma: *Bonifacy* (< Adj. + N < *bonum* – „добро“ и *fatum* – „съдба, участ“ (И; СД; ВТН; КН; ЛІР)).

6. Имена с повече от една етимология: *Adrian* (*Adrianek, Adrianus, Adryjan*)/*Hadrian* (*Hadrianek*) (< *Hadrianus* – 1) „родом от Адрия; жител на Адрия“ (ДО; КР; СД; КІ; КНР; ЛІР); 2) „адриатически, родом от Адриатическо море“ (КН; КНР)), *Antoni* (*Antonek, Antoniusz, Antonko*) (< 1) от етруски произход с неясно значение (И; КНР); 2) асоциира се с гр. *ανθος* – „цвете“ (И; КНР); 3) от гр. *αντίω* (ἰον.) (< *αντίω* < *αντίω* – взимам участие; готвя се за борба; встъпвам в бой“) (КР; СД)), *Benedykt* (< 1) *benedictus* – „благословен“ (И; П; СД; ВТН; КН; КНР; ЛІР); 2) *benedico* – „хваля някого, говоря добри неща за някого“ (ЛІР)), *Błażej* (*Błachut, Błaż, Błażek, Błażko, Błożej*) (< 1) *blaesus* – „фъфлец“ (ВТН; КНР); 2) *blatio* – „дрънкам, плямкам“ (ЛІР); 3) гр. *βλάσιος* – „кривокрак“ (СД; ВТН; КНР)), *Cezary* (*Cezar, Czarek, Czaruś*) (< 1) *caesaries* – „коса“ (ВТН; КН; КНР; ЛІР); 2) *caedo* – „режа“ (П; СД; КІ; ЛІР)), *Dezyderiusz* (*Dezyderek, Dezyderiuszek, Dezydery, Dezydoriusz*) (< 1) *desiderium* – „копнеж, желание“ (ВТН; КН); 2) *desiderius* – „желан“ (КНР); 3) *desidero* – „желаю, копнея“ (ЛІР)), *Flawiusz* (< 1) *flavus* – „жълт, златен; жълтеникав, рус“ (П; СД; ВТН; КН; КНР); 2) *Flavius* – „флавианец“ (И)), *Gaudencjusz* (*Gaudenty*) (< 1) *gaudeo* – „радвам се“ (КНР); 2) *gaudens* – „радващ се“ (ЛІР)), *German* (< 1) *germanus* –

„брат (BTN; KNR), близнак (Б; И); 2) роден, братски“ (КР; СД), Hilary (*Hilarek, Hilarion, Hilarzy, Ilary, Ilarzy*) (< 1) от лат. *hilaris* – „весел“ (И; П; СД; BTN; KN; LIP); 2) от гр. име *Ήλαρος* също със значение „весел“ (от гр. дума *Ήλαρος* е образувана и лат. *Hilaris*) (KNR; LIP)), Ignacy (*Ignac, Ignacek, Ignas*) (< 1) от самнитски (ДВ) или от етруски произход с неясно значение (И; BTN; KNR); 2) *ignis* – „огън“ (ДО; И; П; BTN; KN; KNR; LIP); 3) *igneus* – „огнен“ (СД), January (*Januar, Januarek, Januariusz*) (< 1) *Ianuarius* – „януари“ (BTN; KNR); 2) „принадлежащ на Янус, отнасящ се до Янус“ (П; СД; KNR)), Juliusz (< 1) от гр. *Ιουλος* – „с мъхеста брада (BTN); къдрав (Б; КР; KNR)“; 2) от наименованието на римския бог *Iuppiter/Juppiter* (О; BTN; KNR)), Kornel (*Kornelek, Korneli, Korneliusz*) (< 1) *cornu* – „рог“ (КР; П; СД; BTN; KN; KNR; LIP); 2) *cornut* – „ягода“ (П; СД)), Laurus (*Laurek, Wawrzek, Wawrzus*) (< 1) *laurus* – 1) „лавър, лаврово дърво; 2) победа, тържество (прен.)“ (И; П; СД; BTN; KI; KNR)), Łukasz (*Łuka, Łukas, Łukaszek*) (< 1) от гр. *Λουκάς* – „от Лукания“ (И; BTN); 2) от лат. *lux* – „светлина“ (ДО; П; KNR)), Maksymilian (*Maksymiljan, Maksymilianek*) (< 1) от римския преномен *Maximus* (СД; BTN; KNR); 2) комбинация от римския преномен *Maximus* и римското родово име *Aemilianus* (BTN; KNR; LIP; PWIP)), Marcel (*Marcek, Marcelek, Marceli, Marcełus*) (< 1) от деминутив на римския преномен *Marcus* (BM; BTN; KNR); 2) *marcellus* – „чукче“ (П; СД; KN)), Marcelin (*Marcelinek*) (< 1) от римското родово име *Marcellus* (BTN; KNR); 2) *marcellus* – „чукче“ (П)), Marian (*Marianek, Maryś*) (< 1) от римското родово име *Marius* (И; BTN; KN; KNR); 2) от библейското женско име *Maria* (КР)), Mariusz (*Mario, Marius, Mariuszek*) (< 1) от *Mars* (KI; KNR); 2) *maris* (форма за Gen. sg. на *mas* – „мъжки“ (BTN; KN)); 3) *mare* – „море“ (П); 4) от библейското женско име *Maria* (BTN; KNR)), Martynian (*Martinianek*) (< 1) *Martius* – „1) посветен на бог Марс; 2) войнствен“ (П; СД)), Maryn (*Maryniusz*) (< 1) от римското родово име *Marius*; 2) *marinus* – „морски“ (КР; П; BTN; KN; KNR); 3) от библейското женско име *Maria*; 4) от женското име *Marina* (рядко) (И)), Maug (< 1) *taurus* – „1) тъмнокож (BTN); 2) мавърски“ (СД; KN; KNR)), Maurycy (*Maurycek*) (< 1) от римското име *Maurus* (BTN; KN; KNR); 2) *mauricius* – „мавърски“ (Г; KNR)), Patrycjusz (*Patrycy, Patryczek, Patryk, Patrysiek, Patrycio, Patryś, Petrycy*) (< 1) *patricius* – „1) знатен човек (П; BTN; KN; KNR; LIP; PWIP); 2) от знатен род“ (И)), Paweł (*Paul, Paweł, Pawcio, Pawelek, Paweł, Pawil, Pawliczko, Pawlik, Pawlisz, Pawliś, Pawłusz, Pawłusza, Pawłuś, Pawoł*) (< 1) *paulus* – „1) малък; 2) скромен“ (ДО; КР; СД; KN; KI; KNR; LIP)), Petroniusz (< 1) от лат. *petronis*, форма за Gen. sg. от *petro* – „недосяган човек, дръвник; (BTN; KN; KNR); 2) стар овен“ (BM; ДВ; ДО; КР; KN); 3) от гр. *πέτρα* (ἰον.)/*πέτρος* – „камък; скала“ (КР; KN; LIP)), Roman (*Romanek, Romeczek*) (< 1) *Romanus* – „1) римлянин; 2) римски“ (ДО; И; КР; П; СД; BTN; KN; KNR; LIP)), Rufus (< 1) *rufus* – „1) червенокос, риж; 2) ясночервен“ (П; BTN; KN; KNR; LIP)), Sabin (*Sabinek*) (< 1) *Sabinus* – „сабинянин, сабински“ (П; BTN; KNR); 2) от гр. *Σάββα* – „събота“; 3) от евр. произход със значение „стар човек“ (И)), Sabinian (< 1) *Sabinus* – „1) сабинянин; 2) сабински“ (П; KNR)), Sergiusz (*Sergiej, Sergiuszek*) (< 1) *servus* – „слуга, роб“ (СД; BTN; KN); 2) от гр. *σερῦος* – „стражар, пазач“ (КР); 3) от етруски произход с неясно значение (BTN; KNR)), Terencjusz (< 1) неясно значение (BTN; KNR); 2) *terens* – „триещ“ (П; СД)), Tytus (*Tytek, Tytusik, Tytuś*) (< 1) неясно значение; 2) *titulus* – „титла“ (П; СД; BTN); 3) от етруски произход със значение „защитаващ честта“ (KNR)), Wincenty (*Wincesny, Więcensy, Więcent, Więcenty, Wincentyn*) (< 1) *vincō* – „побеждавам; завоювам“ (BTN; KNR); 2) *vincens* – „побеждаващ“ (KN; LIP)), Wit (*Witek, Wituś*) (< 1) *vita* – „живот“ (ДО; КР; BTN; KNR); 2) *via* – „път“ и е със значение „пътник“ (КР; KN)).

7. Имена с неясна етимология: Gajusz/Kajusz (*Kajus*) (KNR; LIP).

От изложената по-горе класификация е видно, че най-многобройна е групата на полските антропоними с повече от една предполагаема етимология, което се дължи на силното влияние на християнската религия и умишленото придаване на такова тълкуване на смисъла на името, че то да изразява християнска добродетел.

Фактът, че имената са канонизирани и почитани от Православната църква, също е от значение тук, защото някои от етимологиите са търсени и изведени от гръцки като официален език на източното православие.

От апелативите най-продуктивни са съществителните имена, а най-непродуктивните са групите, в които разглежданите антропоними са изведени от глагол, минало страдателно причастие или представляват атрибутивна синтагма.

Класификация според модел на образуване:

I. Мъжки лични полски имена, образувани от формата за Nom. sg. на изходното латинско име: *Akwila, Cezary, Cezariusz, Dezyderiusz, Fabiusz, Feliks, Flawiusz, Florencjusz, Gajusz/Kajusz, Gaudencjusz, Juliusz, Justus, Kasjan, Kasjusz, Klaudiusz, Klemens, Konstancjusz, Konstans, Krescens, Laurencjusz, Laurus, Leoncjusz, Liberiusz, Lucjusz, Łukasz, Magnus, Marcjusz, Mariusz, Patrycjusz, Petroniusz, Rufus, Sergiusz, Terencjusz, Tytus, Wiktor, Witalis*.

II. Мъжки лични полски имена образувани от работната основа (от формата за Gen. sg., но без завършек за надежда) на изходното латинско име: *Adrian/Hadrian, Agrypin, Akwilin, Antoni, Antonin, Augustyn, Benedykt, Bibian/Vivian, Błażej, Bonifacy, Celestyn, Cyprian, Domicjan, Donat, Emilian, Faust, Faustyn, Firmin, Flawian, Fortunat, German, Hilary, Honorat, Ignacy, Innocenty, January, Julian, Justyn,*

Justynian, Kandyd, Kasjan, Klaudian, Klementyn, Konstantyn, Kornel, Leon, Longin, Lucjan, Lukaniu, Maksym, Maksymian, Maksymilian, Marcel, Marcelin, Marcin, Marcial, Marcjan, Marek, Marian, Martynian, Maryn, Maur, Maurycy, Mauryn, Modest, Natalian, Paulin, Paweł, Roman, Rufin, Sabin, Sabinian, Saturnin, Sebastian, Sewer, Sewerian, Seweryn, Urban, Walenty, Walentyn, Walerian, Walery, Wiktoryn, Wincenty, Wit.

По-продуктивен се оказва моделът, при който полският антропоним е образуван от работната основа на римското име.

Името *Kasjan* присъства и в двете групи, защото според използваните източници то може да бъде изведено или от латинското *Cassianus*, или от *Cassian*.

Може да бъде направена и допълнителна класификация на разглежданите полски антропоними според това дали името е почитано само от Православната църква, или присъства в списъците на светците и на двете църкви. От информацията, поместена в използваните източници, става ясно, че почти всички имена са канонизирани и от Католическата, и от Православната църква. *Mauryn* е единственото изключение. Името е канонизирано единствено от Православната църква.

От направените наблюдения можем да направим следните изводи:

От разглежданите полски мъжки лични имена с латински корен в състава си, канонизирани от Православната църква, най-голям е броят на тези, които имат повече от една етимология. Най-малък е броят на имената, изведени от глагол, минало страдателно причастие или представляват атрибутивна синтагма.

Моделите на образуване на полски антропоним от латинско име са два – директно от формата за *Nom. sg.* на латинското име или от неговата работна основа, т. е. от формата му за *Gen. sg.*, но с изпуснат падежен завършек. Тук по-продуктивен е вторият.

Използвани съкращения за цитираните източници

Батаклиев 1979 = Б
Войнов, Милев 1990 = ВМ
Грковић 1966 = Г
Дворецкий 1976 = ДВ
Дојчиновић 2010 = ДО
Илчев 1959 = И
Кол, Ранчић 2010 = КР
Милинковић, Сегеди, Тодоровић 2009 = МСТ
Овидий 1963 = О
Петровский 1955 = П
Скрипник, Дзятковская 1986 = СД
Кнарповá 1985 = КН
www.behindthename.com = ВТН
www.ksiegaimion.com = КІ
http://kurufin.narod.ru/ = КNR
www.leksykony.interia.pl = LIP
http://patronii.w.interia.pl/ = PWIP

Библиография

Батаклиев, Георги (1979), *Антична митология* (Справочник). София, д-р Петър Берон.
Войнов, Михаил, Милев, Александър (1990), *Латинско-български речник*. София, Наука и изкуство.
Грковић, Милица (1966), *Речник личних имена код Срба*. Београд, Вук Караџић.
Дворецкий, И. Х. (1976), *Латинско-русский словарь*. Москва, Русский язык.
Дојчиновић, Биљана (2010), *Књига имена (водич за будуће родитеље и кумове)*. Београд, Креативни центар.
Илчев, Стефан (1959), *Речник на личните и фамилните имена у българите*. София, Издателство на БАН.
Кол, Петра, Ранчић, Ана (2010), *Именар – лексикон српских имена*. Београд, Јован.
Милинковић, Слађана, Сегеди, Пирошка, Тодоровић, Владислав М. (2009), *Латинско-српски и српско-латински речник (Lexicon Latino-Serbicum et Serbico-Latinum)*. Београд, Службени гласник.
Овидий (1963), *Метаморфози* (Превел от латински Георги Батаклиев). София, Народна култура.
Петровский, Н. А. (1955), *Словарь русских личных имен*. Москва, Советская энциклопедия.
Скрипник, Л. Г., Дзятковская, Н. П. (1986), *Власні імена людей (словник-довідник)*. Київ, Наукова думка.
Кнарповá, М. (1985), *Jak se bude jmenovat?* Praha, Academia.
<www.behindthename.com> (03.09.2012).
<www.ksiegaimion.com> (03.09.2012).
<http://kurufin.narod.ru/> (03.09.2012).
<www.leksykony.interia.pl> (03.09.2012).
<http://patronii.w.interia.pl/> (03.09.2012).

O CÍLECH TERMINOLOGICKÝCH SLOVNÍKŮ V DRUHÉ POLOVINĚ 19. STOLETÍ

ABSTRACT: As the national languages of the Monarchy were made official languages, and as they got more and more used in the educational system and in the various fields of science, there came a need for schoolbooks and special dictionaries in these languages. The making of the dictionaries and the creation of the new words for the various fields were made by committees consisted of experts of every field in question. The model for the new dictionaries and for the method of creating the new words was in every case Pavel Josef Šafařík's *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs*. The dictionaries of same fields that were made in this time in the region in different languages (german/czech/hungarian/croatian/slovenian) are all very similar, they contain the same corpus and they show the same patterns in their way of creating new words. In my study I focus on the making of the dictionaries *Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy* and *Német-magyar tudományos műszótár a csász. kir. gymnasiumok és reáliskolák számára*.

Keywords: language reform, terminology, dictionary, Pavel Josef Šafařík, Ferenc Toldy

S přibýváním množství samostatných vědeckých a praktických oborů v 19. století rostlo i množství odborných slovníků, pro které je charakteristické, že neslouží celé jazykové společnosti, pouze části určitého oboru. Zpravidla je nevytvořila pouze jediná osoba, ale celá komise, která byla organizována k těmto účelům a která kromě sběru užitečné slovní zásoby podle potřeby nová slova a výrazy taky vytvářela. Hesla postupně rozšiřovala, až je nakonec uspořádala do slovníků a jejich použití určila povinným ve svém oboru. Při vzniku názvosloví a slovní zásoby moderní civilizace měla v maďarském i českém jazyce zásadní vliv latina a ve spojení s ní taky němčina, která si sice morfológicky přizpůsobovala latinské výrazy, ale němečtí puristé je přestak nahrazovali.

Poté, co ústava ze 4. března roku 1849 z každého hlediska státního života – i z jazykového a národnostního hlediska před zákonem, t.j. právo použití mateřštiny v úřadech, ve školách a u soudu – vyhlásila rovnoprávnými všechny národy žijící na území Monarchie a stanovila, aby legislativa a administrativa byla v mateřštině, vzniklo nové nařízení, podle kterého je třeba vydat říšský věstník ve všech jazycích Monarchie. Při jejím provedení ale bylo nezbytné čelit faktu, že je třeba vytvořit jednotnou administrativní a právní terminologii ve všech jazycích národů, jichž se to týká. (ŠAFAŘÍK 1850: 3.) Tak vznikl slovník *Juridisch-politische Terminologie für die Slavischen Sprachen Oesterreichs*, který se později stal vzorem pro další slovníky. Rozšiřováním národnostních jazyků v jazyce výuky se stalo nezbytným vytvořit také učebnice v jednotlivých jazycích. Tyto učebnice, přesto že vědecké znalosti zprostředkovali obecně rozumitelnou formou, nezbytně používali všeobecně přijímanou moderní odbornou slovní zásobu, kterou shrnuli ve slovnících. (Kovalovszky 1955: 236-237.)

Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy (1853)

Podobně jako *Juridisch-politische Terminologie* vyšel i *Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy na základě nařízení oktrojované ústavy z roku 1849. Jelikož český jazyk nebyl již pouze vyučovaným předmětem, ale jazykem výuky na českých, moravských a slovenských gymnáziích, dále v pražské reálné škole, stala se čím dál naléhavější potřeba vytvoření vědeckého názvosloví a jeho sestavení do slovníků. Proto v červnu roku 1851 vytvořilo Ministerstvo školství speciální komisi, kterou pověřilo sběrem, přehledem, doplňováním a seřazením vědeckého názvosloví do příručního slovníku na základě stěžejních děl české literatury. (ŠAFAŘÍK 1853: 3.)*

Slovník vytvořený pro zmíněné školy obsahuje četné právní a zákonodárné výrazy, nicméně největší přínos měl ve vytvoření vědeckého a především přírodovědeckého (botanického, zoologického, matematického, geografického atd.) názvosloví. Členové redakční komise byli: František Ladislav Čelakovský, Václav Vladivoj Tomek, Ignác Jan Hanuš, Karel Josef Erben, Karel Štorch, Josef Jireček, Karel Krejčí, Antonín Jaroslav Vrtátka, v čele s Šafaříkem, který ve svém úvodu i tentokrát referuje o cílech slovníku, o pracovním postupu, dále o referentech jednotlivých vědeckých okruhů. (ŠAFAŘÍK 1853: 3-4.) Prvním úkolem komise bylo určení svého pracovního okruhu. Původně se snažili převzít všechny předměty, které byly vyučovány na gymnáziích a reálních školách, později ale některé vynechali kvůli množství slovního materiálu (např. technologii, ekonomii, hudbu, zpěv, tělocvik). Žádali o pomoc odborníků a začali sbírat slova z knih v obou jazycích.

Snažili se udržet střední cestu a zdržet se přehnaného purismu. Již v předmluvě českého vydání *Juridisch-politische Terminologie* píše, že snahy o používání mateřského jazyka přítomné od konce 18. století nemohou vést k úplnému odstranění mezinárodních termínů a je zvláště zapotřebí si ponechat ty právní a politické termíny, které „mají platnost z hlediska evropskosti či světového občanství“. Podle ŠAFARIKA čeština díky svému přirozenému charakteru snáší mnohem méně cizích slov než jiné jazyky (např. němčina). Neodmítali takové výrazy platné po Evropě (např. *advokát, banka, datum, docent, kontrola*), kterých se vysloveně používalo ve vzdělaných okruzích, ve vědě a v literatuře, a měly již evropský status. (ŠAFARIK 1850.)

Jelikož po bělohorské porážce byla čeština vytlačována ze soudů, z úřadů i ze škol, terminologie vzniklá do první čtvrtiny 17. století se stala pro český lid 19. století téměř cizím. Členové české sekce komise pro sestavení slovníků se právě proto snažili oživovat elementy dřívější slovní zásoby a použít je jako historický základ – v případě, že z hlediska významu pojmu a zvukové podoby odpovídá požadavkům doby – a tímto způsobem český jazyk opět zavést na ztracenou cestu přirozeného rozvoje. Vskutku využili již exustující terminologii a nová slova převzali pouze, když byla výraznější než již existující. V zájmu praktického použití převzali i takové výrazy, které sem přísně vzato nepatří, a z důvodů rozsahu se naopak snažili vyvarovat synonym. V případě, že určitý výraz v daném jazyce nebyl k dispozici, ucházeli se k doslovnému překladu, resp. v případě, že existovalo více výrazů, zvolili ten, který již ve starém jazyce existoval, ale byl zapomenut.

Slovník měl obrovský význam z hlediska maďarských, slovanských, a zvláště jihoslovanských odborních slovníků. S použitím jeho korpusu vyšel v Pešti v roce 1858 *Német-magyar tudományos műszótár* (‘Německo-maďarský slovník vědeckého názvosloví’) od Ference Toldyho, dále v roce 1875 od Bogoslava Šuleka *Horvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga nazivlja* (‘Chorvatsko-německo-italský slovník odborného názvosloví’) a v roce 1880 od slovinského Mateja Cigalea *Znanstvena terminologia s posebnim ozirom na srednja učilišča* (‘Vědecká terminologie se zvláštním zřetelem na střední školy’).

Německo-maďarský slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy (1858)

Jazyková reforma se v Maďarsku na konci 18. století soustředila do hnutí a od začátku 19. století se stala všeobecnou. Elán horlivého tvoření jazyka a občas přehnaná činnost prolomily boj za svobodu a následující despotismus. Na pomoc systému výuky, která nesla rakouského ducha, a vyučování se konalo částečně v němčině, vyšel s nařízením rakouské vlády slovník sestavený Ferencem Toldym: *Německo-maďarský odborný slovník vědy pro c. a k. gymnasia a reálné školy (Német-magyar tudományos műszótár a csász. kir. gymnasiumok és reáliskolák számára)*.

Pro usnadnění výuky maďarského vědeckého názvosloví byla Ministerstvem kultury a školství sestavena komise (Cyrill Horváth, Ányos Jedlik, József Szvorényi a jako předseda Ferenc Toldy), která byla zmocněna spolupracovat s jinými vědeckými odborníky. Vědecké obory určené k vypracování byly následující: gramatika, pravopis, stylistika, poetika, rétorika, výtvarné umění, řemesla, psychologie, logika, zeměpis, dějiny, statistika, matematika, fyzika, chemie, mechanika, astronomie, architektura, geologie, biologie a ekonomie. Vzorem sloužil *Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy* vydaný k podobným cílům v Praze roku 1853, *od kterého se pouze občas odchýlili, částečně jej i doplňovali*. Se zřetelem na doposud použité či doporučené odborné výrazy byla sebraná hesla vypracována odborníky, poté byla členy komise prozkoumána, projednána a schválena. Posléze redaktor Ágost Greguss sestavil slovník, který byl se schválením Toldyho dán do tisku.

Největší teoretická otázka, kterou si komise kladla, se týkala přírodní vědy, zejména chemie. Účelem bylo vytvoření odborného jazyka (*jelentes műnyelv*) ke veřejnému odbornému názvosloví (*köz műnyelv*) (Srov. TOLDY 1858: 5–7). Vedle obecně používaných odborných slov byla – pro zachování mezinárodní srozumitelnosti – uváděna i odborná terminologie cizího původu, která se používala pouze v odborném názvosloví (ze současné lékařské terminologie např. *angina ~ torokgyulladás*). Představa byla, že určitá odborná slova se stanou veřejně používanými, podobně jako u většiny slov z *Juridisch-politische Terminologie*. Výchozí bod i v těchto případech znamenal jazyk vzdělaných vrstev, ale pouze po praxi několik desetiletí se ukazovalo, která nová slova, výrazy a slovní spojení se ujala v jazykovém úzu. Je ale každopádně jisté, že vypěstovat národní jazyk pro zajištění přístupu znalostí co nejširšímu okruhu a tím se i na duchovní i na jazykové úrovni připojit ke vzdělanému západu, vůbec není jednoduchý úkol.

Na základě svých předešlých názorů Toldy vyhlásil právo a nutnost purismu ve vědeckém názvosloví. Nová slova a výrazy vytvořil podle dosavadních pokusů, použitím ve výuce již platných výrazů nebo analogicky. Přesto lze nalézt v jeho slovníku velký počet termínů vytvořených proti pravidlům maďarského jazyka. (Srov. KOVALOVSKY 1955: 310.)

Souhrn

Tvoření termínů je záměrný vnější zásah do vývoje jazyka, který si vyžaduje společnost, věda, kultura apod. Pokud je nějaké pole odborného zájmu obohaceno o nové poznatky, stává se potřebným jejich pojmenování -

pokud možno - v jazyce vlastním dané společnosti. Zvláště tehdy, pokud je snaha učinit daný jev, předmět, pojem, nástroj, proceduru atd. obecně známými rovněž mimo úzký okruh odborníků.

V důsledku šíření ideálů osvícenství vznikaly u jednotlivých evropských národů hnutí za reformu jazyka. To vše mělo za následek vývoj jazyka, péči o něj a snahu o jeho čistotu, a právě tomu posledního se snažilo vyhovět 19. století. Až do období hnutí za reformu jazyka se vyučování, soudní řízení, právní úkony děly na českém i uherském území v cizích jazycích (latinsky, později německy). Každodenní potřeby iniciovaly tedy snahy, aby terminologie byla vyjadřována v mateřském jazyce a byla soustředěna ve slovnících. Setká-li se jazyk s novým pojmem, který jiný, rozvinutější jazyk již dokáže vyjádřit, pak uživatelé méně rozvinutého jazyka výraz jazyka rozvinutějšího převezmou nebo okopírují. Toto kopírování může být čistě obsahové, kdy přejímající jazyk pracuje s prostředky, které odpovídají jeho vlastnímu systému, ale může být i formálně naprosto shodné, kdy přejímající jazyk prostě imituje. Ať už se uplatňuje první či druhý postup, podstatou je, že přejímající jazyk vychází z nějaké předlohy. Slova, která vypadají jako vzájemný překlad, však mohou vznikat v různých jazycích také nezávisle, pouze na základě společného způsobu nazírání. Nelze-li s naprostou určitostí doložit slovo, které bylo eventuálně předlohou, můžeme použít fakta z historie, zeměpisu a jiných věd. (Srov. NYOMÁRKAY 1993: 180-1.) Ve většině případů byla vzorem němčina, avšak finálním výchozím bodem byla latina, jelikož také němčina převzala latinskou odbornou terminologii v morfologicky adaptované formě nebo cestou překladu. V němčině i maďarštině je pouze zřídka nutné použít opisy, neboť vytvářet složená slova je snadné, ve slovanských jazycích je ovšem nutné stěžejní znaky daného pojmu vyjádřit popisem, přívlastkem či dalšími gramatickými slovy, čímž se stává těžkým jejich zařazení do věty. (Srov. NYOMÁRKAY 1993: 183.) Pravděpodobně toto je taky důvodem, proč upozorňuje Šafařík a také Toldy, že by nebylo správné již zakořeněná slova nahrazovat novotvory. Nahrazení již dobře zavedených cizích výrazů v jazyce vzdělanců slovy mateřského jazyka by jenom bránilo duchovnímu spojení se vzdělanou Evropou. Proto si jazyk užších oborů ponechal mezinárodní terminologii, ovšem pojmy používané v každodenní komunikaci dostaly posléze nové výrazy v mateřském jazyce, nejčastěji ve formě kalků.

Obohacování slovní zásoby doprovázelo zdůrazňování čistoty jazyka, náhrada cizích slov slovy mateřského jazyka. Při používání pojmů mateřského jazyka byla snaha dát již existujícím slovům nový obsah, nebo k danému obsahu vytvořit slova nová pomocí přípon. Dle předmluvy českého vydání *Juridisch-politische Terminologie* se má vzor pro nový výraz v mateřském jazyce hledat v příbuzném jazyce (ŠAFAŘÍK 1850). V maďarském jazyce byla ovšem kromě starších vzorů mateřského jazyka potřeba obracet se také k jazyku německému, latinskému a českému. Novotvory nejnadhěji přijímaly odborné jazyky, vždyť v jejich případě je důležitější věcný význam než estetické hodnoty nebo vztah k jazyku jako celku, či vztah k jazykovým tradicím. Na druhé straně ale šíření nové odborné terminologie brzdila potřeba jasné a snadné komunikace v zájmu mezinárodní spolupráce. Novátoři jazyka museli vyhovět dvěma požadavkům: jazyk se musel stát výrazným, expresivním a musely také regulovat jeho používání, vyjádřit nové pojmy a postupy vzniklých termínů mateřského jazyka.

Bibliografie

- NYOMÁRKAY ISTVÁN 1993. A tükörfordításról, különös tekintettel a (szerb)horvátra, *Magyar Nyelv* 89: 180-189.
- NYOMÁRKAY ISTVÁN 1996. Egy XIX. századi magyar-délszláv [bunyevec-szerb-horvát] műszótár, *Nyr* 120: 450-458.
- KOVALOVSKY MIKLÓS 1955. Tudományos nyelvünk alakulása, In: PAIS DEZSŐ ed. 1955. *Nyelvünk a reformkorban*, Akadémiai Kiadó, Budapest, 227-312.
- ŠAFAŘÍK, PAVEL JOSEF ed. 1850. *Juridisch-politische Terminologie für die slavischen Sprachen Oesterreichs*, Wien
- ŠAFAŘÍK, PAVEL JOSEF ed. 1853. *Německo-český slovník vědeckého názvosloví pro gymnasia a reálné školy*, Praha
- TOLDY FERENC ed. 1858. *Német-magyar tudományos műszótár a csász. Kir. Gimnásiumok és reáliskolák számára*, kiadja Heckenast Gusztáv, Pest

DVIJE DVOPRIJELAZNE KONSTRUKCIJE HRVATSKIH GLAGOLA UČITI I POUČAVATI (PODUČAVATI): SINKRONIJA I DIJAKRONIJA

This paper presents a description of two ditransitive constructions of Croatian verbs učiti and poučavati (podučavati), both meaning „to teach“. The first is a double accusative and the second an accusative and dative construction. Differences in meaning, frequency and usage are given for each construction. The description is based on examples from contemporary Croatian language, all retrieved from the Croatian National Corpus. In addition, a general outline of their development will be made for the period from the 16th century to the beginning of the 20th century. Diachronic stability of each construction is demonstrated and supported by evidence from Old Croatian dictionaries and a subcorpus of the Croatian National Corpus comprising texts from the abovementioned period.

Key words: ditransitive constructions, verb “teach”, synchrony, diachrony, syntactic change, verbal syntax

1. Uvod

U ovome ćemo radu analizirati glagol učiti u dvoprijelaznom značenju te u tom značenju njemu sinoniman glagol poučavati, koji se javlja i u liku podučavati. Rad će početi sa sinkronijskim opisom ovih glagola, opisom njihovih sintaktičkih obrazaca i s njima povezanih značenja. Nakon temeljitog opisa suvremenog stanja prijeći ćemo na opis dijakronijskog razvoja ovih glagola u dvoprijelaznim konstrukcijama. Temelj će analize biti Akademijin rječnik (ARj) te potkorpus Klasici Hrvatskog nacionalnog korpusa, a uvid će ići od Marulića i njegovih suvremenika sve do početaka dvadesetog stoljeća. Takva je metodologija posuđena iz područja dijakronijske semantike (Raffaelli 2009).

Dvoprijelazni ili ditranzitivni glagoli (engl. *ditransitive verbs*), semantički definirano, skupina su glagola koji imenuju događaje prijenosa ili razmjene nekog predmeta, usluge, informacije i sl. između dvaju osoba (usp. Malchukov, Haspelmath & Comrie 2010: 1-2). Tipični su dvoprijelazni glagoli, promatrano iz perspektive semantičkih uloga (npr. Haspelmath 2008: 76-77; Mukherjee 2005: 12), oni glagoli koji kodiraju tri semantičke uloge: agens (osoba koja daje temu), temu (ono što se prenosi) i recipijens (osoba koja prima temu). Takvi glagoli, sintaktički gledano, prototipno kodiraju tri argumenta: subjekt, koji se pojavljuje u nominativu, zatim direktni objekt u akuzativu, i indirektni objekt u dativu. Pri tome na mjesto subjekta dolazi agens, na mjesto direktnog objekta tema, a na mjesto indirektnog objekta recipijens. Primjer je takvog tipičnog glagola *dati komu što*.

Značenja glagola učiti u hrvatskome jeziku mogu se svesti na temeljnu oprjeku između dvaju općenitijih značenja. U prvom, kao u primjeru (1), glagol učiti znači „usvajati znanje“, a u drugom, kao u primjeru (2), znači „usvojeno znanje prenositi“:

- (1) Silvio uči statistiku za ispit u ponedjeljak.
- (2) Profesor Konrad uči djecu matematiku.

O toj se temeljnoj oprjeci slažu svi rječnici suvremenog hrvatskog jezika (Šonje 2000, Anić 2006, Brozović Rončević *et al.* 2012), a pritom navode još neke nijanse kod svakog značenja u koje, međutim, nećemo ulaziti jer se mogu svesti na dva već navedena osnovna značenja. U prvom značenju glagol učiti je običan prijelazan i navodit ćemo ga kao učiti1. U drugom značenju, glagol je dvoprijelazan i navodit ćemo ga učiti2. Za to značenje kažemo da je dvoprijelazno zato što se temeljni dvoprijelazni odnos transfera shvaća metaforički kao prenošenje znanja, a znanje se shvaća kao tema koja se razmjenjuje između dvaju entiteta.

Nadalje, značenju glagola u rečenici (2), odnosno učiti2 sinoniman je glagol poučavati/podučavati. Glagol poučavati ima i lik podučavati koji se normativno ne preporuča, a prema najnovijim leksikografskim opisima oni su značenjski istovjetni (Brozović Rončević 2012, s. v. podučavati i s. v. poučavati). Po zastupljenosti u korpusu jednako su česti. Iako se ponekad razlika među glagolima pokušava utemeljiti na oprjeci imenica pouka i poduka, ona u suvremenom jeziku ne funkcionira. Budući da se radi o istom glagolu u dva lika, onaj preporučeni ćemo u daljem izlaganju pisati kao prvi, a normativno manje prihvatljiv lik pisat ćemo u zagradi nakon prvog.

Konačno, ne treba izgubiti iz vida da se semantika glagola učiti2 i poučiti (podučiti) može vrlo elegantno opisati i formalno i to u odnosu s običnim tranzitivnim učiti, odnosno učiti1. Ditransitivni glagoli mogu se shvatiti kao kauzativna varijanta glagola učiti2, odnosno glagoli učiti2 i poučiti (podučiti) u tom značenju znače „učiniti da netko nauči nešto“, odnosno formalno se to može bilježiti dodavanjem operatora CAUSE u argumentnu strukturu glagola učiti1 (Van Valin 2005: 42).

2. Sinkronija

Sinkronijski opis glagola učiti2 i poučavati (podučavati) započet ćemo opisom sintaktičkih obrazaca. Kao što se vidi iz primjera (2) u toj konstrukciji glagol učiti2 traži dva argumenta, oba u akuzativu. Isto vrijedi i za

poučavati (podučavati). Njihov subjekt ima semantičku uloga agensa, prvi akuzativ doživljača, a drugi akuzativ teme (tj. onoga što se prenosi). Kod glagola *učiti2* i *poučavati (podučavati)* može se ispustiti jedan argument, a to je obično tema:

(3) Profesor Konrad uči/poučava (podučava) djecu.

U ovom primjeru ne dolazi do promjene semantičke valencije, već samo sintaktičke, odnosno u rečenici (3) glagol i dalje podrazumijeva da postoji nešto o čemu se usvaja znanje, samo što to nije izrečeno. Ako bi se iz rečenice s glagolom *učiti2* izbacio doživljač, rečenica bi se izvan konteksta jednoznačno protumačila kao da se radi o *učiti1*:

(4) Profesor Konrad uči matematiku.

Međutim, u jasno određenom kontekstu, moglo bi se rečenicu pod (4) protumačiti kao eliptičnu i kao da sadrži *učiti2*.

Zanimljivost je ove dvoprijelazne konstrukcije to što se uz glagole *učiti2* i *poučavati (podučavati)* oba argumenta pojavljuju u akuzativu. Takvi su glagoli iznimno rijetki u hrvatskome jeziku, a opisani su u Zovko Dinković (2010). Ista autorica zamjećuje da ti glagoli mogu doći i u alternativnoj konstrukciji (str. 272), u kojoj se tema umjesto u akuzativu pojavljuje u dativu, kao u primjeru (5):

(5) Profesor Konrad uči/ poučava (podučava) djecu matematiki.

Autorica ne ulazi u detalje ove dvostrukosti u padežnom označivanju, ali smatramo da je važno da se pokuša naći objašnjenje za tu pojavu. Na tragu utvrđivanja razlike među dvama konstrukcijama već je Katičić (2002) koji konstrukciju *učiti2* s dva akuzativa svrstava u jednu skupinu glagola (§247), koja je bez neke bitne odrednice, dok se konstrukcija s dativom smješta među glagole koji „izriču poučavanje ili privikavanje“ (§333). Uz *učiti2* u toj su skupini glagoli *privikavati* i *akomodirati*. Iz toga proizlazi da se razlika svodi na to da konstrukcija s akuzativom i dativom ima nijansu prilagodbe, koja pak povlači ideju trajanja procesa učenja. Je li to tako, pokušat ćemo barem ukratko odgovoriti u daljem tekstu.

Ta oprjeka teško da je uočiva u već navedenom paru rečenica (2) i (6), koje ponovno navodimo kao (6a) i (6b):

(6) a. Profesor Konrad uči djecu matematiku.

b. Profesor Konrad uči djecu matematiki.

Zato ćemo pokušati naći druge primjere gdje bi ta razlika mogla igrati ulogu. Primjerice, u rečenici (7), koja se pojavila na naslovnici u jednim besplatnim tjednim novinama stoji:

(7) Mladi stomatolozi umirovljenike uče brizi o zubima.

U ovom primjeru bi zamjena imenice u dativu *brizi* imenicom u akuzativu *brigu* zvučala bi vrlo čudno:

(8) ??Mladi stomatolozi umirovljenike uče brigu o zubima.

Pretragom Hrvatskog nacionalnog korpusa prema sljedećim lemmama: *učiti*, *naučiti*, *podučiti*, *podučavati*, *poučiti* i *poučavati* došli smo do nekih zanimljivih rezultata. Naime, pokazuje se da je konstrukcija s dva akuzativa relativno slabo zastupljena, osobito s glagolima *podučiti/podučavati* i *poučiti/poučavati*, a jedan je od malobrojnih primjera naveden pod 9:

(9) ... bez pretenzije da se tu masu uistinu nešto podučii...

Možemo zamijetiti da se uz te glagole u akuzativu pojavljuju samo imenice koje znače nekakav školski predmet, gradivo ili nešto slično. Te su imenice zamijenjive dativom.

S druge strane, u dativu se pojavljuje mnogo veći broj primjera i mnogo veći broj imenica, npr.:

(10) Zanimljivo je kako njih nitko kod kuće nije mogao poučiti demokraciji...

Među takvim su imenicama primjerice *istina*, *(skladni) rad*, *vještina*, *poštovanje*, a većinom su apstraktne. Zanimljivo je što se može opaziti, ali ne bismo htjeli tvrditi doista jest tako u svakom slučaju, da takve imenice ne mogu biti zamijenjene akuzativom, usp. primjer (11a) iz korpusa i primjer (11b) u kojem je dativ zamijenjen akuzativom:

(11) a. ali tisuću je puta gore kad se tako ponaša učiteljica koja bi djecu trebala poučiti toleranciji i prihvaćanju " drugih " i " drukčijih "...

b. *ali tisuću je puta gore kad se tako ponaša učiteljica koja bi djecu trebala poučiti toleranciju i prihvaćanje " drugih " i " drukčijih "...

Zanimljivi su i primjeri koji dobivaju različita tumačenja ovisno o padežu:

(12) a. Nastojimo ih podučiti zdravom i svjesnom načinu promišljanja i življenja

b. Nastojimo ih podučiti zdravi i svjesni način promišljanja i življenja.

U primjeru (12a) koji je iz korpusa taj „način“ nije poznat, nije definiran niti preciziran. Drugi primjer, (12b) pretpostavlja da postoji neki definirani, možda čak već spomenuti način.

K tome, imenica u akuzativu, koja obično imenuje neko gradivo koje se usvaja, nosi ideju zaokruženosti koja je često vezana uz određenost. S druge strane, apstraktne imenice u dativu koje nemaju granicu i nisu čvrsto određene ne mogu se osvojiti do kraja već je usvajanje trajan proces. Unatoč tome, primjetno je da među dvjema konstrukcijama postoji tek mala razlika u značenju. Isto tako, može se reći da je konstrukcija s akuzativom i dativom proširenija jer dolazi uz veći broj imenica. Konstrukcija s dva akuzativa, možemo zaključiti, slabo je

proširena i uglavnom se rabi kada drugi akuzativ, sa semantičkom ulogom teme, imenuje neko gradivo ili školski predmet.

3. Dijakronija

Dijakronijski uvid u glagole *učiti2* i *poučavati* (*podučavati*) temeljit će se na Akademijinu rječniku (služit ćemo se kraticom ARj), koji služi kao najvažniji izvor za razdoblje početka 20. stoljeća, a od vremena Marulića i njegovih suvremenika. Za uvid u stanje s kraja 19. stoljeća poslužit ćemo se Parčićevim rječnikom (Parčić 1901) i rječnikom Ivekovića i Broza (Iveković i Broz 1901). Uz to, služit ćemo se i potkorpusom Klasici Hrvatskog nacionalnog korpusa, koji sadrži djela hrvatske književnosti od renesanse do 30ih godina 20. stoljeća. Potkorpus je nešto slabije zastupljen djelima iz razdoblja od 16. do polovice 19. stoljeća, ali je s druge strane vrlo važan izvor za jezik književnih djela s prijelaza iz 19. u 20. stoljeće. Koncentrirat ćemo se na povijest glagola u štokavskom dijasistemu koji je iznjedrio i suvremeni hrvatski standardni jezik, a tek usput, bez pretenzije da budemo iscrpni, spomenut ćemo primjere iz drugih hrvatskih narječja. Izlaganje ćemo predstaviti u vidskim parnjacima *učiti2/naučiti2*, *poučiti/poučavati* i *podučiti/podučavati*.

U ARj glagoli *učiti2* i *naučiti2*, iako predstavljaju vidske parnjake, predstavljeni su odvojeno. Za glagol *učiti* općenito naznačeno je da se pojavljuje od najstarijih vremena. Kada se radi o dvoprijelaznim konstrukcijama, rječnik bilježi pod značenjem b. da glagol znači isto što i *poučavati*. U tom značenju zabilježen je u većini starih hrvatskih rječnika te se pojavljuje u većem broju konstrukcija, među kojima su i primjeri konstrukcije s dva akuzativa, kao i konstrukcije s akuzativom i dativom.

Konstrukcija s dva akuzativa prema ARj za *učiti* nalazi se u Životu svetog Jerolima iz 16. stoljeća (*Jerolim Eustokiju sveto pismo učaše*) i u Barakoviću (*Mnoga dila pak ih uči*) iz istog vremena, a za *naučiti* u Ranjininu zborniku (*naučit će nas pute svoje*) i kod Marulića (*nauč' neumića knjigu*). Primjere nalazimo i kod Kašića, Gundulića, Palmotića itd. Imenice koje se pojavljuju u drugom akuzativu u najstarijim su primjerima ponajprije vezane za kršćanski nauk (*sveto pismo, vjeru moju, nauk kršćanski*), ali ima i drugih primjera (*pute, knjigu, sve kriposti*) a u kasnijim primjerima se širi broj imenica pa nalazimo i druge imenice (*pravu mudrost, knjige, likariju, priduboku poniznost, kakvi zanat, pismice, volju*).

Konstrukcija s akuzativom i dativom zabilježena je u dosta većem broju primjera. Najranija potvrda u ARj dolazi s početka 15. stoljeća, u primjeru *kada bo nakup gredihota učaše ju pokori iz Žića svetih otaca te jer me mnozim nauči, česa ne znah* iz Transita sv. Jerolima iz 16. stoljeća. Drugi su najraniji primjeri iz Marulića i Divkovića. Među imenicama koje se pojavljuju u dativu nema nekih neobičnosti, a među njima su: *knjizi, zakonu (božjemu), zlu, poštenju, zanatu, pameti, poštenju, uredbama i zakonima, vraštvu i opačini* itd. Kao što vidimo neke se imenice javljaju i s akuzativom, ali većina imenica nije zabilježena u akuzativu, vjerojatno zbog veće raširenosti konstrukcije s dativom.

O glagolu *poučiti/poučavati* možemo reći vrlo malo. Zabilježen je tek u rječnicima Bellinu (rano 18. stoljeće) i Stulićevu (početak 19. stoljeća), a najranija potvrda je iz djela Šimuna Kožičića Benje, s prijelaza iz 15. u 16. stoljeće. Zanimljivost je što u rječniku Bellinu stoji *apprendere un poco*, što redaktor leme u ARj smatra suvišnim, ali moguće je da je izvorno ovog glagola bilo deminutivno te da je tek s vremenom postalo sinonimno glagolu *učiti2*. U primjerima nema potvrda za konstrukciju s akuzativom i dativom, a za konstrukciju s dva akuzativa imamo dva primjera u kojima je tema *nešto* i *molitvu*. Glagol je očito vrlo rano postojao, barem u idiomima na području zapadne Hrvatske, ali je vjerojatno bio slabo zastupljen, čemu svjedoče slabe potvrde u rječnicima i djelima. Tome govori u prilog i činjenica da se ovaj glagol u potkorpusu Klasici pojavljuje tek od Šenoe, dakle od druge polovice 20. stoljeća, dok ranije nije zabilježen nijedan primjer. Nakon Šenoe glagol se pojavljuje i kod mnogih drugih pisaca (Tomić, Kumičić, Donadini, Šimunović), a ukupno je zabilježeno oko 60 primjera. Glagol je zabilježen u suvremenom značenju i u kod Parčića i kod Ivekovića i Broza. Što se tiče imperfektivnih oblika, u ARj potvrđeni su *poučati* s jednim primjerom iz hrvatskog jezika iz 15. stoljeća. S druge strane, *poučavati* je, čini se, izveden od *poučati* te mu nema potvrda u hrvatskim tekstovima, već samo u srpskim te u rječnicima Vukovu i Daničićevu. Vrlo je vjerojatno da ovaj oblik nema puno veze sa suvremenim *poučavati* koji se vjerojatno razvio neovisno u trenutku kada se glagol *poučiti* etablirao kao običan glagol u hrvatskome. U potkorpusu Klasici, kod Parčića te kod Ivekovića i Broza, imperfektivni oblik *poučavati* već se normalno pojavljuje.

Glagol *podučiti* još je slabije posvjedočen, naveden je samo u Stulićevu rječniku i ima, sudeći prema ekvivalentima, nijansu uvjeravanja i poticanja (*suadere, persuadere, cohortari*). U ARj zabilježena su tek dva primjera te se spominje da se glagol javlja u govorima Like. Najzanimljivija je informacija koju daje rječnik je st tvrdnja da se u ondašnjem suvremenom jeziku (navedeni je svezak izašao 1931. godine) javlja isti glagol, ali kao kalk prema njemačkom prefiksu *unter* u glagolu *unterrichten* „poučavati“. Zabilježeni su imperfektivni oblici *podučati*, za koji se samo bilježi da se govori među kajkavcima u Podravini, te *podučavati* kao iterativ od *podučati* sa samo jednim primjerom. Glagol je i u perfektivnom i u imperfektivnom obliku zabilježen u potkorpusu Klasici s 20ak primjera, ponovno tek od Šenoe te u Parčićevu rječniku, dok ga Iveković i Broz ne navode. Imperfektivni glagol *podučavati* očigledna je inovacija nastala nakon širenja lika *podučiti*, vjerojatno u drugoj polovici 19. stoljeća.

Posebno je pitanje zašto se uopće razvila potreba da se na mjestu dvoprijelaznog *učiti* počne rabiti novi glagol *poučavati*, odnosno *podučavati*, iako nijedan od dva glagola do danas nije prevladao u tom značenju. To je pitanje koje zahtijeva detaljnija razmatranja.

Zaključci

U ovome radu opisane su dvije dvoprijelazne konstrukcije glagola *učiti2* i *poučavati* (*podučavati*). Prva je konstrukcija s dva akuzativa, od kojih prvi akuzativ imenuje osobu koja prima znanje, a drugi akuzativ znanje koje se prenosi. Druga je konstrukcija s akuzativom i dativom, pri čemu akuzativ imenuje osobu koja prima znanje, a dativ znanje što se prenosi.

U prvom dijelu dan je sinkronijski opis ovih konstrukcija. Uočeno je da se u konstrukciji s dva akuzativa kao drugi akuzativ (znanje koje se prenosi) pojavljuju imenice koje znače neko određeno i zaokruženo, obično školsko, gradivo te da je ova konstrukcija zbog te činjenice relativno slabo frekventna, ali i ne manje obična u suvremenom hrvatskom jeziku. S druge strane, konstrukcija s akuzativom i dativom nešto je frekventnija, a imenice u dativu, osim imenica koje su moguće kod prve konstrukcije, mogu biti i mnoge druge imenice, obično apstraktne, koje imenuju neku vještinu, osobinu, naviku ili znanje. Primijećeno je da se u dativu uglavnom pojavljuju nešto manje konkretne i određene imenice zbog čega konstrukcija s akuzativom i dativom nosi nijansu procesualnosti, dugotrajnosti i navikavanja.

U drugom dijelu rada pokušali smo utvrditi sintaktičko ponašanje glagola *učiti2* i *poučavati* (*podučavati*) u starijim etapama hrvatskog jezika, osobito u razdoblju od 16. do 19. stoljeća te na prijelazu iz 19. u 20. stoljeće. Pokazalo se da je i u starijem jeziku kod glagola *učiti2* konstrukcija s akuzativom i dativom bila zastupljenija i da su se u dativu pojavljivao raznovrsniji broj imenica. Isto tako, pokazalo se da i konstrukcija s dva akuzativa kod glagola *učiti2* postoji od davnina te da unatoč svojoj neobičnosti nije posuđena iz nekog jezika, osim ako nije posuđena u najranija vremena, što je malo vjerojatno jer bi očiti izvor za ovakvu konstrukciju bio njemački jezik koji konstrukciju s dva direktna objekta ima jedino kod glagola *lehren*, koji znači upravo *poučavati*. Time se vjerojatno ide u prilog tipološkoj generalizaciji da konstrukcije s dva direktna objekta često nastaju s glagolima takvog značenja čak i u onim jezicima koji takve konstrukcije inače nemaju (Malchukov, Haspelmath & Comrie 2010: 50-51).

Pokazala se korisnost upotrebe korpusa za proučavanje kako suvremenog tako i starijeg stanja hrvatskog jezika te se demonstrirala prikladnost metodologije posuđene iz polja dijakronijske semantike za opis sintaktičke promjene, odnosno promjena u strukturi glagolskog predikata.

Bibliografija

- ANIĆ, Vladimir (2006), *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Priredila Ljiljana Jojić. Zagreb, Novi Liber.
- ARJ = *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Rječnik JAZU]. Vol. I – XXIII (1880–1976). Zagreb, JAZU.
- BROZOVIĆ RONČEVIĆ, Dunja, gl. urednica (2012), *Školski rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb, Školska knjiga – Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.
- HASPELMATH, Martin (2008), Ditransitive constructions: Towards a new Role and Reference Grammar account?. In: Van Valin, R. D. Jr. (ur.), *Investigations of the Syntax-Semantics-Pragmatics Interface*. Amsterdam, John Benjamins, 2008: 74 – 100.
- HRVATSKI NACIONALNI KORPUS, v. 3.0, dostupan i pretraživ na http://filip.ffzg.hr/bonito2/run.cgi/first_form (pristupljeno 22. 4. 2013.)
- KATIČIĆ, Radoslav (2002), *Sintaksa hrvatskoga književnog jezika*. Zagreb, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti – Nakladni zavod Globus.
- IVEKOVIĆ, Franjo i BROZ, Ivan (1901.), *Rječnik hrvatskoga jezika, sv. 1 i 2*. Zagreb, Dominović, 2009. (pretisak)
- MALCHUKOV, A., HASPELMATH, M. i COMRIE, B. (ur.) (2010), *Studies in ditransitive constructions*. Berlin, De Gruyter Mouton.
- MUKHERJEE, Joybrato (2005), *English ditransitive verbs : aspects of theory, description and a usage-based model*. Amsterdam, Rodopi.
- PARČIĆ, Dragutin A. (1901). *Vocabolario croato-italiano* = [Rječnik hrvatsko-talijanski], 3. ed. coretta ed aumentata = [3. popravljeno i pomnožano izd.]. Zagreb, Artresor studio, 1995. (pretisak)
- RAFFAELLI, Ida (2009), *Značenje kroz vrijeme*. Zagreb, Disput.
- ŠONJE, Jure, ur. (2000), *Rječnik hrvatskog jezika*. Zagreb, Leksikografski zavod Miroslav Krleža – Školska knjiga.
- Van Valin, Robert D. Jr. (2005), *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge University Press.

Krzysztof Popek

Uniwersytet Jagielloński
Kraków, Polska

POCZĄTKI KSZTAŁTOWANIA SIĘ PAMIĘCI HISTORYCZNEJ O MASAKRZE W BATAKU WŚRÓD BULGARÓW W DRUGIEJ POŁOWIE XIX WIEKU³⁷

The article is about the beginnings of formation the historical memory about Batak massacre in 1876. The major part of the text will be concentrate on the XIX-century historical sources, which describe the slaughter in the Rhodope village. Creating the specific mythology of Batak will be tracking on the examples of the western-European reportages (J. A. MacGahan), the historical books (Z. Stoyanov), fiction literature (I. Vazov) and the iconographic sources (A. Piotrowski, D. Kavra). The work will try to answer the question about the foundations of the Bulgarian collective memory about the Revival.

Key words: Batak massacre, historical memory, Bulgarian Revival, XIX century, Balkan Peninsula

Dnia 17 maja 2007 roku była zaplanowana konferencja naukowa dotycząca masakry w Bataku, organizowana przez badaczy z Wolnego Uniwersytetu Berlina: Ulfa Brunbauera i Martinę Balewę. O kontrowersyjnym podejściu badaczy do zagadnienia świadczy pierwsza nazwa konferencji: „Demonizowanie islamu – przeszłość i teraźniejszość antyislamizmu. Stereotypy w Bułgarii na przykładzie mitu masakry w Bataku”, którą została zastąpiona na bardziej neutralną „Batak jako miasto pamięci”. Podczas sesji naukowej badacze z Berlina, Sofii oraz Budapesztu mieli przedstawić najnowsze badania dotyczące pamięci historycznej o masakrze w Bataku oraz odrodzeniu narodowym. Tematy wystąpień obejmowały m.in. krytykę spuścizny wizualnej dotyczącej rzezi w 1876 roku, interpretacji odrodzenia narodowego jako mitu politycznego czy pomackiej perspektywy powstania kwietniowego³⁸.

Zapowiadana konferencja spotkała się z szeroką falą krytyki nie tylko ze strony tradycyjnie nastawionych badaczy historii, ale i ze strony bułgarskich mediów oraz świata polityki. Organizatorzy sesji naukowej zostali oskarżeni o negowanie masakry w Bataku, atak na bułgarską tradycję historyczną i zakłamywanie przeszłości. Przeciwko planowanej konferencji wypowiedzieli się, m.in. prezydent Bułgarii Georgi Purywanow (Г. Първанов 2007), premier Sergiej Staniszew (С. Станишев 2007) czy dyrektor Instytutu Historii BAN Georgi Markow (Г. Марков 2007). Otwarcie protestowały władze lokalne i mieszkańcy miejscowości Batak. Atmosfera dyskusji była bardzo burzliwa. Telewizja SKAT ogłosiła nagrodę pieniężną w wysokości 2,5 tys. euro za aktualną fotografię Balewy bądź jej adres zamieszkania, co odczytywano jako otwartą groźbę w kierunku badaczy z Berlina. W podobnym duchu wypowiadała się nacjonalistyczna partia ATAKA, która oskarżyła niemieckich uczonych, że „zostali kupieni przez bogatych Żydów” (P. Peltsch 2007). W całej Bułgarii dochodziło do gwałtownych manifestacji przeciwko projektowi. W rezultacie Wolny Uniwersytet Berlina zagwarantował Brunbauerowi i Balewie specjalną ochronę, a konferencja została odwołana decyzją Instytutu Etnograficznego BAN, który odmówił udostępnienia sal i wycofał się z pełnienia roli gospodarza. Sponsorzy ogłosili odłożenie wydarzenia na czas nieokreślony (А. Базенков 2009: 132-203).

Wydarzenia związane z tzw. aferą Brunbauer-Balewa pokazały jak wielką rolę odgrywa masakra w Bataku w bułgarskiej pamięci zbiorowej. Afera dotycząca interpretacji rzezi z 1876 roku stała się pretekstem do dyskusji wśród historyków na temat charakteru panowania tureckiego w Bułgarii. Masakra w Bataku w badaniach prowadzonych w duchu antropologii historycznej stała się przykładem kształtowania pamięci historycznej Bułgarów na temat jarzma osmańskiego i punktem wyjścia do pokazania w jakim stopniu wyobrażenie historii jest oparte na faktach, a w jakim jest konstruktem kulturowym. Żeby zrozumieć specyfikę bułgarskiej świadomości narodowej należy prześledzić początki kształtowania się pamięci historycznej o jarzmie osmańskim oraz odrodzeniu narodowym. Doskonałym do tego przykładem jest właśnie masakra w Bataku.

Masakrę w Bataku z kwietnia (maja starego stylu) 1876 roku znamy z wielu źródeł. Do najważniejszych, gdyż spisanych bezpośrednio po masakrze, zalicza się reportaże zachodnich podróżników. Następnie mamy do czynienia z pojedynczymi tekstami historiograficznymi oraz poetyckimi w latach 80. XIX wieku, w czasie których masakra o Bataku właściwie straciła na znaczeniu, zlewając się z powstaniem kwietniowym jako jeden z jej epizodów (M. Балева 2007). Do roli symbolu Batak urósł dopiero na przełomie lat 80. i 90. XIX wieku, kiedy powstały główne dzieła historiograficzne, literackie oraz wizualne, które ukształtowały tradycyjne wyobrażenie omawianego ludobójstwa.

Najważniejszym reportażem dotyczącym Bataku jest *The Turkish Atrocities in Bulgaria: Horrible Scenes at Batak* autorstwa J. A. MacGahana, opublikowany na łamach „Daily News” w sierpniu 1876 roku (J. A. MacGahan 1976: 5-6). Wizja zaprezentowana przez MacGahana składa się z wielu zindywidualizowanych, często bardzo osobistych scen horroru takich, jak ludzka czaszka obgryzanej przez bezdomnego psa czy pustą

³⁷ Nimniejszy tekst stanowi zmodyfikowaną część pracy licealnej przygotowywanej pod kierunkiem dr hab. Sylwii Nowak-Bajcar w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego w 2013 roku.

³⁸ Program konferencji dostępny pod adresem internetowym: <http://www.scci.bg/resources/Batak.pdf>

ulicę, na której leży ciało zamordowanej 15-letniej dziewczynki. Do najważniejszych z nich należy opis wzgórz, rozciągających się nad Batakami, które były zasłane zwłokami dziewcząt, zaciągniętych na nie siłą, zgwałconych i zamordowanych. W reportażach bardzo ważną rolę odgrywają także miejsca-symbol: cerkiew św. Niedzieli, most oraz szkoła. Szczególnie dramatycznie przedstawione zostały losy kościoła jako sprofanowanego miejsca świętego oraz jako „świadka” barbarzyńskiego mordu na niewinnej ludności. Według relacji, do wnętrza wpędzono grupy osób, które następnie palono żywcem. Nie oszczędzono kobiet (w tym brzemiennych) oraz dzieci. W ten sposób – według relacji MacGahana – cerkiew miała zostać wypełniona ciałami trzech tysięcy Bułgarów. Równie wstrząsająca jest liczba ciał, szacowana na 8-9 tys., które nawet po trzech miesiącach po masakrze nie zostały uprzątnięte czy należycie pochowane. We wsi brakowało odpowiednim narzędzi oraz rąk do pracy by pozbyć się krwawego dorobku ludobójstwa.

Wieść o losie mieszkańców rodopskiej wsi rozpowszechniona przez amerykańskiego dziennikarza obiegła najpierw Wielką Brytanię, a następnie całą Europę. Informacja o rzezi pojawiła się w Europie Zachodniej zanim zaczęła funkcjonować wśród Bułgarów. Pierwszy i właściwie ostatni raz w nowszej historii, losy Bułgarów znalazły się w centrum zainteresowania opinii publicznej Starego Kontynentu (W. E. Gladstone 1876: 7-39). *Antytureckie oraz probułgarskie nastroje społeczne w dużej mierze storpedowały proosmańską politykę brytyjskiego gabinetu Benjamin Disraeliego i stworzyły korzystne warunki międzynarodowe do wypowiedzenia wojny przez Rosję Turcji w 1877 roku. Reportaże MacGahana traktuje się jako jeden z czynników, który doprowadził do tego konfliktu* (M. Wańkiewicz 1974: 213)³⁹. Jednym z głównych skutków tzw. wojny wyzwolenczej było powstanie nowożytnego państwa bułgarskiego. W ten sposób masakra w Bataku urosła do kolejnego symbolu – bułgarskiej ofiary za cenę wolności (R. Daskalov 2004: 200-201). Reportaże MacGahana stworzyły prototyp faktograficzny oraz męczeński masakry w Bataku. Zostały one przyjęte przez tradycyjną bułgarską historiografię, w której funkcjonują właściwie po dziś dzień.

Historiograficzne rekonstrukcje zdarzeń z Bataku opierały się na reportażach zagranicznych z drugiej połowy lat 70. XIX wieku, relacjach świadków i własnych doświadczeniach autorów. Najważniejszą i wspólną cechą ich ujęcia było włączenie wydarzeń w Bataku w kontekst powstania kwietniowego oraz przedstawienie męczeństwa ofiar jako świadomego aktu heroizmu. Batak w tym ujęciu stał się jednym z głównych centrów czwartego okręgu rewolucyjnego (po Panagiuriszte i Kopriwszicy), gdzie skoncentrowała się walka Bułgarów z przeważającym przeciwnikiem. Powstańcy zostali przedstawieni nie jako ofiary wiedzione na rzeź, lecz jako tytani walki o wolność. Cechy te zarówno możemy dostrzec w dziełach czeskiego historyka Konstantina Jirečka (K. Иречек 1978; K. Иречек 1974: 514-518)⁴⁰, zapomnianej monografii Dragana Manczowa *Въстанието и клането в Батак* (Д. Манчов 1892), książce *Въстанието и клането в Батак. Исторически очерк* (1892) Angela Goranowa spisanej jako upamiętnienie czynów jego ojca (Szwat-Gułybowa 2011: 31), ale przede wszystkim *Записки по българските въстания* (1884-1892) Z. Stojanowa (З. Стоянов 1967), uznawanej za pierwsze nowoczesne bułgarskie dzieło historiograficzne (Л. Стоянов 1929).

Na wstępie swojego monumentalnego dzieła Z. Stojanow porusza problem bułgarskiej pamięci narodowej i potrzeby wystawienia pomnika męczeństwa i heroizmu powstańców (З. Стоянов 1967: 536-537). Autor dzieł po dniu rekonstruuje wydarzenia, które miały miejsce w rodopskiej wsi oraz roli, jaką odegrały w największym zrywie narodowym Bułgarów przeciwko Turkom. W wersji zaprezentowanej przez Z. Stojanowa ludobójstwo zostało poprzedzone serią bitew między powstańcami a nieregularnymi oddziałami osmańskimi. Uwypuklony został brak szans Bataczan na zwycięstwo z przeważającym przeciwnikiem, który poniósł w starciach znacznie dotkliwsze straty niż cechujący się odwagą Bułgarzy. Batak urasta do symbolu bułgarskich Termopil. Powstańcy zostali przedstawieni jako chrześcijańscy Spartanie, którzy przez wiele dni odpierali ataki barbarzyńców ze Wschodu, by w końcu ulec w wyniku podstępów i zdrady (З. Стоянов 1967: 547-548). Granica między dobrem a złem jest bardzo wyraźna: po jednej stronie znajdują się Bataczanie, a po drugiej baszybuzycy oraz czorbadzi. Stojanow nawiązuje w ten sposób do retoryki literatury odrodzenia narodowego, której twórcy posługiwali się czarno-białym schematem prezentacji konfliktu bułgarsko-tureckiego. Historyk wyraża przekonanie, że nie tylko masakra w Bataku, ale upadek całego powstania kwietniowego był wynikiem zdrady lojalistycznie nastawionych elit (З. Стоянов 1967: 552). W ich wyniku doszło do tragedii, która swoje najpotworniejsze oblicze przybrała w Bataku. Wizja mordu Stojanowa nie odbiega od opisu, który został wcześniej nakreślony przez reportażystów zagranicznych – baszybuzycy zaślepieni żądzą krwi nie oszczędzali kobiet i dzieci, zdierali pokrwawione ubrania i buty z pozbawionych życia ofiar, układali stosy z rozszarpywanych czy spalonych ciał. Poszczególne miejsca kaźni – cerkiew, cmentarz, szkoła – przybierają w relacji jednak także rolę punktów oporu. Kościół broni się najdłużej, w jego murach Bataczanie wyrąbują dziury, by móc strzelać przez nie do swoich oprawców (З. Стоянов 1967: 562). Dopiero podpalenie budynku

³⁹ Car Aleksander II po śmierci dziennikarza w 1878 roku miał nawet powiedzieć: „Gdyby ten MacGahan nie zmarł, zostałby władcą Bułgarii, która go ubóstwiała jako tego, co spowodował jej wyzwolenie”.

⁴⁰ Wprawdzie jego sztandarowa synteza dotycząca historii Bułgarii „Дѣјиня народа Булхарскѣхо” (1876, pierwsze wydanie bułgarskie w 1886) kończy się na wybuchu wielkiego kryzysu wschodniego na Bałkanach, jednak w dziennikach „Пътувания по България” (1888) przybliżył on szkice historyczne miejscowości, przez które wiodł szlak jego wędrówki. Nie ominął w nim także Bataku, przy którego opisie skupił się na masakrze.

doprowadza do ostatecznej klęski powstańców. Opór zostaje złamany dopiero wówczas, gdy wszyscy zostają wymordowani albo pojmani (a następnie – dodajmy – sprzedani w niewolę).

Problem masakry w Bataku został także podjęty przez literaturę piękną, w tym przez jednego z najważniejszych pisarzy bułgarskich – Iwana Wazowa. „Ojciec literatury bułgarskiej” znalazł się w Bataku szesnaście lat po masakrze, w czasie swojej wyprawy po Rodopach w 1892 roku, a swoje doświadczenie opisał w zapiskach pt. *В недра на Родопите* (И. Вазов 1977: 188-219). Uzupełnił wizję stworzoną przez MacGahana oraz rozwiniętą przez historiografię o nowe motywy, domykając tradycyjne wyobrażenie o zbrodni. Masakra w Bataku, przedstawiona przez Wazowa odwołuje się do elementów mitologii tego wydarzenia: jest aktem męczeństwa i heroizmu, poświęceniem w imię wolności narodu oraz przełomowym epizodem w bułgarskiej historii. Uwypukla to wyróżniając dwa najtragiczniejsze momenty w historii Bułgarii, w której porównał tragedię Bataku do bitwy pod Bełasicą z 1014 roku, kiedy cesarz Bazyl II Bułgarobójca dopuścił się masowego oślepienia 14 tys. bułgarskich żołnierzy cara Samuela. (И. Вазов 1977: 217-218; И. Тодев 2011: 52-53). Oprócz wpisania Bataku w wielką historię Bułgarii, rzeź rodopskiej urasta u Wazowa do roli Golgoty narodowej – z jednej strony podkreśla religijny aspekt ludobójstwa, w czasie którego chrześcijanin był ofiarą, a muzułmanin katem, a z drugiej podkreśla poświęcenie, na jakie gotowi byli Bataczanie, a które porównywalne jest do męki Pańskiej (И. Вазов 1977: 190; M. Bobrownicka 2006: 29-38, 53-58). Wazow nie tylko wpisał masacrę w wielką historię Bułgarii oraz w wizję starcia chrześcijaństwa z islamem, ale także przedstawił ogrom popełnionych zbrodni na tle dziejów Europy. Nadał Batakowi wymiar „bułgarskiego Missolunghi”, nawiązując do zarazem tragicznych, jak i heroicznym epizodów wojny o niepodległość Grecji (R. Clogg: 38-39).

Wazow poświęcił również Batakowi wiersz *Възпомнания от Батак* (И. Вазов 1881), który w porównaniu z *В недра на Родопите* nabrał charakteru znacznie bardziej osobistego. Jest on stylizowany na relację osieroconego w masakrze dziecka, a dzieła ma wymiar apokalipsy mikrouniwersum, czym były dla podmiotu lirycznego wspólnota wiejska i rodzinny dom. Zamiast masowego obrazu mordy, gdzie jednostka ginie w morzu palonych zwłok i gwałconych kobiet, ofiarami w wierszu są konkretne osoby – które wychodziły codziennie do pracy, zmagaly się z trudnościami życia codziennego, wzajemnie się kochały, troszczyły o siebie, funkcjonowały jako rodzina. Wydarzenia kwietnia 1876 roku zdemolowały tę rzeczywistość – poszczególne budynki i ludzie znikają w czerwonych płomieniach, których barwa nabiera wymiaru apokaliptycznego oraz symbolu śmierci niewinnych.

Na przełomie lat 80. oraz 90. XIX wieku powstały także przedstawienia wizualne, które z czasem stały się ikonami masakry w Bataku. Do najważniejszych należą niewątpliwie obraz „Баташкото клане” Antoniego Piotrowskiego oraz ściśle z nimi związana seria fotografii Dimitra Kawry.

Na płótnie Piotrowskiego⁴¹ widać wyraźne nawiązania do reportażu MacGahana, natomiast pod względem formy pokrewieństwo z francuskim malarstwem romantycznym (Szwat-Gyłybowa 2011: 32). Polski artysta zobrazował na swoim obrazie moment uchwycony tuż po masakrze. Scena przedstawia grupę baszybuzuków, u których stóp leżą ciała pomordowanych, wcześniej zgwałconych kobiet na tle płonącej, zdewastowanej wioski. Wśród ofiar nie ma mężczyzn czy dzieci – zostały one całkowicie sfeminizowane. Z jednej strony są one przedstawione w sposób przerażający: zakrwawione, w porwanych koszulach, niektóre nawet z odrąbanymi głowami, a z drugiej jako piękne niewiasty o nagich, wręcz erotycznie wygiętych ciałach. Ofiary i oprawcy są przedstawieni na tle apokaliptycznego pejzażu. Ciemne, nocne niebo rozerwane jest przez jasne, wzburzone płomienie rozpościerające się nad zdewastowaną wsią. Kolorystyka tła dopełnia rolę kontrastu, który jest przewodnim wyrazem dzieła – przepaścią między barbarzyńskim światem islamu a wielką cywilizacją chrześcijańską. Malarz posługuje się w pierwszej kolejności przeciwieństwami narodowymi (Bułgarzy *versus* Turcy), a nie religijnymi (chrześcijanie a muzułmanie), na co wskazują orientalne stroje oprawców. Wpisuje się to w powszechnie przyjmowaną koncepcję o tym, że Pomacy (tj. Bułgaro-mahometanie) byli głównymi autorami masakry (Szwat-Gyłybowa 2011: 30-35). Kontrast oparty jest tu na bardzo prostych i bezpośrednich zabiegach: przeciwieństwami kobieta-mężczyzna, ofiara-oprawca, jasność-ciemność, europejskość-Orient, męczeństwo-zbrodnia. W ten sposób malarska wizja ludobójstwa w Batak wpisuje się w tradycyjne pojmowanie bułgarskiego odrodzenia narodowego jako konfrontacji zdemonizowanego Imperium Osmańskiego z heroiczną walką ludności bułgarskiej, gotowej na męczeństwo w imię wolności. Z drugiej strony wizja A. Piotrowskiego odwołuje się do Wazowa realizując koncepcję Bataku jako Golgoty narodowej.

Równie wyrazistą formę przybrała również seria zdjęć D. Kawry, będących efektem wyprawy płowdiwskiego fotografa i Piotrowskiego do Bataku w 1889 roku, celem kolekcjonowania materiałów do wykonania dzieła polskiego malarza. By nadać autentyczności przedstawień zostały one indatowane na rok 1878 (M. Балева 2007). Pierwsza z nich „Оцелили след клането батачани 1878”⁴² obrazuje grupę Bataczan ocalałych z katastrofy, przedstawionych na tle opustoszałej po masakrze wioski oraz świeżych grobów. Kawra starał się przede wszystkim uchwycić rozpacz mieszkańców rodopskiej wsi po utracie najbliższych w bestialskim ludobójstwie. Atmosferę budował przez ukazanie dzieci płaczących nad świeżymi mogiłami

⁴¹ Obraz „Баташкото клане” znajduje się w Narodowej Galerii Sztuki Zagranicznej w Sofii.

⁴² Fotografia dostępna w serwisie internetowym „Либерален преглед”:

www.librev.com/images/stories/articles/2009/Batak/2009_5_Batak2.jpg (Data dostępu: 28.04.2013)

помордованых, вizerунков оcalaыx, кoтoры стpaчили нaйблизших и дoрoбeк caлoгo зжизня чиз пoстaвы взaймнe пoчeизжaющeх сeбe дoрoслeх мeжчизын, змущoнeх дo лeж в oблицу oгoмy тpaгeдии. Дрaмaтизм ситyaции пoтeгyje видoк oпyстoшaлeгo миaстa-видмa в тлe. Naтoмиaст фoтoгрaфия „Историческата църква след клането в Батак”⁴³ прeстaвля мрoчнa сцeнe зe спaлoнeй цeрквe св. Nиeдзeли, рoдeм зe хoррoрy. Nиeупрaжнeтe яeщe пo мaсaкрe кoсци oфиaр сa кoлeйнeм дoвoдeм нa oгoм бeстiaлствa бaзыбyзyкoв. Фoтoгрaфия сyгeрyje фaкт (жaк жyж зoстaлo вспoмнянe былa oнa oфициaлнe дaтoвaнa нa 1878 рoк), жe нaвeт пo двoх лaтaх oд мaсaкрe oцaлeли нe здoлaли yпрaжнaтц вшyсткeх цiaл з мeйcцa кaзнe, в кoтoрeм зoстaлo спaлoнeх жывцeм пoнaд 200 oсoб. Кaврa стaрaл сe yчхвyчeи нa свoих здeжeциaх oфиaр, знeшчeнe, лyдзкe цeрпeнe, труднoсци з oбдyдoвaнy свeиa, кoтoрe лeгл в грyзaх в чзaсe тpaгeдии и кoнeчнoсциa дaлшeгo змaгaнeя сe з тa тpaмa. Пoдoбнe жaк в рeпoртaжaх Жaмeсa Клaркe'a (И. Тoдeв 2010: 79-81), пoлoвдиwски фoтoгрaф прeзeнтyje збрoднeц з пeрспeктивy „тyх, кoтoры прeжyли”, кoтoры нe тылкo мyшa oднaлeжe сe в oблицу смeрци нaйблизших и знeшчeнeя их мaлeй сoцeкнoсци, aлe и в ситyaци нeиyкaрaнeя виннeх мaсaкрe.

Na пpыклaднe мaсaкрe в Бaтaкy мoжнa зaoбсeрвoвaтц пpoцeс кшaтaлoвaнeя сeбe бyлгaрскeй пaмeчeи истoричeскeй o oдрoднeнeя нaрoдoвeм. В XIX вeкy яeдинe в пeвнeм стoпнeи oпaртa oнa былa нa фaктaх oрaз пpекaзaкaх истoричeскeх, a нa сoцeкнoствo oддeизлyвaлa рoвнe силнe дeиeлa лeтeрaккe, пpсa oрaз пpедстaвeнeя визyaлнe. В тeн спoсoб мoжeмo зaoбсeрвoвaтц в жaк дyжeм стoпнeи пaмeчeи истoричeскaя жe кшaтaлoвaнa пpез нaрaкe, кoтoрe нe мoжнa yзнaч зa вeиryгoднe зрoдлa истoричeскe (в тyм пpыпaдкy жeст o лeтeрaтyрa пeкнa, дyжa чeжe пoзeциj истoриoгрaфичeскeх oрaз пpедe вшyсткeм пpедстaвeнeя визyaлнe). Пpыклaд бyлгaрскeй пaмeчeи истoричeскeй в пeвнeм стoпнeи пoтвeрджa тeoриe Хaйдeнa Уитe'a, жe истoриa в гpунци рeчeи жeст кoнстpуктeм кyлтyрoвeм близкeм лeтeрaтyрe (E. Дoмaнскa 2010: 228-229).

Bibliografia

- Bobrownicka, Maria (2006). *Patologie tożsamości narodowej w postkomunistycznych krajach słowiańskich. Uwagi o genezie i transformacjach kategorii tożsamości*. Kraków, Universitas.
- Clogg, Richard (1992). *A Concise history of Greece*. Cambridge University Press.
- Daskalov, Roumen (2004), *The Making of Nation in the Balkans. Historiography of the Bulgarian Revival*. Budapest-New York, Central European University Press.
- Domańska, Ewa (2010), *Historia antropologiczna. Mikrohistoria*. In: Powrót Martina Guerre'a, Poznań, Zysk i S-ka.
- Gladstone, William Ewart (1876), *Bulgarian horrors and Question of the East*. London.
- Wańkiewicz, Melchior (1974), *Wojna i pióro*. Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej.
- MacGahan, January Aloysius (1876), The Turkish Atrocities in Bulgaria: Horrible Scenes at Batak, *Daily News*, 22.08, 5-6.
- Peltsch, Patrick (2007), *Religionskonflikt: Aufruf zum Mord*, Serwis Internetowy „Focus Online”, www.focus.de/wissen/mensch/geschichte/religionskonflikt_aid_136893.html.
- Szwat-Gyłybowa, Grażyna (2011), *Leksykon tradycji bułgarskiej*. Warszawa, Instytut Slawistyki PAN.
- Вазeнкoв, Aлeкcaндeр (2009), Пpoeктът и скaндaлът „Бaтaк”. *Анaмнeзa*, 4, 132-203.
- Вaзoв, Ивaн (1977), В нeдpaтa нa Рoдoпитe, In: *Пeтeписи*. Сoфия, Бyлгaрски писaтeл.
- Вaзoв, Ивaн (1881), Възпoмнaния oт Бaтaк, Serwis Internetowy „Slovo.bg”, <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=14&WorkID=974&Level=2>
- Бaлeвa, Maртинa (2006). Кoй (пo)кaзa истинaтa зa Бaтaк. *Кyлтyрa*, 17.
- Ирeчeк, Кoнcтaнтин (1978), *Истoриa нa Бyлгaритe*. Сoфия, Издaтeлствo Нaкa и изкyствo.
- Ирeчeк, Кoнcтaнтин (1974), *Пeтyвaния пo Бyлгaрия*, Сoфия, Издaтeлствo Нaкa и изкyствo.
- Мaнчoв, Дрaгaн (1892), *Въстaниeтo и клaнeтo в Бaтaк*, Плoвдив.
- Мaркoв, Гeoрги (2007), *Срeд кoститe сe кpият мнoгo пaчки*, Serwis Internetowy „Travel Guide”, <http://www.travelguide-bg.com/news/news.php?id=3947>
- Пъpвaнoв, Гeoрги (2007), *Пoдмянa нa събитиятa в Бaтaк e пpoвoкaция към истoриятa нeи*, Serwis Internetowy „News.bg”, http://news.ibox.bg/news/id_1029358286
- Стaнишeв, Сeргeй (2007), *Бaтaшкoтo клaнe e нeoспoрим истoричeски фaкт*, Serwis Internetowy „Darik News”, http://dariknews.bg/view_article.php?article_id=139594
- Стoянoв, Зaхaрий (1967), *Из зaписки пo бyлгaрски въстaния*. Сoфия, Библeиoтeкa зa yчeникa.
- Стoянoв, Лyдмил (1929), Зaхaрий Стoянoв. In: *Бyлгaрски писaтeли*, в. 4. Сoфия, Фaкeл.
- Тoдeв, Илия (2010), *Бaтaк 1876 - мит или истoрия*. Sofia, Кама.

⁴³ Fotografia dostępna w serwisie internetowym „Либерален преглед”: https://librev.com/images/stories/articles/2009/Batak/2009_5_Batak3.jpg (Data dostępu: 28.04.2013)

Даниил Пузанов

Удмуртский государственный университет
Ижевск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКИМИ КНИЖНИКАМИ XI – XIII ВВ.

The article is devoted to the reception of natural phenomena by the men of Old Rus'. The author concludes, that Russian scribes were interested in the natural phenomena, carrying in the terms of harm and benefit. The natural disasters in the Russian chronicles were integrated with the general disasters. The combination of the variaty consciousness is traced in the dualistic reception of the different epochs. The attention is also paid to the establishing of roots in the logical understanding of the natural processes.

Key words: natural phenomena, natural omens, natural disasters, psychology

На заре цивилизации человек сильно зависел от окружающей его естественной среды. Задачи сосуществования с природой были тогда неразрывно связаны с задачами выживания коллектива. Поэтому осмысление природных явлений занимало важное место в психологии традиционных обществ. Особенно актуально это было для восточных славян: резкоконтинентальный климат, частые неурожаи, приводившие к голоду, являлись для древнерусского населения бедствиями не меньшими, чем опустошительные вражеские нашествия. Поэтому описание природных явлений занимает одно из центральных мест в летописях домонгольской поры, на что уже обращали внимание исследователи. В особом внимании к таким сюжетам И.Н. Данилевский (2004: 241, 263) увидел указание на эсхатологические ожидания книжника. А.В. Лаушкин (1998: 26) отметил, что загадочным явлениям «на небеси и на земли» летописец уделял не меньше внимания, чем судьбам правящих династий, жестоким битвам с иноплеменниками и фактам церковной истории. Подобное внимание силам природы историк объяснял значимостью, с точки зрения древнерусского книжника, любого исторического явления для раскрытия Божьего промысла. Исследователь обратил внимание на христианскую доктрину, господствовавшую в Древней Руси, согласно которой природными явлениями может управлять только Бог. Эта концепция, по его мнению, находилась в противоборстве с народными представлениями, согласно которым на природные процессы могли влиять люди и демоны (Лаушкин 1998: 28-31). Массовые бедствия, по представлению книжника, посылались в наказание за грехи. При этом наказание, как правило, посылалось за грехи всего общества, хотя особый гнев могли вызвать прегрешения князей и духовенства (Лаушкин 1998: 33-34).

К 2009 году взгляды А.В. Лаушкина несколько эволюционируют. Теперь исследователь считает, что древнерусский книжник мог обвинять конкретных людей, в частности князей, в нашествии иноплеменников. Однако идея ответственности правителя за стихийные бедствия была чужда летописцам (хотя и встречается в нелетописных источниках) (Лаушкин 2009: 64-65). Всего дважды летописец связывает природные бедствия с грехом конкретных лиц (под 1159 г. в Московском летописном своде вина за бурю перекладывается на киевского князя Мстислава Изяславича, под 1230 г. в Новгородской первой летописи /далее НЛ/ в неурожае обвиняется посадник). По мнению А.В. Лаушкина, это исключения, подтверждающие правило. Обвинения в адрес князя и посадника имели косвенный характер, а их «грех... представал под пером летописца лишь частью общего “беззакония”». Подводя все это под свою концепцию коллективной ответственности, исследователь утверждает: «Распознавая в разбушевавшихся стихиях проявление прямой (здесь и далее выделено мною – Д.П.) и безграничной власти Бога над созданным Им миром, они (летописцы. – Д.П.) словно бы сторонились мысли о мелких, частных причинах происходящего» (Лаушкин 2009: 67).

Таким образом, если в статье 1989 г. природные явления уравниваются с социальными формулой «каждое историческое происшествие», то в статье 2009 года проводится мысль о том, что природные бедствия в глазах летописца имеют более высокий статус, чем бедствия социальные. Теперь это не просто «каждое происшествие», а «проявление прямой и безграничной власти Бога над созданным Им миром».

С последней точкой зрения вряд ли можно согласиться. Что касается природы социальных коллизий, то согласно христианской догматики, она тоже имеет Божественное происхождение. А природными явлениями, как свидетельствует Толковая Палея, Творец управлял через посредников – ангелов (Палея: 17). Ангелы же, согласно летописи, руководили различными народами, управляли они и язычниками во время вражеских нашествий (Ипатьевская летопись /далее – ИЛ/: 267-273). Надо полагать, вопрос о количестве посредников при исполнении Божественной воли мало волновал книжника. Бог мог проявлять свою волю через любое количество посредников и любым способом – будь то вражеское нашествие, голод и др. Так, ранение Игоря перед походом на половцев, по мнению летописца, – проявление воли Господа: «Бйимъ попоущениемъ оуазвиша Игорѧ в роукоу и оумртвиша

шюицю него» (ИЛ: 641). Не являлось частным делом и прегрешение князя, что в свое время признавал и А.В. Лаушкин (1998: 34). При этом, по мнению летописца, от князя зависели не только благоприятная политическая конъюнктура, но и чисто биологические факторы: прежние князья, согласно НЛ (НЛ: 104), были праведны, и расплодили землю Русскую. А вот за блуд Владимира Святого в исторической перспективе пришлось отвечать всей земле (от блуда родился Святополк Окаянный) (Лаврентьевская летопись /далее – ЛЛ/: 78).

Недостаточно аргументирована и точка зрения А.В. Лаушкина, согласно которой, летописец разграничивает природные и социальные (нашествие иноплеменников) казни. При описании тех и других явлений книжник следует одному шаблону. Как привило, он указывает на общие грехи в качестве причины бедствия. Указание на конкретный грех могло выглядеть как покушение на разгадку Божьего Промысла. Идея нравственной ответственности князя за набеги иноплеменников, как и в случае с бедствиями природного характера, в летописях встречается крайне редко. При этом летописец не забывает упомянуть об общем греховном падении, которое не противоречит идее нравственного проступка князя. Так, в начале Комиссионного списка НЛ содержится недвусмысленный намек на сребролюбие современных князей, как причину половецких нашествий. Однако венчает его идея о греховности не только князей, но и всего общества: «За наше несъитство навель богъ на ны поганья» (НЛ: 104). Под 1068 годом в ИЛ, ЛЛ и НЛ летописях упоминается нашествие половцев, которое по мысли книжника так же произошло «грѣхъ же ради нашихъ» (ЛЛ: 167). Там же идет перечень конкретных грехов: «оусобнае же рать бываеъ ѿ соблажненъе дѣавола (...) земли же согрѣшивше которѣи любо казнить Бѣ смрѣтью ли гладомъ ли наведенъе поганьихъ ли ведромъ ли гусѣницею ли инѣми казньми» (ЛЛ: 167-168). Таким образом, одно из самых явных указаний на согрешение князей, как причину вражеских нашествий содержит в себе и упоминание о казнях природного характера. О том, что какие-то природные бедствия действительно случились в 1068 году говорить не приходится. Поэтому перечень в одном ряду вражеского нашествия и природных бедствий, как кары Божьей за грехи, указывает на тождественность бедствий социального и природного характера в сознании летописца. Действительно – под 1068 годом встречается упоминание только о половецком нашествии, а книжник подробно описывает различные стихийные бедствия которые может послать Господь в наказание за грехи. Зато сразу виден спектр природных явлений, которые по статусу в представлении летописца равны вражеским нашествиям: голод, неурожай, нашествия насекомых. Рассматриваются в летописи как Божья кара, судя по всему, пожары и сильный мороз (ЛЛ: 163, 452-453; ИЛ: 151-152; НЛ: 183).

Таким образом, в летописях взгляд на вредоносные природные явления и вражеские нашествия оформлен через теорию «казней Божьих». При этом книжника не волнует, социального или природного характера эти казни. Но теория о «казнях Божьих» тесно переплетается с теорией о «милости Божьей». Согласно христианской догматике, природа была создана Богом для службы человеку. Толковая Палея содержит идею о пользе некоторых природных примет (форма, цвет луны и солнца; гало), позволяющих людям избежать внезапного вреда: «Си бо знаменья – велика милость и велико строение о Творца Бога, да теми знаменнии, ими же есть бытии вредомъ внезапу» (Палея: 53). В летописях также имеются указания на то, что Творец, перед тем как совершить благодеяние, может послать соответствующие знаменья. Целый ряд непонятных книжнику природных явлений 1102 года (северное сияние, «знамение» на луне, некоторые формы гало) вызвали страх у монахов: «и сия видаше знаменъе блѣговѣрнии черньци со въздыханъе^М молахуса к Бу и со слезами дабы Бѣ ѿбратилъ знаменъе си на добро» (ЛЛ: 276). Далее следует размышление книжника: «знаменъе бо бывають ѿва на зло ѿва ли на добро на придущее лѣ^Ф вложи Бѣ мьсль добру в Русьскыѣ князи. оумыслиша дерзнути на Половцѣ».

Таким образом, все происшествия естественного и социального характера книжник воспринимал в зависимости от того, несли ли они *добро*, или *зло*. При этом природные явления, по его мнению, могли непосредственно нести пользу или вред, либо предрекать их. Природные знаменья (затмения солнца и луны, рождение уродцев, различные гало, северные сияния, падение метеоритов, комет, грозы, землетрясения), по тогдашним представлениям, чаще всего предвещали беду. К непосредственным бедам (казням) природного характера можно отнести наиболее страшные для континентального климата явления: пожары, голод (неурожай), мор, мороз, нашествие насекомых и саранчи. Им, также как и социальным бедствиям, могли предшествовать знаменья. Так, бездождью, приведшему к пожару в Киеве 1124 г. предшествовало несильное землетрясение (ИЛ: 288-289). Землетрясение и затмение солнца предвещали мор и голод в Новгороде 1230 г (НЛ: 69, 276). Разделение природных и социальных явлений по принципу *полезных* и *вредоносных* ложилось не на бесплодную почву. Согласно языческим воззрениям, силы природы управлялись различными духами – злыми и добрыми. Эти представления, как увидим далее, оказали существенное влияние на формирование древнерусской христианской традиции, представленной в Палее.

Как уже отмечалось, согласно Толковой Палее, силами природы управляют ангелы, причем не только сохранившие верность Богу, но и отпавшие от него (бесы)(Палея: 60). По справедливому замечанию В.В. Милькова в православной ангелологии нет учения об ангелах, как о духах природных

сил. «Ангелы могут охранять страны, народы и племена, но воплощение природных явлений им не присваивается». По меткому выражению исследователя, англологическая концепция Палеи была своего рода рецидивом анимизма (Мильков 2000: 110). Но подобный рецидив отмечается не только в оригинальной теории о сущности ангелов: ветры и гром предстают в Палее как Божьи слуги, безногие и безрукие существа, близкие к ангелам (Палея: 65, 107). Интересно описание грома, которое содержит в себе как научные, так и анимистические представления: «Егда бо придетъ духъ ть громъный, и огуститъ облаки, и скрегчетъ, и гремя наполнить облакы воды, аки губу, и поженеть облаки духъ ть, сущии въ немъ, съ грохотомъ, путь творя водамъ, идущимъ во облацехъ» (Палея: 105). Не вызывает сомнения, что автор Палеи был христианином, и при описании природных явлений стремился воспроизвести византийское учение о четырех стихиях в варианте антиохийской традиции (как в Шестодневе Иоанна Болгарского). Причину рецидива анимизма следует искать не в намеренном искажении, а в особенностях восприятия древнерусским книжником греческой протонаучной теории. Воспроизводя древнегреческие научные знания, автор Палеи видел в трансформациях материи руку посредника – ангела, или духа. Иными словами, он не мог, воспринимая природные явления, абстрагироваться от их социализации, хотя и распрощался с языческим обожествлением сил природы (Палея: 107). С этой позиции можно объяснить и необычное для христианства представление об управлении воздушной стихией со стороны бесов. Так в Палее описывается падение десятичного чина: «От нихъ же отя Господь Богъ славу, и честь, и светлость, бывшую на нихъ преже, и преложи я в дыхъ темень, и по воздуху обладати им повеле» (Палея: 60). На первый взгляд, автор Палеи противоречит сам себе, ведь в перечислении казней Божьих за неповиновение встречается «пожалование» воздушной стихией. Но это кажущееся противоречие. Дело в том, что автор Толковой Палеи хорошо знал Шестоднев Иоана Болгарского. А в нем, проводится мысль о подчиненности воздушной стихии свету (Иоанн: 335). Таким образом, воспроизводя концепцию природных стихий и пытаясь подчеркнуть подчиненность бесов Богу и ангелам (свету) автор Палеи, напротив, совершил невиданное для христианской литературы такого авторитета, которым пользовалась Палея, вознесение дьявола.

Можно обнаружить в древнерусской англологии также следы более древних напластований. В «Повествовании о волхвах» описывается случай, когда крещенный новгородец пришел к кудеснику, который поведал ему о наличии подземных и небесных богов и разделении сфер их влияния на души людей: «аще кто умретъ ѿ вашихъ людий то възносимъ естъ на нбо аще ли ѿ нашихъ оумираеть то носимъ к нашимъ бгѣмъ в бездну» (ЛЛ: 179). В.В. Мильков и С.В. Милькова (1999: 87-88) связывали подобное разделение с господствовавшей первоначально в Древней Руси идеей, согласно которой достаточно принять христианство, чтобы обрести спасение. Принимая подобную аргументацию следует добавить, что помимо адопционистских идей, в летописной конструкции отражаются черты архаической психологии. Согласно Л. Леви-Брюлю (1994: 351), определенная единичность в архаическом мышлении ощущается со всеми существами выдуманного класса. Человек чувствует себя неотделимым с определенными категориями существ и предметов. В описанном отрывке данное архаичное представление сочетается с другой не менее древней и глубокой психологической оппозицией *свой-чужой*. Из представлений о сопричастности с определенной территорией, живыми существами и духами этой территории (Леви-Брюль 1994: 346), вытекает сопоставление себя не только с людьми группы, но и со всеми видимыми и невидимыми существами, которые противостоят *чужим*. Естественно, что грань между *социальным* и *природным* при данном типе мышления стирается. Обострять данное ощущение могло намеренное конструирование христианскими догматиками оппозиции *свой-чужой*. Неперсонифицированные в язычестве понятия *добра* и *зла* теперь персонифицировались. Могущественное в язычестве вредоносное влияние приобретало вполне определенные формы, а отказ от сложившейся системы мифологии должен был освободить наиболее древние, паралогические пласты сознания. Мир природы виделся сквозь призму дурных и полезных влияний, что при соединении с монотеистическими тенденциями создавало стройную дуалистическую картину мира. Кроме того, утверждение христианства сопровождалось на Руси наделением бесов функциями бывших богов.

Тем не менее, было бы неверно утверждать, что воспринимая природные явления, древнерусский книжник полностью находился в плену мистических страхов и первобытных представлений. Древнерусское население уже знало деление всех явлений на естественные и сверхъестественные (Палея: 22). На летописном материале А.В. Лаушкин (1998: 32-33) показал, что естественные причины хотя и не играли решающей роли в описании природных явлений (в отличии от провиденциалистских), тем не менее воспринимались книжником. На наличие «трезвых прагматиков» в Древней Руси указывал В.В. Долгов (2007: 408). Сознание древнерусского человека уже вполне было открыто опыту: «Преже сего потрясения бѣша» (Серапион: 370) отвечает воображаемый скептик на причитания Серапиона. Показательно восприятие солнечного затмения князем в «Слове о полку Игореве» и летописном повествовании о походе 1185 года. В обоих произведениях, Игорь ведет себя как настоящий прагматичный князь, при виде солнечного затмения (неблагоприятное знамение) он пытается ободрить воинов, внушить им надежду на победу. В Слове знамение не отнимает у князя надежды на

победу: «съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону» (Слово о полку Игореве: 256). Летописный Игорь также игнорирует сложившуюся традицию трактовки затмения солнца: «братѣа и дружино таинны Бѣае никто же не вѣсть а знамениу творѣць Бѣ и всемоу мируо своемуу а намъ что створить Бѣ или на добро или на наше зло а то же намъ видити » (ИЛ: 638). Автор Слова, как и летописец, осуждает поведение Игоря. Создатель слова писал «Спала князю умь похоти, и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго» (Слово о полку Игореве 256). Другого поведения ждал от князя и летописец. Ведь в его представлении, «вѣрнии члвци» при виде знамений проводят дни в смиреннии и слезной молитве (ЛЛ: 276, 428; ИЛ: 252). Но важно здесь другое – факт, что такое поведение Игоря представлялось книжнику вполне возможным, свидетельствует о том, что первобытные страхи перед природными явлениями постепенно уступали место логическому осмыслению мирового процесса.

Прекрасный пример влияния опыта, как одного из элементов логического мышления, на восприятие природных явлений показывает эволюция книжной традиции. Горячий пафос при изображении того или иного знамения в начальном летописании сменяется более сдержанной констатацией факта или слепым копированием готовых фраз в летописании конца XII – начала XIII века. Тем не менее, необычные природные явления и в XIII веке находили отклик в сознании летописца, активизировали наиболее архаичные пласты сознания. Это наглядно проявилось в детальном описании в летописях нестандартных природных явлений, которые выходили за рамки известных летописцу шаблонов и, как свидетельствуют книжники, вызывали ужас у древнерусского населения (ЛЛ: 447, 454-455, 514; ИЛ: 863). В целом, древнерусские книжники так и не смогли преодолеть социализацию природы. Христианство сталкивалось на Древнерусской почве с обществом, которое несло на себе глубокий след родовых отношений. Поэтому христианские догматики вынуждены были активизировать все уровни познания при описании окружающей среды. Смещение противоположных традиций и верований, в свою очередь, создавало благоприятную почву для формирования уникальной духовной культуры.

Список использованных источников и литературы

- Иоанн эгзарх Болгарский (2001), Шестоднев. Санкт-Петербург, Алетейя.
- Ипатьевская летопись (1998), Полное собрание русских летописей Т.2. Москва, Языки русской культуры.
- Лаврентьевская летопись (1997), Полное собрание русских летописей Т.1. Москва, Языки русской культуры.
- Новгородская первая летопись (2000), Полное собрание русских летописей Т.3. Москва, Языки русской культуры.
- Палея Толковая (2002), Москва, Согласие.
- Серапион Владимирский (2000) Слова и поучения. Библиотека литературы Древней Руси. Т.5. Санкт-Петербург, Наука. 370-385.
- Слово о полку Игореве (2000) Библиотека литературы Древней Руси. Т.4. Санкт-Петербург, Наука. 254-267.
- Данилевский Игорь (2004) Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва, Аспект-Пресс.
- Долгов Вадим (2007), Быт и нравы Древней Руси. Москва, Яуза, Эксмо.
- Лаушкин, Алексей (1998), Стихийные бедствия и природные знамения в представлении древнерусских летописцев XI – XIII вв. Русское Средневековье. 1998 год. Книжная культура. Вып. 1. Москва, Мануфактура.
- Лаушкин, Алексей (2009) Массовые бедствия и мотив коллективной ответственности за грехи в древнерусском летописании XI – XIII вв. Особенности российского исторического процесса: сборник статей памяти академика Л.В. Милова (к 80 летию со дня рождения). Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 62-67.
- Леви-Брюль Люсьен (1994) Сверхъестественное в первобытном мышлении. Москва, Педагогика пресс.
- Мильков, Владимир (2000) Религиозно-философское значение «Палея Толковой». Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской мысли. Москва, Наука. 108-113.
- Мильков, Владимир; Милькова (1999) Споры XI века о «высших силах и «потаенные» книги. Древнерусские апокрифы. Санкт-Петербург, Издательство РХГИ.

Кармела Ракић

Филозофски факултет
Нови Сад, Република Србија

О НЕКИМ ФУНКЦИЈАМА И ЗНАЧЕЊИМА ВЕЗНИКА *ПА* НА ПОЧЕТКУ РЕЧЕНИЦЕ

This paper is about meaning and functional potential of conjunction well, positionally marked at the beginning of sentence, which is the second term in communication section question - reply. Considering constant position, meaning and function of the conjunction depend on question context, so as reply. Marked use of conjunction well is characteristic of informal language, but often used in formal language as well. The analysis is made on transcribed students replies, used in formal language discussion.

Key words: syntax, syntactic-semantic potential, conjunction well

Увод

Овај рад је произашао из потребе да се осветли врло фреквентна језичка појава, која се лако опажа у неформалној употреби језика, али исто тако све више узима маха и у оним сферама језика у којима би по правилу требало да се служимо искључиво стандарднојезичким стиловима. У раду су представљена размишљања у вези са употребом везника *па*, маркираног у иницијалној позицији изјавне реченице, а што није у складу са синтаксичком нормом српског језика. Везник *па* је забиљежен у примјерима гдје се појављује у оквиру комуникационог блока који чине два сегмента, питање и одговор, и то на почетку другог сегмента, одговора.

Уочено је да је у разговорном језику, готово по правилу, везник *па* у иницијалној позицији у реченици, што се нарочито односи на почетак одговора. Такође је лако запазити да се ова особина појављује и у публицистичком стилу, у дискурсу медија. Карактеристика је говореног, рјеђе писаног језика. У овом раду анализирани су примјери из средњошколске праксе. Код средњошколске популације готово је досљедна употреба везника *па* у иницијалној реченичној позицији. Ова језичка реалија појављује се независно од узраста ученика, па чак независно и од знања из области матерњег, српског језика. С тим у вези дошло је до потребе да се испита синтаксичко-семантички потенцијал везника *па* у овој специфичној употреби.

Везник *па* у нормативној литератури

У консултованој стандарднојезичкој литератури из области морфологије и синтаксе установили смо оквире значења и функције везника *па*. Очекивано је да су значења и функције у складу са морфолошком и синтаксичком нормом, те да не можемо наћи потврде синтаксичко-семантичког потенцијала везника *па* за специфичну употребу као у анализираним примјерима. Управо зато ћемо кренути од стандардног оквира да бисмо показали разлике у односу на појавне облике везника *па* у нашим примјерима. Разлике у гледиштима аутора огледају се у нијансама, а овдје истичемо неке од њих. Михаило Стевановић везнике коментарише у домену морфологије: „Везници у језику служе за означавање везе међу реченицама и међу појединим речима у њима. Као год и саму функцију тако и поједина значења везника могуће је схватити тек у везама које они означавају... Везе које се означавају појединим везницима могу се, истина, схватити из самог смисла реченица и односа појединих речи које се њима везују.” (1970: 381/382).

У актуелној граматици српског језика за средње школе аутори истичу морфолошко поријекло везника *па*: „Са гледишта морфологије (која укључује и творбу речи), прави везници су: или, али, и, па, те, да, док, јер, ако” (Станојчић, Поповић, 1999: 127). Даље наводе у контексту функционалне вриједности у напоредним конструкцијама везник *па* као један од везника за означавање саставног односа у тим конструкцијама: „Најважнији напоредни односи могу се сврстати у три групе: саставни односи, којима се повезују паралелни и међусобно сагласни чланови; обележја: и, ни, нити, па, те” (Станојчић, Поповић, 1999: 352). „Саставни или копулативни односи јављају се међу реченицама чија је садржина, како се то обично каже, истог смера, тј. ситуација означена другом реченицом смисаоно је паралелна са ситуацијом прве реченице или се наставља на њу. Главни везник за означавање саставних односа је и, а остали везници су нити, ни, па и те.” (Станојчић, Поповић, 1999: 354). У истој граматици је наведено неколико примјера значењског потенцијала везника *па*, свакако у стандарднојезичкој употреби: „Ако постоји изразито значење узастопности (сукцесивности)... употребљава се и везник *па*... Везник *па*, дакле, има вредност: и + онда, и + затим и сл. Испред *па* зарез се не мора употребити, али се често ставља. Ако, пак, између две реченице постоји (узрочно-) последични однос, употребљавају се везници *те* и *па*... ови везници, према томе, имају вредност: и + зато, и + тако и сл.” (Станојчић, Поповић, 1999: 355).

За везнике *и*, *ни*, *нити*, *па*, *те* и Стевановић наводи да „служе за везивање копулативних реченица” (1974: 781), те даље: „Саставне реченице од којих се другом износи последица онога што се

казује првом од њих нешто чешће се везују везником па” (1974: 785). Затим се констатује да је везник па „у функцији спољног знака везе саставних напоредних реченица чије се радње узастопно врше једна за другом, а без икакве нијансе било кога значења.” (Стевановић, 1974: 786).

Из наведених примјера из литературе јасно је да се везник па употребљава са основном вриједношћу везника у сложеним реченицама. Не остварује се ни у једном од случајева у иницијалној позицији независне реченице која није у оквиру сложене реченичне конструкције. Углавном се ради о медијалној позицији у сложеној реченици, што је очекивано када је ријеч о везницима.

Једини примјер када се везник па појављује на почетку реченице која није у саставу сложене забиљежен је у Речнику Матице српске, гдје стоји под значењима: „П 1г. стоји на почетку узвичних реченица ради јаче изражајности; 1д. на почетку упитне реченице у којој се питањем изриче чуђење или неверица: зар? је ли могуће? та није ваљда?” (1971: 298)

Опет можемо констатовати да наведене употребе везника па у иницијалној позицији у реченици не одговарају нашим примјерима, јер се у нашем случају ради о изјавним реченицама, а не узвичним или упитним, у којима се па остварује као емфатичка рјечца.

У студијама из српске синтаксе аутори наводе да везник па, конектор, радо ступа у комбинацију са енклитикама и супротан је везничкој лексеми и (Симић, Јовановић, 2002: 670). Такође се наводе и примјери на почетку реченице без везе са енклитиком, али се изражава сумња у конекторски и везнички карактер, те па „донекле подсећа на речце с функцијом интензификације.” (Симић, Јовановић, 2002: 671)

У сваком случају, нисмо наишли на тумачење синтаксичко-семантичког потенцијала везника па, које би у потпуности одговарало забиљеженим примјерима у овом раду.

Синтаксичко-семантичка анализа транскрипата

На основу литературе коју смо консултовали може се запазити да се везник па остварује са правим везничким значењем, и то као веза између реченица са паралелним, узастопним, сагласним, значењем које се надовезује, истосмјерним, без нијансирања. Овдје се поставља питање какви су значење и функција везника па ако није ни у једној од ових типичних синтаксичко-семантичких позиција. Наиме, покушали смо да утврдимо да ли везник па, позиционо маркиран на почетку изјавне реченице, одговара функцијама и значењима забиљеженим у литератури. Крећемо од чињенице да се не ради о стандардној функцији везника који по дефиницији повезују реченице у оквиру сложене, или повезује групе ријечи, већ о везнику на почетку самосталне реченице, иако је она дио веће комуникационе цјелине (у контексту питања). Осим тога, упитно је да ли се овдје ради о вези између реченица чији је садржај узастопан, паралелан, без нијансирања, као и то да ли одговор увијек можемо сматрати реченицом у нормативном смислу, с обзиром на то да се често састоји само од једне ријечи (која најчешће није у функцији предиката).

Претпоставка је да се везник па појављује са врло различитим значењима, те да је сегмент специфичних синтаксичких конструкција. На одабраним примјерима ћемо скицирати какав је синтаксичко-семантички потенцијал везника па позиционо маркираног на почетку изјавне реченице. Поред тога, претпоставка је да се у појединим позицијама везник па појављује са празним синтаксичко-семантичким скупом. У сваком случају, ријеч је о нестандартној употреби.

Запажања у раду су сачињена на основу анализе транскрипата разговора са ученицима у средњошколском образовном процесу. Ради се о употреби језика у формалним ситуацијама, анотирани су примјери употријебљени у усменим ученичким одговорима. Примјери су дати у комуникационим блоковима, који се састоје од два сегмента у односу упитна реченица – изјавна реченица. Везник па појављује се на почетку изјавне реченице. Може се уочити да значење и функција везника па зависи од контекста упитне реченице која му претходи.

Заједничко за све примјере је да везник па није наглашен у говору, те ни у једном случају нема запете иза везника. Може се поставити питање да ли је онда ријеч о везнику у функцији рјечце, са њеном емфатичком природом, што смо већ у претходној цјелини навели као извод из литературе када је ријеч о стандарднојезичкој употреби везника па. Свакако је било могуће изоставити везник па из изјавне реченице, с обзиром на његову редувантну вриједност, али није изостављен. Одговор би се у том случају углавном сводио само на једну ријеч, што свакако није карактеристика доброг говора, те разматрамо функције и значења која је везник па могао сублимирати у развијеном реченичном контексту.

1. У прву групу смо издвојили примјере у којима је могуће уочити да се везник па појављује уз неки од главних реченичних конституената, предиката (неког његовог сегмента), и/или субјекта, као и објекта.

- О чему треба писати? - Па о пријатељству.

Очигледно је да у овом примјеру потенцијално недостаје предикат *треба писати*, конструисан од безличног глагола непотпуног значења *треба* и *инфинитива* као допуне његовог значења, а што

запажамо у упитној реченици. Реченични исказ се своди на конструкцију па + неправи објекат (о + именица у локативу јд.).

- Који су мотиви најзначајнији? - Па мотив пријатељства.

У изјавној реченици потенцијално недостаје именски предикат *најзначајнији је*, а одговор је сведен на па + субјекат.

- Какав тип приповијетке је у питању? – Па социјална.

Везник па је употријебљен у двочланом исказу, гдје је други члан потенцијално именски копулативни предикатив, а изостављен је сегмент *приповијетка је*.

- Која је врста ријечи памук? – Па именица.

И у овом примјеру везник па стоји уз именски предикатив *именица*, а потенцијално је изостављен субјекат и копулативни глагол *то је*.

- Како се манифестује мотив пријатељства? – Па великим пријатељством. Како? - Па Енкиду је ишао с њим.

У овом примјеру наведена су два узастопна блока. Везник па у првом блоку појављује се уз прилошку допуну (именичка синтагма у инструменталу јд.), а потенцијално изостаје субјекат и предикат *мотив пријатељства манифестује се*, У другом блоку ради се о употреби везника па уз реченицу која је без везника па потпуно независна.

Ако имамо на уму претходне констатације из нормативне литературе о везничкој функцији, условно се може и овдје посматрати таква употреба везника па, али не са оним узастопним паралелним значењем, у коме се садржај једне реченице надовезује без нијансирања на садржај друге. Ипак постоји разлика у функцији и значењу, јер се ради о двјема различитим и самосталним реченицама, а не о вези у једној сложеној реченици. Осим тога, упитна реченица и одговор који слиједи говоре два говорника, те је употреба везника па и овим специфично нијансирана. Везник па употријебљен је као потенцијална веза између главних реченичних конституената, предиката (неког његовог сегмента), субјекта или објекта. Дио садржаја прве реченице само се подразумејева у свијести говорника друге реченице, али није изречен у другој реченици, већ се на тај садржај упућује везником па.

2. У другој групи су примјери у којима се везник па употребљава уз клаузе.

- Зашто је тај рјечник значајан? – Па јер је Вук извршио неку реформу језика.

У овом примјеру недостаје независна клауза *тај рјечник је значајан*, док је одговор сведен на конструкцију па + зависна клауза. На почетку изјавне реченице су два везника, па и јер, те је лако уочити да се значење друге, зависне реченице у комуникационом блоку, наслања на значење прве, независне, али упитне реченице.

У преосталим наведеним примјерима везник па је могао у потпуности бити изостављен, јер је употријебљен на почетку реченичног исказа којим се преноси цјеловита информација.

- Зашто је пријатељству поклоњена толика пажња? – Па зато што је човјеков живот без пријатељства ништа.
- О каквим ликовима говоримо? – Па ликови су већином хероји.
- За које рјечнике знаш? – Па први рјечник је Вуков рјечник.
- Знаш ли штогод о битним својствима језика? Па знам.
- Зашто не знаш о реализму? – Па искрено нисам се сјетила уопште реализма.
- Како то тумачимо? – Па то тумачимо да је она на неки начин предвидјела крај.
- Под којим околностима настаје Ех Ponto? – Па настаје док је био у затвору.
- Зашто је био у затвору? – Па он је био прпадник Младе Босне.
- Шта је важно знати о стваралаштву Исидоре Секулић? – Па Исидора Секулић је писац и преводилац.
- Зашто ниси учио? – Па јесам ја учио нешто.
- Чиме се бавио њен муж? – Па био је министар.
- Шта чини основу унутрашње композиције? – Мост. Зашто? – Па он је ту главни мотив.

Наведена су два узастопна блока. У првом није употријебљен везник, те га нећемо коментарисати, али га наводимо због контекста неопходног за разумијевање. Везник па у другом блоку има празан семантичко-синтаксички скуп, односно, у ширем контексту односи се на именицу мост, али је у функцији субјекта у другој реченици умјесто именице употријебљена замјеница он.

Другу групу чине примјери за које можемо рећи да представљају празан семантичко-синтаксички скуп везника па, односно, да његовим изостављањем реченични исказ не би био измијењен на значењском, као ни на синтаксичком плану.

С обзиром на то да ни у једном примјеру везник у говору није наглашен, поставља се питање може ли се говорити о функцији рјечце, или како је већ наведено, рјечце са функцијом интензификације, ако интензификација изостаје.

Из наведеног тешко да можемо потврдити да се везник па остварује са функцијом правог везника, какву уочавамо у сложеним реченицама, или у функцији рјечце са интензификацијом. У већини примјера, како смо видјели, изостављање везника ни на који начин не би измијенило садржај, као ни конструкцију реченице, те је употреба везника потпуно редувантна. Ипак, везник је врло фреквентан у иницијалној реченичној позицији, а у неким обимнијим истраживањима дало би се утврдити које нијансе у функцији и значењу постиже. Како смо већ навели, овим радом хтјели смо само да скицирамо уочену језичку реалност, за коју нисмо могли наћи потврду у литератури.

Закључак

Сачињена је кратка синтаксичко-семантичка анализа потенцијала везника па, фреквентног у иницијално маркираној реченичној позицији у говореном језику, али не само у разговорном функционалном стилу. Ова појава у језику из разговорног стила све више продире и у стандарднојезичке стилове, прије свега медијски дискурс, као и у формални разговор у коме се захтијева употреба стандарднојезичких стилова. Управо књижевноумјетнички стил обавезан је у ситуацијама описаним у примјерима ученичких одговора. Анализа је показала да се везник па остварује у неколико потенцијалних синтаксичко-семантичких варијанти. У већини примјера везник па могао је бити потпуно изостављен са почетка реченице. Исказ се не би промијенио на плану информације, али је ипак изузетно учестала употреба везника па у иницијалној позицији у реченици.

Везник па, овако употријебљен, у великом броју случајева појављује се са само једном ријечју. Поред тога, ради се о карактеристици разговорног језика, која то треба и да остане, без употребе у стандарднојезичким стиловима. Чак и у разговорном стилу, не карактерише добар израз, већ га чини сиромашнијим. Ова појава у језику млађих говорника све је више одраз врло слабих вербалних способности. Није искључено да се може довести у везу и са доминацијом нових технологија у комуникацији, које од пошиљаоца поруче захтијевају само кратко, скраћено, брзо, а од примаоца траже да тумачи сва могућа значења и функције оскудног израза, као што је приказано у примјерима.

Литература

- Речник српскохрватског књижевног језика (1971), Матица српска, Нови Сад.
Симић, Радоје; Јовановић, Јелена (2002), *Конструкције са везницима па и те*, Српска синтакса III-IV, Научне монографије, Научно друштво за неговање и проучавање српског језика, Београд, 666-695.
Станојчић, Живојин; Поповић, Љубомир (1999), Граматика српског језика, уџбеник за I, II, III и IV разред средње школе, Завод за уџбенике и наставна средства, Београд.
Стевановић, Михаило (1970), *Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма)*, Научна књига, Београд.
Стевановић, Михаило (1974), *Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма)*, Научна књига, Београд.

ERZSÉBET BÁTHORY V LITERÁRNOM A HISTORICKOM KONTEXTE

Erzsébet Báthory is one of the most controversial people in the history of the 16th century Hungary. According to a lawsuit, which is unclarified even today, she tortured and killed thousands of maidservants in her castle in Čachtice. As a result, she was sentenced to be a prisoner there for the rest of her life. Báthory's personality aroused the interest of the Slovak romantic authors in the 19th century and she became a topos of the Slovak literature. In my essay I intend to compare the Slovak Báthory topos with the historical Báthory, based on the novel of Józso Nižnánsky Čachtická pani (1932).

Key words: Slovak, pulp literature, Slovak national awakening, vampirism, topos research

1. Na úvod

Grófka Erzsébet Báthory sa stala symbolom v predchádzajúcich storočiach. Podľa legend mučila svoje služobníčky a kúpala sa v ich krvi, aby si zachovala mladosť a krásu. Spomínajú ju ako ženský pandand Draculu alebo ako ženského Fausta, ktorý sa spojil so Satanom, aby si získal večnú krásu. Takéto záhadné historické postavy sú často zobrazované v literatúre alebo vo filmoch. Jej životná dráha je predmetom nielen literatúry a zábavnej kinematografie, ale aj historickej vedy.

Viac historikov analyzovalo historické pramene o grófkinej minulosti, ale po preštudovaní súdneho procesu a korešpondencie dobových šľachtických rodín vyvodili odlišné konzekvencie. Katalin Péter súhlasí s teóriou Dezsőa Rexu, podľa ktorej grófka trpela na chronický sadizmus a pre svoju chorobu bola nevinná (Péter 1985: 82). Tünde Lengyel a Gábor Várkonyi ako spoluautori monografie zdôraznili, že počas súdneho konania sa dopustilo viac chýb: presný počet obetí nie je známy, je málo očitých svedkov a výpovede spoluvinníkov boli získané mučením. Grófkine súdny spor je mimoriadny aj z hľadiska dejín práva, pretože palatín György Thurzó porušil dobové zákony a nevypočul grófkú Erzsébet Báthory, a tak skrslo podozrenie, že jej súdny proces bol koncepcný (Lengyel – Várkonyi 2010). Osobnosť Erzsébet Báthory bola analyzovaná aj z hľadiska dejín lekárstva. Podľa historikov Józsefa Antalla a Károlya Kapronczayho Báthoryovci boli „perverzné, dekadentné a zvrátené osobnosti“ (Nagy 1985: 9).

V príspevku nemám v úmysle dokazovať nevinu alebo vinu grófkú Erzsébet Báthory, len by som chcel poukázať na to, ako sa stane legenda z jednej historickej postavy, a ako sa následne mýty dostanú do literatúry. Chcel by som to podprieť interpretáciou románu *Čachtická pani* od Joža Nižnánského. Autor si vybral fascinujúcu historickú postavu za svoju hrdinku, ktorá podľa historických prameňov vykonala veľa krutostí a je vhodná na titul „ženský Dracula“.

2. Erzsébet Báthory v histórii

Grófka Erzsébet Báthory sa narodila v Nyírbátore v roku 1560 a zomrela vo väzení, v čachtickom hrade v roku 1614. Jej rodina patrila k najdôležitejším šľachtickým rodinám Uhorska v stredoveku. Najdôležitejšieho člena rodiny, Istvána Báthoryho v roku 1576 zvolili za poľského kráľa, ale väčšina Báthoryovcov mala politické funkcie v Sedmohradsku. Rodina mala veľké mocenské ambície. Na konci 16. storočia Gábor Báthory chcel získať väčší politický vplyv na území Uhorského kráľovstva a na to habsburské kruhy reagovali negatívnou politickou propagandou, čo môže súvisieť so súčasným negatívnym hodnotením Báthoryovcov. Dezső Rexa, ktorý v roku 1908 uverejnil prvú monografiu o Báthoryovej, tiež negatívne hodnotil rodinu: „Môžeme byť šťastní, že sme mali Báthoryovcov a mali sme šťastie aj vtedy, keď vymreli. Svetlo vyžarujúce sa z nich zatienil ich vlastný tieň.“ (Nagy 1985: 8)

Erzsébet Báthory sa vydala v roku 1575. Jej manžel, Ferenc Nádasdy mal veľké vojenské úspechy počas protitureckých vojen. Ferenc Nádasdy zomrel v roku 1604. Báthory mala ťažké vdovské roky. Kvôli tomu, že bola verná k cisárovi, počas postavnia Boeckaiho cisárski vojaci podpálili jej dediny a vyrabovali jej majetok. V roku 1610 sa jej dcéra, Katalin, vydala za Györgya Homonnaia Drugetha. Historik László Nagy predpokladá, že grófkine zať je zodpovedný za to, že sa o grófke začali šíriť krvavé príbehy a Homonnai Drugeth obvinil grófkú z mučenia služobníctva u palatína Györgya Thurzóa. (Nagy 1985: 63)

Keď sa historici zaoberajú krutosťami Báthory, nemajú jednoduchú úlohu, pretože tie pramene, ktoré majú k dispozícii sú veľmi protirečivé. 05. marca v roku 1610 palatín György Thurzó nariadil vyšetrovanie, počas ktorého grófkú obvinili z vraždy a mučenia služobníctva. 29. decembra zatkli grófkú a jej štyroch „spoluvinníkov“, Ilonu Jó, Dorottyu Szentesi, Katalin Beniczkú a Jánosa Újváryho, ktorý je známy ako Ficko. Mučili ich, aby získali informácie o tom, ako mučila grófka svoje služobníčky. V zmysle platných zákonov doby bolo povinné vypočuť obžalovaných šľachticov, v tomto prípade sa to nestalo.

Nemôžeme vymedziť presný počet obetí. Väčšina svedkov mala informácie o jednej alebo dvoch vraždách, ale niektorí vypovedali aj o 600 obetiach. Podľa svedkov grófka bičovala svoje služobníčky trním, spôsobovala im popáleniny, pichala ich ihlou alebo ich kropila studenou vodou. Na začiatku roka 1611 popravili

jej spoluvinníkov okrem Katalin Beniczkej. Historici predpokladajú, že okolo marca zaťovia a syn Erzsébet Báthoryovej podporili grófkino domáce väzenie, ktorá potom zomrela v roku 1614.

Legenda o kúpaní v krvi je asi najdôležitejšia strašidelná história o Erzsébet Báthory. Napriek tomu na grófkú nikdy nepodalí žalobu. Čachtická pani zomrela v roku 1614 v domácom väzení a jej legenda ožila iba v roku 1729. V tomto roku jezuitský kňaz, László Thuróczi napísal príručku, *Ungaria suis cum regibus compendio data (O Uhorsku a o jeho kráľoch)*. V tejto príručke zdokumentoval aj také legendy, ktoré sa šírili ústnym podaním. Sadizmus Erzsébet Báthory vysvetlí tým, že sa grófká vydala za Ferenca Nádasdyho v roku 1575, a preto zamenila svoju katolícku vieru na evanjelickú.

„Erzsébet Báthory aby mohla žiť v manželstve s Ferencom Nádasdym, vzdala sa katolíckych sviatostí a prešla na evanjelickú vieru, v ktorej veril jej manžel. Tu sa začínal grófkín pád...”

...Počas česania sa stalo, že jedna neopatrná služobníčka potiahla vlasy úchvatnej Héry. Erzsébet zachvátila zlosť, za trest zbije služobníckine ústa. Služobníčka krváca z úst, kvapka krvi padne na grófkínu tvár, a grófká si ju utrie plátom. Na tom mieste, kde padla krv, grófkina pleť okrásnela!“ (Lengyel-Várkonyi 2010: 216-218)

Jožo Nižnánsky vo svojom románe *Čachtická pani* (1932) zobrazuje „upirickú“ Báthory, ktorá vo svojej krvilačnosti prekoná hrdinku Thurócziho. Aj grófká Nižnánského konzumuje služobnícku krv z kozmetických dôvodov, ale jej motiváciou je získať bývalého nápadníka z mladosti. Čachtická pani by sa nemala považovať za upírku, veď nie je živou mŕtvolou. Podľa definície Luis Vaxa: „upír je predstavou ľudského strachu, s významovou náplňou, podľa ktorej človek môže predĺžiť svoj život len tak, ak iným spôsobí škodu a smrť. Predstava upíra má pritom aj silný, erotický význam. Je teda nositeľom dvojakeho významu: vyjadruje smrť a sexualitu, a s nimi súvisiace aberované, ambivalentné inštinkty a pocity.“ (Maár 2001: 132-133). Báthory mučila svoje služobníčky, kúpala sa v ich krvi, teda konzumovala krv, preto činy grófký súvisia tzv. diabolským vampirizmom.

3. Erzsébet Báthory ako literárny topos

V modernej dobe Erzsébet Báthory sa stala literárnym toposom hlavne v slovenskej literatúre, ale vystupuje aj v maďarskej. V románe *Ördögszekér* (1925) od Sándora Makkaiho grófká je chorobomyselná, perverzná a lesbická krásna aristokratka, ktorá zväzda vlastnú príbuznú, Annu Báthory. Okrem Makkaiho aj u ďalších, u Gyulu Krúdyho, Kálmána Mikszátha a Endre Adyho vystupuje E. Báthory, ale v slovenskej literatúre je hlavnou protagonistkou.

Grófká inšpirovala viacerých predstaviteľov slovenského romantizmu. V roku 1866 Jonáš Záborský napísal drámu *Bátoryčka*, Ján Botto zase kompozíciu *Čachtická pani*. V období slovenského romantizmu autori často slovakizovali niektoré historické postavy Uhorska, ale čachtická grófká nepatrí do tejto kategórie. Maďarská grófká symbolizuje externé nebezpečenstvo, ktoré hrozí slovenským sedliakom v Čachticiach. Dokladá to aj spôsob písania grófkinho priezviska. Podľa pravidiel slovenského pravopisu sa od mužských priezvisk cudzieho pôvodu zakončených na samohlásky, ženské priezviská tvoria prechýľovacou príponou – ová (*Szabó-Szabóová, Aradi-Aradiová...*), pričom sa prípona –ová pridáva k celému mužskému priezvisku. Grófká sa však vždy spomína ako čachtická pani alebo Báthoryčka.

Román *Čachtická pani* sa rozchádza od vyššie spomínaných literárnych diel, lebo literárne dielo Joža Nižnánského nepatrí do slovenského literárneho kánona. Nižnánsky svoju spisovateľskú dráhu začal ako básnik, ale jeho najpopulárnejšie diela sú historické romány. Dobre poznal uhorskú históriu, ovládal maďarčinu, preložil do slovenčiny *Egerské hviezdy* od Gézu Gárdonyiho. Literárna kritika ostro kritizovala jeho historické romány. Podľa jeho súčasníka, Endre Kovácsa: „Nižnánsky je jedným najobľúbenejším spisovateľom. O umeleckých hodnotách jeho tvorby sa dlho diskutovalo v slovenských časopisoch. Podľa súčasného názoru tieto romány neboli napísané s veľkým umeleckým nárokom a reprezentujú šľachetný brak v slovenskej literatúre. Čitatelia ich prijali s veľkou láskou, dosvedčuje to aj fakt, že tieto romány sú najpopulárnejšie knihy ľudových knižníc.“ (Kovács 1943: 115-116) Napriek tomu, že román Nižnánského nemá vysoké estetické hodnoty, považujem za dôležité aby sme interpretovali aj diela brakovej literatúry. Braková literatúra môže osloviť väčšiu čitateľskú základňu a práve preto historické romány tohto typu formovali a formujú historické poznatky slovenských čitateľov.

4. Interpretácia románu

Ako je vyššie spomenuté, román Joža Nižnánského patrí k slovenskej brakovej literatúre. Tento fakt ešte sám o sebe nevysvetlí, prečo je tento román od svojho prvého vydania dodnes populárny v kruhu slovenských čitateľov. *Čachtická pani* asi preto patrí k „zlatému fondu“ slovenskej brakovej literatúry, lebo sa politická moc často mohla stotožniť s románom.

Autor viackrát píše o bezmocnosti slovenských sedliakov, preto niektoré úryvky románu pripomínajú propagačnú literatúru socialistického realizmu:

„Život poddaných musí byť pred pánmi otvorenou knihou. Bránu nesmú zamknúť, aby panskí nadháňači hocikedy sa mohli bez prekážky vrútiť do ich domov, a večer nesmú zastierať okná, aby sa za nimi nemohli zhromažďovať, skúvať sprisahania...“ (Nižnánsky 27-28)

Napriek tomu, že sa v románe viackrát píše o boji spoločenských tried, Nižnánsky nepísal román v štýle socialistického realizmu, lebo medzi pozitívnymi hrdinami môžeme nájsť aj evanjelického farára Čachtic a aristokrata.

Tému románu okrem marxistickej kritiky by mohli využívať aj slovenskí nacionalisti, veď maďarská aristokratka mučí svoje slovenské služobníčky. Nižnánsky sa nezaobera otvorene so slovensko-maďarskými konfliktmi, ale vyzdvihne maďarský pôvod Erzsébet Báthory. Podobne ako v období slovenského romantizmu, ani Nižnánsky nepridáva príponu –ová k priezvisku grófkya a okrem toho aj jeho postavy zdôrazňujú maďarský pôvod čachtickej pani. Ján Ponicius, farár Čachtic, keď ešte nemal informácie o grófkyných krutostiach, charakterizoval čachtickú pani nasledovne:

„Syn môj, - rozprával farár, - ja ju dobre poznám. Osočovatelja ju nepoznajú. Je to peknoduchá pani, hoci jej vzdelanie kulhá a okrem materinskej reči vie len po slovensky a trocha po latinsky a nemecky, čo pochytila pri príležitostiach.“ (Nižnánsky 12-13)

Román Nižnánkeho môžeme interpretovať ako hororový alebo gotický román, prípadne ako historicko-dobrodružný román. Počas písania tohto príspevku som pracoval s vydaním z roku 1980 a podľa anotácie na záložke Nižnánsky napísal pravý hororový román. Môžeme o tom pochybovať, lebo autor nevedel využiť možnosti, ktoré ponúka hororový príbeh. Najslabším bodom románu je príliš jednoduchá fabula. Podstata románu je to, že čachtický bojovníci bojujú proti grófkya a ich hlavným cieľom je, aby ju odsúdili. So svojimi partnerkami sa vždy dostanú do pasce grófkya Báthory, ale šťastnou náhodou sa zachránia. Tieto situácie sa kontinuálne opakujú v románe, a preto čitatelia vopred vedia, že sa pozitívne postavy románu zachránia a čitatelia už necítia strach a úzkosť.

Pred napísaním románu Nižnánsky preštudoval dobovú odbornú literatúru o Erzsébet Báthory. Autor bol informovaný o priebehu súdneho sporu zo 16. storočia. Štyria predpokladaní spoluvinníci grófkya účinkujú v románe a farár Ponický je takisto reálnou historickou osobou. Na konci románu Nižnánsky cituje celú výpoveď štyroch spoluvinníkov a uverejní aj text originálneho rozsudku.

Keď porovnávame príbeh románu s historickou odbornou literatúrou, tak môžeme nájsť aj ďalšie súvislosti. V románe čachtická grófka nechcela prijať starnutie a okrem toho, že sa kúpala v krvi služobníčiek mala aj mladistvé oblečenie:

„Vševediaca Majorová ju dnes presvedčila, že čierna farba zabije krásu, je hrobom mladosti. Preto si zaumienila zničiť všetky čierne háby a ponechať si len šatstvo hýriace jasnými, živými a pestrými farbami.“ (Nižnánsky 1980: 149)

Historička Katalin Péter analyzovala portrét grófkya Báthory a konštatovala, že grófka mala mladostivé oblečenie, obliekala sa podobne ako jej nevesta a nie ako jej svokra Orsolya Kanizsai. (Péter 1985: 8) Z práce Katalin Péter sa dostaneme aj k informácii, že rukopis čachtickej grófkya analyzovali aj grafológovia, podľa ktorých jej sadizmus poukazuje na sexuálnu nespokojnosť, pravdepodobne to súvisí so sklamaním, ktoré prežila ešte ako mladšie dievča (Péter 1985: 96). Podľa Nižnánkeho románu Báthory neľúbila svojho manžela a keď ešte bola nevestou Nádasdyho, porodila dieťa od tajného rytiera.

5. Na záver

Vo svojom príspevku som chcel predstaviť spôsob ako sa z historickej postavy stane „hororová“ literárna postava. Upír a krvavé mýty korenia v anticko-kresťanskej kultúre. V divadelných hrách Euripida vystupujú empuzy, ktoré sú ženskými mýtickými postavami a pijú ľudskú krv. Nová zmluva upevní symbolický význam krvi. Ježiš na poslednej večeri dával svoju krv učeníkom v podobe vína: „toto je moja krv zmluvy, ktorá sa vylieva za mnohých na odpustenie hriechov.“ (Sz. Farkas 1989: 92-93.) Tieto kultúrne tradície mali určite vplyv na rumunské a slovanské upírské predstavy a neskôr na legendu jezuitského kňaza, Lászlóa Thurócziho, ktorý umožnil, aby sa v slovenskej kultúre vytvoril topos Erzsébet Báthory.

Počas národného obrodzenia sa dostala aj ku Slovákom vzia smrti národa. Báthory ako maďarská grófka mohla symbolizovať externé nebezpečenstvo, ktoré hrozilo slovenským sedliakom v Čachticiach. To nie je v dejinách literatúry ojedinelý príklad. Antropológovia pri interpretácii fenoménu vampirizmu zistili, že upíri v literatúre symbolizujú nerozvinuté balkánske a východoeurópske národy, ktoré môžu podobne ako upíri nakaziť západnú civilizáciu. Najlepším príkladom uvedenej teórie je román Dracula od Brama Stokera. Jožo Nižnánsky so svojim románom umožnil, aby Erzsébet Báthory zostala živým a dominantným toposom slovenskej literatúry.

Použitá literatúra

- Kovács Endre (1943), *Az új szlovák regényi*. Budapest, A Kir. M. Pázmány Péter Tudományegyetem Szlav Filológiai Intézete.
Lengyel Tünde – Várkonyi Gábor (2010), *Báthory Erzsébet. Egy asszony élete*. Budapest, General Press Kiadó.
Maár Judit (2001), *A fantasztikus irodalom*. Budapest, Osiris Kiadó.
Nagy László (1985), *A rossz hírű Báthoryak*. Budapest, Kossuth Könyvkiadó.
Nižnánsky Jožo (1980), *Čachtická pani*. Bratislava, Tatran.
Péter Katalin (1985), *A csejtei várúrnő*. Budapest, Helikon Kiadó
Sz. Farkas Jenő (1989), *Dracula vajda históriája*. Budapest, Akadémiai Kiadó

Светла Рускова-Джерманович

Пловдивски университет „Паисий Хилендарски“
Пловдив, България

ЗА ОТРИЦАТЕЛНИТЕ КОНОТАТИВНИ ЗНАЧЕНИЯ НА НЯКОИ УСТОЙЧИВИ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТ НАЗВАНИЯ НА ДОМАШНИ ЖИВОТНИ И ПТИЦИ В БЪЛГАРСКИ, СРЪБСКИ И ХЪРВАТСКИ ЕЗИК

The object of study of the present work are the phrasemes, phraseologisms, including the component of zoonymes, namely domestic animals and poultry, in Bulgarian, Serbian and Croatian languages, containing definite stereotype images, serving for the expressive designation of different human qualities. The basic objective of this study is to create a comparative plan of these set phrases starting from the zoonyme, most largely covered in the three languages.

Key words: phrasemes, Bulgarian, Serbian, Croatian, language

1. Устойчивите сравнения (по-нататък УС) трайно са се установили в говора и са преминали във фразеологичния фонд както на българския (по-нататък бълг.), така и на сръбския (по-нататък срб.) и хърватския (по-нататък хрв.) език. По този начин днес те представляват внушителен дял от фразеологията на всеки един от тези три езика, поради което предизвикват особен интерес у изследователите. Предвид, че чрез тях се изобразява именно народопсихологията на всеки един народ, за нас представлява интерес да потърсим фразеологични паралели в езиците на трите славянски народа – български, сръбски и хърватски.

Най-многобройни и най-разпространени са сравненията, свързани с домашните животни, с техните качества, навици и поведение.

Целта на настоящето изследване е да се направи съпоставителен план на УС с компонент домашно животно или птица т.е. да се открият съответствията на българските УС в срб. и хрв език. Изследваният материал (общо 196 единици, от които 71 в български, 69 в сръбски и 56 в хърватски език) е екскерпиран главно от *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema* (Fink Ž., 2006), *Фразеологичен речник на българския език* (Ничева К., Спасова С., Чолакова Кр., 1974/75, т.1 и 2.), а като помощни източници сме използвали: *Устойчивите сравнения в българския език (речник)* (Кювлиева-Мишайкова В., 1986), и *Hrvatski frazeološki rječnik* (Menac A., Fink-Arsovski Ž., Venturin R., 2003).

Няма да разглеждаме подробно всяко едно от УС, а ще се спрем единствено на познатието за животинския свят, ще видим доколко символиката на животните влияе върху образуването на фразеологичното значение и дали едни и същи особености на животните са достатъчно впечатляващи и мотивиращи, за да участват в създаването на УС в трите езика.

Предвид обемния и разнообразен материал, на който се натъкнахме, екскерпираният материал е класифициран с оглед на експресивно назоваването от УС човешки качества за характеризирани на отрицателни качества, започвайки се от зоонима, който е застъпен в най-голяма степен в трите езика. От гледна точка на броя на УС с компонент домашно животно на първо място стои названието на *кучето* (15 УС на български, представени в речника, на които съответстват 13 в срб. език и 10 в хрв. език). Тук се забелязват значителни прилики и разлики в значенията в трите езика.

Най-широко застъпеното значение, илюстрирано от образа на кучето и в трите езика е значението ‘лош и тежък начин на живот’, напр.: *живея страдам (тегля) като куче, мъча се като куче* в смисъл на ‘живея при лоши условия, бедно, в нищета’ и ‘много страдам, тегля’. В срб. и хрв. съответно: *мучити се (намучити се, нарадити се) като пас (псето)* и *živjeti (mučiti se) kao pas*

Друго значение е значението ‘лошо отношение към някого’, напр. в български език: *умра като пес (куче), убия като куче някого, пребия като куче някого*, в срб.: *умрети као пас (псето) <уз тарабу>*, *убити као пса кога, истући (претући, пребити) као пса кога* и в хрв: *ubiti (ustrijeliti) koga kao psa (pseto), postupati s kim kao sa psom*

С названието на кучето се свързва и ‘постоянния глад’, а именно: *гладен като куче, гладан као пас, gladan као pas* или *въртя се (обикалям) около някого, нещо като <гладно> куче <на сватба> за комад; обилазити као мачка око лонца; obilaziti (motati se i sl.) као таџак (мачка) око вриџе кафе*

От последния пример забелязваме, че съществува специфична разлика, състояща се в това, че в бълг.език гладът се представя чрез образа на кучето, докато в срб. и хрв. присъства образът на котката. Тук можем да добавим и примера: *мъришав като куче; мришав као пас; mrišav као pas*, което представлява резултат от този глад.

И в трите езика съществуват УС със значение: ‘наложено ограничение на свободата’, напр.: *като куче на сиджимка (кашика); като вързан (завързан) пес; као пас на ланцу; као pas на ланци*

Конотативното значение ‘лошо съжителство, лошо разбирателство’ между двама (или повече) души също се отъждествява с кучето. Това се вижда от сравненията: *обичаме се като куче и котка (кучето и котката); погаждаме се (разбираме се) като куче и котка (кучето и котката)*, съответно в

срб. и хрв.: *волету се као пас и мачка; слагати се као пас и мачка; živjeti (gledati se/slagati se) као пас и тачка*

Освен споменатите дотук значения, образът на кучето се използва още и за назоваване на ‘лош, зъл човек’, което е доста учудващо, тъй като на кучето най-често се гледа като на приятел на човека и пазач на дома му. Напр.: *зъл като куче; бесан као пас (псето), љут като пас (псето), љут као пас (паšче)*

С по един пример в трите езика е представено значението ‘много ревнив’: *ревнив като куче; љубоморан као пас (паише, псето); ljubomorан као пас (псето)*

Друго конотативно значение изобразявано чрез кучето е ‘лъже безсрамно’: *лъже като куче, съответно в срб. лагати као пас (као псето) и хрв. lagati као пас (псето, паšче).*

Само в бълг.език кучето конотира и чертата ‘нахалство’: *вра се като червиво куче, хълтам като куче по чужди порти.* В българската езикова картина на кучето се приписва и ‘мързел’: *свършвам я като кучето на нивата, свършил я като кучето с опаишката си.*

От казаното дотук може да се обобщи, че и в трите езика УС с лексемата *куче (псе) / пас (псето) / пас (псето)* актуализират почти еднакъв брой отрицателни конотативни значения.

2. УС с лексема *свиня (прасе, шопар) / свиња (прасе, прасац, крмача) / свиња*

Голяма част от изследваните УС съдържат лексемата *свиня (прасе, шопар) / свиња (прасе, прасац, крмача) / свиња*. По-голямата част от общите значения в трите езика са свързани с външния вид на човека и най-вече с ‘дебелината’, ‘грозотията’ и ‘мръсотията’, напр.: *дебел като свиня (прасе, шопар),* съответно в срб. *дебео као свиња (прасе, прасац)* и в хрв. *debeo као свиња (prase, prasac)*. Или *мръсен като свиня (шопар)* с еквивалент в срб. и хрв. *прљав као свиња (прасац); prljав као свиња (prase)*. Някои от тези УС откриваме и с глагол в лявата си част, напр. *угоя се като свиня (прасе, шопар); срб. угојити се као свиња (прасе, прасац) или ям (плюскам) като свиня, срб. јести (ждерати) као свиња, хрв. јести као свиња.*

В срб. и хрв., както и в бълг. език, образът на свинята (прасето, шопара) освен с ‘яденето в прекомерни количества’, се свързва и с ‘пиене в прекомерни количества’, а именно: *пиян като свиня,* в срб. и хрв. *пијан као свиња; рјјан као свиња.*

В бълг. и срб. език със свинята се характеризира още и ‘грозотата’, ‘несъвършенството’, напр.: *отива ми като на свинче звънче,* с еквивалент в срб. *стоји као крмачи седло коме шта.* В срб. такова сравнение се прави и с петела, напр.: *стоји као петлу сисе.* В хрв. пък, сравнението е само с образа на кравата, напр.: *pristaje (stoji) као kravi sedlo.* Това УС се използва и в срб.език.

3. УС с лексема *заек / зец / зес*

Немалко на брой УС назовават образно ‘страхливия човек’, но само едно е УС, в което страхът се изразява чрез образа на заека, напр.: *страхлив (плашлив) като заек, в срб. плашљив као зец, хрв. plašljiv као зес.*

Когато е изплашен, заекът е принуден да ‘бяга бързо’, за да се спаси, напр.: *бърз като заек,* в срб. и хрв. *брз као зец; brz као зес* или *бягам (тичам) като изтърван заек,* в срб. *трчати као <поплашен> зец.*

Въпреки че бягат много бързо, зайците често са ‘лесна плячка’, напр.: *убия (застрелям) като заек някого,* в срб. *убити (упуцати) као зеца кога,* в хрв. *урицати као зеса кога*

За разлика от србски език, където съществува УС *заклати као зеца кога* със значение на ‘убивам нкг. безмилостно’, в българския език това значение е представено чрез образа на пилето, а именно: *заколя като пиле (пилци) нкг.* Отрицателна оценка е заложена и в сравненията ‘множим се (плодим) се като зайци’ и УС в срб. и хрв. *множити се као зечеви; парити се (множити се) као зечеви.* И в трите езика ‘човек, който спи много леко’ е характеризирани с УС: *спя като заек,* в срб. и хрв. *спавати као зец; спавати као зес.*

4. УС с лексема *кокошка (квачка, пиле) / кокошка (квочка, пиле) / kokoš (pile)*

Общите значения, които конотират тези лексеми са: ‘жалък, нещастен вид’, ‘прекалено загрижено пазя (закрилям) някого’ напр.: бълг. *като мокра кокошка;* срб. *као покисла кокошка;* хрв. *као pokisla kokoš* или *пазя (къткам) като квочка пилци (пилците си, малките си); срб. пазити као квочка пилиће; хрв. čuvати као kvоčka piliće*

И в трите езика съществува УС със значение ‘попадам (налитам) на нещо напълно случайно, непланирано’, но лексемите чрез, които е изразено са различни: в срб. тази лексема е *кокошка,* в хрв. *kokoš,* а в бълг. – *петел: като къорав петел [налетя на нещо],* с еквивалент в срб. *као ћорава кокош [наићи на шта]* и хрв. *као ćorava kokoš*

Останалите УС от тази група съдържат главно лексемата *пиле: заплетя се (оплетя се) като пиле в калчица;* срб. *уплети се као пиле у кочину,* хрв. *zaplesti се као pile и кићине* и споменатото вече по-горе УС *заколя като пиле (пилци), срб. заклати као пиле, хрв. zaklati као kokoš (pile)*

Значението ‘разбягвам се (разпръсквам се) на всички страни’ присъства и в трите езика, но е представено чрез различни лексеми. В бълг. тя е *пиле*, докато в сръб. и хрв. дори не е зооним, а е заменена от лексемата *деца / дјеса*, напр.: на бълг. УС *разбягаме се като пилци* в сръб. съответства *разбежати се као ракова деца*, а в хрв. *razbježati se kao rakova djeca*

5. УС с лексема *магаре (катър) / магаре (магарац) / tagare*

Много са УС с лексемата *магаре, катър* в бълг. език, но едва 3 от тях имат пълни съответствия в сръб. и 2 в хрв. Такива са УС със значение ‘упоритост’, ‘трудно свиквам с нещо неприятно’, ‘нещо не ми стои добре, не ми отива’: *твърдоглав (упорит) като магаре*; сръб. *тврдоглав као магарац (магаре)*; хрв. *trvdoglav kao tagaras (tagare)*; *свикна като магаре на бой/ на нещо*, сръб. *naviknuti se <на шта> као магаре (магарац) на батине*; хрв. *naučiti se (naviknuti se) na što kao tagare na batine* или *отива ми като на магаре самар*, сръб. *стоји као магарацу коме / шта*, в хрв. няма. На бълг. УС *отива ми като на катър седло* в сръб. и хрв. съответства УС с лексема *крава: стоји као крави седло; pristaje (stoji) kao kravi sedlo*

В бълг. език съществуват още 2 УС с лексемата *магаре*, които обаче в сръб. и хрв. отсъстват. Техните значения са ‘много работя’, ‘правя нещо насила’ и в сръб. и хрв. са представени с лексемата *сивоња* (Сивчо, използва се като синонимно название за вол, напр.: бълг. *работя като магаре* с еквивалент в сръб. *радити као сивоња* и в хрв. *zapeti (raditi) kao sivonja* или *бутам се като магаре*, с еквивалент в сръб. *навалити/наваљивати као сивоња* и в хрв. *navaliti (nasrnuti) kao sivonja*

6. УС с лексема *котка (котарак) / мачка (мачка) / маџак (маџе, маџка)*

Сравнително малка част от УС в бълг. език с лексема *котка* са представени в *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Техният брой е 4, като на тези 4 УС в бълг. език съответстват 6 в сръб. и хрв. Значенията, които тези УС конотират се прекриват почти изцяло в трите езика и те са: ‘непрекъснато премествам нещо от едно място на друго’, напр.: *мъкна като котка малките си нещо*, с еквивалент в сръб. и хрв. *премештати (преносити) као мачка шта, premještati као маџка mlade*, значението ‘в лошо отношение съм с някого’, ‘изобщо не се разбирам с някого’, което изцяло се прекрива и в трите езика: бълг. *погаждаме се (разбираме се, обичаме се) като котка (котката) и куче (кучето)*, сръб. *slagati се као пас и мачка*; хрв. *slagati се као пас и маџка* и значението ‘убия (пребия) хладнокръвно някого’: *пребия (убия, удавя) като мръсно коте някого*, сръб. *истући (претући, пребити) као мачку кога*, хрв. *prebiti (pretući i sl.) као маџку кога*

Едно УС с лексемата *мачка* с отрицателна конотация в сръб. език намира отражение в хърватски със същата лексема, за разлика от български, напр. *обилазити као мачка око лонца*, в хрв. *obilaziti (motati se i sl.) као маџак (маџка) око вриће каџе*. Това значение в бълг. е изразено с лексемата *куче*, а именно *въртя се (обикалям) около някого, нещо като куче <на сватба> за комад*.

7. УС с лексема *овца (агне, агънце) / овца (јагъне) / овса (janje)*

Основно агнето в българската, сръбската и хърватската езикова картина се свързва с ‘кроткост’, ‘покорност’, но тъй като споменахме, че разглеждаме само отрицателните конотативни значения на УС, няма да се спираме на този тип УС с положителна конотация.

Като типична черта, която обаче е представена само в български език е ‘тежкото положение’: *подредя се като агне в дисаги*

И в трите езика обаче съществуват УС със значение ‘приемам нещо без да се противопоставям’: бълг. *вървя като агне на заколение*, еквивалент в сръб. *ићи као јагъне на клање* и в хрв. *ići као janje на klanje*

Значението ‘убивам безмилостно някого’ освен с лексемата *пиле* в сръб. и хрв. е представено именно и с лексемата *јагъне*. В бълг. език то е представено единствено с лексемата *пиле (пилци)*, за което по-горе дадохме примери.

8. УС с лексема *добитък (добиче, животно като общо понятие) / стока (звер, животиња као опиши појам) / stoka (zvijer, životinja)*

И в трите езика тези лексеми асоциират главно две черти - ‘пия много’, напр.: *пиян като добиче*, в сръб. *pijan као стока (звер)*, в хрв. *rijan као стока (životinja, zvijer)*, съответно същите УС, но с глагол в лявата част: *напия се като животно, напиити се као стока, напиити се као звер, napiti се као стока (životinja)*. Втората черта еднакво застъпена в трите езика е ‘тежката работа’, напр.: *работя като животно*, с еквивалент в сръб. *радити као животиња* и хрв. *raditi као životinja*. Съществува и трето значение с лексемата *добиче (животно)*, което съществува само в български, а именно: *пребия/бия като животно (добиче) някого*.

9. УС с лексема *крава (теле) / крава (теле) / krava (tele, telac)*

Телето, както и повечето домашни животни, конотира ‘глупост’, която най-често се изразява в начина, по който гледа, напр.: бълг. *гледам като теле в железница; гледам като теле в (пред) шарена врата*, срб. *гледати као теле у < шарена врата >*, хрв. *gledati kao tele u šarena vrata* или *гледам (пуля) се като теле*, срб. *буљити као теле*, хрв. *buljiti kao telac (tele) u šarena vrata* и още *тъл като теле*, срб. *глуп као теле*, хрв. *glup kao tele*. В срб. и хрв. език съществува УС с лексема *крава/krava* със значение на ‘нещо, което се противопоставя на добрия вкус’, напр.: срб. *стоји као крави седло*; хрв. *pristaje (stoji) kao kravi sedlo*, което в български е представено с лексемата *катър*.

10. УС с лексема *вол / во / vol*

Волът е използван от сърби, хървати и българи главно за тежка работа. От тук човек, който ‘работи над силите си’ се определя чрез УС по следния начин, напр.: бълг. *работя като вол*, срб. *радити као во (сивоња)*, хрв. *raditi kao vol*

С ‘тежката работа’ е свързано и ‘неуморното опъване на ярема’, напр.: бълг. *тегля (опъвам) като вол*, срб. *теглити као во*, хрв. *tegliti kao vol*

Тук можем да споменем отново и УС със значение на ‘силно да пребия някого’, които в бълг.език съдържат друга лексема: бълг. *пребия / бия като животно (добиче) някого*, срб. *истући (тући / измлатити / млатити) као вола у купусу кога*, хрв. *istučići / tučići (izmlatiti / mlatiti i sl) kao vola <u kupusu> koga*

Освен в тежката работа, волът се свързва и с глупостта в трите езика, напр.: *тъл като вол*, *глуп као во*, *glup kao vol*.

С тази лексема се асоциира още значението ‘силно викам’, ‘викам колкото глас имам’, напр.: бълг. *дѐра се като вол*, срб. *драти се као во*, хрв. *derati se kao vol*, а също така и значението ‘нахален съм’, което в бълг.език е представено от лексемата *магаре*, напр.: *бутна се / бутам се като магаре*, с еквивалент в срб. *навалити / наваљивати као сивоња*. Пример в хърв. не откриваме.

11. УС с лексема *мишка / миш / miš*

Значенията, които българските и сръбските УС съдържат са главно 2 – ‘изцяло мокър’, напр.: бълг. *мокър (измокрен) като мишка; измокря се като мишка*, срб. *мокар као миш; покиснути као миш*, хрв. *токар као миш; pokisnuti као миш* и значението ‘много беден’, напр.: бълг. *гол (беден) като църковна мишка*, срб. *сиромашан као црквени миш*, хрв. *siromašan као crkveni miš*

12. УС с лексема *коза (козел, пръч) / jарац / jarac*

От многобройните УС, които съществуват в бълг.език, в речника открихме само 2, от които само 1 изцяло се препокрива с УС в срб. и хрв. език. Значението, което това УС асоциира е ‘викам силно’, напр.: бълг. *дѐра се като коза (козел)*, срб. *дерати се као jарац*, хрв. *derati se kao koza*

Българите свързват *пръча* и със ‘силната и неприятна миризма’, което обаче при сърбите и хърватите не се забелязва. Те от своя страна свързват ‘неприятната миризма’ с ‘чумата’ или ‘пора’ напр.: бълг. *смърди (вони) като пръч*, но *смрдети (заударати) као куга*, хрв. *smrdjeti као tvor (kuga)*

13. УС с лексема *кон (кобила) / коњ / konj*

В речника са представени само 2 УС с негативно значение с тази лексема, а именно със значение на ‘тежка работа’: бълг. *работя като кон*, срб. *радити као коњ*, хрв. *raditi (tegliti) као konj*

И в трите езика конят се свързва и с ‘глупостта’: бълг. *глунав като <сив> кон*, срб. *глуп као коњ*, хрв. *glup као konj*

Второто УС в бълг. език, т.е. ‘*глунав като сив кон*’, не присъства в *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Там откриваме само УС с лексемата *вол* със същото значение, което споменахме по-горе.

Съществуват още редица УС с лексемата *кон* и определени значения в бълг. език, но тъй като тези значения не са представени в речника, не сме търсили техните съответствия в срб. и хрв. език, напр.: *вървя като кон с капаци* – ‘човек, който не вижда нищо около себе си’, *заспивам като кон* – ‘заспива прав’, *приляга ми като на ат да носи зарзават* – ‘никак не ми приляга нещо’, *замислям се като кон на празни ясли* – ‘угриженост’, *вървя като кон в турски гробища* – ‘трудно ходене’, *надявам се като кон за зоб* – ‘напразно се надява’ и др.

14. УС с лексема *петел / петао / pijetao*

За разлика от кокошката и пилето, които са станали обект на повече УС в бълг., то петелът присъства еднакво и в трите езика.

Със значение ‘слабо зрение’, което в срб. и хрв. обаче, се характеризира с образът на кокошката, напр.: *като къорав петел [налетя на нещо]*, срб. *као ћорав кокошка [наићи на ита]*, хрв. *као сорава kokoš*.

Обратна е ситуацията обаче що се отнася до значението ‘никак не ми стои добре нещо’, където петелът присъства в сръбското УС, а в българското е заменен от свинчето. По-горе дадохме примери за това.

Лексемата *петел* присъства в редица други УС, които обаче отново не са добавени към речника, поради което не се спираме подробно на тях.

15. УС с лексема *пуюк* (*пуйка, мисирка*) / *ћуран* (*ћурка*) / *puran* (*pura, purica*)

Чертата, която тази домашна птица предимно конотира и в трите езика е ‘надутост’, ‘надменна горделивост’, ‘суета’, ‘самовлюбеност’. Тя се изразява чрез следните УС: бълг. *надувам се като пуюк* (*пуйка, мисирка*); *надут като пуюк* (*пуйка, мисирка*)[*ходя, държа се*], сръб. *дурити се као ћуран*, хрв. *šepuriti se kao puran*. Последните две УС, а именно в сръб. и хрв., не са регистрирани в нито един речник, но се използват, поради което ги споменаваме и тук. УС с такова значение в сръб. и хрв., което присъства в речника е *као ћуран* [*ходати, понашати се*], *hodati* (*ponašati se*) *као puran*

16. УС с лексема *патка* (*пате*) / *патка* (*паче*) / *patka* (*раче*)

Тук трябва да отбележим, че в речника открихме едно единствено УС с лексемата ‘пате’, на което не открихме съответствие в сръб., а именно: *смотан като пате в калчица*. В сръб. и хрв. език това значение се изразява с УС, което не съдържа зооним, а именно: сръб. *смотан као сајла* (вид въже); хрв. *smotan kao sajla*.

17. УС с лексема *гъска* / *гуска* / *guska*

Тук откриваме по един пример и в трите езика със значение ‘държа се неинтелигентно, наивно’, а именно: бълг. *като гъски в мъгла*, сръб. *као гуске у магли*, хрв. *као guske u magli* [*ponašati se i sl.*]

От направената съпоставка можем да обобщим следното:

1. Фразеологичното богатство на сръбския и хърватския език в съпоставка с български разкрива много общностни черти в мисленето и образните асоциации на народите, говорещи тези трите езика.
2. Голяма част от УС с компонент домашно животно се базират на ирония.
3. Отрицателните качества, които най-често се изтъкват чрез УС с компонент животно са: ‘лакомия’, ‘пиянство’, ‘инат’.
4. Едно животно може да се използва от различни негови страни за различни характеристики, както и едно качество може да се свързва с различни животни.
5. Посочените в изследването примери не изчерпват изцяло ФЕ, но все пак прави впечатление, че образите на животните, които откриваме са твърде разнообразни и безспорно са обусловени от множество фактори – бит, култура, фолклор и др.

Библиография

- Кювлиева-Мишайкова, В. (1986). Устойчивите сравнения в българския език (речник)., *Изд. БАН*, София, 1986.
Ничева К., Спасова С., Чолакова Кр., (1974/75). Фразеологичен речник на българския език., София, 1974/75, т.1 и 2.
Fink-Arsovski, Ž. и колектив (2006). *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*, Zagreb, 2006.
Menac, A., Fink-Arsovski, Ž., Venturin, R. (2003). *Hrvatski frazeološki rječnik*., Zagreb, 2003.

Ана Самарцић

Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет
Нови Сад, Србија

ЈЕЗИЧКЕ ОСОБИНЕ АДМИНИСТРАТИВНОГ СТИЛА – СУДСКОГ ПОДСТИЛА У ЖАНРУ СУДСКИХ ПРЕСУДА

In this article the characteristics of the legislative and legal, i. e. juridical language of administrative style are presented, based on the analysis of the corpus which consists of fourteen court orders. Both the formal structure of the court orders and the typical characteristics of this style are presented on the morphological, lexical and syntactical level. The goal is to point out the specificity of this functional style by using a variety of linguistic means for the depersonalization and passivization of sentences and to indicate the deficiencies in style and spelling.

Key words: administrative style, juridic language, court order, morphology, lexicology, syntax.

1. Увод

1.1. Предмет, корпус и циљ

У раду су представљене карактеристике законодавно-правног, односно судског подстила административног стила на основу анализе корпуса који чини четрнаест судских пресуда међу којима су првостепене пресуде прекршајног суда, другостепене пресуде вишег прекршајног суда, кривична пресуда основног суда и привредна пресуда привредног суда за казнене деликте као што су прекршаји, кривично дело и привредни преступ. Представљена је формална структура судских пресуда, али и карактеристичне црте судског подстила на морфолошком, лексичком и синтаксичком језичком нивоу са циљем да се укаже на специфичности овог стила кроз употребу различитих језичких средстава којима се постиже пасивизација и деперсонализација исказа. Пажња је усмерена и на стилске и правописне недостатке у организацији пресуде.

1.2. Административни стил

Административни стил је један од стилова настао функционалним раслојавањем језика. Његове основне одлике јесу стандардизованост и унифицираност. „Стандардизација подразумева примјену јединствених норми приликом састављања докумената, а унификација једнообразну израду са максималним бројем заједничких елемената” (Тошовић 2002: 291). С обзиром на то да административни текстови служе за званичну комуникацију између установа, државних органа, државника и слично, развила су се мање-више строга правила или шеме са циљем да таква комуникација буде ефикасна у што краћем периоду (Катнић-Вакаршић 1999: 31).

Административни стил покрива различите области, тако да се унутар овога стила може разликовати неколико (под)стилова: 1) законодавно-правни, 2) пословни, 3) дипломатски, 4) индивидуално-потврдни, 5) кореспонденцијски и др. (Тошовић 2002: 287). Нешто другачију класификацију у погледу терминологије приказује Љубица Андријанић (2009: 15) која издваја законодавно-правни, друштвено-политички, дипломатски, пословни и персонални подстил административног стила. Судска пресуда се реализује као дискурс монолошког типа и има директивни карактер с обзиром на то да се комуникација одвија једносмерно, од онога који доноси одлуку, судије, ка ономе коме је та одлука намењена, окривљеноме.

2. Формална структура

Према формалној структури судске пресуде могу се поделити на: а) пресуде којима се изриче казна (првостепене пресуде, кривична пресуда и привредна пресуда) и б) пресуде којима се потврђује или укида првобитна пресуда (другостепене пресуде).

У горњем левом углу пресуда налази се грб Републике Србије као симбол државе, државне власти и регулативне моћи правног система, док се у делу који почиње формулацијом У ИМЕ НАРОДА дају основне информације о пошиљаоцу, примаоцу поруке и казненом деликту. Следи део назван ПРЕСУДА (у два случаја се појављује *Решење*) у коме се наводе информације о окривљеноме. Уколико се пресуда изриче правном лицу, наводе се подаци о његовом пословању и нето заради. У свакој је пресуди обавезан податак о кажњаваности, односно некажњаваности. У другостепеним пресудама се наводи да ли се жалба на пресуду усваја или одбија. Део обележен поднасловима типа КРИВ ЈЕ, КРИВИ СУ, ОДГОВОРАН ЈЕ, ОДГОВОРНА ЈЕ, ОДГОВОРНИ СУ, ОСЛОБАЂА СЕ КРИВИЦЕ детаљно описује казнени деликт. Другостепене пресуде никад не садрже овај део. У пасусу који започиње са ОСУЂУЈЕ, КАЖЊАВА, ИЗРИЧЕ СЕ или УТВРЂУЈЕ СЕ детаљно се дефинише казна предвиђена за одговарајући казнени деликт било да је новчана или затворска. **О б р а з л о ж е њ е** је главни део сваке пресуде и у њему се наводе све појединости везане за казнени деликт и начин његовог санкционисања. ПОУКА О ПРАВУ НА ЖАЛБУ, УПУТСТВО О ПРАВУ НА ЖАЛБУ, ПОУКА О ПРАВНОМ ЛЕКУ или ПОУКА О ПРАВНОМ ЛЕКУ – ЖАЛБИ јесте непроменљиви део пресуде. У другостепеним пресудама се наводи да

жалба није дозвољена против изречене пресуде. Последњи део се састоји од печата институције и потписа надлежног судије, а у неким случајевима и записничара.

Графичка организација оваквог правног текста доприноси већем степену видљивости његових делова чиме се читаоцу олакшава распознавање његове структуре и садржаја (Klikovac 2008: 250). Подела текста на пасусе, постојање подналова, али и величина и одређени тип слова читаоцу олакшавају читање документа. „Велика пажња у административном стилу поклања се тачности и прецизности навођења података, па се често број пише и бројем и словима...” (Katnić-Bakaršić 1999: 33).

3. Морфолошка структура

Административни стил има изразито номинални карактер. Иако доминирају апстрактне и девербативне именице, употреба глагола није ретка у жанру судских пресуда. На основу три пресуде израчунат је индекс фреквенције личних глаголских облика. Укупно се у три пресуде перфекат појављује 181 пут (47,63%), презент 165 пута (43,42%), футур I 27 пута (7,11%), футур II и потенцијал само у једном примеру (0,26%), док је плусквамперфекат забележен у две пресуде пет пута (1,32%).

Висок проценат употребе перфекта може се тумачити чињеницом да се текст пресуде односи на догађаје који су се одиграли у прошлости. Овде је најчешће реч о његовој употреби у оквиру партиципског пасива. На висок проценат употребе перфекта утиче и понављање истих глагола у овом облику, а то су најчешће *утврдити* и *ценити*.

Презент је употребљен апсолутно и то углавном у оквиру имперсоналних конструкција: *жалба се одбија*, *потврђује се пресуда*. Најчешће се у презенту појављује модални глагол *моћи* у оквиру сложеног глаголског предиката уз инфинитив или немобилни презент.

Употреба футура I везана је за регулативну функцију пресуде и има модална значења намере (*трошкови ће се наплатити*) и уверености (*у уверењу да ће се [...] постићи циљ и сврха кажњавања*). Футур се појављује и у оквиру кондиционалних клауза: *Уколико окривљени у датом року не плати изречену новчану казну, иста ће се [...] заменити у казну затвора...*

Потенцијал и футур II забележени су само у једном примеру, а плусквамперфекат неколико пута у оквиру пасивних конструкција које се састоје од помоћног глагола *бити* у перфекту и трпног глаголског придева. Глаголи су углавном употребљени у 3. лицу и најчешће у пасивној дијатези (у оквиру рефлексивног или партиципског пасива), што доприноси безличности у саопштавању информације као једној од типичних одлика овог функционалног стила.

4. Лексичка структура

Административни функционални стил одликује сиромашан избор лексике. Никаква или слаба емоционалност, неекспресивност и изражена шаблонизација не дају широке могућности за употребу ријечи различитих стилских слојева. У типичним представницима овог стила (административно-правним документима) фактички постоје само двије врсте лексике: општеупотребна и термилошка” (Тошовић 2002: 293). Жанр судских пресуда карактерише употреба правних термина и израза: *акт, бранилац, веће, доказ, жалба, закон, законски пропис, записник, извештај, изјава, изрека, исказ, истражни поступак, казна, кривични поступак, кривично дело, неосуђиван, огласити кривим, одбрана, одредба, окривљени, окривљено лице, оптужница, орган, очевидац, правоснажност пресуде, предмет, прогласити кривим, расправа, сведок, службено лице, став, странка, суд, судија, судски поступак, тешко дело, условна осуда, физичко лице, члан*.

Административни текстови теже сажетости, објективности и прецизности, што их повезује са научним стилем. На основу сагледавања образложења пресуде, може се закључити да у њему не само да не постоји сажетост него су нарушени сви принципи јасноће текста, а често се због предугих реченица губи нит и нарушава логичност исказа. Пошто образложење садржи и исказ окривљеног, овај део пресуде може садржати колоквијализме, експресивну лексику и изразе фамилијарног карактера. У овом смислу се дати стил може повезати и са разговорним: *Окривљени је приликом саслушања изјавио да је тачно [...] и то да је на овај стадион унео четири лименке пива од 0,5 л, да није знао да је то толико страшно кад неко унесе алкохолно пиће на стадион то јест у спортски објекат као и да није имао намеру да ствара проблеме ни себи ни другима већ је хтео да погледа утакмицу клуба за који навија, па да иде кући да купа дете*. Једино се у овом делу може чути и глас окривљеног, који ради одбране користи речи које ће утицати на ублажавање казне и у изјави се позива на породицу, своја искрена осећања и кајање због почињеног прекршаја. Лични став састављача документа уочава се у последњем пасусу, где се износи да су у обзир узете и личне прилике и држање починиоца након учињеног прекршаја: *Приликом одлучивања о санкцији судија је имала у виду да је окривљени искрено признао прекршаје...*

Императивност је битна особина правних текстова, што указује на то да учесници комуникације нису равноправни у погледу моћи. На лексичком плану треба забележити и лексеме и устаљене изразе који изражавају обавезу окривљеног, односно вољу законодавца (*одговоран, дужан, обавезује се одн. кажњава се, ставља на терет, оглашава се одговорним*) (Klikovac 2008: 251–252). Судском стилу је

својствена прескрипција зато што је његова основна улога као институције да предложи или да изазове друштвено пожељна понашања (Lastra Lastra 1998: 4–5).

Полисимија и синонимија не одликују овај стил. Синоними се избегавају са циљем да се на прецизан и недвосмислен начин саопште одређена чињенична стања, стога се може уочити образац писања законодавно-правних текстова у којима се понављају исте речи и реченице. Избегавање синонима је разумљиво из аспекта законске регулативе којом је тачно одређено како треба називати одређене појмове. Синонимија је ограничена употребом термина који су неутрални и притом несинонимни (особина да се остварује веза појма само са једним термином унутар предметног поља) (Драгићевић 2007: 21). Уколико се синоними појаве, они имају неутралну вредност. Варијације постоје у употреби везника *ако* и *уколико*, предлога *током* и предлошко-падежне конструкције у функцији предлога у *току*, као и израза *прогласити кривим* и *огласити кривим* и сл.

5. Синтаксичка структура

5.1. Проста и сложена реченица

Бранко Тошовић (2002: 295) наглашава да у административном стилу доминирају просте реченице, а да функцију реченице могу преузети и различити изрази и конструкције, односно кондензоване синтагме. Анализирани корпус показује да се предикат, тачније, читава реченица упрошћава употребом средстава за кондензацију, али да ипак просте реченице не доминирају, штавише, врло су ретке. Употреба простих реченица, и то углавном у пасивној дијатези, типична је за почетак и крај документа, док сложене доминирају у осталим деловима. Када је реч о независносложеним реченицама, најчешће се срећу оне у саставном односу, нешто ређе у супротном. Од зависних су најфреквентније релативне рестриктивне клаузе, потом различити типови допунских, интенционалне и каузалне. Остали типови клауза знатно су ретки и њихова појава варира у зависности од пресуде. Граматичка средства карактеристична за административни стил јесу кондензација која обухвата и номинализацију, пасивизација и имперсоналност исказа.

5.2. Кондензација и номинализација

Исказивање реченичних структура једном речју, односно конструкцијом представља кондензацију. Функцију кондензатора могу имати глаголски прилози садашњи и прошли (герунд I и герунд II) и девербативне и деадјективне именице. Предност кондензације јесте у томе што исказ постаје сажетији и безличнији, а информација која се преноси остаје неизмењена.

У анализираном корпусу је забележено много примера кондензације, при чему је кондензатор герунд I. Он се тестом парафразе трансформише у реченице са различитим значењима. У примеру: *... овај суд прихвата оцену изведених доказа и разлоге које је првостепени орган дао у образложењу, утврђујући да је окривљени починио прекршаје...* реконструиса се саставна реченица са значењем пропратне околности: [\Rightarrow *и притом утврђује...*]. Могуће је реконструисати и инструменталну реченицу са омогућивачким значењем: [\Rightarrow *и тиме утврђује*], или начинску реченицу: [\Rightarrow *тако што утврђује*]. Интерпретација значења зависи од контекста, а у овом случају је најадекватнија прва трансформација. Герунд се може трансформисати и у темпоралну клаузу: *Одлучујући о висини новчане казне суд је окривљенима ценио све околности...* [\Rightarrow *Док је одлучивао о висини казне*], али и у каузалну: *Крив је што је [...] не придржавајући се саобраћајних прописа тако угрозио јавни саобраћај...* [\Rightarrow *зато што се није придржавао*].

Кондензација у виду девербативних или деадјективних именица назива се номинализацијом. Уместо вербалних средстава употребљавају се номинална како би се исказала одређена информација. У појединим случајевима номинализација доприноси сажетости и имперсоналности, док у другим исказ чини статичним и кругим. Конструкције са девербативном именицом могу имати значење намере: *... окривљеном ће се доставити позив ради упућивања на издржавање изречене казне затвора...* [\Rightarrow *да би се упутио / како би се упутио...*], узрока: *... због основане сумње да су учинили прекршај...* [\Rightarrow *зато што се основано сумња да су учинили прекршај*]. Могу се реконструисати и друга значења и функције, нпр. функција субјекта: *Постојање прекршајне одговорности [...] судија је утврдила...* [\Rightarrow *Судија је утврдила да постоји прекршајна одговорност*].

Номинализација је типична особина административног стила и има предности, с обзиром на то да је реч о формалном стилу чија је тематика уопштена и за који би експлицирање глаголских значења било редундантно (Кликовац 2008: 178). Последица номинализације јесте и стварање декомпонованих предиката. То су сви двочлани предикати конструисани по моделу *Verbum* (= *glagolska kopula* или *semikopulativni glagol*) + *Nomen deverbativum* (Radovanović 1990: 53). Професор Радовановић (1990: 54) наводи да до декомпоновања долази: 1) када је реч о предикацијама приказаним лексемама врло апстрактног значења (забележени примери јесу: *вршити контролу*, *обављати контролу*, *вршити задужење*, *вршити раздужење*, *стављати на терет*, *учинити прекршај*), 2) када не постоји адекватна глаголска лексема којом би се дата предикација могла исказати, као у примерима: *бити у обавези*,

извршити обавезу, извршити увид, вршити промет, 3) када је у екстралингвистичким условима потребно саопштити податак о институционализованости акције, што илуструју примери: *известити доказе, поднети захтев, изјавити жалбу*. Код многих декомпонованих предиката дошло је до стварања чврсте везе између глаголског и именског дела, тако да се због честе употребе могу појавити и у осталим функционалним стиловима.

5.3. Пасивизација и имперсоналност

Кондензација и номинализација су у тесној повезаности са имперсоналношћу језичког израза. Реч је о тенденцији да агенс остане анониман, чему доприноси употреба пасивних конструкција и реченица са уопштеним агенсом. Анонимизација агенса се може тумачити и исказивањем моћи једне стране у односу на другу. (Radovanović 1990: 210). Она се постиже и употребом прескриптивних конструкција: *Решење доставити окривљеном...* Функцију предиката има прескриптивни инфинитив којим се исказује заповест, с тим да се испред њега може успоставити глагол *треба*.

6. Ортографија

Стандарднојезичка норма је знатно нарушена у судским пресудама. Незграпност стила и постојање различитих типова језичких грешака условљени су пре свега брзином састављања текста и ниским нивоом језичке културе његовог састављача.

У домену интерпункције запажено је непотребно гомилање или изостављање интерпункцијских знакова. Грешке у области састављеног и растављеног писања речи забележене су у примерима: *не кажњаван* уместо *некажњаван*, *у будуће* уместо *убудуће* и сл. Најчешће се уместо стандардне конструкције *у вези с(а) тим* употребљава нестандардна *у вези тога*. Веома је честа конструкција *обзиром на* уместо *с обзиром на*. Одступање од ортографске норме уочава се и код писања бројева словима, нпр. *петхиљада* уместо *пет хиљада*. Много озбиљније језичке грешке тичу се укрштања глаголских врста (*заменути* уместо *заменити*), неправилног распореда енкликтика у реченици, као и неразликовања семантичких категорија живо (+) и живо (-): *Добио је и астматичан напад, којег има од рођења...*

Правописна и језичка мањкавост се не критикују превише, нити се то очекује, зато што састављачу позиција моћи дозвољава да не познаје граматичка и правописна правила и да се уопште не труди да их поштује. „Наиме, творац текста је у начелу изложен томе да прималац текста процењује његову творевину; судија за прекршаје, међутим, може бити сигуран да га прималац неће критиковати због правописа, а ни због других особина текста – неповољна садржина текста избрисаће све друге његове особине” (Klikovac 2008: 262).

7. Закључак

У жанру судских пресуда схематизованост је уочљива на свим нивоима, почев од формалне организације текста, преко понављања одређених лексема и лексемских спојева све до понављања читавих реченица према унапред утврђеном моделу. На основу анализе употребе глаголских облика у три судске пресуде установљено је да перфекат доминира и да се појављује у 47,63% случајева, следе презент у 43,42% и футур I у 7,11%. И други се лични глаголски облици могу појавити у зависности од карактера пресуде или лица које текст саставља, али је њихова фреквенција изузетно ниска.

Због обилне употребе глаголских прилога, номиналних средстава и пасивних конструкција јасно је да се овај дискурс не може остварити као говорени, јер би статичност у нагомилавању ових средстава допринела извештачености говора. Нагомилавање номиналних средстава све више продира у разговорни језик, што представља последицу бирократизације језика, нарочито у ситуацијама исказивања моћи не само институција него и појединаца који настоје да буду интелектуално супериорни у односу на друге. Положај моћи суда као институције у односу на окривљеног може се уочити у свим сегментима судске пресуде – пасивизацији, имперсоналности исказа и употреби лексема којима се упућује на окривљеног и регулише његово понашање.

И поред тога што текстови административног стила функционишу само као писани, требало би их уредити најпре правописно и језички, а потом и стилски. Поред коректности поруке ауторитета из аспекта законске регулативе, важна је и језичка коректност која је у овом подстилу занемарена на свим нивоима употребе.

Литература

- Драгићевић, Рајна (2007), *Лексикологија српског језика*. Београд, Завод за уџбенике.
Кликовац, Душка (2008), О стилским, идеолошким и утилитарним аспектима номинализације у српском језику. *Јужнословенски филолог*. LXIV. 177–187.
Andrijanić, Ljubica (2009), *Administrativni stil, Hrvatistika (studentski jezikoslovni časopis)*. <http://hrcak.srce.hr/index.php?show=clanak&id_clanak_jezik=104323> [приступљено 4. 2. 2012].

- Katnić-Bakaršić, Marina (1999), *Lingvistička stilistika*. <<http://rss.archives.ceu.hu/archive/00001017/01/18.pdf>> [приступљено 4. 2. 2012].
- Klikovac, Duška (2008), Funkcionalni stil ili/i diskurs moći: deskriptivni kritički pristup administrativnom jeziku. U: *Jezik i moć: Oglеди iz sociolingvistike i stilistike*, Beograd, Biblioteka XX vek; Krug.
- Lastra Lastra, José Manuel (1998), *Derecho a la lengua y lenguaje jurídico*. <<http://biblio.juridicas.unam.mx/libros/2/740/5.pdf>> [приступљено 2. 2. 2012].
- Radovanović, Milorad (1990), *Spisi iz sintakse i semantike*. Sremski Karlovci, Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića; Novi Sad, Dobra vest.
- Tošović, Branko (2002), *Funkcionalni stilovi – Funktionale Stile*. Graz, Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz.

Jakub Sokół

Uniwersytet Jagielloński
Kraków, Polska

SERBSKA PRASA W LÉČE 1919 NAPŘEČO PRÓCOWANJAM SERBOW WO NJEWOTWISNOŚĆ

After the first world war the Sorbs tried to establish their own state in Lusatia. The Sorbian press supported this idea. The Sorbo-Lusatian newspapers, like „Serbski Dženik”, „Katolski Posol”, „Serbske Nowiny” and „Serbske Słowo” informed about events related to efforts to create the Sorbian state, published the Sorbian and German statements and commented them. The press called also the Sorbian people to support the idea of creating the independent Sorbian state.

Key words: Sorbs, Lusatia, newspapers, independent Sorbian state

Po přenjej swětowej wójnje Serbja so wo wutworjenje swojskeho stata prócowachu. Bě to móžno, dokelž Němska bě wójnu přehrała, tohodla jewješe so nadžija na wuswobodjenje serbskeho naroda. Serbskorěčna prasa podpěrowaše tutu ideju, štož zwuraznješe w tójšto nastawkach a komentarach. Bě tam widzeć nastajenje redakcijow, kotrež wuprajachu so direktnje za samostatnym serbskim krajom a skutkowanjom Serbskeho narodneho wuběrka, kotryž so 13. nowembra lěta 1918 w Budyšinje založi. Z iniciatiwy Wuběrka nastanje potom Serbski zwjazk, kotryž je rólu zastupnistwa cyłego serbskeho naroda pjelnić měł. K Zwjazkej přistupi někak 36 tysac člonow [Cygański, Leszczyński, 1995: 178]. Serbja so nadžijachu, zo měrowa konferenca w Parizu so k jich žadanjam přichili, a postaji serbski stat wutworić, štož njeje so skónčnje poradžilo. Wulka ličba nastawkow w serbskich nowinach wěnowanych tutej tematicce znjemóžnja nadrobne předstajenje diskusijow we wobłuku krótkeho teksta, tohodla počah serbske prasy w léče 1919 k serbskim prócowanjam wo njewotwisnosć budže předstajeny na zakładze wubranych artiklow a wozjewjenjow, kotrež su w „Serbskim Dženiku”, „Katolskim Posole”, „Serbskich Nowinach” a „Serbskim Słowje” wuše.

„Serbski Dženik” wuńdže přeni raz w decembru lěta 1919. Z wudawaćelom tuteje serbskeje nowiny běše sobudrustwo „Serbska Łužica”. Artikle buchu hornjoserbsce, delnjoserbsce a němsce wozjewjane. W přnim čisle „Serbskeho Dženika” wudatym w Bělej Wodze w decembru lěta 1919 bu *Memorandum Serbow, kak jich pšawa deje bys hustawjone pód hoplewanim zwěztko ludow* zaměstnjeny. Wón bu na Němske a Pruske Ministerstwo w Berlinje a Sakske Ministerstwo w Drježdžanach wusměrjeny. Awtorojo tutoho dokumenta naspomnichu, zo přiłoha k měrowym preliminarium předstajena Němcam wobsahuje garantiju, zo njeněmske mjeńšiny Němskeje steja w šulskich, nabožinskih a kulturnych wěcach pod škitom Zwjazka ludow. W Memorandumje skedźbni so tež, zo su Serbja domoródná ludnosć, kotraž hižo wot starych časow swoju krajinu wobsydla hinak hač němske mjeńšiny, kotrež běchu do cuzych statow přičahnyłe. W dokumenće bu napisane, zo so prawa Serbow dyrbja zarjadować, a Serbski narodny wuběrk je hižo pomjenował bě. Serbja jako samostatny lud móžeja po zdaću awtorow Memoranduma, žadać wutworjenja swojskeho stata, štož tež běchu na měrowej konferency w Parizu činili.

Mjez naspomnjenymi w dokumenće prawami, kotrež bychu měle wot Zwjazka ludow garantowane być, běše zarjadowanje serbskeho kraja naspomnjene. Serbska Łužica, kaž bu wona pomjenowana w dokumenće, by so w němskich cłowych hranicach namakała. Postulowana administratiwna jednotka by po Mukowej statistice, jeli dže wo swoju wulkosć, natwarjena była. Jako argument za to bu naspomnjene, zo njesu Serbja kaž druhe narodne mjeńšiny, ale su wosebny lud, kotryž cyły w Němskej bydli. Jeli historiska Łužica by so z prowincu a wosebnym wólbny wokrjesom stała, měla by so po přecu awtorow Memoranduma, z jednym z třoch Regierungsbezirkow (knježerskich wobwodow) stać. Prawa Serbow by Zwjazk ludow zarjadował a kontrolował. Serbja bychu po dokumenće samostatnosć w kubljanju džěci, nabožinje a kulturje w swojim kraju, a wšudže tam, hdžež su žiwi, měli.

Mjez organami, kotrež bychu so zarjadować měle, běše Ludowa rada Serbskeje Łužicy. Wona by w Budyšinje swoje sydło měla. W jeje zamołwitosći by schwalenje budgeta a dawkow było. Džěl dawkow, kotrež by němski stat we Łužicy zběrał, by Ludowej radze přisłušał. Radu bychu zapisani do serbskeho registra Serbja wuzwolowali. Wólby bychu direktnje, rowne, potajne byle. Hlós bychu mužojo a žony měli. Serbski narodny wuběrk by Serbow do časa wuzwolneja přenjeje Ludoweje rady zastupował. Přenje wólby bychu so šěsć měsacow po ličenju ludu wotměle. Rada by Narodny wuběrk mjenowała, kotryž by wukonjensku móc měl. Rěč wobeju organow by serbska była. Serbja bychu telko zapósłancow w němskim, pruskim a sakskim sejmje měli, kelkož ličbje serbskeho ludu wotpowěduje. Pod kontrolu Zwjazka ludow by so ličenje ludu we Łužicy přewjesć mělo. Wone by so kóždy pjec lět wotměwało, při čimž přenje - dvě léče po schwalenju namjetowaneho w Memorandumje traktaktu. W času ličenja by so Serbow zapisowało, a jeli dže wo Němcow a druhich - jenož tych, kotřiž so pak we Łužicy narodžili, pak bydla tam hižo znajmjeńša dwaceći lět.

Štož šulstwo nastupa, po přecu awtorow Memoranduma, bychu so serbske šule natwarić měle, w kotrychž by so serbsčina z wuwučowanskej rěču stała, při čimž wot pjateho šulskeho lěta bychu šulerjo němsku rěč obligatorisce wuknyli. W němskich šulach Serbskeje Łužicy by so obligatorisce serbsčina podawać měla.

Serbske a němske šule bychu wot stata podpěrane a dźeržane byle. W serbskich šulach bychu jenož serbscy wučerjo, direktorjo, a inspektorjo wot Narodneho wuběrka přistajeni byli. Tutón organ by tež za šulski program a knihi zamóhwity był.

W Memorandumje buchu žadanja nastupace cyrkwinske žiwjenje naspomnjene. Wšitke wosady, w kotrychž po Mukowej statistice z lět 1880-1884, bě serbska mjeńšina žiwa była, bychu serbskich fararjow dóstać měle. Tež Serbja zwonka Łužicy bychu prawo měli, sej serbsku Mšu žadać. Jeli dže wo wužiwanje serbsčiny, wšitcy sudnicy a knježerscy zastojnicy bychu tutu rěč wobknježić dyrbjeli. Hdyž bychu sudniske skórzby serbsce přednesene, potom akty a rozsudy bychu tež měle być serbsce pisane. Wšitke hamtske formulary a wozjewjenja bychu serbsce a němsce pisane byle, jeli bychu za Serbow a Němcow płaciwe byle. Gmejny ze serbskej wjetšinu bychu serbsčinu jako hamtsku rěč měle, a z němskej wjetšinu - němčinu, při čimž w gmejnach ze znajmjeńša 20-procentowej mjeńšinu, bychu oficielne wozjewjenja w serbsčinje a němčinje pisane byle. Serbska forma serbskich městnych mjenow by připóznata była. Serbja bychu prawo tworjenja towarstwow měli. Serbske wědomostne a kulturne organizacije bychu podpěru wot Serbskeho kraja a stata dóstawale. W dokumenće buchu tež prawa Serbow do burskeje samostatnosći a kupowanja zemje naspomnjene [Memorandum Serbow, kak jich pšawa deje bys hustawjone pód hoplěwanim zwěztka ludow, „Serbski Dženik”, w decembru 1919, s. 3]. Wopisany serbski stat by, kaž je widjeć, z wěstym modelom awtonomije był. Kedźbyhódne je, zo tutón Memorandum pochadžeše z kónca lěta 1919, hdyž běše hižo wědome, zo samostatny serbski stat so njewutwori.

W ludowym časopisu „Katolski Posoľ”, wudawanym wot Towarstwa swjateju Cyrila a Metoda w Budyšinje w léce 1919 je móžno było wjele nastawkow wěnowanych prócowanjam wo wutworjenje serbskeho stata přečitać. Hižo w čisle 2 tutoho časopisa z januara lěta 1919 bu *Proklamacija „Serbskoho Narodneho Wubjerka”* zaměstnjena. Kaž bu napisane, tuta organizacija je započatk januara *Proklamaciju k serbskemu ludej* přez lětace łopjeno rozesała. We wobsahu tuteje publikaciji namakachu so žadanja wutworjenja lužisko-serbskeho stata. Awtorjo nawjazachu tež na Wilsonowe zasady a na jich zakładže předstajichu swoje stejišćo. Kaž stwjerdžichu: „Lužiscy Serbja su wosebity słowjanski lud, kiž ma prawo kaž druge swobodne ludy sam sebi swój přichod twarić a wo swoje samostatne zakhowanjo a wuwico so starać. Wo tym rozsudži měrowa konferenca, kotrejž Serbja swoju wěc přepodadža” [Proklamacija „Serbskoho Narodneho Wubjerka”, „Katolski Posoľ”, č. 2, L. 57, z 11. januara 1919, s. 1]. Dokument datowaše so na 1. januara lěta 1919, a so wot předsydy Serbskeho narodneho wuběrka Arnošta Barta, městopředsydy Jurja Dučmana, pokładnika Božidara Dobruckeho a sekretara Jana Bryla podpisa. Proklamacija bu tež w čisčanych w Serbskim Domje w Budyšinje „Serbskich Nowinach” z 11. januara lěta 1919 [Proklamacija k serbskemu narodej, „Serbske Nowiny”, č. 2, L. 78, z 11. januara 1919, s. 1], a w přěnim čisle „Serbskeho Słowa” z 25. januara lěta 1919 wozjewjena [*Serbske narodne hibanje*, „Serbske Słowo”, č. 1, L. 1, z 25. januara 1919, s. 2-3].

W samsnym čisle wuńdže w „Katolskim Posole” nastawk *Serbske prašenje hižo rozsudžene?*, nawjazujcy na stejišćo zaprezentowane w němskej nowinje „Sächsischer Erzähler” z Biskopje w přěnim čisle z lěta 1919. Němski awtor napisa mjenujcy, zo je serbske prašenje hižo rozsudžene, a Čecham so Serbja njeprizamknu a zo je ententa Serbam swój škit přilubiła, a by móžno było, zo by mały serbski krajik swoje zarjadowanje po wašnju Luxemburskeje dóstał. Kaž stwjerdži redakcija „Katolskeho Posoła” po zjeću němskeho nastawka, dósta wona wot knjeza, kotryž bě tutu powesć w nowinje „Sächsischer Erzähler” přečitał dopis, kiž přistaja deleka z titlom *Je serbski kraj jako samostatny móžny?*. Serbski čitar napisa mjez druhim, mysla wo prócowarjach, z kotrychž přěcom běše wutworjenje swobodneje samostatneje serbskeje zemje, zo „cyły serbski lud stoji za nimi a njese za swoje přeswědčeno wulke pjenježne wopory” [*Serbske prašenje hižo rozsudžene?*, „Katolski Posoľ”, č. 2, L. 57, z 11. januara 1919, s. 9]. Awtor předstaji tež rodžace so dwěle, zo su Serbja přemały lud, zo bychu sej stat wutworić móhli, zo su přechudzi, a potom postaji tute wšitke dwěle do prašenja. Kaž stwjerdži: „W Serbach je pjenjez dosć; ale te su rozbrójene daloko a šěroko” [*Serbske prašenje hižo rozsudžene?*, „Katolski Posoľ”, č. 2, L. 57, z 11. januara 1919, s. 9]. Awtor doporuči, zo by so je do serbskeje banki hromadziło. Jako příklad małego stata, kotryž derje ze swojej banku džěla naspomni awtor Luxembursku. Tutón kraj, kaž tež Čornohórsku pokaza jako příkladaj, zo je móžno, zo by mały narod samostatny był. Bóle nadrobnje wopisa situaciju w Luxemburskeje, hdžež tři rěče: němska, francoska a letzeburgiska samsne prawa w sejmje maja. Awtor předstaji tež stawizniske wuwice tutoho kraja, jeho dróhu k samostatnosći, a politiske wuměnenja. Wyše toho skedźbni na wěstu lěpšinu małego stata, mjenujcy to, zo ma w nim kóždy stačan wjetši zajim za politiske wobstejnoscě, a wjetšu móžnosć wobdźělenja so na politiskim žiwjenju. Nimo toho, w Luxemburskeje nima wójska, a wójskeje služby, štož je za jednotliwego stačana z wulkej lěpšinu. Mjezynarodny zakon garantuje samostatnosć tajkeho kraja. Dale napisa awtor wo nowinach w Luxemburskeje a stwjerdži, zo bychu Serbja dyrbjeli po příkladze tutoho kraja postupować, a dwaj dženikaj wudawać. Jako hłownu winu, zo njebě so to hišće stało, naspomni awtor džělenje Serbow do wjele administratiwnych jednotkow. To by so pak přewinylo, jeli by zjednočeny serbski stat nastał. Jeli dže wo šulstwo, awtor namjetuje tohorunja postupowanje po mustrje Luxemburskeje, mjenujcy nimo tworjenja swójskich šulow, štož nastupa wysokošulske wukublanje, zarjadowanje krajneje komisije, před kotrejž by kóždy, štož chce w serbskim staće zastojnstwo dóstać, swoje pruwowanja wotpožił. Serbja bychu přjedy we wukraju

studować móhli, a potom we Łužicy džěłać. Skónčnje, kaž stwjerdži awtor nastawka: „Tež mały narod móže sebi samostanty kraj wutoworić, móžno to je. Štož pak je druhim móžno, čehodla nic nam? Lěpje hać hdže bychmy potom sebi swoju wěru a narodnosć škitać móhli. Bóh Wjeřšny chcyl nas prawje wjesć a naše zbožo twarić. Prošmy joho wo to; samo pak tež po svojich mocach k tomu přinošujmy” [*Serbske prašenje hižo rozsudžene?*, „Katolski Posoł”, č. 2, L. 57, z 11. januara 1919, s. 10]. Tute słowa běchu z wuraznej namołwu k prócy wo wutworjenje serbskeho stata. Awtor chceše, zo bychu čitarjo z tutej ideju přezjedni byli.

Nimo optimizma, kotryž je widžec w runje předstajenym nastawku, „Katolski Posoł” pisaše potom, zo njeje přichod Łužicy wěsty. W krótkimaj powěšcomaj z 18. januara lěta 1919 napisa redakcija, zo hakle měrowa konferenca to rozsudži, a „přez nóc so tajke wěcy zřadować njedadža a płody zjewić njemóža” [*Měrowa konferenca*, „Katolski Posoł”, č. 3, L. 57, z 18. januara 1919, s. 14]. Potom bu tež napisane, zo bu wozjewjene, zo so Serbska republika wutowori, z kotrejež prezidentom budže justicny radźičel dr. Herrmann, a z hłownym agitatorom Arnošt Bart. Redakcija zdžěli zdobom, zo bě sam Herrmann to, štož jeho nastupa, jako bludnosć pomjenował [*Serbska republika*, „Katolski Posoł”, č. 3, L. 57, z 14. januara 1919, s. 14].

W „Katolskim Posole” namakachu so tež wozjewjenja přećiwnikow serbskeho stata, na přikład budyskeho wyšeho měščanosty Niednera. 16. januara lěta 1919 napisa wón mjez druhim: „Přećiwo prócowanjam jenoho džěla Łužiskich Serbow, serbsku republiku wutoworić - dotal njejsmy tele prócowanja za krute měli, po najnowšich powěšcach časopisow pak na jich strašnosći za saksku wótcinu wjacj njemóžemy - najwótrišo protestujemy” [*Ze serbskim hibanjom*, „Katolski Posoł”, č. 4, L. 57, z 25. januara 1919, s. 20]. Dale Niedner předstaji argumenty přećiwo serbskej samostatnosći. Bě tu tež widžec strach Němcow, štož rěka, zo su woni tutu ideju za cyle móžnu měli. Wyši měščanosta stwjerdži mjez druhim: „Němske wobydleřstwo Budyšina a cyleje Hornjeje Łužicy wobkedžbuje ze sapacej rozhorjenosću tele prócowanja jenoho džěla Serbow, so samostatnosć sćinić a Němcowstwu w joho z wójny nastatej nuzy do khribjeta padnyć, hdyž su sebi Serbjja tola w časach, hdyž bě Němska sylna a mócna, lubić dali, zo mějachu podžěl na wužitkach tež za nich z toho nastawacych” [*Ze serbskim hibanjom*, „Katolski Posoł”, č. 4, L. 57, z 25. januara 1919, s. 20].

Wokrjesny wuběrk hamtskeho hejtmanstwa Budyskeho, Kamjenskeho, Lubijskeho a Žitawskeho tež raznje wotpokaza namjet wutworjenja serbskeho stata. Kaž mjez druhim wozjewi 17. januara lěta 1919, hornjołužiske „wobydleřstwo, tež serbskeje narodnosće, přihłosuje z přesahacej wjetšinu myšličky wo jednoće němskeje wótciny”, a „Němska je naša domizna a naš přichod” [*Ze serbskim hibanjom*, „Katolski Posoł”, č. 4, L. 57, z 25. januara 1919, s. 20].

Hamtskej wozjewjeni njewostachu bjez serbskeje wotmołwy, kotruž bě tež w „Katolskim Posole” čitać móžno. W mjenje Narodneho wuběrk a Bryl stwjerdžištaj mjez druhim, zo „Pruscy Serbjja maja hižo přez lětsotyki pod brutalnym přeněmčowanjom w cyrkwi a šuli ćerpjeć. Sakskim Serbam so jich wot krala a knježerstwa swjatočnje přilubjene prawa za rěč a narodnosć, kotrež jim samo wot so přistoja, dzeržaše njejsu” [*Narodny wubjerk*, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 27]. Tutaj prócowarjej zwurazništaj tež nadžiju, zo so wutworić serbski stat poradži: „Nětko dawa dobroćiwosć a wšohomóć Božeje předwidziwosće wutworjenje dónta jenoho ratařskoho ludu jomu samomu do ruki. My so jenož mócneje hodžiny swětowego přewróta přimamy” [*Narodny wubjerk*, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 27]. Deleka zaměstni redakcija „Katolskeho Posoła” swój komentar k wozjewjenju Barta a Bryla. Tam so zdžěli, zo w Budyskimaj nowinomaj bě wotmołwa na naspomnjene serbske wozjewjenje. Němcy stwjerdžichu mjez druhim, zo serbske hibanje njeje loyálne napřećo Němskej, byrnjež ma so po podpisaných wot Němskeje Wilsonowych dypkach. Citowany wot „Katolskeho Posoła” němski argument běše, zo: „Němska je jenož přez wobstojnosće nanajbóle k tomu nuzowana, za připóznać samozarjadowanja ludow a narodow so wuznała”. Redakcija wuraznje skritizowa němske stejišćo, pisajo mjez druhim: „Ze wšoho je jasnje spóznać, zo Němcej móžno njeje, na jenu wěc hinak hać ze swojoho sebičneho stojnišća hladać; za sprawne potrěbnosće druhoho naroda nima dorozemjenja” [*Narodny wubjerk*, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 28].

Hinaši komentar redakcije bě, zo chcedža Němcy sami wšelake serbske žadanja spjelnić, zo by serbska wěc jenož „znutřikoněmska” wostała, a nic mjezynarodna. Potom namakachu so scěhowace słowa: „To pak tež my wěmy, a tohodla žadamy sebi rozsudžjenje serbskich naležnosćow po Wilsonowych dypkach na měrowej konferency” [*Sakski ministerium a serbske hibanjo*, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 28]. Takle sformulowane stejišćo swědči wo tym, zo podpěrowaše „Katolski Posoł” ideju wutworjenja serbskeho samostatneho stata. Hinaši dopokaz za to bě tež nastawk *Móža małe krajiki samostatne być?*, w kotrymž redakcija wuraznje wotmołwi na postajene w titlu prašenje, zo je to móžno, a zaprezentowa sedym přikładow tajkich małych statow [*Móža małe krajiki samostatne być?*, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 29].

Wo hižo naspomnjenym protesće němskich hamtow pisaše so tež w „Serbskich Nowinach”. Redakcija zaměstni swój komentar, w kotrymž podpěrowaše ideju wutworjenja serbskeho stata. Najprjedy naspomni nowinar potłóćowanje serbskeho luda, a dotalnu germanizatorisku politiku, potom stwjerdži, zo „ničto prawo nima, Serbam wobarać, hdyž sebi nětko swój samsny stat založa” [*Protest Budyskeje měščanskeje rady a wokrjesneho wubjerk a Žitawskeho hamtskeho hejtmanstwa přećiwo wotdžělenju Łužicy wot Němskeje*, „Serbske Nowiny”, č. 3, L. 78, z 18. januara 1919, s. 20].

Za wutworjenje samostatneho serbskeho stata wupraji so tež redakcija hižo naspomnjeneho „Serbskeho Słowa”. Tutón časopis započa w léće 1919 w Drježdžanach wuchadžeć. Jako komantar k zaměštnjeneje *Proklamaciji k serbskemu narodej Serbskeho Narodneho Wubjerka*, bu napisane mjez druhim: „Serbja nimaja wotpohlada, w němskim mócnarstwje zwostać, ale tež nic, z Čechami republiku wutworić; woni přeja sebi lužiske swobodne mócnarstwo z narodnym dwójnym zarjadnistwom. Za tute žadanje su wšitcy Serbja wobeju wěrywuznaćow [*Serbske narodne hibanje*, „Serbske Słowo”, č. 1, L. 1, z 25. januara 1919, s. 3].

Kaž je widžeć, štyri naspomnjenje horjeka nowiny su so za samostatny serbski stat wuprajiše. Nowiny informowachu wo aktuelnych podawkach, zwjazanych z tutej tematiku, publikowachu wšelakore wozjewjenja, tež přećiwo Serbam wusměrjene, ale w nastawkach a komentarach redakcijow, so serbske prócowanja podpěrowachu, abo samo nowinarjo namołwjachu svojich krajanow k sobudžělu při boju wo njewotwisnosć domizny. Redaktorjo husto kritizowachu němske stejišća wusměrjene přećiwo prócowanjam wo serbski stat jako sebične a njesprawne. Nowinarjo naspomnjachu tež dotalne potłóčowanje a germanizatorisku politiku wjedzenu wot němskich wyšnosćow. Nastajenje prasy a popularita Serbskeho narodneho wuběrka a Serbskeho zwjazka pokazujetej, zo mjez Serbami nadžija na samostatnosć běše žiwa nimo dotalnej někak tysacletnej njeswobody pod knjejestwem Němcow. Štož je tež kedźbyhódne, w němskich wozjewjenjach twjerdžeše so husto, zo je wjetšina Serbow přećiwo samostatnemu serbskemu statej, a serbske časopisy prezentowachu cyle hinaše stejišćo. Bjezdwěla ideja njewotwisnosći je so jara wulkemu dželej serbskeho naroda lubila.

Bibliografija

- Cygański M., Leszczyński R., *Zarys dziejów narodowościowych Łużyczan*, Opole 1995
Memorandum Serbow, kak jich pšawa deje byś hustawjone pód hoplewanim zwěztka ludow, „Serbski Dženik”, w decembru 1919, s. 3-4
Měrowa konferenca, „Katolski Posoł”, č. 3, L. 57, z 18. januara 1919, s. 14
Móža male krajiki samostatne być?, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 29
Narodny wubjerk, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 27-28
Proklamacija „Serbskoho Narodnoho Wubjerka”, „Katolski Posoł”, č. 2, L. 57, z 11. januara 1919, s. 1
Proklamacija k serbskemu narodej, „Serbske Nowiny”, č. 2, L. 78, z 11. januara 1919, s. 1
Protest Budyskeje měšćanskeje rady a wokrjesneho wubjerka Žitawskeho hamtskeho hejtmanstwa přećiwo wotdželenju Łužicy wot Němskeje, „Serbske Nowiny”, č. 3, L. 78, z 18. januara 1919, s. 20
Sakski ministerium a serbske hibanjo, „Katolski Posoł”, č. 5, L. 57, z 1. februara 1919, s. 28
Serbska republika, „Katolski Posoł”, č. 3, L. 57, z 18. januara 1919, s. 14
Serbske narodne hibanje, „Serbske Słowo”, č. 1, L. 1, z 25. januara 1919, s. 2-4
Serbske prašenjo hižo rozsudžene?, „Katolski Posoł”, č. 2, L. 57, z 11. januara 1919, s. 9-10
Ze serbskim hibanjom, „Katolski Posoł”, č. 4, L. 57, z 25. januara 1919, s. 20

Afroditi Solomou, Aikaterini Lykoudi, Maria Chasapaki

*National and Kapodistrian University of Athens, Faculty of Slavonic Studies
Greece*

FOLKLORE: COMPARISON OF GREEK AND RUSSIAN FOLKTALES

This article presents the findings of a comparison between a Greek and a Russian folktale. Through the centuries, folktales have always been a source of expression. However, their pedagogical value still remains a controversial issue. The efficacy of a story, depends on its context and on the parties involved. The comparison was based on the morphological approach supported by Vladimir Propp. In order to provide an answer to the question of similarity amongst the tales of different countries, he listed thirty-one functions that are repeated in most of the tales. The folktales that we compared are entitled "Myrsina" (Greece) and "Snegurochka" (Russia). These two tales have common elements and taking into account the functions of Propp, we can identify many of these functions.

Key words: Folktale, Fairytale, Comparison, Pedagogical value, Morphological approach, Thirty-one functions

Introduction

Folklore, according to Dundes and others, consists of epics, myths, legends, fairytales, fables, proverbs, music, jokes, popular beliefs and customs that are the traditions of a culture. The word "folklore" was first used by the English antiquarian William Thoms in 1846. In usage, there is a sequence between folklore and mythology. Folklore can be divided into four areas of study: artifact (such as voodoo dolls), describable and transmissible entity (oral tradition), culture and behavior (rituals). In our study we concentrate on the oral tradition. With the term "oral" we refer to the tradition that is formed by the stories that people formulate and carry along as part of their cultural freight. These stories are usually told by the people.

"Folktale" is a general term for different varieties of traditional narrative. There can be both a moral and psychological scope to folktales, as well as entertainment value, depending upon the nature of the teller, the ages of the audience members and the overall context of the performance.

Greek folktales

Fairytale is a fictitious narrative which often makes a metaphorical use of an animal as the central character or imports stereotypical characters such as the "trickster" or the "valiant". The Greek word "παραμύθι" [paramythi] which is the equivalent for fairytale is as old as history itself. We first meet it in the Homeric verb "παραμυθέομαι" [paramytheomai] with the meaning of counsel. It also appears in some texts of Herodotus and Plato with the meaning of console.

Through the centuries fairytales has proved to be an inexhaustible source of imagination and expression as well as a means of teaching. In common sense the word "fairytale" is connected to the classical tales of Cinderella, Snow White and all the other tales like them which are believed to have been created only to entertain young children. A common characteristic of tales is the scarcity or complete lack of average or ordinary daily situations. All heroes take things to extremes and of course they are in no way ordinary persons. They are either very good, very rich, very beautiful or exactly the opposite to a great extent.

A lot of people confuse fairytales with myths. However there is a great difference between these two. Fairytales are fanciful stories containing archetypal characters told for didactic (teaching) purposes. They typically illustrate moral principles. They usually do not contain more than superficial references to religion and actual places, persons or events; they take place "once upon a time" rather than in any actual identifiable time period. As far as myths are concerned, in the modern language, the word "myth" and "mythology" are synonymous with a fiction or a lie. But in the ancient Greek language, the word "μύθος" [mythos] meant a "traditional tale". These tales were usually about gods and heroes and appeared to be true stories about the ancient past.

As we refer to Greek folklore we could not leave unmentioned the Greek Myths. We have to understand that Greek myths have been around for centuries and were only written down around 800 BC. The ancient Greeks were polytheistic in their religious beliefs. This means that they believed in and worshiped many different gods. In Greek mythology, the gods often represented different forms of nature. The most powerful Greek gods were known as the Olympians. The Greeks believed that the 12 Olympians lived on the highest mountain in Greece, Mount Olympus. The Olympian gods included: Zeus, Hera, Apollo, Aphrodite, Poseidon and others.

In Greek antiquity the two major epics are the "Odyssey" and the "Iliad". Linguistic and historical evidence shows that these poems were composed in the Greek settlements on the west coast of Asia Minor (today Turkey) in the 9th century BC by Homer.

We should admit that the ancient Greeks were not flawless. However, they accomplished an insurmountable quantity of the development of all things, which later set basis for the society of Western

civilization. The Greeks were a huge influence on speech, schooling, philosophy, government, science, art and poetry.

Russian folktales

Tale or fairytale is an oral account of fictional events, the notion of which does not really exist. There are three main types of Russian folktales: magical, household and children's stories about animals.

Magical Fairytales

In this type of fairytales the person communicates with beings which normally cannot be found in life such as Koschei the Immortal, Baba Yaga and a many-headed serpent. Some magical objects often come into the hands of people, for instance a ball, a purse-samotrys and others. In these tales everything is possible. Fairytales of this type begin with the fact that the main character leaves his home for some reason and he abandons the real world. Whatever a character of a fairytale does, most often occurs in a strange world. In Russian fairytales we can have an idea of the daily Russian life as the characters themselves are Russian.

The fairytale world is the world of polytheism where we can find characteristics of Paganism. For example a man is trying to help or hinder the ancient rulers of the elements that are the forces of nature: the Sun, the Moon, the Wind, the Frost, the Water and the Sea.

The main hero of the tale is always young. Many fairytales talk about military heroism. However, the fairytale characters neither do fight for Russia, nor for the Russian land. They bring to the king any wonderful thing they find.

Household Tales

These tales appeared much later than the magical ones. Novelistic story accurately conveys the life and the conditions of people's lives. Here, things that occur in the everyday life can happen. Tales respect the good, skilled workers while they present the bums as ridicule.

Furthermore theft is quite acceptable too. In all old legends and myths the heroes who brought to humanity some knowledge and craft had stolen them from superior beings or Gods. Probably the most popular heroes of these tales are soldiers. Soldiers usually return home after 25 years of service (which is why they are always old men). On their way back home, many adventures take place. In this kind of tales by the end of each story, the truth is revealed and the justice is restored. The hero often achieves a victory in a battle with a powerful weapon. There are no miracles.

Tales about animals

Tales about animals, as well as fairytales, date back to the ancient times. They reflect the forgotten beliefs. In ancient times, such tales were told during the hunting season and they had a magical significance. They talk about the habits and the antics of ordinary adventures of wild and domestic animals, birds and fish. Moreover, there are about 50 different plots of fairytales about animals. Their heroes are a fox and a bear, a fox and a rooster. They very often talk about the relationship between foxes and wolves.

To sum up, reading a story, a man puzzles, experiences and when finally the story ends well, he has fun, like with any other good book. Tale today is not a fragmented memorial from the distant past. It is a bright, lively part of our national culture.

The morphological approach according to Vladimir Propp

A crucial issue that preoccupied the scientific world is the origins of tales. There have been many theories but none of them has been adopted as a specific form to answer the question of origin. In the beginning it should be mentioned that when we refer to the origins of tales there are two approaches: the genetic and the morphological. The genetic approach deals with the place where the tale was born and the way it was transmitted. The morphological approach concentrates on the form of the tale, its structure and its relation with the environment. Russian Vladimir Propp (1895-1970) analyzed many of his country's folktales and identified common themes within them.

First of all, there seem to be at least two distinct types of structural analysis in folklore. One is the type of which Propp's Morphology is the exemplar par excellence. In this type, the structure or formal organization of a folkloristic text is described following the chronological order of the linear sequence of elements in the text as reported from an informant. The other type of structural analysis in folklore seeks to describe the pattern which allegedly underlies the folkloristic text. This pattern is different from the sequential structure.

It is true that folktales around the world have got the same or similar context. Vladimir Propp's morphology is useful not only in understanding Russian folktales but pretty much any other stories. According to Propp, we should first define what tales are in order to identify their context. In his work, the *"Morphology of the Folktale"*, he concentrates in the stable values and in the persons' actions. That happens as follows:

1. Functions of characters serve as constant elements in a tale, independent of how and by whom they are fulfilled. They constitute the fundamental components of a tale.

2. The number of functions known to the fairytale is limited.
3. The sequence of functions is always identical.
4. All fairytales are of one type in regard to their structure.

Propp broke up fairytales into sections. There is usually an initial situation, after which the tale takes the following thirty-one functions. He used this method to decipher Russian folklore and fairytales. His 31 functions are the following (Propp 1928:25):

1. ABSENTATION	A member of a family leaves the safety of the home environment
2. INTERDICTION	An interdiction is addressed to the hero
3. VIOLATION of INTERDICTION	The interdiction is violated
4. RECONNAISSANCE	The villain makes an attempt at reconnaissance
5. DELIVERY	The villain gains information about the victim
6. TRICKERY	The villain attempts to deceive the victim
7. COMPLICITY	Victim taken in by deception, unintentionally helping the enemy
8. VILLAINY or LACK	Villain causes harm to family member
9. MEDIATION	Misfortune or lack is made known
10. BEGINNING COUNTER-ACTION	The hero now decides to act
11. DEPARTURE	Hero leaves home
12. FIRST FUNCTION OF THE DONOR	Hero is tested
13. HERO'S REACTION	Hero reacts to actions of future donor
14. RECEIPT OF A MAGICAL AGENT	Hero acquires use of a magical agent
15. GUIDANCE	Hero is transferred
16. STRUGGLE	Hero and villain join in direct combat
17. BRANDING	Hero is branded
18. VICTORY	Villain is defeated
19. LIQUIDATION	Initial misfortune is resolved
20. RETURN	Hero returns
21. PURSUIT	Hero is pursued
22. RESCUE	Hero is rescued from pursuit
23. UNRECOGNIZED ARRIVAL	Hero unrecognized, arrives home
24. UNFOUNDED CLAIMS	False hero presents unfounded claims
25. DIFFICULT TASK	Difficult task proposed to the hero
26. SOLUTION	Task is resolved
27. RECOGNITION	Hero is recognized
28. EXPOSURE	False hero or villain is exposed
29. TRANSFIGURATION	Hero is given a new appearance
30. PUNISHMENT	Villain is punished
31. WEDDING	Hero gets married and ascends the throne

In the 100 tales that Propp analyzed, he also claimed that the characters could be divided into 7 character functions, like the villain who fights against the hero, the dispatcher who makes the lack known and the (magical) helper that helps the hero in their quest. These roles could sometimes be distributed among various characters.

Propp has been both lauded for his structural approach and criticized for his lack of sensitivity to subtle story elements such as deeper context. One of the most prominent critics of Propp is the French structuralist Claude Lévi-Strauss. Nevertheless, Propp's analysis is very useful in understanding both ancient and modern stories.

The application of Propp's morphological approach in Greek and Russian folktales

We will try to approach two folktales, one from Russia and one from Greece. We will rely on Propp's morphological approach to whom we referred before.

First of all, we will present a summary of the tales, in order that the reader understands what the stories are about. At first, the Greek folktale entitled "Myrsina" or "Myrtle" (Megas 1970:106) is presented. "Once upon a time, there were three orphaned sisters. The two elder were jealous of the youngest. They were constantly asking the sun to tell them who is the most beautiful of all. One day, the sun declared three times that it was Myrsina. So the sisters trapped her by telling her that she should follow them to the woods in order to honor their mother with a memorial. When they arrived at the grave, they exclaimed that they had forgotten the shovel and

so they could not plant any flowers. The two oldest sisters went back for it and poor Myrsina was left alone. She started crying when an old tree heard her and told her to roll her bread down the hill and follow it so she did. The bread landed outside of a house and Myrsina got in. There, lived twelve brothers, the Months. Myrsina did the housework and remained hidden in a corner so they would not find her. The Months were wondering who was doing it so one day, the youngest brother stayed behind and hid in order to find out. He caught Myrsina and the Months decided to keep her in their house and treat her as their sister. She took care of them and they loved her. When her sisters found out that she was still alive, they went to the Months' house claiming to have been unable to find her. They offered her a poisoned cake. Myrsina gave a piece of the cake to her dog and it died. Yet again, the sisters heard she was still alive, so they came back. The youngest sister, would not open the door to them, but they claimed to have a ring that their mother had said to be given to Myrsina. She could not deny her mother's wishes, so she put on the ring and fell to the floor. The Twelve Months mourned for her and kept her body in a golden chest. After a long time, a prince came up and happened to see the chest. He really liked it and pled for it so the Months let him keep it providing that he would never open it. But the prince fell ill and wanted to learn what was in the chest before he died. He opened it and with great surprise he saw the girl. He was captured by her beauty. He thought the ring might reveal to him who she was so he took it off and Myrsina came back to life. She narrated her story to him, threw the enchanted ring in the sea and married the prince who got well. One day, her sisters came to harm her but the prince had his soldiers deal with them. We never learned what happened to the sisters. The couple lived happily ever after."

Now, we are about to present you the Russian folktale, entitled "Snegurochka". Before exposing the synopsis of this tale, we should mention that the origins of "Snegurochka" are contradictory. We can find the roots of this feminine character in Slavic pagan beliefs. According to a legend, she is the daughter of Father Frost and the Snow Queen. But, there is another Russian fairytale about an old couple that made a girl out of snow and named her Snegurochka. However, Snegurochka became widely known in the 19th century thanks to the Russian playwright of Aleksandr Ostrovsky, who wrote the play "Spring Fairytale" based on the legend.

Here is the version of Snegurochka that we used for the morphological approach (<http://writing.gather.com/viewArticle.action?articleId=281474977180028>). "In Northern Russia lived an old wood cutter and his wife. They were working hard and were kind but they were very lonely because they had no children. Then one snowy day, they shaped the snow into a human figure that looked like a very beautiful girl. Suddenly, the girl became alive! They named her Snegurochka and took her to their house. The days were passing and the girl seemed happy although her pale face looked lifeless. One day, she decided to go out of the house to the nearest village to meet with other villagers. There she met a maiden named Kupava who was exceptionally beautiful. A merchant by the name of Mizgir loved Kupava, so did she. Snegurochka loved a young shepherd, Lei. One day, Mizgir came to the village and saw Snegurochka for the first time. Her beauty captivated him. Mizgir soon stopped seeing Kupava, in favor of Snegurochka. Kupava went to Snegurochka's wooden hut and attacked her. Then she went to the Tsar Benendey for help. She had been dishonored by this girl, Snegurochka. The Tsar ruled his kingdom with sincerity. He listened to Kupava and then ordered Snegurochka to be brought before him. He asked her about her feelings for Mizgir and she said that he did not please her. The Tsar believed her and allowed her to return home with her parents. Kupava got angry with Tsar's decision and tried to hurt Snegurochka. The girl spent the next days in the hut. Time was passing by... Spring had returned. The sun rose higher in the sky and Snegurochka was becoming sadder and paler, day by day. One fine day, Lei persuaded her to come to the village with him. The sun was warm. Snegurochka begged Lei to play his flute. She felt barely alive and not a drop of blood appeared in her pale face. As Snegurochka listened to Lei playing, her tears fell like rain. She knew what would happen. While her feet were beginning to melt beneath her, Snegurochka called out to Lei: *"As long as I did not feel pain of human love, I could live in the village. But I love you, Lei. The pain is too much for me to bear and I must return to my home in the North"*. She was vanished into the damp earth and the young shepherd Lei watched the mist rising up in the blue sky."

At first sight we can perceive that the two tales have common elements and taking into account the 31 functions of Propp, we can identify some of these common functions. That shows that his approach is successful. More precisely, in the Greek folktale "Myrsina" we recognize the following functions: (1) The "absentation" of Myrsina from the house where the three sisters live. Her sisters convince her to leave the safety of the home environment in order to take her to the woods. (2) The "interdiction" where the two sisters do not let Myrsina join them to the way back home. (3) The "violation of the interdiction", when Myrsina listens to the advice of the tree in order to get somewhere safer. Then follows the (4) "reconnaissance", when Myrsina finds the house of the Twelve Months and hides in order not to be seen. Then the two sisters find out that Myrsina is still alive and here we have the (5) "delivery", they make a new plan about her death. That leads us to function number (6) the "trickery", because they go to the Months' house and offer her a poisoned cake. We could say that this function is repeated when the sisters visit her again and make her take the poisoned ring. The repetition of the "trickery" takes us to function number (8) the "villainy or lack", because Myrsina is no more alive, so her sisters think they have achieved their goal. The Months find out of the misfortune that occurred so this is function (9) "mediation". (14) "Receipt of a magical agent", a prince came at the Months' house and begged them to take the chest without

knowing its content. He is not aware of it yet but he will save Myrsina. (19)The “liquidation” is the part of the tale where the prince opens the chest, finds Myrsina and takes the ring out of her finger. The spell is broken and the initial lack is resolved. In addition we can see function number (25) the “difficult task” when Myrsina tells the prince to protect her from her sisters. Last but not least come functions number (26) and (30),the “solution” and the “punishment”. The prince resolves the task that Myrsina wanted him to accomplish. When her sisters went to the palace and asked to see Myrsina, they had to deal with the prince’s soldiers. Finally we recognize functions (30) and (31); the “punishment” and the “wedding”.

All in all, these are all the Propp’s functions that we outlined in the Greek folktale. Now, we are about to do the same process for the Russian tale of Snegurochka.

In the Russian folktale “Snegurochka” we can recognize the following functions: (1) the “absentation” of Snegurochka who leaves the prohibition of her home. She wants to explore the nearby village and meet the local people, make friends .Then we can see function number (3) the “violation of interdiction”. This generally proves to be a bad move. Snegurochka disobeys her parents who tell her to stay home. Then comes the (4)“reconnaissance” and the villain enters the scene: Kupava goes to the king because she wants him to punish Snegurochka. That leads us to the (5) “delivery”: the king believes in Snegurochka’s words and tries to calm Kupava. But, there comes the (6)“trickery”, Kupava is violent against Snegurochka. The previous functions (“reconnaissance”, ”delivery”, ”trickery”) lead us to the next functions of Propp number (7) the “complicity”: Snegurochka is taken in by deception, because she helped Kupava unwittingly and (8) “villainy of lack”, Kupava tries to harm Snegurochka. Moreover we recognize function (9) “mediation” that happens when Lei finds out that Snegurochka is unhappy. Then we can see the (11) “departure”; Snegurochka leaves home and goes to the village with Lei and (12) “the first function of the donor”; Lei admits his love for Snegurochka. After that we have the function number (13) “hero’s reaction”. Snegurochka reacts to the actions of Lei and she admits that she also loves him [(14) the “magic agent” is Lei]. Snegurochka is taken by Lei in the woods, far away from the village so we identify function number (15) the “guidance”. Later, we can see the function number (17) the ”branding”, Snegurochka is melting. The (19) “liquidation” comes when Snegurochka melts because she loves Lei. The (25)“difficult task” was proposed to Snegurochka; she had to love with her heart in order to become human. Finally, the (26)“solution” comes; she melts, because she loved Lei like a human.

To sum up, taking into account the functions of Propp, we identify a lot of common elements between the tales. That proves that his approach is successful. More precisely we recognized the following eleven (11) functions between the two tales : (1)The “absentation” , (3)The “violation”, (4)The “reconnaissance”, (5)The “delivery”, (6)The “trickery”, (8)The “villainy or lack”, (9)The “mediation”, (14)The “receipt of a magical agent”, (19)The “liquidation”, (25)The “difficult task” and finally (26)The “solution”.

The pedagogical value of tales

First of all, we should bear in mind that the use of tales as a means of methodological tool, are used basically in kindergarten and in the first grades of primary school. This demonstrates the interest of the educational community for this tool while recognizing the benefits that it can offer to this sensitive age.

However, reading tales to children is beneficial or harmful? Up to our days, that remains a controversial issue. On the one hand it is beneficial. As a product of oral tradition tales can provide a wide range of activities related to phonetics, morphology and vocabulary. Through tales, children are given the opportunity to express themselves not only with their body but also with language. Furthermore, tales are a joyful method for learning the history and the customs of one’s country. At this point, we must mention the contribution of the tale in the intercultural education as it supports the acquaintance of different cultures. Therefore stereotypes that, can lead to racism and discrimination, are removed. Solidarity and respect for the “Other” derive from tales naturally.

The value of tales is huge because children learn ethics, what is moral and what is not. For example, after reading the Aesop’s Fable entitled “Fox and the Grapes” the child understands subconsciously that “It’s easy to despise what you cannot have”(In the fable, a fox tried to reach some grapes hanging high on the vine but it was unable to do so. As it went away, the fox said “Oh, they’re probably sour anyway”)

Moreover, through tales, children learn traditional moral values and find heroes in the tales to imitate. However, several studies have examined whether children can extract the theme from a moral story. As D.Narvaez claims(2002:162),children do not necessarily understand the theme of a story as intended by the author. Many children generate or select a theme when asked but the selection is often “wrong” according to an adult or author’s perspective.

This view, leads us to the other hand, where reading tales to children can be harmful. The proper interpretation of tales is a hotly debated subject. In the most popular fairytales like “Cinderella”, “The Snow White” etc, the heroines are mistreated by their stepmothers or/and their mean sisters. In a relevant situation in their life, children could feel scared and doubtful with no reason.

Another weak point of storytelling in the childhood, is that some tales convey improper meanings. There has been a debate on the “Little Red Riding Hood”, one of the most well-known fairytales amongst children. It may sound overstated but many researchers are convinced that “Little Red Riding Hood” is a fable of

sexual maturity; the wolf symbolizes a man who threatens the girl's virginity (http://en.wikipedia.org/wiki/Little_Red_Riding_Hood#cite_note-27).

In addition, the descriptions of cruel punishments in many fairytale anthologies may scare children a lot. In the popular fairytale "Hansel and Gretel", a witch catches the two siblings and decides to eat one of them, Hansel. Many fears of children are embodied in this tale, so it loses its pedagogical value. Likewise, in Italian tales, witches are regularly burned to death while in Russian tales they freeze to death.

Fairytale heroes and heroines do not always serve as ideal models for children. When faced with a problem, rather than rely on their own resources they often depend on supernatural means. Lying, cheating and stealing are also acceptable, as long as such practices enable them to move further down the road to social promotion (Tatar 1992, revised in 2005).

To sum-up, the efficacy of a story depends on the context and on the parties involved. The story itself does not reflect mores of a society. When storytelling is done well the pedagogical value is great. In our opinion, in the right context, tales can entertain the ears and educate the soul of a child.

Bibliography

- <http://www.egreece.gr/dir/encyclopedia.pl?db=search+display+1294956458>
<http://www.historylink102.com/greece2/index.htm>
<http://www.hellenism.net/eng/mythology.htm>
Аникин, В.П.(1977), *Русская народная сказка*, М.: "Просвещение"
Мелетинский, Е.М.(1958), *Герой волшебной сказки*, Происхождение образа
Мифы народов мира(1988), Энциклопедия. - М.: "Советская Энциклопедия", р.84-85
Померанцева, Э. В.(1956), *Некоторые особенности русской пореформенной сказки*, М.: "Советская-этнография", N4, p.32-44
Пропп, В.Я.(1946), *Исторические корни волшебной сказки*
Русские народные сказки(1966), М.: "Детская литература", р. 3-12
Пропп, Vladimir(1928), *Morphology of the Folktale*
Megas, A.Georgios (1970), *Fokltales of Greece*, Bookshop Estia
<http://writing.gather.com/viewArticle.action?articleId=281474977180028>
Narvaez, Darcia (June 2002), *Does Reading Moral Stories Build Character?* ,Educational Psychology Review, Vol.14, No.2., p.162,164
http://en.wikipedia.org/wiki/Little_Red_Riding_Hood#cite_note-27
Bennett, Elaine, *Storytelling and the Moral Tradition: An Examination of the Pedagogy of Storytelling for Moral Enculturation*, Ph.D., M.P.H.
Tatar, Maria (1992, revised in 2005), *Reading Fairy Tales*

ОСНОВЕ **BЪR-*, **BER-*, **BIR-* И **BOR-* У СТАНДАРДНОМ СРПСКОМ И СЛОВЕНАЧКОМ ЈЕЗИКУ⁴⁴

*This paper analyzes words from Proto-Slavic roots *bъr-, *ber-, *bir- and *bor- in standard Serbian and standard Slovene. The lexemes are taken from Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika and Slovar slovenskega knjižnega jezika. The aim of the research is to analyze the semantic range of the chosen lexicon which is divided into several semantic domains.*

Key words: standard Serbian, standard Slovene, semantics, Psl. roots **bъr-*, **ber-*, **bir-*, **bor-*.

0. Увод

Предмет истраживања у овом раду јесу континуанте псл. основа **bъr-*, **ber-*, **bir-* и **bor-* у стандардном српском и словеначком језику. Оне се свде на ие. корен **bher-* „носити“. Псл. основа **bar-*, која је без сигурне етимологије, није узимана у обзир. О тој основи у словенским језицима писао је Мељничук (Мељничук 1969: 60–61). Циљ рада је утврђивање општих семантичких домета изабране лексике у двама језицима на основу компаративног метода. Као централне издвајају се следеће псл. лексеме: глагол **bъrati* са својим итеративним паром **birati* (симплекс само у српском), именице **bermę*, **bъrakъ* (само у српском) и придев (најчешће f.) **berdja*. Бројни су префигурани глаголски облици (**ъzbъrati*, **otъbъrati* итд.), као и њихови поствербали (**ъzborъ*, **otъborъ* итд.). Такође се бележе изведенице од различитих основа (**beračъ* итд.).

За експерпцију су коришћени *Речник српскохрватскога књижевног језика* и *Slovar slovenskega knjižnega jezika* који су сличне концепције и обима, а излазили су у приближно истом периоду. И поред назнаке да су речници књижевног језика, оба речника садрже и изван број покрајинских речи.

Консултовани су и етимолошки речници српског (српско-хрватског) и словеначког, као и речници који реконструишу прасловенски лексички фонд.

Због ограничености простора анализиране лексеме биће груписане према главним семантичким цртама без обзира на основу од које воде порекло. Најпре се наводе глаголи, иза којих следе именице па придеви. Издвајају се следећа основна семантичка поља: „откидање плодова, биљака“, „сакупљање“, „окупљање“, „селектирање“, „ношење, терет“ (в. за значење „носити“ глагола **bъrati* у словенским језицима Варбот 1986: 33–40), „браздање, фалтање“, „узимање“, „читање“ итд. С обзиром на веома развијене лексичке породице од датих основа, неће бити могуће приказати све деривате настале у двама језицима, нити сва значења.

У раду ће се најпре наводити материјал из српског језика (■), а затим из словеначког (●). Након издвојених и самостално, паралелно у оба језика, анализираних основних значења, односно семантичких поља, на крају рада ће се указати и на нека друга значења која се могу јавити у анализираној лексички.

1. „Откидање плодова, биљака“

За основни глагол *бр̑ати*, *б̑р̑ѐм* / *б̑ѐр̑ѐм* impf. у српском језику примарно је значење „откидати (плодове, биљке)“, док је за словеначки глагол *bȓati*, *b̑erem* impf. то тек једно од секундарних значења.

■ У српском језику семантичком пољу „откидање плодова, биљака“ припадају следеће лексеме: *д̑обр̑ати* „свршити брање“, *на̑бр̑ати* „довољно убрати“ (Набрао [Раја] јагода по стрникама), *д̑обр̑ати*, *п̑д̑обр̑ати* „поскидати брањем плодове“ (Обраше се и виногради, прође и кукурузна берба), *п̑д̑д̑обр̑ати* „одоздо побрати“, *у̑бр̑ати*, *уз̑а̑бр̑ати*, *у̑з̑бр̑ати* „брањем откинути“ (Уберимо овдје барем ружу коју! — Ниђе шљиву узбрали нисте); *б̑ѐр̑ач* „онај који бере; направа за брање воћа“, *б̑ѐр̑ачица* „она која бере“, *б̑ѐр̑ба* / *б̑ѐр̑ба* „брање грожђа, сабирање плодова“ (Клар је крив да је слаб житород, да је утајила берба), *б̑ѐрилац* „онај који бере“, *б̑ѐрило* „направа за брање воћа“, *б̑р̑аница* „воће убрано руком“, *п̑д̑д̑бир* „дуванско лишће при дну стабљике које се прво сече“.

● У словеначком језику семантичком пољу „откидање плодова, биљака“ припадају следеће лексеме: *podbȓati* „откинути незреле плодове пре бербе, одстранити непотребне младице, старе листове“, *obiȓati* „откидати (плодове, биљка)“, *bȓátev*, *bȓátva* „берба“ (pravočasna bratev pri hruškah је važna), *obiȓáč* „онај који бере; направа за брање воћа“, *obiȓálec* „онај који бере“, *obiȓálka* „она која бере“, *obiȓálnik* „направа за брање воћа“. Као покрајинске означене су следеће речи: *beȓáč*, *bȓáč* „онај који бере“.

2. „Сакупљање“, „окупљање“

⁴⁴ Овај чланак је настао као резултат рада на пројекту бр. 178007 „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство просвете и науке Републике Србије.

■ У српском језику семантичком пољу „сакупљање“ припадају следеће лексеме: глаголи *збр̀ати*, *пр̀ибрати*, *с̀абрати* „сакупити (ствари, предмете)“ (Кад откуд збере коју парицу, прво одвоји порезу) и итератив *са̀бирати* / *с̀абирати*; затим именице *з̀бирка* „оно што је сакупљено“, *з̀бирница*, *з̀борник* „публикација с прилозима више аутора“, *пр̀ибор* „скуп направа које служе за одређену сврху“, *са̀биралиште* „место где се нешто скупуља“, *с̀абир* „сакупљање“, *са̀бирач* „онај који сакупља“ (Први и најзначајнији сабирач српских народних пјесама био је Вук), *са̀бирачица* „она која сакупља“.

У српском језику семантичком пољу „окупљање“ припадају следеће лексеме: глаголи *збр̀ати се*, *пр̀ибрати (се)*, *с̀абрати (се)* „окупити (се)“; поствербали *з̀бор* / *з̀бор* „скуп већег броја људи на једном месту ради неког договора или држања пропагандног говора; колегијум; хор“ (Он је захтевао да одлуку о томе донесе збор радне заједнице — Нови управник ... је наредио да организује тамбурашки и пјевачки збор) и *с̀абор* „скуп већег броја људи на једном месту; скуп народа код цркве, црквена слава; заседање чланова неке организације; концил, синод“ (О Малој Госпојини држи се код добрунске цркве велики црквени сабор); затим њихове изведенице *з̀борисати*, *з̀боровати* „држати збор, суделовати на збору“, *са̀борисати*, *са̀боровати* „држати саборске седнице; држати збор, суделовати на збору“; *з̀борист(а)* „певач у хору“, *з̀бористиња* „певачица у хору“, *з̀бориште* „место на коме се држи збор, састајалиште“, *з̀борница* / *з̀борница* „место где се држе састанци; наставничка соба“, *са̀борѝш* „члан сабора“, *са̀бориште* „место где се састаје сабор“.

● У словеначком језику семантичком пољу „сакупљање“ припадају следеће лексеме: глаголи *nabr̀ati*, *pobr̀ati*, *zbr̀ati* „сакупити (ствари, предмете)“ (*otrok je nabral kamenčke na kup — kandidat je zbral dovolj glasov*) са својим имперфективним паровима *nabirati*, *pobirati*, *zbirati*; затим именице *bera*, *bira*, *zbir*, *zbirek*, *zbirka* „оно што је сакупљено“, *berač* „онај који сакупља милостињу“ (*dati beraču dar, vbogajme*), *beračica* „она која сакупља милостињу“, *beračón* реј. „онај који сакупља милостињу“, *nabiráč*, *nabirálec*, *zbirátelj* „онај који сакупља“, *nabiralíšče*, *zbiralíšče* „место где се нешто сакупља“ (*pod plazom je nabiralíšče grušča*), *nabirálka*, *zbirálka* „она која сакупља“, *nabirálnica* „посуда у коју се нешто сакупља“, *nabirálnik* „поштанско сандуче“, *nabirka* „сакупљање дарова, прилога (у цркви нпр.)“, *pribor* „скуп направа које служе за одређену сврху“, *zbirálec*, *zbirálnik* „резервоар“, *zbornik* „публикација с прилозима више аутора“ (*zbornik je izšel dva meseca po zborovanju*).

У словеначком језику семантичком пољу „окупљање“ припадају следеће лексеме: глагол *zbr̀ati (se)* „окупити (се)“ са својим имперфективним паром *zbirati (se)*; затим именице *zbor* „збор; хор“ (*zbor so pozdravili predstavniki vseh strank — zbor je zapel dve pesmi*), *zborist* „хорски певач“, *zboristka* „хорска певачица“, *zborišče* „зборно место; састајалиште“, *zbornica* „наставничка соба; саветодавно или законодавно тело које заступа одређени слој или има одређену функцију“, *zborovalec* „учесник збора“, *zborovalíšče* „место за зборованье“, *zboroválka* „учесница збора“, *zboroválnica* „простор за зборованье“ (*v kulturnem domu je tudi lepo urejena zborovalnica*).

3. „Селектирање“

Основни глаголи са семантиком селектирања у оба језика континуанте су псл. глагола **jьzъbrati* и **otъbrati* са својим имперфективним паровима. Срп. *б̀ирати*, итератив од *бр̀ати* који семантички припада наведеним глаголим, нема формалну паралелу у стандардном словеначком језику, али постоје дијалекатске потврде, додуше другачијег значења (нпр. резизијски дијалекат: *birät* „cogliere“).

■ У српском језику семантичком пољу „селектирање“ припадају следеће лексеме: глаголи *из̀абрати*, *из̀брати*, *ода̀брати*, *ода̀брати* „дати коме или чему првенство према каквој особини“ са својим имперфективним паровима *из̀абирати* / *из̀абирати*, *из̀бирати* / *из̀бирати*, *ода̀бирати* / *ода̀бирати*, *ода̀бирати* / *ода̀бирати*; затим именице *из̀бор*, *одбир*, *ода̀бир*, *пр̀одбир* / *пр̀одбир* „одабирање и резултат одабирања, оно из чега се може бирати, оно што је изабрано“ (*У одбиру смрти ил' срамоте свом душом радије он избере гроб! — Без пробира окупља око себе и смушењака и неспособњака*), *из̀абранѝк*, *из̀бранѝк* / *из̀бранѝк*, *ода̀бранѝк* / *ода̀бранѝк* „онај који је изабран за што; онај који је изабран за мужа“, *из̀абраница*, *ода̀браница* / *ода̀браница* „она која је изабрана за што; она која је изабрана за жену“.

Поствербал срп. *ода̀бор* такође има у основи семантику селектирања „скуп изабраних лица која представљају орган власти или правно тело с одређеним задужењем“. Његове изведенице су *ода̀борник* „члан каквог одбора“, *ода̀борница* „чланица каквог одбора“, *ода̀боровати* „вршити функције члана одбора, проводити време на одборским састанцима“.

● У словеначком језику семантичком пољу „селектирање“ припадају следеће лексеме: глаголи који значењски одговарају српским глаголима – *izbr̀ati*, *odbr̀ati*, *izbirati*, *odbirati* (*izbrati po svojem okusu — za to akcijo so odbirali najboljše ljudi*); затим именице *izber*, *izbira*, *izbor* „одабирање и резултат одабирања, оно из чега се може бирати, оно што је изабрано“ (*strožji izbor člankov je povečal kvaliteto lista*), *izbiráč*, *izbirálec* „онај који избира“, *izbirálka* „она која избира“, *izbirčenež* „избирљив човек“ (*takemu izbirčenežu je težko ustreči*), *izbirčnica* „избирљива жена“, *izbránec*, *odbránec* „онај који је изабран, одабран“, *izbránka* „она која је изабрана одабрана“.

Поствербал слн. *odbòr* има исто значење као његов српски еквивалент. Његове изведенице *odbòrnik* и *odbòrnica* (*odbornice so se zbrale in posvetovale*) одговарају срп. *о̀дбо̀рник* и *о̀дбо̀рница*.

4. „Ношење, терет“

У овом семантичком пољу главне су лексеме настале од псл. **bermę* које имају исти лик у оба језика. Поред њих би овде припадале и континуанте псл. придева, обично женског рода – **berdja*.

■ Срп. *брѐме* има основно значење „оно што носи на себи човек или животиња“ (Витомир ... од шале најхтео добро бреме мухара) и фигуративно „терет, тешкоћа, невоља“ (Он није сматрао своју дужност као бреме, него као почаст). У српском се јавља и значење „дете у утроби материној“ (Два дана и три ноћи им се мучила породиља, ал’ се грешница није могла од бремена раставити), те одатле *брѐменица* „бременита жена“; *брѐменита* f. adj. „која је у другом стању“ > фиг. „пун чега, оптерећен, плодан“.

Срп. континуанта псл. **berdja* има лик *брѐћ* „тежак; (f.) бременита“ од којег су настали глаголи: *брѐћати* „постајати брећ“ и *набрѐћати* „учинити брећом“.

● Слн. *bręme*, слично српском, поред основног значења „тежак предмет који се носи, обично на раменима“ (*Orotekatı se pod težo bremena*) има и фигуративно „тешкоћа, брига; дужност, обавеза“ (*Težo breme mi je padlo od srca*). У словеначком се јављају и следеће лексеме: глаголи *obremeniti* „ставити бреме, тежак предмет на шта“ > „натоварити много посла, дужности“ > „оптужити, окривити“; *razbremeniti* „(од)узети бреме, тежак предмет с чега“ (фиг. *Obvoznica bo razbremenila ceste skozi mesto*) са својим иперфективним паровима *obremenjevati*, *razbremenjevati*.

Слн. континуанта псл. **berdja* има лик *брѐј* „(f.) бременита; обилан, набрекао“ (*kosmi brejih oblakov*) од којег су настали глаголи: *obrejiti / obręjiti* и *ubrejiti / ubręjiti* „набрећати“ (*bik obreji kravo*).

5. „Браздање, фалтање“

У другим словенским језицима не постоји формални еквивалент српско-хрватској лексеми *бóра*. У словеначком њен семантички еквивалент био би *gúba*.

■ У српском језику семантичком пољу „бараздање, фалтање“ поред лексеме *бóра* „бразда на кожи; набор“ (Чело му се поче набирати у ситне али приметне боре) припадају и следеће лексеме: глаголи *бóрати* „правити боре, набирати“ (Ветар воду набира), *збóрати* „начинити боре; згужвати“, *избóрати*, *набóрати* „испунити борама“, *разбóрати* „раставити наборе“; именице *на́бир* „набор“, *на́бор* „нагиб на тканини; бора“, *на́борак* „набор“, *на́борница* „оковратник“.

● У словеначком језику семантичком пољу „бараздање, фалтање“ припадају следеће лексеме: глаголи *nabirati* „правити наборе, боре“ (*čelo se mu nabira v gube*); именице *nabirek* „набрана украсна трака, набор“, *nabòr* „набрана украсна трака; бора“, *nabórek* „набор“ (*ovratnik s svilenim naborkom*), *nabránec* „набор, волан“.

6. „Узимање“

Ово значење је пре свега карактеристично за севернословенске језике када је реч о основном глаголу **bьrati*. У двама језицима значење је најчешће секундарно изведено из неутралне семантике узимања.

■ У српском језику семантичком пољу „узимање“ припадају следећи глаголи: *бр̀ати* „узимати, примати“ (А што се тиче плаће, брати ће мјесечно својих десет форинти и храну), *пòбрати* „одузети живот“ и *уб̀ирати* „узимати за себе, присвајати“ (Радник ... је стварао, али газда је ... убирао добит).

● У словеначком језику семантичком пољу *узимање* припада глагол *pobráti* са следећим значењима: „узети за мужа, жену“ (*sinovi so pobrali mestne gospodične*), „одузети живот“ (*zahrbtna bolezen, jetika ga je pobrala*), „покупити“ (*v kateri knjigi si pobral te čudne ideje*).

7. „Читање“

● Семантичко поље „читање“ јавља се само у словеначком. Основном глаголу *bráti* примарно је значење „читати“ (*zna brati in pisati*). То је калк с немачког *lesen*, односно латинског *legere* (најскорије Snój 2009²: 54, s.v. *bráti*). Следећи су префигирани облици: *odbráti* „очитати с мерног инструмента“, *prebráti*, *razbráti* „прочитати“, *razbírati* „читати“, *zabráti se* „зачитати се“; затим именице *berílo* „читанка, текст из читанке“, *berívo* „штиво“, *brálec* „читалац“ (*naše bralce bomo sproti obveščali*), *brálka* „читатељка“ (*knjiga je navduševala mnoge bralke*), заст. *brálnica* „читаоница“, *brálnik* „читач (део рачунара)“, *odbirálec* „који по занимању читава“, *odbírek* „вредност очитана с мерног инструмента“.

8. Остала значења

8.1. Срп. *бр̀ак* је поствербал од глагола *бр̀ати* и није народна реч (Skok 1971–1974 1: 197 s.v. *brák*). Поред основног значења „законита заједница мушкарца и жене“ постоји и фигуративно „једињење, заједница“ (Славит ћемо брак духа и снаге). Нема формалног еквивалента у словеначком језику у којем је семантички еквивалент *zákon*.

8.2. У српском језику у семантичком пољу „говорење“ основне лексеме су *збѡр* / *збѡр* „говор“ и *збѡрити* „говорити“. Одатле имамо *збѡркати* „помало гдегде зборити“; *збѡран* „говорљив, речит“.

8.3. У оба језика јавља се семантичко поље „разумевање, схватање“ којем припадају следеће лексеме: срп. *разбрати*, *уѡбрати* „схватити, разумети“; слн. *odbráti* ретко „схватити“, *razbráti* „утврдити, спознати“.

8.4. Срп. *пѡдбрати се* има значење „скупити се (о гноју)“ (Ако се гној подбере на једно затворено мјесто, онда то подбирање зовео гнојница). Ово значење је распрострањено нарочито у дијалектима југоисточне србије (нпр. у Тимоку: Бере му раната па га јако боли; уп. прлешки говор у Словенији: па *pŏgi se mi pábira* „на нози имам гнојно запаљење“).

8.5. Слн. глагол *obirati*, поред поменутог основног значења „откидати плодове“ има још значења „гризењем или сечењем одстрањивати месо с кости“, „оговарати, клеветати“. Рефлексивни облик значи „оклевати, колебати се“ и „задржавати се“.

8.6. Слн. глагол *ubráti* има следећа значења „учинити да нешто с нечим другим саставља уређену, пријатну целину или логично уређену целину, „почети свирати, певати“, „отићи“. Његов имперфективни пар *ubíрати* има одговарајућа имперфективна значења.

9. Закључци

И у српском и у словеначком постоји континуанта псл. глагола **bъrati*. Префигирани облици срп. *прѡбрати*, *узѡбрати* / *уѡбрати* (< **vъzbъrati*) немају паралеле у словеначком, док у стандардном српском не постоји паралела словеначком облику *zabráti se* (уп. формално у Тимоку: Забере се с друство, па у крацу). Само у српском стандардном језику постоји симплекс *bíрати*. Српски имперфективни облици *добíрати* и *пробíрати* немају забележене паралеле у стандардном словеначком. Слн. *zabráti se* нема забележен имперфективни облик.

Као што је већ речено, поствербал *бѡра* карактеристичан је само за српско-хрватско говорно подручје.

Учена лексема срп. *брѡк* не јавља се у словеначком, док је преко црквенословенског ушла и у неке источнословенске језике.

На крају се може закључити да су анализиране лексичке породице од основа **bъr-*, **ber-*, **bir-* и **bor-* семантички веома разуђене, те данас поред основног значења имају још по неколико значења, неретко веома удаљених. Семантички помаци су чести (нпр. слн. *beráĉ* „који проси, скупља милостињу“ > слн. *beráški*, *-a*, *-o* „који се односи на просјак“ > слн. *beráštvo* „велико сиромаштво“). У неким случајевима тешко их је сврстати само у једно семантичко поље (нпр. срп. *убíрати* „сакупљање“ и „узимање“).

За потпунију и прецизнију слику потребно је више простора за анализу уз неопходно укључивање дијалекатске грађе.

Извори и литература

Варбот, Жанна Ж. (1986), О возможности реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях. *Этимология* 1984, 33–40.

Динић, Јакша (2008), *Тимочки дијалекатски речник*. Београд, Институт за српски језик САНУ.

ЕРСЈ (2003–), *Етимолошки речник српског језика*. Београд, Српска академија наука и уметности / Институт за српски језик САНУ.

ЭССЯ (1974–), *Этимологический словарь славянских языков*. Москва, Наука.

Мельничук, А (1969), Об одном из важных видов этимологических исследований. *Этимология* 1967, 57–66.

РСМ (1967–1976), *Речник српскохрватскога књижевнога језика*, 1–6. Нови Сад, Матица српска.

Bezljaj, France (1977–2007), *Etimološki slovar slovenskega jezika*. Ljubljana, Mladinska knjiga.

Chinese, Sergio (2003), *Rošajanskë – laškë bysidnjäk*. Rezija, samozal.

Rajh, Bernard (2010), *Giĉati po antiĵoško, Gradivo za nareĉni slovar severozahodnoprleškega govora*. Maribor etc., Filozofska fakulteta, Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti.

Sadnik, Linda / Aitzetmüller, Rudolf (1963–1975), *Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen (A–B)*, 1–7. Wiesbaden, Otto Harrassowitz.

Skok, Petar (1971–1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, 1–4. Zagreb, Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.

Snoj, Marko (2009²), *Slovenski etimološki slovar*. Ljubljana, Modrijan.

SP (1974–), *Słownik prasłowiański*. Wrocław etc., Zakład Narodowy imienia Ossolińskich.

SSKJ (1970–1991), *Slovar slovenskega knjižnega jezika*, 1–5. Ljubljana, Državna založba Slovenije.

Марија Стијепић

Филозофски факултет
Нови Сад, Србија

ПРОЗНО СТВАРАЛАШТВО СЛОБОДАНА ТИШМЕ

Slobodan Tišma, specific and unique product of the Serbian art scene, has built up over the years an image of uncompromising writer distant from the literary establishment but respected and influential in the small circle of the marginal writers.

This poet, prose writer, performer and musician from Novi Sad has never left the position of the literary outflow. On the contrary, he preferred his lonely position of fighter against mass media and power. In his novels Tišma will autobiographically thematize well hidden world of the artist, his indifference to the material world and honors, and the inevitable influence of politics and ideology on modern society, even on those people who are hiding from this kind of society.

Key words: avant-garde, artist, Slobodan Tišma, isolation

Слободан Тишма, специфична, јединствена појава српског умјетничког миљеа, изградио је током година имиџ бескомпромисног, слободног писца, далеког књижевном естаблишменту, али поштованом и утицајном у уском кругу литерарних маргиналаца. Овај новосадски пјесник, прозаиста, перформер и музичар никада није бјежао од позиције књижевног отпадника. Напротив, пријала му је заклоњеност од простора моћи, масовне продукције и једноумља.

Дефинишући себе као умјетника, и то у најширем смислу посматрано, Тишма, чини се, ужива у пловидби из једног медија у други, самим тим и у комбиновању наизглед неспојивих инструмената.

На таквим темељима ће, као и његов колега авангардиста Винавер, а водећи се мишљу да се на дну свих дубина налази музика, тежити спрези различитих видова креативности, бришући границе, те стварајући уникатан и непоновљив умјетнички перформанс.

Интересантно је пратити Тишмин пут од енигматског, самозатајног музичара и пјесника 60-их и 70-их година до респектованог (у ширем обрису него раније) романописца какав је данас. Књиге поезије Маринизми, Врт као то, Пјесме, Blues diary донијеле су му ореол усамљеног аутсајдера, али и талентованог, вјечито младог новосадског момка, док музичке плоче Нестварне ствари и La Strada свједоче о снажном печату којег је утиснуо на новоталасну музичку сцену. Оно што карактерише ову фазу Тишминог стваралаштва је крајње дестабилизовање лирског субјекта, одбацавање конвенцијалног понашања умјетника, те посве нихилистички доживљај ствари. Тек на прагу седме деценије живота, Тишма ће се опробати и у причама и романима.

Прозним стваралаштвом овај Новосађанин је испливао из књижевног подземља и постао признат писац.

Утисак је, ипак, да тај прелаз из краћих, лепршавијих форми каква је поезија у суровост прозе, сам писац не доживљава претјерано драстичним. Оно што је јасно је Тишмина негација сопственог књижевног талента и тежња да се зачури у позицију једноставног заљубљеника апсолутне умјетности. Самим тим, није му важно у којој форми и како ће да пише. Битна је инспирација, а управо она ће га навести да у позним годинама почне да ствара прозу. И то *песничку*.

Иако ће га и као прозног писца именовати неоавангардистом, примјетно је благо дистанцирање од ранијих за њега уобичајених токова и приближавање постмодернистичком дискурсу. Поетички радикализам није више потпун, али ће Тишму и даље да карактерише разарање класичног модела књижевне праксе, нарочито у виду форме и значења. Биће то *конзервативна авангарда* (Тишмина дефиниција), књижевни поступак на међи авангарде и писцу прихватљивих елемената. традиције.

Сам он ће нам у једном од интервјуа открити свој доживљај савремене књижевности: *Мислим да авангарда данас више није могућа, због свеопште релативизације, а и због тога што је уметност на неки начин мртва, хибернирана је. Живимо у доба медија, пре свега електронских. Дакле, уметност у доба медија је у неку руку кондомска, замагљена је и нема више свежину непосредности. Али, с друге стране, постоји тај мит или утопија модерне. Ернст Блох је дао изванредну слику свега тога у свом делу „Дух утопије”. То је и дан данас магични свет ситуиран негде крајем деветнаестог и почетком двадесетог века из кога долазе подстицаји и велика узбуђења. Тај протомодернизам је нешто апсолутно живо и непревазиђено. Све што се на плану уметности догађало касније, у двадесетом веку, само је сенка тога.* (<http://slobodantisma.blogspot.com/2010/03/frontmen-kultnih-rok-grupa-luna-i-la.html>)

У прози ће Тишма аутобиографски тематизовати ушушкани, добро сакривени свијет умјетника, његову равнодушност према материјалности и признањима, те неизбјежан уплив политике и идеологије на савремено друштво, па и на оне који се од тог друштва крију.

Стога ће чежња за савршеном изолацијом постати топос сва три Тишмина прозна дјела.

Урвидек

Једанаест прича творе *Стари град*, а он нам пружа слику некадашњег пишчевог свијета: рок музика, писање, неприлагођеност, одбијање да се одрасте...

Могу се читати засебно, али заједно употпуњују нешто што бисмо могли назвати шаљивим портретом вјечитог дјечака. Дјечак је понекад несташни двадесетогодишњак, а некад нам се исповиједа сједокоси књигољубац. Разлике нема. Све су то нијансирана обличја једног те истог човјека, сувишног, усамљеног, неприпадајућег. Он је, ипак, ријетко несрећан, готово никад. Један је од оне врсте људи кога је понижење, странствовање у сопственом граду истински усрећило, он је визионар. Можда нам се кроз *Урвидек* обраћа Слободан Тишма лично, а могуће је да се родила једна нова, хибридна личност, често писцу истовјетна, а у неким ситуацијама сасвим далека.

У складу са оваквим доживљајем књиге је и форма у којој је писана. Све приче су у првом лицу, али исплови једном из дубине и оно непознато, магловито ОН, па ће се Тишма с времена на вријеме поиграти са идентитетом приповједача:

Зовем се Сочек, али моје право име је Тенека итд. Дакле, пошто је завршио каријеру оперског певача у малом провинцијском позоришту (певао је мање роле у Вердилијевим и Пулчинелијевим операма) повукао сам се из јавног живота у скровитост свог малог стана, у интиму свог унутрашњег простора испуњеног сећањима и размишљањем. (Тишма 2005: 98)

Ради се о опишавању сопствене поезије туђим рукама, потреба да се одреди положај писца и писања објективно без уплитања оног егоистичног, заслијепљеног субјекта, који не нуди потребне одговоре.

Тишма ће у *Урвидеку* често, маниром авангардисте, бјежати у фантастику. Тај фантастични свијет сачињен од давно изгубљеног града и необичних индивидуа које њиме циркулишу јесте оно што употпуњује слику умјетника-аутсајдера у сукобу са друштвеном реалношћу.

Додуше, такав један својеглави умјетник је могао некада у *Урвидеку* несметано да одлута у своје одаје, буде нико и не ради ништа, а да не упада у очи, не буди пажњу. Помало сјетно Тишма се присјећа тих дана приповиједајући о свим оним тектонским поремећајима у нашем друштву које су ту позицију из коријена измијенили.

Одбацивши тежњу да буде високо вреднован, протагониста ће неизбјежно долазити у сукоб са ауторитетима оличеним у фигурама оца и мајке. И док је отац увијек неко ко га на груб начин подсећа да се одрасти мора, мајка неријетко остаје заробљена између жеље да сина заштити и свјесности да се треба другачије.

Аутор је наклоњен женском принципу. Жена, симболишући креативност и дух, без изузетка, тријумфује над крутошћу и дисциплином представљеном мушкарцем. Јунак *Урвидека* није сигуран гдје он спада у таквој хијерархији ствари, али чињеница је да често има потребу за феминизовањем, јер му је свијет доминације и наметљивости крајње стран.

Тишма у својој *Нискобуџетној прози* радо ангажује читаоце. Питање рецепције и литерарни успјех му, додуше, не дјелују нарочито битни:

Пре свега, морам да кажем да се ово што ћу сада испричати догађа искључиво у мојој глави. Ако би ме неко убедио да је ово истина, полудео бих, једноставно, не бих могао то да поднесем. Али, драги читаоче, немој очекивати бог зна шта, јер кад се мало боље погледа, нема у свему томе ништа посебно, шта више, могло би се рећи да је ово једна сасвим обична прича, обична да обичнија не може бити. (Тишма 2005: 54)

Што мање књижевник чувен, чекан и хваљен био, имаће, по Тишми, више простора за доживљајност и пријекно потребни креативни мир, а то је све што једном умјетнику-особењаку и треба.

Quattro stagioni

Први роман Слободана Тишме прати линију кретања јунака *Урвидека*. Опет имамо један чудни град, необичног имена и усамљеног особењака који у њему животари. Више него у збирци прича, Тишма је овдје поетски радикалан. Магловите атмосфере и препуштен слободној вољи читалаца да га тумаче, *Quattro stagioni* је све само не класичан роман занимљиве интриге.

Елемената за узбудљиву трилер представу свакако би било да је писац био иоле заинтересован да их нагласи (љубав, рат, убиство, крађа, скривање...). Тишма, међутим, не мари за класични фабулативни низ, прича је само љуска саге о умјетнику и фазама умјетничког дјеловања.

Писац и у овој књизи жели да интегрише читаоце у продукт свог креативног рада. Он их позива, усмјерава и диференцира на оне нестрпљиве, ненавикнуте на анархистичну, експерименталну књижевност и оне који ће, ипак, бити упорни и досљедни. И једни и други ће сигурно остати збуњени јер тако распарчана и климава, није била прича коју су жељели да чују.

Чини се да је Тишма свјесно одустао од циља да публику анимира. Јасно ће поцртати чињеницу да му друштвена ангажованост и потреба да хаотични свијет око себе мијења нису циљ. Сам протагониста романа ће изнијети свој став о приоритетима:

Живот сам ипак видео као неку врсту гусарења, грабежа у коме нисам хтео да учествујем. Сви су били пасионирани у неком смислу, чак и они који су изигравали фрајере, врховни циничари: као јебеш све, али не може без пљуге и цуге, у то не дирај.

Мој проблем је на први поглед сасвим једноставан а у ствари је веома заједан, већ сам о том нешто баљезао: да бих живео, морам да пишем, да пискарим боље рећи, да бих животарио. Опет ја, ти, он, то, па, то. (Тишма 2009: 12)

Супростављање умјетности тероризму и политици један је од примарних мотива Тишиног романа. Доводећи у везу ове сасвим засебне дјелатности људског ума, аутор као да жели да их још више нијансира, слика у пуном сјају и на крају без изузетка разори све могуће повезнице међу њима.

Открива нам се тако трули, лицемјерни свијет једне некад привидно срећне земље. Свијет рата, убистава, абортуса, лажне идеологије, који тако мало простора оставља онима који му не одговарају. Јунаци *Quattro stagioni*-ја ће наизглед, због тога, бесциљно тумарати градом (неки од њих само у машти главног лика) без намјере да судјелују у стварима које их окружују, а које им се тако живо нуде. Они ће извајати један нови, њима прикладнији свијет, а затворити врата ономе у којем влада расуло, лажни морал и наметљивост.

Ништа ће зато постати смисленије од свега, слабост од моћи, смјерност од егоизма.

Бернардијева соба

Пишта Петровић, екстравагантни, а опет тако неупадљиви јунак *Бернардијеве собе*, прича нам необичну сторију о отуђености појединца, храбрости и одустајању.

Фабуларно нестабилан и хаотичан, без традиционално постављене нарације и ликова, роман *Бернардијева соба* је слично конципиран као претходник- *Quattro stagioni*. Ипак, стиче се утисак да је са гледишта разумљивости и специфичне магије, посљедње прозно дјело Слободана Тишме много пријемчивије од претходних.

Томе је значајно допринијео главни протагониста романа чије рефлексije о умјетности, љепоти, животу и чине овај роман посебним.

Свјесно дистанцирање од породице и друштва са једне стране и разложен страх од самоће са друге је оно што ће чини Пиштину реалност. Разбијајући туђе илузије биваће све осамљенији, али спокојнији и у истини. *Сам под звездама пред Океаном. Да ли је то мало? Да ли је то Ништа?* (Тишма 2012: 56)

Описали бисмо га као попустљивог, мисаоног, доброћудног лудака. Он сам нема нарочито високо мишљење о себи:

Питао сам се: По чему се ја разликујем од других људи, у чему је моја посебност? Та разлика је била мала и можда сасвим занемарљива. Кад бих сам помислио колико има талентованог света на све стране, колико добрих фудбалера, паметних људи, храбрих, лепих, изванредних певача, заиста посебних, осетио бих завист. Нисам био нешто претерано паметан, нисам био ни леп, а о храбрости боље да ћутим. Просечност је била мој фатум. (Тишма 2012: 24)

У увјерењу да се ни по чему не истиче, главни јунак ће живот проводити у беспосличарењу, далек и стран свим спољашњим утицајима, успијевајући на тај начин да скује лични, самоегзистирајући умјетнички простор.

Изгуран из сопственог стана, овај отпадник од друштва завршиће у олупини старог *мерцедеса*, на дну *Океана*, гдје ће слушати величанствену музику таласа. Повлачењем из свијета реалности у неку врсту неодређеног простора, у потрагу која се манифестује одрицањем од сваке јасне акције, наш јунак тежи досезању *Океана*, чиме ће постићи истинско сажимање са универзумом.

Зашто је суживот са усељеницима Пишти тако тешко падао, лако је онда одгонетнути. Опчињени политиком, дневним трачевима и успјехом, ликови који циркулишу Пиштиним домом били су оперисани од љепоте, сасвим су занемарили естетско чуло: *Генерално гледајући проблем ове скутине, а ту мислим и на „седмог брата”, био је тај што су сви били тврди на ушима, нису осећали музику, она их није интересовала, са изузетком оног дебелог који је волео да пева у купатилу оперске арије и илагере. Сви су они пак били јаки у рачуну.* (Тишма 2012: 60)

Скромно животарење и уживање у музици испред бескомпромисне борбе за моћ, конзумизма и комфора. Због тога је Бернардијева соба толико драгоцјена- минималистички скројена, нераспакована, довољна сама себи није била за свакога и није била на продају. Умјетност, оличена у намјештају хрватског дизајнера, могла је бити само поклоњена.

Често ће се у роману постављати питање полности, односно постојања такве категорије. Главни протагониста *Бернардијеве собе* не вјерује у њу: *Нема полова, ја сам жена жене, сви мушкарци су жене а жене су само жене.* (Тишма 2012: 30) Слављење женског обличја ствари је нешто што смо сусретали и у осталим прозним дјелима Слободана Тишме. Љепота, креација, музика, дизајн, као основне вриједности живота увијек су означене женским логом. Не чуди стога избавитељска улога мајке у роману са једне стране и хладни, готово непостојећи однос са оцем насупротив томе. Символично дјелује Пиштин одлазак у мајчино уточиште препуно жена. Он као полно „хендикепирано” биће бива заплъуснут женским категоријама попут естетике, љупкости и елеганције, а то је све оно што је увијек и желио. То је она потпуна доживљајност, помиреност са самим собом и са универзумом.

Иако је вјечито од прозе бјежао, а прву приповијетку објавио у својој педесетој години, првак новосадске алтернативне сцене Слободан Тишма је већ сад својим романима и збирком прича стекао култни статус.

Када бисмо покушали да уоквиримо Тишмино цјелокупно стваралаштво и пронађемо константу која га одређује, уочили бисмо да је афирмисање естетског и умјетничког као врховне вриједности парола које се не одриче ни једно дјело овог авангардног књижевника.

Увијек је главни протагониста носилац и афирматор тих размишљања, а мада привидно слаб и неспретан, без изузетка ће нас на крају убиједити у оно шта пропагира.

Наратор је обједињујући фактор три Тишмина прозна дјела. То је тај тотални аутсајдер, варљиво питом и безначајан, а толико посебан и пријемчив. Он ће кроз интеракцију са другима, а најчешће сам са својим мислима, покренути низ актуелних питања: однос тероризма и умјетности, политике и књижевности, проблем духовног идентитета, феминизам, окренутост конзумизму, еколошка неосвијешћеност... Лутаће, тражиће и даваће одговоре, а као једини, прави, истински смисао понудиће му се стваралачки процес.

Примјетна је Тишмина тенденција писања за узак круг публике. Његова проза херметична и непретенциозна каква јесте, тешко је ухватљива за једног просјечног читаоца. Аутор ће, међутим, у својим дјелима понудити стратегију читања и онима којима се сасвим случајно његова књига нађе у рукама.

Иначе је успостављање паралеле читање-писање чест ауторов прозни манир, а тематизовање самог чина писања и положаја писца у свијету какав је данас константа његових романа и прича.

Пратећи у стопу свог јунака-умјетника и карикирајући његове мане и неуспјехе, Тишма ће посредно указати и на несавршеност људског друштва у цјелини, које и не треба бити другачије. Тежња ка безгрешности и перфекционизму довела би неупитно до аутоматизације, униформисаности, а тада би се изгубило оно највједније што имамо, дух и инспирација. Тишма ће зато свјесно бјежати у одрицање од перфектне композиције, жанровске одређености и провјерене употребе језика. *Ја заправо стварам прилично интуитивно, понешен идејом, која ме запали. Нисам неки ерудита, нити сам се много бавио језиком, у смислу да сам брусио свој литерарни стил. Он је проистекао из неког осећања, пре свега осећаја ритма музике* – рећи ће Тишма (www.politika.rs/rubrike/kultura-i-zabava/Tisma-Bernardijeva-soba-nastala-spontano.sr.html), препознатљив управо по необичној игри са језиком и иновативности у тој сфери.

Игра ријечима карактерише сва три прозна дјела овог књижевника, а нарочито су склоне малим фонетским заокретима оне ријечи које тако измијењене нуде нове могућности тумачења и доживљаја. У том смислу ријеч која посебно зрачи је термин за топос радње (Нови Сад) који ће од мађарског Ујвидек, претрпјети бројне измјене, сугеришући читаоцима да јунаков град гледају као мјесто замагљене реалности, магије и помјерања.

Заокруживши овај необични *урвидечки* прозно-поетски триптих, добићемо умјетнички веома сугестивно остварену слику једног полустварног града у којем се сударају и ломе многи свјетови, а аутор нам скромно препушта да се по свом нахођењу одредјелимо за један и пратимо његов ритам.

Литература

Тишма Слободан (2005), *Урвидек: нискобуџетна проза*, Београд, Народна књига-Алфа.

Тишма Слободан (2009), *Quattro stagioni: старомодерна травестирана исповест са ону страну гроба*, Београд, Лагуна.

Тишма Слободан (2012), *Бернардијева соба*, Нови Сад, Културни центар Новог Сада.

<http://slobodantisma.blogspot.com/>

www.politika.rs/rubrike/kultura-i-zabava/Tisma-Bernardijeva-soba-nastala-spontano.sr.html

Борис Стојковски

Одсек за историју, Филозофски факултет, Универзитет у Новом Саду
Нови Сад, Србија

СРБИ И МАЂАРИ И МЕТОДИЈЕВА ПАНОНСКА АРХИЕПИСКОПИЈА. ПОВОДОМ 1150 ГОДИШЊИЦЕ МИСИЈЕ СВЕТЕ БРАЋЕ ЋИРИЛА И МЕТОДИЈА⁴⁵

The paper stresses the significance of the mission of the Slav apostles Saint Cyril and Methodius for Serbs and Hungarians, as well as the territories inhabited by these two populations. The key figure is without a doubt Saint Methodius. He was ordained by pope Hadrian II and John VIII the archbishop of Moravia and Pannonia, and his proposed archbishopric had encompassed almost the whole territory of later medieval Hungary, but some Serbian lands as well. There are some diplomatic papal sources that confirm this. The proposed meeting between Methodius and a Hungarian chieftain is a possible early influence on this people.

Key words: Cyril, Methodius, Panon archbishopric, medieval Hungary, Serbia, Sirmium

Ћирилометодијевско наслеђе представља неисцрпни истраживачки терен за посленике бројних научних области, историчаре, богослове и историчаре цркве и уопште религије, затим историчаре уметности, књижевности, слависте, непобитно и лингвисте. Иако чувеној Моравској мисији из 863. године која је оставила и најдубљи траг у светској историји претходе мисије у багдадски калифат и Хазарски каганат, словенска, односно моравска мисија Ћирила и Методија извршила је највећи утицај на ширење хришћанства на читавом простору који су насељавали словенски народи и на цео простор Панонске низије. Осим тога, делатност светих словенских апостола увелико надилази и словенски простор и византијски комонвелт у коме су у времену свог историјског постојања и делали, ширећи хришћанску веру, али и византијску културу, христијанизујући Словене и уводећи ова племена у оновремени источно-romeјски цивилизовани свет.

Простор данашње Мађарске, односно средњовековне Угарске (у њеним старим оквирима, али и савременим), био је простор деловања свете браће из Солуна. Осим тога, на овом простору ћирилометодијевско наслеђе и хришћанство је оставило дубок траг, чак и у најранијем периоду мађарске историје у Карпатској долини. Стога ћемо овом приликом, а пригодном 1150 година од почетка христијанизације словенских народа дати кратак преглед последица ћирилометодијевске мисије на савремене Србе, а делимично и Мађаре, из више аспеката.

Вероватно најзначајнија личност овог периода, а везана за нашу тему јесте Методије. Његова је панонска архиепископија обухватала читав простор (макар титуларно) Паноније, а самим тим и простора данашње Мађарске, а постоје и изворни подаци да су и Срби, под својим најранијим кнежевима, били део ове архиепископије.

Но, кренимо редом, словенски кнез Коцељ је желео да Методија папа 869. године постави за архиепископа словенских земаља и Паноније. *Житије Методија*, најважнији извор за нашу тему, наводи да је наведени словенски владар замолио папу Хадријана II да Светог Методија хиротонише на *катедру Светог Андроника* (ММФН II 1967: 147-150). Овакав назив за епископско, односно архиепископско седиште имплицира да је у питању Сирмијум, односно насеље на месту ове старе црквене столице (Stojkovski 2012: 77). Панонска и моравска архиепископија је морала и да се бори са баварским, односно франачким клиром за јурисдикцију над Словенима и да се труди да одржи богослужења на словенском народном језику, против чега је западни клир жестоко агитовао. Стога је било више него неопходно да се ова новоформирана велика црквена покрајина веже за славне античке и ранохришћанске традиције и да се тиме да патронат и легитимитет моравско-панонској архидијезеци и самом Светом Методију. Због тога се и настојало нову црквену покрајину везати за Светог Андроника и Светог Димитрија, традиционално везане за Сирмијум (Homza 2006: 79-84).

И сам кнез Коцељ је желео за седиште славну и велику цркву, да ли на своју иницијативу, или подстакнут и понукан од папе, овом приликом није тема нашег излагања. Слава старог Сирмијума, који је према традицији и легендарном предању основао Свети Андроник, један од Седамдесеторице апостола је била велика (Stojkovski 2011: 58-63). Ова легенда је била више него позната, а чврсто утиснута и у словенске народе за време њиховог досељавања, како на Балкан тако и у целу Панонску низију и Карпатски басен (Duthilleuil 1963: 132-134). Исто тако, и култ Светог Димитрија је био раширен на тлу

⁴⁵ Рад представља фазни резултат истраживања за два пројекта: *Војвођански простор у контексту европске историје* (бр. 177002) финансиран од стране Министарства просвете и науке Владе Републике Србије и *Средњовековна насеља на тлу Војводине. Историјски процеси и догађаји*, бр. Решења 114-451-2216/2011, који финансира Покрајински секретаријат за науку Владе Аутономне покрајине Војводине.

старог Сирмијума, јер поред солунске легенде, постоји и панонска, према којој је Димитрије био сирмијски ђакон, а не солунски војник (Stojkovski 2012a: 155-159). И Методије ће бити велики поштовалац овог култа, и као Солунац, али и архиепископ са (макар титуларним) седиштем у Сирмијуму. Превод Светог Писма Методије је прославио свечаном литургијом управо на дан овог свеца, а написао му је канон, као и стихиру (Стојковски 2012: 847-850, 859-861)

Дакако, намере Свете Столице нису биле везане само за ширење хришћанске вере, већ су имале и политичку позадину. Један од циљева уздизања Методија на ранг архиепископа целе Паноније, односно негдашњег Илирика је и да се спрече и Коцел и бугарски кнез (тј. хан) Борис да се окрену Константинопољу (Дџопман 1987: 160-164). Борис је у ово време већ примио хришћанство и било је питање коме ће се бугарски народ и црква у настајању приклонити-Византији, односно Цариграду као хришћанском центру, или Риму. У ковитлацу тих догађаја се нашла и новоформирана моравска-панонска архиепископија на челу са Методијем.

Новоформирана дијецеза Сирмијума обухватала је не само две Паноније, односно територију Велике Моравске (и касније Угарске, свега неколко деценија по формирању и пет година од Методијеве смрти), већ и (некадашњу римску) горњу Мезију са градовима Сингидунумом, Виминацијумом и цело подручје горње Дакије. Ова папска иницијатива је, међутим, од почетка имала потешкоће јер је део негдашње римске провинције Дакије већ увелико био под влашћу Бугарске, као и Београд. Под Методијем, посредно сазнајемо, била је и Србија под једним од њених историјски првих потврђених кнежева-Мутимиром. Из писма папе Јована VIII кнезу Мутимиру сазнајемо да у Србији (у доба после Методијеве смрти 886) постоје свештеници који *долазе са свих страна*. Зацело међу њима има и оних хирогонисаних од стране епископа који су под јурисдикцијом Цариградске патријаршије. Од суседних црквених покрајина највероватније је под Цариградом била моравска митрополија митрополита Агатона. Мутимир се, пак, позива да се врати *Панонској столици*. Позив папе српском кнезу Мутимиру да се врати под јурисдикцију Панонске архиепископије указује да је и његово подручје било под управом Методија. Под архипастирском јурисдикцијом Методије није само добио Моравску већ и територије негдашњег Илирика све до граница Бугарске и Србије. Папа Јован VIII позива Србе, тј. Мутимира да се врате Панонској дијецези Методијевој јер је желео да групише словенске кнежевине и бранио је Методијева права и права Панонске архиепископије над Словенима. Преко ње, свакако, исказивао је и претензије Рима да управља овим делом Илирика, као уосталом и у позној антици (MGH *epistolarum tomus VII* 1928: 282; *Dvornik* 1926: 259-260, 275; *Duthillueil* 1963: 78-79, 135-136; *Коматина* 2010: 366; *Stojkovski* 2012b: 78).

Србија се налазила између сфера утицаја Рима и Цариграда а било је и контаката са латинским свештенством, како у самој Србији, тако и у другим српским земљама на Балкану. Није одржива теза да је митрополит Агатон у ствари Горазд (Методијев наследник у Великоморавској кнежевини) и да је чак био суфраган Методијев. Та теза се заснива на томе што Агатон на грчком, односно Горазд на словенском значе ваљан, добар и то би била нека грчка варијанта имена Методијева наследника на архиепископскоме трону (Eggers 1996: 50-52, 64-67). Међутим, следствено најновијим истраживањима др Предрага Коматине (2010), на основу новијег и дубљег проучавања расположивих савремених извора Агатон је посебни митрополит.

Дакле, Србија је готово цела својим тадашњим обимом била у саставу Методијеве дијецезе, а била је и њен врло битан део. Слично је и са територијом Београда. Панонски архиепископ је боравио и на територији кнеза Мутимира, у долини реке Мораве. У свом одговору бугарском кнезу Борису папа се дотиче и суспензије једног београдског свештеника, Словена Сергија. Он је, иако смењен од свог епископа, постављен поново од београдског владике, неког Георгија (*Dvornik* 1926: 276-277; Ферјанчић 1969: 49). Папа је овим желео да подреди ово подручје Риму и архиепископији Методијевој и није признавао црквено уређење и области Византије у овом периоду. Можда је Георгије неки од епископа постављених од Византије, против чега се папа буни. Постоји мишљење да је Београд био под митрополитом моравским Агатомом, који је учествовао и на Фотијевом сабору (Коматина 2010: 365). Међутим, изразита намера папе Јована VIII да се Сергије смени и јасна импликација да га је противзаконито поставио други епископ имплицира да је Београд папска курија сматрала својом интересном сфером и јурисдикционим подручјем. То би значило и да је београдска епископија била под Методијевом архиепископијом. Можда не у пракси, али у теорији свакако. То наравно не искључује сукоб јурисдикција на овом подручју, практично постојање на терену епископа постављеног из Цариграда са једне, и Методија, постављеног од папе, а под којим је био и Београд. У крајњој линији, треба имати на уму да су епископи и Сирмијума и Сингидунума у позној антици (посебно у IV веку рецимо) били део западног Илирика и под јурисдикцијом римских епископа.

Од других делова Србије ваља напоменути тезу да се из Срема хришћанство ширило и у Подриње управо у Методијево доба (Спремић 2005: 4). Његова архиепископија је изгледа, макар формално и насловно, имала јурисдикцију и на том подручју, што би свакако могло да ојача тврдњу о припадности и Србије, али и Београда овој архидијецези. Како се подручје Србије под влашћу кнеза

Мутимира простирало све на север, чак и до Саве, контакти са Методијевом архиепископијом су нењумњиво били и више него извесни (Максимовић 1979: 73; Ћирковић 2000: 152-153).

Током 881. године Методије је са својим ученицима боравио и на простору између Драве и Саве. У ово је време и Хрватска, као и Славонија, па и Далмација била под утицајем ћирилометодијевске мисије. Словенска литургија је заживела у далмантинским градовима, а и хрватски кнез Здеслав се на престолу учврстио уз помоћ Византије. Међутим, мало је вероватно да су Хрватска, Славонија, Далмација, а поготово Истра биле део Методијеве архидијецезе. О Дубровнику, његовом залеђу, као и Босни и зетском приморју готово да немамо никаквих изворних података. Делује као знатно већа могућност, она коју Мартин Егерс наводи (1996: 52-55) да је папство сматрало нинску бискупију као свог директног суфрагана.

Ово би био најкраћи преглед деловања Методијеве архиепископије у земљама које су насељавали срби половином IX столећа. Међутим, отвара се питање, са обзиром на наслов наше теме, у вези са Мађарима и њиховим односом ка овој дијецези. Иако се у то време Мађари не налазе у Карпатском басену, постоје њихови додирни како са хришћанством, тако и са Методијем и словенском архиепископијом.

Наиме, постоји помен у житију да се Методије срео са неким мађарским војсковођом или поглавицом, негде, наводно око средњег тока Дунава, можда баш у Срему. Очигледно је да се ради о неком врло високо позиционираном и вероватно врховном владару Мађара, са обзиром на то да је лично Методије дошао на место сусрета и да је мало вероватно да би у питању био неки обични војсковођа. Како је архиепископ на место састанка дошао из своје резиденције, врло је вероватно да се и она налазила негде близу средњег тока Дунава, што би Сирмијум учинило могућим одговором на питање где је била резиденција Методијева. Примљен је од тог војсковође или племенског старешине (*краља* како каже легенда) са великим поштовањем и необичном срдачношћу, добио је поклоне, лепо су се испричали, изљубили и разменили поклоне. Сам мађарски старешина је рекао Методију да га спомене у *светим молитвама*. Ово је могао бити или војсковођа или мађарски кнез, односно према мађарској терминологији и уређењу друштва и хијерархији од пре Гезе, вероватно неки кенде или ђула. Према Тибору Ботки, који је свој став изнео још 1878. године је у питању нико други него сам Арпад, који ће предводити Мађаре и приликом њиховог насељавања у Панонску низију. Што се хронологије тиче, она је предмет расправе у историографији, сматра се да је до сусрета дошло 880/881. године или пак у касну јесен 884. године (Botka 1878: 533-545; Király 1974: 3-4, 7, 12, 39, 67-69; Н. Tóth 1997: 113-116; Források 1997: 34; Bozsóky 1999: 138; Н. Tóth 2003: 156-163).

Ево како и гласи сам тај део из *Житија Методијевог*.

Када је стигао у Дунавску област краљу угарскоме, зајеле да га види. И мада су неки говорили и мислили да неће њему умаћи без муке, пође код њега. Овај, пак, као што достоји владару прими га почасно и свечано са весељем, те поразговоривши са њим онако као што доликује таквим мужевима беседе водити, отпусти га са љубављу и целовом уз велике дарове. Рече му:

- Помени ме, часни оче, вазда у светим молитвама твојим (Житије Методијево 1964).

Дакле, иако вероватно постоје одређене интерполације и украшавање, попут молбе тог вође (иако паганина) да га Методије спомене у молитвама, вероватно је да је дошло до сусрета неког мађарског вође са Методијем. То је веома значајан политички и дипломатски потез Светог Методија, чиме су и Мађари ушли у комонвелт хришћанских земаља. Методије је Мађаре тако својим деловањем увео у средњу Европу. Његов је значај у постављању темеља за даљу христјанизацију Мађара. Византијски утицај на Угарску ће бити врло јак током првих неколико векова. Са друге стране, Методијево постављање од папе, иако је био грчког порекла, ће везати и касније Угарску за Рим. Међутим, као и Методијева дијецеза и он сам, и Угарска ће бити у првим столећима између Рима и Цариграда. Спомен на Методија и његово дело остаће веома важан и у вези са Мађарима, јер на молбу Такшоња, 963, папа посвећује Захеја за мисијског епископа паганским Мађарима (Kosztá 2010: 219-229). Без обзира на све потешкоће које је имала у свом постојању, Методијева је архиепископија имала важну улогу у христјанизацији јер је оставила велики траг у средњој Европи, па и на Мађаре и потоњу државу коју ће основати. Са друге стране, пак, Срби ће културно и духовно остати дубоко привржени свим тековинама ћирилометодијске мисије, коју ће светосавље само да надгради.

Библиографија

Affelett sokszor harcolást töttek . . . Források a Délvidéki történetéhez, (1997). szerkesztette Csorba Béla, Budapest, Síp.
Botka Tivadar, (1878), Millenárium, vagyis a magyar államiság ezeréves fordulójára 884-től 1884-ig, *Századok* 1878, 533-545.

Bozsóky Pál Gerő, (1999), *Magyarok útja a pogányságból a kereszténységig*, Szeged, Agapé.

Dvornik, François (1926). *Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle*, Paris, Institut d'études slaves.

- Дьопман Ханс-Дитер (1987), *Значението на България за отношението на папа Йоан VIII към архиепископ Методий*, Кирило-Методиевски студии, книга 4, Хиляда и сто години од смъртта на Методий, София, 160-164.
- P. Duthilleuil, (1963), *L'Évangélisation des Slaves. Cyrille et Méthode*, Tournai, Desclée.
- Eggers Martin (1996), *Das Erzbistum des Method. Lage, Wirkung und Nachleben der kyrillomethodianischen Mission*, München, Sagner.
- Житије Методијево (написано у другој половини 885. г.), (1964). Превела Олга Недељковић. у: *Кирило и Методије - житија, службе, канони, похвале*, Београд: Српска књижевна задруга. http://www.rastko.rs/bogoslovlje/sv-braca/zitije-metodijevo_c.html приступљено 7. априла 2013.
- Johannis VIII papae epistolae*, (1928), Monumenta Germaniae Historica epistolarum tomus VII, Berolini.
- Király Péter, (1974). *A magyarok említése a Konstantin- és Metód-legendában*. Budapest, Magyar nyelvtudományi társaság.
- Коматина Предраг (2010), *Моравски епископ Агатон на Фотијевом сабору*. у: Српска теологија данас 2009. Зборник радова првог годишњег симпозиона одржаног на Православном богословском факултету 29-30. маја 2009, Београд, 359-368.
- Kosztai László (2010), *Metód és a magyar kereszténység kezdetei. Zacheus püspök felszentelése 963-ban*, in: „Fons, skepsis, lex”. Ünnepi tanulmányok a 70 esztendőös Makk Ferenc tiszteletére. SZTE Történeti Segédtudományok Tanszék. Szegedi Középkorász Műhely.
- Magnae Moraviae fontes historici II. Textus biographici, hagiographici, liturgici* (1967), ed. Lubomír Havlík, Praha-Brno, Universita J. E. Purkyně.
- Максимовић Љубомир (1979), О времену похода бугарског кнеза Бориса на Србију. *Зборник Филозофског факултета*, 14-1, 69-75.
- Спремић Момчило (2005), *Јадар у средњем веку*, у: Прекинут успон. Српске земље у позном средњем веку, Београд, Завод за уџбенике и наставна средства, 3-42.
- Стојковски Борис (2011), О апостолском пореклу епископије Сирмијума, *Споменица Историјског архива Срем*, 10, 55-64.
- Stojkovski Boris (2012a), *The Identity of Saint Demetrius, Belief Narrative Genres*, Зоја Карановић, Willem de Blécourt (editors), 155-162.
- Stojkovski Boris (2012b), *Današnja Slovačka i Srbija i Metodijeva panonska ahiepiskopija. Acta historica Posoniensia XLIX, Z dejin slovensko-srbských vzťahov*, 76-83.
- Стојковски Борис (2012), Историјски контекст Методијеве Стихире Светом Димитрију, *Филологија и универзитет, Наука и савремени универзитет 1*, 847-863.
- Ћирковић Сима (2000), *Образовање српске државе*, у: Историја српског народа I, Београд, Српска књижевна задруга.
- Ферјанчић, Божидар (1969) *Сирмијум у доба Византије*. У: Сремска Митровица, Сремска Митровица: Скупштина општине - Музеј Срема.
- Homza, Martin (2006), *Svätý Metod a jeho právne pokusy*, у: Balkan i Panonija kroz istoriju. Zbornik radova, Novi Sad, 79-84.
- H. Tóth Imre, *Metód találkozás az „Ugor királlyal”*, (1997). у: *A honfoglalás 1100 éve és a Vajdaság-1100 година досељења Мађара и Војводина*, главни уредник Петар Рокаи, Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна средства-Forum könyvkiadó, 113-119.
- H. Tóth Imre, (2003). *Ciril-Konstantin és Metód élete, működése*, Budapest, Bába.

Andrzej Strużyna

Uniwersytet Opolski
Opole, Polska

DEGRADACJA TRADYCJI. WESELE SMARZOWSKIEGO JAKO ANTY-WESELE

Author analyse the function of folklore inspirations in Wojciech Smarzowski's movie The Wedding (pol. Wesele, 2004). Film shows the actual form of Polish culture, when the tradition and contemporaneity collide themselves, what is accompanied with question about the condition of cultural and national identity of Poles. The time when Smarzowski's film was made, shows its correspondence with television series of "Polish Holidays" (2000-2006). Author analyse the similarities and differences between these movies which links the idea of holidays as the prism which shows the state of polish culture, tradition and identity.

Key words: polish cinema, Wojciech Smarzowski, Wesele, folklore, cultural identity

Wesele (2004) Wojciecha Smarzowskiego zajmuje ważne miejsce w polskiej kinematografii powstałej po 1989 roku. To film, od którego rozpoczęła się sława polskiego reżysera. *Wesele* zaszokowało publiczność, ponieważ wyciągnęło na wierzch przywary szarego, statystycznego Polaka ogarniętego konsumpcjonistycznym stylem życia. Co istotne, pojawienie się filmu w 2004 roku można odebrać jako wbicie klina w pozytywny obraz codzienności ujmowanej przez pryzmat dorocznych ceremonii kreowany w cyklu „Święta Polskie” (2000-2006). Dzieło Smarzowskiego posiada swoistą głębię znaczeń, w której odbija się nie tylko ponadczasowa postać stereotypowego Polaka, lecz także kondycja współczesnej polskiej kultury.

Wesele w tradycyjnym ujęciu, jako obrzęd przejścia, jest czasem liminalnego wyłączenia biesiadników, którego celem jest ustanowienie na powrót porządku i nadanie parze młodej nowego statusu społecznego. Z racji wagi wydarzenia uczestnicy obrzędu powinni zachować powagę, która zarazem stanowi wyraz szacunku dla kulturowanej tradycji. Pomimo współczesnych zmian w przestrzeni kulturowej zauważyć można, że obrzędy w znacznej mierze zachowują swoją rolę w społeczeństwie. Wprawdzie w niepamięć odeszło tradycyjne pojmowanie znaczenia poszczególnych zwyczajów weselnych (np. oczepiny czy pokładziny), jak również przesunięciu uległo rozumienie istoty obrzędu (obecnie podkreślany jest głównie aspekt zabawowy), jednak nadal każdemu ważnemu wydarzeniu w życiu człowieka towarzyszy celebrowanie, świętowanie nowo zaistniałej sytuacji/roli społecznej.

Wesele Smarzowskiego odbiega od tradycyjnego przebiegu obrzędu. Film rozpoczyna się sceną ślubu Katarzyny i Janusza (Tamara Arciuch i Bartłomiej Topa). Od samego początku widz obserwuje zakłócenia powagi i dostojności uroczystości, w szczególności w momencie, gdy ojciec panny młodej opuszcza na chwilę kościół. Już pierwsze minuty filmu wskazują na odstępstwo reżysera od konwencji, jakie narzuca tradycja. Owe zaburzenia wzmacniane są przez Smarzowskiego poprzez dodanie zarejestrowanych ujęć i dźwięków z offu, które wprowadzane są wraz z pojawieniem się kamerzysty. Wyróżnić zatem należy dwa rodzaje kadrowania. Jeden, charakteryzujący się czystym obrazem, obrazuje główną linię fabularną. Z kolei sceny ujęte w ziarnistym obrazie stanowią poboczny komentarz uroczystości, które bądź to zawierają zapis opinii i plotek wygłaszanych przez gości, bądź to wyłapują szczegóły podkreślające wszelkie odejścia od oczekiwanych zachowań (np. śmiech panny młodej w czasie przysięgi małżeńskiej lub jej zniesmaczenie weselnymi zabawami o podtekście erotycznym). Dwa rodzaje ujęć wzbogaca warstwę fabularną. Jak wskazuje Barbara Giza (2007: 110-112), wprowadzenie dodatkowej kamery daje wrażenie odbierania obrazu dokumentalnego, który wychwytuje ukrywane przez biesiadników niewygodne komentarze i zachowania. Dodatkowa kamera podgląda uczestników uroczystości, w efekcie czego widz postrzega w obrazie swoje własne odbicie, ponieważ w krytykowanej rzeczywistości przypada mu współuczestniczyć.

Zaburzenie dostojności, powagi i radości sygnalizowane jest także w warstwie dźwiękowej. Scenom zatargów słownych pomiędzy nowożeńcami, a także wygłaszanym przez Wiesława Wojnara górnolotnym przemówieniom, towarzyszą szumy i przeciążenia głośników rozstawionych na sali. Wskazują one na fałszywe i złe intencje bohaterów. Warstwa wizualna i audialna posiadają w dziele Smarzowskiego rozbudowane znaczenie. Również zespół muzyczny przygrywa zgodnie z panującymi na sali nastrojami. Z jednej strony w tle usłyszeć można typowe disco-polo, w tym piosenki typu *Biały miś* i *Więś jak malowanie – ze słowami chcę się z Tobą parzyć w gnoju i na sianie* (Smarzowski 2004) – które jawią się jako ekwiwalent współczesnej polskiej tradycji weselnej; usłyszeć można także *Rotę* Konopnickiej, która na ustach pijanej gromady brzmi złowieszczo, ale również przewrotnie, gdyż największymi wrogami okazują się otaczający ludzie; a także – towarzysząca finałowej scenie istnego „krajobrazu po bitwie” – jazgocząca muzykę przypominającą psychodeliczny blues.

Akcja zamknięta w ciasnej sali remizy tworzy poczucie duszności. W filmie brak przestrzeni wolnej, swobodnej, bezpiecznej. Niezdrowa, negatywna atmosfera obecna jest wszędzie. Świat kreowany przez Smarzowskiego jest jednoznacznie negatywny. Wśród bohaterów trudno wskazać postaci pozytywne lub neutralne. Działania każdej z nich mnożą konflikty i pogłębiają ciężki nastrój, który opanował przyjęcie. Jedyne dziadek panny młodej wymyka się z całkowicie zepsutej etycznie zbieraniny ludzi, odbiega od panującego

sposobu bycia. Jednakże jedyna ostoja moralności niknie pośród gawiedzi – można to odnieść do stwierdzenia Zygmunta Baumana (1995: 87), który pisał o konieczności usunięcia ze społeczeństwa nieokreśloności – ponieważ dziadek, zastraszony przez syna domagającego się przepisania praw do działki, dostaje zawału serca i umiera. Z kolei postać Mateusza obsługującego kamerę staje się kozłem ofiarnym społeczności. Co istotne, jego obecność ściąga nań gniew panny młodej, z którą w przeszłości tworzył związek. Zarejestrowane przez niego wydarzenia są ostatecznymi dowodami panującego wokół zła. Wesele nie jest zatem uroczystością, które z racji swej nazwy powinno być radosną ceremonią. Jest wymuszonym wydarzeniem, które pochłania nie tylko górę pieniędzy, lecz także pozytywne ludzkie emocje, ukazując chciwość, małostkowość i grubiańskość bohaterów.

W filmie najbardziej wyeksponowany zostaje prezent ojca panny młodej, którym jest drogi, sportowy samochód, który odwraca uwagę gości od najważniejszej w tym dniu postaci, czyli panny młodej. Jak deklaruje głowa rodziny Wojnarów, dar ma posłużyć nowożeńcom za godziwy środek transportu w czasie ich podróży poślubnej. Posiadanie drogiego samochodu ma ich wywyższać w oczach wiejskiej społeczności, ponieważ odtąd młodzi będą podróżować – jak stwierdza Wiesław – *nie jak dziady jakie, ale jak ludzie* (Smarzowski 2004). Ślub i wesele są rozbuchane po to, aby poniżyć miejscową ludność, sugerując jednocześnie bogactwo i przepych Wojnarów. Wszystko podyktowane jest woli głowy rodziny, zaś jego buńczuczne stwierdzenie *bo mnie stać* można odnieść do chęci wyjścia ponad status społeczny chłopca. O jego aspiracjach świadczy w znacznej mierze niechęć do ziemi, którą z łatwością pragnie oddać za samochód, także wysłanie młodej pary do kraju śródziemnomorskiego popularnego wśród klasy średniej, a także stosowanie łapówek w celu szybkiej i taniej organizacji wesela (Janicka 2004: 20). Bohater partycularnie obchodzi się ze swoją rodziną, czego przejawem jest sposób, w jaki potraktowana została jego córka, którą pośpiesznie wydał za Janusza, przy czym kartą przetargową nadającą ciężarnej Kasi wartość w oczach przyszłego małżonka było nowoczesne Audi.

Innym elementem kontrastującym zaprezentowaną przez Smarzowskiego uroczystość jest kwestia tradycyjnej gościnności. Zgodnie ze zwyczajem, stoły powinny uginać się pod ciężarem jedzenia, co z jednej strony jest serdecznym gestem względem gości, zaś z drugiej ma podkreślać zamożność rodziny, a także stanowi przejaw zaklinania przyszłości młodej pary na urodzaj i bogactwo. Dlatego też *weselna uczta miała być biesiadą, na którą powinno się składać wszystko, co najlepsze* (Zadrożyńska 2002: 140). Zestawiając tradycyjną wizję obrzędu weselnego z *Weselem* Smarzowskiego, zauważyć należy ich całkowitą rozbieżność. Wojnarowie chcieli zorganizować uroczystość tanim kosztem, przy czym skąpstwo gospodarzy wylania się w najmniej spodziewanych momentach. W centrum zestawu pokarmów znajduje się bigos ugotowany z przeterminowanych produktów, który ostatecznie, w strachu przed kontrolą sanepidu, zostaje zabrany z sali. Również wódka weselna jest lichy jakości, choć zgodnie z tradycyjną wizją świata, alkohol jest niezbędnym elementem obrzędów przejścia (Kowalski 2007: 18). Podobnie z zespołem muzycznym, który robi zbyt długie przerwy, oraz początkującym kamerzystą, który posługuje się małym, słabej jakości sprzętem. Marność wesela wyziera z każdego kąta, co zarazem jest diagnozą całej społeczności. Obrzęd weselny (również u Stanisława Wyspiańskiego i Andrzeja Wajdy) posiada funkcję soczewki, poprzez którą następuje zerwanie masek, czyli skrytykowanie i ośmieszenie ludzkich przywar koncentrujących się wokół kultu pieniądza (Giza 2007: 107).

Tak zakrojona wizja degeneracji społeczeństwa i samego obrzędu weselnego sprawia, że dzieło Smarzowskiego można ujmować jako anti-wesele. Wrażenie to podkreśla fakt, iż nie zostały spełnione wszystkie tradycyjne wymogi towarzyszące zaślubinom (małżeństwo nie zostaje „skonsumowane”, co w świetle prawa stanowi jeden z podstawowych argumentów rozwodowych), zaś panna młoda, dowiadując się o traktowaniu swej osoby jako towar, ucieka ze swoją prawdziwą miłością. Z kolei odnosząc *Wesele* do mitu rezurekcyjnego (Gutowski 2009: 134-136), warto zauważyć, że noc jest czasem, w którym następuje symboliczna śmierć, wówczas ujawnia się drzemiące w ludziach zło. To czas niebezpieczny, jednak jedyną ostoją ładu jest sala weselna. To, co dzieje się poza nią, to spiski, bójki, szantaże, zdrady. Sama sala, dopóki jest oświetlona, jest przestrzenią bezpieczną (moment, w którym wyłączone zostaje światło, to czas ukrywania zepsutego bigosu – zatajania dowodów – oraz nakrycia gospodarza ze świadkową w kantorku, co kończy związek rodziców panny młodej). Naruszenie porządku obrzędu skutkuje wywróceniem dotychczasowego ładu. Remiza wylaniająca się z porannej mgły to zatrważający widok zniszczonych ludzi, którzy stracili zmysły w wirze weselnej zabawy (czego przejawem są bosy mężczyźni). Wtenczas ujawnia się także prawdziwa postać Mateusza, który nad ranem pozbywa się peruki (swego rodzaju maski zapewniającej inną tożsamość). Ściąga mu ją z głowy Katarzyna, co odebrać można jako moment dostrzeżenia w bohaterze dawnej miłości i pogodzenia się z nim. Poranek to nastanie nowej harmonii w życiu społecznym, dlatego można stwierdzić, że obrzęd w filmie Smarzowskiego posiada funkcję oczyszczającą.

Pomimo tego, że dzieło prezentuje ponurą wizję społeczeństwa opartego na układach i łapówkach, finał opowieści jest względnie optymistyczny. Dokonuje się tradycyjna formuła kary za grzechy (w przypadku ojca panny młodej), a także zostaje usankcjonowany nowy porządek, w którym wzgardzone kobiety (Katarzyna i jej matka) łączą się ze swoimi życiowymi miłościami. Smarzowski ukazuje, że w świecie pełnym zła dobro także ma swój czas i swoje miejsce.

Inny obraz tradycji, kultury i tożsamości Polaków wylania się ze „Świąt Polskich”. To cykl fabularnych filmów telewizyjnych powstały w latach 2000-2006, których twórcy za cel obrali sobie ukazanie opowieści o

ludziach w kontekście polskich świąt dorocznych. W ten sposób powstało 13 obrazów, które również wykorzystują temat świąt jako pryzmatu ukazującego społeczne postawy i przekonania. W tym względzie zauważyć należy podobieństwo konceptu do dzieła Smarzowskiego, które mimo wszystko nie jest identyczny. Ideą reżysera *Wesela* z 2004 roku było stworzenie obrazu polskości u progu XXI wieku, co zarazem stanowi kontynuację rozważań nad stanem tożsamości Polaków zapoczątkowanych przez Wyspiańskiego na przełomie XIX i XX stulecia oraz podjętych ponownie w latach 70. ubiegłego wieku przez Wajdę. Już sam pomysł zakładał zawarcie w filmie dużego akcentu satyryczno-krytycznego, przez co wielu krytyków odnosi dzieło Smarzowskiego do literackiego gatunku pamfletu ^(Giza 2007, Janicka 2004). W przypadku cyklu „Święta Polskie” również zauważyć można akcenty demaskatorskie, jednakże nie są one przedstawione – jak w *Weselu* z 2004 roku – w sposób jednostronny. Ich fabuły nie są ze sobą powiązane, zaś wynurzające się poglądy bohaterów wskazują na głębokie utożsamianie się z tradycyjnymi świątami. Filmy podkreślają istotne znaczenie szeregu świąt w roku kalendarzowym, które wyznaczają rytm życia, a także definiują ich kulturową tożsamość.

Cud purymowy w reżyserii Izabelli Cywińskiej z 2000 roku to dzieło rozpoczynające cykl „Święta Polskie”, które brało na warsztat zagadnienie antysemityzmu. Film przedstawia historię rodziny Kochanowskich o skrajnych poglądach, które przejawiają się jako kontrowersyjna forma wymuszanych społecznie deklaracji przynależności narodowej: w przypadku ojca jako zapewnienie o swej polskości i męskości względem otoczenia (w tym rodziny i współpracowników z fabryki), z kolei w sytuacji syna jako świadectwo braterstwa i lojalności w relacji do grupy pseudokibiców. Dotychczasowy ład, w którym funkcjonowała rodzina, załamuje pojawienie się adwokata bogatego dalekiego krewnego zza oceanu, który zmarł nie pozostawiając po sobie spadkobierców fortuny. Jedynym wymogiem, zapisanym w testamencie, było odszukanie najbliższego w rodzie krewniaka, który pielęgnował tradycję i wiarę ojców, jak się okazuje – judaistyczną. Nagły zwrot akcji sprawia, że rytm życia, poglądy i praktyki religijne członków rodziny stopniowo ulegają zmianie. Celem ich działań jest uzyskanie spadku, jednak z czasem bohaterowie oswiają się z myślą, że zarówno ze strony ojca rodziny (którego dziadkowie przed II wojną światową nazywali się Cohen) oraz matki, przynależą z racji prawa krwi do narodu Mojżeszowego. Ich przemianie towarzyszy seria wydarzeń ujętych w konwencji komedii. Zgodnie z życzeniem adwokata rodzina przygotowuje się do celebrowania święta Purim zgodnie z wszystkimi wymogami tradycji. Wspólny cel połączył na nowo członków rodziny i pomimo faktu, iż znaleziony został inny krewny, którego więź z bogatym wujem była bliższa, odkryta religia przodków stała się dla bohaterów podstawowym wyznacznikiem definiującym na nowo ich tożsamość. Zatem zauważyć można odmienny sposób ukazania tematu świadomości narodowej i religijnej głównych postaci aniżeli ten, który prezentuje Smarzowski. Dbanie o tożsamość jawi się w *Cudzie purymowym* jako podstawowy element wprowadzający harmonię w życie człowieka.

Żółty szalik (2000) stworzony przez Janusza Morgensterna to jeden z kolejnych filmów wpisujących się w cykl „Święta Polskie”. W tym dziele podjęty został motyw Bożego Narodzenia, zaś tematem przewodnim stał się alkoholizm. Wspomniany okres świąteczny związany jest z różnymi wierzeniami, które w kulturze typu ludowego łączą się z magicznym traktowaniem czasu przesilenia zimowego jako nowego początku, reintegracji i odnowy sił życiowych (Ogrodowska 2009: 12). Stąd wykorzystany w filmie motyw bożonarodzeniowy ma dawać nadzieję, że bohaterowi walka z nałogiem może się udać.

Kanwą filmu jest opowieść o uzależnionym od alkoholu dyrektorze dużej firmy, który przez lata trwania w nałogu nadwyrężył relacje z bliskimi. Rodzina, aby przypominać bohaterowi filmu o obietnicach walki z uzależnieniem, co roku daje mu w prezencie pod choinkę żółty szalik, który zwykle w krótkim czasie bezpowrotnie gubi. Akcja filmu rozpoczyna się na kilka dni przed świętami Bożego Narodzenia, kiedy to główna postać obserwuje w samotności wzmożone przygotowania otaczających go osób do corocznego świętowania. Nie radząc sobie psychicznie, rozpija się do nieprzytomności. W efekcie trafia do domu matki, która czuwa nad pozostaniem syna przez te kilka dni w trzeźwości. Święta Bożego Narodzenia stają się dla bohatera czasem odpoczynku od nałogu, a także momentem, w którym może trzeźwym okiem spojrzeć na swoje relacje z najbliższymi. Wydawać by się mogło, że na oczach widza dokonuje się odnowa wewnętrzna głównej postaci, jednakże z sielankowej atmosfery wytrąca scena, w której bohater, żegnając się z matką, zostawia w jej domu żółty szalik.

Morgenstern stworzył wzruszającą, tragikomiczną opowieść o nieprzewidywalności ludzkiego losu. Tym co odróżnia prowadzony przez niego sposób narracji od filmu Smarzowskiego jest budowanie nadziei w możliwość reintegracji, rozpoczęcia nowego rozdziału w życiu człowieka, którego wielu spisałoby na straty. Jest to wizja pozytywna, lecz nie nazbyt optymistyczna, gdyż zgubienie po raz kolejny szalika może wskazywać, że historia zatacza koło, lecz z drugiej strony może świadczyć o świadomym wyborze bohatera, który – nie chcąc po raz kolejny zawieść rodziny – postanawia zostawić za sobą swego rodzaju stygmat, który nie tylko może przypominać o trzeźwości, lecz także o jego problemie alkoholowym. Co istotne, święta stanowią w *Żółtym szaliku* czas radosny i zarazem magiczny, w którym cuda mogą się zdarzyć.

Z kolei *Biała sukienka* w reżyserii Michała Kwiecińskiego z 2003 roku podejmuje temat Bożego Ciała. Fabuła osadza się na ukazaniu trzech relacji: a) skłóconych sąsiadów, którzy rywalizują ze sobą w każdej dziedzinie; b) zaprzyjaźnionych córek z tychże rodzin; c) młodych mężczyzn o odmiennych poglądach.

Wyróżnione relacje są przejawem trzech pokoleń: dzieci, 20- i 30-latków. Dla każdego z bohaterów filmu Boże Ciało posiada inny wymiar. Dla dziewczynek święto jest podniosłą uroczystością, w której wspólnie biorą aktywny udział – możliwość sypania kwiatów jest oznaką prestiżu. Dla pokolenia 20-latków święto, a także własna tożsamość religijna, posiada wymiar indywidualny. Z jednej strony prezentowana jest postać Maćka, zachwyconego wielkomięjskim życiem niedoszedłego studenta, który gardzi religijnością ludzi zamieszkujących jego rodzinną miejscowość i z racji swych poglądów zalicza się do nowoczesnej, laickiej części społeczeństwa. Drugi z bohaterów, Damian, to zakochany w swym regionie chłopak, całkowite przeciwieństwo Maćka. Przynależy do krytykowanej społeczności wiejskiej, a jego religijność wyznacza rytm życia, głównie z racji tego, iż jest księdzem. Z kolei dla pokolenia 30-latków Boże Ciało stanowi pretekst do rywalizacji z niekochanymi sąsiadami. Przygotowania do święta zostają sprowadzone do pokazania się w jak najlepszym świetle w czasie uroczystości.

Film ukazuje Polskę kontrastów, jakie pojawiają się na styku tradycji i nowoczesności. Występują w nim nadnaturalne zjawiska, tzn. zawarta jest wizja religijności magicznej. W porównaniu do pozostałych omawianych dzieł, *Biała sukienka* jest filmem przerysowanym, ultra-optimistycznym, który w subiektywny sposób zaznacza ważność święta nie tylko jako obowiązku czy faktu społecznego, lecz także wskazuje na głębokie zakorzenienie tradycyjnej religijności w obszarach pozamiejskich, co kontrastuje z obrazem Smarzowskiego. W tej perspektywie *Wesele* z 2004 roku ująć można jako film o bardzo fatalistycznej fabule, który wyciąga na wierzch zło drzemiące w ludziach. W dziele Kwiecińskiego motyw boskiej kary za grzechy zostaje złagodzony, co sugeruje realne następstwa wiary oraz rzeczywistą możliwość ingerencji Boga w sprawy ludzkie. Najistotniejsze jest jednak to, że filmy wchodzące w skład cyklu „Świąt Polskich” wskazują na różnorodność poglądów i postaw społecznych, dzięki czemu ich twórcy unikają określania przestrzeni społecznej jako jednorodnej i jednobarwnej, co ma miejsce w dziele Smarzowskiego.

Fakt powstania *Wesela* w 2004 roku (czyli po powstaniu przytoczonych trzech obrazów z cyklu „Świąta Polskie”) może wskazywać na pewną konsekwencję analizowanych filmów. Inaczej ujmując, można dzieło Smarzowskiego ujmować jako pewne dopełnienie obrazu społeczeństwa polskiego kreowanego przez polskich reżyserów u progu XXI wieku. Istotną różnicą pozostaje sposób ukazania przestrzeni społecznej. W *Weselu* przedstawiany jest negatywny obraz z wyraźnym zaznaczeniem zdegradowania obrzędu do pustej znaczeniowo formy ceremonii i rozpasania. Z kolei w filmach z cyklu „Świąta Polskie” zawarta została optymistyczna wizja społeczeństwa pełnego różnorodności, przy czym święta doroczne stanowią istotne wydarzenia wyznaczające rytm życia społecznego. Jednakże tym, co łączy twórców, jest przekonanie, że najważniejsze wydarzenia w życiu człowieka, zarówno w znaczeniu obrzędów rodzinnych i świąt dorocznych, stanowią zwierciadło, w którym odbija się stan kultury, tradycji i tożsamości ludzkiej.

Bibliography

- Bauman, Zygmunt (1995), *Wieloznaczność nowoczesna, nowoczesność wieloznaczna*, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Genep, Arnold van (2006), *Obrzędy przejścia. Systematyczne studium ceremonii*, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Giza, Barbara (2007), Wyspiański – Wajda – Smarzowski. Sto lat Wesela. In: *Kino polskie po roku 1989*, Bydgoszcz, Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego.
- Gutowski, Wojciech (2009), *Wesele, czyli zaćmienie mitu*. In: *Stanisław Wyspiański: w labiryncie świata, myśli i sztuki*, Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
- Janicka, Bożena (2004), Królewski szczepek piastowy. *Kino*. 10/2004, 20.
- Kowalski, Piotr (2007), *Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie*, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Ogrodowska, Barbara (2009), *Polskie obrzędy i zwyczaje doroczne*, Warszawa, Sport i turystyka - MUZA SA.
- Turner, Victor (2010), *Proces rytualny. Struktura i antystruktura*, Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Zadrożyńska, Anna (2002), *Świątowanie polskie. Przewodnik po tradycji*, Warszawa, „Twój Styl”.

Filmography

- Kwieciński, Michał (2003), *Biała sukienka*.
- Cywińska, Izabella (2000), *Cud purymowy*.
- Smarzowski, Wojciech (2004), *Wesele*.
- Morgenstern, Janusz (2000), *Żółty szalik*.

Tsvetelina Šubova

Masaryk University
Brno, Czech Republic

CONVERSATION ANALYSIS AND DIFFERENCES IN MEN'S AND WOMEN'S SPEECH (ON CZECH AND BULGARIAN LANGUAGE)

The article treats the issue of sequential organization of the conversation between men and women. It shows how conversation analysis reveals specific features of the speaker's style. From this perspective, with regards to the reflection of the public interview, the article examines the organization of the turn-taking system in transcribed authentic dialogues.

Key words: conversation analysis, gender, media

1. Overview of the theoretical conclusions of gender linguistics

At present there are numerous publications, referring to gender linguistics and language analyses. (Lakoff 1975, Tannen 1991)

Gender linguistics is a field, focusing on the division, in language and speech, between men and women. It examines the asymmetries in the use of language on stylistic, grammatical and morphological levels; it also describes what motivates the choice between different language variations and constructions, (i.e. the different ways in which men and women can say the same thing). Researchers accomplish this analysis by examining the topics of conversation, which are typical for men or women and evaluates the prestige of preferred and predominant language variations.

Many studies, dedicated to the gender commonly characterize language as patriarchal, or as a reflection of the patriarchal society. The impact of social structures on language and vice versa is equivalent. It thus appears that language plays an important role in self-awareness and self-identification of individuals among and within the society.

In the field of Slavic languages gender linguists began to develop relatively late. Papers, which examine gender features in Bulgarian, are primarily describing the philosophical, aesthetic and social basis (Kirova – Slavova 2001). Papers on Czech language focus on the structure of the codified language, which differs markedly from the spoken language.

Bulgarian and Czech linguists, who deal with the aspects of the gender in language, emphasize the significance of the gender inflection and formation of feminine nouns by masculine nouns. According to these linguists the discrimination of women through language occurs mainly in ignorance of the language equivalent feminine nouns, e.g. avoiding the use of words with feminine gender in references, texts and documents addressed to both sexes, and excessive use of generic masculine (Valdrová 1998). Women prefer to name themselves using masculine forms, especially when naming their profession or also when utilizing generalizations in their speech.

2. Media speech as an opportunity for a different interpretation of the gender discourse

Before we define some distinctive features of media speech, it is necessary to emphasize that the authors, who dedicate their work to gender issues in language, are studying mainly the codified language and its structures. Considering that, seeking gender differences in male and female style, based on the structure, with which language provides us, is irrelevant. This is not only because, when talking, we can choose between different language variants to express ourselves, but also because gender is a socially based category such as the spoken language.

Spoken language reveals a specific organization and sequence of the dialogue. Dialogues are composed of turn-constructive units, which often are ritualized. Such kind of ritualized sequences are the greeting and the response to it, the invitation and its acceptance. This ritual acts activate a social pressure on speakers, because they are forced to choose from preferred and expected reactions. For example, when we ask a question, we expect a clear and specific answer, rather than an implicit statement, when we invite, we prefer acceptance. Spoken language is also characterized by multiple contact (*yes; mm*) and commenting signals (*according to me; I think*), unfinished stylistic constructions, limited repertoire of conjunctions, overlapping, elliptical structures, etc.

Media speech analysis is burdened not only with the definition and interpretation of the different components of the dialogue, but also with its main purpose – to influence and engage the public opinion. N. Fairclough highlights several key techniques of media speech – forming a tension and an incompatibility between its aim to entertain and inform the public at the same time, a tension between the purpose of the media to sell its product and simultaneously to regulate and control the public. These strategies are achieved by conversationalization – the perceiving of elements of the colloquial style. (Fairclough 1995)

Unifying the media conversation style and the colloquial style gives the opportunity to examine and verify if the conversation style of the speaker is similar to the way he speaks outside the media sphere. Even

though the public performance affects the choice between language variants, it is obvious in transcribed media speech that the personal style of an individual, which is marked by education, social status, occupation, and gender, is preserved.

The main objective of this article is to establish the importance of conversation analysis to the study of gender. Transcribed dialogues from a Bulgarian and Czech media outlet represent the spoken language, which is the most accurate device to demonstrate the social and cultural reflection which is encoded in speech. We will focus on techniques that men and women use to express their opinions, take part in conversation and to construct their own identities.

3. Analysis of the excerpt dialogues

According to D. Tannenmen's and women's speech differ in their aims. The author introduces two terms, which characterize the speaker's intention, depending on his gender. She considers male speaking style as *report-talk* which gives exact information, and the female style as *rapport-talk*, which aims to create a connection. (Tannen 1994) Thus Tannen establishes the empirically unproven thesis of R. Lakoff, according to which the female style reveals insecurity and lack of competence and authority. (Lakoff 1975) Another suggestion, which these two authors assert, is that women are less aggressive in interaction and more often express their insecurity. Their style is recognized with its high amount of tag questions, which imply agreement and confirmation.

The following is a transcription from a conversation between men and woman in the media domain. The speech features found in the following transcription do not fully confirm the above conclusions:

[Тройка на разсъмване (3.07.2012)]

1. Ж: шест минути остават до девет сутринта, добро утро ((...))тазисутрин коментираме (.)
2. следниявъпрос (.) редно ли е възрастните родители да бъдат изпращани в старчески дом и ако е:
3. така: защо?
4. ((прочита мнение на слушател и завършва с пауза))
5. М1: редно е и хората, които се чувстват самотни също да имат [ə:] място, където да могат да общуват
6. със [ə:] хора с близки по тях, както по възраст, така и по интереси [ə:], засъжаление във България аз
7. не съм видял някъде да има клубове, където тези хора, дамогат да контактуват помежду си (.)
8. М2: [а: има има
9. Ж: [а:зависи, напротив↑ начи (.) питай половината туристически дружества
10. М2: =[да]
11. Ж: [те са] сбирки, песни, разходки, вече въпроса е в какво физическо състояние си идали да:
12. можеш [ə:] да (.) излизаш и да се движиш, но да: та съм виждала снимки от [ə:]точно таки'а
13. туристически клубове и разходки, ма най различни (.)↑
14. М2: ма те са ['сяка седмица:
15. Ж: [те са и на песнина танци и на какво ли не, буквално б едната жена,жива и здрава да
16. е, повече време, с две патрици, обаче беше тръгнала да ходи наекскурзия и на: разходки, наистина
17. ба, страхотен дух
18. М1: ми [то
19. Ж: [вече, ако няаш[сили]
20. М2: [мхм]
21. Ж: и с просто играеш на табла, е тия м:
22. М2: да
23. Ж: [ə:] как се казваше:клубчетатакоит са, кварталните
24. М2: да: ,те ги има таки'а още, ама: з, говорим за туристическите дружества,македонските дружества,
25. [неразбираемо]
26. Ж:[жестоко]
27. М2: смисъл (.) 'наиш как са се изхитрили?
28. Ж: =охо
29. М2: аз гледам баба ми, редовно са по ня'кви екскурзии по три лева, в които влиза спане:,ядене:,
30. всичко нали (.) по три пъти↑, и: [ə:] д няк'ви фирми, които им пробут[ə:] семъчат да им пробутат
31. примерно: одеала, прахосмукачки ((...)) и:най-накрая, смисъл, за малко пари: [обикаляш
32. (неразбираемо)]
33. Ж: [чакайтеда ви прочета,
34. ↑да и между другото, жесток дух ипреживяват неща, за които преди не саимали време, грижили са
35. се, работили са

36. M2: [да,да,да]
 37. M1: [да бе да, може, но все пак има много:]
 38. Ж: [ето какво пише Дима Трифонова (.)]

At the beginning of the conversation excerpt, we can detect that the hostess (Ж) is assuming the dominant role, compared to the participation of her colleagues. At the beginning she introduces the topic of the conversation and after reading an opinion of a listener, she stops talking to allow the other two hosts (M1 and M2) to comment and express their opinion. Once after M1 states his impression, that clubs for pensioners do not exist, Ж and M2 interrupt him. The interruption, as well as gaps, provides for the potential chance of shifting the speakers. Transitioning the speakers does occur and the hostess starts her lengthy utterance, which recalls a story-telling (from line 11 to 17). One of her colleagues (M2) attempts to interrupt her, in order to take part in the conversation. After a transition-relevant opportunity, where the hostess has a pause, he is trying to take a turn at line 14, but the hostess ignores his attempt. Entertainer's efforts to join the conversation failure and turn out to be only an overlapping contribution. That's why the hostess keeps on speaking.

The next transitions (18, 20 and 22) are not part of thematic sequence, but additional attempts by the hosts to express their opinions; because their colleague does not provide them feedback, their overlapping assumes the function of a supportive technique (*yes, mhm*).

At several places the utterances overlap, which is typical for a spoken language. Overlapping, even interruption, can serve as a cooperative function, which does not cause a conflict. In such a case, the cooperative technique maintains the conversation and shows that the participants are actively listening. Nevertheless, it is obvious from the excerpted dialog, that the hostess doesn't allow a transition-relevant place. She maintains her role of the speaking person, without making pauses or demonstrating a lack of confidence, or expressing hesitation.

After the transition of the speakers (29 to 32), which forms a complete thematic sequence and one of the hosts expresses his opinion, the hostess interrupts him again, completely changing the topic of the conversation - *чакajтeдaвнoпpoчeтa...* One can interpret this interruption as a sign of depreciation because she is not interested about what her colleagues are saying. Both hosts accept this interruption as a regular component of the conversation and agree with their colleague expressing supportive assertions. During this exchange the hostess continues to control and guide the conversation.

The interpretation of the dialog excerpt demonstrates how woman assumes a dominant role, regardless of social stratification and the division of gender roles within a society. The entertainers – males and female – have the same occupation and they are equally successful, with their radio broadcast, their social status does not depend on each other as binary oppositions (husband-wife, teacher-student, doctor-patient, etc.). In spite of this equality, the reader observes that the hostess' conversation style is aggressive; she initiates many interruptions and engages in overlapping, which can lead to conflict. In private conversation, interruptions and overlapping may escalate into a conflict situation, but can be also a part of a manipulative strategy of the speaker. Using manipulative techniques within the conversation, the speaker constructs their identity and aims to sway the other participant's opinion to be in harmony of the speaker's opinion.

The domination of the hostess is featured by the construction of utterances and of the turn-taking. When analyzing the interaction between men and women, we expect that a man will be more assertive than a woman. That is because of the social stratification, which determines the male role as dominant. The belief, that men are more authoritative and aggressive than women not only physically, but also in their way of interaction, is prevailing. We expect that men are going to interrupt more often than women and will more often downplay what was said. The transcribed dialogue indicates otherwise.

The following transcription of Czech conversation reveals another manipulative technique, which is not aggressive:

[Ranní show (1.6.2011)]

1. M1: teďka krátce o tý nálezce, smrtící bakterie, jak se čte to EHEC? Lucie↑
 2. M2: EHEC
 3. Ž: EHEC
 4. M1: vlastně ne:
 5. M2: AHEC
 6. M1: *tys to* ve správách (.) neměla ještě nikdy?
 7. Ž: no, říkala jsem smrtící bakterii
 8. M1: a neříkala jsi jak?
 9. Ž: ne
 10. M1: [píše se to]⊥
 11. Ž: [já myslím] že všichni to vědí, takže: (.) vo ničem jiném se teď tejdou⊥
 12. M1: okey
 13. Ž: nebo deset dny nemluví tady↓

14. M1: možná proto nevím, jak se to čte, právě, když sem to neslyšel ještě, EHEC nebo EHEK, já nevím nebo,
 15. E H E C, to jedno, nicméně tady píšou, teda že Němci se trapně spletli, že to není v těch okurkách, je to
 16. pravda?
 17. Ž: psali to, no, včera jsem to četla↑ (h) ((s ironickýmsmíchem))
 18. M2: spletli se,jo?No, prej,jo↓
 19. M1: (.) no, prej,jo↓
 20. M2: počkej, já tady mám článek, právě připravenej↑
 21. M1: no
 22. M2: že, že to právě je v okurkách ze Španělska:↓⊥
 23. M1: prej, ne⊥
 24. M2: a tady se vyjadřujou k tomu naši vi_ jako pi_
 25. pěstitelé, že, že to paradoxně mohlo pomoci naší výrobě okurek [protože ta už prakticky neexistovala]
 26. Ž: [ano, přesně tak]
 ((...))
 27. M1: [tak moment↑] mimochodem teda, až do teďka sem si myslel, že
 28. jsou to vokurky:takový tý, ty kyselý↑, ty znojemský třeba
 29. M2: =[mm]
 30. M1: a voni jsou to jako salátový okurky
 31. M2: no
 32. M1: to jsem jako taky nevěděl
 33. Ž: (h)

In the excerpt dialog it seems, that the hostess doesn't take part in the conversation or that her role is secondary and it's of peripheral importance. The context reveals that actually she first introduced the issue, which they are discussing. The sequential organization in the Czech dialog is clearer and more obvious, because the participants are waiting for transition-relevant places. Overlapping is supportive, not interruptive. Nevertheless, the hostess's strategy can't be analyzed as cooperative. That's because she answers unwillingly. Her utterances are very short and even when she has the opportunity to develop her statements, she doesn't do that. Her colleagues are asking for information several times by straight questioning or implicatures, but the hostess answers shortly or just observes how they are assuming and supposing. When one of the hosts asks how he has to pronounce the abbreviation of the illness, they are talking about, she states, that she already had mentioned it. Another statement of the hostess at line 11 contributes to the conclusion that she holds a distant position, which can be interpreted as arrogant, because she emphasizes that everyone knows about the discussed topic, but only the hosts are acquaint with that. The hostess downplays her colleagues by stressing their lack of knowledge and by ironic comments or laugh.

Some researches show that women, more often, tend to act aggressively in indirect ways and more often, than men, use direct verbal aggression. (Baumgartner 2003) According to this data, women regularly use manipulative strategies and techniques during the interaction with men. These manipulative strategies are part of indirect or verbal aggression. A sign of verbal aggression can be utterance which shows disrespect, misjudgment, underrating, isolation or expressed supremacy. According to psychologists, such a psychological pressure has the same effects as direct physical violence. Physical markers of strength are not the only estimate or measure of the dominant role. Therefore, it is necessary to analyze verbal and nonverbal interaction between men and women objectively. Psychological pressure and manipulation can lead not only to a subjective feeling of inferiority, but also it may affect how the speakers communicate and relate.

In analyzing the above dialogues, we cannot be sure that the hostesses are intentionally utilizing manipulative techniques in their utterances, or if their dominate approach will have long lasting consequences on their relationship with the colleagues. It is important to consider the situational context of the conversation – how long the colleagues know each other, what kind of relationship they have together, how they divide their work, which is tightly connected with speaking and last but not least – what experience the speakers have, concerning the discussed topic. There is another cause, which can provoke a more aggressive speech style – conflicts are very interesting for the audience and more easily sell the media products. Asymmetry in entertaining television and radio broadcasts is preferred.

We can state that the unilateral analysis of the linguistic system by gender linguistics, without taking into account the specifics of spoken language, is inadequate and insufficient.

4. Conclusion

Researches, which dedicate themselves to studying the intricacies of male and female speech, introduce the term *discrimination* as a language attribute and utilize it to assist in describing a way of speaking. These studies place the woman in the role of a victim, and the man in the role of dominance and privilege. New analyses, such as this article, are beginning to show, that language cannot be an instrument of discrimination. Language can be a

means of achieving dominance and manipulation. By utilizing this method of conversation analysis, we were able to dissect the above dialogue transcription, in which a woman is dominant. We demonstrate several techniques an observer can implement to reveal verbal manipulation and maintaining control of the conversation. Our goal is to show the significance of gender in an area that some consider unorthodox, because comprehensive academic research into this new way to analyze gender discourse is just now beginning to occur.

Bibliography

- Baumgartner, František 2003, Problematika rodu (gender) v štúdiu agresívneho správania. – In: *Agrese, identita, osobnosť*. Brno, Psychologický ústav AV ČR, 117-133.
- Fairclough, Norman 1995, *Media discourse*. London, Hodder Arnold.
- Kirova, Milena – Slavova, Kornelia 2001, Теория през границите. София, ПОЛИС.
- Lakoff, Robin 1975, *Language and woman's place*. New York, Harper&Row.
- Tannen, Deborah 1991, *You just don't understand: women and men in conversation*. New York, Ballantine Books.
- Valdová, Jana 1998, Kontrastivní generová lingvistika: téma zviditelnění ženy v současném německém a českém jazyce. Brno, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity v Brně.

Предраг Терзић

Факултет политичких наука
Београд, Србија

РОМАНТИЧАРСКО СХВАТАЊЕ СЛОВЕНСКЕ ТРАДИЦИЈЕ У ДЕЛИМА ДРУГЕ ГЕНЕРАЦИЈЕ СРПСКИХ ДЕВЕТНАЕСТОВЕКОВНИХ ЛИБЕРАЛА

The second generation of Serbian liberals in the nineteenth century does not see patriarchal Slavic institutions and tradition as an obstacle towards modernization, but as a specific shortcut to the process of bringing Serbian society closer to the modern Western societies. Romantic view of the Slavic and Serbian political and social tradition and the liberal and democratic capacities of the councils, mobs, cooperatives, Serbian Slava and, on the other hand, the need to attain the European level of modernization through the freedom of speech, universal suffrage, free elections and press freedom are not opposed processes, on the contrary, they can be gathered so that the true development of the Serbian people can be achieved.

Key words: Slavic (Serbian) tradition, Milovan Jankovic Jevrem Grujic, Vladimir Jovanovic, liberalism, Serbian liberalism.

Друга генерација српских деветнаестовековних либерала на политичку сцену ондашње кнежевине Србије ступа у периоду заседања Светоандрејске скупштине 1858. године. Била је то група младих људи која је делила заједничку жељу за политичким и социјалним променама. Одрастајући у немодерној и предмодерној Србији ови младићи су се доласком на западне универзитете суочили са културно другачијом, а материјално и друштвено напреднијом средином. Покушавајући да на што равноправнијим основама, ако не и у корист словенске стране, нађу сличности земље свог порекла са државом у којој су студирали тражили су нит која би их спојила. Нашли су је у словенској традицији, али не у прошлости каква је заиста и била, већ су традицију прерадили тако да одговара сврси коју су јој наменили.

Њихово социјално порекло било је скромно. Јеврем Грујић потицао је из сељачке породице, Владимир Јовановић је био син ћурчије из Шапца, а Стојан Бошковић син терзије из Свилајнца. Будући да су, и поред свог ниског порекла, успели да достигну значајан ниво образовања, али и да искључиво на основу образовања заузму значајне друштвене и државне функције, потпуно је разумљиво што су либерали тога периода пренаглашавали значај школовања. Мислили су да као што су се они за неколико година издигли из патријархалне и руралне средине, тако то може учинити и цео српски народ, при чему и Србија може достићи западноевропске земље (Бешлин 2005: 132-137). Међутим, док су се западне земље кретале путем материјалног и научног напретка, Србија још није била чак ни међународно призната независна држава. Требало је, дакле, не само извршити материјални, технички и образовани напредак, већ се по добијању независности тежило и ширењу државних граница на целокупни етнички простор који су Срби насељавали.

Друга генерација српских либерала зачетак либерализма није тражила у западним политичким идејама и пракси, већ су својом анализом словенске традиције покушавали да прикажу изворност либералних и демократски институција код Срба. "Као и у другим деловима Европе, мотивација није била повратак у прошлост него коришћење прошлости да би се кренуло у будућност" (Павловић 2004: 90).

Редефинишући традиционалне установе они су настојали да реше неколико проблема:

1. да изврше помирење српског национализма и либералног учења, односно национализма и западњаштва
2. да се одбране од приговора да либерали у Србију уводе стране традиције за које Срби као народ још нису дорасли
3. да идеје о представничком систему, народној суверености, слободи штампе, слободи удрживања и др. повезивањем са традицијом приближе народном схватању
4. да оповргну тезу о "незрелости" српског народа за модерне демократске институције, чиме се негира потреба за туторством великих сила
5. да схватајући заосталост као предност, побољшају своје и мишљење својих сународника о српској историји, култури, традицији.

У овом кратком делу поменућемо и колико нам простор дозвољава анализирати романтичарско схватање традиције у делима Милована Јанковића и Јеврема Грујића, Владимира Јовановића и Алимпија Васиљевића.

Les Slaves du Sud

Јанковић и Грујић били су истомишљеници, сарадници, али и блиски пријатељи који су "још као ђаци склопили једну врсту политичког побратимства, заверивши се један другоме да ће заједно ући у борбу 'за народ и слободу'" (Јовановић С. 1925: 238). Сличност је и да су обојица као студенти у иностранству борбу за остваривање својих идеја и храброст исказивања ставова платили губитком државне стипендије.

Борбе устаника у Херцеговини и сукоби Црногораца са Турцима били су један од многих знакова током XIX века који су се могли тумачити као увод у рат Јужних Словена са Турцима. Ишчекујући почетак рата, а као начин за упознавање француске јавности са њима мало познатим Србима, ова два српска младића пишу у Паризу 1853. године брошуру *Les Slaves du Sud. Peuple serbe avec les Croates et les Bulgares. Aperçu de leur vie historique, politique et sociale* у којој величају демократске традиције свога народа. "Мада су у наслову своје брошуре Грујић и Јанковић помињали јужнословенске народе, величали су, наравно, све што је српско, а њихове суседе су запоставили" (Бешлин 2005: 291).

У брошури којом су Грујић и Јанковић хтели да упознају француску не само интелектуалну, већ путем политичара, новинара и других јавних радника и ширу јавност (што су једним делом и успели) са српском традицијом, Србе су представили као људе који имају једнака права и дужности и живе у међусобној солидарности и братству. Нису ли те карактеристике српског народног живота сагласне тројном начелу Француске револуције?

За очување српске националности важна су следећа три елемента: 1. вера, 2. народна традиција у народној поезији 3. хајдучка баштина (Батаковић 2001: 117). Народна права српског народа код њих заузимају значајно место, а од демократских елемената народних права доминира једнакост свих и право да се сваке године састаје народна скупштина. Такође, највећа сума пореских давања треба да буде ограничена. Међутим, критикујући тадашње стање народних права и слобода у Србији Грујић и Јанковић истичу потребу за прихватањем традиционалних захтева државним проширењем корпуса народних права. Ти захтеви се односе и на: ефикасна суђења, слободну сечу шума, локалну самоуправу, способност чиновништа "и да за високе чиновнике не буду именовани они који нису Срби", сагласност и јединственост целог народа, а посебно високих чиновника (Батаковић 2001: 117, 118).

Да би се исказала демократска црта српског народна, по мишљењу аутора, то је било довољно. Ипак, да би се пробудили сентименти Француза кроз истицање сличности два народа, требало је наћи елементе француских утутицаја на Србе. Њих су Грујић и Јанковић нашли у сличности Наполеоновог Грађанског законика и Грађанског законика Србије из 1844. године. Поређењем појединих чланова ова два нормативна акта закључује се о блискости уређења друштвених односа у две земље. Тиме постаје потпуно јасно да је циљ списа Грујића и Јанковића апел за подршку и заузимање француских политичара и јавног мњења за српску ствар.

Међутим, наглашавањем потребних реформи у виду народних захтева Грујић и Јанковић показују да ти елементи народне традиције нису прихваћени од стране државне власти, односно да их она крши. Народ је, дакле, демократско-традиционални елемент друштва, а власт те тежње сузбива, и то нарочито репресивним мерама при гушењу народних буна. Суочивши се са оваквим текстом Државни савет је одлучио да Грујићу одузме стипендију, али му ју је кнез Александар поново вратио. Тај поступак је, међутим, представљао само мали чин у борби ове две власти, а не знак одобравања Грујићевог дела или бар вид опраштања грешке младог студента. Међутим, стипендија му је коначно одузета јер је кнез мислио да су Јанковић и Грујић брошуру писали у договору са бившим кнезом Михаилом. Тиме се интерес режима показао надмоћним у односу на дугорочне државне и националне интересе.

Схватање српске традиције Владимира Јовановића

Владимир Јовановић о националној традицији и патријархалности, поред осталих, говори у текстовима Српски народ и источно питање, Наш народни положај, Србин и Српкиња онакви какви су, Основи снаге и величине српске, Србенда и готован.

У делу *Српски народ и источно питање* насталом у Лондону 1863. године истиче демократски карактер српских народних установа. Живећи у Белој Србији, "у оном делу пределу данашње Пруске који се пружа према северном мору до реке Лабе", српски народ је све одлуке доносио заједнички, а велики жупан је те одлуке само извршавао (Јовановић В. 2011в: 59, 60). Отуда и значај Народне скупштине коју Јовановић сматра за најстарију и најзначајнију традиционалну установу код Срба. О укорењености и трајности демократских институција у народном духу сведочи и обнова старе самоуправе и других традиционалних демократских установа после Првог устанка, али и доношење Устава.

У најзначајнија политичка уверења и установе Јовановић убраја: једнакост права свих под којима подразумева политичку слободу и слободу сваког да држи и носи оружје, побратимство као пандан институцији братства прокламованој у Француској револуцији при чему се осећај братства односи не само на односе између припадника нашег народа него се протеже и на блискост са другим народима, славу која је по њему политички скуп односно митинг у кругу српских породица, саборе које упоређује са јавним митинзима, мобу као вид узајамног потпомагања, гусле, слободу речи и свест о потреби општинске и месне самоуправе и редовних народних скупштина, јако уверење да су људи поставили владу да им она чува права која им по природном закону припадају, међународно братство и толеранцију као услове светског мира (Јовановић В. 2011в: 83-4; Симеуновић 2000: 158-161).

Посебан значај Јовановић придаје задрузи која за њега представља малу републику, у којој сви учествују и у раду и одлучивању, а старешина само извршава оно што сви чланови договором одлуче. Дакле, као и у српској традиционалној држави, тако је и у задрузи старешина био само спроводилац опште воље. Тиме овај текст добија сличност са брошуром Грујића и Јанковића. Друга блискост два рада су околности њиховог настанка, јер су и један и други написани у периоду заостравања политичке ситуације на Истоку, при чему су се њихови аутори залагали да политичаре и јавно мњење у западним земљама (код првих у Француској, а код Јовановића у Енглеској) придобију за остварење српских националних интереса. Код Јовановића се, додајмо, истиче не само тежња за ослобођењем српског народа већ се она смешта у шири контекст закључујући да се решење Источног питања "може решити оснивањем *слободних и независних хришћанских држава на Истоку*" (Јовановић В. 2011в: 76).

Анализом народне традиције Владимир Јовановић се бави и у раду *Основи снаге и величине српске*, који је настао по угледу на спис Винћенца Ђобертија О моралном и грађанском првенству Италијана. Истицање српских народних традиција у дугом историјском периоду овде се супроставља новинама пристиглим са стране, у виду штетних утицаја Византије на српску државу и њене владаре, а касније и доласком Турака.

Владимир Јовановић (2011а: 179) износи тезу да су византијски утицаји угрозили традиционалну братску једнакост српског народа. "Далеко од тога да се темељи на општем уверењу; да је слобода право једнако за све и свакога; далеко од тога да извире из јавне свести о потреби братске сагласности и узајамности: беше тај систем управљен противу слободе и правне једнакости несагласан са предањем и правима народа." Измењене прилике довеле су до настанка друштвених разлика тако да до јуче потпуно једнаки Срби у царевини постадоше подељени "на 'више' и 'ниже', слободне и неслободне, господаре и робове, угњетаче и угњетене" (Јовановић В. 2011а: 179).

Ако је под византијским утицајем дошло до сужавања слободе и смањења једнакости, турска освајања су, у Јовановићевом виђењу, допринела крајњој социјалној стратификацији и угњатавању од стране завојевача. "Саможивост; грамзење да се господари и живи о трошку другога; страст која напада на туђе право, вређа интересе и наноси штету другоме; грабеж и отимање добара што их је други крвавом муком стекао; непоштено и нечовечно поступање са слабијим; тиранство, злоба, пакост; лукавство; лаж - и све мане и сви пороци што руше друштвени живот, све је то у лицу азијатског варварина ширило своје господарство над главом робујућег Србина" (Јовановић В. 2011а: 171). Међутим, пад под страну власт није значио и моралну пропаст. Физички поробљен од освајача, али "духовно узвишен" над њим српски народ је сачувао своју традицију која ће му касније послужити као основ за поновну изградњу државе. О начину чувања традиције и историје као резервоара националног духа Владимир говори анализирајући српске епске песме, а нарочито оне које су се односиле на Краљевића Марка.

Утицаји других култура, навика и начина размишљања нису, међутим, завршени поновним успостављањем Србије као аутономне државе. Они су се наставили, само у другом виду. Сада су то биле добровољне промене навика и понашања читавих слојева становништва настале под утицајем других култура. У спису *Србенда и готован* Владимир истиче разлике између два модела понашања Срба, називајући једне Србендама, а друге готованима. "У своме животу прости осташе верни српским обичајима, и они се вазда диче именом: *Србенда*. 'Отмјени' ухватише се у коло 'спољашњих околности', те их називају час *цариградлије*, час *русомани*, час *швабе*, час *паризлије*, или општим именом: *готовани*, који чекају да све готово споља дође" (Јовановић В. 2011б: 102). Јовановић се наглашавајући значај очувања традиције оштро противио свим променама. Нарочито се супростављао ниподаштавајућем односу према народној традицији, навикама и обичајима: "Тако се дотерало, да се без зазора грди као 'простачко', 'гејачко', 'паорско', 'грмаљско', 'шумадинско', накратко као *лоше све што је наше*, а да се уздиже као 'нобл', 'фајин', 'отмјено и господско' *све што није наше*" (Јовановић В. 2011б: 102).

Владимир у тексту нуди две слике, односно увек супроставља модел очувања традиције и њену промену према "спољашњим околностима": два модела одевања, два начина исхране, два типа жене (госпођа-домаћица), два начина односа према новцу, два типа дебатована, говори и о двема различитим врстама музике (швалерска-јуначка) и др. Ипак, он не примећује да процес промена и подвојеност различитих модела нису увек овако оштро супростављени, нити се нужно могу сматрати као искључиво позитивни, односно несумњиво негативни.

Алимпције Васиљевић

Алимпције Васиљевић у *Историји народног образовања код Срба* Баклову тезу да на развој цивилизације утичу природни и умни закони примећује на изучавање српске традиције (Бешлин 2005: 773-780). Бакл у природне законе убраја земљиште, климу, храну и општи облик природе, а умне законе дели на моралне и интелектуалне. Он сматра да су интелектуални закони пресудни за развој цивилизације, јер је својим умом човек надвладао природне силе.

У својој примени Баклове теорије Васиљевић закључује да су Србе при почетним фазама изградње цивилизације ометали сурова клима, а касније сеобе и ратови. Ипак, савршену форму друштвеног живота са равномерном расподелом богатства и власти, "какве ни данас нема код многих народа и онда небешаше још ни код једног!", Срби су достигли у новој средини још у VII веку (Бешлин 2005: 776). На то је, сматра Васиљевић, утицала и благонаклоност природног окружења, које више покреће интелект него машту.

Међутим, таква српска држава је престала да постоји. Корен пропасти овако дефинисане савршене српске државе Васиљевић, као и Јовановић, налази у периоду знатно пре доласка Турака на Балкан, односно већ у време Немањића. Тада под утицајем Византије словенске установе почињу да се распадају, развија се самоодржање које је унизило "Србе до робова", а демократска свест слаби (Бешлин 2005: 778). Историја се наставља мрачним периодом средњег века и турском владавином, тако да савршена српска (Васиљевићева) држава из VII века никада није обновљена.

Закључак

Владимир Јовановић, Јеврем Грујић и Милован Јанковић схватају потребу за политичком, друштвеном и економском модернизацијом српског друштва. Међутим, они потпору за демократске и либералне идеје којима теже не траже на Западу, већ њихов исконски корен налазе у романтичарско схваћеној словенској и српској традицији, у којој се старе скупштине поистовећују са парламентаризмом, а рудиментарна демократија са савременом. Тако редефинисану традицију и прецењену патријархалну демократију смештају у нашу дубоку прошлост, односно у оно време које је и самом, у огромној већини неписменом српском народу, а и страном јавном мњењу, потпуно непознато. Јасно је закључити да је широким слојевима становништва, у периоду када словенска традиција и далека историја још нису биле довољно проучене, било веома лако износити свој поглед на традицију као једини могући, нарочито ако је био самоафирмативан.

Кривце за прекид демократске традиције либерали друге генерације не налазе у свом народу, који је за њих био и остао прожет демократским духом, већ у страним утицајима, прво Византије, а онда и турским освајањима. По њиховом виђењу, народ је и током векова стране владавине сачувао демократске тековине па је наставак демократског континуитета могућ. Кључно је питање, међутим, да ли су тадашњи либерали на правом путу када покушавају да демократски поредак остваре кроз процес редефинисања традиционалних установа, као обнову сопствене традиције, а не као усвајање страних институција. Тиме се пренебрегава да страни утицаји, проистекли из додира култура, имају и своје позитивне, а не искључиво негативне стране. Уосталом, зар либерале друге генерације још као студенте на страним универзитетима сам додир са западном културом није подстакао на размишљање о начину постизања неопходних реформи српске државе и друштва?

Литература

- Баста, Данило Н. (2011), Либерални патриота Владимир Јовановић - Једна глоса уз његов животопис. У: *Друштвена и политичка мисао и делатност Владимира Јовановића: зборник радова са научног скупа одржаног 22. и 23. маја 2008. године* (приредили: Михаило Марковић, Александар Костић). Београд, САНУ.
- Батаковић, Душан Т. (2001), Владимир Јовановић: апостол либерализма у Србији. У: *Либерална мисао у Србији. Прилози историји либерализма од краја 18. века до средине 20. века* (приредили Јовица Тркуља, Драгољуб Поповић). Београд, ЦУПС.
- Бешлин, Бранко (2005), *Европски утицаји на српски либерализам у XIX веку*. Сремски Карловци, Издавачка књижевница Зорана Стојадиновића.
- Ђурић, Живојин (1999), *Народна сувереност и демократски преображај Србије у 19. веку: политичкоисторијска студија*. Београд, Институт за политичке студије.
- Јанковић, Драгослав (1951), *О политичким странкама у Србији XIX века*. Београд, Просвета.
- Јовановић, Владимир (2011а), Основи снаге и величине српске. У: Владимир Јовановић, *Изабарани списи* (приредио Бошко Мијатовић). Београд, Службени гласник.
- Јовановић, Владимир (2011б), Србена и готован. У: Владимир Јовановић, *Изабарани списи* (приредио Бошко Мијатовић). Београд, Службени гласник.
- Јовановић, Владимир (2011в), Српски народ и источно питање. У: Владимир Јовановић, *Изабарани списи* (приредио Бошко Мијатовић). Београд, Службени гласник.
- Јовановић, Слободан (1925), *Уставобранитељи и њихова влада (1838-1858)*. Београд, Издавачка књижевница Напредак.
- Јовановић, Слободан (1935), *Владавина Александра Обреновића, књига прва*. Београд, Издавачко и књижевско предузеће Геца Кон.
- Карић, Владимир (1997), *Србија: Опис земље, народа и државе*. Београд, Култура, Нови Сад, Православна реч.
- Павловић, Стеван К. (2004), *Србија: историја иза имена*. Београд, С10, 2004.
- Симеуновић, Драган (2000), *Нововековне политичке идеје у Срба*. Београд, Институт за политичке студије.
- Суботић, Милан (1992), *Срицање слободе: о почецима либералне политичке мисли у Србији XIX века*. Ниш, Градина, Београд, Институт за филозофију и друштвену теорију.
- Терзић, Предраг Р. (2012), Схватање унутрашње слободе у делу Владимира Јовановића. *Српска политичка мисао*. 4/12, 447-463.

Ана Тешић

Институт за српски језик САНУ
Београд, Србија

НАЗИВИ РОМАНСКОГ ПОРЕКЛА ЗА АТМОСФЕРСКЕ ПОЈАВЕ У ГОВОРИМА ЦРНЕ ГОРЕ – НАЗИВИ ВЕТРОВА⁴⁶

The paper analyzes Romance borrowings in the domain of atmospheric phenomena, such as wind names, in the vernaculars of Montenegro. The material is taken from dialectal dictionaries of coastal and inland vernaculars of Montenegro and then analyzed from the standpoint of etymology, lexicology and semantics. Finally, the examined lexemes are compared with Romance borrowings in other vernaculars of the Adriatic in order to indicate different phonetic changes that have occurred in these borrowings.

Key words: Serbian language, etymology, lexicology, semantics, Romance borrowing, wind names.

Увод

Потреба да се што прецизније идентификују и именују временске прилике и појаве на Јадранском приморју једна је од најосновнијих потреба становника овог поднебља, јер временски услови умногоме утичу на свакодневни живот и рад, нарочито на риболов, трговину, пловидбу. Лексеме којима се означавају различите атмосферске појаве чине значајан део говора Јадранског приморја. Ова лексика је специфична јер спада како у општи лексички фонд, тако и, једним својим делом, у поморску терминологију у ширем смислу (називи ветрова, олуја итд.).

За потребе овог рада анализиран је само део ове велике термилошке скупине, а то су називи ветрова романског порекла. Грађа је ексцерпирана из дијалекатских речника који доносе лексички материјал из приморских и континенталних говора Црне Горе.

Прикупљени материјал разматран је са лексиколошког, етимолошког и семантичког аспекта. Уз сваки назив наведени су и фонетски варијетети из других приморских говора да би се указало на могуће промене до којих је дошло у овим позајмљеницама, односно да би се показала дијалекатска адаптација ових романизма у говорима Црне Горе и читавог Јадранског приморја. Такође, занимало нас је каква је ареална дистрибуција анализираних материјала, тачније који су од испитиваних назива ветрова посведочени и у говорима континенталне Црне Горе, као и до каквих је семантичких помака дошло.

У оквиру етимолошке анализе, дат је романски предлогачак и утврђено ком слоју романизма припадају испитиване лексеме – старијем или новијем. Старијем слоју позајмљеница романског порекла припадају далматоромански лексички остаци. У новији слој спадају позајмљенице из различитих дијалеката италијанског језика (нпр. венецијанског, тршћанског) и позајмљенице из италијанског књижевног и других романских језика (нпр. француског, румунског). При утврђивању етимологија, коришћени су етимолошки речници српског (тј. српско-хрватског), италијанског језика и REW.

Етимолошка анализа

У оквиру етимолошке анализе лексеме су распоређене азбучним редом. На почетку стоји наслов одреднице, а затим следе дијалекатске потврде из говора Црне Горе (са наведеном убицајом) и податак о првом помену речу, уколико је назначен у RJA. У другом делу одреднице даје се суд о пореклу датог романизма – прво се износе потврђени романски предлогачак и додатна образложења, а потом евентуалне паралеле (нпр. из других балканских или романских језика и дијалеката). У трећем делу одреднице износи се суд о пореклу романског предлошка. У четвртном делу одреднице наведени су фонетски варијетети из приморских говора Далмације и Истре, уколико их има, и назначене могуће фонетске промене.

Одреднице су уобличене према принципу усвојеном у *Етимолошком речнику српског језика* (ЕРСЈ), уз одређене измене, због чињенице да у овом раду анализирамо искључиво позајмљенице романског порекла посведочене у говорима Црне Горе.

бава *бава* f. „поветарац који набира морску површину, лахор“ сз. Бока (Musić), „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), *бавижела* f. „ветар“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997).

✓ Од ит. *bava (di vento)* (Skok 1: 124 s.v. *bava*; Musić 1972: 129; Lipovac-Radulović 1981: 30); исти романски предлогачак имају *баварин* Дубр., Чилипи, Цавтат / *бабарин* Корчула „портикла“ (Skok l.c.) и *бавулин* ихт. „слинка“ Сеструњ / *бавуш* ихт. „дипал, слинавац“ (Vinja 1: 51).

⁴⁶ Овај чланак је настао као резултат рада на пројекту бр. 178007 „Етимолошка истраживања српског језика и израда *Етимолошког речника српског језика*“, који у целини финансира Министарство просвете и науке Републике Србије.

- Ит. *bava* од средњовековног лат. *bava* < **baba* „пљувачка“, ономатопејске речи из дечијег језика (Skok I.c.; DELI 125; REW 853).
- Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти.
бура *бура* f. „североисточни ветар на Јадрану“ сз. Бока (Musić), „влага, влажност; невреме“ Загарац (Ћупићи), *бура* „невреме, мећава; умаласано море“, „кишовито лето“ Ускоци (Станић), *буран*, -рна, -рно „влажан, кишовит (обично о годишњем добу)“ Загарац (Ћупићи), фиг. „посебно весело, раздраган (смех)“ Никшић (Ђоковић), *бурин* m. „слаб североисточни ветар“ сз. Бока (Musić), „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), *буринет* dem. сз. Бока (Musić). – Од XVIII века; у значењу „север“ од XIII века (RJA).
- ✓ На Јадрану вероватно од ит. *bora*, вен. *bora* (Skok 1: 238 s.v. *bura*; Musić 1972: 140); у осталим с.-х. говорима свесловенска реч потврђена још у псл. у значењу „вихор“ (Skok I.c.; SP 1: 453 s.v. *bura*; ЭССЯ 3: 97–98 s.v. **bura* / **bur'a*); *бурин* од вен. *borin* (Musić I.c.); *буринет* са двоструким ром. деминутивним суфиксом (-ino + -eto).
- Ит. / вен. *bora* од лат. *bōrea(m)* „северни ветар“, грчког порекла (DELI 155; REW 1219).
- Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти.
гарбин *гарбин* m. „југозападни ветар“ сз. Бока (Musić), *гарбин* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1981), *гарбун* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1981). – Од XVII века (RJA).
- ✓ Од ит. *garbino* (Skok 1: 552 s.v. *garbin*; Musić 1972: 146; Lipovac-Radulović 1981: 104).
- Ит. *garbino* вероватно од ар. *garbi* „западни“ (DELI 476; REW 3683).
- Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти.
грего *грего* m. „североисточни ветар“ сз. Бока (Musić), „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), Спич (Поповић/Петровић), *грего-леванте* m. „врста ветра“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997).
- ✓ Вероватно од вен. *grego* (Lipovac-Radulović 1981: 59). Мање је вероватно порекло од ит. *greco*, које предлаже Musić (1972: 148), због фонетског лика ит. речи, у коме није дошло до соноризације оклузива.
- Код вен. *grego* / ит. *greco* „врста ветра“ дошло је до семантичког помака са „грчки“ на „ветар који дува из правца Грчке“ (DELI 519); *грего-леванте* од вен. *grego-levante* (Lipovac-Radulović 1981 I.c.).
- Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти.
лебић *лебић* m. „југозападни ветар“ сз. Бока (Musić), *лебићада* f. „јак југозападни ветар“ сз. Бока (Musić), „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997).
- ✓ Од ит. *libeccio* (Skok 2: 280 s.v. *lebić*; Musić 1972: 181); *лебићада* од вен. *libichiada* (Musić I.c.; Lipovac-Radulović 1981: 189).
- Ит. *libeccio* вероватно од гр. λιβιζός „западни“ (Skok I.c.; DELI 668). Могући етимон је и ар. *lebek* „јужни ветар“ (DELI I.c.; REW 4959a).
- Варијетет *лебићада* на Брачу (Šimunović) и Вису (Roki-Fortunato), са прелазом романског вокала *a > o*.
- леванат *леванат* m. „источни ветар“ сз. Бока (Musić), *леванат* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), Спич (Поповић/Петровић). – Од XVI века (RJA).
- ✓ Од ит. *levante* (Skok 2: 291 s.v. *leva*; Musić 1972: 181; Lipovac-Radulović 1981: 191).
- Ит. *levante* је поименичени партицип актива ит. *levare* „дићи, подићи“ од лат. *levare* < лат. *lēvis* „лаган“ (DELI 667; REW 5000).
- Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти. Лексема *левантџра* „јак источни ветар“ Селца на Брачу (Vuković), Вргада (Juršić) / *левантџра* „id.“; типично зимско невреме с кишом и источним ветром“ Вис (Roki-Fortunato), Брач (Šimunović) вероватно је пореклом из тршћанског дијалекта, од тршћ. *levantera*, уп. Doria 328.
- маестрал *маестрал* m. „западни ветар“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), *мајстрал* „id.“ сз. Бока (Musić), *маиштра^oл* „id.“ Спич (Поповић/Петровић), *маестралет* dem. ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), *мајстралун* augm. сз. Бока (Musić). – Од XVIII века на Приморју (RJA).
- ✓ Од ит. *maestrale* (Skok 2: 351 s.v. *madistor* (IV); Musić 1972: 185; Lipovac-Radulović 1981: 202).
- Ит. *maestrale* је изведеница од ит. *maestro* < лат. *magīstru(m)* (DELI 698; REW 5229); назив ветра развио се из синтагме *magistralis ventus*, јер се помоћу овог ветра одређивала навигација (Skok I.c.).
- Велики број варијетета у Истри и Далмацији – *маестро* у Дубровнику (Бојанић/Тривунац), *мајштрџл* на Вису (Roki-Fortunato), *меиштрџл* на Брачу (Šimunović).
- оштријал *оштријал* m. „јужни ветар“ сз. Бока (Musić), *оштријал* „југозападни ветар“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), *ауштријао* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997).

- ✓ Вероватно од ит. *ostro* (Skok 2: 314 s.v. *lojstro*; Musić 1972: 198); у облику *аустријао*, потврђеном на Муу, почетно *ау-* није очувани латински дифтонг *аи*, већ пре наслањање на неки други лик, попут *Аустрија* и сл. (Vinja 2: 232). Могући етимон је и вен. *ostro* (Lipovac-Radulović 1981: 240).
- Ит. *ostro* од лат. *austrum* „југ“; творба и суфикс италијанске речи можда према венецијанском моделу, уп. вен. *ostro* (DELI 854; REW 807).
 - Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти. пуленат *пуленат* м. „ветар са запада који ван Боке диже таласе а јавља се као последица невремена негде на северном Јадрану“ сз. Бока (Musić), *пулена^ст* „id.“ Спич (Поповић/Петровић), *пулентада* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997).
 - ✓ Од ит. *ponente*, са дисимилацијом $n - n > l - n$ (Skok 3: 7–8 s.v. *-ponjat*; Musić 1972: 214); лексема *пулентада* је венецијанизам (Lipovac-Radulović 1981: 281).
 - Ит. *ponente* од лат. *ponēnte(m)* „запад“, поимениченог партиципа лат. *ponēre*; значење „врста ветра“ развило се потом из синтагме (*sole*) *ponente* „сунце које залази (на западу)“ (DELI 954; REW 6647).
 - Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти. рефул *рефул* м. „удар ветра“ сз. Бока (Musić), *рефун* „id.“; особа променљивог расположења“ сз. Бока (Musić), *рефуо* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997).
 - ✓ Од вен. *refolo* (Skok 3: 124 s.v. *reful*; Musić 1972: 218; Lipovac-Radulović 1981: 291).
 - Вен. *refolo* је сложеница од префикса *re-* и **folo*, поствербала од лат. деминутивног глагола *flabūlare* < лат. *flare* (Skok l.c.; DELI 1045; REW 3341).
 - Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти. трамонтана *трамонтана* ф. „северозападни ветар“ сз. Бока (Musić), *трамонтана* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), *трамонтана* Спич (Поповић/Петровић).
 - ✓ Од ит. *tramontana* (Skok 2: 482–483 s.v. **munt-*; Musić 1972: 230; Lipovac-Radulović 1981: 359).
 - Ит. *tramontana* од лат. *transmontana(m)* „која је са друге стране планине“, сложенице од префикса *trans-* и *montana(m)* (Skok l.c.; DELI 1359; REW 5664).
 - Варијетети *трамунтона* / *тармунтона* / *тремунтона* на Брачу (Šimunović). фуријал *фуријал* м. „ветар са југоистока“ сз. Бока (Musić), *фуријан* „id.“ сз. Бока (Musić), *фуријалет* dem. сз. Бока (Musić), *фуријанет* dem. сз. Бока (Musić).
 - ✓ Вероватно од вен. *forean*, *furian*, на шта указује појава двојног суфикса *-ан* / *-ал*; довођење у везу са *фурија* „сила, бес“ < лат. *furia* је народна етимологија (Vinja 1: 159).
 - Вен. *forean*, *furian* анемоним изведен од *fora* < лат. *foris* „напољу“ (Vinja l.c., REW 3431).
 - Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти. шијун *шијун* м. „оркански ветар, вихор“ сз. Бока (Musić), *шијун* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), Спич (Поповић/Петровић).
 - ✓ Од ит. *scione*, вен. *sion* (Skok 3: 394 s.v. *Šipnata*; Musić 1972: 245; Lipovac-Radulović 1981: 323).
 - Ит. / вен. реч вероватно од гр. σίφον (Skok l.c.; REW 7950a). Могућа је и веза с фр. *echillon*, о чему опширније Vinja 3: 214–215.
 - Посведочено у говорима Далмације и Истре, без фонетских варијанти. шилок *шилок* м. „југоисточни ветар“ сз. Бока (Musić), *шилок* „id.“ ји. Бока (Lipovac-Radulović 1981), Будва и Паштровићи (Lipovac-Radulović 1997), Спич (Поповић/Петровић), „јак плусак“ Стара ЦГ (Пешикан), Загарач (Ћупићи), *шилочић* dem. сз. Бока (Musić), *шилочина* augm. сз. Бока (Musić).
 - ✓ Од ит. *scilocco* (поред *scirocco*) (Skok 3: 392 s.v. *šilok*; Musić 1972: 245; Lipovac-Radulović 1981: 323).
 - Ит. реч вероватно од ар. *šaluk* / *šuluk* / *šaruk* „топли југоисточни ветар“ (Skok l.c.; REW 8478a). Опширније о етимологији ит. *scilocco* / *scirocco* Vinja 3: 215.
 - Забележен аугментатив *шилокалџн* на Брачу (Šimunović).

Закључак

У овом раду разматрани су називи ветрова романског порекла посведочени у говорима Црне Горе. Етимолошка анализа показала је присуство новијег слоја романских посуђеница – италијанизама и венецијанизама. Од четрнаест овде приказаних лексема, осам води порекло из италијанског књижевног језика – *бава*, *гарбин*, *лебић*, *леванат*, *маестрал*, *пуленат*, *трамонтана* и *шилок*. У италијанско-венецијанске посуђенице спадају три лексеме – *бура*, *оштријал* и *шијун*. Забележена су и три венецијанизма – *грего*, *рефул*, *фуријал*.

Од испитиваних назива за ветрове романског порекла само су два потврђена и у говорима континенталне Црне Горе – *бура* (Загарач, Ускоци, Никшић) и *шилок* (Стара ЦГ, Загарач).

Лексема *бура* у континенталној Црној Гори носи значење „влага, влажност; невреме; мећава“, док је на Јадранском приморју основно значење „североисточни ветар“. Разлика у семантици проузрокована је различитим пореклом речи *бура* у приморским и континенталним говорима – на

Приморју је романског, а у континенталним говорима највероватније домаћег порекла, односно у питању је реч потврђена још у прасловенском у значењу „вихор“ (уп. Skok 1: 238 s.v. *bura*; SP 1: 453 s.v. *bura*; ЭССЯ 3: 97–98 s.v. **bura* / **bur'a*). Оставља се и могућност да је лексема *бура* у континенталним говорима Црне Горе резултат контаминације словенског и романског облика.

Лексемом *шилок* се у говорима континенталне Црне Горе означава „јак пљусак“. Семантички помак са „врста (јаког) ветра“ на „јак пљусак“ могао би се објаснити чињеницом да јак ветар често са собом доноси и јаку кишу, тј. невреме, те су се два поменута временска феномена почела означавати једним називом.

Извори

- Бојанић, Михаило и Тривунац, Растислава (2002), Рјечник дубровачког говора. *СДЗб* 49, 9–458.
Ђоковић, Љубомир (2005), *Говорни драгуљи никшићког краја*. Београд: Интерпрес.
Пешикан, Митар (1965), Староцрногорски средњокатунски и љешански говори. *СДЗб* 15, 1–294.
Поповић, Момчило и Петровић, Драгољуб (2009), О говору Спича: Грађа. *СДЗб* 56, 1–275.
СДЗб (1905–), *Српски дијалектолошки зборник*. Београд: Српска академија наука и уметности и Институт за српски језик САНУ.
Станић, Милија (1990–1991), *Ускочки речник* 1–2. Београд: Научна књига.
Ђупић, Драго и Ђупић, Жељко (1997), Речник говора Загараца. *СДЗб* 44, 9–615.

- Jurišić, Blaž (1973), *Rječnik govora otoka Vrgade*, II. dio Rječnik. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
Lipovac-Radulović, Vesna (1981), *Romanizmi u Crnoj Gori, jugoistočni dio Boke Kotorske*. Cetinje/Titograd: Obod/Pobjeda.
Lipovac-Radulović, Vesna (1997), *Romanizmi u Crnoj Gori. Budva i Paštrovići*. Novi Sad: MBM-plas.
Musić, Srđan (1972), *Romanizmi u severo-zapadnoj Boki Kotorskoj*. Beograd: Filološki fakultet Beogradskog univerziteta.
Roki-Fortunato, Andro (1997), *Libar Viškiga Jazika*. Toronto: Libar Publishing.
Šimunović, Petar (2006), *Rječnik bračkih čakavskih govora*. Zagreb: Brevijar.
Vuković, Siniša (2001), *Ričnik selaškega govora. Rječnik dijalekta Selaca na otoku Braču*. Split: Laus.

Литература

- ЕРСЈ (2003–), *Етимолошки речник српског језика*. Београд: Институт за српски језик Српске академије наука и уметности.
ЭССЯ (1974–), *Этимологический словарь славянских языков*. Москва: Наука.
РСА (1959–), *Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. Београд: Институт за српски језик Српске академије наука и уметности.

- DELI (1979–1988), Cortelazzo, Manlio & Zolli, Paolo, *Dizionario etimologico della lingua italiana* 1–5. Bologna, Zanichelli.
REW (⁵1972). Meyer-Lübke, Wilhelm, *Romanisches etymologisches Wörterbuch*⁵. Heidelberg: C. Winter.
RJA (1880–1976), *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* I–XXIII. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
Skok, Petar (1971–1974), *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* 1–4. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
SP (1974–), *Słownik prasłowiański*. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich.
Vinja, Vojmir (1998–2004), *Jadranske etimologije. Jadranske dopune Skokovu etimologijskom rječniku* 1–3. Zagreb: Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti/Školska knjiga.

Oxana Ushakova

Masaryk University
Brno, Czech Republic

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ И СТАРОЧЕШСКИХ ХРОНИК)

The predicatives are heterogeneous class of unchangeable words which express person or environmental states and which have a predicative function. The article is concerned with a function and syntactic characteristics of such units in the Old chronicles. The analysis is made in comparative point of view: the author compares data from Russian and Czech languages.

Key words: predicative, predicate, syntactic category, Old Russian language, Old Czech language

В современной лингвистике существует круг вопросов, ответы на которые представляются неоднозначными и дискуссионными. Одним из таких спорных моментов является проблематика, касающаяся категории состояния, то есть группы знаменательных неизменяемых слов, которые выступают исключительно в предикативной функции и выражают состояние человека, природы или окружающей среды, например, *Мне жарко, голодно, весело, скучно; На улице холодно, морозно; Утром бывает свежо, туманно; В комнате было душно, грязно.*

Нам представляется интересным проследить функционирование подобных единиц в диахроническом плане, сопоставив данные древнерусского и старочешского языка. В центре нашего внимания будут, прежде всего, синтаксические особенности слов категории состояния. В качестве источников для такого исследования были выбраны следующие письменные памятники: «Софийская первая летопись», «Никаноровская летопись», «Далимилова хроника», «Старые чешские летописи».

«Софийская первая летопись» была создана в середине XV века. В летописи излагаются события русской истории с IX века по XV век. Памятник дошел до нас в двух редакциях: старшей, доведенной до 1418 года, и младшей, повествующей о событиях вплоть до второй половины XV века. В нашем исследовании мы использовали текст летописи старшего извода.

«Никаноровская летопись» представляет собой литературно-исторический памятник конца XV века. Свое название летопись получила по имени владельца одного из списков – Никанора, архимандрита Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. «Никоновская летопись» охватывает события с IX в. по 1471 год.

«Далимилова хроника» – первая среди сохранившихся хроник, которая была написана на чешском языке, датируется началом XIV века. До этого хроники на территории Чешского государства велись на латинском языке, например, «Чешская хроника» (начало XII века) или «Летопись кановника Вышеградского» (начало XII века). «Далимилова хроника» написана в стихотворной форме, данный памятник описывает события от строительства Вавилонской башни до 1314 года.

«Старые чешские летописи» представляют собой свод записей, которые вели несколько поколений анонимных авторов, фиксирующих текущие события. Повествование начинается с описания Столетней войны (1377 – 1453 гг.), записи обрываются на событиях 1526 года.

В указанных текстах мы искали единицы, отвечающие нашим требованиям: неизменяемое знаменательное слово в функции главного члена безличного предложения, при этом предметным значением такого слова является качественная характеристика состояния человека, природы или окружающей среды. Таким образом, мы обнаружили в памятниках около ста конструкций (47 древнерусских и 49 старочешских предложений), в которых было использовано интересующее нас слово.

Одной из основных синтаксических характеристик слов категории состояния, как известно, является их роль в предложении – такие единицы выступают в качестве главного члена односоставного безличного предложения. Это положение подтверждается также данными исследуемых летописей и хроник:

Не любо ми есте в Киевѣ быти; хошу жити в Переславцѣ въ Дунаи, яко то есть среди земля моя (Никаноровская летопись: 21);

Тое же зимы приеха митрополит Феогнасть в Новгород со многими людьми, и тяжко бысть владыцѣ и монастырем кормом и дары (Никаноровская летопись: 65);

Бяше бо того дни буря и студено велми (Софийская первая летопись 2000: 268);

Žel mi jest, že ste tak ráno přijeli! (Dalimilova kronika 1958: 25)

‘Мне жаль, что вы так рано приехали!’;

*A nad ním ihned havran kváče,
jenž snad prorok bieše smrti jeho,*

škoda toho druha dobrého (Dalimilova kronika 1958: 36)

‘А над ним уже каркает ворон,
как предвестник его смерти,
жаль этого хорошего друга’;

tajno nenie, kterak Rendl, sebrav vedlé sebe některé z panuov a z rytierstva, složil jest s nimi list (Staré letopisy české 1959: 327)

‘Это не тайна, что Рендл, собрав около себя некоторых дворян и рыцарей, написал с ними документ’.

Во всех приведенных конструкциях слово категории состояния выполняет функцию предиката безличного предложения в сочетании со связкой. Именно связка, выраженная той или иной формой глагола, служит выразителем модально-временных отношений, так как слова категории состояния, как и иные слова именных частей речи «не содержат грамматических показателей наклонения и времени и потому не могут выразить сами ни степень реальности признака, ни отнесенность его к определенному времени» (Скобликова 1979: 88). Иными словами, лексическое значение предиката передается словом категории состояния, а грамматические модально-временные значения выражаются соответствующей формой связочного глагола.

Связочный элемент, как показывают анализируемые конструкции, может быть нулевым или материально выраженным:

в вечерню годину въ с(о)лнцѣ быс(ть) морочно велми (Софийская первая летопись 2000: 246);

аще после того оумрети же ми есть, то лучше ми есть ныне положити душоу свою за многыя душа (Никаноровская летопись 1962: 58);

Луче умр(е)ти съ дружиною своею на отчинѣ, ниже Курьское княжение (Софийская первая летопись 2000: 226);

Оже ти не годно держати Новагорода сыном, даи нам брата (Никаноровская летопись 1962: 41);

Toho jim líto bylo, i neměli k němu lásky (Staré letopisy české 1959: 38)

‘Было им жаль этого, а потому не испытывали к нему любви’;

avšak času toho dojde,

že vnuk pomstí svého děda,

jeho vrahóm i na pokon bude běda (Dalimilova kronika 1958: 27)

‘но однажды произойдет,

что внук отомстит за своего деда,

его убийцам будет тяжело и при смерти’;

Čechové, chtěie ciesařovy hanby pomstiti,

učinichu skutek, o němž mě hanba mluvíti (Dalimilova kronika 1958: 87)

‘Чехи, желая отомстить за позор императора,

совершили поступок, о котором мне стыдно говорить’

При этом следует отметить, что в современном чешском языке, в отличие от русского, связочный глагол не опускается, то есть в чешских предложениях употребление связки обязательно, ср.: *Jsem student; Rodiče jsou v důchodu; Jana je má kamarádka; Venku je dnes zima – Я студент; Родители на пенсии; Яна – моя подруга; Сегодня на улице холодно*. Исключением, как указано в «Чешской грамматике», являются конструкции, в которых используются модальные слова *lze, nelze, nutno* и др. (Navránek, Jedlička 1981: 308). В подобных предложениях связка может опускаться, например: *Nutno přihlížet ke všemu* ‘Нужно учитывать все’; *Lze s tebou souhlasit* ‘С тобой можно согласиться’; *Dlužno říct* ‘Нужно сказать’. Тем примечательнее тот факт, что среди выбранных старочешских конструкций встречаются предложения, в которых при словах категории состояния, не являющихся модальными словами типа *lze, nelze, nutno*, связка оказывается нулевой.

Следующей синтаксической особенностью слов категории состояния является примыкание к ним инфинитива:

Князь же Дмитриеи много думавъ о томъ, положи на томъ, что выпустити, а дати ему вотчина, на чемъ бы мощно ему быти (Никаноровская летопись 1962: 112);

люди себѣ надобны, а оуже истомлены, а еще бы и сие стеречи, лучи отпустити ея с Каргополя (Никаноровская летопись 1962: 114);

Добро есть намъ надѣяться на Бога, яко же пр(о)рок Давидъ гл(аголе)ть (Софийская первая летопись 2000: 448);

Ale věz, žeť úsilno jest tu kroniku psáti (Dalimilova kronika 1958: 17)

‘Но знай, что тяжело эту хронику писать’;

by bylo o tom mrzko a havno praviti (Staré letopisy české 1959: 30)

‘Было бы об этом мерзко и противно рассказывать’;

a praviece, že jim samým těžko bude projíti, že jest jim na cestách silně zasazeno od strány královy, jakožto tak bylo (Staré letopisy české 1959: 55)

‘и сказав, что им самим будет тяжело пройти, потому что дороги заняты королевским эскортом, так и было’.

Инфинитив относительно слова категории состояния может стоять как в препозиции, так и в постпозиции. Однако частотным в нашей выборке оказался лишь постпозитивный инфинитив, в то время как инфинитив, стоящий в препозиции, практически не встречается:

Да с тѣми убо святыми намъ лѣно есть жити и с тѣми радости насладитися, благодатью и человеколюбиемъ (Софийская первая летопись 2000: 507);

како мощно бы имъ проитти мимо рать княжоу Дмитрееву (Никаноровская летопись 1962: 113 – 114);

a kdež žáka nebo křesťana přemožieše,

živu jemu byti lzě nebieše (Dalimilova kronika 1958: 55)

‘а если встречался ей священник или просто христианин,

невозможно было ему остаться живым’;

Lépe nám jest sě nyní obrániti,

těžko mi jest jinak učiniti, a snad málo by jich bylo, ješto by mi uvěřili (Staré letopisy české 1959: 259)

‘Лучше нам сейчас защищаться, иначе потом наши дети будут нас ругать’;

‘Сложно мне по-другому поступить, и, наверное, было бы немного тех, кто бы мне поверил’.

В кругу синтаксических характеристик слов категории состояния следует также отметить, что они способны, подобно глаголам, управлять некоторыми падежами существительных и местоимений. Например, родительным или винительным падежом:

но жаль ми своею вотчины (Никаноровская летопись 1962: 51);

A proto, když tu Čechův třeba bieše,
hotové služby ot nich nejmieše (Dalimilova kronika 1958: 151)

‘А потому, когда ему потребовались чехи,

никакой помощи от них он не получил’;

Pražanom toho bylo velmi žel a líto (Dalimilova kronika 1958: 55)

‘Пражанам было этого очень жаль’.

Подобное дополнение, стоящее в форме родительного или винительного падежа, можно назвать объектным, в противовес дополнению субъектному, выраженному формой дательного падежа. По словам Романа Мразека (1990: 108), чешского лингвиста, «синтаксически данный падеж разумнее всего трактовать как субъектное дополнение». Действительно, подобное дополнение обозначает экспериенцера, то есть носителя соответствующих физических и эмоциональных переживаний. Такое дополнение, естественно, является обязательным при словах, обозначающих физическое или эмоционально-психическое состояние человека либо состояние с модально-волевой окраской, например:

В лѣто 6762. Добро бяше кр(е)стьяномъ (Софийская первая летопись 2000: 331);

и тяжко бысть владыцѣ и монастырем кормом и дары (Никаноровская летопись 1962: 65);

a пьсковичемъ бяше одинымъ не мощно пособити изборяномъ (Софийская первая летопись 2000: 416);

potom dále táhl, kam chtěl a kam mu líbo bylo (Staré letopisy české 1959: 69)

‘потом дальше шел, куда хотел и куда ему хотелось’;

I počěchu jeho tázati,

proč by bylo jemu mílo na železě sniedati (Dalimilova kronika 1958: 25)

‘И начали его расспрашивать,

почему ему так нравится завтракать на железе’;

viac by bylo oráčĭ chleba netřeba kupovati (Dalimilova kronika 1958: 25)

‘Больше не надо было бы пахарю покупать хлеб’.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, в обоих языках подобный семантический субъект оказывается выраженным формой беспредложного дательного падежа синтаксического существительного.

Еще одной важной особенностью слов категория состояния в синтаксическом плане является сочетаемость с обстоятельствами времени и места. Такой распространитель факультативен при словах, выражающих состояние человека, в большинстве подобных конструкций обстоятельства времени и места отсутствуют:

А в то время притужно бяше Избореску (Софийская первая летопись 2000: 416);

Не лѣно есть сему граду быти безъ владыкы (Софийская первая летопись 2000: 284);

како мощно бы имъ проитти мимо рать княжоу Дмитрееву (Никаноровская летопись 1962: 114);

Lépe jest státi v jednotě cirkve svatě a poslušenství (Staré letopisy české 1959: 239)

‘Лучше остаться в единстве церкви и послушания’;

Tehdy cesař korunu zemi vrátí

řka: „*Netřebať jje vám kupovati*“ (Dalimilova kronika 1958: 114)

‘Тогда император корону стране вернул,

сказав: «Не надо вам ее выкупать»’.

И наоборот, эти обстоятельственные компоненты обязательны при словах, обозначающих состояние природы или окружающей среды:

Бысть тма велика по всеи земли, и мгляно быше было того утра до третьего часа (Софийская первая летопись 2000: 463);

в вечернюю годину въ солнце бысть морочно велми, яко и на болѣ часъ (Никаноровская летопись 1962: 36);

Toho času počalo se draho v Čechách po svatém Duše (Staré letopisy české 1959: 304)

‘В то время после праздника святой Троицы стало все в Чехии дорожать’;

Toho léta teplo bylo vo Vánociach jako na podletí (Staré letopisy české 1959: 319)

‘В тот год во время Рождества было тепло, как весной’;

Toho rady poslušno v zemi bieše (Dalimilova kronika 1958: 142)

‘В стране все подчинено было его приказу’.

Облигаторность обстоятельств места и времени в таких конструкциях вполне логична: в таких предложениях сообщается о качественном состоянии какой-либо среды, что, естественно, требует временной и локальной конкретизации описанного признака.

Итак, мы рассмотрели в синтаксическом плане функционирование слов категории состояния в нескольких древнерусских летописях и старочешских хрониках. В результате нашего исследования мы выявили следующие сходные особенности анализируемой группы слов:

- слова категории состояния, сочетаясь со связкой, выступают в качестве главного члена безличного предложения;
- слова категории состояния способны управлять падежными формами имен существительных и местоимений (формы дательного, винительного и родительного падежей);
- слова категории состояния могут иметь при себе объектное и субъектное дополнение;
- к словам категории состояния может примыкать инфинитив;
- в предложении слова категории состояния могут быть распространены обстоятельствами места и времени;
- реализация валентных связей слов категории состояния в предложении зависит от их семантики.

Сходное синтаксическое функционирование слов категории состояния в рассматриваемых памятниках свидетельствует о типологическом характере этого языкового факта. Категория состояния, таким образом, представляется результатом естественного развития грамматической системы русского и чешского языков. Однако некоторые вопросы данной проблематики остаются открытыми и, несомненно, требуют дальнейших изысканий с привлечением более широкого языкового материала.

Список литературы

Мразек, Р. (1990) *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры*. Brno, Univerzita J. E. Purkyně v Brně.

Никаноровская летопись (1962). In: *Полное собрание русских летописей*. Т.27. Москва-Ленинград, Издательство Академии Наук СССР.

Скобликова, Е. С. (1979), *Современный русский язык. Синтаксис простого предложения*. Москва, Просвещение.

Софийская первая летопись (2000). Москва, Языки русской культуры.

Наврәнек, В., Једличка, А. (1981), *Česká mluvnice*. Praha, Státní pedagogické nakladatelství.

Nejstarší česká rýmovaná kronika tak řečeného Dalimila (1958). Praha, Nakladatelství Československé Akademie věd.

Staré letopisy české z rukopisu Křižovnického (1959). Praha, Státní nakladatelství krásné literatury, hudby a umění.

Kledi Vasić Tovena

Uni Innsbruck, Castiglione delle Stiviere
Italy

RASPONI GLOTOLOŠKOG UDARA NA PRIMERIMA PREVODA TEKSTOVA MIRE GAVRANA

Starting with only two translations of the English title Die hard (Italian, Serbian) we can see in cinemas the following titles: Duri a morire (it) Umri muški (sr) and interpretation in every of the quoted languages has a central meaning floating between verbal action of dying and the description of the way, rather "how", the modal state of predication is pronounced. While English and Serbian version are focused on Imperative for the verb, Italian syntax segment is an adjective of plural male noun. Here we do not search classical semiotic differentiation, but try to define a "glottological stroke". Are English and Serbian men more prepared for brutal death? Or the Italian male population must be pretty, soft and trendy even in the final moments of life? Following the traces of Umberto Eco in his research Looking for the universal language code we notice his appreciation of Milan Randić's semiotics spectrum, and here I start to construct the chromatic stairs, defining inner ranges of a single emotion, the emotion of the same word in several languages, pertinent more glottological than semiotic description. And with numerous translations of Miro Gavran's drama text we meet a sort of linguistic abundance, born from simple pattern, but its depth in simplicity is confirmed in various languages to be interpreted in a very wide range of meaning, that means the deeper simplicity of original meaning we have, the harder "stroke" in translation is to be expected.

Key words: Die hard, „glottological stroke“, semiotics spectrum, Umberto Eco

Zašto baš na tekstovima Mire Gavrana?

Da bismo jedan moderan fenomen objasnili na najprikladniji način ne možemo a da ne budemo zahvalni materijalu koji govori o piscu kojem pripisjuju 200 pozorišnih premijera, 2 000 000 gledalaca, prevode na više od 30 jezika. Njegova popularnost i brojne domaće i inostrane nagrade, koje nisu samo slučajnost, već logična nadogradnja jedne tako kreativne osnove, dobra su baza za široku difuziju i poznavanje njegovog imena i dela. Spada u retke koji za vlastitog života imaju prilike da čitaju i primaju te pohvale ili da učestvuju na festivalu posvećenom baš njima (Gavranfest u Slovačkoj).

Jedno sasvim novo kodiranje

Još početkom proteklog veka, jugoslovenski lingvisti pripremaju teren za posebnu analizu pozorišnog govora, klasifikujući posebnu kategoriju primaoca konačne informacije koji se zove pozorišni gledalac. Može da bude obrazovaniji, manje ili više, inteligentan, manje ili više, ali se nikako neće pojaviti u foteljama namenjenim gledaocima, ako nema bar malo predispozicije za „pozorišni izraz“. Osim što je kategorija primaoca definisana drugčijim merilima, nisu isti ni elementi koji kodiraju i emituju samu informaciju.

„Zar nije pozorište pored ostalog i umetnost reči? Zar se u njemu, u glavnome, ne vrši sve rečju, koja sa pozornice leti po celoj zemlji, i u stihu, i u prozi, i u teškoj tragediji i u lakoj komediji koja hoće da rasonodi i da nasmeje? Koliko su puta krilatice sa pozorišnih dasaka zavladaale prvo pozorišnim gledaocima i slušaocima da se zatim rasprostru po narodu kao opšte dobro!“ , A. Belić

„Ivan Slamung, u propratnoj belešci uz prevod Marulićeve Judite koristi takođe slikovit termin za posao koji je obavio, p r e t a k a n j e, što je inače jedan od mogućih prevoda za englesku reč transfusion. Slika koju nam reč pretakanje stvara slična je efektu Dradenovog termina – u pretakanju tečnosti iz suda u sud ono što je suvišno, ili odumrlo, zaostane u talogu a tečnost obično dobija nov kvalitet, možda osiromašen, ali prečišćen i možda poboljšan. Karakteristično je da i Drajdren i Slamung, obojica prevodioci, u raznim vremenima i kulturnim prostorima, u pokušajima da terminološki preciziraj posao vertikalnog dijahronijskog prevođenja koje su obavili, koriste pojmove koji asociraju na tečnost, odnosno na elemenat koji je neuhvatljiv, pokretan i nestalan kao i svaki jezik Oba pojma dele i drugu osobinu, širinu, koja ih čini adekvatnim za prijem kada se govori o bilo kakvoj vrsti prevoda, a ne samo o vertikalnom dijahronijskom prevodu.“ M. Frajnd

Prevrat, obrt ili udar

Lingvistički obrat poststrukturalističke epohe generisao je dobrim delom i ono što zovu kulturnim obratom, a mogli bi ga nazvati i prevratom ili udarom. Glotološki sistem, obučan u novo poststrukturalističko ruho, može da nam da sasvim novo preobraćeno svetlo dok posmatramo jezičke elemente i činjenice. Primenjen samo na jedan jezički sistem, teško da može da se nasluti njegovo mesto u rečenici i prava vrednost. Tek u paralelama sa ostalim jezicima možemo da osetimo i doživimo kako bi to moglo da zvuči u kompletiranju doživljanja finalnog primaoca, bilo koje jezičke pripadnosti.

Film iz 1988. Brusa Vilisa, engleski Die Hard preveden na srpski Umri muški, nemački Stierb langsam, bugarski Умирај трудно, poljski Szklana pułapka, češki Smrtonosná past, azerbejdžanski Məğlubedilməz, grčki

Πολύ Σκληρός για να Πεθάνει , italijanski Duri a morire, portugalski Duro de Matar, katalanski Die Hard (Difícil de matar), španski Duro de Matar... itd., bili su osnova mog početnog razmišljanja o "glotološkom udaru". Iako Hjelmslev nudi u definciji glotologije jedan zatvoren induktivni sistem, koji isključuje spoljašnje faktore, to važi i funkcioniše kada posmatramo jezike kao nanizane objekte za vivisekciju, koji čekaju kao u redu ispred kase da plate, tačnije da budu rasitnjeni na sastavne delove. Ali kada tako jednu jednostavnu rečenicu, i pri tome naslov koji je više od dvadeset godina globalna kulturna stvarnost (a ima izgleda da saga ide odavde do večnosti), ne možemo a da ne primetimo kako je svaki jezik, tačnije svaki narod u nju stavio nešto svoje vlastite identifikacije. Ili tačnije približio nacionalnom gledaocu, onu suštinu ovog istog pojma na njegovom nacionalnom izrazu. Ako bi sve ove izraze čitali i tumačili na srpskom rezultati bi bili sledeći: umri na najteži mogući način, umreti polako, umirati teško, teško da bi umrli, smrtonosna zamka, staklena zamka itd. Gotovo da nijedan izraz nije identičan drugome, a opet svi označavaju naslov istog filma.

Tek će režiser reći kakva će haljina da se pojavi na sceni

Ako smo dosad objasnili kako i zašto termin „glotološki udar“ onda ćemo pogledati kako ta izgleda na paralelnim rečenicama iste drame Mire Gavrana, izgovorene kroz različite prevodioce, a onda oblikovane kroz još različitije glumce i režisere.

1. A - SAMO PRIJATELJICE (Anitin dnevni boravak) (Anita, Lada) (Anita je dugokosa mlada žena odjevena u odmjerenu haljinu. Izlazi iz kupaonice noseći posudu s krpom za skupljanje vode. U tom trenutku zazvoni na vratima. Anita odloži posudu na pod.)

1. A - Soltanto amiche (il soggiorno della casa di Anita) (Anita, Lada) (Anita è una giovane donna con i capelli lunghi e una vestaglia che le si addice. Sta uscendo dal bagno e tiene in mano un secchio con lo straccio per asciugare l'acqua. Ma proprio in quel momento suonano alla porta. Anita posa il secchio per terra.)

1. A - JUST FRIENDS (ANITA'S sitting room) (ANITA, LADA)
(ANITA is a young woman with long hair dressed in an understated frock. She comes out of the bathroom carrying a bowl and a rag for collecting water. At that moment the door-bell rings. ANITA places the bowl on the floor.)

1. A (Anita ist eine langhaarige junge Frau und trägt ein ihr entsprechendes Kleid. Sie kommt mit einem Eimer und einem Lappen in der Hand aus dem Badezimmer heraus. In diesem Augenblick klingelt es an der Tür. Sie stellt den Eimer auf den Boden.)

Новелла первая. Сцена первая. «ТОЛЬКО ПОДРУГИ» (один день из жизни Аниты)

Анита, Лада. Анита, молодая длинноволосая женщина в платье ниже колена, выходит из ванной с тазами для воды и губкой в руках. В этот момент раздаётся звонок в дверь. Анита ставит тазы на пол.

Ako pažljivije pratimo italijansku verziju videćemo da to može da bude haljina koja je primierena trenutku, ali i osobi na kojoj je, engleska verzija svakako govori o socijalnom statusu žene na kojoj je haljina; nemačka bi bila najbliža originalnom hrvatskom izrazu –odgovarajuća haljina, dok ruski prevodilac radi nešto što ga sasvim razlikuje od ostalih, on definiše samu dužinu haljine, kao estetski i etički normativni faktor. Ruski prevodilac se razlikuje od ostalih po samoj tekstualnoj obradi, dok svi prihvataju i slede grafičku i jezičku formu originalnog teksta, ruski prevodilac sebi dodaje jednu poetičnu didaskaliju (jedan dan iz Anitinog života) / (один день из жизни Аниты).

Ovde smo videli da od teksta do teksta , jezika i prevodioca, sama ideja o haljini koju će nosti glumica na pozornici uvek je različito kontekstualno postavljena, a to nikako nije slučajnost. Mogućnost različitih vizija iste slike možemo da objasnimo katarzičnim nabojem najvažnijeg semantičkog dela rečenice, i tek u njegovoj konfrontaciji sa drugim jezicima dolazimo do jezgra samog značenja, onoga što bi bilo najbitnije u procesu emitovanja i prijema informacije. Modni trendovi, vertikalni i horizontalni dijahronijski preseki kojima se sagleda ovaj scenski detalj, daju čitav jedan diferencirani i iznijansirani spektar mogućih vizualizacija, taj sitan detalj dobija jedan nov i bogat život, samo u nabranju sopstvenih varijeteta u raznim idiomima i lingvističkim konceptima.

U trenutku kad smo predočili sebi koliko to različitih emisija može da krene iz jednog jedinog izvora, moraćemo da predočimo i sebi kako će to na kraju da izleda. Završnu reč oko ovog detalja sa haljinom, daće u trenutku samog postavljanja na scenu najpre režiser, a potom i kostimograf. Negde će ta haljina biti crvena, negde plava, negde duga, negde kratka, široka ili uska, a sve u skladu sa mentalnim sklopom onog prosečnog pozorišnog gledaoca kojeg smo opisali na samom početku članka.

Ako tog gledaoca postmatra Pietro Trifone u Italiji, onda se zgražava jer u čitavoj zemlji nije moguće na isti leksički način predstaviti jednog autora, navodeći da će manje problema imati englezi pri susretu sa originalnim Shakespear-ovim delima ili francuzi sa Molijerovim. On navodi primer Dantea i Boccaccia, u slučaju da su postavljeni prema jeziku originalnog teksta mogu da budu prihvaćeni samo od toskanske publike.

Taj alternativni kod pozorišnog izraza nam omogućava da shvatimo kako glotološki udar, najčistije destilovan kod pretresanja različitih jezika iz različitih govornih porodica, može takođe da bude evidentan i kod dijalekata jednog istog standardnog jezika, kako smo to videli na italijanskom primeru.

“La mancanza di una consuetudine di italiano parlato ha inciso negativamente sulle sorti del nostro teatro, contribuendo a limitare l’importanza del suo ruolo nella cultura italiana ed europea, con l’eccezione di forme sceniche come la commedia dell’arte e il melodramma. P. Trifone

A posledice tog istog udara mogu da bude od takvog značenja da daju i određena istorijska i žanrovska određenja i samu sudbinu pozorišnih stilova, kao što je to bio slučaj sa italijanskim žanrovima: la commedia dell’arte e il melodramma

Reference

- Belić, Aleksandar, Izabrana dela 13, O različitim pitanjima savremenog jezika, Beograd, 2000, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva
- Ciliberti, Anna, Manuale di glottodidattica : per una cultura dell’insegnamento linguistico, Firenze, 1994, La Nuova Italia
- Dubois, Jean... [et al.], Dizionario di linguistica – Bologna, 1979, Zanichelli,
- Frajnd, Marija, Prevod u dijahroniji, Književno prevođenje: teorija i istina, Institut za književnost i umetnost, Braničevo , Požarevac 1989
- Gavran, Miro, Sve o ženama, kvintologija, 1999/2000, Zagreb, Teatar Gavran
- Gavran, Miro, Tutto sulle donne, Traduzione di Silvio Ferrari, gennaio 2007
- Gavran, Miro, All about women, english translation 2000
- Gavran, Miro, Alles über Frauen, (Quintologie), prevod Ljerka Orešković Hermann,
- Gavran, Miro, ВСЁ О ЖЕНЩИНАХ, (КВИНТОЛОГИЯ), (Перевод с хорватского Гириня Сергея)
- Trifone, Pietro, Malalingua : l’italiano scorretto da Dante a oggi – Bologna, 2007, Il mulino

Јелица Живановић

Филолошки факултет Универзитета у Београду
Београд, Србија

АУТОПОЕТИЧКИ ИСКАЗИ У ПОЕЗИЈИ ЛУКИЈАНА МУШИЦКОГ

The purpose of this paper is to present and to analyse self-poetic statements in the poetry of Lukijan Mušicki. Viewed in the context of the era and the poetry of classicism, as well as literary tradition in which the poet was educated, Mušicki's poetry is confirmed as poetry of harmony and continuity. In relation between authoring voice and author's role in formation of national ethics and national self-consciousness stands out a circle of poetic themes and motifs, especially the motif of immortality. Self-poetic statements are specifically considered in the so-called "Odes to oneself," and their status is challenged and Mušicki's epigrams.

Key words: Mušicki, self-poetic statements, poetry, classicism

Иако се у својим песничким тежњама и идејним погледима често колебао између традиције и захтева новог времена, стекавши широко хуманистичко образовање, Лукијан Мушицки представља прву изразиту песничку индивидуалност у српској књижевности (Деретић 2004: 527). Док је сходно поетици класицизма тежио да верним и доследним опонашањем класичних модела постигне формалну, стилску чистоту, уводећи римски размер у наше песништво, имао је Мушицки и оне поетске плахости, „али не у машти него у карактеру“. „Карактер нема машту, али има срце, и може у три речи, у епиграму, у двостиху казати поетичку вредност. Та комбинација, наравно, не даје такозваног чистог лиричара, али та комбинација то и неће. Лукијан је писао: *Сили мечтателној утесни предел*. Није ова старинска реченица рђава ни као стил, а суштински она казује сасвим непоетску истину: да *јак живот побеђује без илузија*“ (Секулић 1964: 41-42).

Ова мисао, коју, пишући о стиховима Лукијана Мушицког у избору Васе Стајића, наводи Исидора Секулић, чини нам се кључна за питање поетике овог песника. Бавећи се аутопоетичким исказима нужно смо морали имати на уму поетику правца и контекст времена коме је песник припадао, као и традицију на којој се образовао и формирао као стваралац.

Теоријски посматрано аутопоетика представља онај „слој у књижевном делу у којем је иманентна поетика дела учињена наглашено видљивом и у којем постоји инстанца која говори о томе“ (Перишић 2005: 626). Таква места, на којима се осим о представљеном свету говори и о делу самом, означена су као експлицитна и имплицитна поетика, при чему се експлицитна поетика налази у директним, лако препознатљивим исказима које у тексту саопштава имплицитни аутор. Имплицитна поетика присутна је у делу преко поетичких фигура и захтева напор тумача у смислу превођења фигуративног исказа у поетски. Ако узмемо у обзир да се експлицитна и имплицитна поетика у тексту не морају поклапати са иманентном поетиком, већ да она настаје на местима њиховог укрштања, постаје јасно да је аутопоетички исказ тешко одвојити од контекста коме припада, да тек у контексту добија своју аутономност.

Поетски нагон у карактеру, о коме говори Исидора Секулић, илустроваћемо песмом *К самом себи*. Основни тон овој поезији даће духовно стање онога који страда, и онога који се у том страдању обраћа музама.

Пиериде! Дајте лек!
Напрегну вражја рука љуту стрелу,
Изненада јазви нас.
Зар мисли да ћу пасти жртва злобе?
Чија носи броњу груг
И дању, ноћу, в дому, пољу, радњи?
Каква војна око нас?
Полк чрни нек' се множи; в срам ће пасти.
Чиста совест нама штит.
Трпење крепко груди нашој броња.⁴⁷

То стање егзистенцијалне угрожености с једне, и духовне напетости с друге стране, уграђиваће се у већ постојеће поетске оквире класицизма. Тематско-мотивска дуалност праћена је другом, формално-језичком, чију је дефиницију песник дао стихом „убором Српкиње, ходом Римке“, стихом који ће његову поетику обележити као поетику „хармоничног двојства“ (Стефановић 2010: 135).

⁴⁷ Сви наводи из песама Лукијана Мушицког овде се дају према: Мушицки, Лукијан (2010), *Моје струне (избор из песништва)*, изабрала и приредила Мирјана Д. Стефановић, Београд, Службени гласник.

У границама ових двојстава, у склоповима ове хармоније, треба тражити и аутопоетику Лукијана Мушицког.

Његово стваралаштво је у времену у коме је настало представљало веома утицајан и подстицајан песнички опус. Најважнији део књижевне заоставштине Мушицког чине оде и епиграми. „Замишљене и остварене као Пантеон виђених људи српске историје и жива хроника значајних културних и политичких догађаја српског народа“ (Павић 1991: 157) његове оде могу се поделити на четири групе: на пригодне (панегирике), родољубиве (протептикон), филозофско-медитативне и оде свакодневице. У последње спада и низ ода које песник попут немачких класициста упућује самом себи. Епиграмска поезија Мушицког обухвата четири књиге, а делом је под псеудонимом објављивана у књижевним додацима *Новина српских*. Као што се види из њиховог наслова (*Натписи на српско књижество*), највећи део епиграма био је посвећен питањима језика, правописа, литературе.

Аутопоетички искази се у поезији Лукијана Мушицког могу сагледати у ширем и ужем контексту. Несумњиво је да су многи од њих у служби општих књижевних питања тога времена, којима се Мушицки као човек изразите друштвене активности морао бавити. У својим песничким текстовима он се непрекидно враћа питању књижевног језика, и с њим у вези питању улоге тог језика у народном просвећивању, као и националном и духовном ослобођењу. У оквиру овог ширег круга, назовимо га тако, уметнути су искази које данас сматрамо аутопоетичким. Одређене метафоре које се вишеструко понављају свакако да носе аутопоетички потенцијал, попут „српске лире“, која за себе везује кључна питања како песникове, тако и класицистичке поетике уопште.

Једно од таквих питања представља и однос Мушицког према језику књижевног дела. Залажући се за теорију о три стила, која претпоставља одговарајући језички израз на сваком од стилских нивоа – високом, средњем и ниском, пут српских класициста водио је ка диглосији. Дела ниског стила (писма, епиграми, комедије итд.) писани су на релативно чистом народном језику, а дела високог стила (оде) на славјанском језику. Ту поделу понекад је следило и писмо. Тако су оде и друге песме високог стила Лукијана Мушицког испеване на славјанском језику и штампане у две књиге црквеном ћирилицом, а његови епиграми и друге песме писани ниским стилем испевани су на народном језику и штампани у две засебне књиге грађанском ћирилицом (Павић 1991: 109). Међутим, 1808. године српски класицисти чине један одсутан заокрет баш на плану језика. Те године је Мушицки испевао своју прву песму високим стилем, али на српском језику, и од тада је и народни језик сматран изражајном варијантом високог стила.

Обраћајући се Анреју Волном у истоименој песми Мушицки већ 1809. године одговара на сумњу „српска да Муза већ / Правилно може хор, как’ римска, / Играти, мешати слично песне“. У оди посвећеној Михаилу Витковићу стихови оденути у српско рухо носе потенцијал песничке бесмртности.

Чујем те всегда чужим словом
Гласјашта. Кад ћеш ми Србљин бити?

В чест отчеј сени кад ћеш доказати
Да рода свога Парнас не презиреш?
На овом за те расту лаври.
С родом је свезана слава наша.

Језик се већ у овој песми Мушицког доживљава као „сокровиште мислеј рода“, као ризница без које је идентитет немогуће представити и без које је и бесмртност немогућа. У обраћањима савременицима Мушицки често помиње српски варвит („Истини другови наши туже / За гласом чезну српскога варвита!“ у песми *Сочињенија Державина*). Овај мотив се најексплицитније развија у *Љубитељима српске лире* и *Гласу родољупца*, и то у необичном троуглу лире, срца и разума. „Орфеји, Флаки дејствују кроз срце, / Свагда с успехом на ум. / Од њи(х) узајмљују Платон и Хердер, / Пит и Фокс вештину ту. / Сад сме л’ ко презрет’ што је роду мило?! / Зар да презрен буде сам?“ То дејствовање кроз срце подразумева дејствовање на народном језику јер „срца бољ’ма отварају српској песми“ и „срцу је нектар језика српског вид. / Јунаком чини Србљина српски глас / Са лире српске жарка певца“. Писати на народном језику оправдава се исконском блискошћу, али и савременом потребом: „А посвемесни српска рода језик / Ум, карактер, јавља наш. / Милине, сродне духу, срцу српском, / Ковчег драги јесте он, / Огледало је он свег српског рода; / Жизнинутрине облик“. Овако представљен у *Гласу родољупца*, једино такав језик може изнети дух народа, и у оном романтичарском, али и смислу отелотворења песничког надахнућа уопште. Једино таквим језиком може се „реализовати“ и деловање муза, на које се, не заборавимо, Мушицки непрестано ослања када се обраћа Роду. Отуда се и у исказима везаним за питање језика могу тражити елементи аутопоетичности. То се потврђује и чињеницом да у језику цркве и језику рода Мушицки види два пута чији је циљ заједнички, при чему први као језик традиције и културе не може опстати без деловања другог.

Узимајући да се до разума долази путем срца, а да се пут срца отвара народним језиком, Мушицки у својим одама савременицима неизоставно дотиче и питање народног просвећивања. Једна од првих таквих песма је и ода *Сени Доситеја Обрадовића*, који упознавши света „вкусив нектар истине, појити жедне нача“. О Доситеју говори у библијским паралелама и параболома: „скупљање знања, појење жедних, множина слѣдбеника, ослободилачки дух Доситејевог дјеловања, готово дословно саопштен Доситејевим ријечима“ (Иванић 2011: 38). Ставови Мушицког о просвећивању и напретку народа препознају се у његовом виђењу Доситеја: „Минервин кому дом неприступан јест, / Толмач же нужан в беседи праотцев, / Тај тебе чита; чтома слуша / Буквонеискусан: све им јасно“. Отварање царских путева жељним света, писмености и мудрости, које се у српској књижевности и везује за име овог просветитеља, опет у ширем смислу припада поетици Мушицког. У поменутој оди он ће директно упутити на поетику Доситејеву, која се у изреченом облику може посматрати као аутопоетички исказ:

Откриваш мудро басном ласкателство,
Клевету, завист; леп благородства штит
На доброј токмо руци славиш;
Казнити умеш надмену гордост.

Поетика басне транспонована у практичну функцију једначи се са оним што Мушицки намеће својим одама и епиграмима, а то је поучност и утилитарност. У *Оди Димитрију Давидовићу будућему српском типографу* песникова муза „пријатствује јуношким подвигом“, хвалећи Давидовићев алманах *Забавник*, који је издавао у Бечу. *Забавник* као „веселије девам’ на уборном столу“ из кога „пуне вести“ с забавом сазнаје и село и град донеће славу Давидовићу. Зато му се и обраћа речима: „број ти чтеце роду и себи на чест“ и „подвиг твој узвиси и препоне с пута уклони“. Моменат користи и важности за Род постаје не само сврха већ и основ памћења, потреба због које „летописци највернији хвалиће вечно“. Српска лира као метафора у поезији Мушицког јавља се и у варијантним облицима варвит и (х)арфа. У песми *Сочињенија Державина* она је духовна спона појединца и општег добра, стварања и потврђивања националног идентитета. Као и у претходно поменутих песмама, то је метафора оног унутарњег нагона који у народу постоји, а која обједињује и потпору и сврху као такву.

Не средство рапско другим’ више,
Бићемо конач високи себи.

Но силам’ нашим потпора нужна где?
Ах, ту, од силних не может тражит.
Из себе узми, знаш што ј’ мени
Срце и душа дојако било.

Не лажну хвалит’ Србљина заслугу
И честност, правду, добру к општему
Тежење храбро: златну казат’
Истину, дизати српску лиру.

О том подвигу песник говори и у *Гласу народољупца*. У оди *Милошу Светићу* у обраћању директно усмереном на српски народ и његово ослобођење (што се огледа и у стиховима „ратне страсти обвладаше / На (х)оризонту наравна поља. – Дан ће ми Видов осванут’ скоро“), Мушицки готово тумачи следећи аутопоетички исказ дајући му контекст: „мисли не лете где чувства нема“. Савладан ратним страстима он подсећа на велике песнике који „дигосе тевтоне, Англе, Франке“ и каже да: „добри су Србљи, умни, храбри су, / К високим можеш мислима дизати / Њих, лепа душо српска!“ Поезија Мушицког открива његову поетику као поетику сагласја лире, срца и разума, поетику континуитета и хармоније.

Узимајући у обзир све наведено, може се закључити да се у „Лукијановој поезији учвршћује, до нерашчлањивости, веза ауторског гласа са улогом аутора у обликовању националне етике и националне самосвијести“ (Иванић 2011: 37). Унутар те везе посебно се може издвојити и један круг поетичких тема који бисмо назвали „вкус бесмртности“.

Наиме, у песми *Сени Доситеја Обрадовића*, јединој од Лукијанових „песама на смрт“ која је посвећена „сени“ драгог му песника, бесмртност је метафорички представљена као „вечни памјатник“ („Ти себи вечни воздиже памјатник, / К високој цели влекушт пресилно Род“). На исти начин и у *Гласу народољупца* песнички глас позива на подизање „живих памјатника“ јер „потомству бива славна мужа име / Столп у беди, свет у тми“. И у каснијим песмама бесмртност је у директној вези са улогом у историји Рода, али и опонент тежњи за материјалним, често сама себи циљ: „С родом је свезана слава

наша. // В њему смо древо, богато ветвјама, / А изван њега гранчице, отпадше / И сухе. Венац себи плете, / Његову иштушти ползу, славу“ у *Оди мојему пријатељу Михаилу Витковићу*, или „Фидија, чуј, с Пракситељем мотрише вечну на славу. / На славу зрјаше, не на сребро / Рафаел сад полубог. / Подвиг твој узвиси и препоне с пута уклони“ у *Оди Димитрију Давидовићу*.

Овај мотив је нарочито развијен у оди *Јеремији Гагићу, Србљину*, у којој значај песника и поезије потврђује слава косовских јунака јер „барди разнесоше / До главе Истра хладна до севера / Имена њина“. Вкус нам бесмртија подвиг слади,

Да рода трпимо глад и жеђ,
И зној, и зиму, бурју и тамницу,
У хадску чељуст улазимо,
Духовом надежда крепост даје,
У недру да ће његовом живити
нам' памет вечно.

На такву бесмртност песник рачуна и у *Гласу (х)арфе шишатовачке* тражећи од муза песму која ће „живит' док је српска / Племена јарким под сунцем“. Тим истим гласом се и „Доситеј тјеша, на крају *Писма Харалампију* (1783), налазећи смисао свог постојања у писању ради просвјешћивања српског народа; тим ће гласом говорити и Бранко Радичевић, у нади да то што је пјевао неће пропасти“ (Иванић 2011: 37).

Посебну групу ода Мушицког чине тзв. „оде к самоме себи“ које „универсализују лично искуство и активирају лик пјесничког субјекта на начин који ће превладати тек с романтичарима“ (Иванић 2011: 42). У замци клевете, зависти, пакости и злобе, у љутим ранама, песнички субјект своју усамљеност решава снажним ослањањем на себе самог: „Тој нест достојин бит' изабављен / Који остављајет себе самога“ (*К духу мојему*). У оди *Григорију Гершићу*, насталој у време највећих невоља са митрополитом Стратимировићем, он је „на среди сиња мора“. И у тренуцима док „бурја чун колеба страшно“ и док „морски различан град све покрај мене / плива; уздиже врат; чељуст отвара; / грозно скрежеће зуби“, он не оставља весла, „одгони таласе дух“. Верујући да „и слаба мишца / Људска јача у беди: / Сече и препоне дух“ и „где јачи живот / Тамо победа спеша“, лирски субјект позива своје „сојузнике“ („Беспечна совест, истина с правдоју, / Трудов цел чиста – наши сојузници. / Оружјем перо, Фебом дано, / Градом трпеније будет крепким“). Отуда у оди *К самом себи* потреба за леком Пиерида: „Глас Лире Ваше балсам нежном срцу; / С песном Вашом јачи дух“. У контексту поменутих ода ови стихови несумњиво постају аутопоетички искази. Штит у чистој савести и оклоп у трпљењу отварају простор за деловање муза, и то је она врста поетског нагона о коме пише Исидора Секулић. „Нови подвиг ума“ и „ум на бесмртна упри“ као лек Пиерида показују дејство поезије на песника. То дејство управо је и њена функција и њен смисао. Поредјећи Мушицког са осталим песницима српског класицизма, Сава Дамјанов указује на изразитије присуство античког духовног агона код овог песника, иако ни он не пренебрегава Сенекин скептицизам и стоицизам (2006: 203). Сенеку и Епиктета Мушицки директно апострофира у *Оди к самом себи* (са карактеристичним мотом „Тешко мени без мене!“): „Мисли, о Лукијане, сред злоба, пакости зверски(х), / Шта би чинио ту Сенека, шта л' Епиктет“. Ипак, „у даљем току песме све више се напуштају основне стоичке идеје отклона од страсти, мирења и трпљивости, у име промишљања самих егзистенцијалних недаћа и утехе кроз духовну борбу са њима, али и кроз другачију спознају сопственог бића“ (Дамјанов 2006: 204). То се огледа у следећим стиховима побуне против датог устројства, не мирења са њим:

Несреће бездне јоште не бој с': бесплотни те диже!
Заслуга ризом покри с', ум на бесмртна упри!
Стреле врагова затупит ће с', пашће неправедне мишце,
Језик занемеће им: ти ћеш остати ти.

Својеврсна егзистенцијална стрепња и неизвесност, коју Дамјанов назива оптимистичка скепса (2006: 204), присутна је и код Мушицког („Ево и теби је судбина дала задатак не лаки: / Славе узлетит' на врх, вечну ил' пасти у тму!“), али јој се истовремено супротставља и уверење да „крепкој се намери зар икада отело што?“

Оде поменуте групе Дамјанов наводи као антологијске примере онога што ће Хуго Фридрих одредити као претходницу модерне лирике, „пре свега кроз доживљај апсолутног песничког ЈА које наступа с патосом несхваћене величине и успостављање непомирљивог јаза између тог ЈА и света (околине), због чега опет следи повлачење у своје унутрашње биће и осећање поноса, па и надмоћи: Верлен је за то употребио термин уклету песници. С друге стране, целокупно песништво Лукијана Мушицког, дакле и елегije, натписи и остале врсте којима се (ређе) бавио, више него очигледно

представља песništvo које је валеријевска *светковина интелекта*“ (2006: 205). Тај нагон за унутарњом победом разума, за савлађивањем и самог надахнућа, препознајемо и у следећим стиховима из *(Х)арфе шишатовачке*:

Над самим собом најтежа победа!
Не дај да расту заједно с силама
Ти тајни врази твоји. Вољу
Најпре под јарам подвргни ума.

Иако често схватана као „пуко рационализовање песничког надахнућа“, ова класицистичка формула „у ствари је представљала постулат *хармоничности*, који је несумњиво основни принцип уметничког стварања. Класицисти су управо то знали: шта висока поезија *јесте* и како се *прави*“ (Живковић 1994: 222).

Овде тумачене „оде к самоме себи“, као и бројна песничка обраћања савременицима, указују на то да је, стварајући поезију, „Мушицки казивао своју раскошну интиму која је својствена личним тренуцима *чувствителног дневика*“ (Стефановић 2005: 17).

У најпознатијим Лукијановим посланицама у стиху, *Гласу народољупца* и *Гласу (х)арфе шишатовачке*, у чијем су средишту питања књижевног језика и народног просвећивања, искази о поезији имају посебан статус. Они постају готово експлицитни примери аутопоетичких исказа. У *Гласу народољупца* питање књижевног језика Мушицки решава позивајући се на проблем расејаног народа коме су језик и вера „спасенија шлем и штит“. Језик цркве и језик народа у песниковом виђењу, већ смо помињали, два су пута, али воде истом циљу. Међутим, пишући о језику, Мушицки проблематизује естетски статус речи, као и питање књижевног поступка и стила:

Сојуз нам речи, мисли јесу лепе,
А лепоте нема реч!

Широко књижества нам, браћо, поље!
Разне силе, једна цел;
И разна воља, дух ал' један свима!

У разговор не мешај речи, које
Стамбул скова, Беч и Рим.

Глас (х)арфе шишатовачке већ у наслову носи аутопоетичку црту – појављује се харфа као пандан античкој лири. У истој песми Мушицки се окреће и песничком тексту као хармонијској целини („Приведи струне победоносно у / Согласје“) заснованој на споју ума и срца, питању надахнућа („мудрост нам долази / С Олимпа. Дај, казуј под перо / Правила полезна; пут ко срећи / Отвори“ и „зажели, смисли, љубављу внутрени / Зажежи орган к намери полезној“), и књижевности чији се смисао с једне стране огледа у служби роду, а с друге у слави песника и његовог дела.

Као један од елемената аутопоетичности можемо узети и честа обраћања или позивања Мушицког на своје песничке узоре, првенствено у одама, чиме се подстиче дијалоска и полемичка атмосфера. У поетском дијалогу несумњиво се проблематизује и властита поетика, што смо већ помињали пишући о оди Доситеју. Истовремено, присуство другог аутора у песничком тексту, макар и путем апострофе или именована, усложњава ауторски глас и шири контекст тумачења. У оди *Сочињенија Державина* на пример, осим познатог руског класицисте помињу се и Хорације и Пиндар.

Сагласно класицистичкој поетици, која, како од аутора тако и од интерпретатора, тражи дијалог са традицијом и њеним обрасцима, можемо говорити о изразитој интертекстуалности у поезији Лукијана Мушицког. Иако првенствено усмерена према антици, она своју основу проналази и у делима европског класицизма, српској народној култури и хришћанству. Већина његових песама на почетку има мото, најчешће из Хорација, Цицерона, Вергилија, Овидија, Јувенала, Плаута, Сенеке, али и Шилера, Клопштока, Фоса, Аделунга, Виланда, Боалоа, Державина и Ломоносова. Народна култура је као интертекст најочигледнија у родољубивим одама (Дамјанов 2006: 210), које су често засноване на традицији усменог песništва и традицији уопште (косовски мит и одређене историјске реминисценције подједнако су у фолклорном и духу Рајићеве *Историје*). Утицај народне културе видљив је и у еклогама Лукијана Мушицког.

Интертекстуалне везе са хришћанском књижевношћу и духовношћу уопште спадају у најизазовније када је о Мушицком реч. Управо због превода *Псалама Давидових* у римском метру Мушицки је имао озбиљан сукоб са митрополитом Стратимировићем. Међутим, Дамјанов закључује да изразито религиозни тонови неких Лукијанових песама показују да је „хришћанска традиција нешто што

је ипак аутохтоно за нашег песника, док је антика – иако дубоко утемељена у текстури – ипак нешто рецепцијски примљено“ (2006: 212).

И епиграми Мушицког могу се посматрати са становишта аутопоетичности. Ако узмемо у обзир то да се у њима највише бавио лингвистичким, поетичким и књижевно-теоријским питањима, и погледамо њихове наслове (*Књижни Прометеј, К младим писатељима, Учена крађа, Учени крадљивац, Лакописци, К младом поети, Три најнужније ствари за сербско књижество, Право народољубиви(х) писатеља, К читатељу*) видећемо да су епиграми прави примери онога што данас зовемо „књижевност о књижевности“. Насупрот одама ови „несташни натписи“ („Идите кад сте навалили, несташни натписи моји, / Књижни у сербски свет“) истовремено и продубљују и релативизују становишта песникове поетике. У том смислу је нарочито занимљив епиграм *К младом поети*:

Шева синчићу свом говораше: „Јошт’ ми не лети!“
Млади, о певче, то прими за науку и ти.

Мотиву песничког узлета, у одама препознатом као „вкус бесмртија“, Мушицки у епиграму стилски јасно и сликовито супротставља моменат неопходне песничке зрелости.

Проблем рецепције поезије Лукијана Мушицког у литератури је различито тумачен, од читања у „једном, и то вуковском, романтичарском кључу“ (Палавестра 1989: 85) до уверења „да је класицистичко певање неспојиво с *доживљајем* или емоцијом“ (Стефановић 2010: 136). Као закључак намеће се мисао Исидоре Секулић да је Мушицки „када год је писао субјективно, имао укуса и мере; када год је писао чисто народним језиком, ритам му је осигуравао једну дозу поезије“ (1964: 43).

Ако бисмо покушали да путем аутопоетичких исказа, којима смо се у раду бавили, представимо поезију Лукијана Мушицког, несумњиво бисмо издвојили следеће: „Стара без основа зла је новост“, „Води в согласје ум и срце. / Дарове муза присвоји роду“ и „К двер’ма бесмртија спеши бодро“. Њима се на изванредан начин и оправдава песнички поступак Мушицког, а тек у њиховом сагласју лежи и „поетска плахост“ овог песника.

Литература

- Дамјанов, Сава (2006), *Песништво Лукијана Мушицког у (пост)модерној перспективи*. У: *Жанрови српске књижевности*, зборник бр. 3. Нови Сад, Орфеус.
- Деретић, Јован (2004), *Историја српске књижевности*. Београд, Просвета.
- Живковић, Драгиша (1994), *Европски оквири српске књижевности I*. Београд, Просвета.
- Иванић, Душан (2011), *Ка генези српске поезије*. Београд, Лицеј.
- Коларић, Миодраг (1965), *Класицизам код Срба 1790–1848*. Београд, Просвета.
- Мушицки, Лукијан (2010), *Моје струне (одабрани стихови)*, изабрала и приредила М. Д. Стефановић. Београд, Службени гласник.
- Павић, Милорад (1991), *Историја српске књижевности. Класицизам*, Београд, Научна књига.
- Палавестра, Предраг (1989), *Лукијан Мушицки у историји српске књижевности*. У: *Манастир Шишатовца*, зборник радова. Београд, Српска академија наука и уметности.
- Перишић, Игор (2005) *Прилог за дефиницију термина аутопоетика*. У: *Књижевна историја*. 37, бр. 127, стр. 615-626.
- Секулић, Исидора (1964), *Одабрани стихови Лукијана Мушицког*. У: *Из домаћих књижевности II*. Нови Сад, Матица српска.
- Стефановић, Мирјана (2005), *Песничке посланице Лукијана Мушицког*. У: *Мушицки, Лукијан, Песме*. Београд, Српска књижевна задруга.
- Фридрих, Хуго (2003), *Структура модерне лирике*. Нови Сад, Светови
- Ђоровић, Владимир (1999), *Мушицки: студија из српске књижевности*. Нови Сад, Матица српска